

Эвелина Пиженко

**Когда осенние
печали**

Часть третья

Осень 2014 года. Канун 30-летнего юбилея совместной жизни Анны и Александра знаменуется странным вызовом Морозова к следователю по уже забытому им прошлогоднему делу — год назад Леонид Лапин пытался свести счёты с жизнью. Встреча со следователем по имени Михаил Мясников оставляет в душе Саши хорошее впечатление — умный, интересный молодой человек. Однако Анна не разделяет с супругом его мнения. Напротив, она уверена, что истинная причина интереса Михаила к их семье вовсе не кроется в проводимом им расследовании... Его отчество и фамилия наводят её на неожиданную догадку... Что ожидает её и Александра в скором будущем? Чем обернутся ошибки прошлого и откровенное предательство?.. Об этом и о многом другом в третьей, заключительной части романа.

---

3 ЧАСТЬ.

Глава 1.

Звонок городского телефона, прозвучавший в воскресное утро, гармонично вписался в общий звуковой фон, наполняющий квартиру: с кухни бодро доносился стук молоточка для мяса, а из детской слышались негромкие, но довольно уверенные аккорды несложной музыкальной пьесы.

— Аня! — мужской голос раздался из гостиной вслед за телефонной трелью. — Аня, это тебя!..

Услышав своё имя, маленькая двухлетняя девочка, игравшая на ковре в детской, сначала подняла белокурую, с двумя пушистыми хвостиками по бокам, головку и посмотрела в сторону двери. Затем неторопливо встала на ножки и послушно направилась к выходу.

— Ну, куда ты пошла?! — мальчик пяти лет, с такими же белокурыми, стильно подстриженными волосами, оторвался от клавиш синтезатора, на котором играл и довольно строго окликнул сестрёнку, — Анюта?! Дедушка не тебя зовёт!

Уже взявшись ручкой за дверь, девочка обернулась и подняла на брата огромные глазищи удивительно глубокого синего цвета — точно такие же, как и у него самого.

— Дедуське...

— Он не тебя зовёт!.. — мальчик слез со стула и, торопливо подойдя к сестре, взял её за руку и потянул назад, к месту игры. — Он бабушку зовёт... ты что, забыла?.. Если дедушка говорит «Аня», это значит, что он зовёт бабушку. А если «Анюта» — тогда тебя. Садись назад и слушай, как я играю!

Видимо, девочке уже надоело сидеть в детской, потому, упрямо нахмутив тёмные бровки, она не сдвинулась с места.

— М-м-м... — вдобавок к бровкам маленькая Анюта капризно надула розовые губки. — Хоцю бабуське...

— Бабушке сейчас некогда, — брат не менее упрямо пытался вернуть сестрёнку назад. — Пойдём.

— Дедуське... — Анечка не собиралась сдаваться и сделала ещё одну попытку поступить по-своему — она опустила на корточки, всем своим видом показывая, что не собирается подчиняться воле «строного» старшего брата.

— И дедушке некогда, — подхватив под мышки, мальчик оттащил её от двери и насильно усадил на ковёр.

Обиженная Анюта уже сморщила своё хорошенькое личико, чтобы расплакаться, но её неожиданно отвлекла сама бабушка: одной рукой прижав к уху телефонную трубку, а в другой держа ручку и листок бумаги, она заглянула в комнату.

— Валера, — женщина бросила быстрый взгляд на внука. — Ты не видел мои очки?

— Нет... — Валерка замотал головой.

— Мися видей... — невинно глядя на бабушку, маленькая Анечка ручкой показала на сидевшего в углу огромного белого медведя.

— Ох... уж этот... Мися... — торопливо снимая с медвежьей меховой морды свои очки, Анна укоризненно прицокнула языком, но, взглянув не девочку, невольно улыбнулась. Надев очки, она присела тут же на диван и положила листок на подлокотник. Продолжая начатый телефонный разговор, вновь обратилась к собеседнику. — Простите... да, я готова, диктуйте...

Записав надиктованный текст, женщина закончила разговор и, нажав на отбой, ещё раз прочитала написанное. По её лицу можно было догадаться, что полученное известие относится к разряду очень приятных и даже волнительных.

Пряча довольную улыбку, Анна поднялась и вышла в гостиную.

— Саш, представляешь... — теперь она присела напротив супруга, который, перевернув журнальный столик, прикручивал к нему новое колёсико. — Это звонили с телевидения... Представляешь?!

— С телевидения? — Александр на несколько секунд оторвался от своего дела. — А что им нужно?

— Они сказали, что будут брать у меня интервью... и чтобы я была готова ответить вот на эти вопросы...

...Вот уже год, как Анна Сергеевна Морозова занимала должность директора гуманитарного лицея, и именно в этой должности ей предстояло встретить очень знаменательное событие: на городском конкурсе общеобразовательных учреждений вверенный ей лицей был признан лучшим по всем показателям. Обычное для начала октября торжество по случаю дня учителя по счастливой случайности совпадало с торжеством по случаю празднования победы лицея и награждения её самой почётной грамотой от министерства образования. Ожидались представители всех местных СМИ и, как следствие — небольшой сюжет о ней, Анне Сергеевне Морозовой.

...Анна, уже Бог знает в который раз, перечитывала незатейливые вопросы, которые предположительно должна была услышать через несколько дней перед объективом телекамеры. Казалось бы, чего проще — немного рассказать о себе: о том, где училась, как начинала учительскую карьеру, когда пришла работать именно в этот лицей...

На первый взгляд — удачный и своевременный повод вспомнить давно подзабытые моменты своей биографии... Однако, чем больше Анна листала книгу собственной памяти, тем меньше хотелось открывать некоторые её страницы.

...Конечно, можно не говорить, почему она в своё время бросила престижный вуз и перешла учиться в обыкновенный педагогический институт... И о том, что благодаря личным обстоятельствам она изменила отношение к жизни настолько, что сумела стать жёстче и расчётливее — тоже придётся умолчать... Как и о том, что лишь благодаря этим качествам ей удалось утвердиться в этой совершенно новой и непривычной для неё жизни.

...Впрочем, никому не должно быть интересно, как складывалась её судьба. Главное — результат. Она, Анна Сергеевна Морозова, многого достигла на сегодняшний день... и вот

эти две пары синих-пресиних глазёнок, которые только что смотрели на неё так трогательно... вот это, пожалуй, самое главное, ради чего стоило жить — вообще...

Эти почти шестнадцать лет, которые она отдала своему лицу, были полны событий, связанных не только с работой. Начало её трудового стажа в этом, ставшем родным, коллективе совпало и с началом новой жизни — в этом городе. Тогда, почти шестнадцать лет назад, они с Александром совершенно неожиданно решились на переезд...

...Анна вспомнила, как первые годы они ютились втроём в однокомнатной квартире... У них всегда было полно гостей — и их с Сашей, а потом и Димкиных. Гости были неизменными — супруги Лапины с дочерью Кристиной и друзья сына — его музыкальные единомышленники. Пожалуй, если бы не последние, Морозовы ещё долго бы теснились в одной комнате, но шумная компания юных музыкантов, в конце концов, навела на мысль о том, что Морозовым срочно нужна дополнительная жилплощадь.

Бизнесмен из Саши получился довольно средний, он не хватал звёзд с неба, и ему ещё долго пришлось бы зарабатывать на новую квартиру, если бы не мать Анны. Елена Ивановна сама предложила помощь — продав своё жильё, она помогла семье дочери поменять ставшую уж очень тесной «однушку» на просторную «трёшку», и вскоре сама переехала к ним на постоянное жительство.

...На память Анне пришло, как она радовалась новой просторной кухне, собственной уютной спальне, тому, что её уже пожилая мама, наконец, оказалась рядом... а так же тому, что свои музыкальные занятия Дима теперь проводил в отдельной — своей — комнате, за закрытой дверью... Развивая талант сына, Анна с Александром даже представить не могли, куда заведёт Димку его творческий потенциал. Парень не только хорошо играл на фортепьяно и сочинял собственные мелодии, он оказался замечательным организатором и уже вскоре сплотил вокруг себя несколько таких же талантливых ребят, которые с удовольствием собирались в маленькой квартире Морозовых, превращая её в шумную студию.

Новому жилью радовались все — и сами Морозовы, и Мила Лапина, и даже Кристина — она, наконец, получила возможность общаться с Димкой без посторонних глаз, когда он был свободен от своей группы... Не радовался только Леонид. Вернее, он по-прежнему сыпал поздравлениями и одобряюще показывал большой палец, когда речь заходила о новой квартире его школьного товарища. Но Анна часто замечала, как в его глазах загорается огонёк ревности. Несмотря на их расставание, она не могла не признаться самой себе, что ей эта ревность очень даже приятна...

...Однажды она едва снова не ответила на его призыв... Она уже была готова одеться и бежать на свидание... на «последнее» свидание — так она оправдывала свой внезапный порыв... Но её остановила Елена Ивановна.

— Аня, не смей!.. — в глазах матери было такое отчаяние, что Анна не смогла сдвинуться с места. Она не стала переспрашивать, что та имела в виду... Но из дома в этот вечер не вышла. Потом она часто вспоминала эту сцену, всё больше и больше убеждаясь в том, что, в отличие от других членов семьи, мать сразу уловила едва заметную чужому глазу ниточку, связывающую её дочь и постороннего мужчину... Ниточка была уже крайне истончившейся, она была готова вот-вот разорваться... её невозможно было углядеть невооружённым глазом...

Но чуткое материнское сердце распознало её с первого взгляда.

«Аня, не смей!» — и она не посмела... Позже Анна не раз сожалела о том, что не

забрала мать раньше... В этом случае её связи с Лапиным могло не быть вообще.

Впрочем, теперь поздно сожалеть. К счастью, их быстротечный роман с Леонидом остался незамеченным, во всяком случае, так казалось тогда самой Анне. Со временем она окончательно успокоилась — от влюблённости не осталось и следа, и только иногда, просыпаясь по ночам, она испуганно прислушивалась к ровному дыханию супруга, в страхе, что он мог слышать её сонное бормотание, в котором явно прослушивалось чужое мужское имя.

Позже и эти сны сошли на нет. Недолгое любовное увлечение навсегда осело в её душе невероятно тяжёлой ношей...

...Жизнь текла своим чередом. Александр трудился на благо семьи, с Аней был по-прежнему ласков и заботлив — в те редкие теперь, недолгие часы, когда он бывал дома. Его бизнес отнимал очень много времени, и Саша постоянно пропадал на своих «объектах». Дима постигал всё новые и новые вершины в музыкальном и вокальном творчестве, заодно невольно покоряя девичьи сердца — парень получился видным, и уже к шестнадцати годам имел собственную армию школьных поклонниц: после становления голоса у него оказался очень красивый, сильный тенор.

Впрочем, характером Димка вышел в отца — на девчонок не кидался, а, погружённый в музыкальные идеи, уверенно шёл в ногу со своим талантом... Девочка по имени Марина появилась у него уже в десятом классе — к великому неудовольствию Кристины, которая открыто и многословно переживала это его первое «серьёзное» увлечение.

Переживание успеха не имело — несмотря на многолетнее знакомство, интереса к Кристине как к девушке Дима не проявлял... Во всяком случае, со стороны это было незаметно.

С Мариной он встречался несколько лет. Кристина же, благодаря дружбе Лапиных с Морозовыми, всегда была где-то рядом, неподалёку, ненавязчиво напоминая о собственной персоне новыми текстами на Димкину музыку, а так же попытками продвижения его музыкального коллектива с помощью отца — Лапин часто приглашал Диму и его ребят выступить в своих ночных клубах, которых у него к тому времени было уже несколько...

Не в пример Маринке, которая открыто не разделяла со своим парнем его музыкальных пристрастий, Кристина «заботливо» принимала участие в Димкиной творческой судьбе, и как-то незаметно взяла на себя обязанности продюсера его рок-группы «Ночной патруль». Анна удивительным образом была равнодушна к этой яркой, красивой и очень строптивой девушке. Полюбив Кристину ещё в пору её детства, она так и не смогла изменить этой любви...

...Она была приятно удивлена, когда однажды застала своего сына, целующимся с Кристиной... Она даже не стала спрашивать — а как же Марина?.. Маринка исчезла как-то незаметно, без следа, как и положено первой школьной любви... А Кристина теперь прочно заняла место рядом с Димой. Анна была довольна, Александр добродушно посмеивался, Елена Ивановна только недоверчиво покачивала головой.

«Аня, ну, не пара они... Неужели ты не видишь?.. — мать иногда заводила с Анной ворчливый разговор. — Девочка, конечно, красивая... шустрая... Но не искренняя. Аня, ты же — педагог!»

«Мам, я не хочу лезть в Димины дела, — в душе понимая, что Елена Ивановна во многом права, Анна, тем не менее, гнула свою линию. — Влезешь, потом будешь виновата... А Кристина — она неплохая... Она горы готова свернуть ради него. Ему как раз такая и

нужна, ты посмотри, он совершенно не умеет пробиваться, весь в Сашу!»

«Наглеть он не умеет! — Елена Ивановна поджимала губы. — А наглость и талант — вещи несовместимые. Дима и сам себе дорогу пробьёт, она же его не подстёгивает, она его — дёргает! Аня, ну, ты же не слепая!»

...Слепой Анна не была. Но и поделаться с собой не могла ничего — за эти годы Кристина стала для неё родной. Ведь сама девушка была крайне расположена к Анне Сергеевне — она всегда шла к ней «за советом», хотя по складу характера в чужих советах вовсе не нуждалась. После того, как Кристина начала подключать к Диминой раскрутке своего отца, Аня и вовсе растаяла...

Сам Дима после окончания лицея поступил в университет культуры, и уже к третьему курсу был довольно популярным в своём городе исполнителем. Неожиданная, не вписывающаяся ни в какие схемы, измена Кристины стала для Анны настоящей трагедией... Она совершенно не ожидала, что девушка, так рьяно добивавшаяся её сына, вдруг в одночасье предпочтёт ему другого мужчину. Анна даже думала, что для неё этот удар оказался более сокрушительным, чем для самого Димки...

К сожалению, удар этот был не единственным: начался новый кризис, и дела на фирме у Александра резко пошли вниз... Вскоре семью постигло и настоящее горе: внезапно заболела и скончалась Елена Ивановна — Аня долго и безутешно оплакивала свою мать. Ей даже не с кем было разделить свои слёзы: Саша был очень занят, а с Лапиными после того, как Кристина бросила Диму, они отделились — одним было неловко, а другим обидно.

Это был очень тяжёлый для Анны период. Она даже пропустила момент, когда у Димки появилась новая девушка... О Наташе Анна Сергеевна узнала внезапно, когда сын привёл ту домой — знакомиться...

...Говорят, нет худа без добра... Теперь она старалась не вспоминать о том, как противилась женитьбе своего сына на девушке, едва перешедшей на второй курс университета. Как радовалась их неожиданному разрыву... и как спустя восемь месяцев не хотела поверить, что беременная Наташа носит под сердцем её родного внука...

Что послужило причиной неверию — их такой долгий разрыв? Или собственная память, то и дело возвращающая в далёкий ноябрьский вечер — за три дня до их с Александром свадьбы... Вечер и ночь, проведённые с совершенно другим мужчиной, оставшиеся в её жизни тайной за семью печатями... а ещё долгими годами терзавших душу сомнений — кто же из них настоящий отец её ребёнка: Александр или Виталий?..

...Да, пожалуй, у неё были личные причины не верить будущей невестке... Но только ли они?..

Наташа — так самоотверженно и верно любящая Димку, не променявшая его ни на кого другого — эта робкая девочка почему-то вызывала только раздражение. Она, так не похожая на своенравную, избалованную Кристину, долго не находила в сердце Анны Сергеевны даже малой толики тепла и снисхождения...

Думая о Наташе, Анна иногда ловила себя на мысли, что чувствует себя рядом с ней неуютно, как будто проигрывая в жизненно важном конкурсе на звание «Мисс Верность».

...Кому из них пришлось тяжелее — Наташе или самой Анне?.. Если одной приходилось ежедневно, ежеминутно завоёвывать сердце свекрови терпением и послушанием, то другой это «завоевание» стоило отнюдь не меньших усилий... Ведь бороться приходилось не с кем-нибудь, а с собой...

Победа это была или поражение — Анна до сих пор не знала, но постепенно, как каплю

за каплей, принимала нежеланную невестку в своём сердце... Пожалуй, она окончательно смирилась с выбором сына уже в тот день, когда впервые увидела своего первого внука. Новорождённый Валерик был похож на Диму как две капли воды, и единственное, что отличало его от отца — абсолютно белые волосы... такие же, как у Наташи... Родившаяся три года спустя внучка тоже оказалась белоголовой и синеглазой, только вот лицом вышла в маму... Её имя окончательно растрогало сердце Анны Сергеевны...

Назвать дочку в честь матери мужа решила сама Наташа...

— Димка звонит! — взглянув на дисплей телефона, супруг нарушил нахлынувшие воспоминания. — Алло!.. Привет, сын!..

...Разговор Александра заглушил топот двух пар детских ног — услышав имя отца, Валерка и Анечка в один момент выскочили из детской и уже через секунду две радостные мордашки с двух сторон замороженно смотрели на заветный телефон, из которого наперебой, по громкой связи, раздавались голоса их родителей.

— Мама, когда ты приедешь?.. — дождавшись своей очереди, Анечка всем тельцем потянулась к мобильнику — тот был уже в руках у Анны.

— Скоро, моя родная... — ласковый голос Наташи ручейком лился из динамика. — Две ночи поспишь, и мы с папой приедем! Ты Валеру слушаешься?

— Слушается!.. — отвечая за сестру, Валерка бросил на ту деланно-строгий взгляд. — Мама, она слушается...

— Да!.. — маленькая Анечка охотно кивнула, подтверждая слова брата. — Сусаюсь!..

Дмитрий и Наталья вот уже вторую неделю находились на гастролях в Германии вместе с их коллективом, и на днях должны были вернуться домой. У детей была няня, которая отводила их в детский сад и забирала в будние дни, но сегодня, по случаю воскресенья, Валерка с Анютой были полностью на попечении бабушки и дедушки.

...Накормив ужином супруга и внучат, Анна отправила всех троих смотреть мультфильмы, а сама задержалась на кухне. Радостное волнение от предстоящих событий сменилось неожиданной грустью.

Через полгода ей исполнится пятьдесят лет... Уже — пятьдесят лет... Да, она всё ещё привлекательна, и совершенно не выглядит на свои годы... Однако, себя не обманешь. Очки вон понадобились...

Анна много раз пробовала проговаривать это число вслух, как бы пробуя на вкус... Откровенной горечи она не ощущала, но и приятным чувство нельзя было назвать. Когда-то она точно так же пробовала проговаривать и тридцать... и сорок... Обыкновенные слова, привычные языку и слуху... Но в отношении собственного возраста они приобретали совершенно другие — нежеланные — качества... Сердце замирало в предчувствии чего-то непоправимого, после чего жизнь должна была чуть ли не закончиться... Но — удивительное дело — проходили какие-то пара-тройка лет, и словосочетания «тридцать три» или «сорок пять» уже не воспринимались как что-то ужасное...

И лишь на пороге нового десятилетия сердце снова привычно начинало сжиматься — от предчувствия неизбежного...

...Нет, об этом пока лучше не думать. Ей пока ещё — сорок девять...

У неё ответственная, но очень любимая работа — коллеги по педагогическому цеху, ученики... Каждый год она встречается со своими выпускниками, слышит от них слова благодарности и искреннего признания. У неё замечательная семья — любящий, заботливый муж... любимый, талантливый сын — известный музыкант и певец, не менее талантливая

невестка — она тоже певица, и выступает вместе с Димой... и, конечно, внуки — пятилетний Валерик и двухлетняя Анечка... Они живут в соседних квартирах, но, в то же самое время, одним дружным, шумным и весёлым домом...

...Наверное, это — общая заслуга всех членов их семьи. Это и есть — настоящее счастье... Жаль, что об этом не будет ни одного вопроса. Пожалуй, Анна ответила бы на них с наибольшим удовольствием...

***

— Аня, поздравляю! — звонок Милы Лапиной, раздавшийся на следующий день после телепередачи, оказался для Анны полной неожиданностью. — Увидела тебя по телевизору, и так приятно стало!.. Да ещё по самому крутому каналу показали!..

Немного поговорив со старой приятельницей, с которой не виделась уже больше двух лет, Анна ощутила забытое уже было смущение. Её удивил не сам звонок, а тон, которым говорила с ней Людмила — абсолютно искренний, радостный, как будто между ними и не было того давнего откровенного разговора...

...Несколько лет назад, сидя в уютном кафе, Мила как бы между прочим рассказала Анне, что знает о её прошлой связи со своим мужем... Состояние Анны на тот момент можно было сравнить с шоковым. Не зная, что ответить, она только повторяла имя Людмилы, но та не дала сказать ей ни слова. Мила не скандалила... и от этого было только хуже.

Повод для такого разговора был довольно косвенным... и Анна подумала, что Милка уже давно хотела облегчить свою душу... Вот и высказала то, что уже много лет камнем тянуло вниз женское самолюбие. Сказала довольно миролюбиво... без претензий... Но сама Аня после того разговора долго не могла прийти в себя.

Причину Милкиного спокойствия она поняла чуть позже — когда в очередной раз встретила с той в детской поликлинике. У Милы Лапиной, верной, аккуратной жены и матери, оказывается, случился бурный роман с новым доктором! Роман был настолько серьёзным, что Мила бросила Леонида и ушла к новому мужу...

Это стало потрясением не только для самого Лапина, но и для Анны. Отношения их семей к тому времени окончательно разладились, но, утопивший своё горе в бутылке Леонид вдруг начал названивать Анне — «по старой памяти», так, что она уже была готова сменить номер телефона.

Впрочем, это продолжалось недолго, видимо, жёсткий характер сделал своё дело — попьанствовав вволю, Лапин всё же взял себя в руки... взял до такой степени, что уже через год женился на танцовщице из своего клуба. Видимо, пытаясь доказать бывшей супруге, что у него всё «супер», он задаривал новую, молодую жену дорогими подарками, а, когда она призналась, что скоро сама подарит ему наследника, вдруг, с широкой души, переписал на неё часть своего бизнеса. Это было очень не похоже на Лапина... так же не похоже, как и его попытка самоубийства — после того, как вдруг разбогатевшая девица подала на развод и сбежала от него в Москву...

Пуля, пущенная Леонидом, прошла мимо сердца, но задела лёгкое. Лапин на всю жизнь остался инвалидом... Это было год назад, и Александр иногда звонил своему школьному товарищу, чтобы справиться о здоровье. Тот был неизменно подавлен, и Саша часто говорил Анне, что Леонид что-то недоговаривает...

«Что-то нечисто, Аня, с этим суицидом... — Морозов скептически крутил головой. — Не верю я, что Лёнька хотел застрелиться... Темнит он что-то... А вот что — не говорит...»

«Так ведь следствие подтвердило...» — Анна неизменно пожимала плечами.

«Да что там то следствие... — Саша отчаянно махал рукой. — Может, припугнули... А, может, сам не хочет говорить...»

...Сегодняшний звонок Людмилы был не только ради поздравления. Сказав все полагающиеся в таком случае слова, она неожиданно перевела разговор на другую тему.

— Аня... — приглушив голос, Лапина чуть помедлила, потом продолжила разговор. — У меня к тебе ещё есть новости... Только ты сразу не пугайся. Может, ничего серьёзного... Но я решила тебе всё рассказать.

— Что-то случилось?.. — от волнения у Анны перехватило дыхание. — Мил, говори всё, как есть...

— В общем... Меня вызывал следователь.

— Тебя?! Зачем?..

— По Лёнинскому делу... Ну, попытка самоубийства...

— При чём здесь ты?.. — Анна непонимающе нахмурилась. — Тем более, что всё давно закрыто... это же суицид...

— Я не знаю, но почему-то снова вспомнили... Но дело не в том. Следователь почему-то очень интересовался Сашей.

— Сашей?!

— Да... расспрашивал о нём, что да как...

— Странно... почему — Сашей... И почему — у тебя?.. Почему не у Лёни?..

— Не знаю, Аня... — при упоминании Анной её бывшего мужа Мила устал вздохнула. — Они же ничего не объясняют. Но расспрашивал много... Так что примите это к сведению.

— Спасибо... — несмотря на растерянность от полученной новости, Анна в который раз в жизни изумилась Милкиному благородству — ведь знает, что бывший муж изменял ей именно с ней, с Анной... А вот — предупредила...

— Да не за что... Кстати... — Лапина как будто вспомнила ещё о чём-то. — Он ведь не только о Саше спрашивал...

— А... о ком ещё?..

— Ещё — о тебе...

Глава 2.

Уже поворачивая ключ в замке, Михаил понял, что в квартире никого нет. Об этом красноречиво говорила тишина по ту сторону двери — обычно, услышав его шаги, Берта уже стояла у порога, нетерпеливо дожидаясь момента, когда можно будет ткнуться чёрным собачьим носом в руку хозяина. Пока Михаил доставал ключи, она всегда тихонько поскуливала изнутри и скребла лапой.

Но сегодня его встретил явно пустой дом.

— Берта!.. — на всякий случай Михаил позвал собаку, как только закрыл за собой дверь. — Берта!..

Раздевшись, мужчина прошёл на кухню, включил свет и привычно бросил взгляд на обеденный стол — обычной в таких случаях записки не было, и он тут же достал телефон.

— Да... — знакомый женский голос на том конце был сонным. — Привет...

— Привет, — усевшись на табурет, он облокотился на столешницу, как будто приготовился к длинному разговору. — Ты где?

— Дома. Сплю...

— Понятно... — Михаил устало помассировал глаза одной рукой. — А Берта? У тебя?

— Ну, конечно, у меня... — женщина слегка покряхтела, как будто поднимаясь с кровати. — Ты знаешь, сколько времени?

— Знаю... — усмехнулся Михаил. — Два сорок четыре... Ты чего сбежала?

— Да не сбежала я... — шум воды подсказывал, что на том конце открыли кран. — Миш, давай, я тебе утром всё расскажу?..

— А давай я к тебе сейчас приеду...

— Мясников... — женщина устало вздохнула. — Иди уже спать... и нам не мешай, ладно?..

Пожав плечами, он послушно отключил телефон и какое-то время сидел с закрытыми глазами. Затем встал и, подойдя к плите, приподнял крышку с красной, в белый горошек, кастрюли. Ароматный запах свежего борща ударил в нос, и чувство голода, забытое им в последние несколько часов, обрушилось на организм со скоростью природной стихии.

...Злата всегда варила ему борщ, когда он позже неё возвращался с работы. Даже если не оставалась ночевать, она никогда не уходила, не приготовив ему ужин... И кастрюли эти — яркие, «вызывающие аппетит», покупала тоже она... Сам бы он никогда такие не выбрал. А Злата — выбрала... с чисто женским, «супружеским» намёком на семейный интерьер.

Представив, как она сегодня вечером возилась на его кухне, Михаил невольно улыбнулся. Они были слишком давно и близко знакомы, чтобы считать эту кухню их общей. Их отношения уже давно преодолели «дружеский» рубеж... и по всем признакам должны были трансформироваться в семейные — окончательно и бесповоротно.

Но шли недели, месяцы, годы, а этого не происходило. Сначала — из-за незаживающей раны, расползшейся по всему его существу... Потом... Впрочем, это самое «потом» не наступило до сих пор... Та давнишняя рана так и не зажила, лишь затянулась тонкой кожей... Боль притупилась, стала привычной, неотъемлемой частью его жизни...

...С тех пор прошло уже семь лет, а он никак не мог забыть ту свою первую и, как оказалось, единственную любовь...

...Они учились на одном курсе — Миша и Злата. Между ними как-то сразу завязались дружеские отношения, и поначалу Мише даже казалось, что Злата для него не только знакомая девушка, а нечто большее... Так было ровно до того дня, пока в его жизни не появилась она — Дашенька.

Даша была младшей сестрой Златы, и, увидев её однажды, Мишка Мясников влюбился раз и навсегда. Дашуня, Дашутка... Невысокая, светловолосая... похожая на кудрявое солнышко... Младший, долгожданный ребёнок, любимица всей семьи, чуть-чуть капризная, чуть-чуть своенравная... но такая родная и милая. Узнав об их чувствах, Злата как-то незаметно отошла в сторону... Она слишком любила свою сестрёнку, чтобы встать у неё на пути.

Они встречались несколько лет — все годы его учёбы, прежде чем Миша решил предложить ей руку и сердце... Потом он будет корить себя, что не сделал этого раньше... Ему будет казаться, что статус жены не позволил бы Даше поступить так опрометчиво...

Но на тот момент он, действительно, не мог обречь любимую девушку на скромную судьбу жены курсанта школы милиции, а потом — и академии... Учиться в академии ему помогали бабушка и дядя — брат матери Олег Дзюба. Отец, Виталий Мясников, несколько раз переводил деньги сыну, но сам Миша почему-то не хотел их брать. С Виталием у него остались довольно прохладные отношения, если можно было назвать отношениями

телефонные разговоры раз в несколько месяцев с неизменным приглашением в гости — отец давно уже жил в Москве. В гостях у него Михаил так ни разу и не побывал, и, судя по долгому молчанию, старший Мясников не очень переживал по этому поводу.

Учёба, курсантская жизнь... мать, которая так и не смогла найти своё место в трезвом мире, и за которую Миша очень переживал — все эти факторы играли против их с Дашей женитьбы, или хотя бы совместной жизни в пору его студенчества. Дашиным родителям Миша нравился, и они были не против помочь молодым супругам на первых порах. Но сам Михаил искренне считал, что не имеет права перекладывать собственные проблемы на чужие плечи, к тому же, его мать, Александра Семёновна, время от времени погружалась в алкогольный транс, выводить из которого её приходилось с помощью капельниц и психотерапевтов. Бабушка Вероника очень переживала, что такое поведение матери будет препятствием для Мишиной карьеры, и была во многом права. С помощью Олега Александровича неоднократно кодировали от алкогольной зависимости, но кодировки хватало буквально на год, и всё начиналось сначала. Бросить мать в таком состоянии Миша не мог, привести к ней молодую невестку — тоже. Поэтому свадьбу с Дашей они решили отложить до лучших времён — когда он окончит учёбу и устроится на работу. Глядя в ясные глаза своей любимой девушки, Михаил не сомневался, что Дашунька обязательно дождётся... Ведь они так любят друг друга...

После окончания учёбы Миша сразу устроился на должность следователя — от деда Семёна Ильича ему достался аналитический склад ума, способность быстро и чётко принимать решения, а так же твёрдость характера. Внешне спокойный и уравновешенный, Миша Мясников никогда не пасовал перед трудностями и проявлял завидное хладнокровие в непростых ситуациях. Новая работа отнимала массу времени, но Миша чувствовал — это его стезя. Даша была очень недовольна, ей не нравился ненормированный график его работы и сопряжённая с ней опасность, но Миша был уверен, что любящая девушка сможет стать такой же любящей и терпеливой женой...

Он даже не заметил, когда в их отношениях случился перелом. Да и был ли он — вообще?

До их свадьбы оставалось всего три недели, когда его любимая Дашенька попросту сбежала с бывшим одноклассником, влюблённым в неё давно и бесповоротно. Написав записку, она забрала свои вещи, по пути попрощалась с родителями и села с новым женихом в самолёт.

Уже потом, спустя время, Злата рассказала Михаилу, что перед тем, как сбежать, Даша сделала аборт. Он даже не знал, что она ждала от него ребёнка — то ли она не успела ему сказать, то ли не захотела...

...Он даже не мог себе представить, что горе может быть таким огромным. Оно обволокло его, словно кокон, и не было никого на свете, кто мог бы этот кокон размотать... Потянуть за ниточку и — размотать...

Спасала работа — она занимала практически всё его время, заполняла мозг, так, что даже дома он постоянно думал о делах, которые вёл. Злата была всё время рядом — они работали в одном отделе. Казалось, что Дашино предательство сделал их ближе — Миша иногда приезжал домой к родителям своей бывшей невесты, которые, несмотря ни на что, были ему очень рады. Его визиты, на первый взгляд, носили деловой характер — поговорить со Златой, посоветоваться, что-то обсудить... Но, на самом деле, Михаилу хотелось хоть на какое-то время ощутить себя рядом со своей Дашенькой... пусть даже так, просто находясь

среди вещей, которых ещё недавно касались её руки... Удивительно, но злости или ненависти к своей бывшей невесте он не испытывал. Он глубоко прятал свою тоску — сначала за общением со Златой... А потом и за её поцелуями.

...Сама Злата любила его уже давно. Пока он был с Дашей, она успела выйти замуж и развестись. Она тоже прятала свою тоску — за голубым, в весёлых искорках взглядом, за любимыми шуточками, за покорностью, с которой она принимала их с Мишей непонятные никому отношения... Несмотря на то, что теперь они были близки, Злата не могла не замечать, что сердце любимого мужчины не принадлежит ей полностью — одна его половинка так и осталась у Даши...

Со временем рана затянулась, но боль не утихла окончательно. Их связь уже давно перестала быть платонической. Внешне Злата очень напоминала свою сестру — светлой копной чуть волнистых волос, тёплой улыбкой, походкой... Она точно так же, как и Дашенька, смеялась — негромко, чуть приподнимая нежные плечи... Иногда ночью, обнимая Злату, Мишка едва успевал остановиться, прежде чем произнести другое — не её — имя.

Злата часто ночевала у Михаила, возилась с его овчаркой Бертой, которую он несколько лет назад спас от верной гибели — отслужив свой срок на страже закона, собака подлежала «списанию» по возрасту.

Случайно увидев знакомого кинолога, который вёл Берту на поводке по территории СИЗО, Миша весь вечер невольно вспоминал тоскливые собачьи глаза... На следующий день он снова приехал туда — но уже не по служебной надобности.

Домой они возвращались вдвоём — Михаил и Берта...

Злату Берта полюбила сразу... Впрочем, она полюбила всех членов Мишиной семьи — и его мать Александру, которая в очередной раз жила у своего сожителя, но часто навещалась к сыну... и бабушку Веронику, которую Миша время от времени навещал в доме своего дяди — Олега Дзюбы. Она ластилась и к самому Олегу Семёновичу, и к его жене Татьяне, и к их младшему сыну, которому недавно исполнилось десять лет... Она с удовольствием оставалась в их огромном загородном доме, когда у Миши со Златой случались совместные ночные дежурства. Тогда он увозил Берту к бабушке, и это был лишний повод увидеться с ней самой...

...Узнав о предательстве Даши, Вероника Григорьевна оплакивала невесту внука самыми искренними слезами...

«Господи!.. — убивалась тогда пожилая женщина. — Господи, ну, покарай же ты меня... Внука-то — за что?!»

...Ему было невыносимо больно, но он, как мог, утешал свою любимую бабулю... Никто не виноват в том, что так случилось. Никто, кроме него самого... Он сам не смог удержать свою Дашеньку.

...Все эти годы Злата была рядом с ним — как будто заглаживая вину сестры. Они много времени отдавали своей работе, а вечера проводили вдвоём, в Мишиной квартире. У Златы было собственное жильё, и она была не против съехаться раз и навсегда, но Михаил хранил упорное молчание по этому поводу. В душе Злата оправдывала его, убеждая себя, что Миша — слишком ответственный человек, и не может бросить свою мать на произвол судьбы: Александра то жила со своим гражданским мужем — бывшим научным сотрудником, так же, как она, утопившим в алкоголе все свои проблемы, то шумно с ним расходилась на потеху соседям и знакомым. В такие периоды Александра Семёновна

неизменно возвращалась в их с Мишей квартиру, где начинала заново устанавливать свои порядки... Злата уходила к себе, звала с собой Михаила, но, переночевав у неё пару ночей, тот начинал переживать за мать — в одиночестве та снова прикладывалась к бутылке.

Злата не упрекала, молча отпускала его назад — до тех пор, пока Александра снова не мирилась со своим гражданским мужем и не возвращалась к нему на неопределённый срок...

Их отношения казались странными. Они не расставались, но их жизнь нельзя было назвать совместной. Они понимали друг друга с полуслова и почти никогда не ссорились, но была ли это любовь — никто из них не смог бы сказать наверняка.

***

...Налив себе в тарелку густой, ярко-красный, с золотистым отливом на поверхности борщ, Михаил открыл навесной шкафчик, где всегда хранился хлеб. Бросив взгляд на полку, удивлённо замер...

...Рядом с батоном, купленным Златой ещё вчера, лежала целая буханка «Бородинского» — верный признак того, что приезжала мать. Александра всегда приносила с собой именно этот хлеб, когда в очередной раз возвращалась домой. К пятидесяти годам она решила заняться своим внешним видом и перешла на овощное меню в сочетании с диетическими сортами хлеба — до очередного запойного периода.

Отсутствие в квартире самой Александры Семёновны Михаилу показалось странным. Если Злата решила уехать вместе с Бертой, значит, мать заявила с явным намерением остаться...

На часах было уже тринадцать ночей, но Михаил всё-таки решил позвонить матери на мобильный. По опыту работы ему приходилось сталкиваться с разными происшествиями, поэтому позднее время не являлось поводом ждать до утра.

— Алло... Миша?.. Алло... — судя по голосу, Александра была уже серьёзно навеселе, но спать вовсе не собиралась.

— Мама, ты где? — Михаил вздохнул с облегчением — хоть и пьяная, но живая. — Ты приезжала ко мне?

— Приезжала... мы с Вадиком поссорились... но потом помирились, и я вернулась... Миша, ты представляешь?! — мать говорила без остановки, заплетающимся языком, — Ты можешь себе представить?!

— Что я должен представить?.. — он уже в который раз за ночь устало потёр глаза. — Мама, ложись спать...

— Я лягу... — Александра на том конце довольно охотно согласилась. — Я лягу, сынок... сейчас мы с Вадиком кофе... выпьем... и ляжем...

— Зачем ты пила? Что опять случилось?..

— Миша, мы совсем чуть-чуть... Мне необходимо было выпить... А Вадик меня поддерживает... Мне сейчас очень трудно, Миша...

— Что случилось?

— Эту гадину... эту гадину!.. — мать неожиданно всхлипнула на том конце, — Показывали по телевизору!.. Миша!.. Эта гадина — дирек-тор!.. Ты только представь... Дирек-тор!..

— Какая гадина, мама?.. Какой директор?..

— Гадина!.. Которая разбила мою жизнь... твою жизнь... дедушкину... Ну, Господи!.. — Александра нетерпеливо прицокнула языком. — Анька!.. Анька Свиридова...

Ну, Морозова!.. Я включила у тебя телевизор, а там — она!.. Представляешь?! Она — директор лицея!..

— Ну, и что...

— Как это — ну и что?.. Она разбила нашу жизнь!.. Она даже твоему родному отцу разбила жизнь!.. Да-да, Миша... у тебя есть родной отец!..

— Я знаю, мама. В общем, так...

— Ты не знаешь!.. Ты ничего не знаешь!.. Вы все ничего не знаете!.. Вы все меня предали... Все!.. — видимо, во время разговора Александра ещё выпила, и теперь еле шевелила языком. — Меня все предали, Миша!.. И муж... и брат... и мать...

— Бабушку не трогай.

— А зачем они Таньку пр-стили?! Эту гадину-у-у-у... Все они — гадины... Один Вадик меня понимает... — судя по тому, что мать убавила тон, в это время она обращалась к своему сожителю. — Да, Вадик?.. Я ему п-звонила, он ск-зал — Аля, в-звр-щайся... я тебя всегда п-йму...

— Мама, ложись, пожалуйста, спать. Завтра я к тебе заеду.

— Ты её посадишь?.. Мишка... по-сади её... по-са-ди...

...Он так и не понял, о какой передаче говорила мать, но это сейчас было неважно. Удивительным образом, сама того не ведая, Александра попала «в яблочко». Только сегодня он вспоминал о своём родном отце, и воспоминаниям этим была причина.

О том, что на самом деле произошло между его матерью и неким Александром Морозовым, курсантом военного училища, тридцать два года назад, Михаил узнал от своей бабушки. Та долго скрывала подробности этой мимолётной связи, и все эти годы Мишка искренне считал, что Морозов просто бросил его мать. Но несколько лет назад, после того, как от него самого сбежала Даша, Вероника Григорьевна не выдержала...

«Господи... — пожилая женщина уже в который раз скорбно прикрыла глаза. — Неужели и это — расплата... Тебе-то за что?!»

«Может, за отца?» — Миша сказал это, лишь бы что-то ответить, он совершенно не ожидал, что при этих словах бабушка отчаянно встрепенётся.

«Да отец-то твой вообще ни в чём не виноват!»

«Как это? Он же маму бросил...»

«Не бросал он, Мишенька... — Вероника Григорьевна медленно покачала головой. — Он и знать о тебе не мог...»

В тот раз бабушка рассказала ему абсолютно всё — и о той роковой встрече его родителей, и о том, как Виталий Мясников устроил дебош в ресторане, и как его «спасла» Александра — ценой обмана, женитьбы и признания его, Миши, своим сыном.

«Почему ты мне раньше этого не рассказывала?» — потрясённый услышанным, Миша не сводил взгляда с жёлтой латунной пуговицы, которую Вероника достала в качестве доказательства.

«Как такое расскажешь, Мишенька?.. Натворили мы с твоей мамой дел... а теперь расхлёбываем... И тебя судьба не пощадила. Прости нас, Миша... Прости, если сможешь...»

...С тех пор Михаил время от времени вспоминал и думал о своём отце. Теперь он знал и его имя, и адрес, и даже номер домашнего телефона, но за все эти годы не сделал ни одной попытки познакомиться и рассказать, что он — его сын...

Зачем? У этого человека своя жизнь, он даже не подозревает о его, Мишкином, существовании. Они, по сути, чужие люди. У Александра своя семья... жена, сын... Уже

работая в следственном отделе, Михаил навёл справки обо всех Морозовых — просто так, из интереса. Оказалось, что Дмитрий — его родной брат по отцу — довольно известный музыкант, лидер популярной рок-группы... Эта новость удивила и... ещё больше отдалила его от этой семьи. Они — совершенно разные люди, без очевидных точек соприкосновения.

Он ничего не стал говорить ни бабушке, ни матери — одна бы лишняя раз расплакалась, а у другой появилась бы новая — «пьяная» тема о том, какая она несчастная, и что нужно бы всё же отомстить этой «Аньке Свиридовой», которая отняла родного отца у него, Миши.

Единственным человеком, с кем он мог поговорить об этом, была Злата.

«Хм... — разглядывая на мониторе компьютера фото высокого парня с длинными, до плеч, тёмно-русыми волосами, в чёрном кожаном костюме и с микрофонной стойкой в руках, девушка многозначительно усмехнулась уголком губ. — Какой мальчик... А я никогда не была на их концертах. Жа-а-аль... много упустила...»

«Этот мальчик младше меня всего на два года, — Михаил усмехнулся в ответ. — А концерт... Можно и сходить, почему — нет?»

«А он точно — твой брат? — явно решив подразнить, Злата слишком усердно листала размещённый в интернете фотоальбом группы Дмитрия Морозова. — Ты не ошибся? Он — такой красавчик, вы совсем не похожи...»

Они часто таким образом подтрунивали друг над другом, поэтому Миша вовсе не обиделся, а, в свою очередь, решил подыграть.

«Точно... — усердно кивнув, он, в свою очередь, увеличил изображение молодой женщины с распущенными белокурыми волосами. — А вот, смотри, какая девушка... Натуральная блондинка, а глаза — карие. И фигурка... И голос... просто обалденно поёт. Хочешь послушать?»

«А ты уже слушал?» — несмотря на его шуточный тон, Злата вдруг погрузилась.

«Я — да».

«Не хочу... — в голосе послышались непривычные нотки ревности. — Я тебе верю».

«Да ладно тебе... — ласково улыбнувшись, он обнял её за плечи, чуть прижал. — Это — его жена, Наталья. Они вместе работают».

«Миш... — Злата заговорила вдруг очень серьёзно. — Ты же понимаешь, что тебе пока нельзя открывать это родство. Ты не знаешь, кто их родственники, друзья... Может, у них половина родни судимых? Навредишь своей карьере...»

«И не собирался. Я даже знакомиться не собирался... Ты — единственная, кто знает. Ну, если не считать дядьки и бабули. Но дядька и сам всё понимает. А бабуля... бабуля — вообще свой человек».

«А мама?... — Злата осторожно подняла на него глаза. — Она никому не захочет излить душу?»

«Вряд ли... Во всяком случае, в управление она не пойдёт. Да и я не скажу».

Со времени того разговора прошло полтора года... Они со Златой больше не возвращались к этой теме, и сам Михаил всё реже старался вспоминать о человеке, который являлся его биологическим отцом, а так же о членах его семьи.

...Судьба распорядилась по-своему. Закрытое год назад дело об огнестрельном ранении некоего крупного предпринимателя Леонида Лапина вдруг снова оказалось востребованным. Заключение о том, что потерпевший стрелял в себя сам, подверглось серьёзным сомнениям — вопреки его собственному утверждению о попытке суицида. Сомнения и подозрения

возникли в результате похожего происшествия — на этот раз стрелялся известный в городе банкир. Оставленная им записка почти слово в слово повторяла предсмертную записку Лапина. Разница была лишь в том, что, в отличие от своего «предшественника», банкир скончался на месте. На подозрение, что оба случая — вовсе не попытки свести счёты с жизнью самих потерпевших, навели и другие детали, обнаруженные во время предварительного расследования, которое провёл дежуривший в тот день следователь Михаил Мясников, поэтому уже на следующий день дело Леонида Лапина было поднято им из архива — по собственной инициативе.

«Миш, пляши... — в один из дней Злата с заговорщическим видом вошла в кабинет. — Давай, давай... Можешь просто в ладошки похлопать...»

«Ты что-то нарыла?..» — он поднял на неё удивлённый взгляд.

«Угу... — лукаво улыбнувшись, она кивнула. — Нарыла...»

«Ну, давай, что там... — Михаил нетерпеливо протянул руку. — А я тебе дома вечером станцюю... Идёт?»

«Боюсь, что домой мы с тобой сегодня не скоро попадём, — она протянула ему листок бумаги. — Вот, ближайšie контакты Лапина на тот момент... друзья, деловые партнёры, конкуренты...»

«Ну, это в деле уже есть, — положив лист перед собой, Миша внимательно читал список фамилий и имён. — Или тут что-то новенькое появилось?.. Тайная любовница?.. Или ещё круче — любовник?..»

«Ты не согласишься, — кокетливо изогнувшись, девушка облокотилась на стол. — Но ты почти угадал!»

«Неужели любовник?!»

«Да нет... Такого нравственного шока я бы не допустила, — проведя пальцем по списку, Злата подняла на него лукавый взгляд. — Вот, друзья семьи, при чём, очень близкие, чуть ли не родственники... Но в том, старом списке они почему-то не значились. Но даже не это самое главное».

«А что — самое главное?» — следя за её пальцем, он никак не мог уловить, кого она имела в виду — шрифт был слишком мелким.

«То, что их зовут Морозова Анна Сергеевна... — Злата выдержала многозначительную паузу. — И Морозов Александр Иванович, школьный товарищ нашего потерпевшего... Дату и место рождения говорить?..»

«Не надо...»

Из дальнейшего разговора выяснилось, что потерпевший Лапин и Александр Морозов — бывшие одноклассники, близкие друзья, чуть было не ставшие родственниками — несколько лет назад их дети чуть не поженились...

«Представляешь, именно с детей клубочек и потянулся, — Злата, довольная результатом, вечером охотно делилась с Михаилом своим собственным расследованием. — Я решила самолично навести справки о дочери Лапина, залезла в интернет... А там — старое фото... Стоит эта самая Кристина, а рядом — твой красавчик братец... Ну, а дальше — дело техники...»

...Беседа с Лапиным результатов не принесла — тот делал удивлённое лицо и твердил, что стрелялся исключительно сам. Понимая, что придётся начинать всё сначала, Михаил вызвал повесткой бывшую супругу Леонида — Людмилу Лапину. Ничего нового она не сообщила, слово в слово повторив свои показания годичной давности.

«Вспомните, может, у вашего бывшего мужа были конфликты с кем-нибудь из знакомых вам людей?» — задав вопрос, Михаил внимательно следил за выражением лица женщины.

«Нет... — та довольно искренне пожала плечами. — Во всяком случае, когда мы ещё жили вместе, ничего подобного не было... Ну, а уж потом... сами понимаете. Наши дороги разошлись».

«Почему вы не упомянули об Александре Морозове?..» — этот вопрос должен был заставить Лапину врасплох, но она только недоумённо приподняла брови.

«О Саше?! Но меня никто о нём не спрашивал...»

...Она всё рассказала и об Александре, и об Анне. От Михаила не укрылось искреннее удивление женщины — судя по выражению лица, она, действительно, не могла взять в толк, какое отношение к прошлогоднему суициду Лапина могли иметь их старые друзья. Тем более, они уже давно не общаются...

Отпустив Людмилу, он ещё несколько дней «переваривал» этот разговор... Конечно, вряд ли сам Александр или его жена, а, уж тем более, их сын могли быть причастны к этим «самоубийствам»... Но соблазн встретиться лицом к лицу с человеком, благодаря которому он появился на свет, сейчас был настолько велик, что вчера вечером, открыв ящик стола, Михаил достал бланк повестки...

«Морозову Александру Ивановичу...»

Глава 3.

Все дни после разговора с Людмилой Анна Сергеевна прожила в тревоге. Зная наверняка, что ни она, ни Александр никаким образом не причастны к происшествию с Леонидом Лапиным, она, тем не менее, не могла успокоиться. Анна прекрасно понимала, что следователь неспроста интересовался их семьёй. Значит, идёт проверка всех связей Леонида, всех обстоятельств его жизни. А, что, если они уже узнали о том, что между ней и Лапиным были любовные отношения... и, что ещё ужаснее, теперь подозревают Сашу?..

«Но тогда они напрямую спросили бы Милку, а она ничего такого не сказала... Впрочем, это вполне естественно. Не сказала, но намекнула...»

Хуже всего было то, что поговорить об этом было совершенно не с кем... Не с кем, кроме самого Лапина.

— Лёня... — впервые за последние несколько лет она вновь набрала номер его телефона. — Мне необходимо с тобой увидеться.

Он не очень удивился её звонку... Анне даже показалось, что он его ждал. Договорившись о встрече, она тут же сослалась на неотложные дела и покинула лицей среди учебного дня. Вынужденная ложь вызывала чувство душевного дискомфорта, но другого выхода из ситуации она сейчас не видела.

Приехав в небольшое кафе на окраине, Анна тут же прошла к последнему столику, за которым уже сидел Леонид.

— Я очень рад тебя видеть... — поднявшись навстречу, он взял её руку и поднёс к губам. — Здравствуй, Аня.

Ей почему-то захотелось сейчас вырвать у него свою ладонь, но она справилась с этим внезапным порывом. Присев напротив, она ещё какое-то время пыталась сосредоточиться, не зная, с чего начать разговор, но Лапин сам задал ей первый вопрос.

— Что-то случилось? — он смотрел на неё своим обычным пронзительным взглядом, но, подняв на него глаза, Анна отметила, как он постарел за это время. Импозантность, всегда присущая этому мужчине, уступила место откровенной усталости. Сейчас перед ней

сидел человек, обременённый грузом неразрешённых проблем и физического нездоровья. Анна невольно сравнила Леонида с Александром — несмотря на одинаковый возраст, всегда подтянутый, молодцеватый Морозов выглядел намного моложе своего школьного товарища.

Она вкратце рассказала Лапину о звонке его бывшей жены. Он слушал внимательно, ничем не выражая своих эмоций, лишь слегка прищуривал серые глаза.

— Как ты думаешь... — Анна смотрела на него с пытливым ожиданием. — Зачем следовательно так подробно расспрашивал о Саше... и обо мне?..

— Ты хочешь знать, говорил ли я кому-нибудь о нас с тобой? — Лапин сразу уловил суть её вопроса. Анне не понравилась его усмешка, с которой он произнёс эти слова — она была какой-то недоброй.

— Ну... — она слегка растерялась. — Может, не ты...

— А кто ещё? — он не дал ей договорить и, положив на стол локти, придвинулся ближе, — Милка?.. Она — вряд ли, хотя... кто знает... Игорь Фишер?.. — при упоминании своего знакомого Леонид согнул губы подковой и повертел головой из стороны в сторону. — Тут пятьдесят на пятьдесят... Кто-то из его соседей?.. Всё возможно... многие видели, как ты приезжала к нему на квартиру... Оказывается, у нас было много свидетелей Аня. Неужели ты не догадывалась?

Глядя на его попытки уязвить, Анна ощутила искреннюю горечь... Она впервые видела Лапина таким, ей даже подумалось, что сейчас он испытывает настоящее удовольствие от её замешательства.

— А ты, действительно, жестокий... — она смотрела на него в упор, не отводя взгляда. — Таким я тебя не знала...

— А разве тебе хотелось узнать меня лучше? — он снова едва заметно усмехнулся. — У меня была всего лишь определённая функция... Разве — нет?

— Наверное, это была очень плохая идея — встретиться с тобой... — чувствуя, как лицо заливают краской, Анна сделала попытку встать, но Лапин вдруг схватил её за руку.

— Прости меня, Аня... — он силой усадил её на место и обеими руками сжал ладони. — Прости... Я совсем не собирался тебя обижать. Просто... Дело моё возобновили, не верят, что меня жизнь доконала... А я... сломался я, Аня.

— А вот Саша тоже не верит в то, что тебя можно было сломать... — Анна произнесла это глухо, глядя куда-то в сторону.

— Саша... — теперь в его тоне появился неприкрытый сарказм. — Твой Саша пороку не нюхал, Аня. Всю жизнь — ни шатко, ни валко... По большому счёту самостоятельно ничего не достиг. Единственное его достижение — это ты... и то не по заслугам.

— Какая же я была слепая...

— Не наговаривай на себя. Слепыми люди становятся от любви... а ведь ты меня не любила.

— Я пришла к тебе со своей тревогой, а не за воспоминаниями.

— С тревогой — за кого?.. За себя или за... Сашу?.. — сарказм отпечтался и на его лице. — Впрочем, неважно... Ведь ты всего лишь хочешь попросить, чтобы я не распространялся о нашем с тобой совместном прошлом?.. Ну, допустим, я могу пообещать...

— Допустим... пообещать... — Анна вымученно улыбнулась. — Лён... неужели это — ты?!

— А что ты хотела, Аня?.. Ты пришла, потому что не считаешь меня порядочным человеком... Хотя... во многом ты права. Подожди... — заметив, что она снова порывается

встать и уйти, Лапин переместил руки с её ладоней на запястья. — Подожди, Аня... Я действительно, не собирался и не собираюсь открывать кому бы то ни было свои личные тайны, даже если меня об этом очень сильно попросят. Но я не могу поручиться за других.

— Спасибо и на этом.

Третья попытка увенчалась успехом: высвободившись, она стремительно встала с явным намерением покинуть кафе, но последовавшая за этим фраза Леонида заставила её вновь застыть на месте.

— Ты, может, об этом не знаешь... — многозначительное начало вполне уложилось во временные рамки — женщина не успела сделать и шага в сторону. — Но тогда... когда мы с тобой встречались... за нами была установлена слежка.

— Что?!

— Кто-то за нами следил, — Лапин неторопливо открыл барсетку и, достав обычного размера фото, протянул его Анне. — Вот, смотри. Я нарочно взял его с собой, как знал, что понадобится.

— Что это?.. — бледнея на глазах, Анна взяла в руки снимок. — Откуда это у тебя?..

...Они слишком хорошо получились на этой фотографии — она и Леонид... Видимо, фотограф следил за ними не один день, раз сумел подловить этот поцелуй... Обычно на улице они никогда не показывали своих отношений, даже если бывали где-то вдалеке от мест, где их могли увидеть знакомые... А вот, удалось же запечатлеть их такие редкие «публичные» объятия...

А, впрочем, таких снимков могло быть и больше. Мужчина, заставший их в ресторанной подсобке... Он тоже не мог взяться из ниоткуда. Позже Анна замечала его у дома Игоря Фишера. Значит, она не ошиблась...

— Это — наша с тобой фотография, — Лапин тут же подтвердил её мысли. — К сожалению, она была не единственной...

— Кто их сделал?.. И — откуда они у тебя?!

— Кто сделал — не знаю. Просто однажды нашёл у себя в почтовом ящике конверт... Успел забрать почту раньше Милки. Ждал, что предъявитель себя обнаружит. Думал, что будет шантажировать... но, как ни странно, он до сих пор молчит. Такое впечатление, что слежка внезапно закончилась, и мне просто отдали все улики. Я все фотографии сжёг, а вот эту... — Лапин взял из рук Анны снимок, задумчиво посмотрел на изображение. — Эту почему-то не смог. Оставил на память...

— Отдай мне её...

— Боишься, что когда-нибудь покажу твоему мужу?.. — усмехнувшись, Леонид снова неторопливо открыл барсетку и уложил фото назад. — Если бы хотел — давно бы показал...

— Зачем она тебе, Лёнь? — невероятная тяжесть вдруг накатила на всё тело, и Анна устало опустилась на стул. — Отдай её мне... пожалуйста...

— Может, это самое дорогое, что у меня осталось?.. — он смотрел на неё исподлобья, чуть усмехаясь уголком губ.

— Неправда...

— Не делай из меня монстра, Аня. Я и так молчал все эти годы. И, вообще... Я показал тебе фотографию не для того, чтобы ты боялась меня...

— А для чего?

— Для того, чтобы ты знала, что кому-то когда-то понадобилось за нами следить. Кому и зачем — я не знаю. Но вполне возможно, что такие фотографии и сейчас лежат у кого-то в

сейфе, или просто — в столе, а, значит, наше с тобой прошлое у кого-то до сих пор на виду...

***

Домой Анна ехала в жутком смятении. Фотографию Лапин ей так и не отдал, но после того, что он сказал на прощание, его снимок беспокоил её меньше всего... Оказывается, она столько лет ходила по краю пропасти, в любой момент рискуя свалиться в неё — по чьей-то непонятной прихоти...

Возможно, именно сейчас она уже летит в неё... Летит и даже не догадывается об этом.

...Раздавшийся через день звонок почтальона подтвердил самые худшие её опасения и предположения.

— Что это?.. — Анна тревожно смотрела на конверт в руках супруга, с которым тот вошёл в комнату. — Письмо?.. От кого?

— Да, заказное, на моё имя... — Александр надорвал край конверта, и, вытащив из него небольшой листок, неторопливо надел очки. — Ого...

— Что там, Саш?..

— Повестка... — он недоумённо посмотрел на жену. — К следователю.

— Зачем? — кровь моментально схлынула с лица Анны, ей даже показалось, что закружилась голова.

— Не знаю, — Александр пожал плечами и ещё раз посмотрел на повестку. — А... вот... По делу Лапина. А что с ним?.. Я уже дней десять не звонил... Может, случилось что?

— Я совсем забыла тебе сказать... — пряча глаза, Анна как-то обречённо присела на край дивана и судорожно вздохнула. — Мила звонила недавно, сказала, что Лёнькино дело вновь расследуют. Но почему — она не знает...

— Ясно... — сняв очки, Морозов положил листок на стол. — Если честно, я ещё тогда сомневался, что он сам в себя стрелял. Не тот человек Лёнька... уж я-то его знаю.

— Саш... — Анна подняла на него осторожный взгляд. — Зачем тебя-то вызывают?.. Как думаешь?

— Может, расспросить хотят... — супруг снова пожал плечами, — о привычках его, например, о знакомствах. Схожу — узнаю.

— О привычках... — Анна недоверчиво покачала головой. — Они у Милки могли о привычках спросить. Тебя-то зачем тревожить? В прошлый раз ведь не вызывали.

— Да кто их знает, Аня. Если и адрес мой узнали, значит, есть вопросы. Впрочем, сейчас я сам Лёньке позвоню. Проясню обстановку.

...Анна чутко прислушивалась к разговору Александра с Лапиным... Несмотря на уверенность в том, что Леонид не расскажет Саше об их позавчерашнем свидании, сердце испуганно замирало до самого конца их беседы. Судя по репликам Александра, Лапин тоже был в недоумении, кому понадобилось пересматривать это дело, ведь прошёл уже целый год. Он сам покушался на собственную жизнь, а за это уголовной ответственности пока не предусмотрели.

Поговорив с другом, Александр какое-то время сидел молча, уставившись в одну точку. Чувство вины оттого, что она не может рассказать супругу о своём разговоре с Леонидом, только усиливалось, и Анна не спешила ни о чём спрашивать — все вопросы сейчас казались фальшивыми.

— Темнит что-то Лёнька... — Саша, наконец, нарушил молчание. — Я ещё тогда почувствовал, что темнит. Не зря это дело на свет достали... Ох, не зря. Что-то серьёзное, но, видимо, такие люди замешаны, что он правды не скажет.

Несмотря на подавленное настроение, Анна про себя горько усмехнулась. Александр вот уже в который раз обронил фразу о том, что всегда слишком хорошо знал своего товарища... Наверное, так и было. А вот любовную связь между этим товарищем и собственной женой — так и не почувствовал... Как такое может быть?..

Впрочем, хорошо, что не почувствовал.

Полученная Сашей повестка к следователю очень разволновала, всевозможные версии и домыслы лезли в голову, так, что Анна решила выпить успокоительное лекарство. Она как будто только сейчас окончательно осознавала последствия своего давнего увлечения. Мысли о том, что это увлечение возможно и ни при чём, почему-то сразу же ускользали куда-то в глубины сознания, подавляемые чувством вины и страхом разоблачения.

«На воре и шапка горит...» — откуда-то всплывшая поговорка то и дело буравила мозг...

Этим же вечером, ужиная вместе с семьёй сына, Анна как будто впервые увидела себя со стороны — в кругу самых дорогих и любимых людей. Они часто ужинали вместе — то Анна приглашала детей и внуков на какое-нибудь любимое ими блюдо, то невестка звала их с Александром за вечерний стол. В их семье никогда не было ссор, и даже мелкие обиды забывались очень быстро — Анна могла только поворчать на сына или невестку, в крайнем случае — строго отчитать, а Наташа, та и вовсе старалась не создавать конфликтных ситуаций, а просто подчинялась воле свекрови, обещая «исправиться» самой и «исправить» Диму. Впрочем, эта воля распространялась лишь на здоровый образ жизни и заключалась в советах, как одевать детей и одеваться самим в холодную погоду, а заодно — как правильно питаться, ведь творческая жизнь Дмитрия и Натальи подразумевала разъезды, отсутствие завтраков, поздние ужины и обеды на ходу.

— Дедуська, домик постоись? — маленькая Анечка, забравшись под стол, уже карабкалась на колени к Александру. — Мама кубики купия... Постоись?..

— Ну, что ты дедушке поужинать не даёшь! — Валерка строго «одёрнул» сестрёнку. — Дедушка большие дома строит, настоящие. Ему не до твоих игрушек.

— Дедуська, постоись? — синие глазищи смотрели так умильно, что «дедуська» рассмеялся и крепче прижал к себе хрупкое детское тельце.

— Ну, конечно, построю...

— Дедушка-а... — сидящий рядом внук в свою очередь потянул Александра за руку. — А ты обещал меня в ледовый дворец своди-и-ить... ты сводишь?..

— Обещал — свожу, — дед свободной рукой потрепал Валеркину макушку. — Бабушку возьмём?

— Возьмём! — внук оглянулся на смеющихся родителей. — И маму возьмём, и папу возьмём...

— И меня мозьмём!

...А ведь всего этого могло не быть, разойдись они тогда с Сашей... И, хотя в их с Леонидом планы совместная жизнь вовсе не входила, разоблачение их как любовников могло произойти в любой момент. Простил бы её Саша?.. Скорее всего — да...

Но смогли бы они жить, как и раньше?.. Скорее всего — нет... Не было бы этого ощущения покоя и семейного тепла... И самого счастья под названием «Семья» тоже бы — не было.

Что будет, если эта тайная связь вдруг откроется сейчас, спустя столько лет?.. Страшно даже представить этот позор, настигший её в далеко не юном возрасте, на глазах у сына,

невестки, внуков... А коллеги? Такие новости не остаются незамеченными коллективом... Но самое главное — Саша... Он верил ей всю жизнь, и она привыкла к этой вере... Её развенчание в его глазах будет подобно катастрофе вселенского масштаба... Это будет конец всему, что окружало её все эти годы, что окружает её теперь... Это будет конец и ей самой — как матери, как жене... просто — как женщине...

Кто знает, почему дело Лапина вновь заинтересовало следствие... Не верят в суицид?.. В таком случае, будут прорабатывать все версии и мотивы. Ревность — чем не мотив?.. Судя по сериалам, они докапываются до седьмого колена...

Раньше ей казалось, что всё очень просто... Теперь она видела ситуацию совершенно по-другому.

— Мам... — она даже не услышала, как её зовёт сын. — Мама!.. — Дмитрий смотрел на неё, улыбаясь, с противоположной стороны стола. — Ма-ма!

— Что, сынок?.. — Анна, наконец, очнулась от своих мыслей.

— Я спрашиваю, ты почему сегодня такая задумчивая? Не ешь ничего...

— Да так... — Анна Сергеевна смущённо махнула рукой, потом подхватила на руки подбежавшую к ней внучку. — Смотрю на вас всех... Как же хорошо у нас, ребята... Правда?

...Позже, помогая Наташе убирать со стола посуду, она снова погрузилась в свои мысли...

— Анна Сергеевна... — неслышно подойдя сзади, невестка тронула её за плечо. — Что с вами?

— Ничего... — старательно изображая удивление, Анна пожала плечами. — Всё хорошо, Наташенька.

— Я же вижу... — Наташа укоризненно посмотрела на свекровь. — Вы сама не своя... Что произошло?

Если невестку удалось кое-как убедить, что всё в порядке, то с Александром было уже сложнее. Вернувшись от сына, он сразу же усадил Анну рядом с собой на диван и положил руку ей на плечи.

— А-ань... — Морозов шутливо «боднул» её головой, — Ну, что случилось?! Ты что, из-за этой повестки так расстроилась?!

— Да, Саш... — понимая, что сейчас не сможет придумать какую-нибудь более-менее правдоподобную версию, Анна медленно кивнула. — Из-за повестки. Мне очень тревожно.

— Господи, Аня... — Александр рассмеялся, — Ну, вызвали и вызвали. Послезавтра съезжу, отвечу на все вопросы и вернусь. Какие проблемы-то?

— Ну, да... — она едва заметно усмехнулась. — Никаких проблем.

— А, может, ты боишься, что я теперь буду пятном на твоей безупречной репутации?! — супруг шутливо нахмурился и попытался заглянуть ей в глаза. — М-м-м?.. Анна Сергеевна?..

Услышав слова мужа о её безупречной репутации, Анна почувствовала, как давно уже забытая волна холода медленно окатывает всё изнутри. Она вообще не узнавала себя, как будто снова, много лет спустя, вернулась в дни своей юности, но именно в те дни, которые так тщательно забывала все эти годы.

Необходимо было как-то брать себя в руки. Повестка — не повод для волнений такого толка, мало ли зачем вызвали Александра... Накручивать себя таким образом — по меньшей мере глупо, опять поднимется давление, а ей нужно быть в форме...

«А фотографии?..»

— Ань, ну, если бы у них ко мне были какие-то серьёзные вопросы, они нашли бы меня тут же. Приехали бы в офис, домой, в конце концов, — уже улегшись в постель, Александр в который раз за вечер принялся успокаивать супругу. — А они прислали повестку, значит, просто дежурный опрос... Ничего серьёзного.

— Ты думаешь? — во взгляде Анны читалась надежда. — Просто я очень волнуюсь, Саш...

— Если честно... то никогда не думал, что ты за меня так переживаешь...

— За кого же мне ещё переживать... — глубоко вздохнув, Анна положила голову на плечо мужу. — Ты для меня — самый дорогой на свете человек.

Она сама не поняла, как эти слова сорвались с её губ — впервые в жизни... Анна никогда не говорила мужу о любви... она только слушала его признания. Слушала, ничего не говоря в ответ, а он говорил и ответов не требовал... Казалось, что Саше достаточно собственных чувств, а ещё того, что она — его любимая женщина — всегда рядом.

Видимо, теперь настала и её очередь... Произнесённые вслух слова были сродни признанию в любви. Неизвестно, какой механизм сработал в её душе, но нахлынувший вслед за словами непривычный прилив нежности к супругу неожиданно заставил её расплакаться...

— Анечка... — не ожидавший такого Александр растерянно прижимал её к себе, целуя то в висок, то в мокрую от слёз щеку. — Аня... ну, что ты, глупенькая... Неужели ты из-за этой повестки?..

— Знаешь... — чуть отстранившись, Анна подняла на мужа заплаканные глаза, — Я поеду с тобой.

— Зачем?! — он ладонью вытер ей слёзы с лица. — Обещаю, что вернусь в целости и сохранности.

— Нет, Саша... — она медленно покачала головой. — Я поеду с тобой.

Внезапно проснувшись ночью, она долго лежала с открытыми глазами. Сон больше не шёл, и, решив согреть чай, Анна вышла из спальни. Злополучный конверт с повесткой так и остался лежать на журнальном столике. Взяв его с собой, она неторопливо направилась в кухню. Пока закипал чайник, решила ещё раз прочитать дату и время, назначенные Александру для визита к следователю.

Скользнув глазами по числам, машинально опустила взгляд ниже — туда, где стояла подпись...

«Следователь Мясников М.В.»

...Вчера она даже не обратила внимания на фамилию и инициалы следователя, настолько была огорошена этим вызовом...

«Мало ли на свете Мясниковых... и с отчеством на букву В...»

***

Вопреки опасениям, в отдел полиции Анну впустили вместе с мужем, лишь проверили документы. Они ещё какое-то время ожидали у нужного кабинета, пока выглянувшая из дверей молодая женщина не позвала Александра.

— Вы — Морозов? — она как-то странно окинула взглядом и его, и Анну.

— Да, — Саша торопливо кивнул. — У меня вот — повестка...

— Заходите, — женщина вышла в коридор и шире приоткрыла дверь. — Михаил Витальевич вас ждёт.

Пропустив посетителя, она закрыла за ним дверь и уже собиралась куда-то уйти...

— Простите, девушка... — Анна остановила её на ходу. — А как зовут следователя?.. Это же следователь Мясников?..

— Да... «девушка» смотрела на неё пристально, как будто изучающе. — А вы — кто? Вы тоже по повестке?

— Нет, — Анна покачала головой. — Я — с мужем... Это он по повестке.

— Понятно... — во взгляде появился уже неподдельный интерес. — Его зовут Михаил Витальевич...

...Все полтора часа ожидания Анна провела на ногах — стульев в коридоре не было. Сотрудники полиции то и дело пробегали мимо неё, совершенно не обращая внимания, и это в какой-то степени радовало. Уже не молодая, но всё ещё красивая женщина в стильном, дорогом пальто, со стильной причёской, источающая едва уловимый аромат эксклюзивного парфюма явно бросалась в глаза в этой совершенно не праздничной обстановке.

...Да, если уж правде суждено открыться... то пусть это будет здесь и сейчас... Она всё поймёт по Сашиним глазам... Она поэтому и приехала сюда вместе с ним. Ожидать своей участи дома — невыносимо... Обстоятельства оказались сильнее...

...И, всё же, несмотря на тяжелое ожидание, Анна невольно ловила себя на мысли, что ей ужасно хочется заглянуть сейчас в кабинет... Но не только, чтобы оценить обстановку.

...Михаил Витальевич... Ей хватило бы одного взгляда, чтобы понять — сын ли он Виталия Мясникова... или нет.

...Анне показалось, что дверь открывается слишком медленно... Кажется, вся жизнь пролетела перед её глазами, пока в коридоре не появился Александр. Не в силах задать ни одного вопроса, Анна не отрываясь смотрела на его лицо, стараясь понять, какой участи стоит ожидать ей с этой минуты.

— Господи, Аня!.. — увидев жену, Морозов хлопнул себя по бёдрам. — Ты что, так и стояла — здесь?! Ну, зачем?! Шла бы в машину, там хоть тепло!

— Да я и тут не замёрзла... — всё ещё не веря, что ничего страшного не произошло, она не могла отвести от него растерянных глаз.

— Да у них тут холод жуткий... — муж подхватил её под руку и стремительно шагнул на выход. — Как они тут работают?! Непонятно...

Уже подходя к машине, Анна почувствовала, как её начинает бить мелкая, противная дрожь.

— Ну, что... рассказывай... — она произнесла это, едва не стуча зубами. — Зачем тебя вызывали?..

— Ты знаешь, сам не понял, — усевшись на водительское место, Саша повернулся к жене. — Всю биографию рассказал... Где учился, где родился... даже где картошку собирал!

— Зачем?..

— Не знаю, — супруг весело пожал плечами. — Такой вот любопытный следователь попался.

— Он молодой?..

— Ну, как... лет тридцать, может, чуть больше. Да почти как Димка наш.

— Ну, а про Лёньку-то... спрашивал? — чуть успокоившись, Анна задала мучивший её вопрос.

— Да, спрашивал... — Александр кивнул. — Но тоже как-то странно... больше не про него, а про Димку с Кристиной.

— Ещё и Диму не хватало сюда впутать...

— Да всё нормально, Ань... — Саша расплылся в широкой улыбке. — Знаешь, я даже под конец забыл, что это следователь... По-моему, отличный парень. Мы просто разговаривали, как старые друзья. Со мной так ещё никогда не было... чтобы с незнакомым человеком — и вот так.

— Не забывай, что у него такая профессия... — Анна невольно улыбнулась в ответ. — Ему положено в доверие входить.

— Не знаю, Аня, зачем ему всё это было нужно... — включив двигатель, Морозов выдержал небольшую паузу. — Но одно я знаю точно. Так не то, что с подозреваемыми... так даже со свидетелями не разговаривают.

Глава 4.

До самого вечера Злата не задала ему ни одного вопроса. Увидев лицо Михаила после встречи с Морозовым, она не решилась лезть к нему в душу. Об обычных шуточках и подколках вообще не могло быть и речи. Судя по всему, эта встреча оставила в душе Миши неизгладимое впечатление, поэтому Злата была готова даже отправиться к себе домой, чтобы дать ему время прийти в себя. Однако, выйдя из здания полиции, он привычно потянул её на автомобильную стоянку. Она не стала спорить и, усевшись в его «Форд», так же привычно пристегнула ремень безопасности и откинулась на подголовник. Молчание нарушила уже у него дома, после того, как Михаил вернулся с Бертой после вечерней прогулки.

— Может, всё-таки расскажешь? — разогрев ужин, Злата, наконец, уселась напротив за обеденным столом.

— О чём?.. — взяв в руки вилку, Михаил бросил на девушку короткий взгляд.

— Да ладно тебе, Миш. Наше громкое молчание уже перешло все границы. Или... может, мне уехать?..

— Только попробуй... — нарочито сдвинув брови, он решительно взял вилку, но, едва подцепив ею картофельное пюре, шумно выдохнул и задумчиво замер...

— Тогда не молчи.

Он, конечно, сразу понял, что Злата имела в виду. Просто не был готов к ответу... Встреча с родным отцом, о которой он невольно думал последние несколько дней, и к которой готовился всё сегодняшнее утро, всё равно оказалась сродни неожиданной. Он много раз видел фотографии Александра и очень хорошо представлял этого человека, но при виде него ощутил гулкие удары сердца где-то в районе висков...

Высокий, с правильными чертами лица, сохранившейся военной выправкой и спокойной, дружелюбной манерой общения, Морозов сразу располагал к себе любого собеседника. Хорошо знающий психологию и за годы службы в органах привыкший к разного рода личностям, Миша сразу уловил открытость и искренность, исходящие от этого человека. Несмотря на молодость, следователь Мясников имел в своём активе не одно раскрытое преступление, за что пользовался уважением полицейского начальства, и полностью доверял своей интуиции.

...Он даже не мог предположить, что встреча с человеком, благодаря которому он появился на свет, сможет так взволновать... Его — профессионала, который каждый день встречается с разного рода людьми, в том числе и отъявленными отморожками. Он не раз хладнокровно смотрел в глаза и убийцам, и грабителям, общался с воровскими авторитетами, тщательно продумывая каждый вопрос, улавливая в каждом ответе неслышимые простому уху нотки правды и лжи...

А вот сегодня совершенно неожиданно растерялся. Мужчина, который вошёл в кабинет, был удивительно похож на него самого... разве что был более худощав — сам Михаил обладал довольно крепким телосложением. Но черты лица... в первый момент ему показалось, что он увидел себя в зеркале — только годы спустя.

Впрочем, на фоне возникшего замешательства это сравнение произошло, скорее, на уровне подсознания. Весь последующий разговор Михаил понемногу приходил в себя, стараясь внешне ничем не выдавать своего волнения. Он сразу почувствовал к Александру искреннюю симпатию, и сам не заметил, как «дежурные» вопросы уступили место сугубо личным. Он как бы между делом спрашивал Морозова о его семье, профессии... о годах учёбы, мастерски выведав некоторые подробности, совершенно не имевшие отношения к делу Лапина. Но Александр, казалось, даже не задумывался о странностях этого допроса, отвечал охотно, искренне, как будто беседовал со старым знакомым.

Не считая Златы, которая несколько раз ненадолго заходила в кабинет, беседу двух мужчин не видел и не слышал никто, но, если бы у этой беседы всё же появился посвящённый в тайну свидетель, он сразу бы предположил, что перед ним — близкие родственники.

— Если честно... — после недолгого молчания, так и не притронувшись к еде, Миша отодвинул тарелку и положил перед собой сцепленные кисти рук. — Я никогда не думал, что встречу с ним — вообще. И, тем более, что-то почувствую...

— И что ты почувствовал?.. — во взгляде Златы промелькнуло некоторое напряжение, как будто она пыталась держать под контролем все его эмоции.

— Что-то странное... Не могу объяснить, что это... Но мне сразу показалось, что он — хороший мужик.

— Это я заметила, — Злата едва заметно усмехнулась и чуть прищурила красивые голубые глаза. — Было такое впечатление, что вы вот-вот телефонами обменяетесь и начнёте друг другу фотографии родственников показывать.

— А подслушивать вообще-то нехорошо... — скорчив рожицу, Миша попытался перевести разговор в шутку.

— За тобой только глаз да глаз... — Злата, напротив, сделалась очень серьёзной. — Миш... неужели так проняло?.. Ты ведь никогда раньше не хотел даже со стороны его увидеть...

— Не хотел... — глядя куда-то вперёд, он чуть поджал губы. — Хотя... я же его видел, и не раз, на фотографиях... и, в общем-то, всё о нём знал. А вот вживую... вживую впервые захотелось...

— Знаешь, если бы я не была в курсе, то решила бы, что твой Морозов — подозреваемый номер один, и тыходишь к нему в доверие, при чём, мастерски.

— Понимаешь... — он как будто не услышал её последних слов. — Я много лет знал, что отец мне не родной... Мы и раньше не были особо близки, а в последние годы совсем отделились друг от друга... Но он всё равно был отцом... — Михаил усмехнулся, — Должен же быть у человека отец... Вот и у меня — как бы был. И — есть...

— Не мне судить... — Злата нахмурилась, — Но мою позицию ты знаешь. Настоящие отцы не отворачиваются от своих детей, даже если не уверены, что это — их дети. Поэтому, если тебя однажды будет мучить совесть по поводу Виталия Ивановича... то убей её из своего пистолета.

— Я всегда знал, что ты плохого не посоветуешь, — Михаил рассмеялся. — Но,

извини... руку на совесть не подниму.

— Да знаю, знаю... Любимая поговорка легендарного Семёна Ильича Дзюбы.

— Мне всегда внушали, что я на него похож... — при упоминании имени деда Михаил просветлел лицом. — Может, быть... хотя особого сходства-то и не было, так — в мимике, в жестах... Про характер вообще молчу. Дед был — кремень...

— Вы жутко похожи с Морозовым, — Злата подняла на мужчину внимательный взгляд. — Нос, глаза, цвет волос... улыбка... Просто невероятное сходство. Правда, ты шире в плечах, но это неважно... А голос... когда я сегодня заговорила с ним, я подумала, что это ты мне отвечаешь...

— Серьёзно?! Вот этого я не заметил.

— Естественно. Ведь ты не слышишь себя со стороны. А я слышу.

— Надо же... — Михаил недоверчиво покрутил головой.

— Я больше скажу... Его младший сын не похож на него так, как похож ты. Вернее, он совсем на него не похож, скорее, он похож на мать... Кстати... — вспомнив о сегодняшней встрече с Анной Морозовой, Злата чуть нахмурилась. — О ней... Она ведь спрашивала о тебе.

— Что спрашивала?

— Как тебя зовут... но спрашивала как-то странно... — на лице девушки отобразилась сосредоточенность, как будто она пыталась ещё раз представить себе жену Александра. — Мне показалось, что она очень напряжена... хотя, нет... не показалось. Она была очень напряжена, она явно нервничала... И о тебе спросила как-то изумлённо, что ли...

— Странно... Сам Александр был абсолютно спокоен. Да и ей переживать, в общем-то, не с чего... я же его вызвал как свидетеля.

— Вот это меня и насторожило. Я даже больше скажу. На ней просто лица не было... я несколько раз проходила мимо и очень хорошо это заметила.

— И что ты думаешь по этому поводу?

— Я думаю... — Злата задумчиво забарабанила пальчиками по столу. — Я пока не знаю, но что-то крутится в голове... — она снова подвинула к нему тарелку. — Ты ешь, давай... а я пока буду думать.

...Проснувшись поздно ночью, Злата включила ночник и уселась на постели, подогнув колени... Она какое-то время глядела в темноту, потом, обернувшись на спящего Михаила, ещё с минуту раздумывала, будить его или оставить разговор до утра. Наконец, решившись, слегка потормошила его за плечо. С первого раза он не проснулся, и тогда она потрясла его посильнее.

— Миш... Миша... — видя, что он не реагирует на её попытки, девушка наклонилась и громко проговорила ему прямо в ухо. — Мясников, подъём!

— М-м-м... — повернувшись, мужчина сонно сгрёб в охапку женское тело — хрупкая Злата утонула в его объятиях. О том, чтобы выбраться из них, не могло быть и речи, поэтому, оказавшись в жарком плену, ей ничего не оставалось, как заговорить ему куда-то в грудную клетку.

— Мясников... Отпусти меня немедленно... Я на тебя рапорт напишу!

— Угу... — он ещё крепче сомкнул руки и, уткнувшись лицом ей в макушку, громко засопел.

— Вот медведь... — Злата всё же отвоевала маленькое пространство, так, чтобы можно было свободно говорить. — Тебя поэтому так называли?..

— Угу...

— Ты помнишь, на прошлой неделе я уехала с Бертой? — зная из опыта, что, несмотря на сонное состояние, Миша будет её внимательно слушать, Злата продолжила свою речь. — Ну, когда Александра Семёновна пришла?..

— Угу...

— Так вот... я тебе так и не рассказала. Сначала я хотела тебя дождаться, и включила ей телевизор. Она пультом пощёлкала, нашла местный канал, а там — передача. Про гуманитарный лицей... Я так поняла, что она узнала директрису лицея, потому, что стала возмущаться... ты же знаешь, как она умеет возмущаться.

— Ну... — Михаил проснулся окончательно и, наконец, подал первые признаки заинтересованности. — А дальше?

— А дальше она начала рассказывать про свою жизнь... тоже, как обычно... И про эту женщину... Миш... — она подняла в темноте взгляд. — Это же и есть Анна... да?..

— Н-ну, да... — громко выдохнув, он осторожно разжал объятия и уселся, обхватив руками колени, потряс головой, чтобы сбросить остатки сна. — Анна. Я потом ездил к матери, она мне тоже рассказала. Только я это уже в тысячный раз слышал... Да и ты тоже...

— А про эту Анну она тебе ничего нового не рассказывала?..

— Только то, что она директор лицея. Мать же ничего не знает, я ей не рассказываю... Иначе бы она уже давно к ним домой нагрянула.

— Тогда откуда она взяла, что Анна изменяет мужу? — Злата уселась рядом и тоже обхватила колени. — Если у неё нет никакой информации на сегодняшний день?

— Это старая история...

Миша нехотя рассказал о событиях пятнадцатилетней давности... Злата давно была в курсе его семейных тайн, она знала больше, чем Александра Семёновна... но о сцене встречи Виталия и Олега, когда ещё юному Мишке была предъявлена фотография его родного отца, он рассказал ей лишь отчасти. Снимков Анны, которые Олег швырнул Виталию, он тогда так и не увидел, и не считал эти подробности важными... Теперь же ему пришлось вспомнить абсолютно всё.

— И ты совсем не видел эти фотки?

— Нет. Я тогда впервые увидел фото Александра... мне это было куда интереснее. А те фотки забрал отец. Я не знаю, что он с ними сделал, может, уничтожил, а, может, и до сих пор хранит.

— Интересно... — Злата в темноте задумчиво закусил губу. — С кем эта Анна так изменяла своему мужу... что заинтересовала твоего дядьку?

— Понятия не имею. Да и какое это имеет отношение к делу Лапина?

— Жаль, что нельзя установить за ним наружку...

— Можно подумать, у меня целый отряд волонтёров на побегушках... — Миша громко хмыкнул. — Тем более, ты права... Нельзя... Но если Лапин где-то на горизонте нарисует, его и так заметят.

— Ты не медведь... — повернувшись к нему, Злата кулачком легонько стукнула его по лбу. — Ты — бегемот!..

— Такой же большой?..

— Такой же толстокожий! Давай, напрягай дядьку, он должен помнить, с кем застукал его детектив жену Морозова. Чует моё сердце эту взаимосвязь... Ох, чует!..

***

Утро началось со звонка Олегу Дзюбе. Договорившись, что вечером придет в гости, Михаил по дороге на службу завёз Злату к её родителям. Заходить не стал, предпочёл дожидаться в машине, заодно подумать о её возникших подозрениях. На первый взгляд, причин для такого «глубокого» копания не было. Мало ли с кем изменяла Морозову его супруга, да ещё полтора десятка лет назад. С другой стороны, лишняя информация никогда не бывала лишней, а уж про повод увидеться с бабушкой можно было не говорить вообще.

Вероника Григорьевна была для Михаила не просто любимой бабулей... Это был единственный на свете человек, который самым искренним образом любил и переживал за его судьбу. Мать — она, конечно, тоже любила своего единственного сына... Но тяга к алкоголю оказалась сильнее материнского инстинкта, к тому же способствовала частичной деградации личности Александры, и этот факт в последнее время становился всё заметнее.

...Это уже была не та привлекательная женщина... Одуловатое, потемневшее лицо не брали ни брендовая косметика, ни кислородные массажи, ни спа-процедуры. Даже в период трезвости кожа Александры Семёновны уже не могла приобрести здорового вида, некогда красивые глаза глядели зло и вымученно, а отсутствие дорогих украшений только подчёркивало принадлежность уже немолодой женщины к классу алко-зависимых людей.

Михаилу было и стыдно за мать... и ужасно жалко её — действительно, не нашедшую своего собственного счастливого пути в этой жизни. О том, как могла сложиться её судьба, выйди она замуж за Александра Морозова, Миша старался не думать. Со слов бабушки он знал, что Александра сама была против того, чтобы найти отца своего ребёнка. Она очень хотела выйти замуж за Виталия... Вот и вышла.

Ему было тяжело общаться с матерью, и не только по причине её частых запоев. С ней нельзя было делиться многими вещами, например, Мише всегда приходилось умалчивать о визитах к бабушке и дяде. Со своими ближайшими родственниками Александра давно уже была не в ладу, и ревновала сына и к своей матери, и к родному брату. Каждый Мишин визит к ним она расценивала как предательство и каждый раз долго упрекала его в том, что он променял её на «эту семейку». Свои претензии к сыну Александра оправдывала своим неприятием жены Олега Татьяны, которая когда-то была любовницей Виталия. Она была в глубокой обиде и на мать, и на брата за то, что те простили и приняли назад «эту гадину Таньку»... О том, чего стоило самой Татьяне прощение мужа Александра никогда не задумывалась... Она искренне считала это прощение предательством и запрещала Михаилу наносить визиты в дом своего дяди.

Поэтому теперь он просто о них умалчивал.

О том, чтобы рассказать ей о встрече с Морозовым, тоже не могло быть и речи.

Ему не хотелось даже представлять, что наговорит мать, узнав о том, что он познакомился с родным отцом. Она сразу вспомнит и Виталия, и эту «гадину Аньку Свиридову», и то, как ей странным образом удалось выйти замуж за Александра...

...Миша и сам уже не раз думал об этом. Это был единственный вопрос, оставшийся для него без ответа... Несмотря на дружескую беседу, он так и не нашёл причин спросить Морозова о том, как тот познакомился с женой. Это белое пятно так и осталось белым... Хотя... имеет ли значение этот факт лично для него, следователя Михаила Мясникова?..

Вряд ли. Это уже личная тема, не касающаяся расследования. И пока не стоит размениваться на семейные интриги. Собственно, и любовная связь Анны — из той же серии. Сегодня он поговорит с Олегом Семёновичем, узнает все возможные подробности... и — положит эту информацию на дальнюю полку своей памяти.

И то — ради Златы...

— Тебе привет и — вот... — усевшись в машину, Злата протянула Михаилу пакет, от которого исходил аромат свежей выпечки. — Мама сказала, чтобы я проследила, как ты съешь.

— Давай... — он охотно протянул руку и, достав ещё горячий пирожок, откусил половину.

— Она спрашивает, почему ты не заходишь. Я сказала, что зайдёшь... — Злата осторожно покосилась на жующего Мишку. — Зайдёшь ведь?.. Ну, в следующий раз.

— Угу... — он только с готовностью кивнул головой.

— Ну, ладно... — она с облегчением вздохнула. — Тогда поехали. Жуй на ходу, а то опаздываем.

...Злата оставалась на суточное дежурство, поэтому вечером, заехав домой за Бертой, Михаил сразу отправился к загородному дому Дзюбы.

— Здравствуй, Мишенька! — даже не пытаясь увернуться от шершавого собачьего языка, Татьяна потрепала Берту по голове и тут же поцеловала племянника — для этого ему пришлось наклониться. — Проходи, Олега ещё нет, но он вот-вот подъедет...

Раздевшись, Михаил уверенно прошёл в гостиную на первом этаже. Вероника Григорьевна, которой в этом году исполнилось семьдесят четыре года, с порога протянула руки к любимому внуку. Расцеловавшись с бабушкой, он привычно уселся на мягкий диван в ожидании обычных расспросов, которые не заставили себя ждать.

— Ты один, а где Златочка? — Вероника Григорьевна с возрастом утратила былую подвижность, и теперь неторопливо устраивалась рядом с внуком. — Я по ней уже соскучилась...

— Она сегодня на дежурстве, бабуль. В следующий раз... — откинувшись на спинку, Михаил положил руки на затылок.

— Миша... — повернувшись, бабушка ласково смотрела на него поверх очков. — Ты же знаешь, что значит в моём возрасте этот «следующий раз». Его просто может и не быть...

— Ну, что ты такое говоришь! — Миша укоризненно покачал головой. — Бабуля, ты должна дожить минимум до ста лет, такая тебе установка!

— Я хочу дожить до правнука! Миша, ну, сколько можно... когда вы уже решитесь?!

— Некогда нам, бабуль, о глупостях думать... Мы преступников ловим.

— Семейная жизнь, по-твоему, глупости?.. Ведь вам обоим уже четвёртый десяток пошёл... Артур вон — тебя уже перещеголял, скоро и Игорь брата догонит... Один ты только холостой останешься!

Один из сыновей-близнецов Олега, действительно, в скором времени собирался вступать в законный брак с любимой девушкой, и по этому поводу ожидалось грандиозное семейное торжество.

— Почему — один? — Миша не оставлял шутливого тона. — Илюха ещё холостой!

— Илюхе только десять, а тебе уже тридцать один!

Ответить бабушке было нечего, разве что отделаться очередной шуткой. Он и правда не знал, почему до сих пор не сделал Злате официального предложения... Ведь всё равно, кроме неё, других женщин на горизонте не было и не могло быть... Он — Мишка Мясников, отчаянный однолюб...

...Вот именно — однолюб. И любовь, единственная в жизни, уже случилась однажды, другой такой уже не будет никогда.

— Решусь, бабуль... решусь... — скорее, чтобы успокоить Веронику Григорьевну, Михаил согласно кивнул головой.

— Когда?.. — та ласково потрепала внука по макушке. — Ты о Злате подумай... Ей же замуж хочется...

— Она мне об этом не говорила.

— Эх, ты... медведь! — Вероника невольно рассмеялась и, притянув к себе Мишу, звонко поцеловала его в щёку. — Она и не скажет! А сам не догадался ещё? Ты что ж думаешь, она столько лет рядом с тобой — и просто так?! Да она уже давно бы замуж выскочила!.. У её ровесниц детки уже в школу ходят... А она всё тебя, медвежонка, любит... кормит вон... — бабушка любовно погладила внука по груди и по плечам. — Вон, какого молодца откормила! Там, в отделе, наверное, все девчонки на тебя поглядывают...

— Не знаю, бабуль... Мне рапортов не пишут... Да и девчонок у нас мало.

— Я же говорю — медведь...

После ужина в семейном кругу Михаил и Олег уединились в кабинете. Вкратце рассказав суть интересующего его вопроса, Миша вопросительно уставился на Дзюбу.

— А зачем тебе сейчас всё это?.. — тот подозрительно покосился на племянника. — Случайно, не мать попросила? А то у неё идея-фикс всех вывести на чистую воду.

— Нет, мама вообще не в курсе. Просто... я встречался с родным отцом.

— Когда?! — Олег удивлённо приподнял брови. — И при каких обстоятельствах?

— Вчера. Он приходил по повестке... ну, короче, это я ему повестку выписал... был повод. Его жена приходила с ним... Злата говорит, вела себя очень странно, нервничала... Вроде бы не с чего... он же как свидетель по делу проходит, ничего серьёзного... и такое напряжение как-то подозрительно. Я решил и на неё досье собрать, вспомнил, что было наблюдение за ней, и фотографии даже...

— Дело?.. А что за дело?.. — теперь в глазах Дзюбы светился неподдельный профессиональный интерес.

— Да банкира... — Михаил махнул рукой. — Самострел типа... но кое-что высветилось, к тому же пересеклось с прошлогодним самострелом бизнесмена Лапина... Может, помните? Вот по Лапинскому делу я его и вызывал.

— Лапин?.. — Олег нахмурился, вспоминая, где он мог слышать эту фамилию, потом резко поднял на племянника взгляд. — Лапин... так это же... Это же — он и есть...

— Кто?

— Тот, про кого ты сейчас спрашивал... Сейчас... — сделав жест, Олег достал из ящика стола ключи и, открыв домашний сейф, извлёк оттуда толстую записную книжку. Полистав, остановился на одной из страниц. — Совершенно верно... память меня ещё никогда не подводила. Вот... Лапин Леонид Борисович... Тогда ещё — владелец ресторана... адрес... телефон... Он и есть — любовник Анны Морозовой.

Глава 5.

После вызова Александра к следователю прошла уже целая неделя, но Анна так и не смогла успокоиться. Несмотря на то, что разговор никоим образом не коснулся её прошлого, оно её не отпускало. Нервные клетки как будто брали реванш за все годы спокойной, уверенной жизни — женщина находилась в постоянном напряжении. Страх разоблачения никак не оставлял, и сама Анна Сергеевна только подливала масла в огонь своей тревоги бесконечными воспоминаниями и предположениями.

Раньше она как-то не задумывалась над тем, что у их связи с Леонидом могли быть

свидетели. И даже после Милкиного признания она совсем недолго переживала по поводу того, что супруга Лапина всё это время была в курсе их отношений. Людмила пообещала, что Александр от неё никогда и ничего не узнает, и Анна была уверена в её слове. Сейчас же, под действием обстоятельств это обещание уже не казалось столь незыблемым... А, что, если следствие пойдёт таким образом, что Милу вынудят сообщить этот факт?..

Анна понятия не имела, каким образом любовная связь пятнадцатилетней давности может повлиять на ход следствия, но эта мысль не давала покоя. Она буравила и буравила мозг... Анна Сергеевна не была любительницей детективов, но сама обладала незаурядным умом и примерно представляла, куда могут завести расследование всякие «ниточки» и «клубочки». С одной стороны, шансов быть разоблачённой было немного... но, с другой, они всё же — были.

Пересказ Александром сцены его допроса успокоил ненадолго. Анне показалось странным, что следователь задавал вопросы личного плана. Особенно подозрительными были вопросы о семье и годах учёбы... Сам Александр не придавал им никакого значения — зная его характер, Анна вовсе не удивилась этому. Саша всегда был открытым и доброжелательным, до откровенной простоты. Если спросили — должен ответить, а уж зачем «следаку» эти сведения — неважно... ведь совесть у него, Александра Морозова, чиста...

Но Анна Сергеевна была другого мнения. Имя и фамилия следователя насторожили ещё больше... Теперь она почти не сомневалась, что Мясников М.В. — не кто иной, как сын Виталия Мясникова... Ведь у него «то самое» отчество... Судя по возрасту, его матерью могла быть только Александра... Аля... или Сандра — как та называла сама себя... Профессия её отца только подтверждала предположение — внук пошёл по стопам деда.

Разрушительный механизм тревожных подозрений был запущен, и Анна Сергеевна вконец замучила себя разного рода догадками и версиями. Если бы она услышала подобную историю о ком-то другом, то с лёгкостью бы разбила в пух и прах чужие сомнения... Но сейчас сомнения были свои — собственные... и причин для них скопилось предостаточно...

Во всяком случае, они так и роились в её воображении...

— Анна Сергеевна! — в один из вечеров Наташа вихрем ворвалась в квартиру свекрови. — Банкетный зал под вопросом! Элеонора звонила, срочно нужен список гостей!

— Гостей?.. — Анна хлопотала у плиты и, услышав слова невестки, растерянно присела на стул. — Да я... как-то ещё не составила...

— Мы же договаривались... — Наташа смотрела на неё с лёгкой укоризной. — Вы забыли?..

— Если честно... — Анна Сергеевна подняла на неё виноватый взгляд. — То — забыла... Наташ, прости меня... Сейчас... только курицу замариную... Хорошо?..

— Элеонора меня убьёт... Она спрашивала ещё днём, в студии... но я сама забыла вам позвонить... — нахмурившись, Наташа решительно шагнула к столу. — Давайте мне курицу, а сами составляйте список... Александра Ивановича позвать?

— Нет, с курицей закончу я... — свекровь выставила вперёд ладонь, как бы упреждая Наташин порыв. — Уже недолго... А Элеонора... она всего лишь ваш концертный директор, так что убивать вас ей нет никакой экономической выгоды...

— Вот именно — директор. При чём, с большой буквы... — рассмеявшись, невестка так же стремительно направилась к выходу, у дверей обернулась. — Тогда я пошла за Александром Ивановичем. Будем вместе список составлять!

Проводив взглядом Наталью, Анна ещё несколько секунд помедлила, потом снова поднялась, взяла в руку щепоть душистой приправы и принялась натирать розоватую поверхность тушки цыплёнка.

... Действительно... Как она могла забыть?! Уже меньше, чем через месяц — их с Сашей юбилей... Тридцать лет совместной жизни. Разговоры о нём идут уже с конца лета — Наташа написала сценарий, Дима сочинил для родителей песню, внуки тоже готовят поздравления... Конечно, все подробности праздника хранятся в глубочайшем «секрете» от виновников торжества... Но разве можно что-то утаить в их семье, когда на подготовку брошены силы всего творческого коллектива Дмитрия? Ребята, которых Анна и Александр знают уже много лет, с энтузиазмом разучивают поздравительные номера, художники рисуют плакаты... режиссёр уже ставит театральное действо и даже снят видеоролик, а Валерик нет-нет да и проговорится бабушке, что он видел на сцене творческого центра, куда часто его берут родители.

Самой Анне поручено только составить список гостей... и сделать это она должна была ко вчерашнему дню. А — вот... совершенно забыла. Да и не хотела она такого пышного торжества... В крайнем случае рассчитывала на ужин в ресторане, в узком семейном кругу.

Но дети всё решили по-своему...

— Ну, что, готово?.. — появившийся через полчаса в квартире родителей Дмитрий выжидательно застыл в дверях кухни. — Элеонора мне весь телефон оборвала. Ждёт список...

— Дима, а зачем ей список?.. — Анна оторвала взгляд от листа бумаги, на котором Наташа под её диктовку выписывала фамилии предполагаемых гостей. — Ей же главное — количество?

— Это секрет, — Димка поднял вверх указательный палец. — И разглашению не подлежит.

— Нам с папой как-то неловко... Не серебряная же свадьба...

— Вот именно — не серебряная... А — жемчужная! — Наташка бросила многозначительный взгляд на свёкра — видимо, поняв её какой-то определённый намёк, тот в знак согласия весело зажмурил и тут же открыл глаза. — Одно название чего стоит! Не то, что у нас с Димкой была — деревянная...

Этим летом, почти сразу после пятилетия сына, Дмитрий и Наталья отпраздновали свой первый семейный юбилей — пять лет совместной жизни, в простонародье называемое «деревянной свадьбой», и до сих пор вспоминали это весёлое событие и такие же весёлые подарки, полученные от музыкантов их группы — деревянные ложки, молоточки, множество скалок и даже одно коромысло. Уж где его раздобыли парни, осталось тайной за семью печатями, но Сашка Говоров торжественно клялся Наташе, что коромысло не украдено из какого-либо музея, а добыто относительно честным путём.

— А мне ваша деревянная очень понравилась, молодцы ребята, настоящее шоу устроили, — Александр тоже, видимо, вспомнил летнее событие и расплылся в улыбке. — Мне вообще ваша свадьба очень нравится, независимо от названия!

— Да уж, совпало... — сын шутливо почесал макушку. — Но мы не нарочно... Так получилось...

По независящим ни от кого причинам свадьба Дмитрия и Натальи пришлось в аккурат на день рождения Морозова-старшего. Тогда, после рождения Валерки, Наташа надолго попала в больницу. Её выписали, когда малышу был уже почти месяц. Всё это время с ним

была Анна — благодарность к свекрови навсегда поселилась в Наташкиной душе, несмотря на то, что та всё ещё была против их с Димкой союза... На следующий день после выписки Наташа поехала с сыном в ЗАГС — подавать документы на регистрацию ребёнка... но, узнав, что Валерку запишут пока на её фамилию, в отчаянии позвонила Диме... Всё произошло в течение каких-то двух часов — примчавшись к ней, молодой отец вынес решение: сначала регистрация брака, а уже потом — сына, на фамилию Морозов. Чмокающий пустышкой аргумент подействовал на работников ЗАГСа убедительно: уже через два часа молодые получили свидетельство о браке и под аплодисменты собравшихся к этому времени друзей отправились праздновать неожиданное событие, сдав мирно спящего Валерку бабушке с дедушкой...

Увидев счастливое лицо сына, Анна окончательно смирилась с его выбором, а именинник Александр был откровенно рад такому «подарку» — не в пример супруге, он сразу по-отечески полюбил Наташу и всегда был на её стороне.

— Господи... — Анна покачала головой, — Сплошные события на год вперёд... Пять лет Валере в июне, в июле — ваша годовщина... сейчас, в ноябре — наша... в декабре — Наташе двадцать пять... в марте — мне пятьдесят... в августе — Диме тридцать... — она подняла на сына грустный и ласковый взгляд. — Не могу поверить, что тебе уже скоро — тридцать...

— Ещё не скоро, мам, — тот успокаивающе махнул рукой. — до августа далеко, почти десять месяцев... О... телефон... — услышав сигнал, он вытащил из кармана брюк телефон, посмотрел на дисплей. — Элеонора... — нажал клавишу ответа, — Элеонора, я перезвоню минут через двадцать... — отключившись, кивнул жене. — Наташ, ну, что там, всех записали?..

— Сейчас, Дим... — Наташа посмотрела на Анну и Александра. — Вроде бы все вспомнили? Никого не забыли?

— Кажется, всех, — Анна удовлетворённо кивнула.

— А мне кажется — нет... Ребята... — Александр обвёл взглядом всех присутствующих, потом остановился на Анне. — Аня... я понимаю, что, может, вы будете против... Но... я хочу пригласить Лёньку... Всё же он был у нас свидетелем.

— Лёню?.. — при имени Лапина Анна невольно покраснела. Чувствуя это, нарочно открыла духовку и начала поливать соком шкворчащую курицу. — Я не знаю, Саш... Мы же приглашаем Милу... Как оно будет выглядеть?..

— А мне кажется, ничего страшного не произойдёт. Они же иногда общаются — когда Кристина приезжает?..

— Не знаю... Мне кажется, ему сейчас вообще не до торжеств...

— Тем более, — Морозов развёл руками. — Пусть развеется! Как говорится, кто старое помянет... Димка, а ты как думаешь?

— Ваш юбилей — ваши гости... — Дима неопределённо пожал плечами.

— Наташенька, а ты? — свёкор посмотрел на невестку.

— Так Дима уже сказал. А я — как Дима...

— Ань... ну, за тобой последнее слово...

— Решай ты...

Сказать, что Анна была не в восторге от предложения супруга, значило не сказать ничего. Присутствие её пусть и бывшего, но всё же любовника на свадебном юбилее казалось ей сейчас чуть ли не кошунством. К тому же, конфликт с Леонидом, разгоревшийся

около пяти лет назад, окончательно поставил точку в дружеских отношениях семей Лапиных и Морозовых.

Тогда Лапин несправедливо обошёлся с Димкой, заставив выплачивать ему стоимость разбитой аппаратуры, хотя сам Дима не имел к этому никакого отношения — погром в студии устроила Кристина. Она никак не могла простить Дмитрию его женитьбу на Наташе, и всеми способами пыталась заполучить парня обратно... Когда, наконец, поняла, что вернуть прежние отношения невозможно, решила подставить... Студия и вся разбитая аппаратура принадлежали её отцу. Не разобравшись, Лапин повесил огромную сумму на младшего Морозова, хотя его непричастность была очевидной... Кристину Димка не выдал — из врождённого благородства... деньги, заработанные им и Наташей за новогодние выступления, пошли на уплату долга, хотя были обещаны на операцию Наташиному отцу...

Когда всё выяснилось, и Анна, и Александр перестали общаться с Лапиным. Деньги Диме он, в конце концов, вернул — но не потому, что раскаялся в своём несправедливом поступке. Это был акт благодарности: вскоре после инцидента со студией Дима спас Кристину от верной гибели — горел ночной клуб, а девушка находилась в кабинете отца, закрытая им на ключ. Сам теряя сознание, Дмитрий кинулся в полностью задымлённое помещение и вытащил Кристину на улицу — к Леониду, который уже не верил в спасение дочери.

Их дороги тогда разошлись надолго — вплоть до того дня, когда Лапин прострелил себе лёгкое. Морозовы не смогли не навестить больного... Их отношения не наладились, но теперь они изредка перезванивались. Вернее, звонил Александр. Их разговоры с Леонидом были недолгими, скорее — дежурными, и Анна замечала, что отходчивый Саша уже сам чувствует неловкость, будто разрыв произошёл именно по его вине.

Сама она не испытывала потребности в общении с Лапиным — как любовник он давно её не интересовал, а как друг умер в тот момент, когда обидел её сына.

...Собственно, у каждого из членов семьи Морозовых была своя, личная причина не желать видеть воочию Леонида Борисовича на семейном торжестве... В своё время он нешуточно приложил руку к тому, чтобы Дмитрий и Наталья разорвали свои отношения. На кону стояло счастье и здоровье его дочери... А ради Кристины он был готов на многое, если не на всё... И, кто знает, если бы не счастливая случайность, был бы сейчас у Валерки папа... а у самой Наташи — любимый и любящий муж и младшая Анечка.

Впрочем, доброе Наташкино сердце уже давно не помнило зла... Счастливое супружество, рождение детей, творческая жизнь настолько увлекли их с Дмитрием, что напрочь перечеркнули все прошлые чёрные дни...

Она абсолютно равнодушно занесла в список фамилию Леонида Лапина и снова подняла глаза на свекровь.

— Ещё кто-то будет?

— Больше — никого... — немного подумав, Анна кивнула невестке.

— И что там у нас получается? — Дима через плечо жены заглянул в список. — Сколько человек?

— Чисто гостей — тридцать... а с нашими — пятьдесят.

— Господи, Дима! — Анна всплеснула руками. — Вы что там удумали?! Всю труппу задействовали?!

— Мама, не волнуйся, — сын рассмеялся. — Это уже наши с Наташкой проблемы!

— Да не нужно было такого размаха... — Анна Сергеевна бросила на супруга просящий

взгляд. — Саш, ну, хоть ты им скажи! Ну, что мы — английские монархи?! Посидели бы тихо, спокойно, по семейному... Мы, Дима с Наташей, Валерий со Светой, Алиса с Пашей... ну, и всё... Никто бы не суетился... А теперь вся Димкина студия ради нас старается.

— Профессия у нас такая, — Дима развёл руками, — праздничная! Так что принимайте как должное!

— А я — за размах! — Александр шутливо приобнял супругу. — Я же на тебе женился, а не на какой-то там английской королеве!

— И я — за размах, — подойдя сзади к родителям, Дмитрий наклонился и тоже обнял их обоих. — Это же и для меня самый знаменательный день!

— Почему это? — отец удивлённо обернулся. — Ну, понятно, что знаменательный... но самый знаменательный-то — почему?

— Потому, что прослеживается целая цепочка событий, — Димка снова поднял вверх указательный палец. — Между десятым ноября и десятым августа — ровно девять месяцев. Включаем логику...

— Ну, Дима... — пряча улыбку, Анна укоризненно прицокнула языком. — Это нетактично...

— А что я такого сказал?! — сын весело приподнял брови. — У меня, между прочим, тоже дети есть...

— Вот лучше пойдёшь, посмотри, чем они там в детской занимаются, а то притихли как-то подозрительно.

***

Чем больше приближался юбилей, тем больше сомневалась Анна Сергеевна в правильности своего решения... Ещё в тот вечер, когда они составляли список гостей, ей хотелось попросить Наташу, чтобы она вычеркнула оттуда Леонида. Делать это при муже не хотелось, и Анна уже чуть было не собралась отозвать невестку в другую комнату, но вдруг передумала... За исключением её отношений с Лапиным, между ней и Сашей никогда не было никаких хитростей, и поступить так значило бы обмануть супруга... Ведь он будет думать, что пригласил своего товарища... А товарищ и понятия не будет иметь, что о нём кто-то позаботился.

Это было бы, действительно, некрасиво... Отказавшись от этой мысли, Анна тем не менее, не могла представить себе Лапина на этом торжестве. В последнее время она более трепетно относилась к мужу, уделяя ему кроме привычной заботы о его здоровье и внешнем виде и другое — личное — внимание... Александр удивлялся переменам, произошедшим с его довольно строгой и сдержанной супругой, но, видимо, списывал их на возрастные изменения, происходящие в женском организме и на приближающийся юбилей.

Саша ей теперь казался особенно близким и родным... Анна как будто впервые увидела его другими глазами — глазами любящей женщины и искренне удивлялась, как она раньше не замечала, что он привлекателен как мужчина — даже в свои пятьдесят один год Александр был моложав и подтянут, без «традиционного» мужского живота, с прямой походкой, и без единого седого волоса... А эта его открытая улыбка... Всё это она видела на протяжении многих лет, но... как-то не замечала...

А ведь он все эти годы был замечательным мужем... Если бы Анне пришлось напрячь всю свою память, она бы не нашла в ней ни одного повода усомниться в верности супруга. Она не вспомнила бы ни единого грубого слова в свой адрес, ни единого упрёка, ни намёка на малейшее недовольство... Всё это воспринималось ей как должное, и лишь иногда,

слушая своих коллег, жалующихся на измены и пьяные скандалы супругов, Анна с облегчением думала, что все эти ужасы семейной жизни обошли её стороной.

...Сейчас она всё воспринимала по-другому. Присутствие бывшего любовника на их с Сашей юбилее показалось Анне оскорблением чувств... Но не её, а — Александра. Она попробовала представить, как Лапин будет поздравлять их — говорить какие-то слова, пожелания... Саша будет улыбаться, принимать всё за чистую монету... Он будет благодарить Леонида, они обязательно обнимутся — все трое, и даже выпьют за дружбу и семейное счастье...

Из них троих только Саша не будет знать цены этим словам и обьятиям...

...Нет. Этого она допустить не должна. Она виновата перед мужем... Но сейчас, ради уважения к нему, она не позволит ни единой неискренней улыбки, ни единого неискренного тоста, ни единого неискренного рукопожатия.

Она ещё какое-то время колебалась... чувство неловкости перед Лапиным нет-нет да и возникало в её мятущейся душе... Но примерно за неделю до торжества она решительно взяла в руки телефон. Ей показалось по голосу, что Леонид чем-то очень озабочен. Он сказал, что не может долго говорить, и, если у неё важное дело, то им лучше встретиться. Он был у себя в ресторане, и, рассудив, что не стоит откладывать разговор, Анна заявила, что приедет прямо туда.

Она снова ушла посреди рабочего дня, придумав себе какую-то дежурную причину... Это должен быть последний раз, когда она вот так покидает лицей... Это вообще должна быть последняя встреча с Леонидом... У них с Сашей, действительно, другая жизнь и другой путь.

...Это было всё, что осталось от его некогда серьёзного бизнеса... Ресторан, с которого начинал бизнесмен Леонид Лапин, оказался последним объектом, приносящим ему доход — все свои ночные клубы и развлекательные центры он несколько лет назад по довольно смутным причинам переписал на свою вторую супругу... вскоре покинувшую и его, и пределы города.

Ни Анна, ни Александр теперь не знали подробностей жизни Леонида, и могли судить обо всех переменах лишь со слов каких-то общих и очень дальних знакомых — сам Лапин предпочитал молчать, а Саша не имел привычки лезть в душу... да и трудно было сделать это во время редких и коротких телефонных разговоров.

...Он встретил Анну на улице — выйдя из машины, она прошла к заднему крыльцу. Открыв перед ней дверь, он проводил её в свой кабинет.

— Ты уже не боишься встречаться со мной в людных местах? — пригласив присесть, он как-то мрачно усмехнулся. Анна тут же отметила, что со времени их последней встречи Лапин ещё больше осунулся и, кажется, похудел.

— Я сама скажу Саше, что была у тебя, — Анна постаралась придать голосу как можно больше достоинства.

— А причину... причину тоже скажешь?

— Лёня... — сделав вид, что не расслышала его вопроса, Анна собралась с духом и подняла на него взгляд. — Ты-ы... получил приглашение?

— На ваш юбилей? Да, получил... спасибо.

— Ты собираешься приходить? — она смотрела не отрываясь ему в глаза, как будто пытаясь прочитать в них ответ.

— Я почему-то так и подумал.

— Что?

— Ты могла бы сказать об этом по телефону.

— О чём? — она прекрасно поняла, что он имел в виду... но откуда-то взявшееся чувство неловкости вновь охладило её решимость, с которой она ехала сюда.

— К чему это, Аня? — Лапин усмехнулся. — Ты не хочешь, чтобы я появлялся у вас на юбилее... ты даже приехала ко мне посреди белого дня, хотя могла сказать и по телефону — Лёня, я не хочу, чтобы ты своим присутствием осквернил торжество нашей взаимной и верной любви с Сашей... ты же хотела сказать именно это?..

— Не совсем... — от его тона она неожиданно растерялась, но тут же взяла себя в руки. — Ты угадал, но... лишь отчасти.

— Интересно... в чём я ошибся?.. — заложив ногу на ногу, Лапин сцепил пальцы рук и откинулся на спинку кресла. — Ну, в том, что ваша любовь все эти годы была взаимной и верной, сомнений быть не может... Тогда — что?..

— Да, я... я не хочу, чтобы ты приходил... но...

— Ну, что ты, Аня... говори смелее... всего и делов, как говорит молодёжь... — перебив её на слове, он наклонил голову и чуть прищурил взгляд.

— ...но это не ради меня... — несмотря на его обескураживающий тон, Анне удалось сохранить невозмутимость. — Я всё помню... Ты можешь сколько угодно уличать меня в лицемерии. Да, я пришла просить тебя не приходить на наш юбилей. Но не ради себя, а ради Саши. Он этого не заслужил.

— Не заслужил — чего? Моего присутствия?..

— Ты ведь всё понимаешь, Лёнь...

— Успокойся, Аня... — его взгляд стал жёстким. — Приходить я не собирался. У меня на этот день другие планы.

— Спасибо... — она всё же опустила взгляд. — Спасибо, что ты меня понял...

— А насчёт лицемерия... лицемерие, Аня, не перестанет быть лицемерием, даже если я исчезну с этой планеты.

— Это всё дети придумали с юбилеем... — она всё же смутилась от его последних слов и заговорила тихо, глядя куда-то вниз. — Я была против... но они всё уже подготовили... приглашения тоже они рассылали, по списку.

— Ты могла бы меня в этот список не включать, — Лапин усмехнулся уголком губ. — В крайнем случае — вычеркнуть. Меня всё равно уже вычеркнули из всех списков...

— Это Саша... он до сих пор хорошо к тебе относится. Переживает...

— Хороший у тебя Саша...

— Кстати... — чтобы заглушить неловкость, Анна решила переменить тему. — Как следствие? Ещё не закончилось?

— Не закончилось... — Леонид недовольно поджал губы. — Не знаю, чего этот следак ко мне прицепился... я уже и забывать стал... а он всё ворошит и ворошит...

— Сашу недавно вызывали...

— Знаю, он мне звонил. Ерунда какая-то. Алло... — услышав сигнал телефона, Лапин взял его со стола и поднёс к уху. — Да... Во сколько?.. Хорошо... В восемнадцать буду у банка...

...Попрошавшись у входа, куда её проводил Лапин, Анна уже собиралась выйти на улицу, когда он снова её окликнул.

— Аня!.. — он смотрел как-то странно, как будто хотел запомнить её лицо. — А Сашке

скажи, что я сам тебе позвонил... скажи, что извиняюсь... прийти не могу... ну, в общем, придумай что-нибудь... соври ему... в последний раз.

Глава 6.

Уже подъезжая к стоянке, Михаил краем глаза отметил знакомую тёмно-синюю «Корсу», стоявшую в середине ряда автомобилей. Это могло означать только одно: сегодня Злата раньше него приехала на службу. Припарковавшись с краю, он вышел из машины и щёлкнул замком — фары вспыхнули на прощание и тут же потухли. Иди, хозяин... неси свою службу на благо спокойствия гражданского населения...

Если честно, то на службу он шёл сегодня с одной мыслью — увидеть Злату... Все нераскрытые преступления меркли перед её отсутствием в его личной жизни — вот уже третью ночь подряд. К нерешённым следственным логическим задачам прибавилась ещё одна: выяснить причину, по которой Злата упорно избегает его общества... не едет к нему домой, не возится на его кухне, не играет с Бертой... В конце концов, не целует его и не будит среди ночи, чтобы поделиться с внезапно осенившей её догадкой... На все вопросы отвечает односложно: «Я устала. Хочу побыть одна...»

Но ему-то вовсе не хочется быть одному! И, если первый вечер он «скоротал» на адресе у потерпевшего — чем Злата и воспользовалась, улизнув к себе, то два последующих откровенно скучал. Правда, позавчера к нему заезжал один из двоюродных братьев, и время пролетело быстрее, но вот вчера... Предпринятая вчера попытка поехать к Злате самому закончилась неудачно — отдав Берту, она буквально выставила Мишу за порог. На телефонный звонок ответила, что хочет спать и не откроет, а потом и вовсе перестала отвечать, и Мишка подумал, что она поставила блокировку на его номер — вопреки всем инструкциям.

Домой он возвращался, чувствуя, как в голове возникает огромный, жирный знак вопроса... За все годы их отношений такое было впервые, и Миша терялся в догадках. Нет, Злата и раньше не всегда оставалась у него ночевать, но в последнее время это происходило всё реже и реже, при чём, по вполне объективным причинам. Впрочем, времени строить догадки не было, дело банкира так и висело над душой нераскрытым чемоданом. Следствие явно зашло в тупик, и такие вот «женские штучки» на ровном месте оптимизма не добавляли.

— Привет, — стремительно войдя в кабинет, он на ходу расстегнул тёплую куртку и, повесив её на вешалку, тут же уселся напротив Златы. — Ну, рассказывай, что случилось.

— Всё нормально, Миш... — едва улыбнувшись уголком губ, девушка бросила на него мимолётный взгляд и снова уткнулась в документы. — да... извини... Привет.

— Зла-а-ат... — он накрыл ладонью её руку и слегка сжал. — Ну, что произошло?

— Ничего не произошло. Просто я хочу взять тайм-аут.

— Почему?! — он смотрел с искренним удивлением. — Ты хоть объясни... И, вообще... я соскучился.

— Миш... — услышав его последние слова, Злата изменилась в лице — было заметно, что ей трудно продолжать разговор. — Давай, пока не будем развивать эту тему... Просто прими как факт. И, вообще... — она подняла на него вымученный взгляд, — Ты не забыл, что у нас дело висит нераскрытое? Тут землю копытом рыть надо, а не личные проблемы обсуждать. Тем более, ты — старший.

— Не забыл... — заметив, что она хочет встать, Михаил ещё крепче сжал женскую ладонь. — Но вечером-то поговорим? Это я тебя как старший по званию спрашиваю.

— До вечера ещё дожить надо... — Злата решительно выдернула руку и, поднявшись, направилась к двери. — Пошли, нас шеф вызывает. Уже дважды звонил.

Визит к шефу, как назвала Злата подполковника полиции Кравчука, носил обычный, дежурный характер. Но Михаил сразу предположил, что «тема» сегодняшнего совещания будет вовсе не дежурной, и не ошибся.

Вчера вечером в соседний отдел полиции обратилась дочь Леонида Лапина. Молодая женщина сообщила, что отец уже несколько дней не отвечал на её звонки. Сама она жила в Москве, поэтому, встревожившись, связалась с матерью и попросила ту узнать, всё ли в порядке с отцом. Людмила, которая уже давно не виделась с бывшим супругом, съездила к нему в загородный дом, но ей никто не открыл.

Заподозрив неладное, вчера Кристина прилетела в родной город и открыла дом отца своими ключами — ни живого, ни мёртвого, его там не было...

Единственным правильным решением было обратиться в полицию, что она и сделала — по месту жительства Леонида. Местные опера сразу «вспомнили», что Лапин — фигурант по другому делу, которое расследует соседний районный отдел, и решили поставить соседей в известность.

— Дело о розыске передают нам... — Кравчук бросил взгляд на Михаила, — Вернее — вам. И это вполне логично.

— Понял, — уставившись на ручку, которую он крутил в руках, Миша едва заметно кивнул.

— Да, кстати... Вы вторую жену Лапина повторно пробивали? — чуть наклонив голову, подполковник поверх очков внимательно посмотрел сначала на Злату, потом на Мишу. — Где она, что с ней?

— Пробивали. Она в Москве, вышла замуж за родного брата мужа дочери Лапина, — Злата решила ответить сама на этот вопрос — Мишка обычно путался в родственной иерархии. — За год ничего не изменилось.

— Ещё раз и помедленнее... — нахмурившись, Кравчук положил на стол локти и чуть подался вперёд.

— Ну, их — два брата, оба живут в Москве... — Злата объясняла с абсолютно серьёзным лицом — «шеф» терпеть не мог никакого веселья при исполнении служебных обязанностей. — Один — известный продюсер, он — муж дочери Лапина. А второй — владелец ночного клуба, вот он теперь — муж второй жены Лапина. Но мы проверяли всех, тут чисто, все документы на передачу бизнеса оформлены — комар носа не подточит. И сам Лапин уверял, что отдал всё добровольно. То, что досталось этой дамочке, она вскоре продала... Сейчас у ночных клубов Лапина другой хозяин, мы и его пробивали — никаких претензий. Купил на честно заработанные, — тут Злата не могла удержаться от едва заметной улыбки, — деньги перевёл вовремя, налоги платит... В общем, белый вариант.

— Да и не было у неё мотива убирать Лапина, — заметив раздражённый взгляд Кравчука, Миша положил ручку на место и сцепил пальцы рук. — Она получила всё, что могла, ну, не из-за последнего же ресторана... тем более, могла его прикончить уже после того, как он остался в живых. А его больше никто не трогает — всё происходит именно так, как будто он сам в себя стрелял — ну, не вышло, и не вышло. А картина — один в один с банкиром: загородный дом, лёжа в ванне, и записка — как под копирку. Суицид шит белыми нитками, а доказательств никаких... Только догадки.

— Ты погоди параллели проводить, — Кравчук сверкнул позолоченной оправой

очков. — Это — дело следственного комитета. Твоя задача — найти пропавшего.

— Найдём, товарищ подполковник...

***

Как и предполагал Михаил, открывшая ему дверь девушка оказалась дочерью Леонида Лапина. Высокая, сероглазая, с выкрашенными в светло-русый цвет волосами, Кристина была удивительным образом похожа на своего отца. Выслушав её рассказ, Миша обошёл вместе с ней двухэтажный дом — ничего подозрительного... В холодильнике — запас продуктов, как будто хозяин и не собирался надолго покидать своё жилище. В комнатах — относительные чистота и порядок. В домашнем сейфе — обычные для бизнесмена документы, ничего криминального.

— У вас с отцом всегда были такие доверительные отношения? — Михаил внимательно следил, как Кристина уверенно закрывает сейф собственными ключами. — Я имею в виду ключи от дома, от сейфа...

— Да, всегда, — девушка была не в настроении, но отвечать на вопросы следователя было необходимо — сама подала заявление на розыск. — У нас с папой всегда были замечательные отношения, намного лучше, чем с мамой.

— Как вы думаете, что-то пропало из дома? — Миша обвёл глазами кабинет. — Ну, может, какая-то вещь, или, наоборот — появилось что-то новое?

— Вещь... — девушка покрутила головой. — Нет, мне кажется, всё стоит на своих местах. Драгоценности — в сейфе... Паспорт, права у него всегда были с собой...

— А деньги? В сейфе могли быть деньги?

— Деньги папа давно не хранил дома, всё на банковских счетах, ну, и на карте — на мелкие расходы.

— Вы давно были здесь в последний раз?

— Полгода назад. У нас с мужем очень насыщенная жизнь, времени остаётся мало... Чаще всего родители сами приезжают ко мне.

— Они приезжают порознь?

— Естественно, — Кристина усмехнулась. — Они уже пять лет, как не живут вместе. Мама вышла замуж... Отец тоже женился, но ненадолго.

— А сейчас... — Михаил внимательно следил за выражением лица своей собеседницы. — У него был кто-нибудь?

— Вы о женщинах? Думаю, что — нет... — Кристина покачала головой и сделала рукой жест в воздухе, как бы охватывая всё помещение. — Во всяком случае, женского присутствия я не замечаю. Если вы имеете в виду проституток... то отец никогда их услугами не пользовался.

— Откуда вы знаете? — Миша чуть заметно усмехнулся. — Вряд ли он делился с вами подробностями своей личной жизни до такой степени.

— Знаю, — девушка недовольно поджала губы. — это вообще не в его характере. Он — сугубо семейный человек, ни проституток, ни любовниц не имел... не имеет... — она невольно поправилась. — Он и от мамы бы никогда не ушёл, если бы она сама... ну, в общем, это она ему изменила, а потом ушла.

— У нового мужа вашей матери были мотивы желать зла вашему отцу?

— Вряд ли... — согнув подковой красивые губы, девушка задумчиво покачала головой. — Он вообще — тюфяк... С отцом — никакого сравнения.

— Насколько мне известно, этот «тюфяк» — замечательный детский кардиолог.

— Я вас умоляю... — не скрывая ироничной улыбки, Кристина опустила на мягкое кресло. — Это же он настоял, чтобы мама при разводе не делила имущество. Она отказалась абсолютно от всего.

— По-вашему, это плохо?

— Это глупо. Хотя, если честно, мать не смогла бы вести бизнес сама. Она — человек не того полёта.

— А вам не обидно, что бизнес отца достался, в конце концов, не вам, а постороннему человеку? Ведь он мог хотя бы часть переписать на вас... А он всё переписал на вторую жену.

— Мне — не обидно... — Кристина произнесла эти слова слишком выразительно, чтобы можно было посчитать их искренними. — Я — человек творческий, и клубный бизнес меня интересует только в плане выступлений моих исполнителей. Я — продюсер, мне не до этого.

— Ну, хорошо... — не дождавсь приглашения, Михаил сам присел на стул и откинулся на его спинку. — Получается, что общение с бывшей супругой отца, которая оставила его практически с носом, не вызывает у вас нравственного неприятия?

— Не вызывает. Не помнить зла — наша фамильная черта, — теперь улыбка выглядела надменной. — Кстати... — Кристина открыла ящик стола и достала оттуда небольшую открытку. — Это я нашла у папы на столе. Может, как-то пригодится следствию.

— Что это? — Михаил протянул руку. — Приглашение...

— Да, приглашение на юбилей. Школьный друг папы, Морозов Александр Иванович... у них с женой годовщина свадьбы.

— Они дружат до сих пор? — оторвавшись от открытки, Миша бросил на девушку внимательный взгляд.

— Насколько мне известно — нет. Раньше — да... — Михаилу показалось, что на лице Кристины промелькнула тень обиды. — Дружили семьями... Отец очень много помогал и Александру Ивановичу... и... — обида сменилась неприкрытой иронией, — И — Дмитрик Александровичу.

— Это — сын?..

— Да, сын. Он — музыкант, певец...

— Дмитрий Морозов?.. — Михаил изобразил на лице крайнюю осведомлённость. — Наслышан... Он довольно известный музыкант.

— Известный... — красивое лицо перекосила усмешка. — Своей известностью Дима обязан только моему отцу.

— То есть?..

— Отец полностью обеспечивал его группу — покупал инструменты, предоставлял площадки для выступлений, оплачивал расходы... Шесть лет назад он открыл продюсерский центр, вернее, его открыла я, на его деньги. Дима пользовался студией, при чём, бесплатно... считалось, что он работает там, в центре... Но, вы же понимаете, что в такие вещи нужно вкладываться... А Морозов... Он просто пользовался... Да, он талантлив... но разве мало талантливых людей, которые не могут пробиться на сцену?.. У Димы было всё, о чём мог мечтать музыкант его уровня... и только благодаря мне и моему отцу.

— Отец делал это из каких-то соображений?.. Или — чисто по-дружески?

О бывших отношениях дочери Лапина и сына Александра Морозова Михаил уже кое-что знал, но сейчас ему было интересно услышать эту историю от Кристины — что

называется, из первых уст... Насколько была важна эта информация для следствия, он не знал, больше склоняясь к версии, что — ни на сколько... Но она была интересна просто потому, что имела отношение к его родному брату.

От него снова не укрылось выражение лица Кристины...

— Ну, какие могли быть соображения у папы?.. Он помогал, а Морозов зарабатывал деньги и славу.

— Вы встречались?

— Да... — она ответила с явной неохотой. — Встречались... как встречаются молодые люди, знакомые с детства. Наши родители дружили, и, естественно, что в какой-то момент... В общем, ничего серьёзного, во всяком случае, с моей стороны...

— А со стороны Дмитрия? — Миша невольно окинул взглядом девушку: в открытом топе, в лёгких, светлых брючках, мягко облегающих бёдра, она смотрелась привлекательно для мужского глаза.

— Это имеет отношение к делу? — заметив этот невольный интерес, Кристина снова усмехнулась и женственно тряхнула головой — пушистые пряди рассыпались по обнажённым плечам. — Впрочем, неважно... Дима казался влюблённым, но... как только приобрёл необходимую популярность, от его влюблённости не осталось и следа. Он ушёл в свободное плавание с наработанным багажом, и плавает до сих пор... вполне успешно. Но... незаслуженно.

...Уже прощаясь, Миша заметил, как дочь Леонида Борисовича начинает откровенно нервничать. Так хорошо державшаяся на протяжении всего разговора Кристина то и дело потирала руки, покусывала губы и судорожно вздыхала.

— Вот, возьмите, — Михаил протянул ей свою визитку. — Если вдруг что-то будет известно об отце, звоните в любое время.

— Как вы думаете... — взяв визитку, Кристина подалась вперёд всем телом. — Папа... он может быть жив?..

— Надеяться на лучшее нужно всегда...

Ему даже стало жаль эту молодую женщину. Несмотря на заверения, что у неё насыщенная, богатая событиями творческая жизнь, Кристина Лапина производила впечатление одинокого человека... Такое же впечатление производил и её отец — когда Михаил встречался с ним по поводу прошлогоднего дела.

...И даже богатая обстановка его дома выглядела удручающе. Несмотря на стильно подобранный дизайн и интерьер, дом давил, как будто внутри него жил вирус одиночества, заражая всех, кто переступал его порог...

Только выехав с улицы, на которой располагался коттедж Лапина, Миша почувствовал настоящее облегчение. Холодный осенний день уже перевалил за середину и был готов вот-вот затянуться сумеречной пеленой — на стадии однослойной марли... Окна домов начинали загораться — одно за другим, и Михаил уже чуть было не свернул на маршрут, ведущий к отделу полиции... Желание увидеть Злату было настолько осязаемым, что он уже начал перестраиваться в правый ряд... Однако, вовремя вспомнив, что у него ещё не один визит на сегодняшний день, снова выровнял руль.

— Ну, как ты? — на ходу набрав номер Златы, он с волнением прислушивался к её голосу.

— Я — нормально, — она ответила абсолютно спокойно. — Пока никакой серьёзной информации. Никто не в курсе, куда мог деться наш Лапин. У тебя — что?

— В общем, то же самое. Я соскучился.

— Знаешь что, Мясников...

— Знаю. Идти в баню?..

— Угадал.

— А не могу, в ресторан еду...

В ресторане, принадлежащем Лапину, тоже развели руками — всеми делами там заправлял директор, а сам Леонид то появлялся, то отсутствовал по нескольку дней, и это никого не удивляло.

Допрос директора прояснил картину лишь отчасти — тот утверждал, что Леонид Борисович особых распоряжений не оставлял, и что собирается уезжать, никого не оповещал.

«Мы работаем на полном доверии, — директор развёл руками. — Леонид Борисович знает, что у меня всё всегда в порядке, а, если случится нештатная ситуация, то я сразу же сообщу. Всё было нормально, поэтому на связь я не выходил».

Ничего подозрительного в поведении Лапина директор не помнил — всё было как обычно. В последний раз в ресторане тот появлялся около пяти дней назад, в тот же день туда к нему приезжала женщина, на вид лет сорока-сорока пяти, очень хорошо одетая. За пять лет работы директор видел её впервые, но, если бы увидел вновь, то сразу бы узнал — женщина была очень красивой, даже несмотря на свой возраст.

Выйдя из ресторана, Михаил снова набрал Злату — разговор в этот раз был более серьёзным. Картина после обмена полученной информацией вырисовывалась довольно смутная.

Блиzkих друзей у Лапина сейчас не было, жил он в полном одиночестве, и, судя по всему, своими планами почти ни с кем не делился. Опрос Златой включенных в список знакомых ничего не дал — никто не знал, куда мог деться Леонид Борисович. То же самое заявили Мише и соседи — они не видели света в окнах коттеджа Лапина уже около недели, но где всё это время мог быть хозяин, ответить затруднялись.

Горничная, которая раз в неделю приезжала убирать дом, сказала, что три дня назад пыталась дозвониться в ворота, но ей никто не открыл. Звонить по телефону она постеснялась, и, решив, что хозяин свяжется с ней сам, оставила в почтовом ящике записку и уехала восвояси.

...Последним из списка оставался Александр Морозов, и, уже ближе к вечеру, Миша не без волнения входил в офис его фирмы.

— Лёнька пропал?! — Александр казался огорошенным этой новостью. — Как?!

— С этим мы как раз разбираемся, — Михаил не мог не отметить, что в душе рад новой встрече с Морозовым. — Его телефоны отключены, на связь ни с кем не выходит, дома не появляется. У вас есть по этому поводу какие-то соображения? — он внимательно смотрел на Александра, который в недоумении так и остался сидеть с приподнятыми плечами.

— Никаких... — тот растерянно покачал головой. — мы ведь совсем недавно ему приглашение посылали...

— Что за приглашение? — сделав вид, что не в курсе, Миша чуть прищурил взгляд.

— На юбилей... У нас с женой юбилей, уже совсем скоро. Тридцать лет совместной жизни... мы и Лёньку пригласили. Кстати, — Морозов вскинул брови и чуть округлил глаза. — Аня, моя жена, она недавно его видела.

— Видела? Где?..

— У него в ресторане... Она ездила к нему туда, что-то уточняла по меню.

— Ваш юбилей будет в его ресторане?

— Нет, в другом месте. Но Ане что-то понадобилось уточнить... — Александр виновато развёл руками. — Я как-то в эти дела никогда не вникаю, Аня у меня всем сама командует... Но, если нужно, я сейчас ей позвоню...

— Нет, не нужно, — Миша остановил его жестом. — Когда, говорите, она его видела?

— Число не помню... то ли двадцать пятое, то ли двадцать шестое... Но я могу уточнить.

— Где сейчас может быть ваша супруга? Мне нужно допросить её лично.

— Аня?.. — Морозов вскинул руку и посмотрел на часы. — Скорее всего, уже дома.

...Александр всё-таки пришлось позвонить жене — Анна, действительно, уже покинула лицей и подъезжала на своём автомобиле к дому. Откладывать на завтра разговор со свидетельницей, которая, возможно, одной из последних видела пропавшего Лапина, было нельзя. Узнав, что следователь собирается ехать к нему домой, Морозов тут же потянулся к вешалке...

— Добрый вечер, — перешагнув вслед за хозяином порог дома, Миша невольно застыл в ожидании приглашения.

— Аня!.. — закрыв дверь, Александр тут же расстегнул пальто и позвал супругу — через секунду та выглянула в прихожую. — Познакомься... — он тронул ладонью локоть гостя. — Это Михаил Витальевич, следователь, который ведёт Лёнькино дело. А это... — Морозов жестом показал на жену, — Анна Сергеевна...

— Добрый вечер... — она произнесла эти слова, скорее, по инерции, не в силах отвести взгляда от неожиданного гостя.

— Аня... Лёнька пропал...

...Глядя на красивую, с царственной осанкой даму в строгом костюме, который она ещё не успела сменить на домашнюю одежду, Михаил силился понять причину её внезапной бледности... но тут же решил, что, возможно, это результат полученного известия.

— Как — пропал?.. — Анна с трудом перевела взгляд с него на мужа. — Когда?..

— Вот это мы сейчас и выясняем.

***

Всю дорогу домой Михаил вспоминал подробности этого, последнего на сегодняшний день, допроса.

Анна, действительно, выглядела взволнованной. Она никак не могла справиться с этим состоянием, и, отвечая на его вопросы, часто переспрашивала — видимо, ей было сложно сосредоточиться. Ничего нового она не сообщила — всё, как и рассказывал Александр... Да, приезжала в ресторан к Леониду, чтобы заказать одно из фирменных блюд — его не готовят в банкетном зале, который снят для празднования юбилея. Да, это было двадцать пятого октября, около пятнадцати часов дня. Они проговорили около пятнадцати минут и Анна покинула ресторан — это видел персонал, в том числе и директор... Больше Лапина она не видела и по телефону с ним не разговаривала.

Во время её рассказа Александр согласно кивал, как бы подтверждая слова супруги.

«А что за блюдо? — Миша изобразил на лице неподдельный интерес. — Вы меня просто заинтриговали... Мой двоюродный брат скоро женится, может, тоже захотят заказать, если это так вкусно...»

«Это салат, — Анна Сергеевна к концу разговора уже почти взяла себя в руки. —

называется «Золотые купола». Это, действительно, очень вкусное фирменное блюдо Лёниного ресторана. Правда, мы там уже давно не были... но салат готовят до сих пор».

«Золотые купола»? — Миша с сомнением покрутил головой. — А, ничего?.. Не кощунственно? Просто у меня тётушка очень верующая, поймёт ли...»

Дальнейшую беседу прервало появление в квартире Морозовых молодой женщины с двумя маленькими детьми — девочкой лет двух и мальчиком лет пяти. Все трое были абсолютно беловолосыми — Михаил сразу догадался, что это невестка Морозовых Наташа и их внуки.

Наталья сразу организовала чаепитие на кухне и, собиравшийся было уходить Миша так и не смог отказаться от чашки чая с пирожными...

...Он ловил себя на мысли, что только и ждёт появления Дмитрия... Его единственный родной брат умер при рождении много лет тому назад, и Миша часто сожалел об этом... Ему всегда очень не хватало родной души в родительском доме... Теперь же получалось, что брат у него всё же есть. Увидеть его хотелось так же, как и остальных — воочию...

По словам Наташи, Дима должен был вернуться позже, и Мише пришлось довольствоваться синеглазыми мордашками племянников, которые ни сном ни духом не знали, и не могли знать, что вот этот взрослый чужой человек, который смотрит на них таким странным, но очень тёплым взглядом — их родной дядя...

***

Вернувшись домой, Михаил был приятно удивлён — и Злата, и Берта, обе были на месте. Впрочем, Злата тут же охладила его радость, заявив, что заехала прогулять и покормить собаку, и теперь, когда он вернулся, намерена отправиться к себе.

— Мясников... отбирая у него из рук свои сапожки, которые Мишка собирался спрятать в антресоль, Злата посмотрела на него укоризненно. — Я уйду всё равно. А ты лучше займись тем, что поставь мозги на место.

— Я что-то сделал не так?..

— Ты зачем остался у них на ужин?.. — уперев руки в бока, девушка кивнула головой куда-то в сторону двери. — ты соображаешь, что ты делаешь?!

— А что я делаю?

— Ты непрослительным образом сближаешься со свидетелем... Ты сейчас пришёл, а у тебя на лбу написано — я остолоп! Хочешь, чтобы тебя от дела отстранили?!

— А что, со свидетелем нельзя вместе поужинать?.. — обхватив руками, Миша заговорил ей куда-то в ухо. — Со свидетелями иногда даже... спят...

— Ну, хватит уже притворяться... — Злата отчаянно пыталась вырваться из его объятий, но безрезультатно. — Миш... это не простой свидетель... Это — твой отец, и, если об этом узнают...

— Я — дурак?..

— Дурак...

— Значит, больной?.. — легко подхватив, как ребёнка, на руки, он уже нёс её назад в комнату.

— Больной, конечно... — она отчаянно шлёпала его ладошкой по спине. — Мясников, отпусти!.. Я всё равно уйду!..

— А больных бросать — грех...

...Она всё-таки осталась... Проснувшись ночью, Михаил привычно скользнул рукой по простыне — прохладная ткань приятно остудила горячую со сна ладонь. Приподняв голову,

открыл глаза — чтобы убедиться, что Златы и в самом деле рядом нет.

— Злата... — он позвал негромко, чутко прислушиваясь к ночной тишине. — Зла-а-ат...

Присев на постели, ногами попытался нащупать шлёпанцы, но, так и не найдя, босиком направился к двери.

...Злата сидела на кухне, подперев рукой мокрую щёку — судя по покрасневшим векам, из-под них выкатилась уже не одна слеза...

— Ты чего?! — Миша испуганно присел перед ней на корточки, провёл по лицу ладонью. — Злата...

Она какое-то время молчала, кусая губы и шмыгая носом... Затем судорожно вздохнула... подняла на него полный печали взгляд.

— Даша возвращается. Насовсем...

Глава 7.

Проводив следователя, Анна уже не в первый раз за сегодняшний вечер подумала, что поступила абсолютно правильно, когда рассказала Александру о своём визите к Лапину. Если уж и пришлось соврать, то совсем чуть-чуть: она объяснила визит желанием разнообразить праздничное меню. Анна Сергеевна прекрасно знала, что супруг не будет допытываться — как да что. Главную информацию он получил, а уж подробности — дело последнее, Анята сама знает, что делает. Если поехала к Лёньке в ресторан — значит, так надо было. Главное — как сам Лёнька, а уж остальное неважно.

Она сразу догадалась, что вопрос следователя о блюде, ради которого она не пожалела своего времени, был задан неспроста... Слова Михаила про свадьбу двоюродного брата она приняла с внутренним недоверием, но виду не показала. Фирменный салат «Золотые купола», действительно, делали в ресторане Лапина, но Анна вспомнила про него, что называется, «на ходу», и вспомнила очень удачно — как версию, озвученную Саше...

Ситуация складывалась неблагоприятная.

По всему выходило, что Анна видела Лапина именно в тот день, когда он самым загадочным образом исчез — Кристина звонила ему в тот же вечер, и он уже не отвечал на её звонки.

Анна вспомнила и телефонный звонок, и слова, сказанные им на прощание...

«Соври ему... в последний раз...»

Теперь ей казалось, что в них заложен какой-то, известный одному Леониду, смысл. О звонке и назначенной кем-то встрече в восемнадцать часов у банка она рассказала следователю... Но вот о том, что сказал Лапин ей самой — промолчала... Она не могла передать их с Леонидом последнего разговора: ну, как бы она объяснила его слова своему мужу?!

Она промучилась весь вечер... С одной стороны, в этих словах мог быть ключ к разгадке — Леонид неспроста сказал про «последний раз». Возможно, он уже знал, что больше они не увидятся... С другой стороны, пришлось бы говорить и про «соври». Конечно, можно было придумать другую версию их диалога... Но Анна Сергеевна напрочь отмела эту мысль.

В конце концов, она не базарная баба, чтобы сочинять такие вещи на ходу. Да, следователю как-то нужно сообщить... Но не в присутствии мужа и других членов семьи.

— Всем привет, — уже около девяти вечера в квартиру родителей вошёл Дмитрий — за Наташей и детьми.

Анна Сергеевна тут же усадила сына за стол и принялась накладывать ужин. Услышав голос отца, Валерка с Анятой наперегонки выскочили из гостиной и уже через пару секунд

висели на нём с обеих сторон. Вошедшая следом Наталья тоже «повисла» на мужа — сзади, обхватив его руками за шею.

— Мы соскучились... — Наташа, смеясь, прижалась щекой к его щеке. — Так что — терпи...

— А уж я-то как соскучился... — Дима даже не пытался сопротивляться этой куче-мале. — Ты — как? У меня без тебя — полный завал, не говоря о репетициях.

— Завтра уже — всё, — Наташа звонко чмокнула мужа и тоже присела за стол. — Еду вместе с тобой. Сама засиделась...

Последние несколько дней Наталья провела дома — из-за лёгкой простуды, но теперь снова была готова ринуться «в бой».

Дмитрий и Наталья занимались творчеством в своём собственном центре, открытым Димой около двух лет назад. Сначала это была лишь репетиционная база для музыкантов, но потом к ней добавились хореографическая и вокальная студии, в которых готовились шоу-программы, проходили конкурсы, записывались видеоклипы. У младших Морозовых был свой коллектив — такие же, как и они сами, молодые одарённые музыканты, участники рок-группы «Ночной патруль», созданной Димой ещё на последнем курсе музыкального училища. Позже к ним присоединилась Наташа, и теперь группа имела серьёзную популярность среди любителей рок-музыки. Все композиции были написаны Дмитрием Морозовым — композитором, продюсером и вокалистом группы. Наташа выступала и с ребятами, и сольно — она была солисткой клубных шоу, которые создавали они с Дмитрием — сами, своими силами. И в самом городе, и далеко за его пределами любители музыки знали талантливую певицу Наташу Морозову, а музыкальные ролики с её участием имели огромную популярность и массово скачивались из интернета.

Жизнь молодых Морозовых была насыщенной и полной творческих идей — и Дима, и Наташа окончили университет культуры. Димка был талантливым организатором, а Наташа — его незаменимой правой рукой. Кроме собственных выступлений, они придумывали различные конкурсные программы для начинающих исполнителей, а так же сдавали в аренду репетиционные помещения.

Они часто ездили на гастроли со своим коллективом, но ещё чаще Наташа выступала сольно — в ночных клубах и на вечеринках. Нагрузка была серьёзной, но из финансовых соображений приходилось соглашаться на все предложения — вплоть до корпоративных выступлений.

Со стороны могло показаться, что наличие двух маленьких детей не мешает творческому росту их родителей... Но, на самом деле, у Валерки и Анюты была очень хорошая няня, а любящие Анна Сергеевна с Александром Ивановичем всё свободное время посвящали внукам. Правда, этого самого времени у них было немного — должность Анны и бизнес Александра требовали огромных сил, к тому же, здоровье Анны в последнее время оставляло желать лучшего, но самоотверженные бабушка с дедушкой всегда ждали любимых внуков с распростёртыми объятиями. Старшего Валеру родители часто брали с собой — мальчик тяготел к музыке, и уже в два года пытался сочинить собственную мелодию. Анюта же больше радовалась праздничным нарядам, нежели возможности поучаствовать в каком-нибудь представлении.

Отец и мачеха Наташи с недавних пор тоже жили в этом городе, но они своё время посвящали другому внуку — сыну сводной Наташиной сестры... Впрочем, Морозовы не обижались. Они привыкли жить одной большой и дружной семьёй — правда, в двух

соседних квартирах.

— Папа, а к нам сегодня дяденька приходил... — облокотившись на отцовские колени, Валерка поднял на Диму свои синие глазищи. — Он — настоящий следователь!

— Следователь?.. — Дима удивлённо приподнял брови. — Какой следователь?

— Настоящий! Он ловит преступников, и у него даже есть пистолет!

— Наташ?.. — Дмитрий перевёл взгляд на жену. — Что за следователь?

— Это — не к вам, — Анна решила ответить сама. — Это к нам с папой. Да, приходил следователь...

— Зачем?!

— Леонид Борисович пропал. Его объявили в розыск, поэтому опрашивают всех знакомых.

Анна вкратце рассказала сыну о тревожной новости и о визите следователя. Она снова поймала себя на мысли, что, смолчав, совершила грех — возможно, её информация могла как-то помочь следствию.

— Папа, а этот дяденька, ну, который следователь, он умеет стрелять из пистолета? — Валерка часто смотрел с дедушкой фильмы «про ментов», и теперь находился под впечатлением от встречи с «настоящим», а не телевизионным следователем.

— Конечно, умеет, — Дима улыбнулся и потрепал сына по белой пушистой макушке. — ты же сам говоришь, что у него пистолет есть. Он тебе, что, показывал?

— Не показывал, — рассмеялась Наташа. — Валерка его всё пытал — есть пистолет или нет... Дяденька и раскололся!

— Да! — мальчик охотно кивнул. — У него настоящий пистолет, и сам он — такой... большо-о-о-й!..

— Толстый, что ли?

— Нет! — Валерка замотал головой. — Не толстый, а большой!

— Валер, объясняй понятно, — Наташа решила помочь сыну, который никак не мог сформулировать свою мысль. — Не большой, а высокий, широкоплечий... Учись словами рисовать портрет. Понимаешь?

— Да, понимаю... — сын перевёл взгляд с отца на мать, потом обратно. — Он — как дедушка!

— Кто тут — как дедушка? — услышав о себе, Александр возник в дверях кухни, затем прошёл к столу и уселся на свободный стул.

— Дяденька следователь... — синие глазёнки округлились и уставились на деда. — Он — как ты!

— Почему?.. — дедушка искренне удивился. — Почему — как я?

— Не знаю... — растерянно произнёс Валерик. По выражению его мордашки можно было догадаться, что ребёнок вовсе не выдумывает, просто не может доступно объяснить возникшие ассоциации. — Ну, он такой... ну, как ты...

Услышав слова внука, Анна вздрогнула... Вот — то, что подспудно тревожило её весь сегодняшний вечер — с той самой минуты, как в их квартире появился этот Михаил... Она никак не могла понять, да, собственно, и не очень-то и пыталась — возникшие проблемы оказались важнее всех остальных ощущений — чем привлёк её внимание этот парень... А вот сейчас она вдруг поняла... Внук не выдумывает!.. Просто в силу возраста он не может объяснить этого странного сходства между Александром и «дяденькой-следователем»...

Она бросила невольный взгляд на сына и на мужа — Дима сидел за столом на том же

самом месте, на котором ещё пару часов назад сидел Михаил. Анна снова представила себе эту картину... Гость был крупнее — шире в плечах, и, судя по плотно облегающей тело водолазке, имел спортивную подготовку... Александр по сравнению с ним был худощавее... Но — лица!.. Даже несмотря на некоторые отличительные особенности, черты лиц этих двух мужчин были удивительно схожи!..

— Слушайте... — Наташа тоже, кажется, напрягла свою память и теперь изумлённо хлопала длинными ресницами. — А Валерка прав... — она перевела взгляд на свёкра. — Вы, действительно, похожи! Нос, глаза... Он даже лоб морщил — ну, точно, как вы! А — голос?! — от неожиданно осенившей догадки она хлопнула себя ладонями по коленям. — Голос — ну, один в один! Как я сразу не сообразила!

— Ничего удивительного, — Анна нарочито-равнодушно пожала плечами. — У Саши славянский тип лица, такие люди неизбежно похожи между собой, в том числе и голосами.

— Возможно... — Наташка нехотя согласилась. — Но, всё же... Они — очень похожи. Вот посади его и Димку рядом и спроси — кто из них сын Александра Ивановича, любой кто не знает нашу семью, скажет, что — Михаил.

— Угу, — Димка весело кивнул, — а посади нас рядом с мамой, скажут, что сын всё-таки — я...

— А я — внук!

Слушая, как родные люди веселятся и отпускают шуточки по поводу сходства, Анна думала, что Наташа права... Права настолько, что мысли о том, что на свете много похожих друг на друга людей, почему-то упорно отходят на задний план.

...А ещё — это странное исчезновение Леонида...

***

Звонку следователя Мясникова Анна не удивилась — он прозвучал уже не следующее утро, когда она только пришла на работу. Она думала обо всём, что произошло вчера... думала с той минуты, как только открыла глаза. Она не могла не думать об этом, и даже обрадовалась, услышав в трубке голос Михаила — он, и правда, удивительно напоминал голос её собственного мужа.

— Анна Сергеевна, мне нужно срочно с вами встретиться. Скажите, где вам будет удобнее, и я подъеду

...Распорядившись, чтобы к ней пока никого не пускали, Анна закрыла за Михаилом дверь своего кабинета и пригласила присесть. Он приехал довольно быстро, она едва успела выкурить сигарету — нервное напряжение давало о себе знать, и Анна Сергеевна не могла удержаться, чтобы не достать из укромного уголка своего стола пачку «Vogue». Курила она редко, и лишь в особо крайних случаях.

— Я ждала, что вы придёте... — она смотрела на следователя прямо, не отводя взгляда, лишь чуть склонив голову.

— Ждали?.. Почему?

— Если бы вы не позвонили, я сама поехала бы к вам... — Анна предпочла не отвечать на его вопрос: и так слишком много тайн предстояло раскрыть в этой приватной беседе. — Дело в том... что я вчера не всё рассказала.

— И не только, — Михаил положил на стол сложенные локти и чуть подался вперёд. — Вчера вы сказали неправду.

— Откуда вы знаете?.. — как ни готовилась Анна к этому разговору, но при этих словах мгновенно вспыхнула.

— Ну... хотя бы из того, что версия с салатом была вами придумана. На самом деле никакой салат для вашего юбилея вы не заказывали.

— Вы что, допрашивали повара?..

— Естественно. И повара, и директора, ещё вчера... сразу после нашей встречи у вас дома.

— Я не буду оправдываться, но... здесь вы ошиблись... — Анна выдавила из себя эту фразу лишь для того, чтобы ещё хоть на минуту оттянуть тяжелый разговор. — Лёня мог просто не успеть передать им этот заказ...

— Анна Сергеевна... — Михаил смотрел на её снисходительно, как на маленького ребёнка. — Вы в любом случае не заказывали этот салат. Во-первых, банкетный зал, в котором будет проходить ваш юбилей, сам занимается подготовкой меню. Во-вторых, само меню уже оговорено, никаких блюд со стороны не должно быть — это так называемая ресторанная этика. И, если вам удалось убедить в обратном вашего супруга... То меня вы точно не убедите.

— Вы и в банкетном зале всех допросили?.. — Анна грустно улыбнулась уголком губ. — Быстро...

— Я работаю не один. Нас — целая следственная бригада, так что... Впрочем, это всё отступления. Мне нужно знать, зачем, на самом деле, вы в тот день приезжали к Лапину? Ведь вы именно это хотели мне сообщить?

— Не совсем... — от решительного утреннего настроения не осталось и следа, и Анна замялась. — Я заехала чисто по-приятельски... Когда-то мы дружили семьями, а в последние годы как-то отделились... В конце концов, какое отношение к делу может иметь причина моего визита к Лёне?

— Анна Сергеевна, поймите, это не моё любопытство. Пропал человек, и, судя по времени вашего свидания, вы — практически последняя, кроме персонала ресторана, кто встречался с Лапиным. Поэтому любая деталь может быть важной в розыске этого человека. Вчера вы сказали неправду... Зачем? Вы не хотели, чтобы о цели вашей встречи узнал ваш муж?

— Послушайте, Михаил Витальевич... — Анна с силой сцепила пальцы рук. — Я не хочу отвечать на этот вопрос. Я всё рассказала, и о телефонном звонке — в том числе. Что касается моего мужа, то вы знаете сами, что он был в курсе моего визита. Если бы я хотела что-то утаить, я могла бы вообще не говорить Саше, что виделась с Леонидом. Но Саша — в курсе, а что касается салата... Лёня мог просто не успеть сделать заказ повару, к тому же... к тому же, я не говорила, что салат нужен был для банкета. Я могла заказать его для семейного ужина.

— Могли?.. — Михаил едва заметно усмехнулся. — Или — заказали?

— Хорошо... — Анна подняла на него полный достоинства взгляд. — Я хотела заказать... Но не заказала. Мы заговорились, а потом мне уже было пора. Вас устроит такой ответ?

— Я приму его к сведению. Кстати... — следователь как будто что-то вспомнил. — Вы сказали, что ожидали моего визита. Почему?

— Мне так показалось... — Анна уже пожалела, что не сдержалась при встрече и произнесла эту фразу. — И... я хотела сказать вам вот что... Когда мы уже прощались с Лёней, он произнёс: «Скажи это Саше. В последний раз». Я подумала, может, это будет для вас важно...

— Что вы должны были сказать в последний раз?

— Я не помню... мы просто болтали... — Анна нарочно отвела глаза. — Но последние слова я запомнила — в последний раз.

— Анна Сергеевна... — Михаил смотрел на неё подчёркнуто терпеливо. — Вырванные из контекста слова мне ни о чём не говорят. Вспомните... — он нарочно сделал ударение именно на этом слове. — О чём вы беседовали с Леонидом Лапиным? Возможно, ваша помощь будет, действительно, неоценима... Но я должен знать, о чём шёл разговор.

— Я не помню... — она упрямо покачала головой. — Но он имел в виду, что это будет последнее упоминание о нём в нашей семье. Мне так показалось.

От разговора их отвлёк телефонный звонок — звонили Михаилу. Перекинувшись с собеседником короткими фразами, он что-то записал в блокнот, потом бросил такое же короткое «понял, спасибо» и отключился. Какое-то время он сидел, молча потирая указательным пальцем подбородок, как будто обдумывал услышанную информацию, затем вскинул на Морозову пытливый взгляд.

— Ваш муж знает о ваших отношениях?

— Что?.. — Анне показалось, что её окатили ледяной водой...

Она с минуту смотрела на Михаила, как будто силясь понять смысл его слов. То, чего она опасалась всё это время, вдруг, в один момент, превращалось в неизбежную реальность.

— Александр знает, что вы с Лапиным — любовники? — повторяя вопрос, Михаил чуть понизил голос. — Анна Сергеевна... вы сами видите, что этот откровенный разговор я завёл лишь сегодня, без присутствия посторонних. Мне самому неловко, особенно после вашего вчерашнего гостеприимства... но это — моя работа.

— Мы не любовники... — Анна не очень уверенно покачала головой.

— Пятнадцать лет назад вы состояли в любовной связи, — он смотрел на неё в упор. — Этому есть неоспоримые доказательства, и, если будет нужно, я их предоставлю. Но я хочу, чтобы вы рассказали обо всём сами, в приватной беседе, без свидетелей и протокола.

— Что вы от меня хотите?.. — она как-то сразу сникла — плечи опустились, а сердце стучало так гулко, что его удары, казалось, были слышны снаружи. — Какое это может иметь значение сейчас, столько лет спустя?..

— Ваш супруг звонил Лапину в день его исчезновения. Я только что получил эту информацию.

— Саша?! — Анна смотрела непонимающе. — Нет... я бы знала. Он всегда мне об всём говорит, в том числе и о звонках нашим общим знакомым. Тем более... тем более, вечером мы разговаривали о Лёне... я же рассказала Саше, что ездила к нему.

— И, тем не менее... — казалось, что Михаил сам озадачен этим обстоятельством. — Звонок поступил в половине третьего... Я так понимаю, незадолго до вашего визита в ресторан.

— Не может быть.

— Сколько у вашего мужа сим-карт?

— Две... Одна — МТС, другая — Билайн.

— Выходит, что не две, — Михаил протянул Анне блокнот с записанным на страничке телефонным номером. — Вот этот номер тоже принадлежит Александру. Вам он знаком?

— Нет, — бросив на цифры взгляд, Анна тут же отдала назад блокнот. — Это — мой номер, просто симку покупал Саша, вот он и зарегистрирован на него. А пользуюсь — я, при чём, нечасто. Мы пользуемся Билайном, а МТС — лишь для звонков на МТС, вот как Лёне

например.

— Выходит, это вы ему звонили в тот день?

— Да... — понимая, что главное признание она уже сделала, и отпираться теперь бесполезно, Анна нехотя кивнула. — Мне нужно было договориться о встрече... Он сказал, что у него мало времени, и что сейчас он в ресторане. Я сразу поехала туда.

— Вы и раньше звонили ему с этого номера? — Михаил ручкой подчеркнул запись. — Вот, ещё один звонок, шестнадцатого числа. А говорите, что давно не виделись...

— Хорошо... — в лице женщины читалась обречённость. — Я расскажу...

...Своё невольное признание Анна делала недолго. Собственно, и признаваться было не в чем... любовная связь на стороне — преступление лишь перед своей совестью... Она говорила и не могла понять — как этому парню удалось вынудить её на эту внезапную исповедь?.. Видимо, и правда, у этих сыщиков собственные методы... Ведь она была твёрдо намерена молчать — что бы ни случилось!.. А — вот, сидит и признаётся этому, по сути, мальчишке в своих «грехах»...

...А ведь он — ровесник её сына...

— Скажите... — закончив рассказ, Анна подняла на Михаила усталый взгляд. — Вы можете сделать так, чтобы Саша... Александр Иванович... ни о чём не узнал? Ведь я рассказала вам обо всём лишь в интересах следствия. Наше с Лёней прошлое никак не связано с его настоящим... и я только поэтому...

— Как связано прошлое с настоящим, покажет само следствие, — поднявшись, Михаил положил блокнот и ручку в карман. — Если всё было именно так, как вы рассказали...

— Всё так и было... — Анна перебила его, — Я, действительно, приезжала, чтобы попросить Лёню не приходить на наш юбилей.

— Вы боялись, что он каким-то образом озвучит вашу прошлую связь и испортит праздник?

— Нет... Здесь — другое. Вы — молоды, и, возможно, вам трудно будет понять...

— Вы скажите, я постараюсь...

— Я не хотела, чтобы он был рядом в такой день. Но не из-за себя... А — из-за Саши.

— Простите... — услышав очередной звонок, Михаил поднёс телефон к уху.

...Разговор на этот раз затянулся — вернее, Михаил долго внимательно слушал своего собеседника, изредка вставляя ничего не значащие для постороннего слушателя реплики. Воспользовавшись передышкой, Анна старательно приводила в порядок собственные мысли.

...В какой-то момент она была готова броситься в ноги этому парню, чтобы умолять ничего не говорить Александру...

Но она себя вовремя остановила. Что может быть унижительнее, чем просить о молчании мальчишку, которому она годится в матери?..

...В матери... Мать... Его — мать!.. А, что, если он знает, кем были друг другу его мать и она — Анна?! Ведь не зря он в таких подробностях расспрашивал Сашу о его прошлом!.. Тогда почему он ничего не спросил про неё?.. Он и сейчас мог задать наводящие вопросы — ей самой... Или... он уже всё знает — от своей матери?! Знает — в её интерпретации... И вся эта история с Леонидом — лишь подвернувшаяся возможность отомстить... Но — за что?! Ведь Виталий женился на Сандре, и, уже если кому быть в обиде, то только ей — Аниуте...

Эти мысли вихрем пронеслись в голове. Вызывающий симпатию следователь уже не казался ей таким симпатичным...

...Внезапная догадка обожгла сознание... А, что, если дело не в Виталии?.. Сходство этого Михаила и её собственного супруга — случайно?.. или — нет?.. Анна вдруг вспомнила ту — давнюю — осень... чужую деревню... ночной ливень и две фигуры, освещённые светом фары — девушки и парня в военной форме... и, как завершение картины — представшую перед ней на следующее утро баню бригадирши с разбросанными тазами, кровавым пятном на сдвинутой с места лавке... и — валяющейся на полу латунной армейской пуговицей...

Нет... это — невозможно...

— До свидания, Анна Сергеевна, — закончив разговор, Михаил уже взялся за дверную ручку. — Простите, что заставил ждать.

— Как зовут вашу маму?.. — Анна смотрела на него пристально, не мигая.

— Маму?.. — от неожиданного вопроса Михаил слегка смутился. — Александра Семёновна...

— А папу?.. Виталий Иванович?.. — опасаясь, что он не станет отвечать на все её вопросы, Анна сама озвучила имя отца.

— Да... — по взгляду и тону Михаила она поняла, что, несмотря на неожиданность, эти вопросы не вызвали у него естественного в таких случаях удивления. — Всё верно.

— Действительно... всё верно... — выйдя из-за стола, Анна подошла чуть ближе, не сводя с гостя взгляда. — Тогда... разрешите узнать ещё одну подробность...

— Какую?

— Ваш день рождения...

Глава 8.

Известие о том, что автомобиль Леонида Лапина обнаружен в одном из частных гаражей, застало Михаила ещё в кабинете Анны Сергеевны. Покинув лицей, он тут же отправился на окраину города, где его уже ждали участковый инспектор, хозяин гаража и подъехавший криминалист. Ошарашенный неожиданной находкой мужик в рабочем комбинезоне уже в который раз рассказывал, как, забрав из ремонта свой автомобиль, пригнал его в родной гараж, но, открыв ворота, с изумлением обнаружил, что места для его старой «пятнашки» нет — почти всё внутригаражное пространство занимает чужой красавец «мерин», непонятно каким образом попавший в это, явно не его класса, «стойло». Судя по словам хозяина, вначале он долго протирает глаза и даже выходил на улицу — убедиться, что это, действительно, его гараж, а, удостоверившись, что никакой ошибки нет, тут же набрал номер полиции.

— Я ж тут уже вторую неделю не появляюсь, — вытаращив глаза, мужик энергично размахивал руками. — Движок прямо на дороге «братскую руку» показал, я эвакуатор вызвал, говорю, везите сразу в мастерскую, к братану... У меня братан двоюродный мастерскую держит, по «ладам»... так я всегда сам у него свою машинку и шаманю. После работы сразу — туда. Инструмент, запчасти — всё под рукой, а по ремонтам я и сам спец.

— А здесь, значит, ремонтом не занимаетесь? — Миша обвёл глазами помещение.

— Так у меня тут ни ямы, ни подъёмника... А у братухи — всё как положено, плюс мужики все знакомые... Общение!

— Говорите, за неделю двигатель отремонтировали? — выйдя на улицу, Михаил обошёл кругом серебристого цвета, выдавший вида автомобиль.

— Не-е-е... — мужчина усмехнулся, — Сколько можно его «репетировать»? Новый воткнули.

— Новый?.. — Миша с сомнением покачал головой. — Не легче было саму машину

поменять? Сейчас с этим проблем, вроде, нет.

— Ну, если только так... — кивнув на лапинский «Мерседес», мужик громко заржал. — Пришёл в гараж, а там — новьё, да?.. И так, чтобы доплачивать не пришлось, да?..

— Боюсь, без доплаты такой вариант не пройдёт. Во всяком случае, не в этот раз.

...Уже по дороге в отдел, остановившись у обочины, Михаил набрал Злату. Перекинувшись с ней обычными фразами, попросил собрать к его приезду всю их следственно-оперативную группу, работавшую «по банкиру» — как условно называли дело о самоубийстве финансиста. Перед тем, как снова тронуться, открыл лежащую на пассажирском сиденье папку с документами, найденную в «Мерседесе» и достал оттуда фотографию... Какое-то время всматривался в профили мужчины и женщины, запечатлённых на снимке, затем уверенно переложил её во внутренний карман куртки. Закрыв папку и, бросив её на место, плавно выжал сцепление...

Новые фигуранты и события добавлялись, а дело так и стояло на месте. Никаких улик предполагаемый убийца банкира не оставил, а единственный человек, который мог рано или поздно пролить свет на эти два покушения, загадочным образом исчез. Его автомобиль, найденный в чужом гараже, только добавил вопросов. Замок на гараже не был взломан, а, судя по всему, был открыт ключом — экспертам предстояло выяснить, был ли это «родной» ключ, или дубликат, сделанный со слепка. Никто из опрошенных соседей-автомобилистов не видел, когда и при каких обстоятельствах «Мерседес» Лапина въехал в один из боксов. Никаких подозрительных следов на территории не было обнаружено — за неделю снег несколько раз выпадал и снова таял, скрывая все видимые и невидимые «отпечатки».

Внутри салона машины царил порядок — следов борьбы или грабежа обнаружено не было, папка с документами лежала на заднем сиденье — судя по ровной стопке, в них никто не рылся второпях, и Михаил подумал, что так аккуратно поставить машину, пусть и в чужой гараж, мог только сам хозяин авто или близкий ему человек. После обследования автомобиля на предмет отпечатков пальцев и следов биологического происхождения, предстояло проверить СТО, принадлежащее «братану» хозяина гаража, а так же всех его сотрудников и клиентов... «Мужское общение» — слово, брошенное потерпевшим, упорно наводило на какие-то определённые мысли, оставалось только собрать их в кучу и систематизировать...

Михаил, уже в который раз, напрягал мозг, проводя параллель между покойным банкиром и Леонидом Лапиным. Судя по показаниям знакомых и коллег по бизнесу, между этими людьми не было ни дружеских связей, ни общих профессиональных интересов, ни долговых обязательств. Они не были ни родственниками, ни соседями, ни бывшими сослуживцами. Вряд ли они были знакомы между собой — вообще, самое большее — слышали друг о друге или случайно сидели за одним столом...

«За одним столом...»

...Интуиция подсказывала, что связь между этими двумя фигурантами всё же есть. Но вот какая — предстояло выяснить в ближайшее время.

***

Совещание было недолгим — выслушав устные отчёты Златы и ещё двух оперативников, входящих в его следственно-оперативную группу, Михаил отправил парней собирать информацию по мастерской, а сам отправился к криминалисту. Узнав, что результатов пока нет, вернулся назад — в кабинет. Злата сосредоточенно смотрела на монитор, но ему показалось, что она просто не хочет встречаться с ним взглядом.

Они не виделись с самого утра, и Мишка вдруг поймал себя на мысли, что за всё это время он ни разу не вспомнил о том, что сообщила Злата ночью.

«Даша возвращается...»

Ну, конечно, Злата обиделась. Ведь он так ничего и не ответил... только попытался успокоить — неуклюже, чисто по-мужски... А потом, закрыв глаза, отгонял воспоминания — слабо, нехотя... малодушно.

...Даша не приезжала в родной город вот уже семь лет, во всяком случае, Мише об этом ничего не было известно — ни от Златы, ни от её родителей, которые обходили упорным молчанием эту тему. Он знал лишь, что после регистрации брака она вместе с мужем уехала в Канаду. В первое время после её бегства он очень хотел знать о ней всё... Злата рассказывала нехотя: жива-здоровая, изредка звонит... Особых подробностей она не передавала — видимо, жалела... Потом, когда у них завязались собственные отношения, вопросы про Дашу отпали сами собой, и со стороны могло показаться, что Михаил отпустил свою боль — совсем... Со временем он свыкся с мыслью, что Даши в его жизни больше нет и не будет. Он не вспоминал о ней неделями, полностью погружившись в работу, которая всё крепче и крепче связывала их со Златой.

...Но иногда Даша всё же возникала в памяти... Она проявлялась совершенно неожиданно — в чертах своей сестры: в изгибах её тела... в повороте головы... оттенках голоса...

...Они были во многом похожи, и Миша боялся таких моментов — Даша отчётливо проступала в облике Златы, вызывая в его всё ещё тоскующей душе приступы предательской боли...

Ночью, услышав от Златы причину её тревоги и слёз, он промолчал... Он, действительно, не знал, что сказать ей в тот момент. Он не знал этого и сейчас... Да и что он мог ответить? Что ему всё равно?.. Но куда в таком случае спрятать глаза?.. За эти годы Злата изучила его настолько, что могла безошибочно определить не только его настроение, но и прочесть мысли...

А сердце?.. При имени Даши оно забилося с такой силой, что готово было выскочить наружу...

Впрочем, чуть позже волнение улеглось... А сегодняшние события напрочь выгнали из головы все ночные воспоминания.

— Миш, пока ты уходил, пришёл ответ на запрос о счетах Лапина... — не отрывая взгляда от монитора, Злата жестом подозвала Михаила, едва он вошёл в кабинет. — Иди скорее...

— Что там? — он присел рядом и тоже уставился в монитор.

— Оказывается, наш Лапин вовсе не обедневшая жертва брачного развода... — она подвигала мышкой. — Смотри... выясняется, что, вскоре после того, как он отвалил все свои клубы молодой жёнушке, Леонид Борисович открыл счёт в одном из московских банков...

— А это — что? — Михаил кивнул головой на восьмизначное число, стоявшее в одной из ячеек таблицы, растянувшейся на весь экран.

— А это — сумма, которая поступила на этот самый счёт вскоре после трагедии.

— От кого поступила?

— От него самого — взнос наличными. Я подала запрос на движение счётов его второй жены, но почти уверена, что эти деньги — именно оттуда. Сумма, которую внёс на счёт Лапин, почти до копейки совпадает с суммой, которую переводил его супруге покупатель

ночных клубов. Но самое интересное, что продала она эти клубы ещё будучи женой Лапина, и задолго до его самоубийства. Просто сделку какое-то время хранили в тайне, в том числе и от персонала.

— Получается, что деньги на собственный счёт Лапин внёс, когда ещё был в больнице? — Михаил нахмурился. — Как такое может быть?

— Очень может быть, — Злата едва заметно усмехнулась уголком губ. — В этот время он как раз и был в Москве — долечивался в столичной клинике. Он уже был на ногах, поэтому ему ничего не стоило посетить скромный московский банк...

— Думаешь, клубы продала бывшая супруга, а денежки всё равно Лапину достались? — Миша едва заметно усмехнулся. — Вариант... но — не факт. К тому же, ненадёжно как-то хранить подобные суммы в банках очень средней руки.

— А, по-моему, ещё какой факт. Смотри дальше... — Злата прокрутила страничку вниз. — Это — движение счёта... Видишь?..

— Вижу. Перевод средств...

— Совершенно верно. Перевод средств на другой счёт — уже зарубежный... — Злата повернула голову и выразительно посмотрела на Михаила. — А ты в курсе, что у нашего фигуранта в своё время была доля в гостиничном бизнесе в Турции и Египте?..

— В курсе. Я сегодня тоже не зря день провёл. Это единая сеть гостиниц, и доля Лапина была там немалой. Учитывая прибыльность, наш господин был очень состоятельным человеком. Непонятно только, почему он вышел из этого бизнеса пять лет назад.

— Почему — был? — Злата пожала плечами. — Он и сейчас — очень состоятельный. Оказывается, не так давно Лапин приобрёл казино в Москве. Возможно, заодно собирался вновь вложить капитал на известных курортах... А мы его жалели...

— Да... — Михаил качнул головой. — По части развлечений господин Лапин был настоящим профессионалом. Рестораны, клубы, игорный дом... турецкие отели... В случае его смерти единственной наследницей, насколько я понимаю, остаётся дочь?

— Выходит, так.

— Нужно будет её ещё раз допросить. А, вообще... — Михаил посмотрел на часы. — Стоит за ней понаблюдать. Как-то странно она сегодня отреагировала на известие о том, что нашлась машина отца. Мне показалось, что с чувством удовлетворения...

— Навести бы о ней справки личного толка... — Злата задумчиво постукивала подушечками пальцев по столу. — Только не у матери и не у других родственников... Например, у какой-нибудь бывшей подруги, с которой она в ссоре... Или — соперницы.

— Ну, соперница тебе такого наговорит... — Михаил усмехнулся, но тут же задумчиво почесал макушку. — Хотя... если отделить мух от котлет, то можно нарисовать точный психологический портрет исследуемого объекта...

— Особенно, если соперница бывшая и счастливая. Я даже знаю, кто это может быть...

Злата была в курсе прошлых отношений Дмитрия Морозова и Кристины Лапиной — с Мишкиных слов, поэтому они быстро определились — Миша едет к Кристине, а Злата ищет встречи с Натальей Морозовой. Позвонив в творческий центр, она узнала, что Наталья сейчас нет — она уже уехала домой, собираться на выступление, и что сегодня в одном из ночных клубов состоится её концерт.

— На адрес поедешь? — Миша смотрел на неё с нескрываемым интересом. — Или...

— Или... — демонстративно достав из сумочки пудреницу и помаду, Злата подвела губы и эффектно прошлась тонкой напудренной губкой по лбу и щекам. — Есть повод

посетить ночной клуб, так почему не воспользоваться?! Кстати, это бывший клуб нашего Лапина...

— Везёт... — Миша весело усмехнулся. — А мне, возможно, всю ночь в засаде сидеть...

...Перед тем, как в очередной раз встретиться с дочерью Лапина, нужно было «пристроить» Бертю — предстоял напряжённый вечер и, возможно, бессонная ночь не только для него, но и для Златы, и Михаил решил отвезти собаку в дом своего дяди — как обычно. Нужно было торопиться, но он никак не мог расстаться со Златой, находя всё новые и новые причины побыть с ней наедине — хотя бы пару лишних минут.

Уже в автомобиле, по дороге к её дому, он решил рассказать об утренней беседе с Анной Морозовой. Однако его рассказ вызвал у девушки неожиданную реакцию. Казалось, что Злата нешуточно рассердилась, узнав о том, что Анна спрашивала о родителях Михаила, а особенно — о дне его рождения.

— Допрыгался, остолоп?! — наедине Злата не стеснялась в выражениях с капитаном Мясниковым. — Доходился в гости?..

— Я выполнял оперативно-розыскные мероприятия, — невольно улыбнувшись, Миша пожал плечами. — В чём моя ошибка?

— Да твоя ошибка у тебя на лице написана, понимаешь?! Особенно, когда ты рядом с этим Морозовым! — несмотря на то, что их никто не слышал, Злата всё же приглушила голос. — Да вы настолько похожи, что вас кто угодно раскусит... А не только бывшая знакомая твоей матери. А, что, если она догадалась, что ты — сын её родного мужа?!

— Подозрения без доказательств — не улика... — остановившись у её дома, Михаил добродушно рассмеялся и, притянув к себе женщину, наклонился и упёрся лбом в её лоб. — У нас — презумпция невиновности... Тем более, такие параллели на пустом месте не проводятся.

— Ты ведь ничего не знаешь о том, что ей на самом деле известно... — Злата на мгновение замерла, как будто не в силах оттолкнуть от себя этого до боли близкого и любимого мужчину... но всё же сделала над собой усилие и отвернула лицо. — Ты ничего не знаешь, Мясников, поэтому играешь в опасную игру. Какой ты, к чёрту, после этого следователь?!

— Говорят, хороший...

В душе Михаил понимал, что Злата во многом права: он, действительно, не знал всех подробностей знакомства своих отца и матери — кроме тех, которые рассказала ему бабушка Вероника. Но и та знала о них лишь со слов своей дочери... Миша не раз пытался расспросить Александру, но та неизменно говорила заученный текст: «Гадина Анька подставила».

— Ты знаешь... — он всё ещё удерживал Злату в объятиях. — Мне так приятно, что ты за меня переживаешь...

— Да, переживаю... — она снова на секунду замялась. — Потому, что ты слишком добрый... Непростительно добрый. Нельзя быть таким добрым, Мясников, особенно при твоей профессии.

— Разве это плохо? — он так и смотрел на неё — улыбаясь.

— Ты всех готов прощать... — Злата, напротив, сделалась крайне серьёзной, ему показалось, что в её глазах сквозит какая-то непонятная ему боль. — Оправдывать и прощать... Ты прощаешь, даже не зная, почему тебя предали... Ты всех... всех готов простить... и — простишь, в конце концов...

— Ты сейчас о ком?.. — улыбка сползла с его лица, взгляд стал пытливым.

— Какая разница... — понимая, что выдавала себя с головой, Злата опустила глаза. — О твоём Морозове. Вот ты говоришь — он хороший мужик... А мать твою бросил. Он же мог хотя бы найти её — потом, в те времена были совсем другие нравы... А он совсем исчез с горизонта. Спокойно женился на другой...

— Да не мог он её сразу найти.

— Откуда ты знаешь?

— А что тут знать? — Миша пожал плечами. — Скорее всего, получил взыскание и был лишён увольнительных... А то ты сама не знаешь, как это бывает... Да и у меня был «залёт»...

...Он снова хотел рассмеяться, вспомнив, как был наказан за то, что однажды пропустил занятие... Однако, смеха не получилось... Перед глазами невольно встала Даша... Ведь всё произошло именно из-за неё. Потом она жаловалась Мишке, что Злата отчитала её со всей строгостью — за то, что Даша спровоцировала его на этот пропуск... Она частенько делала вид, что обижена на своего жениха... И тогда, влюблённый без памяти Михаил был готов на любые «подвиги»... Правда, дисциплинированность и благоразумие обычно брали верх, но пару раз всё же уступили юношескому пылкому безрассудству...

Даша, по вине которой он получил серьёзное взыскание, тогда не спросила ни о чём... Она лишь жаловалась на сестру и плакала... А Мишка, как только увидел её впервые после вынужденной разлуки, был готов утирать её слёзы и жалеть — до бесконечности... Он даже был готов отчитать Злату...

...Он понял, о каком прощении говорила сейчас Злата. Она боится, что чувства вернуться, как только он снова увидит Дашу... Но ведь он даже не знает, почему она возвращается... И одна ли?..

Ему очень хотелось задать эти два вопроса, но он понимал, что Злата растолкует их по-своему. Нужно было что-то сказать ей по поводу ночного разговора... Дать понять, что к старому возврата больше нет, и быть не может... И что кроме неё ему никто не нужен. Слова несколько раз уже почти срывались с губ... Он знал, что произнёс бы их искренне... Он знал, что Злата ждёт именно этих слов...

Он знал, но... молчал.

***

Кристина не ждала повторного визита следователя и была откровенно удивлена его появлению.

— Я не в курсе папиных финансовых операций, — она насмешливо смотрела на Михаила своим серым взглядом — в отличие от прошлой встречи, сегодня в нём не было ни растерянности, ни испуга. — Он просто мой отец, и мне неважно, на каких счетах он держит свои сбережения. Да и сами сбережения для меня не важны.

— Вы — единственная наследница отца...

— Ну, и что? — она пожала плечами. — Какое отношение это имеет к его розыску?

— Скажите... а вот вторая супруга отца... Она, действительно, обманывала Леонида Борисовича с беременностью?..

— Ну, наверное... Хотела удержать... получить богатый подарок...

— Но она его не получила. А, роди ребёнка, кто знает, может, ваш отец и на самом деле осыпал бы её подарками?

— Так он и осыпал... — во взгляде Кристины мелькнула подозрительность. — Он отдал

ей почти всё!

— Она вернула ему деньги за весь проданный бизнес... Разве вы не в курсе?..

Михаил не был уверен на сто процентов в своём утверждении. Он пошёл, что называется, ва-банк, и, судя по тому, как изменилась в лице Кристина, не ошибся — на нём одновременно отразились и гнев, и замешательство. Его реплика попала в точку: Лапин, действительно, получил назад все деньги, и Кристина об этом знала.

Однако она не собиралась сдаваться.

— В курсе чего?.. — ей удалось справиться с собой, и этот вопрос сопровождал её обычный колючий взгляд. — Я вас не понимаю.

— Мне удалось узнать, что сумма, за которую вторая супруга вашего отца продала доставшийся ей бизнес, полностью вернулась к Леониду Борисовичу.

— Я ничего об этом не знаю.

— Так всё же... была его супруга беременной?..

— Спросите у неё, — тон Кристины стал сухим. — Откуда мне знать такие подробности?

— Ну, мало ли... женские беседы, например... вы же до сих пор прекрасно общаетесь?

— Я же говорю — спросите у неё. Или дело поднимите — наверняка там есть её показания.

— К сожалению, прежний следователь, который вёл дело вашего отца, до таких подробностей не дошёл. Всё списал на суицид.

— Странно... — Кристина надменно-брезгливо усмехнулась. — Чтобы ищейка да не вынюхала такие пикантные подробности...

Камень был явно брошен в его огород, но Михаил не подал виду — чего не простишь красивой девушке, да ещё «убитой горем»?

Спокойно попрощавшись, он вышел из дома Лапина и сел в свой автомобиль. Часы показывали уже довольно позднее время, но Михаил был уверен — Кристина не собиралась сидеть дома в этот вечер. Выразительный макияж, стильно уложенная причёска, коктейльное платье — все эти подробности говорили о намерении «выйти в свет».

Отъехав подальше от дома, он поставил машину таким образом, чтобы просматривались двор и окна. Заглушив двигатель, достал телефон и набрал Злату.

— Ты где? — громкая музыка и голоса позволяли предположить, что она уже «на объекте».

— В «Кристалле», — голос Златы едва перекрывал общий шум. — Отрываюсь по полной программе!

— В смысле?.. — Мишка насторожился. — Танцуешь, что ли?..

— Пытаюсь выпить!..

— Чего?!

— Выпить пытаюсь! С девушкой я уже побеседовала... — шум стал немного тише — видимо, Злата вышла из танцзала. — Очень миленькая девушка оказалась... Но больше всех мне их фронтмен понравился! Его бы я тоже с удовольствием допросила! Мясников, можно, я ему выпишу повестку?..

— Кто понравился?! — Мишка сам повысил голос, как будто боялся, что Злата его не услышит. — Ты чем там вообще занимаешься?!

— Фронт-мен! — она произнесла это слово по слогам. — Какой ты дремучий, Мясников!.. даже не знаешь, кто такой фронтмен!..

— Ты что, правда, напилась?..

— Представляешь, оказывается, тут сегодня вся их группа выступает! — Злата как будто не услышала его последнего вопроса. — Та-а-кие мальчишки классные!.. Мясников, можно, я им всем повестки выпишу?..

— Ты на машине поехала или на такси?.. — он, в свою очередь, не прекращал тревожного допроса. — Злата?!

— Естественно, на машине! — она заявила об этом как о чём-то само собой разумеющемся. — Я же почти блондинка!..

— Сиди там, я сейчас приеду!

Он был вынужден отключиться от разговора — к воротам подъехал белый внедорожник, за рулём которого сидела молодая женщина. Выйдя из автомобиля, она закурила — судя по всему, в ожидании пассажирки. Через минуту в окнах дома Лапина внезапно погас свет...

Наблюдая, как женщины обмениваются приветственными поцелуями и усаживаются в машину, Михаил завёл двигатель. Несмотря на интересную ситуацию, хотелось только одного — скорее «проводить» Кристину с подругой до места назначения, а затем мчаться за Златой...

Злата не злоупотребляла спиртными напитками, она вообще почти не пила... Но после разговора с ней Миша не мог избавиться от тревоги. Картинка, в которой Злата сидит в баре и осушает стакан за стаканом, так и лезла в голову. По дороге он несколько раз набирал её номер, но безрезультатно — трубку она больше не брала.

В какой-то момент он уже был готов бросить слежку и свернуть на ближайшем светофоре, как заметил, что на преследуемом им внедорожнике включился правый поворотник...

...Последние пару кварталов Михаил уже не сомневался — автомобиль, в котором ехала Кристина, держит маршрут в сторону нужного ему клуба. Он почти не удивился, когда внедорожник свернул на служебную стоянку...

Едва проводив взглядом скрывшихся в дверях женщин, он выскочил из машины, и, заранее приготовив удостоверение, почти бегом бросился следом.

...Злату он увидел почти сразу — в небольшом холле, у раздевалки... Под испуганными взглядами двух молоденьких девчонок, она обнималась с каким-то парнем — так показалось Мише в самый первый момент... Он даже замедлил шаг... но уже через секунду снова бросился вперёд — заломив профессиональным приёмом руку парня, Злата тут же уложила того на пол и придавила сверху коленом.

— Всем разойтись, уголовный розыск!.. — Михаил машинально приложил ладонь к боку, но тут же отёрнул — надобности в применении оружия явно не было.

— Ой, вы ничего не подумайте!.. — увидев в его руках удостоверение, девчонки тут же бросились наперерез. — Он сам виноват! Он тут ко всем приставал!.. Девушка тут ни при чём, она всё правильно сделала!..

— Что случилось?.. — при виде спешащих на помощь охранников, Михаил помог Злате подняться. — Ты — как?!

— Нормально... — поправив платье, она подошла к большому зеркалу и чуть взбила рассыпавшиеся по плечам волосы. — И для чего они охрану держат?..

— Кто это?! Он тебе что-то сделал?! — Миша окинул взглядом статную фигурку Златы, пытливо заглянул в лицо. — Может, его задержать?..

— Смеёшься?.. — она скосила на него насмешливый взгляд. — Пусть с ним охрана

разбирается... Просто пьяный, без тормозов. Ходил тут, бузил, свои порядки устанавливал. Пришлось успокоить старым женским способом...

— Да уж... — он встал сзади и, положив ей руки на плечи, взглянул в зеркало на них обоих — даже на высокой шпильке Злата едва дотягивала до его плеча, и было трудно поверить, что эта маленькая, хрупкая женщина только что отправила в нокаут пьяного хулигана. — Женским... — потом, как будто вспомнив о чём-то, слегка нахмурился. — Ты, случайно, не с ним пыталась напиться?!

— Дурак ты, Мясников... — она так же, через зеркало, грустно улыбнулась. — Ты примчался меня спасать?..

— Да нет... — он озабоченно оглянулся. — Фигурантку сопровождал... Она только что сюда вошла с подругой...

— А... — Злата едва удалось скрыть разочарование. — Понятно... Ну, тогда удачной тебе охоты.

— Подожди... — он чуть наклонился к ней. — Ты что, не пила?..

— Мясников, я за рулём не пью.

...Резко сбросив с плеч его руки, она неожиданно повернулась и направилась к гардеробной.

— Ты куда?.. — Михаил удивлённо наблюдал, как Злата протягивает гардеробщику номерок. — Я же здесь... Потом вместе уедем.

— Куда?.. — она чуть насмешливо улыбнулась уголком губ и тут же потянулась за пальто.

— Как куда?.. Ко мне...

— Нет, Миша. Я не поеду — к тебе, — она сделала особое ударение на последнем слове.

— Ну, поедем к тебе... — его огорчённая растерянность была абсолютно искренней, и Злата снова посмотрела на него с грустной улыбкой.

— И ко мне мы не поедем... — на этот раз она выделила «ко мне». — Да, я совсем забыла... Полный отчёт о сегодняшней беседе получишь завтра. А пока — пока.

Глава 9.

Он хотел что-то ответить, возможно, задержать Злату, но не успел. Бросив случайный взгляд в сторону, она в одно мгновение изменилась в лице — из насмешливо-грустного оно вдруг превратилось в гневное.

Чуть подавшись назад, Михаил на секунду скосил глаза — в зеркальном отражении со стороны служебных помещений показались два уже знакомых женских силуэта... Женщины шли прямо на них, и только сейчас Миша подумал, что непростительным образом «засветился» перед преследуемой им фигуранткой.

Злата всегда отличалась удивительной способностью моментально оценивать обстановку и принимать нужные решения. Вот и сейчас, заметив, как из служебной двери выходят две стильно одетые молодые женщины, одна из которых является предметом Мишиного наблюдения, она тут же сориентировалась. Узнать Кристину было нетрудно, даже несмотря на огромные чёрные очки — только сегодня Михаил показывал её фото.

Доносившаяся из зала музыка звучала здесь не так громко, но к ней добавлялся гул голосов находящихся в холле посетителей, поэтому, как только Кристина и её спутница поравнялись с ними, Злата повысила голос и широко взмахнула руками.

— Я же тебя просила! Не надо за мной ходить!.. Не надо меня искать!.. — пристально уставившись на Мишу, Злата перешла на резкий тон. — У меня своя личная жизнь, и ты в

неё не вписываешься!..

— Ты мне сама сказала, что ты выпила! — Михаил тут же всё понял и включился в игру. — Ты что, за руль собралась в таком виде садиться?!

— Не твоё дело!.. — провожая краем глаза Кристину с подругой, Злата решила эффектно закончить постановочный диалог. — И вообще... Иди в баню!

— Только вместе с тобой... — дождавшись когда за Лапиной закроется дверь в гримёрные, Миша не выдержал и рассмеялся. Обхватив Злату за шею, притянул к себе, понизил голос. — Умница ты моя...

— Вот только не надо... — несмотря на его шуточный тон, та резко высвободилась из-под его руки. — Ты за фигуранткой следишь, вот и следи, а то улизнёт сейчас через другой выход. Ты видел, что они не в гардеробе разделись, а где-то там, в служебке?

— Видел. Всё равно она меня уже вычислила...

— Сам виноват. Не нужно на пятки наступать. Довёл до клуба, мог мне перезвонить, я бы уже здесь сама разобралась.

— Не нужно было говорить, что ты пьяная.

— Я не говорила. Я сказала, что только пытаюсь напиться, а это — не одно и то же, — Злата нахмурилась. — И, вообще... Это моё личное дело.

— Просто я насмотрелся этого... — Миша тоже вдруг посерьёзnel. — Поэтому и боюсь.

— За меня?..

— А за кого мне ещё бояться? Кстати... — он за локоть отвёл Злату в угол, где было меньше чужих ушей. — Тебе что-то удалось выяснить? Давай сразу, у меня кое-какие подозрения тут возникли.

— Ну, если вкратце... — нетерпеливо вздохнув, она нарочно нервно поправила воротник — сделала вид, что ссора не закончилась, и она всё ещё выговаривает «ревнивому жениху». — Со слов Натальи, Кристина умна, мстительна, изворотлива, умеет ходить по трупам и способна на дерзкий поступок.

— А говоришь — ничего серьёзного. Столько информации за каких-то полтора часа.

— Просто мне повезло, они приехали за час до выступления. Наталья при муже ничего не хотела говорить, но потом его отозвали, и... В общем, полный портрет нарисовала, даже с подробностями.

— С какими?

— Кристина на самом деле не такая уж и любящая дочь, какой прикидывается... — Злата уже в который раз исподтишка бросила взгляд на двери в гримёрные, затем перевела его на Михаила — тот слушал очень внимательно. — В своё время в одном из клубов Лапина был пожар — от взорвавшейся петарды загорелась гримёрка. Петарда была в сумке одной из артисток, и взорваться должна была чуть позже, и уже в присутствии другой артистки. Но произошло непредвиденное. Так вот, Кристина была в курсе готовящейся расправы, но ничего не сделала, чтобы её предотвратить. Напротив, даже поощрила эту месть. Результат — наполовину сгоревший папочкин клуб.

— Кто был предметом мести?

— Как ты думаешь? — Злата насмешливо улыбнулась.

— Сама Наталья?

— Угадал, — Злата устало вздохнула и легонько хлопнула его по плечу. — Ладно, Мясников. Я свою миссию выполнила. Иди, теперь твоя очередь развлечься. И не вздумай больше её вести... Она всё равно тебя просекла, даже несмотря на нашу с тобой комедию.

Послушай лучше, как твой братец поёт.

— Может, вместе слушаем?

— Думаю, не стоит. Кстати... Кристина вдвоём с подругой приехала или они тут встретились?

— Вдвоём, на машине подруги. Я не знал их маршрута, иначе бы сразу тебя предупредил.

— Что за машина?

— Белая «Мазда». Ты остаёшься?

— Да, только снаружи. Думаю, стоит понаблюдать. Они мою машинку пока не знают.

— Давай, так, — Михаил снова взял Злату за плечи и оглянулся. — Я — снаружи, ты — внутри.

— Нет уж, — она невольно рассмеялась. — Иди, разыгрывай дальше брошенного влюблённого... А я — в машину. Хотя, даже если у Лапиной есть контакт с отцом, не факт, что именно сегодня они встретятся.

— Не факт, что он вообще ещё способен пойти на контакт, — Миша усмехнулся в ответ. — Ну, если только на спиритический...

***

Оказавшись в достаточно большом, гремящем музыкой и сверкающим тысячей светодиодов танцзале, Михаил сразу огляделся. Кристины с подругой нигде не было видно, но этого и стоило ожидать — он сам видел, как они прошли в гримёрные и назад не возвращались. Расположение помещений он изучил сразу же, как только проводил Злату — схема эвакуации на случай пожара висела на стенде в холле. Согласно этой схеме, крыло, в котором находились артистические гримёрные, имело собственный выход — им пользовались артисты.

Михаил не сомневался, что Кристина с подругой им не воспользуются — их одежда осталась в другом крыле, и они, в любом случае, вернутся туда. Дело осложнялось тем, что из зала холл плохо просматривался — посетители постоянно входили и выходили, а торчать в самом холле в ожидании фигурантки не стоило — он сразу бы попался ей на глаза. Позицию пришлось занять нейтральную — в зале, возле выхода. Сделав вид, что наслаждается музыкой, Миша то и дело бросал взгляд в дверную арку. Он не был любителем подобных заведений, да и времени на их посещение почти не оставалось, поэтому сосредоточиться не составляло особого труда.

Чуть привыкнув к мельканию разноцветных огней и мельтешению людских тел, Михаил, наконец, обратил внимание на сцену. Четверо музыкантов и вокалист исполняли очередную классическую роковую композицию — взяв последнюю высокую ноту, фронтмен согнулся в поклоне, затем взмахнул рукой и удалился под громкие крики зала. За ним последовали и остальные, и Михаил подумал, что выступление группы окончено. Он не успел как следует разглядеть певца, однако, был уверен: им мог быть только Дмитрий Морозов — сын Александра и Анны... Он не раз просматривал его видеозаписи.

Миша не разбирался в музыкальных тонкостях, поэтому не мог определить, сколько полных октав были подвластны фронтмену группы «Ночной патруль», но он уже давно оценил его вокальные данные как неискущённый слушатель — Дима, действительно, с лёгкостью брал самые высокие ноты.

...В душе он даже пожалел, что не оказался сегодня на месте Златы — это был явный шанс увидеть своего родного брата не в мониторе ноутбука, а, что называется, «живьём». Не

пойдёшь ведь сейчас в гримёрку — просто так, без повода...

...Неожиданный гитарный перебор заставил его вновь бросить взгляд на сцену... Девушка, появившаяся в свете софитов среди сложенных гитар и множества динамиков, была ему явно знакома... Чёрные, блестящие кожаные брючки, ловко обтягивающие точёную фигурку... белая свободная рубашка с надетым поверх чёрным кожаным коротким жилетом... Длинные, до пояса, белокурые волосы, расчёсанные на пробор... акустическая шестиструнка на широком ремне через хрупкое плечо...

Мишке было удивительно видеть сейчас Наталью — в сценическом наряде, с гитарой, у микрофонной стойки... Но это была она — Наташа, которую несколько дней назад он видел в квартире Морозовых, которая так по-домашнему наливала ему чай и приветливо улыбалась... Сейчас девушка перебирала струны — мелодия волнами выплёскивалась из-под тонких пальцев, завораживая с первых аккордов... Михаил даже не уловил момента, когда вступил голос самой певицы — ему показалось, что он просто отделился от серебряных звуков гитары и теперь самостоятельно разливался по притихшему залу... Голос у Натальи был удивительно чистым, нежным, гибким... Вступив на полутнах, он то набирал силу, то снова стихал, наполняя собой пространство. Казалось, что сам воздух вибрирует вместе с ним...

...Взлетев на невероятную высоту, женский голос на секунду замер... и в тот же миг ударившая по струнам рука вырвала из них каскад аккордов — отбивавшие чёткий ритм, они были на лету подхвачены занявшим место за ударной установкой драммером. Двое парней уже надевали на себя гитары... ещё один устраивался за клавишами. Дмитрий пока не появлялся, и Миша догадался, что таким образом музыканты дают друг другу возможность отдохнуть.

...Наталья всё ещё пела, когда он краем глаза заметил подругу Кристины — та вновь пересекала холл в направлении служебной двери. Теперь всё его внимание было приковано к холлу. Кристина не вышла, она вполне могла встретиться с кем-то знакомым, в конце концов, она не просто так приехала сюда в этот вечер.

Однако, буквально через пять минут в его кармане зазвонил телефон.

— Миш, — голос Златы сразу показался ему озабоченным. — Твоя белая «Мазда» отъезжает со стоянки. Но женщина вышла одна.

— Кто? — он спросил, уже зная наверняка ответ.

— Не Лапина. Подруга, что с ней была. Я провожу?..

— Давай, — оглядываясь на ходу, Михаил торопливо вышел из танцзала. — Только осторожно. Проводи до места и возвращайся.

— По обстановке...

Решив, что лучше перестраховаться, Михаил решительно потянул за ручку двери, ведущей в гримёрные. Небольшой коридорчик был пуст, но через секунду в конце его показался высокий парень в чёрном кожаном костюме. Парень шёл стремительно, судя по всему, торопясь на сцену — длинные, до плеч, густые волосы развевались как на ветру.

— Добрый вечер, — на ходу доставая удостоверение, Михаил шагнул ему навстречу. — Капитан Мясников, уголовный розыск. Вы — Дмитрий Морозов?

— Да... — мельком глянув на «корочки», Морозов перевёл удивлённый взгляд на Мясникова. — А в чём дело?

— Полчаса назад сюда вошли две женщины, одна из них должна быть вам знакома. Её зовут Кристина Лапина.

— Кристина?.. — Дмитрий слегка нахмурился и отрицательно покачал головой. — Я её не видел.

— А, если вспомнить? — Михаил смотрел на него в упор.

— Я больше часа был на сцене, потом — перерыв пятнадцать минут, десять из них со мной были мои ребята. Потом они ушли, я ещё немного побыл в гримёрке... и — всё... Мне уже пора на сцену...

— Скажите, к кому ещё могла прийти Кристина кроме вас?

— Понятия не имею, — Морозов пожал плечами и нетерпеливо шагнул в сторону, как бы пытаясь обойти назойливого следователя. — Вы меня простите, но мне уже пора. Кстати, мою жену уже допрашивали сегодня по поводу Кристины. Это не из вашего ведомства?..

— Из нашего... — чуть поджав губы, Михаил спрятал удостоверение. — Спасибо за информацию...

— До свидания, — кивнув, Дмитрий тут же устремился на сцену.

Картину прояснил парень лет двадцати — судя по внешнему виду, стриптизёр. Миша нашёл его в одной из гримёрных и тут же решил задать интересующий его вопрос. Удостоверение он показывать не стал, решив прикинуться заинтересованным поклонником Кристины.

— Да, была Кристина... — во взгляде молодого человека читалось явное превосходство, и Михаил подумал, что, будь здесь Злата, она как никто другой охарактеризовала бы этого накачанного красавчика с претензиями на брутальность. — Заходила ко мне, — последние два слова были произнесены откровенно фамильярно — на публику

— Жаль, не застал... — Михаил картинно почесал затылок.

— Она что, тебе тоже время назначила?.. — в вопросе прозвучали неприкрытые нотки ревности.

— Да нет... — Миша поспешил успокоить собеседника. — Просто я как её увидел — обалдел... Думаю, дай, попробую подойти...

— Ну, ты даёшь... Вот так, запросто — подойти?.. К Кристине?!

— А что тут такого... Или нужно было заранее договариваться о встрече? — Миша изобразил «запоздалое озарение».

— Ну, естественно... — стриптизёр казался искренне удивлённым. — Она — известный продюсер, у неё всё время расписано. Она абы с кем разговаривать не станет.

— Ну, да... тоже верно... А ты уже выступил?.. — Миша сделал неопределённый жест в сторону двери. — Или...

— Нет... — парень всем своим видом показывал, что не понимает, как можно быть таким недогадливым. — Мы обычно выступаем после двенадцати... Ну, когда публика уже совсем горячая.

— А, понял! Наверное, Кристина хотела поговорить с тобой наедине, поэтому и назначила встречу за час до выступления... — недвусмысленный намёк удался Михаилу и явно понравился его собеседнику.

— Естественно. Это же приватный разговор.

— Так с ней, вроде, баба какая-то была...

— А, — парень равнодушно махнул рукой. — Это жена нашего Артюши... Она привела Кристину, потом ушла.

— Артюши?.. — Михаил сделал вид, что вспоминает имя. — Артюша... Что-то знакомое...

— Господи, да артдиректор наш... Артём. Ну, Артём — артдиректор... — парень смотрел на Мишу, как на непонятливого ребёнка, — Артюша, в общем...

— Всё, вспомнил! — Миша театрально хлопнул себя по лбу. — Точно! Артюша!

— А ты что... — парень окинул Михаила заинтересованным взглядом. — Тоже стриптиз работаешь?..

— Ну-у-у... — Мишка демонстративно замялся и сделал неопределённый жест рукой. — Скажем так... хочу работать.

— А не поздно?.. — стриптизёр снисходительно усмехнулся. — У нас ведь возрастные рамки жёсткие...

— Ну, попробовать-то можно...

Парню явно нравилось быть в выигрышной позиции — это читалось в его взгляде и в каждом жесте. Буквально упав на стул, он театрально закинул ногу на ногу и провёл языком по внутренней поверхности щеки.

— Пока ничего не буду обещать... — снисходительность превратилась в откровенное великодушие. — Но, возможно, скоро здесь освободится вакансия... Могу посодействовать.

— Серьёзно?! — Михаил изобразил искренний восторг. — Это вместо тебя?!

— Только учти... форму надо держать.

— А ты?.. — Мишины глаза выразительно округлились. — Неужели с Кристиной — в Москву?!

— Ну... есть такой вариант...

Глядя, как парень картинно пытается поиграть перед ним своими мускулами, Михаил невольно усмехнулся про себя — уж кому-кому, а не ему продемонстрировать атрибутику мужской красоты. Несмотря на огромную нагрузку, капитан Мясников всегда находил время на спортивные тренировки.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что Кристина покинула гримёрную стриптизёров внезапно — после телефонного звонка. Миша прикинул — звонок она получила незадолго до его собственного появления. В холл она не выходила, с Морозовым не встретилась... Оставался один вариант — выход на улицу. Учитывая то, что девушка была без верхней одежды, у неё для этого были очень веские причины. Решив, что вряд ли она ушла раздетой, а, скорее всего, вернулась в клуб через другой служебный вход, обойдя здание снаружи, Михаил собрался ещё какое-то время понаблюдать за обстановкой из салона своего автомобиля. Он с сожалением прошёл мимо танцзала, поймав себя на мысли, что с большим удовольствием посмотрел бы сейчас концерт... Встреча с Дмитрием была настолько внезапной, что он не успел осознать, что, наконец-то, увидел своего родного брата — лицо в лицо.

...Впрочем, он увидел его ещё раз — примерно через час, когда высыпавшие из клуба музыканты рассаживались по своим авто — неподалёку. Дмитрий и Наталья уехали на тёмно-синем «Ауди», прихватив с собой ещё одного пассажира — кажется, это был барабанщик.

Злата звонила ему через каждые пятнадцать минут — докладывала обстановку. На первый взгляд, не происходило ничего экстраординарного — белая «Мазда», на которой уехала супруга «Артюши», останавливалась по дороге пару раз — её хозяйка посетила ночной супермаркет, а затем заехала на заправку. Злата терпеливо ожидала неподалёку, отзваниваясь Михаилу, и последний её звонок прозвучал минуту назад.

«Миш, кажется, приехала домой... Машину загоняет в подземный гараж...»

Поговорив со Златой, Миша набрал оперативника, оставленного для наружного наблюдения за домом Лапина — по словам сотрудника, дома Кристина ещё не появлялась. Полная неясность обстановки осложняла дело. Было неизвестно, осталась ли Кристина в клубе — например, в кабинете того же Артюши... или давно покинула его стены, вызвав такси.

«А, что, если не такси?..»

— Ты уже дома? — минут через двадцать он снова набрал Злату.

— Уже — нет...

— А где?! — нахмурившись, Михаил ожидал её ответа, но Злата отключилась. Он снова нетерпеливо нажал на вызов. — Злата, ты где?!

— Мясников... иди в баню... — судя по доносившейся негромкой музыке, Злата находилась в салоне своего автомобиля.

Зная её, можно было не сомневаться — Злата ехала к нему. Он даже не удивился, когда через двадцать минут она открывала пассажирскую дверь. Усевшись, устроила на коленях пакет, из которого доносились волнующие голодный желудок кулинарные запахи...

— Зла-а-тка-а-а... — потянувшись, он заграбастал её в объятия — Злата в буквальном смысле утонула в шуршащей ткани его куртки, рискуя выронить пакет со всем его содержимым.

— Мясников... бутерброды будешь есть с пола... — не проговорила, в пробубнила она куда-то ему в грудь. — И, вообще... прекрати звонить мне, когда я за рулём!

«Походный» ужин был как нельзя кстати — Мишка поглощал бутерброды практически не жуя, лишь запивая их горячим кофе из термоса, который привезла ему Злата. Одновременно он умудрялся рассказывать ей о результатах своего наблюдения и выслушивать её саму.

— Что мы имеем на настоящий момент?.. — налив себе ещё одну кружку кофе, он откинулся на спинку кресла. — По банкиру — полный тупик. Лапин находится в розыске, а его родная дочь вовсе не тянет на скорбящую. При чём, её настроение резко изменилось в последние два дня. Либо она узнала что-то об отце, либо он сам дал о себе знать...

— Ну, да... — Злата усмехнулась. — У девушки пропал любимый папа, а она разгуливает по увеселительным заведениям. Кстати... — она повернулась к Михаилу всем корпусом. — Тебе не показалось странным, что она, по сути, известная личность, пришла во вполне заурядный ночной клуб... где её может узнать чуть ли не каждый.

— Может, ей нравится популярность, — Михаил пожал плечами. — Хотя, ты, конечно, права. И эта сцена со стриптизёром... Мне почему-то показалось, что ей просто нужен был повод пройти в гримёрные именно в это время. Она назначает время встречи этому танцору, он приезжает за час до выступления... Она приходит к нему в гримёрку...

— И?..

— И — всё... — Миша растерянно развёл руками. — На этом моя фантазия кончается. Но то, что она появилась там неспроста — железная версия. Возможно, дело в телефонном звонке. Ей позвонили, и она тут же ушла. И ушла, судя по всему, прямо на улицу...

— Раздетая? — Злата недоверчиво усмехнулась.

— Она могла пройти по улице — к другому служебному входу. И уже там — одеться. Кстати, в этом случае её не заметят в холле... Хотя... Одежду ей могли элементарно принести... Завтра нужно будет изъять данные с камеры наблюдения, хотя я сомневаюсь, что они просматривают служебные выходы.

— А, по-моему, всё гораздо проще... — Злата грустно улыбнулась и опустила глаза. — Может, ей захотелось увидеть своего любимого мужчину... Прямо к нему не подойдёшь — он везде с женой... В зале появиться — статус не позволяет... Вот она и выдумала эту встречу со стриптизёром... Поболтала с честолубивым мальчиком... подарила ему сомнительную надежду... А сама только и ждала, когда Морозов на перерыв пойдёт.

— Откуда она знала, когда он пойдёт?.. — удивлённо слушая неожиданную версию Златы, Михаил никак не мог сообразить — всерьёз говорит девушка, или шутит. — У них перерыв очень маленький, сначала певица уходит.... Потом возвращается, но уходит сам Морозов с музыкантами... Потом музыканты возвращаются на сцену, и он буквально пять минут находится в одиночестве, и то, не факт, что никто не войдёт в гримёрку.

— Ну, вот почему ты такой медведь?! — Злата несильно шлёпнула Мишку перчатками по плечу. — Всю романтику мне затоптал своими аргументами!..

— А я думал — ты серьёзно...

— А я — серьёзно, — она тоже откинулась на спинку и заговорила тише. — Ведь, судя по всему, твоя Кристина любила Морозова. Может, и сейчас любит...

— Она же замужем, тем более, столько лет прошло...

— Ты хочешь сказать, что за столько лет любовь обязательно должна пройти? — ему показалось, что Злата даже замерла в ожидании ответа.

— Я не знаю... — он произнёс это слишком серьёзно, после слегка затянувшейся паузы, и она подумала, что ответ относится не только к Кристине Лапиной — впрочем, как и её вопрос.

— А я знаю... — ему показалось, что её голос едва заметно дрогнул. — Настоящая любовь — это навсегда. Вот так-то, Мясников.

...Они молчали довольно долго... Миша не сводил глаз с пяточка у входа в ограду, за которой располагался клуб. Через него неминуемо проходили все — и персонал, и артисты, и посетители. Время давно перевалило за полночь, но интересующий его объект так и не появлялся.

Злата сидела рядом — так же молча... Миша несколько раз уже был готов отправить её домой спать, но каждый раз почему-то останавливал сам себя. За эти годы они буквально приросли друг к другу, образовав неразъединимый тандем... Он чувствовал необходимость её присутствия в своей жизни — первоначальной причиной этому была их работа. Они дополняли друг друга, понимали с полуслова, с полувзгляда... Но была ли это «та самая» любовь — он не знал до сих пор. Не знал, а, может, просто не задумывался...

Они и так были вместе — день и ночь. Михаил вдруг подумал, что, будь на месте Златы Даша, он давно бы заставил её уехать домой — поужинать и лечь в тёплую постель... Со Златой всё было по-другому. Даже жалея её искренне, он предпочёл бы, чтобы она оставалась с ним — рядом, до самого конца...

— Слушаю... — услышав сигнал телефона, Михаил поднёс его к уху. — Что?! Сейчас еду...

— Что случилось? — тень печали моментально улетучилась с лица Златы, уступив место тревоге.

— Серёга звонил, с наружки, — убрав телефон, Миша тут же повернул ключ зажигания. — В доме Лапина на секунду свет загорелся... Потом потух.

— Может, Кристина?..

— Говорит, ещё не вернулась.

Глава 10.

Несмотря на то, что в подготовке к юбилею были задействованы и дети, и их друзья, Анне Сергеевне тоже хватало хлопот, тем более, что до самого торжества оставались считанные дни. Наташа уговорила её не покупать готовое платье, а сшить его на заказ: троюродная племянница Александра — Алиса — была профессиональным модельером, и участвовала в пошиве всех костюмов для артистов группы Дмитрия. Длинный вечерний тёмно-бордовый наряд уже переливался на плечиках в спальне, но в самый последний момент Анна вдруг подумала, что под него неплохо было бы купить и новые туфли точно такого же цвета.

Объехав в ближайший выходной с Натальей все модные бутики, она, наконец, выбрала себе пару модельных туфелек, как нельзя более подходящую под платье и, вернувшись домой, решила примерить все обновки. Улучив момент, когда Александр вышел в магазин, а внуки ещё не прибежали по обыкновению в квартиру бабушки с дедушкой, Анна поддевчоночьи торопливо облачилась в праздничный наряд...

...Глядя на себя в зеркальную створку плательного шкафа, она вдруг вспомнила, как когда-то мерила свадебное платье из белого трикотина... Да, это было, пожалуй, ровно тридцать лет назад — день в день... Окинув придирчивым взглядом себя с ног до головы, Анна осталась довольна — она явно не выглядела на свои годы. Фигура хоть и утратила юношескую гибкость, но до сих пор оставалась стройной — ничего лишнего, коллеги не устают восхищаться... Правда, Анна относится к этим похвалам с долей иронии — ну, кто не похвалит строгую директрису, будь она даже откровенной толстушкой?

У неё до сих пор матовая кожа — тщательный уход за собой всё-таки много значит. Морщинки в уголках глаз — куда от них денешься, тем более, что биологические часы неумолимо отсчитывают своё время, у них собственное измерение... Но эти морщинки такие мелкие, что с первого взгляда почти не заметны... И черты лица почти не изменились — если не считать, что красота из юной превратилась в зрелую, отмеченную печатью прожитых лет... но лет — счастливых. Она теперь в этом не сомневается.

Знала ли она тогда, тридцать лет назад, что делает единственно правильный выбор?..

Вряд ли. Замуж Аня выходила по доброй воле... но по зову ли сердца?.. Сейчас ей казалось, что — по зову... Тогда... она уже не уверена, что и тогда не было этого самого зова, просто она его плохо слышала.

Ах, если бы знать — тогда... Может, не было бы той ошибки, глупой, непростительной, до сих пор тяжким грузом лежащей на самом дне её души... Ошибки, которую она сделала накануне свадьбы, и в которой ей так и не пришлось покаяться перед своим избранником...

Хорошо это было, или плохо... Кто знает. Если и стоило покаяться, то — намного раньше... А теперь — и нечего вспоминать. Пусть и дальше лежит этот грех на дне души... вроде и не тянет уже вниз... привыкла, что ли, его не замечать за давностью лет?..

Впрочем, хорошо, что Саша ни о чём так и не узнал... Не нужно ему таких потрясений. За все их тридцать совместных лет он не заслужил ни единого серьёзного упрёка. Ну, разве что за лишнюю рюмочку, есть у него такой «грех». Но «грешит» он нечасто, и даже под действием алкоголя остаётся добродушным и весёлым — лишний раз признается в любви, скажет, какая она красивая... Он запросто может взять в руки пылесос, сходить в магазин, на почту, оплатить счета... Сколько женщин мечтали бы иметь такого мужа!

Анна вспомнила, как завидовали ей девчонки из студенческого общежития — курсант Саша Морозов уже тогда проявлял свои лучшие качества, к тому же был очень симпатичным,

но его сердце раз и навсегда прикипело именно к ней — Анечке... При мысли о девчонках, Анна унеслась ещё на пару лет назад. Институт иностранных языков... первокурсница Аня Свиридова со своей новоиспечённой подружкой Нелькой устраиваются в студенческом общежитии...

Где она теперь, Нелька?.. Они не виделись все эти тридцать лет — даже на их с Сашей свадьбе Нелли присутствовать не смогла. Став женой, Аня всё свободное время проводила дома, в ожидании Сашкиных увольнительных — готовила ему вкусные обеды, заодно читала конспекты, а, когда он ненадолго появлялся в их маленькой квартирке, вырваться из его объятий было просто невозможно... да она и не пыталась.

Вспомнив про Нелли, Анна подумала, что именно такой подруги ей не хватало всю жизнь. На первый взгляд, она прекрасно обходилась приятельницами, такими, как Мила Лапина, и не испытывала потребности в более тесном общении. Но вот именно сейчас, когда на фоне устоявшегося благополучия вдруг возникла не самая приятная ситуация, Анна остро почувствовала отсутствие близкого, и, в то же самое время, не зависимо от её обстоятельств человека... человека — «со стороны»... Но — не равнодушного, а сопереживающего... И, помня Нелли, можно было не сомневаться: бывшая соседка и сокурсница как никто другой подходила на эту роль.

...Анна Сергеевна не была частым пользователем интернета — хватало впечатлений и эмоций и от работы, и от домашних дел. Она появлялась на страничках «ВКонтакте», «Фейсбука» и других соцсетей исключительно по служебным надобностям — с проверкой групп, посвящённых её лицу, а так же посещала сайт школьных директоров.

Ни о каком общении на «Одноклассниках» речи быть не могло — при её-то загруженности, но сегодня она впервые подумала о том, что не будет ничего плохого, если она создаст там собственную страничку. В конце концов, даже Саша время от времени общается со своими бывшими сослуживцами, а что говорить о детях: Димин профиль, украшенный «звёздным» знаком, пользуется огромной популярностью у поклонников и поклонниц его творчества. А ведь она — мама этой самой «звезды»!

«Наверное, именно накануне грандиозных юбилеев и приходят в голову такие вот шальные мысли...»

Решив посоветоваться с невесткой, Анна Сергеевна быстро переоделась и тут же отправилась в квартиру сына, пока не пропал вдруг нахлынувший юношеский задор...

— А где Наташа? — кивнув открывшему ей Дмитрию, Анна тут же заглянула в кухню, потом прошла в детскую.

— Бабушка, а я конструктор уже почти собрал! — увидев её, сидевший на полу в окружении строительных кубиков Валерка радостно округлил глаза. — Осталось чуть-чуть и будет настоящий дом!

— Молодец, — бабушка одобрительно улыбнулась. — Вырастешь, будешь, как дедушка дома строить.

— Нет, я как папа... — детская мордашка стала трогательно-серьёзной. — Буду композитором.

— Композитор со строительным уклоном, — Дима появился на пороге детской вслед за матерью. — Или строитель... с музыкальным...

Анна с умилением посмотрела и на внуков, и на сына — так радостно было видеть их спокойное, уже вполне устоявшееся семейное счастье. Ритм жизни у Дмитрия с Натальей, конечно, не простой, творческие идеи не дают скучать ни им, ни их коллективу... Но они

всегда вместе, и всё у них дружно, как говорит Дима — в унисон. Несмотря на бесконечные репетиции и выступления, они каждую свободную минутку проводят со своими детьми, часто берут их с собой, не оставляя без родительского внимания. Исключения составляют такие вот редкие подготовки к семейным торжествам, как сегодня — Димке пришлось одному возиться с малышкой, пока мама и бабушка ездили в поисках новой обуви для Анны.

...Ничего страшного, выступлений на вечер нет, а Наташа уже вернулась.

— Ах, ты, моя хорошая!.. — Анна подхватила на руки подбежавшую к ней внучку и расцеловала в обе щёчки. — Ну, а ты у нас кем будешь?

— Касивая буду...

Рассмеявшись, Анна прижала к себе хрупкое, родное детское тельце — волна нежности прокатилась внутри, солоноватой пеленой на секунду заволокла глаза... Маленькая Аня была очень похожа на Наташу: беловолосая, круглолицая, со вздёрнутым носиком, огромными глазами — только в отличие от маминых карих, они были удивительно глубокого синего цвета... Так что можно было не сомневаться: своё обещание Анечка обязательно выполнит.

— А где же Наташа? — вспомнив про невестку, Анна вновь взглянула на сына и повторила свой вопрос.

— А её нет... — зачем-то взлохматив волосы на затылке, Димка неожиданно замялся. — Она тебе срочно нужна?

— Ну... Не очень срочно, но нужна... мы же только вернулись, куда она опять пошла?..

— Мама с бабушкой поехали в мастерскую, — оторвавшись от конструктора, Валерик с серьёзным видом прокомментировал вопрос. — Но они скоро приедут!

— С бабушкой?.. Когда?! — Анна изумлённо посмотрела на сына. — Дима, какая мастерская?.. Папа же в магазин пошёл...

— Валер... — Дмитрий укоризненно покачал головой. — Ну, кто тебя за язык тянул?.. Это был секрет, а ты его выдал!

— Я забыл... — ребёнок растерянно хлопал длинными ресницами. — Папа, я забыл...

— Мы же договаривались... Бабушке — ни слова...

— В какую мастерскую?! Что за секрет?! — Анна не сводила с сына настойчивого взгляда. — Он сказал мне, что пошёл в магазин, я ему ещё целый список дала — что купить...

— Значит, купят на обратном пути, — Дима пожал плечами и улыбнулся матери. — Мам, всё нормально. Могут же у нас быть какие-то секреты?

— А зачем он взял Наташу? — та не собиралась сдаваться и была намерена выяснить все обстоятельства. — Она и так со мной битых два часа по всему городу разъезжала... устала, наверное.

— Ну-у-у... папа сказал, что коньячку выпил... — по Димкиному виду можно было догадаться, что он сочиняет на ходу. — Попросил Наташку его довести, потому, что я... я — тоже выпил... коньячку...

— Никакого коньяка он не пил! — Анна нарочито строго сдвинула брови и, подавшись вперёд, втянула воздух через ноздри. — И ты не пил, не выдумывай!.. Дима, ну, что за секреты?! Что за мастерская, и почему Наташа, а не ты?..

— Вот видишь, Валерка, что бывает, когда болтаешь лишнего! — Дмитрий перевёл весёлый взгляд с матери на собственного сына. — Теперь бабушка будет пытаться — сначала нас, а потом и дедушку.

Несмотря на то, что папа вовсе не сердился, а, напротив, улыбался, Валерка всё же почувствовал, что совершил «нехороший» проступок, выдав деда — с головой. Встав с ковра, мальчик подошёл к отцу и поднял на него свои синие-пресиние глазёнки.

— Папа... — виновато поморгав, ребёнок взял отца за руку, как будто пытаюсь найти в нём поддержку. — Я нечаянно проговорился... я больше не буду, правда... — повернувшись к Анне, он перевёл на неё трогательно просящий взгляд. — Бабушка... ты можешь забыть, что я тебе сказал?.. Можешь?..

— Ну, конечно... — рассмеявшись, Анна вместе с внучкой присела на диван и, притянув к себе Валерика, поцеловала его в макушку. — Конечно, могу.

— Ну, вот, — Дима шутливо развёл руками. — Всё разрешилось. Оказывается, дедушке всего-навсего поехал в магазин покупать продукты. А маму взял в качестве водителя, чтобы не скучно было.

— Да, он поехал продукты покупать!.. — Валерка с готовностью кивнул. — Бабушка, продукты!..

— И бусики!..

— Что, Анечка?.. — бабушка решила сделать вид, что не расслышала слов внучки. — Что ты сказала?..

— Дедуська бусики купит!.. Нога-нога бусикав...

— Анюта!.. — теперь сам Валерик смотрел с укоризной на младшую сестру, которая чересчур внимательно разглядывала золотой кулончик на бабушкиной шее. — Ну, вот зачем ты бабушке всё рассказала!.. Это же был секрет — про бусы...

— У нас ничего не скроешь... — глядя на дочь, Дима весело усмехнулся. — Ещё одна находка для шпиона выросла. Теперь придётся просить бабушку, чтобы она не проговорила дедушке, что мы случайно выложили весь его секрет...

Из нечаянных реплик внуков Анна почти сразу догадалась, что Саша поехал покупать ей подарок, и в качестве консультанта прихватил с собой Наташу — видимо, он нарочно ждал, когда та вернётся с утреннего «шоппинга». Она больше не стала допытываться, почему они поехали не в магазин, а в какую-то мастерскую — в конце концов, скоро она всё и так узнает. А сейчас ей не терпелось заняться поисками подруги юности...

Под Димкиным руководством зарегистрировавшись на «Одноклассниках», Анна тут же набрала в поисковике имя и фамилию Нельки... Она не помнила фамилии её мужа, поэтому указала девичью. Каково же было её удивление, когда в одном из предлагаемых сайтом пользователей она узнала свою бывшую соседку!.. Воспоминания нахлынули новой волной... ей ужасно захотелось увидеться с Нелли, но та жила в другом городе, поэтому Анне ничего не оставалось, как написать сообщение...

— Дима... — она обернула к сыну сияющее лицо. — А, вдруг, у Нелли получится приехать к нам на праздник... Мы сможем её разместить в банкетном зале?..

— Не вопрос, — Димка весело пожал плечами. — Всё в наших руках, так что приглашай всех, кого считаешь нужным. Местов хватит!

— Нет, больше никого приглашать я не собираюсь. Просто с Нелькой мы были очень дружны. Потом как-то дороги разошлись, но я хотела бы с ней увидеться... — улыбка приобрела неожиданный оттенок грусти. — Думаю, нам есть с ней, что рассказать друг другу...

— Хвастаться будешь?.. — присев рядом, Дима шутливо прищурил один глаз.

— Буду! — Анна охотно кивнула. — Обязательно!

«Хвастаться», действительно было чем. Непростая, требующая огромной самоотдачи, но очень престижная и любимая работа... Талантливый сын, не менее талантливая, добрая невестка, замечательные внуки... И — прекрасный супруг. Её любящая, дружная семья...

— Надеюсь, что мы с Наташкой тоже когда-нибудь доживём до такого юбилея.

— Ты счастлив, сынок?.. — теперь Анна смотрела на сына с нескрываемой нежностью: таким и правда не грех похвастаться. Талантливый, целеустремлённый, заботливый... а ещё — такой красивый... Конечно, для каждой матери её ребёнок — самый лучший. Но с Димой в любом случае всё справедливо.

Она задала свой вопрос, заранее зная, что ответит сын. Но ей хотелось услышать эти слова от него самого.

— Я как-то не задумывался... — Дмитрий слегка пожал плечами. — Наверное — да...

— Это и есть настоящее счастье, когда о нём не задумываешься, — улыбнулась Анна. — Особенно, когда не ищешь нужных для этого аргументов.

— Мне их даже некогда искать. Ты сама видишь — мы с Наташкой как заводные. Знаешь, ведь многие исполнители от концерта к концерту вообще ничем не занимаются. Зачем, если петь под фанеру? Главное — внешний вид и звук. У нас же всё по-другому. То репетиции, то выступления... Весной хотим новый проект запустить.

— У тебя всё время на языке — «мы»... «у нас»... «мы с Наташкой»... — Анна провела рукой по волосам сына, чуть сдвинув брови, взгляделась в глаза. — Вот это и есть — то самое счастье. Жаль, я не сразу это поняла. Ты прости меня, сынок...

— Ма-а-ама... — обняв мать за плечи, Димка с шутливой укоризной «боднул» её головой. — Ты у нас — самая замечательная мама!

— Ну, вот... — Анна почему-то часто-часто заморгала и опустила глаза. — Снова — «у нас»...

— Мам, ты что... — сын нахмурился. — Обиделась?! Но я же у тебя давно не один... со мной — целое приложение...

— Ну, что ты, родной... — она грустно улыбнулась и легко вздохнула. — Нет, конечно. Просто мы давно с тобой не разговаривали — вот так... А то, что вы с Наташей друг друга любите... это же самое главное.

— Мне было у кого учиться...

— Ты думаешь?.. — в глазах Анны мелькнул неожиданный интерес, но, догадавшись, что своим вопросом может поставить в тупик Дмитрия, она тут же поправилась. — Я имела в виду, что мы с папой на первый план ставили взаимное уважение... А потом уже всё остальное...

— Ну, не знаю... я видел, что вы любите друг друга, мне бы другой вариант даже в голову не пришёл. Мне даже Сашка завидовал — его мать с отцом постоянно ругались, и он не раз говорил, что мне повезло с родителями.

— Ну, и хорошо... — внезапно успокоившись, Анна кивнула сама себе. — Я рада, что наши с папой отношения пошли на пользу вам с Наташей. Кстати, мы её сегодня замучили. То я со своими туфлями, теперь — папа... У вас хоть нет сегодня выступлений?

— Нет, до самого вашего юбилея мы — свободны. Правда, есть предложение выступить в этот день... Но я отказался.

— Тоже юбилей?

— Нет, — Дима усмехнулся, — вы же в день полиции умудрились пожениться... Забыла?.. Ну, вот... Наташу просили выступить на одном корпоративе, в ресторане, перед

полицейским начальством. Но, как говорится, не судьба.

— Думаю, ничего страшного?

— Конечно. Правда, она переживает. Говорит, нас и так чуть ли не в подозреваемые записали... а мы в выступлении отказали.

— Вас?.. В подозреваемые?.. — Анна подняла удивлённый взгляд на сына. — Почему — вас?!

— Не хотел я тебе говорить... — Дима досадливо поморщился. — Ну, да ладно... тем более, что ничего страшного, просто Наташка такая трусиха...

— Да что произошло?!

— Вчера прямо в клуб следователь приезжала... допрашивала Наташку. При чём, спрашивала про Кристину.

— Про Кристину?! — Анна удивилась ещё больше. — А почему именно Наташу?!

— Не знаю... Она спрашивала про конфликты, про отношения... — Дима пожал плечами. — Но, самое интересное, что потом приходил другой следователь, и спрашивал уже меня, видел ли я Кристину... Мне показалось, что он её искал. Наташка решила, что нас могут подозревать в чём-то... Ну, в общем, всё это, конечно, ерунда, не стоит внимания.

— А мне кажется, стоит... — от услышанного Анна тут же изменилась в лице. — По-моему, это уже переходит все границы. Наташа во многом права...

— Ну, вот... ещё и тебя напугали...

...Дождавшись супруга, Анна в смятении вернулась вместе с ним домой. Предпраздничного настроения как не бывало... Действительно, она совсем забыла, что в связи с исчезновением Леонида Лапина интерес к их отношениям, и вообще — к семье Морозовых, только вырос, и они, эти отношения, в каждую минуту могут быть раскрыты перед её близкими людьми... и не только.

Анна вдруг представила себе, как в самый разгар веселья появляется этот самый Михаил Мясников и объявляет, что она, Анна Сергеевна Морозова, состояла в любовной связи с его потерпевшим... При всей абсурдности этой картины, Анна, тем не менее, внутренне содрогнулась. Ведь следствие не окончено... мало того, Леонид не найден — ни мёртвым, ни живым... А, значит, вопросы у следствия остаются без ответов. Под подозрение могут попасть все — в том числе и Саша... Ведь у него, как ни у кого другого мог быть мотив желать зла своему бывшему другу...

«Но почему тогда его не спросили об этом напрямую?..»

Действительно, по словам Александра, его спрашивали лишь о Лапине и — больше всего — о нём самом. А, что, если это такой ход?.. Не дать понять подозреваемому, что его в чём-то подозревают?! А потом — выдать всё разом...

«Господи... только не это...»

А Дима?! Зачем Наташу спрашивали о Кристине?! Логичнее было бы спросить его — он знает о своей бывшей подруге гораздо больше, чем его жена... Что — тоже такой ход?!

...Мысли вихрем проносились в голове Анны Сергеевны, она не успевала за ними — ни подтвердить, ни опровергнуть свои опасения...

— Аня, что случилось? — Александр сразу заметил состояние жены. — На тебе опять лица нет.

— Всё хорошо, Саша... — она невольно отводила взгляд — не в силах придумать ни одной версии. — Просто... у нас министерская проверка на следующей неделе начинается, голова кругом... Знаешь, я думаю... зря мы этот юбилей затеяли... Не до него сейчас...

— Теперь уже поздно, — Саша развёл руками и тут же обнял ими Анну. — Ребята готовились, и, вообще... Всё будет хорошо...

— Ты думаешь?.. — прислонившись к мужу, она устало прикрыла глаза.

— Я не думаю... Я — знаешь...

***

Следователя Мясникова Анна набрала прямо с утра, как только приехала на работу. Она думала о нём добрую половину ночи, и затем — едва проснувшись, всё утро подряд. Чем больше она погружалась в свои размышления, тем больше убеждалась в правоте своих подозрений... Даже если отбросить составляющую «справедливой» мести, которую решил учинить сын Сандры и Виталия, оснований подозревать в чём-то и Александра, и её саму было предостаточно — Анна обладала хорошим логическим мышлением и тщательно взвесила все за и против. Однако, она всё больше склонялась к тому, что следователь Михаил Мясников преследует свои, собственные цели, пользуясь предоставившейся ему возможностью.

Сначала она хотела отмахнуться от навязчивого желания расставить все точки над «i», понадеявшись на то, что следствие вскоре найдёт преступников или отыщется след самого Лапина. Но, бросив взгляд на новое платье, которое так и осталось висеть на дверце шкафа, Анна вдруг представила себе все те хлопоты, которые взяли на себя и её сын, и Наташа, и их ребята... И что, все эти приготовления могут в один момент быть перечёркнуты чьей-то злой волей?! Ведь достаточно одного слова этого Михаила, сказанного Александру, и — всё... катастрофа неминуема... Что там праздник — вся жизнь может пойти под откос...

«Если уже добрались до детей...»

...Телефон Мясникова не отвечал всё утро. Анна напрасно набирала и набирала его номер — следователь не брал трубку. Она уже стала волноваться, что он просто не хочет отвечать на её звонок, а, значит, что-то задумал...

К обеду она накрутила себя настолько, что была готова оставить кабинет и, плюнув на предстоящий педсовет, отправиться в отдел полиции, но удержала себя от такого опрометчивого поступка. Не факт, что она застанет там Михаила, а время потеряет... Если и ехать к нему, то после работы.

«А педсовет?..»

...Он позвонил ей сам. Извинившись, объяснил, что не мог ответить на её звонок — этот номер для личных разговоров, а он был занят.

— Я был на выезде... — несмотря на то, что день был в разгаре, голос Михаила показался ей уставшим. — Я слушаю вас, Анна Сергеевна.

— Нам необходимо встретиться... — чувствуя, как сердце выскакивает из груди, Анна собрала всё своё мужество. — И как можно скорее... Но это... это будет личный разговор, и я хочу попросить назначить его на вечер.

— Хорошо, — судя по тону, Мясников был не в восторге от просьбы. — Давайте встретимся вечером. Где вам будет удобно?

— Мне абсолютно всё равно... только, если можно, не у вас в полиции.

***

Вечернее кафе, в котором они договорились встретиться, находилось в центре района, в котором жила Анна, но она ехала туда без опаски, что кто-то увидит её в компании Михаила. Знакомых она там вряд ли встретит, а мужу скажет как есть — да, встречалась со следователем. В последнее время такие встречи стали привычными в их семье... Разом

больше, разом меньше... К тому же, от этого разговора, возможно, могло зависеть их будущее...

Ну, это, если у капитана Мясникова есть душа и сердце... Если он пошёл в мать — вряд ли. А, если в отца?..

В том, что отцом Михаила является её супруг, Анна уже почти не сомневалась. Вот и сейчас, взглянув ему в лицо, она внутренне вздрогнула... Тот же взгляд... та же мимика... И улыбка — та же, правда, сегодня он не улыбается, а, напротив, выглядит крайне уставшим.

— Вы, наверное, подумали, что я ещё что-то вспомнила из своей личной жизни? — устроившись напротив молодого человека, Анна начала разговор без обиняков. — Если да, то вы правы. Но, боюсь, мои откровения в этот раз вас разочаруют.

Она говорила довольно резко, чересчур сильным было эмоциональное напряжение, накопившееся за последнее время. Но по-другому говорить Анна сейчас не могла. Слишком многое стояло на кону...

— Я вас внимательно слушаю, — положив на стол сложенные локти, Михаил поднял на неё проницательный взгляд.

— Я не буду ничего утверждать... Но я знаю, что вы — сын моей давней знакомой... Александра Дзюба — ваша мать...

— Да, это — моя мама, — он согласно кивнул головой. — Вы спрашивали её имя. И я тоже знаю, что вы были знакомы.

— Мы познакомились на первом курсе иныза...

...Анна рассказывала всё — без утайки... Знакомство с Виталием подала с полным откровением, как и их трагическое расставание. Рассказ получился недлинным, но очень ёмким — годы преподавания давали о себе знать умением строить речь. Она не утаила ни обещания Виталия связать с ней свою жизнь, ни их похода в ресторан в дни траура, ни той судьбоносной драки, когда избившему официанту Виталию грозил реальный тюремный срок. И, как следствие — о его вынужденной женитьбе на Александре. Она рассказывала всё, что знала сама, за исключением лишь того случая — в деревенской бане... Она решила не раскрывать все карты... во всяком случае — пока.

...И о встрече со своим будущим мужем она тоже рассказала — начиная с того, что Саша искал Сандру спустя два месяца после их знакомства на картошке... Искал, но по удивительной случайности встретил её — Аню...

— Аля уже была замужем, — Анна не сводила глаз со своего собеседника, как будто хотела видеть, какие чувства вызывает у него её рассказ. — И замужем за человеком, которого я любила... и который любил меня... Виталий сказал мне, что Аля беременна... и что он должен на ней жениться. Судя по всему, она была беременна именно вами... Но... я уверена, что женился он по другой причине. Ему грозила тюрьма, а ваш дед был единственным, кто мог его от этой тюрьмы спасти. Моей вины в том, что Аля больше не встретила с Сашей, нет...

Анна нарочно сделала ударение на последние слова. Она не говорила открыто, что знает, кто настоящий отец Михаила... но она ясно дала ему это понять. Он должен знать, что его месть, если она имеет место быть — беспочвенна. Ни она, ни Александр, ни, тем более, их сын ни в чём не виноваты перед Александрой и им — Михаилом...

Она не утаила и преследования его родного дяди — вплоть до побега домой и звонка Елены Ивановны генералу Дзюбе... Вплоть до его ответа — оскорбительного и несправедливого.

Её речь не была похожа ни на оправдательную, ни на обвинительную. Это было повествование, полное достоинства самого повествователя.

— Что же касается моей жизни с Сашей... — Анна сделала небольшую паузу. — Наверное, у вас есть собственная семья... но поверьте, что иногда только через много лет начинаешь понимать, насколько дорог тебе твой человек... Вы слишком молоды... но так бывает.

— Интересные факты... — выслушав до конца Анну, Михаил едва заметно усмехнулся и качнул головой. — Не скрою, кое-что мне было неизвестно. Но, в основном, я в курсе прошлого своих родителей.

Выплеснув эмоции, Анна чувствовала внутреннее опустошение, но невозмутимый тон Михаила её обескуражил. Он не показал своего истинного состояния ни единым мускулом лица — во время всего её рассказа. В какой-то момент она даже пожалела, что отважилась на эту встречу... Она не решалась открыто обвинить его в том, что он использует своё служебное положение в целях мести... а он молчал на этот счёт, хотя мог сам возмутиться её явным намёкам.

— Вот и всё, что я хотела вам рассказать... — из последних сил, она придала своему голосу как можно больше достоинства. — Просто я подумала... раз вам были интересны факты из моей личной биографии, то история нашей семьи тоже пригодится для дальнейшего расследования...

...Анна всё же не выдержала — голос дрогнул. Михаил смотрел куда-то вниз, на собственные руки, и она не могла уловить его взгляд. По взгляду можно было бы понять, что сейчас творится в его душе... дошёл до него смысл её откровений, или остался за гранью предполагаемой обиды...

— Нет, для расследования ваш рассказ уже не пригодится...

— Ну, как же... — Анна Сергеевна невесело-иронично усмехнулась. — Вдруг я или мой муж виноваты в том, что Лёня пропал... тут все мелочи важны, разве не так?..

— Мелочи важны, вы правы, — Михаил поднял на неё усталый взгляд. — Но в этом случае уже не актуальны.

— Вот как?..

— Дело в том, что Лапин нашёлся.

Глава 11.

Михаил не спал уже вторые сутки. Предыдущая ночь и, как следствие, утро оказались не просто бессонными, а полными событий. После звонка оперативного сотрудника, обеспечивающего наружное наблюдение за домом Леонида Лапина, Михаил вместе со Златой тут же рванули на этот адрес. По словам наблюдателя, он заметил, как в одном из окон коттеджа на несколько секунд загорелся свет. Кристина ещё не вернулась с ночной прогулки, поэтому сомнений быть не могло: в доме либо посторонний, либо сам хозяин, неизвестно каким образом пробравшийся в родные пенаты.

Звоня в ворота, Михаил сомневался, что ему откроют, но, на удивление, сработал электронный замок: после характерного щелчка он без труда открыл массивную металлическую створку. Взбежав на крыльцо, дёрнул входную дверь — новый сюрприз не заставил себя ждать...

...О том, что в прихожей кто-то есть, можно было судить по раздавшемуся в темноте глухому стону. Не зная, где находится выключатель, Михаил посветил мобильником — лежащий на полу мужчина сделал слабый жест рукой...

«Миша, вон выключатель... — Злата направила подсветку на одну из стен. — Тебе легче дотянуться...»

...Распластавшийся на ковролине мужчина оказался никем иным, как Леонидом Лапиным. Хватаясь рукой за грудь, он издал очередной хриплый стон... Опустившись перед ним на колени, Злата бегло осмотрела Леонида — видимых ран или повреждений заметно не было. Она торопливо набирала номер скорой, когда Лапин невнятно прохрипел какое-то слово.

«Что?.. — Злата низко наклонилась над ним. — Что вы сказали?..»

«Лекарство...» — второй раз ему удалось произнести это более чётко.

«Сейчас скорая приедет...» — осмотрев первый этаж, Миша вернулся к потерпевшему.

«Миш, по-моему, он говорит о каком-то своём лекарстве... — Злата подняла взгляд на Мясникова, потом снова перевела его на Леонида. — Он что-то хочет сказать...»

Приехавшим вскоре врачам удалось купировать приступ, вызванный заболеванием Лапина. Они настаивали на госпитализации, но мужчина категорически отказался ехать в больницу. Вызвав с его телефона дочь, Михаил был удивлён, услышав вместо ожидаемого «алло» гневную тираду Кристины.

«Ты с ума сошёл?! — не проговорила, а прошипела в трубку девушка. — Почему ты звонишь на этот номер?!»

«Это следователь Мясников... Вам нужно срочно приехать домой...»

Объяснив Кристине, что её отец найден в прихожей собственного дома, Михаил обратился к врачу скорой помощи с просьбой прокомментировать состояние больного.

«У него была операция на лёгких... — доктор с сомнением посмотрел на Леонида, которого перенесли на диван в гостиной. — Я бы настоял на госпитализации, да что там настоял... я бы и слушать его не стал».

«Мы можем дождаться его дочь? — Михаил тоже колебался, стоит ли мешкать. — Он сказал, что ему нужно срочно принять лекарство, а он его не нашёл. Дочь должна знать, где оно лежит...»

Приехавшая вскоре Кристина тут же достала из ящика шкафа коробочку — приняв капсулу, Лапин устало откинулся на подушку и прикрыл глаза. Как и предполагал Михаил, Кристина не бросилась на шею отцу, она даже не удивилась, увидев свою «пропажу» в родных стенах. Она тоже высказалась против того, чтобы отца увезли в больницу.

«Папу ведёт собственный врач. Сейчас я ему позвоню, он приедет...»

Лапин уже мог разговаривать, но Михаил решил дать ему ещё немного времени, чтобы окончательно прийти в себя. Беседа предстояла долгой.

Отпустив оперативника, Миша попытался отправить домой и Злату, но в ответ она только упрямо покачала головой. Он видел, что Кристина находится в состоянии крайнего возбуждения и откровенной злости, и присутствие лишнего человека её раздражает. Однако Злата упрямо скинула пальто и бесцеремонно уселась в углу гостиной. Откинувшись на спинку обитого кожей кресла, она с вызывающим видом закинула ногу на ногу. Кристине ничего не оставалось, как принять все рухнувшие на неё обстоятельства.

Отпустив скорую, дочь Леонида Борисовича тут же была вынуждена позвонить его личному врачу — тот обещал приехать в скором времени, чтобы осмотреть больного и дать нужные рекомендации. Из дальнейшего разговора с Лапиным выяснилось, что приступ наступил в результате отсутствия нужного лекарства — не приняв его в определённое время, Леонид Борисович вскоре почувствовал себя плохо. Он не смог найти его в темноте, поэтому

на несколько секунд включил свет, но это не помогло — на прежнем месте лекарства не оказалось. Звонить дочери он не стал — мало ли кто в это время находился рядом с ней. Выключив свет, решил выйти на улицу, чтобы глотнуть воздуха, но, дойдя наощупь до прихожей, вдруг потерял сознание. Пришёл в себя спустя какое-то время, но встать так и не смог — самое большее, на что хватило сил, это дотянуться до светящейся в темноте кнопки домофона, чтобы открыть ворота и дверь на поступивший звонок.

Визит Михаила и Златы оказался как нельзя вовремя — не явись они в этот момент в дом Лапина, кто знает, был бы он жив к возвращению дочери или нет.

«Отец всё это время находился в доме?» — оставив Леонида на попечение Златы, Миша вышел вслед за Кристиной в другую комнату.

«Нет... — она ответила неохотно, резко, — Когда я прилетела из Москвы, его здесь не было. Я, действительно, его разыскивала».

«Я советую вам быть откровеннее, — прислонившись к дверному косяку, Михаил сложил на груди руки. — Вы же понимаете, что говорить правду — в ваших интересах. Давайте не будем создавать друг другу лишних проблем».

«Вы уже и меня в чём-то подозреваете?!»

«Вы сразу знали, что ваш отец никуда не пропал... Зачем весь этот спектакль?»

«Я не знала... — Кристина нервно передёрнула плечами. — Я, действительно, решила, что он пропал. Я даже не знаю, откуда он сейчас появился...»

«Неправда, — Михаил не сводил с неё пронизательного взгляда. — Вы знаете. Об этом говорит ваша внезапная смена настроения в последние три дня... И то, что вы сказали по телефону, когда я позвонил вам с номера вашего отца. Вы не удивились звонку, а возмутились, что он поступил не на тот номер. Так где всё это время был Леонид Борисович?»

Ночь была в самом разгаре, и чашка кофе явно бы не помешала, но, глядя на Кристину, можно было не сомневаться: угощать «оперов» она вовсе не собирается. Можно было сходить в машину за термосом, но оставлять девушку «без присмотра» явно не стоило, и Михаил нехотя отбросил мысль о порции горячего бодрящего напитка.

На последний его вопрос Кристина так и не ответила. Нахмутив брови, она нервничала по комнате из угла в угол. Неожиданное разоблачение явно выбило её из колеи. Наконец, как будто приняв определённое решение, она остановилась напротив Мясникова и подняла на него колочий взгляд.

«Пусть отец сам всё рассказывает... Эту кашу заварил он. А с меня хватит потрясений».

Приехавший вскоре врач осмотрел пациента и, сделав ему укол, тоже посоветовал отправиться в больницу — для профилактического обследования, но Леонид и ему ответил отказом. Пообещав навестить его в течение дня, доктор вскоре покинул дом Лапина.

«Я сделал ему снотворное, поэтому долго его не мучайте расспросами. А, ещё лучше, оставьте их на утро».

Ждать до утра Михаил не мог, поэтому решил получить как можно больше информации, пока Лапин был в состоянии говорить — благо к этому моменту он окончательно пришёл в себя.

«Я уже рассказал вашей девушке... — Лапин чуть заметно кивнул в сторону Златы. — Но я повторяю... Да... Кристина ничего не знала... Я появился уже на второй день после её приезда... вы ещё не установили наблюдения за домом, а мне надоело сидеть в дешёвой гостинице...»

«Зачем вы разыграли весь этот спектакль?» — усевшись напротив, Михаил смотрел на осунувшегося и побледневшего Леонида.

«За мной следят... Я просто хотел отсидеться. Не думал, что в розыск объявят...»

«Кто следит? И почему вы не сказали сразу об этом своей дочери?»

«Кто — не знаю... — неожиданно Лапин забился в кашле и чуть приподнялся на постели. Затем, отдышавшись, снова откинулся на подушку. — Не знаю, кто...»

«Как вы поняли, что за вами следят? — понимая, что собеседник не хочет говорить всю правду, Михаил внимательно наблюдал за выражением его лица. — Это был один человек, или группа лиц... Они что, ходили за вами следом?.. Ну, вы же из чего-то сделали такой вывод?»

«Да... — Лапин страдальчески сдвинул брови. — Я заметил, что какой-то человек постоянно попадаетеся мне на глаза... я замечал его машину у себя возле дома, возле ресторана... Мне всё это не понравилось, я решил на какое-то время исчезнуть».

«Вы могли просто уехать из города, например, к дочери».

«Вы не понимаете... Уехать — значит, остаться в списке зарегистрированных пассажиров... на видеокамерах трасс, заправок... А мне нужно было именно исчезнуть. Раствориться... Понимаете?.. За мной открыли охоту, я не был уверен, что нет круглосуточной слежки ни за моим домом, ни за рестораном...»

«Но вы должны хотя бы предполагать, кто и зачем за вами охотится. И, главное, с какой целью?»

«Понятия не имею... — Леонид Борисович поджал губы. — Но мне это не нравилось. Могло мне это не нравиться, в конце концов?!»

«Ну, допустим... Тогда почему вы не сообщили об этом мне, например? Мы же с вами встречались, и не раз. И почему ваша дочь оказалась не в курсе вашего исчезновения?..»

«Я просто не успел сообщить Кристине... — Лапин прикрыл глаза, как будто собираясь уснуть. — А она раньше времени подняла панику... Через день после её прилёта я позвонил... всё рассказал. Потом незаметно вернулся сюда, домой... Обыск уже прошёл, так что разоблачение мне не грозило...»

«Почему же она не заявила, что вы нашлись? — Миша усмехнулся. — А продолжала изображать убитую горем дочь?.. вам не кажется странной эта ситуация?»

«Я не разбираюсь в странностях... — Лапин недовольно поморщился. — Ну, не сообщила... В этом есть состав преступления?..»

«Преступления нет, но вы, мягко говоря, ввели следствие в заблуждение. Для этого должны быть серьёзные причины... Вы чего-то боитесь?.. Или — кого-то?..»

«Ну, заведите на меня административное дело... — несмотря на ироничный тон, Лапин устало вздохнул, — А то, что Кристина была в курсе моего местонахождения, то это недоказуемо. В конце концов, я никого не убил, не ограбил... Я имел полное право уйти, уехать, уплыть... а потом вернуться. Я не знал, что меня ищут... Такое объяснение вас устроит?»

«Кстати... — в глазах Михаила мелькнул интерес. — А где вы отсиживались?.. И почему не взяли с собой лекарство, от которого зависит ваша жизнь?»

«Я был тут, в доме... — Лапин вновь открыл глаза — совсем чуть-чуть, чтобы показать ими куда-то вбок и вниз. — Если вы осматривали дом, то видели, наверное, что из подвала есть подземный коридор в гараж?»

«Да, я заметил... — Миша вновь усмехнулся. — Домик у вас добротный, всё

предусмотрено, даже выход в подсобные помещения, минуя улицу. Там, кстати, ещё комнатка есть, в самом гараже, неплохо оборудованная... В ней отсиживались?..»

«В ней. Там свет можно включать — окон-то нет... А лекарства забыл взять в достаточном количестве. Мне их нужно дважды в день принимать, строго по часам. Утром я принял, а на вечер в коробке уже не оставалось... Я просил Кристину принести мне новую упаковку, но она, видимо, упустила из виду. Я ждал, что она быстро вернётся, но её всё не было... Я и пошёл сам в дом — искать...»

«Вы проходите курс лечения?»

«Нет... Это пожизненно... — видимо, устав говорить, Лапин ненадолго замолчал. — Если бы Кристина не переложила лекарство в другое место, вы бы меня ещё долго не нашли...»

«А вы не боялись, что ваш преследователь мог навредить вашей дочери?.. Вы-то спрятались, но она-то осталась на виду».

«Не боялся... С тех пор, как вы установили наблюдение за домом, я этого не боялся... Напротив, надеялся, что вы сами поймаёте этого человека, если он попытается проникнуть в дом».

«И сколько же вы собрались сидеть взаперти?» — Михаил уже не сдерживал своей иронии — настолько наивными казались аргументы Лапина.

«Не знаю... — тот вздохнул глубоко, со стоном. — Простите... я устал... кажется, дело исчерпано?»

«Тогда последний вопрос... — Машину в чужой гараж поставили вы сами?..»

«Сам... — Лапин недовольно поджал губы. — Я не заявлял об угоне... надеюсь, я не обязан объяснять, как мне это удалось?»

«Вы не обязаны свидетельствовать против себя. И, если владелец гаража не будет иметь к вам претензий за то, что вы проникли в его помещение...»

«Он не будет иметь претензий. Это я вам гарантирую».

«Допустим... Но мне просто интересно... Зачем?!»

«Этого я говорить не буду...»

«Ну, что ж... — Миша поднялся и, бросив взгляд на Злату дал ей понять, что они уходят. — В таком случае, я с вами прощаюсь, наружное наблюдение за вашим домом снимаю... До свидания».

...Усевшись в остывший автомобиль, Злата сразу потянулась за термосом...

«Что ты думаешь по этому поводу?..» — отъехав подальше от лапинского коттеджа, Михаил остановился, чтобы спокойно обсудить неожиданно возникшие обстоятельства.

«Врут они... — Злата едва заметно усмехнулась. — При чём, оба...»

«Это понятно, что врут. Эту версию с преследованием Лапин выдумал на ходу... Но одно бросается в глаза: он явно чего-то боится. Он только поэтому не поехал в больницу...»

«А ты заметил, как он испугался, когда ты сказал, что снимаешь наружку?.. — Злата откинулась на спинку сиденья и повернула голову к Михаилу. — Мне показалось, что он надеялся, что ты оставишь наблюдение».

«А чего его оставлять? — Михаил многозначительно хмыкнул. — Фигурант нашёлся... так что, пусть чувствуют себя свободными...»

Остаток ночи они провели в отделе полиции. Возникшая ситуация вызвала у Мясникова новые подозрения в связи с делом банкира и причастностью к нему суицида Леонида Борисовича. Судя по всему, ситуация подошла к какой-то критической точке, раз фигурант

решился имитировать своё «исчезновение»... И, учитывая последнее, все обстоятельства предстояло выяснить в кратчайшие сроки. Поручив Злате проверить все дела по самоубийствам за последние десять лет, в которых фигурировали прощальные записки, сам Михаил уже к утру имел кое-какую информацию, полученную с камер наблюдения ночного клуба «Кристалл», где накануне побывала Кристина Лапина.

Кроме того, от оперативника, которому было поручено заняться автомастерской, поступила информация, что один из автослесарей этой мастерской и бывший личный водитель Лапина — родственники. Из личной беседы с последним удалось выяснить, что примерно с неделю назад сам Лапин попросил его «пристроить» ненадолго свой автомобиль, так, чтобы никто не знал о его местонахождении. Свою просьбу Леонид Борисович мотивировал хорошей суммой денег, так, что все лишние вопросы отпали сами собой. Узнав от родственника, что они сейчас помогают с ремонтом двоюродному брату хозяина мастерской, и что его гараж будет пустовать ещё дней десять, бывший водитель Лапина предложил свой вариант. С ключом от гаража всё оказалось проще, чем представлялось — мужик оставлял его в мастерской, чтобы в его отсутствие всегда можно было попасть в этот самый гараж за какой-нибудь деталью, поэтому даже слепка делать не пришлось. Однако, по словам родственника, за всё время работы им ещё ни разу не приходилось этого делать. Поэтому ключом безбоязненно воспользовались, а потом вернули на место...

Машину Лапин отгонял сам, таков был уговор — его бывший водитель эту миссию на себя не взял... Он ошибся только в одном. Вместо предполагаемых десяти дней ремонт «пятнашки» занял всего неделю, поэтому в своём гараже мужик появился гораздо раньше...

«Я так и предполагал, — после разговора с сотрудником положив трубку, Миша завёл руки за голову и сладко потянулся. — Лапин ставил машину ненадолго и лично сам. Он собирался забрать её так же тихо... только чуть позже. Значит, он рассчитывал, что что-то произойдёт в эти дни... и что он успеет выйти из вынужденного заточения до того, как появится хозяин гаража...»

«Я думаю, он просто путал следы, — Злата на минуту оторвалась от папки с документами. — Ему было важно, чтобы мы поверили в его исчезновение и приставили наружку к его дому... Он явно кого-то ждал. Или — чего-то».

...Было уже раннее утро, когда Злата не выдержала и прилегла тут же, в кабинете, на диван и мгновенно провалилась в глубокий сон. Укрыв её ноги своей курткой, Миша уже в который раз за ночь включил чайник. Банка кофе, которую они купили по дороге в отдел, опустела наполовину... Оставшееся со вчерашнего дня печенье оказалось как нельзя кстати — они со Златой съели почти весь пакет... Подумав про Злату, Мишка обернулся — девушка сладко спала, лёжа на боку, трогательно подложив руку под щеку. Несмотря на собственную усталость, ему вдруг ужасно захотелось провести рукой по её светло-золотистым волосам... Желание было таким явным, что он даже не стал ему сопротивляться...

«Миш... — почувствовав прикосновение его руки, она на секунду приоткрыла глаза. — Ты чего...»

«Ничего...»

...Он поймал себя на мысли, что хотел сказать совсем другие слова... Они внезапно обожгли его сознание и едва не вырвались горячим шёпотом... но что-то помешало им — вот уже в который раз...

«Я ещё минут двадцать... ладно?..» — пробормотала Злата, вновь крепко сомкнув

ресницы.

«Спи...» — он так и остался сидеть рядом, тихо поглаживая её волосы.

...Он столько раз видел её спящей, что, казалось бы, должен был изучить её черты до мельчайших подробностей... Но он сидел рядом и смотрел... смотрел...

Звонок дежурного раздался как раз в тот момент, когда он уже был готов тоже ненадолго уснуть — сидя на полу и положив голову на диван, рядом со Златой. Выслушав доклад, Михаил ещё с минуту размышлял — будить её или нет, но потом тихонько встал и, одевшись, так же тихо покинул кабинет...

Не выпитый кофе так и остался стоять на столе.

***

Выйдя из кафе, в котором он встречался с Анной Морозовой, Михаил сел в машину и достал мобильный телефон. Дожидаясь, пока набранный им абонент возьмёт трубку, скользнул взглядом по стоящим на парковке автомобилям — покинувшая вслед за ним заведение Анна Сергеевна подошла к красному «Пежо» и открыла водительскую дверцу.

События последних двух суток, которые ему пришлось провести на ногах, обернулись смертельной усталостью. Миша чувствовал, что сейчас не может в полной мере осознать всего, что рассказала ему эта красивая, аристократичного вида женщина... Понимая, что её тревога носит более глубокий характер, чем простое недовольство обиженной дамочки, он, тем не менее, не мог сказать ей ничего внятного — по крайней мере, именно сейчас. Она дала понять, что знает больше, чем выдаёт на слух... Но она и не шантажировала его своими догадками. Дело о розыске Лапина можно было закрывать... Однако Михаил ограничился лишь скупым сообщением, что Леонид жив, и что в интересах следствия подробностей он сообщить пока не может. Ему показалось, что Анна испытала некоторое облегчение... но — только некоторое.

Сил разбираться в тонкостях сегодняшнего разговора не было... Память зафиксировала всё, что сообщила ему Морозова, но осмысливать услышанное он будет позже... После того, как распутает клубок под названием «тайна Леонида Лапина». А в том, что тайна эта есть, он теперь не сомневался ни на секунду.

...Труп повешенного монаха, найденный на рассвете в лесополосе, оказался звеном одной цепи, в которую были закованы и застрелившийся банкир, и оставшийся в живых Леонид Лапин... В кармане повешенного была найдена предсмертная записка, слово в слово повторяющая текст записок вышеупомянутых самоубийц... Если две записки с одинаковым текстом можно было списать на случайность, то три не оставляли сомнений: все жертвы как-то связаны между собой. Пробыв добрую половину дня на месте происшествия, Миша так и не смог позвонить Злате, которая в отделе продолжала поднимать дела прошлых лет...

...Он позвонил ей лишь на обратном пути. Оказывается, она успела забрать со стоянки ночного клуба свою машину, заскочить домой, принять душ и, выпив чашку чая, вновь умчаться в отдел.

«Мясников... ты — гений... — Злата смотрела на него абсолютно ясным взглядом, когда он, наконец, вернулся в кабинет. — Вот скажи мне... Как?! Как ты мог догадаться, что надо поднимать старые дела?!»

«Что... — он буквально рухнул на стул рядом с ней. — Есть?!»

«Есть... — она смотрела на него с нескрываемым восхищением. — Миша... Есть!..»

Дело об убийстве шестнадцатилетней школьницы было раскрыто ещё десять лет назад и, на первый взгляд, не попадало под категорию суицидальных — вина двадцатилетнего

паренька, жениха потерпевшей, была полностью доказана следствием... Доказана, несмотря на предсмертную записку, которую написала девушка...

«Я сама этого хотела...»

Это был текст и других посмертных записок — теперь их было уже четыре... Только три из них были написаны от мужского лица.

«Смотри... — Злата подвинула Мише папку. — девушка пропала десять с половиной лет назад... а спустя два месяца была найдена в реке — утопленница... Самое интересное, что предсмертная записка была в кармане рубашки, сам карман был застёгнут на пуговицу. Текст удалось восстановить, но следствие почему-то эту записку во внимание не приняло. В смерти девочки обвинили её жениха... Я посмотрела дело — все улики шиты белыми нитками... Парню дали восемь лет...»

«Когда он освободился?»

«Вот-вот... — Злата многозначительно улыбнулась. — Освободился он чуть меньше полутора лет назад. За пару месяцев до попытки самоубийства нашего Лапина...»

«Связь?..»

«Ищем...»

...Слушая длинные гудки, Михаил взглядом проводил автомобиль Морозовой — вырлив со стоянки, та уехала в сторону своего дома. Он уже хотел нажать на отбой, когда Злата, наконец, взяла трубку.

— Привет... — невольно улыбнувшись, Миша представил её — в своей квартире, в домашней пижаме... — Ты спала?..

— С ума сошёл?! — вопреки его ожиданиям, Злата ответила возмущённым тоном. — Какой спать, Мясников?! У меня сногшибательные новости!

— Ты что, ещё не дома?..

— Нет, конечно... Как ты себе это представляешь?! Я же говорю — новости!..

— Рассказывай...

— Установлена личность монаха. Это — бывший бизнесмен... Так, средней руки бизнесмен... Мясников... ты меня слушаешь?!

— Слушаю.

— Тогда следи за речью. Этот бизнесмен подался в монахи... как ты думаешь, когда?..

— Десять лет назад?

— Какой ты догадливый... — Злата рассмеялась. — Всё верно... чуть меньше десяти лет назад. Отдал свой бизнес родственникам, устроился в монастырь, сначала трудником. Потом стал послушником... А два года назад принял монашество. Два дня назад по каким-то надобностям отпросился у настоятеля съездить в город. И — всё... Больше его никто не видел, до сегодняшнего утра...

— Понятно... в монахи просто так не ходят...

— Вот именно. Но и это ещё не всё...

— Злат... — Миша перебил её неожиданно для себя. — Давай, дома договорим... Я жутко устал... а ещё — ужасно соскучился...

— Иди в баню, Мясников...

— Я серьёзно...

— И я серьёзно. Дело в том, что примерно в то же самое время, десять лет назад, наш фигурант Лапин продал оздоровительный комплекс, который купил совсем недавно. Продал срочно и совсем недорого.

— Что за комплекс?

— Оздоровительный... — Злата нетерпеливо прицокнула языком. — Ну, ты и правда, медведь... Оздоровительный комплекс, Мясников, это — тренажёры, массажный кабинет, бассейн, сауна... Посещали этот комплекс избранные люди, кого попало туда не пускали. А теперь смотри, что происходит: в одно и то же время один из наших фигурантов продаёт всю эту красоту задаром, второй уходит в монастырь, третья топится... Вот по банкиру пока нет ясности, но это временно. Улавливаешь связь?!

— Не-а... — он произнёс это нарочно, чтобы подразнить Злату.

— Тогда иди в баню... — она, кажется, это поняла. — А, точнее, в сауну...

Глава 12.

Отключившись от разговора, Михаил усмехнулся про себя: о том, чтобы ехать домой, не могло быть и речи. Его шутливое удивление, что Злата ещё не дома, было, пожалуй, не к месту, двое суток на ногах — слабое оправдание... Хотя, мысли о том, как Злата ходит по его квартире, сидит, поджав ноги, на диване, подействовали как небольшой релакс... Он вдруг подумал, что в круговороте дел ни разу не вспомнил о том, что приезжает Даша... А вот Злата — она то и дело приходила на ум.

Впрочем, для этого были все основания: они работали в одной команде, и постоянно находились бок о бок, если не физически, то с помощью сотовой связи — каждые полчаса... Впрочем, времени для лирики было крайне мало: всё, что сообщила Злата, требовало немедленных действий. Отправляясь на встречу с Анной Морозовой, Михаил ожидал от неё новой информации по делу Лапина — мало ли, что могла «вспомнить» его близкая знакомая в порыве раскаяния. Но сведения, полученные в результате этой встречи, к делу не имели никакого отношения, и Миша пожалел, что не перенёс её на завтра. Хотя, откуда можешь знать, какие детали вскроются в результате разговора со свидетелем...

К тому времени, как он уехал на встречу с Морозовой, кое-какие сведения уже имелись. Теперь к ним добавились новые — более важные. Монах-висельник не имел при себе никаких документов, и установление его личности заняло добрую половину дня. Звонок в ближайший мужской монастырь, находящийся за двести километров от города, дал результаты лишь к полудню, и то неполные: удалось, наконец, выяснить, кто из монахов, покинувших монастырские стены в последние дни, ещё не вернулся. Таких было двое, но служитель смог сообщить лишь их монашеские, данные при постриге имена. Более полную информацию мог дать только игумен, но он сам был в отъезде и вернуться должен был только во второй половине дня. Дело осложнялось тем, что в монастыре не пользовались интернетом, и послать туда фото жертвы для опознания не представлялось возможным. Пришлось задействовать полицию близлежащего населённого пункта. Когда, наконец, личность монаха была полностью установлена, Михаил всё ещё беседовал с Анной Сергеевной...

...Бывший предприниматель решил бросить мирскую жизнь около десяти лет назад, и о причинах такого решения можно было только догадываться. Как и в случае с банкиром, на месте происшествия не было обнаружено ни одой явной улики, свидетельствующей о присутствии другого лица в момент суицида, в том числе и следов обуви. Впрочем, это было неудивительно: всю прошлую ночь шёл снег. Предсмертная записка была написана рукой самого монаха, и — в состоянии крайнего волнения. Это подтвердила почерковедческая экспертиза, проведённая на основании этой самой записки и листка бумаги, на которой были сделаны записи рукой потерпевшего — его обнаружили в келье и передали полиции.

— Ну, что, как дела?.. — вернувшись в отдел, Миша сразу прошёл к столу, за которым работала Злата. Присев рядом, заглянул в монитор её ноутбука.

— Звонил патологоанатом, — девушка на секунду обернулась. — Говорит, смерть наступила раньше, чем его на это дерево приспособили. То же самое и ты говорил...

— Угу... да видно было, что не удавился бы он сам, без подставки. Верёвка была недостаточно натянутой... А что у нас по жениху той девочки-утопленницы?

— Я как раз занимаюсь... — Злата щёлкнула мышкой — открылось новое окно на мониторе. — Ковалёв Игорь Павлович... тысяча девятьсот восемьдесят пятого года рождения... судим... статья... вот — освобожден... прописка...

— На адрес поехали?

— Поехали ребята, но уже отзвонились. Дома только мать, сказала, что сын после освобождения дома почти не жил, и уже год, как уехал куда-то за Полярный круг. Работает вахтовым методом, сюда не приезжает, звонит редко. Связь у них односторонняя. Как называется организация, мать не знает... Дала его телефон, он не пробивается. Видимо, использует только в определённый момент, когда хочет поговорить с матерью, потом отключает. Симка левая. Я проверила всех местных операторов: вообще нет действующих сим-карт, оформленных на этого Ковалёва. Видимо, пользуется только левыми.

— Понятно... Нужно за домом Ковалёва установить наружку.

— Уже сделано, товарищ капитан... Мишка!.. — от прикосновения его щеки Злата неожиданно взвизгнула. — Колючий!..

— Ясное дело — колючий... — он усмехнулся и, ещё раз потершись о её лицо щекой, встал и направился к своему столу. Открыв один из ящиков, пошарил внутри рукой. — Пойду, в туалете побреюсь. А где мой резервный станок?..

— Держи... — порывшись в своём столе, Злата извлекла на свет одноразовую бритву и маленький флакон пены для бритья.

— Странно... — Михаил улыбнулся. — Кладу в свой стол, а нахожу всегда — в твоём...

— Потому, что из твоего стола станки постоянно исчезают, — Злата нарочно нахмурилась. — Ими все пользуются после дежурства, кому не лень. А ко мне в стол нашим мужикам в голову не приходит заглядывать.

— Что бы я без тебя делал?.. — вернувшись, он шутливо повис у неё на плечах и как бы невзначай снова скользнул отросшей за двое суток щетиной по нежной женской коже.

— Медвежонок... — в этот раз Злата ласково прижалась к нему — на секунду, закрыв глаза. — Иди уже... брейся...

— Ещё бы в душ...

На самом деле времени не оставалось даже на бритвё. Ситуация складывалась критическая — где-то неподалёку орудовал серийный «мститель», и было неизвестно — сколько жертв у него по плану.

Вернувшись через десять минут в кабинет, Михаил застал Злату уже одетой. Несмотря на поздний час, дело не терпело отлагательств. О том, что, возможно, предстояла вторая бессонная ночь, было лучше не думать.

— У тебя там, случайно, никакого парфюма нет? — Миша решил пошутить напоследок. — Еду в элитный дом... нехорошо благоухать пеной для бритья...

— Духи «Кураж»... — достав из сумочки малюсенький флакончик, Злата дразняще покрутила его в руке. — Эксклюзив... Подойдёт?..

— А чего-нибудь помужественней... нет?..

— Помужественней, Мясников... — изящно кинув флакон в сумочку, Злата загадочно улыбнулась. — Если только бензином побрызгаться... Будешь благоухать как истинный представитель сильного пола.

— Тогда лучше чеснок пожую...

***

Кристина Лапина даже не скрывала своего недовольства, в очередной раз увидев на пороге дома следователя Мясникова. Отправив Злату к родственникам погибшей десять лет назад девушки, сам он решил навестить своего основного фигуранта. Лапин мог пролить свет на многие загадки, и задача разговорить его была сейчас первостепенной.

— Вот эти люди вам знакомы? — Михаил протянул Леониду фотографии монаха, утопленницы и предполагаемого преступника Игоря Ковалёва.

— Нет... — бегло взглянув на снимок девушки, Лапин на пару секунд задержался взглядом на монахе. Когда он увидел портрет Ковалёва, на его лице внезапно отразилась тень обречённости. — Не знакомы.

— А вам? — отметив про себя его реакцию, Миша резко повернулся к Кристине.

Нехотя взяв у него все три фото, она опустила глаза — Мясникову не удалось разглядеть их выражения. Но ему удалось заметить, как девушка в одно мгновение побледнела и изменилась в лице.

— У меня плохая память на лица, — Кристина резким движением всунула ему снимки в руки. — И вообще... что вы ещё от нас хотите?! Что вам нужно?! Папа нашёлся, не надо больше его тревожить, он — пожилой, больной человек, вы можете это понять?!

— Насчёт пожилого я бы поспорил... — Миша бросил на девушку пронизательный взгляд. — А вот то, что ваш отец болен — это не вызывает никаких сомнений.

— Тогда в чём дело?! — в гневе Кристина так и буравила ненавистного следака своим колючим взглядом.

— Сомнения вызывает ваше поведение. Зная о том, что отец болен, вы спокойно уезжаете из дома, запрещаете ему звонить на ваш номер, да ещё и лекарства перекладываете в другое место.

— Вы что... — услышав неприкрытый намёк Мясникова, Кристина задохнулась от возмущения. — Вы с ума сошли?! Папа в тот вечер чувствовал себя нормально... А таблетки я переложила случайно, когда убирала в его столе! Он мог бы мне позвонить на другой номер, мы с ним договаривались... Просто не успел!

— Ну, хорошо... — Миша устало кивнул. — К делу это не имеет отношения. Мне показалось, что вы узнали людей на снимках. Во всяком случае, двоих...

— Вам показалось.

— Кристина Леонидовна... — Михаил терпеливо вздохнул. — Установить круг вашего общения за последние ...дцать лет для меня не составит никакого труда. Просто займёт много времени. Поэтому я спрашиваю вас лично ещё раз...

— Она ничего не знает... — молчавший во время их перепалки Лапин решил снова подать голос. — Не трогай её, капитан... Я сам всё расскажу.

Взглянув на Леонида Борисовича, Михаил поразился переменам, произошедшим с ним за каких-то три минуты: отчаяние вперемешку с обречённостью читались во всём его облике — поникших плечах, ссутулившейся спине, осунувшемся лице...

— Я слушаю вас, Леонид Борисович, — Михаил присел напротив и положил на колени сцепленные в пальцах руки.

— Папа, не смей!.. — красивое лицо Кристины исказила гримаса возмущения. — Папа, ты меня слышишь?!

— Они всё равно уже знают... — Лапин едва заметно кивнул на фотографии, которые Миша положил на стол. — Да и устал я...

— Не смей!.. — в голосе девушки послышались истеричные нотки. — Если ты сейчас скажешь хоть слово, я... Я отрекусь от тебя!..

Судя по резкой смене настроения дочери, можно было понять, что она боится признаний отца. И боится, отнюдь, не за него, а, скорее, за себя. Михаил видел, что Лапину тяжело вдвойне — с одной стороны, груз какого-то события, произошедшего в его жизни, давил на совесть и на страх... С другой стороны — истеричные угрозы любимой, единственной дочери в первый же момент поколебали его решимость. Решив помочь больному отцу, Михаил сам задал ему наводящий вопрос.

— Леонид Борисович, — он постарался придать своему голосу как можно более уважительную интонацию, — когда-то вы владели оздоровительным центром... Вы купили его, а через небольшой промежуток времени срочно выставили на продажу. Вы продали его практически за бесценок... Почему?

— Потому, что прибыли не приносил, понятно?.. — Кристина не дала Леониду даже раскрыть рта. — Бизнес — это всегда риск! Рискнул — получилось... рискнул — не получилось... И тогда один только выход — избавляться от такого бизнеса, за любые деньги!

— Леонид Борисович... — Михаил взял со стола фотографию монаха и зажал её в вытянутой руке. — Вот этот человек найден мёртвым прошлой ночью. При нём обнаружена точно такая же записка, как и ваша. Я настоятельно рекомендую рассказать, что связывало вас и этих людей. Поймите, на кон поставлена и ваша безопасность тоже... Я всё равно распутая этот клубок. Монах — это не банкир, который жил молча до самой своей смерти. Здесь — другая ситуация, я найду его родственников, знакомых, друзей... я всё равно узнаю, что послужило причиной его ухода в монастырь. Но на это уйдёт время. Драгоценное время... И цена ему может быть очень высокой. Например, ваша жизнь... или — жизнь Кристины Леонидовны. А, возможно, и ещё чья-то...

Бледный как мел Лапин молча смотрел куда-то в потолок. Наконец, после длительного молчания, приподнялся на постели, затем присел и поднял взгляд на следователя.

— Всё вышло совершенно случайно... — он начал негромко, уставшим и чуть хриплым голосом. — Я всегда стремился к большему, чем имел... мне было интересно жить, заниматься разным бизнесом, и у меня это всегда хорошо получалось. Понимаете... печь хлеб или шить обувь — точно не моё... А вот сфера развлечений... Я этим жил... я старался объять необъятное. Ведь именно в этой сфере — самые крутые, нужные знакомства. Сначала — рестораны, потом — клубы, игорный зал, казино... и, как следствие — этот оздоровительный центр. Он интересовал меня не столько, как источник дохода, сколько как площадка для новых знакомств. Мне нравилось, что все деловые встречи происходят именно на моей территории... Мне ничего не стоило свести одного человека с другим... Это — своего рода власть, хотя ты остаёшься в тени, как бы позади кулис, но на самом деле ты — главное действующее лицо. И в любой момент можешь рассчитывать на помощь любого из своих клиентов. То есть — в любом деле... от медицины до банковских операций...

— И что случилось с вашим заведением? — заметив, что собеседник на секунду замолчал, Миша вопросом подкинул «дров в топку».

— Стучилось, — Лапин ещё больше помрачнел. — Однажды... в бассейне сауны

утонула девушка.

— Да с чего ты взял, что она утонула в твоём бассейне?! — услышав слова отца, Кристина вскочила с места. — Папа, с чего ты взял?! Она утонула в реке! Её убил собственный парень! Есть материалы дела, что ты выдумываешь?!

— Замолчи, Кристина... — Лапин сжал побелевшие губы. — Я устал носить всё и себе... Я уже давно хотел во всём сознаться...

— В чём?! — потрясая руками, дочь округлила глаза. — В чём тебе сознаваться?! Ты ни в чём не виноват!..

— Виноват... Я знал, что парня посадили ни за что... И молчал все эти годы.

— Да так ему и надо!.. — Кристина хотела крикнуть ещё что-то, но вдруг осеклась — поняв, что выдала себя с головой.

— Вы знаете Игоря Ковалёва? — Михаил тут же обернулся к ней. — Почему вы считаете, что «так ему и надо»?

— Я его не знаю... — девушка невольно сбавила тон. — Я просто так сказала... Раз посадили, значит — заслужил...

— Кристина, помолчи... — Лапин смотрел куда-то вперёд невидящим взглядом. — Парень не виноват. Девушка утонула в моём бассейне.

— Вы при этом присутствовали? — заметив, в каком состоянии находится Леонид, Михаил боялся, что его откровения вот-вот закончатся, и старался выудить как можно больше информации.

— Нет... — Лапин буквально выдохнул это слово. — Но меня поставили в известность.

— Как это случилось?

— Она была с мужчинами... ну, вы сами понимаете... Мужики все пьяные... захотелось экстрима, решили продолжить развлечение в воде... Ну, и в какой-то момент потеряли контроль над ситуацией. Проще говоря, заигрались... думали, что девица от удовольствия извивается, а у неё судороги были предсмертные. Захлебнулась, в общем. Когда опомнились — было поздно. Решили, что нужно замести следы. Одели её, завернули и — в багажник... Отвезли подальше, выкинули в реку, думали, течением унесёт. А она за что-то зацепилась, и пролежала там месяца два... пока её случайно не нашли. Родители в розыск подавали, подозревали жениха... но улик не было. А когда труп нашли, то и обрадовались — есть на кого повесить...

— Откуда появилась предсмертная записка? Её написала сама девушка?..

— Сама. Я подробностей не знаю, но это была не записка, а, скорее, расписка. Девчонка топиться не собиралась, а написала, что «хочет этого сама» — про то, что делала там, в мужской компании... Она же несовершеннолетняя была, лет шестнадцать, кажется. И проституцией до этого не занималась.

— Странно... — Миша недоверчиво усмехнулся. — Девушка, не лёгкого поведения, имеющая жениха, вдруг, ни с того, ни с сего решается провести время в сауне с группой мужчин?..

— Я не знаю подробностей... — Лапин покачал головой. — Говорю то, что мне известно.

— Почему вы сразу не заявили о происшествии? Ведь вы не были участником оргии?

— А ты не понимаешь, капитан?.. — Леонид Борисович мрачно ухмыльнулся. — Или сам в таких ситуациях не был, когда выбора не остаётся?..

— Выбор есть всегда.

— Молод ты больно. Доживи до моих лет... а потом скажешь, всегда ли...

— Хорошо, допустим. Насколько я понял, среди ваших гостей были представители, скажем так, криминального мира?..

— Не совсем так. Здесь — другое. Если бы я сдал своих клиентов, кем бы я был в глазах других?..

— Других — им подобных?

— Не передёргивай, капитан. Это — другой мир, понимаешь?.. Со мной бы никто не имел дел после этого.

— Мир без чести и совести?..

— А в твоём, мусорском мире, много чести и совести?.. — усмехнувшись, Лапин бросил взгляд исподлобья. — Их нигде нет... понимаешь, капитан?.. Ни-где... Так что не надо меня «лечить». Таких врачей, как ты, пруд пруди. А я сам свою жизнь строил, без чьей-то помощи. Ещё и другим помогал, по мере сил...

— И всё-таки... — Михаил решил прервать «адвокатскую» речь Леонида. — Кто, кроме «банкира» и «монаха» был в тот день в сауне?

— Мой очень хороший знакомый. Собственно, он и привёл тех двоих. Я не знал их до этого.

— О том, что случилось, сообщил тоже ваш знакомый?

— Он... сообщил, и — повязал меня навеки... Хотел я потом уже сознаться, да поздно было. Пошёл бы как соучастник, за сокрытие преступления.

— Где сейчас этот ваш знакомый?

— Здесь, в городе... Да мы давно не общаемся.

— Как вышел на вас Ковалёв? Откуда он узнал, что его невеста погибла в вашей сауне?

— А он не знал, что она погибла именно в сауне. Он так и думал, что она утопилась в реке... Он сказал, что получил в тот день записку, что его девушка — проститутка, и что он может в этом убедиться. Получил поздно, пока добрался... в общем, к тому времени, когда он приехал в сауну, девчонка уже была в реке... Застать он её не застал, но потом поверил, что она была там. Иначе, с чего ей топиться?

— Когда он пришёл к вам в первый раз?..

— Чуть больше года назад... — вспоминая это событие, Лапин нахмурился и ненадолго замолчал. — После освобождения он уезжал куда-то... это он сам сказал, но вскоре вернулся. Он поджидал меня у ночного клуба.

— Что конкретно он хотел от вас?

— Имена... Он хотел знать, с кем именно она была в тот день... Я тогда его послал подальше, сказал, что, если ещё раз заявится, посажу на второй срок... Но, видимо, годы на зоне не прошли для него даром. Вторая встреча состоялась здесь — у меня дома. Я уже развёлся со второй женой и жил один...

— Он был один?..

— Нет, их было двое. Второго я не знаю, он был в маске и молчал.

— Что они хотели? Снова — имена?

— Они хотели знать всю правду...

— И вы им всё рассказали?

— И ты бы рассказал, если бы на тебя две пушки наставили.

— А записку?.. Вы сами написали?

— Естественно... — Леонид хмыкнул. — Под диктовку... Он сразу сказал, что даст мне

шанс... Мол, в сердце стрелять не будет, выживу — значит, мне повезло. Но, если проговорюсь, он доберётся до Кристины... Она уже была замужем, её муж очень известный продюсер, и о них часто пишут в жёлтой прессе. Публичные люди...

— Вы не подумали, что он блефует?

— У тебя дети есть?.. — Лапин снова бросил взгляд исподлобья.

— Пока нет...

— Вот когда будут, поймёшь.

— Вы могли обратиться в полицию.

— Мочало, мочало... начинай сначала... — Леонид Борисович устало вздохнул. — Я всё тебе сказал.

— Тогда последний вопрос... — Михаил ещё крепче сжал пальцы рук — косточки побелели от напряжения. — Когда вам пришлось выдать этих троих, вы знали, что их ждёт?

— Догадывался.

— И даже это не заставило вас прийти в полицию... вы ждали, когда Ковалёв уберёт последнего свидетеля, чтобы вздохнуть спокойно? Ведь из тех троих мстить вам будет уже некому... А Ковалёв подарил вам жизнь...

— Какая теперь разница.

— Если бы вы в своё время обо всём рассказали следствию, невиновный человек не получил бы срок. А всё равно ведь рассказать пришлось — ему самому. Результат: два трупа, плюс ваше собственное ранение, плюс грозящая вам статья, плюс грозящая опасность вашему бывшему знакомому.

— Если бы ты знал, капитан... сколько раз я сам об этом думал... так что, не надо на мою совесть давить. Она и так вся продавленная...

...Увидев Злату после этого тяжёлого разговора, Михаил испытал настоящее облегчение. Так было приятно видеть её милое, такое родное, обрамлённое светлыми завитушками лицо...

Несмотря на то, что Мише удалось, наконец, выяснить мотив серии преступлений, сведения, которые добыла ему Злата, тоже оказались не бесполезными. Ставить точку в деле расследования было очень рано — ну, если только запятую...

Судя по словам матери девушки, та была довольно скромной десятиклассницей. Училась хорошо, вела себя примерно, обыкновенная девушка из хорошей семьи. Правда, слишком доверчивая, даже наивная — мать рассказывала, что дочь ничего не стоило обмануть или ввести в заблуждение. Парень, с которым она встречалась — Игорь Ковалёв — был хоть и старше, но отличался порядочностью. Он часто приходил к ним в дом, и, вначале относившаяся к нему с недоверием, мама девушки вскоре изменила своё мнение. Она без опаски отпускала дочь в сопровождении Игоря — и на дискотеки, и в походы. По словам женщины, незадолго до смерти Иришку как будто подменили. Она постоянно плакала в уголке, ушла в себя, но никому ни в чём не признавалась. То, что произошло потом, стало шоком не только для родных, но и для всех, кто знал эту девочку. В виновность её жениха не верил никто — парень был слишком порядочным и влюблённым.

— Самое интересное, знаешь, что?.. — усевшись в салон автомобиля Михаила, Злата бросила на него многозначительный взгляд.

— Что?.. — несмотря на трагичность услышанной истории, Миша не переставал улыбаться, глядя на неё.

— То, что этот самый Ковалёв учился в университете культуры.

— И — что?.. Ну, я в курсе, дело читал...

— Миш... — Злата посмотрела на него, как на маленького ребёнка. — Он по возрасту ровесник твоего Морозова. Учился в том же заведении. Усекаешь?..

— Думаешь, они могут быть знакомы?

— Да запросто. Ты сам говоришь, как Кристина истерила. Не всё так просто, как кажется...

— Согласен... Тогда сейчас — к третьей предполагаемой жертве?.. А с утра — к Морозову.

Глава 13.

Проснувшись от назойливого пиканья, Михаил нехотя потянулся к тумбочке: судя по тому, что уровень заряда батареи мобильного телефона резко ушёл вниз, будильник срабатывал уже не в первый раз. Скользнув взглядом по дисплею, Миша убедился в этом воочию: часы показывали начало восьмого, а будильник он ставил на шесть тридцать утра. Выходит, разбудить его удалось только минимум с седьмой попытки...

...Златы снова не оказалось рядом, хотя он точно помнил, что к нему домой они приехали вместе — около трёх часов ночи. Заметив, что он из последних сил борется с усталостью, Злата сама села за руль его автомобиля. Они приехали домой... он сходил в душ — память запечатлела попытки прийти в себя с помощью напора холодной воды... но воспоминания обрывались сразу за порогом ванной комнаты. Кажется, он даже не ужинал.

— Ты где?! — одной рукой набрав номер Златы, другой Михаил протёр глаза.

— Миш, я у себя.

— Слушай, в последнее время у тебя стало входить в привычку сбегать, пока я сплю... Мне это совсем не нравится.

— Ты что, только проснулся?

— Естественно... иначе бы я обнаружил твоё отсутствие намного раньше.

— Там, в сковородке, тебе завтрак. Пока не поешь, из дома даже не думай выходить.

— Ты чего удрала-то?!

— Ребята с наружки звонили. Я тебя не стала будить, сама поехала. Извини, машину твою взяла... Так что, дуй на маршрутку.

— Почему меня не разбудила?.. — окончательно проснувшись, Михаил встал с кровати и сразу направился на кухню. Там, действительно, аппетитно пахло чем-то жареным. — Злат, давай договоримся, что это было в последний раз.

— Есть, товарищ капитан, — несмотря на иронию, в голосе Златы ему почудилась нотка грусти. — Обещаю. В последний раз. Просто наш третий фигурант появился. Судя по чемоданам, прилетел, ночным рейсом. Я сначала хотела с ним побеседовать, потом передумала. Пусть чувствует себя свободно. А то с перепугу глупостей наделает.

Вчера вечером они так и не застали дома третью предполагаемую «жертву» Ковалёва — на звонок никто не открыл, и Михаил уже всерьёз думал о том, что нужно вскрывать квартиру. Но вышедшая на лестничную площадку соседка пояснила, что жильцы из этой квартиры уехали на отдых в тёплые страны. Когда вернутся — женщина не знала, но предполагала, что скоро.

Так и вышло — по случайному стечению обстоятельств, разыскиваемый мужчина вместе с супругой вернулись именно этой ночью.

— Зря... — Миша озабоченно нахмурился. — Тут дело не в том, что он будет нервничать... тут нужно успеть выудить из него информацию. Как получилось, что вместо

проститутки на оргию попала примерная десятиклассница? Кто-то из этих троих должен был держать связь с основным организатором. Нам нужно выяснить, кто организовывал это развлечение, и каким образом удалось заставить девушку пойти на такой шаг.

— Ты думаешь, это наш «отпускник» — основной заказчик веселья?..

— Скорее всего. Лапин обмолвился, что это именно он привёл тех двоих, а, значит, и «программу» заказывал тоже он. К тому же, у нас нет других вариантов. Двое свидетелей уже ничего не скажут...

— Свидетели... — Злата многозначительно усмехнулась в трубку. — Хороши свидетели... Это преступники, Мясников... Но, тем не менее, наша основная задача сейчас — поймать Ковалёва. И не просто поймать, а поймать за руку. Иначе будет сложно что-либо доказать. Улики у нас косвенные, прямых — нет, только догадки.

— Неизвестно, сколько мы будем его ловить, — Михаил хмыкнул в ответ. — И в этом случае любая информация не будет лишней.

— Миш, я думаю, пока его не стоит трогать... — Злата перешла на серьёзный тон. — Ну, давай, хотя бы пару дней подождём. Я думаю, Ковалёв весь этот год выслеживал своих обидчиков, что называется, «вручную». У него же нет такой базы данных, как у нас с тобой.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что он просидел в тюрьме восемь лет. За это время многое изменилось, ему нужно было время на адаптацию. Он знал только, что сауна принадлежала Лапину, больше он ничего не знал, только строил догадки... Он просто шёл ва-банк! И — попал в цель, Лапин раскололся, и выдал ему всё, что знал. Ковалёву понадобился год, чтобы вычислить всех троих и придумать для каждого свой план мести, и сейчас он воплощает эти планы практически без перерыва. Он должен вот-вот появиться на горизонте — у дома нашего «отпускника».

— Главное, чтобы он не успел воплотить этот свой план раньше, чем мы его возьмём. А то не у кого будет добывать информацию... К тому же, не сбрасывай со счетов прокурора и судью...

— Все меры уже приняты...

— Да я как-то в курсе, — Михаил изобразил шутливый тон, но у него получилось не очень убедительно. — Однако, всё бывает. Если мы их не усмотрим, нам с тобой головы не сносить.

— А ты ещё не понял?.. — Злата снова усмехнулась в ответ. — Ковалёв мстит не за себя... иначе бы он с прокурора и начал — его имя ему известно. Но он мстит за свою девушку... и, судя по тому, как он мстит, на себя ему глубоко наплевать.

***

Новый сюрприз, который преподнесло Михаилу это утро, был вполне ожидаемым. По случаю профессионального праздника на завтра ожидался визит высоких гостей из министерства внутренних дел, и по этой причине сегодняшней, воскресный день был объявлен рабочим — для всего отдела. После обычного утреннего совещания полковник Кравчук задержал капитана Мясникова жестом руки.

— А тебя я попрошу остаться... — несмотря на шутливость фразы, говорил Кравчук чересчур серьёзным тоном.

— Слушаю, товарищ полковник... — Михаил снова присел к столу.

— Значит, так, Мясников... — взгляд «полкана» сверкнул поверх позолоченной оправы. — Наружку со своих фигурантов снимай немедленно.

— Почему?.. — Миша удивлённо приподнял брови.

— Потому, — Кравчук многозначительно кивнул. — У нас и так личного состава не хватает.

— Не понял...

— Почему до сих пор не закончено с материалами проверки по банкиру?!

— У меня появились новые наработки...

— А тебя кто-нибудь просил?!

— Опять не понял... — Михаил нахмурился и внимательно посмотрел на полковника. — Я практически вышел на преступника.

— Какой преступник?! Что ты там ещё хочешь нарыть?! — в ответ Кравчук буравил Мясникова своим цепким взглядом, как будто что-то хотел ему внушить. — Здесь нет преступника, Мясников. Поскольку покушение на собственную жизнь преступлением не является. Скажешь, опять не понял?..

— Не совсем. Как быть с показаниями Лапина?.. Если снять наружку, и его, и третьего соучастника просто-напросто грохнут.

— Какие показания?.. — положив на стол локти, полковник придвинулся ещё ближе и бросил новый взгляд — исподлобья. — Он что, к тебе с повинной приходил? Где его заявление?..

— Заявления пока нет... Он вчера не в состоянии был писать. Но сегодня — будет...

— Заявления не будет... — Кравчук произнёс эти слова зловещим тоном, чётко отделив их друг от друга. — Не надо бежать впереди паровоза, Мясников. Ты меня понял?! Не в твоей компетенции такие дела. Теперь понял?..

— Теперь — понял, — Михаил сдвинул брови и поджал губы — как обычно, в неприятных для него ситуациях.

— И кончай со своими оперскими привычками. Ты давно уже не простой опер, Миша. Ты — следователь, а бегаешь по адресам, следишь за фигурантами! Команда твоя — на что?

— Понял, товарищ полковник. Разрешите идти?

— Свободен. Да... — как будто о чём-то вспомнив, Кравчук окликнул его уже в дверях. — Чтобы тебе было, чем себя занять, помоги лучше Алексеевой с организацией завтрашнего торжественного собрания, вернее — концертной программы, а, заодно и съёмкой. Чего уставился?.. — заметив непонимающий взгляд Михаила, полковник усмехнулся. — Зря, что ли, на работу сегодня пришли? Организовать праздничную программу — это вам не в засаде сидеть...

— Злата занимается организацией праздника?!

— Пока нет. Но, чем быстрее займётся, тем лучше будет вам обоим. Ну, и всем остальным, естественно.

— А... — Миша усмехнулся — теперь понимающе. — Так она ещё не в курсе...

— Передашь — будет в курсе. И — никаких возражений. Из министерства приедут... Так что, давайте — вперёд и с песней.

— Так у меня ещё — висельник... — Михаил соорудил невинное лицо. — Надо ж с ним окончательно разобраться, раз из министерства приедут. Я сегодня как раз собирался...

— Подождёт твой висельник! Ему уже всё равно, где висеть...

Вернувшись в кабинет, Михаил застал там Злату: та внимательно перечитывала какие-то документы. Рассказу о том, по какому поводу его задержал Кравчук, почти не удивилась.

— Этого и следовало ожидать. Никто не даст ворошить дела десятилетней давности.

Дело раскрыто, обвиняемый свой срок отсидел... Письменного заявления от Лапина не поступало, и вряд ли уже поступит. Думаю, дочь ему уже все мозги промыла.

— Ну, да... — сидя рядом, Михаил методично стучал костяшками правой руки о ладонь левой. — Называется хеппи энд, если не считать, что Ковалёв вот-вот завалит либо его, либо третьего соучастника... Тогда уж точно будут основания для возбуждения дела об убийстве.

— Но оно никак не будет связано с нашей «русалкой»... — Злата невесело усмехнулась ему в тон.

— Кстати... — Миша повернулся к ней всем корпусом. — Ты в курсе, что тебе поручено срочно организовать концертную программу в честь завтрашнего визита министерского начальства?

— Мне?! — глаза у Златы стали похожи на два чайных блюдца. — Почему — мне?..

— Так решил Кравчук...

— У него что, предпраздничный синдром?.. Этим всегда кадровики занимались, а не оперативники.

— Кравчук боится, что мы за эти сутки ещё фигурантов нароем... Решил занять наш досуг по полной программе.

— Ой, Мясников... — решив, что он шутит, Злата махнула рукой. — Шуточки у тебя... Хотя... — голубые глаза мечтательно вскинулись вверх, — Я бы лучше занялась праздничной программой, чем вот такие ужасы читать...

— Вот и занимайся... — пряча улыбку, Михаил закусил губу. — Тем более, поручено именно тебе. А я так — подай, унеси... сфотографируй...

Злата ещё долго не могла поверить в услышанное и даже сбегала в отдел кадров, чтобы удостовериться, что Мишка её не разыгрывает. Но там только развели руками — в связи со срочностью, все организационные дела распределили между женским составом отдела, и организация концертных номеров досталась именно ей.

— Думали отделаться, как всегда — докладом и награждениями, — начальник отдела кадров, высокая, эффектная женщина лет сорока пяти смотрела на неё как-то виновато. — А тут — трах-бабах, ожидаются высокие гости. Ну, и все планы, естественно, поменялись. Общий сбор, выходные — насмарку... Велено в срочном порядке оформить целых три стенда, а заодно организовать небольшой концерт. Мы-то с Верой Васильевной, естественно, оформительством заниматься будем. Нам не до концертной программы, я так Кравчуку и сказала.

— И чего им в министерстве не сидится... — Злата недовольно нахмурилась. — И где я теперь им буду артистов искать?!

— Слушай, позвони в наш дом культуры... — собеседница сделала изящный жест рукой и, достав телефон, принялась искать забитый номер. — У них завтра вечером всё равно концерт, значит, есть готовые номера. Кравчук сказал, управление оплатит.

— И сколько номеров нужно?..

— Как обычно... — записав номер на листке бумаги, кадровичка протянула его Злате. — Четыре-пять достаточно, главное, атмосферу создать.

— Чего её здесь-то создавать... Всё равно вечером — всем личным составом на торжественную в ДК...

— А я знаю?.. Начальство — вещь непредсказуемая... Да, кстати... — женщина подняла вверх указательный палец. — Репертуар нужно обязательно согласовать. Потому, что сам Кравчук терпеть не может попу.

— А что он любит?.. — Злата едва заметно усмехнулась. — Боюсь, что кроме попы наш ДК ничего не производит.

— Он Лепса любит.

— Так что ж мне... Лепса ему теперь выписывать?..

***

В творческий центр Дмитрия Морозова Михаил и Злата приехали вместе. Несмотря на явный намёк полковника Кравчука, Мясников не торопился ставить точку в деле банкира. Новые обстоятельства, вскрывшиеся по ходу дела, вызвали у начальства неожиданную реакцию, но Михаил не собирался сдаваться — просто так. На всё про всё оставалось слишком мало времени, поэтому нужно было использовать его с максимальной пользой.

Михаил решил не отказываться от беседы с Дмитрием Морозовым, поэтому, позвонив ему домой, выяснил, что и Дмитрий, и Наталья находятся сейчас в своей студии. Злата поехала вместе с ним — до её встречи с художественным руководителем дома культуры МВД оставалось ещё много времени, а сидеть в отделе не хотелось, во избежание новых поручений, которые любил раздавать Кравчук всем, кто попадался ему на глаза.

— Димы сейчас нет, — сногшибательного вида, грудастая брюнетка, назвавшаяся концертным директором по имени Элеонора, мило улыбнулась Михаилу. — Он отъехал ненадолго, но скоро вернётся. Может, вы поговорите с Наташей?

— Нет, мне нужен именно он... — Миша постарался улыбнуться в ответ не менее мило.

— Тогда подождите немного... хорошо?.. — Элеонора изящно повела рукой в сторону массивной двери, из-за которой раздавались звуки музыкальных инструментов, — Можете пока посмотреть, как наши ребята репетируют... Когда ещё представится такая возможность? А Диму вы сразу увидите — он на сцену пройдёт.

Зрительный зал, скрывавшийся за дверью, оказался небольшим — примерно на сто мест. Сцена тоже была небольшой, на ней едва помещались аппаратура и инструменты. В зале было темно, и Миша со Златой незаметно уселись на последний ряд. Судя по всему, репетиция была у Натальи — девушка стояла у микрофона и терпеливо ожидала, пока один из музыкантов отрегулирует звук.

— Вот этот шнур не работает! — парень с длинными волнистыми волосами вытащил из разъёма на пульте шнур и показал его в руке. — Вить, где у нас такой шнур?

— Ща, поищу... — другой музыкант, такой же длинноволосый, только блондин, неторопливо снял с плеча ремень и, отложив в сторону гитару, ушёл за кулисы.

— Ну, как всегда... — Наташа произнесла это ворчливым, но добродушным тоном. — Как репетировать, так шнуры искать.

— Да Викун быстро найдёт... — парень со смешливым лицом, сидевший за ударной установкой, потянулся — зажатые в ладонях барабанные палочки взметнулись сначала вверх, потом разъехались в стороны. — Эх, сейчас бы под одеяло... Да с красивой девушкой...

— Думаю, с одеялом будут проблемы, Саня... — длинноволосый встал за клавишную установку и попытался взять аккорд — инструмент ответил молчанием. — А девчонок — полно... Как раз на втором этаже балет репетирует. Выбирай — не хочу...

— Жень, ты ему про балет лучше не напоминай... — Наташа многозначительно посмотрела сначала на клавишника, потом на барабанщика. — У Сашки теперь на танцовщиц — иммунитет!

— Чего это?.. — Женя с интересом взглянул на товарища. — Девочки заподозрили в

нём хорошего танцора?..

— Он же им вчера проспорил! — заметив, что Сашка пытается что-то возразить, Наташа озорно рассмеялась. — Он сказал, что джигу умеет танцевать!

— А кто тебе сказал, что не умею? — тот обиженно прищурился. — Саня Говоров всё умеет, да не всем показывает!

— Серьёзно, умеешь?.. — Наташа недоверчиво покачала головой. — А почему мы не знали?..

— Потому, что я такой — загадочный...

— Ну, покажи... — Наташка взяла с пола акустическую гитару. — Давай, я тебе «Зелёные рукава» в ритме отобью. А ты — станцуй.

— Хочешь поспорить?.. — расплывшись в улыбке, Говоров закусил губу. — А, если поспоришь?..

— Разве мы спорим?.. — ответив ему в тон, Наташа подбоченилась.

— А разве нет?.. — он не сводил с неё весёлого взгляда. — Тогда давай так... Если я не станцую, то работаю концерт без палочек — одними пальцами. Но если станцую — ты поёшь женский блатняк, на камеру. Идёт?..

— Идёт!..

— Саня... — Женька смотрел на него с неприкрытой иронией. — А ты не того... не очень загнул насчёт концерта одними пальцами?..

Глядя из темноты, как пальцы и ладони барабанщика стремительно летают по натянутым «перепонкам» барабанов, ловко отбивая ритм, Злата невольно открыла рот. Парень, действительно, мог выполнить своё условие в случае проигрыша. Но, судя по его хитрому виду, проигрывать он вовсе не рассчитывал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Саня и не такое может... — выдав последний каскад ударов, Говоров эффектно закончил импровизацию: прошёлся пальцами по тарелкам, затем перевёл взгляд на Наталью. — Ну, чё... давай, отбивай «Рукава»...

Перекинув через плечо широкий ремень, девушка сначала взяла несколько пробных аккордов, затем, пройдясь по струнам, резко накрыла их ладонью. Нависшая на несколько секунд тишина внезапно взорвалась новым мощным каскадом ударов — теперь уже по гитарным струнам... Наталье удивительно удавалось сочетать удары с переборами, так, что мелодия невольно вырисовывалась на общем фоне аккордов — чётких и динамичных.

...Не успев восхититься талантом гитаристки, Злата намертво зацепилась взглядом за ноги парня — они мелькали в такт музыке, высоко приподнимаясь в колене и немислимо переплетаясь выбивающими дробь ступнями — со стороны казалось, что всё это происходит одновременно... Само туловище молодого человека оставалось неподвижным — как и положено в ирландских танцах, но Злата на него не обращала внимания — оно было приковано только к ногам танцора...

— Смотри... — она легонько толкнула в бок Михаила. — Это же ирландский танец... Его очень сложно научиться танцевать...

— А ты откуда знаешь?.. — Миша наклонился, чтобы его лучше было слышно.

— Я тоже бальными танцами занималась... Давно...

— Ну, как?.. — закончив небольшой танцевальный экспромт, Говоров, улыбаясь, смотрел на Наташку.

— Саня... — Женька ошеломлённо развёл руками, — Сколько лет тебя знаю, но таких

талантов не замечал... Ты что... танцам обучался?!

— В далёком детстве ходил в танцевальную студию... — Сашка не сводил взгляда с Натальи. — Ну, что... проиграла?! Давай, Наталья Валерьевна... Жги блатняк!

— Проиграла... — она восхищённо покачала головой, затем оглянулась на кулисы. — Только звук-то ещё не сделали...

— Уже... — из-за кулис показался белобрысый гитарист с новым шнуром в руке. — Сейчас подключу...

...Видимо, подобные «споры» в артистической среде были не в диковинку — Наталья без лишних уговоров подошла к микрофону. Распустив заколотые на затылке белокурые волосы, разбросала движением головы их по спине и плечам... чуть прищурила красивые карие глаза... Извлечённая Сашкой откуда-то из недр большого барабана клетчатая кепка пришлась как нельзя кстати — дополнив ею образ дворовой девчонки, Наташа озорно повела плечами и засунула руки в карманы джинсов. Многозначительная полуулыбка застыла на хорошеньком лице, олицетворяя собой принадлежность к «блатному» миру — во всяком случае, самой Наташе хотелось выглядеть именно так... По её облику было видно, что вся эта игра доставляет ей огромное удовольствие, даже несмотря на то, что «счёт» оказался не в её пользу.

— Какую, Наташ?.. — устроившись за клавишами, Женя вопросительно кивнул девушке.

— «Мусорка», естественно... — «блатата» из Наташки получалась очень обаятельная и задорная, впрочем, по-другому и быть не могло.

— Ну, что... — прыгнув со сцены, Сашка собрался снимать видео на телефон. — Поехали?.. Пока Димыч не вернулся... А то быть тебе, Натаха, молодой вдовой...

— Поехали!.. — кивнув головой, Женька опустил руки на клавиши...

Вступление оказалось заводным — Злата почувствовала желание самой пуститься в пляс под ритмичную мелодию. Однако, услышав первые слова песни, она едва сдержала хохот — пришлось ладошкой зажать рот.

— Чё ты гонишь, мусор, шнягу не по делу... Чё ты паришь мне про нары и конво-о-ой... — Нежный Наташкин голос вдруг приобрёл неожиданный, слегка грубоватый тембр. — Чё мазуришь ты на понт, я не товарка... И пугаешь, падла, бабу Колымо-о-ой...

Одновременно с исполнением вокала Наталья умудрялась пританцовывать — у неё это получалось здорово, создавалось впечатление, что танцам она училась тоже профессионально. Глядя на тюремно-шансонные «изыски» певицы, Михаилу не верилось, что перед ним та же девушка, которая так проникновенно исполняла рок-балладу там, в зале ночного клуба...

— Хоп, мусорок!.. Не шей мне-е-е срок... Машина Зингера иголочку сломала... — Наташка выразительным жестом поправила на голове кепку и растопырила «распальцованные» кисти рук. — Всех понятых... по-о-о-лублилатных... Да и тебя, бля, мусор, я в гробу видала!..

Видимо, Наташе удавался любой репертуар — песенный текст состоял из одного блатного жаргона, но певица произносила слова так, будто «феня» была ей не в диковинку, а тюремная чечётка — элементом ежедневных упражнений. При этом выглядела Наташка комично — обращаясь к «мусорку», она неизменно подходила к клавишнику и, кроме слов, использовала ещё и красноречивые жесты: проводила большим пальцем по горлу, отдавала «честь» и делала «козу». Наблюдавшие за этой картинкой парни чуть ли не валялись со смеху на сцене. Они даже не заметили, как в зале появился Морозов — он вошёл, как и

Миша со Златой, через входную дверь и остановился в тёмном проходе.

Сложив руки на груди и прислонившись к стене, Дмитрий наблюдал за «творчеством» своей жены и клавишника Женьки. Михаил пытался разглядеть выражение его лица: ему показалось, что Дима улыбается. Морозов слушал песню почти до самого конца, ничем не обозначая своего присутствия и не сводя взгляда со сцены, и Мишке вдруг пришло в голову, что тот просто любит Натальей — со стороны... А иначе зачем ему было незаметно стоять в тёмном зале?

Решив, что сейчас самое время поговорить, Миша чуть сжал руку Златы и, встав, направился к Морозову. Тот не ожидал увидеть такого «гостя» — это было заметно даже в темноте — но, услышав просьбу о приватном разговоре, тут же кивнул и шагнул назад — к двери...

***

— Да, я его знаю... — увидев фото Ковалёва, Дмитрий уверенно кивнул. — Это Игорь Ковалёв. Мы вместе учились на первом курсе...

— А потом?.. — сидя в кабинете Морозова, Михаил не сводил с того пронизательного взгляда.

— А потом... — тот невольно нахмурился. — Потом я ушёл в армию... прямо с первого курса.

— Служил?.. — в голосе Миши прозвучало уважение.

— Ну, в общем, да... — Дима слегка замялся, потом усмехнулся. — Мы служили все вместе — я, Саша Говоров и Витька Мазур. Это музыканты нашего коллектива. Мы служили здесь же, в местном гарнизоне. Но не столько служили, сколько выступали. Ну, мы сами так захотели...

— Захотели служить в местном гарнизоне?!

— Нет... — Дмитрий рассмеялся. — Захотели служить... поэтому сами пришли в военкомат. А мой отец — он бывший военный, и у него тут оказались кое-какие связи... В общем, он нам устроил такую вот службу. Всё равно бы призвали, так лучше уж как положено... Ну, в общем, всё это в прошлом. А Ковалёв — он сам по себе парень хороший... хотя, однажды у меня был с ним конфликт. А потом его посадили, вроде бы за убийство.

— Что за конфликт был у вас с Ковалёвым?

— Где-то в середине службы нам дали отпуск — мне и Сашке. Дали неожиданно, моих родителей в городе не было, они уезжали. Ну, мы и решили оторваться на нашей даче... — несмотря на то, что в кабинете не было посторонних, Дмитрий приглушил голос. — Собрали ещё парней, которые были в городе, девчонок, естественно... и устроили большой сейшн. Игорь тоже тогда попал в нашу компанию. Ну, и... вышло так, что наутро я проснулся с одной девушкой... хотя у меня тогда была невеста... — Дима виновато развёл руками. — Невеста моя тоже была на этой вечеринке, но я тогда перебрал и сам не помню, как всё получилось.

— А дальше?..

— Марина утром проснулась в другой комнате, пошла меня искать, ну, и... всё увидела... Был жуткий скандал, она ушла, естественно. Я пытался догнать, но... бесполезно. Вернулся назад, на дачу. И вот тогда Игорь на меня сильно наехал. Мы даже чуть не подрались.

— Он что, обиделся за твою невесту?.. — Михаил незаметно для себя перешёл на ты. — Или приревновал к той, другой?

— Скорее, первое... — Морозов нахмурился. — Он мне много тогда чего высказал... Заодно и той девушке досталось.

— А ей за что?..

— Ну, он её во всём обвинил. Сказал, что знает её очень хорошо, и что она всё подстроила... И, что я дурак, если ей поверю... Ну, и много чего ещё. Я сейчас уже и не вспомню... Но скандал был грандиозный. Мы с Маринкой со школы дружили, она меня ждала... я даже думал, что после дембеля поженимся... А тут вдруг — такое...

— Когда это было?

— Это было... — Дмитрий ненадолго задумался. — Это было... летом две тысячи четвёртого... Больше десяти лет назад. А что случилось?

— Ту, вторую девушку звали Кристина Лапина?..

— Да... Это была Кристина... а ты откуда знаешь?.. — Морозов тоже решил больше не «выкаты».

— Профессия у меня такая... — Миша вдруг поднял взгляд на своего собеседника. — Ну, и как... кому ты тогда поверил?.. Ей или Ковалёву?..

— Я тогда вообще никого не слушал. Переживал за Маринку. Но она так и не простила... После службы уже начал встречаться с Кристиной...

— Значит, всё-таки ей поверил, а не Ковалёву...

...Беседа уже подходила к концу, когда в открывшуюся дверь вошла Наташа. Увидев Мясникова, на мгновение застыла — на лице отразилась неподдельная тревога.

— Здравствуйте... — она растерянно перевела взгляд с него на мужа.

— Здравсьте... — Михаил приветливо улыбнулся. — Не ждали?..

— Нет... Что-то случилось?..

— В общем, нет... — Миша лихорадочно придумывал причину своего визита — не рассказывать же и так перепуганной Наталье о теме их разговора. — Дело в том... Дело в том, что завтра у нас праздник... будет торжественное собрание, гости из министерства... И хотелось бы небольшой концерт... — он переглянулся с Морозовым. — Вот, мы и приехали к вам...

— Вы хотите, чтобы мы выступили у вас завтра?.. — на лице Наташи отразилось нескрываемое облегчение.

— Да... — Миша охотно кивнул. — Было бы просто замечательно!.. Тем более, название вашего коллектива очень символично — «Ночной патруль»... Созвучно профессии полицейского.

— Ну, это — к Диме... — Наталья кивнула на мужа. — Правда, у нас завтра важное мероприятие вечером...

— Мероприятие в девятнадцать, — Морозов с благодарностью посмотрел на Михаила. — А ваш концерт во сколько?

— Начало в пятнадцать. Доклад, награждения... максимум сорок минут. И три-четыре концертных номера... В шестнадцать уже освободитесь.

— А репертуар?.. — Наташа вопросительно уставилась на Диму. — Может, им не подойдёт наш репертуар?..

— Подойдёт!.. — Мишка с готовностью махнул рукой. — Я уже видел!.. Гм... только что...

***

— И что ты будешь делать со всеми этими сведениями? — Злата задала этот вопрос уже

по дороге в отдел. — Нам ясно дали понять, чтобы мы не копали глубоко. Зачем теперь этот сбор ненужной информации?

— Ты бы на моём месте отступила?.. — Михаил бросил на неё едва заметный взгляд. — Вот так, имея кучу улик, за полшага до полного раскрытия?..

— Не знаю, Миш... — Злата устало прикрыла глаза. — Я же не на твоём месте. Хотя... эту стерву Кристину стоило бы наказать. Вот уже действительно, права была Наталья... умеет ходить по трупам. Кстати... спасибо, что решил мою проблему.

— Ты про концерт? — Миша усмехнулся. — Да само собой как-то решилось. У нас с Морозовым разговор такой... интимный, можно сказать... про его бывших женщин... А тут она заходит... Наталья. Я аж сам поёжился... Пришлось выручать брата...

— Миш... — Злата снова распахнула ресницы. — А ты чувствуешь, что это — твой брат?.. Или чисто по протоколу?..

— Не знаю... Пока ещё не понял. Но Дима — хороший парень. Без звёздных заскоков.

— Добрый ты, Мясников... — повернув к нему голову, Злата улыбнулась в воротник. — Все у тебя хорошие... И даже ревности нет... Нет ведь?..

— Не-а... к кому ревновать-то?.. Меня родили... его родили... Пусть родители разбираются. Мы-то при чём...

— Всё правильно... — на лице Златы отразилась какая-то непонятная ему боль. — Дети ни при чём... Брат — есть брат... Так же, как и сестра.

Глава 14.

— Мясников, не вздумай! — уже под вечер воскресного дня встревоженной голос Златы прозвучал в трубке. — Я тебя очень прошу, остановись!

— Всё будет нормально... — одной рукой держа телефон, другой Михаил старательно выкручивал из ворот СИЗО на проспект, ведущий к новому микрорайону. День подходил к концу, но он не мог отправиться домой, не нанеся ещё одного важного визита.

— Миш, возвращайся... Всё уже бесполезно, тебе не дадут закончить... — Злата чуть приглушила голос. — Пока ты ездил на допрос, я кое-что узнала...

— Ты про обещанную Кравчуком прокурорскую проверку? — его голос казался невозмутимым. — Я в курсе, Злат... И это ничего не меняет.

— Мясников, — девушка снова перешла на повышенный тон, — ты что, ещё не понял, что этот твой героизм никому не нужен?! Даже наоборот! Он — опасен, и, в первую очередь, для тебя самого!

— Это не телефонный разговор. Я скоро... Вернусь — поговорим.

— Если ты не вернёшься прямо сейчас, я уйду, — судя по тону, Злата вовсе не шутила.

— Я скоро...

Догадки, возникшие в голове Мясникова после разговора с Дмитрием Морозовым, требовали немедленных действий. Сложившаяся в сознании картинка преследовала упрямого следака всю вторую половину дня, и он старательно отводил взгляд от Златы, которая сразу обо всём догадалась. Но Михаил уже всё решил для себя... Он не смог поступить иначе даже вопреки предупреждению полковника Кравчука, при чём — повторному предупреждению...

«Мясников, я вижу, ты меня плохо понял?!» — уже под вечер Кравчук сам вошёл в кабинет к Мясникову. Судя по его виду, этому визиту были очень веские основания.

«Вы о чём, товарищ полковник?» — Михаил постарался придать своему голосу как можно больше непринуждённости.

«Ты мне тут дурочку не валяй! — заложив руки за спину, Кравчук смотрел исподлобья, насупившись, — Я только утром отдал приказ!»

«Так я ещё не успел... — Миша невозмутимо пожал плечами. — Вы же сами заданий понадавали в связи с завтрашним праздником...»

«Слушай, капитан... — Кравчук неожиданно сбавил тон и снял очки. — Хватит уже... Я в курсе, что ты так и не снял наружку с одного адреса!»

«Я снял...»

«Врёшь! Где сейчас твой Иванов?»

«У меня есть сведения, что Ковалёв появился в городе... — невозмутимость моментально сменилась крайней серьёзностью. — Товарищ полковник, у нас назревает ещё одно «самоубийство»...»

«Ты в этом уверен?! — Кравчук гневно поджал губы. — Твой долг раскрывать совершённые преступления, а не ловить «летучих голландцев!»

«Мой долг не только раскрывать, но и предотвращать преступления...»

«Самым умным хочешь показаться?! Последний раз предупреждаю, Мясников... Не лезь не в своё дело! Если не хочешь накликасть прокурорскую проверку, оформляй свои материалы проверки как положено и завязывай с самодеятельностью. Других дел по горло».

«Есть, товарищ полковник!» — решив больше не пререкаться, Михаил нарочно встал по стойке «смирно».

«Немедленно!.. — полковницкий палец грозно взметнулся вверх — к лицу капитана. — Чтобы уже через час...»

«Через час не успею. У меня срочный выезд».

«Куда у тебя выезд?..» — полковник подозрительно прищурился.

«В СИЗО. У меня там допрос».

«Допрос?.. В воскресенье?!»

«Назрела необходимость. Вы же сами говорите, что у нас выходных не бывает».

«Ну, смотри, Мясников... Не играй с огнём. Я тебя предупредил!»

...Михаилу, действительно, нужно было появиться в СИЗО, но совсем ненадолго. Допрос одного из подследственных был назначен на вечер, и Миша посчитал это за знак: отправив Злату домой, готовиться к завтрашнему праздничному дню, теперь он выигрывал сегодняшний вечер и целую ночь перед полковником Кравчуком, которому не терпелось удостовериться, что капитан Мясников сдал-таки все свои «хвосты» и отказался от мысли довести расследование по делу банкира-монаха-Лапина до победного конца.

Объяснения этому были нешуточные. Судя по сведениям, полученным из достоверного источника, выходило, что все попытки капитана Мясникова докопаться до истины десятилетней давности были на контроле заинтересованных лиц. Как только «контролирующий орган» понял, что неугомонный Мясников вышел на верный след, было принято решение пресечь все его следственные действия и предотвратить всплытие неоспоримых фактов, так неуклюже потопленных тогда, десять лет назад. В том, что чей-то интерес тянул сейчас на карьеру и даже на целую жизнь, сомневаться не приходилось.

Лучшим выходом было бы с чистой совестью закрыть все дела за отсутствием составов преступлений... Но Михаил сразу же отверг этот вариант. Гены Семёна Ильича Дзюбы как всегда взяли верх над желанием подчиниться «высокому» приказу.

...Если бдительность Кравчука была слегка приглушена, то Злату обмануть не удалось вовсе. Она сразу почувствовала неладное, когда, покидая СИЗО, Миша позвонил и сказал,

что немного задержится, заодно попросил приготовить ему «что-нибудь вкусненькое». Это был верный ход: оставить без ужина любимого мужчину Злата бы себе не позволила, и даже её недовольство не могло помешать ей приехать к нему на квартиру и сразу взяться за кастрюли и сковородки. Тем более, сначала ей пришлось заехать за Бертой, которая вот уже не первый день «гостила» в доме Олега Дзюбы. Берта в данном случае была верным залогом того, что Злата не исчезнет бесследно, как грозилась весь сегодняшний день — в случае, если Миша поступит по-своему.

А он собирался поступить именно так.

...Уже при подъезде к дому третьей, пока только предполагаемой жертвы, Михаил понял, что что-то случилось. Во дворе стояли машины скорой помощи и полиции. Толпа зевак у подъезда наблюдала за действиями нескольких полицейских и врача, суесящихся на небольшом оцепленном лентой участке под окнами.

Подойдя поближе, Михаил увидел тело мужчины, распростёртое на земле — растёкшаяся лужа крови и неестественная поза указывали на то, что пострадавший, скорее всего, выпал из лоджии. Догадка обожгла мозг...

— Да вот... неудачник-парашютист... — взглянув на предъявленное удостоверение капитана Мясникова, мрачно пошутил один из оперов. — Соседи говорят, только на днях вернулся из тёплых стран...

— Личность установили? — Миша кивнул на труп.

— Установили, — назвав знакомую фамилию, оперативник вовсе не удивил Михаила — именно эту фамилию он и ожидал услышать.

— Думаешь, самоубийство?.. — рискуя быть посланным подальше, Миша всё же продолжал выяснять обстоятельства. — Предсмертная записка была? Что родственники говорят?

— Ничего не говорят... ещё не знают. Он дома был один, соседка говорит, что жена с ребёнком вчера в больницу легли — на скорой уехали.

— А что случилось?

— Вроде температура поднялась у ребёнка, ну, и вызвали скорую. А папаша один дома остался.

— Одиночества не вынес?.. — Михаил тоже решил пошутить.

— Разберёмся...

Дальше опер решил не распространяться, и Михаилу пришлось отказаться от расспросов. Впрочем, он и так уже имел свои предположения... Если эта смерть была делом рук Ковалёва, то выходило, что тот отступился от своих правил и не заставил жертву написать предсмертную записку... а, значит, у него изменились собственные обстоятельства... и теперь он торопится убрать всех, кого приговорил к собственному наказанию.

Дело осложнялось тем, что у погибшего уже невозможно было узнать, какие сведения получил преступник перед тем, как совершить свою казнь... А, что, если тогда, десять лет назад, в гибели девушки действительно была замешана Кристина Лапина?.. И сейчас, вымаливая жизнь, этот — последний — «приговорённый» всё рассказал Ковалёву и его сообщнику?.. Ведь, судя по всему, именно он был знаком с самой Кристиной...

— Мясников, ты где?! — звонок Златы раздался как раз в тот момент, когда Михаил уже ехал по одной из загородных трасс.

— Я потом всё расскажу...

— Ты — где?!

— Злата, потом... только дождись меня, ладно?

— Да пошёл ты!..

В голосе Златы ему послышались откровенные слёзы, но раздумывать сейчас было некогда. Припарковавшись недалеко от дома Леонида Лапина, Михаил решил сначала сделать тому телефонный звонок.

— Ну, хорошо... — судя по тону, Леонид Борисович не очень обрадовался позднему визиту следака. — Входите.

...Войдя уже в знакомые двери загородного коттеджа, Михаил в прихожей столкнулся с дочерью хозяина. Кристина всё ещё гостила в доме отца, и сейчас, судя по верхней одежде, собиралась уйти.

— Вы когда-нибудь оставите нас в покое?.. — во всём облике Кристины сквозило нескрываемое высокомерное возмущение. — Кажется, мы всё уже обговорили, все обстоятельства выяснили... папа не собирается писать никакого заявления!

— Оно уже не поможет, — Миша иронично усмехнулся. — И я не советовал бы вам сейчас никуда уходить.

— С какой стати?

— В целях вашей же безопасности. И, раз уж вы тоже дома, я попросил бы вас ответить на несколько моих вопросов. Это срочно.

— Мне некогда.

— В прошлый раз вы сказали неправду, — несмотря на отказ в беседе, Михаил прочно встал между Лапиной и входной дверью. — Вы знали Игоря Ковалёва, и, более того, у меня есть основания утверждать, что именно вы были инициатором той самой вечеринки в сауне, на которой погибла его невеста.

— Чо-о-о?!

— Вы хотели отомстить Ковалёву за то, что он нелестно отозвался о вас. Я в курсе вашего конфликта

— Слушай, ты, следопыт... — побледнев, Кристина перешла на гневный крик. — Бросай свои ментовские штучки... Или ты хочешь, чтобы тебя из органов попёрли?! Я тебе это организую!..

— Что здесь происходит?.. — появившись из другой комнаты, Лапин перевёл тревожный взгляд с гостя на дочь. — Кристина, что случилось?!

— Я не знаю, что нужно этому... — девушка гневно кивнула в сторону Мясникова. — Но я не хочу его больше здесь видеть!

— Леонид Борисович... — вложив руки в карманы куртки, Михаил невозмутимым взглядом смотрел на хозяина дома. — К вам у меня тоже есть один вопрос. Вспомните... когда в вас стрелял Ковалёв, он хотел услышать от вас не только имена участников той оргии? Он хотел знать и имя организатора, ведь так?

— Ну, допустим... — на лице Лапина отразилось нетерпение поскорее закончить этот неприятный разговор. — Хотя я сейчас уже не помню... Да и откуда мне было это знать?.. Я всё сказал вам ещё в прошлый раз. Я подумал... я не буду писать никаких заявлений.

— Я это понял, — Михаил едва заметно усмехнулся. — Дело в том, что обстоятельства изменились, и у меня есть версия, что другие люди, возможно, не захотели покрывать вашу дочь.

— Что вы имеете в виду?!

— Сегодня вечером трагически погиб третий участник... — Мясников чуть прищурил пристальный взгляд. — Да-да, тот самый последний свидетель, чья смерть была вам на руку.

— А при чём здесь я?!

— Вы не при чём. Но я не уверен, что перед смертью он не виделся с Ковалёвым и не признался ему, что в деле гибели его бывшей невесты была замешана ваша дочь.

— Кристина?! — услышав обвинение в адрес дочери, Лапин изменился в лице. — Кристина здесь не при чём!.. Слышишь, капитан?! Её — не впутывай!.. И — вообще, по какому праву ты устраиваешь тут допрос?! Если нужно, вызывай повесткой, но учти... за превышение полномочий тебе твоё начальство шею намылит!

— Вы зря надеетесь, что в этот раз тоже «пронесёт»... — Михаил упрямо поджал губы. — Да, уголовное дело по факту гибели девушки не возбудили, и вряд ли возбудят... Но, в отличие от правоохранительных органов, у Ковалёва — свой кодекс, и, если он что-то узнал о роли Кристины Леонидовны... — брошенный взгляд в сторону упомянутой девушки был красноречивее всех слов. — То поверьте... он не будет сидеть сложа руки.

— Моя дочь тут не при чём! — от охватившего его душевного волнения Леонид сжал кулаки до побелевших косточек.

— Это вы будете рассказывать Ковалёву. Только, боюсь, он вам не поверит.

— Что вы от нас хотите?!

— Я хочу, чтобы вы сейчас рассказали мне в подробностях, что произошло на самом деле тогда, десять лет назад, — Михаил снова повернулся к Кристине. — Кто ещё, кроме вас, участвовал в этом деле? Чью ещё фамилию мог назвать убитый Ковалёву?

— Да... да как ты смеешь?! — в серых глазах Кристины отразилась явная ненависть. — Я ничего не знаю!.. Это — клевета!..

...Михаил уже дошёл до ворот, когда его окликнул Лапин.

— Подожди, капитан... — тяжело спустившись с крыльца, Леонид приблизился к Мясникову. — Подожди... Я так и не понял... ты вообще зачем приходил?

— Я вам уже сказал... — несмотря на холодный приём, Миша смотрел на хозяина с долей сожаления. — Все участники той оргии убиты... Следующими можете стать вы и ваша дочь.

— Почему ты в прошлый раз не сказал?..

— Я ещё не знал всех обстоятельств. Теперь — знаю. Заметьте — это не допрос. А приватная беседа.

— Подожди... — заметив, что Мясников собирается повернуться, Леонид Борисович схватил его за руку. — Скажи только... вы что, возбудили дело против меня?..

— Нет, с чего вы взяли?

— Тогда зачем тебе всё это?.. — в темноте Лапин пытался взглянуть в глаза следователя. — Зачем ты копаешь то, что давно травой заросло?..

— Чтобы было меньше смертей.

— Там, действительно, больше никто не был замешан... — выдержав небольшую паузу, Лапин проговорил эти слова приглушённым голосом. — Больше убивать ему некого...

— Есть ещё ваша дочь.

— Кристина не при чём...

— Леонид Борисович... — Михаил не дал договорить собеседнику заученную фразу и оборвал его на этот раз довольно резко. — Подумайте лучше о своей безопасности. Наблюдение с вашего дома снято.

— А нельзя его... возобновить?..

— У меня нет на это оснований. До свидания.

...Всю дорогу домой Михаил не мог избавиться от чувства неудовлетворённости. Визит к Лапину носил неофициальный характер, и нанесён был лишь по его собственной инициативе. Ворошить старые дела никто не собирался, а смерть свидетелей была лишь на руку тем, кто в своё время незаслуженно наказал Ковалёва... так же, как и его собственная смерть. Всё, что мог сейчас сделать следователь Мясников — предупредить Леонида Борисовича и его дочь...

— Злат... — на ходу набрав знакомый номер, Михаил чуть сбавил скорость. — Я уже еду... Ты — как?..

— Ты точно едешь? — её тон показался ему несколько странным, но он списал его на её плохое настроение.

— Точно. Минут через пятнадцать буду.

...Причину такого тона, а заодно и вопроса Миша понял, как только вошёл в квартиру: свет горел только в прихожей. Выбежав к нему навстречу, Берта кинулась передними лапами на грудь.

— Ну, привет, привет... — уворачиваясь от шершавого собачьего языка, Михаил потрепал ладонью шерстяную голову. — Ты что, одна?.. А где Злата?

Виляя хвостом, Берта негромко заскулила, повернула к двери слегка обиженную морду. Догадавшись, что Злата только что покинула его жилище, Миша снова набрал её номер...

— Мясников, я тебя предупреждала... — голос Златы не был сердитым, он был каким-то грустным и усталым. — Я сказала, что уйду...

— Златка сказала — Златка сделала... — он попытался пошутить. — А я соскучился...

— Всё, Мясников. Ложись спать.

— Я же соскучился...

— Это уже неважно. И не вздумай приезжать. Я не дома.

— А где?!

— А это уже моё личное дело.

Набирать Злату было бесполезно: сразу после разговора она отключила телефон. Михаил пробовал звонить ей на служебный номер, но она упрямо сбрасывала его звонки. Решив, что она обиделась на его позднее возвращение, он поужинал и устроился возле телевизора. Конечно, она обманула его, когда сказала, что не дома... Больше ей идти некуда, а к родителям слишком поздно — те рано ложатся спать...

Ехать к ней сейчас нет смысла, да и Берту одну не оставишь... Злата и сама не бросила собаку, пока не удостоверилась, что Мишка уже направляется к дому... Интересно, как он проглядел её машину?.. Она должна была ехать по той же улице, по которой возвращался он сам... Наверное, так обиделась, что решила поехать в объезд?..

...Странная какая-то обида... Она прекрасно знала, что он не сможет вот так взять и бросить начатое расследование. Она в любом случае дождалась бы его, чтобы расспросить во всех подробностях, а потом уже высказать своё собственное мнение. Так было всегда...

Но сегодняшнее поведение Златы было не похоже на неё... Ещё там, в творческом центре, после того, как он поговорил с Морозовым, она поддержала его версию о причастности Кристины Лапиной к гибели девушки... Они проговорили всю обратную дорогу... Затем Миша поехал назад, в отдел, а Злата... Да, она решила воспользоваться тем, что отпала необходимость ехать в дом культуры...

«Прикрой меня, если что?.. — высаживаясь у стоматологической клиники, она помахала ему ручкой. — Я совсем забыла, что мне к стоматологу нужно... раз случай выдался. Ладно?..»

...Больше они сегодня не виделись... После стоматолога Злата сразу же направилась в актовый зал... А к нему зашёл Кравчук... А потом... потом был её звонок — тот самый, в ультимативной форме... Размышлять было некогда, он ехал на адрес... Но вот сейчас, вернувшись домой, Михаил тщетно пытался понять, чем же рассердил Злату — настолько, что она сбежала перед самым его приходом...

...О том, что всё узнает завтра с утра, он успел подумать буквально перед тем, как провалиться в глубокий сон...

***

— Ну, когда же ты вот так привезёшь ко мне правнука?! — расцеловав любимого внука, Вероника Григорьевна ласково погладила по голове Берту. — Ведь так хочется дожждаться, Мишенька...

— Бабуль, дождёшься... — улыбаясь, Михаил распрямился во весь рост — чтобы оказаться в бабушкиных объятиях, ему приходилось наклоняться чуть ли не в три погибели. Будучи невысокой от природы, Вероника Григорьевна к старости стала ещё меньше ростом и выглядела как дюймовочка, особенно на фоне своего «медвежонка», как она любя называла Мишу.

— Когда?.. — пожилая женщина привычно улыбнулась — ласково и немного грустно. — У Златочки неудобно спрашивать... да и не скажет она. Ведь это должен решать ты...

— Решу, бабуль...

— Когда?

— Считай, что уже решил.

— Правда?! — Вероника Григорьевна радостно схватилась ладонями за лицо. — Миша... Ты сделал Злате предложение?!

— Пока нет, но... сделаю.

— Ну, вот... — бабушка разочарованно заморгала, как будто отгоняя непрошенную слезу. — Опять всё в будущем времени.

— На этот раз точно. Ну, правда!..

...Михаил не обманывал. Он, действительно, решил сделать Злате предложение руки и сердца — он думал об этом всё сегодняшнее утро, с той самой минуты, как только проснулся и, по привычке потянувшись рукой, не нашёл в постели такого родного и близкого женского тела...

Мысленно прокрутив в голове вчерашний день и вечер, тут же набрал её номер.

«Привет... С праздником!» — уже произнеся эти слова сонным голосом, Миша подумал, что нужно было бы сначала принять душ или хотя бы выпить чашку кофе.

«Привет», — судя по бодрому тону, в отличие от него Злата встала давно и успела привести себя в порядок. Во всяком случае, Миша представил себе её с лёгким макияжем, уложенными в причёску золотистыми волосами и в парадной — по случаю праздника — полицейской форме.

«Не уезжай без меня... я сейчас за тобой заеду...»

«Не надо, Миш... — её тон снова показался ему каким-то странным. — Не заезжай».

«Считай, что уже...»

«Я не дома, — она перебила его на полуслове. — Поэтому езжай сразу на работу».

«А где ты?!»

«Я у родителей. Но уже выхожу».

«Уже собралась?! — он на ходу включил чайник и торопливо скрылся в ванной. — Злат... но ещё рано... В любом случае — подожди меня!»

«Миша, не нужно за мной заезжать... — Злата произнесла это чётко, делая ударение на каждом слове. — У меня могут быть свои, личные дела, в конце концов?! — видимо, понял, что сразу взяла неправильный тон, чуть понизила голос. — Я ведь на машине... здесь я её не брошу, к тому же, не поедет же мы с тобой на работу паровозиком?»

«Ну, ладно... — озадаченный её настроением, Михаил нехотя согласился. — Встретимся в отделе...»

...На принятие душа, чистку зубов и бритьё ушло немного времени, и уже через двадцать минут свежий, побритый и благоухающий дорогим парфюмом капитан Мясников стоял перед зеркалом в парадном кителе, который надел всего третий раз в жизни. Накормив и по-быстрому прогуляв Берту, ещё через полчаса он уже подъезжал к воротам дома своего дяди Олега Семёновича Дзюбы, твёрдо уверенный в том, что больше не хочет просыпаться в своей постели один, и что единственная женщина на свете, которую он желал бы видеть рядом с собой всю оставшуюся жизнь, носит имя Злата...

— Кстати, бабуля... — приняв поздравления и от дяди, и от его жены Татьяны, и от их сыновей, перед тем как уехать, Михаил тихонько обратился к Веронике Григорьевне. — Мне нужен твой совет. Как правильно делают предложения? А то я уже однажды сделал, но... видимо, неудачно.

— Наверное, по-разному... — бабушка негромко рассмеялась. — Твой дедушка, например, делал его, вытянувшись по струнке и сложив руки по швам...

— Серьёзно?!

— Честное слово! Я даже подумала тогда, что, если я ему откажу, он повернётся на каблуках и выйдет из комнаты строевым шагом!

— Нет, строевым шагом я не смогу... — Михаил рассмеялся в ответ. — Это точно не мой случай!

— В любом случае, нужны цветы... и — слова... Слова очень много значат для женщины...

— Хорошо, я подумаю над этим...

— А ты прямо сегодня и сделай... — Вероника Григорьевна с любовью провела рукой по груди внука. — Вот в этом парадном кителе... Ты в нём такой красивый!

***

До начала рабочего дня оставалось ещё целых полчаса. Оставив Берту на попечение бабушки и Татьяны, Михаил уверенно вёл автомобиль по городскому проспекту. На удивление телефон молчал — никаких вызовов, никаких происшествий... как будто в честь его профессионального праздника все обычные заботы решили затаиться...

Единственный звонок, которому он был бы сейчас рад, мог быть только от Златы. Осознание того, что он, действительно, не видит себя без этой хрупкой, золотоволосой женщины, пришло к нему внезапно. Нет, он и раньше знал, что Злата для него — не просто подруга, сожительница или товарищ по работе... Но ежедневные дела, поглощающие все остальные чувства и пристрастия, не давали расслабиться и оценить их жизнь с другой, не наполненной служебными обязанностями и взаимоотношениями стороны... Удивительно,

но именно её сегодняшнее отсутствие и странный голос в телефонной трубке, кажется, впервые всколыхнули его чувства, запрятанные где-то на глубине души...

Мишке вдруг ужасно захотелось, чтобы именно женские руки сегодня застегнули все пуговицы его мундира... чтобы именно эти руки поправили воротничок, смахнули невидимые пылинки с погон... Но самое главное — эти руки могли принадлежать только одной женщине на свете... Злате.

...Он никак не мог понять, куда она могла торопиться ранним утром, ведь во время их сегодняшнего разговора часы показывали всего семь утра...

До работы оставалось полчаса, и он решил, что успеет... Перестроившись в правый ряд, он свернул на перекрёстке... дорога к дому Златы заняла около пяти минут — она жила как раз на этой улице. Её машины на стоянке не было, но Миша всё же поднялся на этаж... На его звонок никто не открыл, впрочем, этого и следовало ожидать. Желание увидеть её немедленно было таким сильным, что он не справился с соблазном заехать ещё и к её родителям — они тоже жили неподалёку, в двух кварталах от дома Златы...

Выруливая к нужному двору, Миша вдруг поймал себя на мысли, что наравне с желанием увидеть, его преследует желание узнать, где ночевала Злата на самом деле...

...Увидев издали её машину у родительского подъезда, он вздохнул... Чего было в том вздохе больше — облегчения или неясности, сразу было не понять... Радовало одно: сейчас он увидит её...

...Взбегая по лестнице, успел подумать, что с ним ещё никогда такого не было — не виделись всего-то одну ночь, а казалось, что — целую вечность... Мишка вдруг пожалел, что не купил по дороге цветы — слова «Выходи за меня замуж» так и рвались с губ... Пожалуй, это и есть — то самое время, тот самый случай... И — в парадном мундире, как советовала бабушка...

...Последние три ступеньки показались целым пролётом... Три шага до двери... Взволнованный вздох... и — звонок!..

— Миша?! — он не сразу разглядел открывшую ему дверь молодую женщину... В первый момент ему показалось, что она ему не знакома, лишь что-то неуловимое промелькнуло в облике — как будто виделись когда-то... Волосы, когда-то обрамляющие пушистым, кудрявым облаком милое лицо, теперь какими-то взлохмаченными прядями были разбросаны по плечам... они казались уже не такими кудрявыми и, кажется, пробрели другой, совершенно чужой оттенок... Глаза... он помнил их совсем другими — весёлыми, лучистыми... Но сейчас они смотрели немного насмешливо и настороженно... это было так неестественно для тех глаз, которые он знал... И — голос... похожий на голос Златы, но это был не её голос...

— Здравστε... — первая волна удивления откатилась назад... он, кажется, начал окончательно осознавать, кто сейчас стоит перед ним.

— Ты так смотришь, как будто меня не узнал?... — тонкие брови поползли вверх, уголок красивых губ чуть отодвинулся в слегка ироничной усмешке. Он не помнил такой усмешки на этих губах...

— Почему... узнал. Здравствуй, Даша.

Глава 15.

Анна Сергеевна даже не рассчитывала, что ответ от подруги юности придёт так быстро: вечером того же дня Нелли прислала ей сообщение, в котором буквально визжала от восторга. Анна не любила пользоваться скайпом, поэтому тут же состоялся обмен

телефонными номерами и уже через несколько минут в её трубке заливался радостный голос Нелли. Оказывается, она уже давно разыскивала Анну, но не нашла ни на одном из соц. ресурсов... И вдруг — такая удача!..

Всё такая же лёгкая на подъём, Нелли охотно приняла приглашение на юбилей и уже следующим утром садилась в самолёт...

...Свободная по случаю выходного дня Анна сама поехала встречать подругу — Александр остался дома. Она и сама не хотела, чтобы при их встрече с Нелли был кто-то посторонний. Она, конечно, в любом случае была рада встретиться со своей бывшей однокурсницей и соседкой... но ведь прошло уже более тридцати лет с тех пор, как они виделись в последний раз! Какой стала та весёлая, никогда не унывающая, всегда готовая прийти на помощь подружка?.. Всё же их знакомство и дружба были недолгими — всего-то несколько месяцев...

Однако, несмотря ни на что, именно Нелькин образ врезался в память самым ярким пятном... Ведь именно Нелька была невольной свидетельницей крушения всех надежд тогда ещё совсем юной Анечки Свиридовой... Именно она утешала и поддерживала впавшую в глубокую печаль Анюту... И только ей поверяла Аня все свои девичья горести... И, пусть жизнь быстро развела их в разные стороны, но Анна Сергеевна знала, что такой подруги, как Нелька, у неё никогда больше не было и вряд ли уже будет... Поэтому сейчас ей было очень важно с первых минут понять — сможет ли она снова, как и много лет назад, доверить свои сокровенные тайны бывшей подружке.

...Даже спустя три десятилетия Нелли осталась именно такой, какой помнила её Морозова: шумной, неунывающей и подвижной — несмотря на свои почти пятьдесят лет и слегка раздавленные формы, очень хорошо заметные из-под распахнутой шубки. Нелька и в юности была модницей, но умудрялась носить любую, даже самую дорогую одежду с каким-то непонятным вызовом — пальто и плащи обязательно нараспашку, с небрежно свисающим с шеи кашне, с разбросанными по плечам прядями обесцвеченных «Блондексом» и завитых на термобигуди волос — в стиле «от подъезда до такси»... Она и сейчас выглядела именно так, за исключением причёски — теперь её волосы были коротко пострижены и стильно уложены. Увидев в зале ожидания Анюту, она сразу её узнала, и тут же заключила в крепкие объятия.

— Анька!.. — Нелькин голос слегка огрубел, но всё равно оставался таким же громким и звонким. — Анька, как я рада!.. Ну, ты — коза!..

— Почему — коза?.. — не привыкшая к таким «эпитетам» Анна, тем не менее, расхохоталась. С первого же момента встречи ей показалось, что не было этих тридцати с лишним лет разлуки, и что расстались они только вчера

— Да потому, что скрывалась столько лет!.. — оторвавшись, наконец, от подруги, Нелли радостно вглядывалась в её лицо. — Я же тебя искала... Знаешь, сколько я тебя искала!.. Я всех наших нашла, кроме тебя!.. И, главное, никто о тебе ничего не знал, даже те, кто здесь остался! Все думали, что ты куда-то уехала, а ты — вот она!.. Здесь, в этом городе!.. Ну, обалдеть!

— Неужели меня ещё кто-то помнит?.. — Анна недоверчиво качнула головой. — Сколько я с вами проучилась?.. Один семестр?..

— Да какая разница — сколько?! Тебя помнят все!

— Надо же... — всё ещё улыбаясь, Анна подхватила небольшую сумку подруги и

потянула её к выходу. — Ну, идём!..

Несмотря на то, что женщины накануне проболтали по телефону целых полтора часа, а потом ещё и переписывались по интернету, вопросы так и сыпались с обеих сторон. Анна только сейчас в подробностях узнала, что Нелли замужем второй раз, и что у неё двое детей — двадцатипятилетний сын от первого брака и семнадцатилетняя дочь от второго.

— Быт съел всю любовь, — Нелька, кажется, нисколько не жалела о первом замужестве, во всяком случае, говорила о разводе без тени трагизма. — Ты же знаешь, как это бывает...

— Честно?.. — сидящая за рулём своего «Пежо» Аня на секунду оторвалась от дороги и бросила весёлый взгляд на подругу. — Не знаю...

— Да ладно... — та недоверчиво качнула головой. — Ну, может, тебе повезло. А я вот... не смогла разорваться между мужем и постирушками.

— И — что?..

— Да ничего. Нашёл себе другую, у которой кастрюли и пелёнки были на втором месте... Зря я борщи варила... Так что теория о пути к сердцу мужика мной разбита напрочь.

— Да ладно... — Анна шутливо ответила в тон. — Одна же не осталась!

— Не осталась. Но была уже умнее, — Нелли легко вздохнула. — Нашла такого, который сам ко мне путь прокладывал — через кухню...

...Анне казалось, что вот так заразительно она не смеялась уже очень много лет... Возможно, это было результатом нервного напряжения, охватившего её в последнее время, но за те полчаса, которые ушли на дорогу, она, кажется, нахохоталась досыта... Но Нелли — это была всё та же Нелли... Несмотря на округлое лицо с явно намечающимся вторым подбородком и сеточкой морщин под глазами, слегка располневшую фигуру и возрастную неторопливость жестов, в душе Нелька оставалась всё той же хохотушкой — весёлой, остроумной и, в то же самое время, доброй и открытой...

Из её краткого рассказа Анна узнала, что после окончания института Нелли попала по распределению в Ленинградскую область, куда и уехала вместе с первым мужем — ей всегда хотелось жить во второй столице, и даже небольшой соседний городок она восприняла как знак судьбы. Со временем мечта перебраться — уже в Санкт-Петербург — ушла на второй план. Выйдя замуж повторно, Нелли ещё прочнее осела в своём городе. Её второй супруг был научным работником одного из НИИ, писал научные труды, защитил докторскую диссертацию. По словам Нелли, он ужасно любил готовить и брал на себя эти обязанности легко и непринуждённо.

— Работала на одном совместном предприятии, — даже ремень безопасности не мешал Нельке сидеть в автомобиле боком: так, чтобы видеть лицо Аняты. — После перестройки предприятие развалилось, да ещё муж от меня сбежал... Спасала дача. А потом Гену встретила — второго своего мужа... вроде, как наладилось. Правда, работу уже не смогла найти, как раньше — в переводчики тогда норовили взять молодых, да длинноногих... А я после первого ребёнка сразу полнеть начала, и к тому времени уже никак на длинноногую модель не тянула. Куда уж мне было, толстой, да ещё и за тридцать!..

— Ну, уж и толстая... — Анна уже в который раз рассмеялась. — Ничего ты не толстая... а очень даже женственная.

— Да ладно тебе! — Нелли махнула рукой. — Я не комплекую!

— А потом?.. — Анята решила продолжить начатый разговор. — Как потом сложилось?

— А потом я выучилась на психолога! Это было модно, и мне очень пригодилось.

— Психолог?! — Анна одобрительно pokrутила головой. — Тоже неплохо.

— Да, в своё время это занятие как-то поддержало... Но, знаешь, как только выпала возможность, я его бросила. Сейчас снова перевожу тексты в Генкином НИИ.

— Совершенно не представляю тебя в роли психолога... — Анюта бросила смеющийся взгляд на Нельку. — Ну, правда...

— Однако, было дело... — та развела руками. — Ты, кстати, тоже на простую учительницу не тянешь. Вся такая из себя дама!.. нет, не дама... Леди!

...Улыбка так и не сходила с лица Анны. Вчера по телефону она лишь вскользь упомянула, что работает в лицее. Весь разговор подруг то и дело перескакивал с одной темы на другую и носил совершенно беспорядочный характер, так что, если бы сегодня их обеих спросили, о чём они болтали вчера целых полтора часа, ни одна не смогла бы ответить конкретно. Сейчас же Анюта давала высказаться своей гостье... Ещё по институту она помнила, что Нелька обладала очень ценным качеством — она никогда не забивала собеседника собственными проблемами и разговорами, а ограничивалась лишь самыми важными сведениями. С ней всегда было легко общаться — и выслушает, и утешит, и даст какой-нибудь совет... И похоже, что с тех пор Нелли совсем не изменилась: рассказав вкратце о себе, она естественным образом перевела беседу на саму Анну.

— А я и не простая учительница! — Анюта шутливо прищёлкнула языком. — Я уже целый год, как директор лицея!

— Вот на директрису ты очень даже тянешь! Да ещё, наверное, муж какой-нибудь полковник?.. — Нелли весело шлёпнула перчатками Анну по боку. — Или уже генерал?!

— Вот тут не угадала... Саша давно уволился из армии... — та уже заворачивала автомобиль в свой двор. — Да вон он... к нам бежит!

Судя по всему, Александр поджидал во дворе супругу и её гостью. Увидев автомобиль жены, тут же направился к стоянке.

— Ну, что, девчонки... — обведя обеих весёлым взглядом, Морозов подхватил Нелькины сумки и кивнул головой на подъезд. — Идём обедать?

***

— Ну, всё у тебя здорово... всё классно! — обходя вместе с Анной квартиру, Нелли одобрительно кивала. — Впрочем, помню, какая ты была аккуратистка, и поэтому не удивляюсь! Удивляюсь другому...

— Чему?! — застыв у дверей детской, Анна удивлённо приподняла тонкие, ровные брови.

— Как тебе удалось так сохраниться?! — во взгляде гостьи сквозило неподдельное восхищение. — Анька, ты же практически не изменилась! Похорошела только...

— Ха!.. — Анюта задорно приподняла подбородок. — В мои-то сорок девять это не проблема!..

— Не, Ань... честно... Тебя и быт, я вижу, не заел?..

— Я даже не знаю, о чём ты! Что такое — быт?! — Анна демонстративно обвела жестом гостиную. — Если ты имеешь в виду домашние обязанности, то мне всегда помогал Саша, потом невестка... Я не замечала никакого быта, да и сейчас не замечаю. Понимаешь, для меня эти вещи, что называется, между делом. Я не акцентируюсь на домашних делах, тем более, что мужчины мои аккуратные... Вот кухню ни с кем не делю! Даже близко не подпускаю, просто не терплю никого возле своей плиты. Хотя, конечно, у нас всегда было много гостей — и наши с Сашей, и Димины друзья. Но я как-то легко к этому отношусь...

может, потому, что люблю готовить.

— Зато сейчас у тебя красота... Тишина и покой... да?..

— Ты так думаешь?! — весело усмехнувшись, Анна открыла дверь в детскую. — Видишь это?..

— А что у вас тут?.. — войдя внутрь, Нелли с любопытством оглядывала светлое помещение, обставленное детской мебелью. Множество игрушек — от совсем маленьких кукол и машинок до огромных плюшевых зверей и разложенной прямо на мягком ковре железной дороги занимали почти всё пространство — на полу, на двухъярусной детской кровати, а так же на диване.

— А тут у нас место, где заканчиваются тишина и покой... Впрочем, скоро сама всё увидишь...

...По случаю выходного дня и Анна, и Александр были дома, поэтому после обеда втроем и экскурсии по квартире, женщины уселись разглядывать фотографии. Чтобы не мешать, Морозов отправился к сыну, чем очень удивил Нелли. Она попыталась сказать Анне, что ей неловко, но та, махнув рукой, уже раскладывала на полу в гостиной альбомы со старыми фото — здесь были снимки и её студенческой юности, и их с Сашей семейные — дома, на отдыхе, в отпуске... Более «свежие» фото Анна решила оставить на потом — впереди был ещё целый вечер.

Среди фотографий нашлись и несколько старых, любительских, уже побледневших — сделанных в общежитии института иностранных языков. Глядя на свои изображения, и Нелли, и Анна чуть ли не визжали от восторга и мало чем отличались от тех — тридцатилетней давности — девчонок.

— Слушай, Ань... — оторвавшись от очередного снимка, Нелли подняла на Анну всё ещё смеющийся взгляд. — Тебе же, наверное, нужно к завтрашнему событию готовиться? А ты мне время посвящаешь.

— У нас уже всё готово, — Анна кивнула в сторону спальни, — ты же видела, платье моё висит... А больше мне готовить нечего!

...Они смеялись без конца, как две подружки-хохотушки — громко, во весь голос. Анна не помнила, чтобы она когда-то чувствовала себя вот так непринуждённо. Да и подруг-то у неё, собственно, таких не было... Если только Мила Лапина, но с той вот так не похочешь, что говорить о коллегах по лицу — увидели бы они сейчас свою строгую директрису, с взъерошенной причёской, сидящую на полу среди вороха фотографий в компании такой же не молодой, но весёлой и по-девчоночьи восторженной дамы, то не поверили бы своим глазам.

...Она даже забыла о том, что так тревожило её все эти дни...

— Здравствуйте... — за громкими разговорами ни Анна, ни Нелли не услышали, как хлопнула входная дверь и в гостиной появилась Наташа. Изумлённо застыв, она посмотрела сначала на гостью, потом на свекровь.

— Ой!.. — увидев невестку, Анна поспешно поправила полы халата и тряхнула головой — разлохматившиеся пряди приняли более-менее упорядоченный вид. — Доброе утро, Наташа!

Познакомив Наталью с Нелли, Анна отодвинула фотоальбом и, держась рукой за диван, с трудом встала с ковра — она так увлеклась своим занятием, что даже не заметила, как ноги совсем затекли.

— А что вы делаете?.. — Наташа удивлённо кивнула на рассыпанные по полу снимки.

— Как что?.. Фотки смотрим... — Нелли не менее удивлённо посмотрела на девушку. — Не хотите присоединиться?

— Нет, я... — та растерянно оглянулась, потом сделала жест рукой в сторону спальни. — Но, Анна Сергеевна... Зачем вы сидите на полу, если все фотографии давно у вас в альбоме? Дима вам всё отсканировал, перекачал... там флэшка... Вставьте в ноутбук и смотрите!

— Господи, Наташа!.. — свекровь всплеснула руками. — Да какая флэшка?! Это же — фотографии!.. Их можно смотреть только так — держа в руках!

— И обязательно на полу... — Нелли убедительно кивнула вслед словам подруги, потом перевела на неё взгляд и отчаянно махнула рукой. — Ань, да они сейчас этого не понимают! У них эти флэшки, планшеты, всякая фигня... Они рядом будут сидеть и по интернету переписываться! А даже представить не могут — как это... завалиться с альбомом на пол и смотреть по очереди старые фотки...

— Конечно, не знают... — Анна озорно рассмеялась. — Привыкли к своим гаджетам...

— Пропащее поколение!

Осторожно переступив через ворох снимков, Анна вышла следом за невесткой в коридор — та была в верхней одежде и явно зашла на несколько минут.

— Анна Сергеевна, мы с Димой поехали на репетицию, Александр Иванович у нас, если что — в холодильнике все закуски...

— Зачем мне закуски?.. — Анна удивлённо посмотрела на девушку и на всякий случай ещё раз поправила волосы.

— Ну, может, вам некогда... — Наташа не переставала смотреть на свекровь как-то странно.

— Да у меня тоже всё готово... — заметив это, та бросила взгляд в огромное, в пол, зеркало. — Ты так смотришь... Со мной что-то не так?..

— Не-е-т... — невестка, наконец, улыбнулась, — просто... вы так громко...

— Что — громко?..

— Ну... — судя по всему, Наталья хотела употребить какое-то слово, но боялась произнести его в отношении Анны Сергеевны. — Ну... смеётесь громко... даже у нас слышно...

— Наташ... — та, видимо, всё поняла и едва сдерживала себя, чтобы не прыснуть. — Ты хотела сказать, что мы — р ж ё м?!

— Ну, в общем... Да.

— Наташа... — в порыве эмоций Анна не удержалась и схватила невестку за плечи. — Мы — ржём!.. И, если честно... я уже давно так не р ж а л а!.. Да что там давно... Я никогда в жизни так — не р ж а л а!..

...Анна, действительно, не помнила, чтобы ей было так весело. Появление Нелли подействовало на неё как мощный антидепрессант, но, в отличие от обычных антидепрессантов, этот не вызывал сонливости, а, наоборот, сразу поднимал настроение на невероятную высоту. Подруги то и дело вспоминали смешные случаи из своей жизни — по большей мере это относилось к Нелли, она так комично передавала лица, голоса, что квартира то и дело взрывалась дружным, звонким хохотом двух уже не молодых, но, оказывается, полных юношеского задора, женщин.

— Слушай, Ань... — в конце концов, Нелька вернулась к волнующему её вопросу. — Ну, правда... мы уже пол дня тут ржём, а ведь завтра юбилей... Давай, говори, что делать. Я

же помогать приехала, а не просто языком почесать!

— Да ничего не нужно, — Анна махнула рукой. — Нель, дети всё уже устроили. Нам останется только нарядиться, припудриться, и — в банкетный зал!

— Молодцы твои дети... Подожди!.. — Нелли неожиданно нахмурилась. — Мы как-то ещё про твоих детей не поговорили... Сын же у тебя один?

— Сын... невестка... — Анна принялась загибать пальцы на руке. — Внук... внучка... Дети же!

— Понятно... Слушай... — подруга так же неожиданно всплеснула руками. — А сын-то у тебя — кто?! Моя коза... ну, та, которая дочь... Вчера весь вечер по ушам ездила, что он — известный певец?! Она твою страничку всю обследовала, говорит, у тебя в друзьях Дима Морозов, музыкант... и сделала вывод, что он — твой сын...

— Всё верно... — Анна не смогла скрыть довольной улыбки. — Дима — мой сын... Наташу ты только что видела, а внуков Саша скоро приведёт, познакомишься...

— С ума сойти... — Нелли изумлённо покрутила головой. — А я не поверила... Думаю мало ли, может, однофамилец... А он такой известный, что даже Вика моя его знает!

— Да, молодёжь их знает... Они с репетиции приедут вечером, познакомишься.

— Она ещё со мной напрашивалась... хорошо, что я её не взяла... — Нелька не переставала изумляться. — Она же сразу посмотрела и говорит — он на твою подругу похож как две капли, значит, сын!

...Их весёлую болтовню смог нарушить только приход Александра с внуками. Анна с гордостью представляла Нельке Валерика и Анечку, которые удивили незнакомую тётеньку тем, что охотно отправились в детскую и до самого ужина тихо там играли.

— Слушай, они у тебя там не уснули?.. — Нелли опасно показала взглядом на дверь детской. — Тишина такая подозрительная...

— А они у нас вообще спокойные, — Анна довольно улыбнулась. — Валера может целый день провозиться с игрушками или играть на фортепьяно... С Анютой сложнее, та любит покапризничать... Но это когда родители рядом... Если Дима с Наташей уезжают, ведёт себя вполне сносно.

— Всё равно как-то непривычно...

— Саша им мультики включил... — заглянув в детскую, Анна успокаивающе кивнула. — Так что всё нормально!

Остаток дня прошёл в общих разговорах, общении с детьми и приготовлении ужина. Вернувшись с репетиции, Дмитрий и Наталья присоединились к родительскому застолью — тут уже Нелли не стесняясь рассматривала Анютино сына, восхищалась его талантом, сравнивала с маленьким Валеркой и самой Анной. Все трое, по её словам, были удивительно похожи.

...Нелька удивилась ещё больше, когда после ужина Саша помог убрать со стола и после того, как Наталья помыла посуду, вместе с ней, сыном и внуками покинул свою квартиру...

— А куда это твой супруг отправился?.. — услышав «спокойной ночи», Нелли изумлённо уставилась на Анну. — Он что, у детей спать собрался?

— Сегодня — да... — Анна многозначительно закусила губу.

— Зачем?!

— Потому, что у меня, как у невесты, сегодня — девичник... Мы сразу так договорились. У детей квартира ещё больше, он у них останется...

— Это что... — Нелька игриво кивнула в сторону двери. — В смысле — до свадьбы ни-

ни?!

— Можно сказать и так! — Анна весело рассмеялась и, открыв холодильник достала оттуда бутылку белого вина. — Оп-па!

— Ну, вы даёте... — Нелли восхищённо покрутила головой. — Мы и так сегодня с тобой целый день болтали и ничего не делали... вроде, как девичник уже прошёл...

— Днём мы только ржали! — Анна уже в который раз за этот день повторила не типичное для её лексикона слово. — А сейчас, как нормальные девочки, сядем, и будем разговаривать... Ты не смущайся, Саша это сам предложил.

— Вот это, я понимаю, мужик!

— Просто это — мой Саша.

...Анна подумала, что впервые в жизни произнесла эти слова с такой искренней гордостью. Она всегда знала, что её муж — замечательный человек... Но воспринимала этот факт как что-то само собой разумеющееся. Хвастаться Сашей не приходило в голову, да и не любила она таких разговоров... Вот ещё, мериться мужьями... Но сегодня впервые — до слёз — захотелось сказать об этом вслух.

Действительно, какой ещё муж захотел бы вот так предоставить жене целый день на общение с подругой?! А потом ещё и уйти, чтобы не мешать их вечернему «девичнику»?! Слушая Нелькины дневные откровения, которые та выдавала с искромётным юмором, Анна ловила себя на мысли, что, если бы не Нелькин талант юмористки, то от её рассказов про первое замужество хотелось бы не смеяться, а плакать... Невольно сравнивая свою жизнь с жизнью подруги, она всё больше приходила к выводу, что даже несмотря на все трудности, её семейная жизнь с полным правом могла носить статус счастливой...

...Счастливой — благодаря Саше...

— Ну, бывает же такой сходство... — разомлев и от ужина, и от бокала вина, Нелли уютно устроилась на небольшом кухонном диванчике. — До чего твой Димка на тебя похож...

— Только на меня?.. — Анна бросила на подругу осторожный взгляд. Ей не терпелось начать разговор, ради которого она её и приглашала, но не знала — с чего.

— Я вижу сходство только с тобой... ну не похож он на Сашку! — выгнув губы подковой, Нелли покачала головой. — Ну, ни одной чёрточкой, разве что ростом... но он всё равно выше отца, и волосы тёмные, как у тебя... Походка другая... Голос такой, бархатистый...

— Походка у него, как у моего отца. И ростом он в деда... — Анна загадочно улыбнулась уголком губ. — А голос... наверное, в прадеда. Мой прадед был певцом, работал в Ленинградской филармонии.

— Да ты что! А ты, кажется, тогда не говорила...

— Тогда я ещё не знала. Я тогда ещё многого не знала... — Анна задумчиво посмотрела на подругу. — А всё равно... счастливое было время... Даже несмотря ни на что.

— Кстати... — Нелли почему-то приглушила голос. — А... про Альку Дзюбу... ты что-нибудь знаешь?.. Где она?

— Ничего не знаю... кроме того, что она тогда, в восемьдесят пятом, должна была родить второго ребёнка...

— Она, родила, но мёртвого...

— Серьёзно?!

— Серьёзно... Потом — не знаю... Может, и ещё рожала... Я-то уехала... может, и она

уехала.

— Она здесь, в городе... — весёлый настрой мгновенно улетучился, и Анна сидела, покусывая губы. — Я случайно узнала.

— А про Виталика что-нибудь знаешь?..

— Тоже ничего... Знаю только, что он был директором ликёро-водочного завода, но это уже давно... лет пятнадцать назад.

— А ты в курсе, что он сейчас генеральный директор одного очень крупного холдинга? Самый настоящий олигарх. Член всяких там палат, сообществ...

— Нет... — вскинув на подругу удивлённый взгляд, Анна покачала головой. — Я вообще не в курсе его жизни. А ты откуда знаешь?..

— Они сотрудничают с нашим НИИ... Я и сама случайно узнала, да и не было особого интереса... Ну, мало ли какой Мясников... А потом всё же любопытство взяло верх. Оказалось — именно тот самый... Он сейчас в Москве живёт, у них там головной офис. Жена у него — тоже олигархиня...

— Выходит, они с Сандрой разошлись?.. — Анна иронично усмехнулась. — Этого и следовало ожидать...

— На чужом несчастье счастья не построишь...

— Сначала я тоже думала так... А потом поняла, что не было бы мне с ним счастья...

— Может и так... Да только помню я, как ты с ума сходила...

— Знаешь, Нель... — Анна задумчиво повертела в руках бокал с недопитым вином. — Я ведь долго его любила... очень долго. Знала, что не стоит... Замуж вышла, думала быстрее забуду... Дима родился... А забыть так и не могла...

— Ну, потом-то прошло?.. Смотрела я на вас с Сашкой — вы прямо пара, — Нелли показала большой палец. — А он-то у тебя какой... Расскажи кому — не поверят. Наверное, и душой никогда не называл?..

— Саша?! — Анна вновь подняла на подругу ещё более удивлённый удивлённый взгляд. — Меня — душой?! Да что ты!.. Он на меня даже голос никогда не повышал.

— О чём и разговор... Такие мужья дороже любых олигархов, даже если и зарабатывают мало.

— Не то, чтобы мало... Понимаешь, Саша слишком честный... таким людям тяжело в бизнесе. Но он как-то умудряется... Я в его дела не лезу, но советы даю, если просит.

Выключив верхний свет, Анна щёлкнула кнопкой светильника — кухня наполнилась приглушённым светом, отчего стала казаться ещё уютнее. Подав подруге полный бокал, она тоже удобно устроилась на диванчике — с противоположной стороны. Говорить в полумраке было как-то легче и непринуждённое.

— Ну, а с женским полом — как?.. — отпив небольшой глоток, Нелли поставила бокал на подлокотник. — Мужчина-то он у тебя видный... интересный такой...

— Не поверишь, но... — Анюта развела руками — Никак! Вот хочешь — верь, хочешь — нет, но за все тридцать лет ни одного повода для ревности... Ты вот спросила, а я, признаться, даже никогда об этом не думала! Саша — он же весь — вот, здесь, в семье... Работа и семья, семья и работа... Нет, если бы что, я бы чувствовала... Наверное.

— Да ладно... — заметив, что Анна слегка растерялась от вопроса, Нелли успокаивающе махнула рукой. — Как говорит моя дочь, не парься... У твоего Сашки остро выраженная привязанность к семье. Это я тебе как психолог говорю. Такие не гуляют... Такие, если что — сразу уходят.

— Если что — что?.. — Анна чуть нахмурилась.

— Ну, если появляется другая женщина. Но это явно не его случай... Он в тебя, кажется, влюблён до сих пор, как мальчишка. Редко, но бывает... К тому же, обид на тебя, как я понимаю, у него нет, ты у нас дама корректная во всех отношениях, в общем, идеальная пара — это про вас.

— Другая женщина... — Анна попыталась улыбнуться. — Мне даже в голову такое не приходило.

— Ну, и правильно. Не надо, чтобы приходило. По друзьям он у тебя не ходит, работает в мужском коллективе... А на вынужденный «левак» у него мотивации нет. — Нелли уставилась на Анну. — Нет ведь?..

— Что значит — мотивация на «левак»?

— Ну, это когда не чувствуют удовлетворения в семейной жизни... Или хотят отомстить за что-то. Но твой Морозов не похож ни на неудовлетворённого, ни на обиженного. И вообще он не из этой категории. У меня глаз намётанный. Так что можешь спать спокойно: супруг перед тобой чист, аки младенец!..

— Зато я... — чувствуя, как всё внутри переворачивается, Анна прерывисто вздохнула и опустила глаза. — Если бы ты знала... Как я перед ним виновата!..

***

...Свою исповедь Анна закончила уже за полночь. О своей связи с Лапиным и заинтересованности следователя она рассказала всё — без утайки. Делясь впервые в жизни такими интимными подробностями с другим человеком, она ждала, что получит облегчение... Но в конце рассказа ей показалось, что никакого облегчения не наступило, напротив, стало ещё тяжелее... Но не оттого, что она посвятила Нелли в свою тайну, а потому, что сама вновь вспомнила о ней...

— Вот такая история, Нель... — Анюта до боли сцепила пальцы рук. — И не любви была... Наваждение на уровне физиологии... Давно всё в прошлом, я и думать забыла, а — вот... Такая ирония судьбы, что хоть кино снимай. Теперь живу, как на вулкане... только и жду, что этот следователь зайвится к нам домой и всё расскажет Саше. А ещё... я ужасно боюсь завтрашнего юбилея... Вдруг, он готовит нам «сюрприз»?

— Это у тебя нервное...

— Я так благодарна тебе, что ты приехала... — Анна почувствовала, как глаза неожиданно наполняются слезами. — Ты не представляешь, в каком напряжении я сейчас живу... Нелька... — солёные струйки всё-таки потекли по щекам. — Как хорошо, что ты приехала...

— Ну, не реви, Ань... — Нелли присела рядом и обняла подругу. — Ты просто себя накрутила... Ну, сама подумай, зачем этому следоку под тебя копать?.. — вопреки опасениям Анны, узнав об её измене, Нелька не стала делать круглые глаза и бить себя по бёдрам, а восприняла эту новость деликатно. — Для этого должен быть интерес... Ведь вы не замешаны во всех этих делах, я правильно понимаю?

— Нет, конечно... — шмыгнув носом, Анна вытерла лицо салфеткой. — Вернее, сначала я боялась, что он подозревает Сашу... ну, и что будет проверять все версии... Но потом Леонид нашёлся... а этот Мясников... Он всё равно своё гнёт, даже к Наташе дознавателя присылал, представляешь?!

— Мясников?.. — Нелли удивлённо уставилась на подругу. — Однофамилец, что ли?!

— Нет... — ещё раз проведя салфеткой по влажной щеке, Анна ответила

многозначительным взглядом. — Он — сын Сандры...

— Да ты что-о-о?! — Нелькины глаза стали похожи на два чайных блюдца. — Вот этот самый следак?! Сын Дзюбы?!

— Да... такое вот совпадение.

— А ты уверена?! Ошибки нет?!

— Нет... — Анюта отрицательно качнула головой. — Мы с ним говорили на эту тему. Он, оказывается, ещё раньше знал, что мы с Сандрой учились вместе.

— Но откуда?! Ты думаешь, что он... что он хочет тебе за что-то отомстить?!

— Я всё больше и больше склоняюсь к этой мысли... Он допрашивал Сашу... допрашивал меня... Наташу... и все допросы были какие-то странные... Он приходил к нам домой... Он как будто собирал сведения о нашей семье! Вчера я не выдержала и сама поехала к нему... — разволновавшись, Анна сделала большой глоток вина. — Я рассказала ему обо всём — как мы познакомились с Виталием, как он женился на Сандре... как я познакомилась с Сашей... Я хотела достучаться до него, чтобы он понял, что ни я, ни Саша ни в чём не виноваты ни перед ним, ни перед его семьёй!.. Но он как-то странно отреагировал... мне показалось, что мои слова для него оказались пустым звуком.

— Ты думаешь, он мстит тебе за мать?.. — Нелли недоверчиво покрутила головой. — Но ведь вы с Виталиком больше не встречались...

— Если он и мстит, то не за мать...

— А за кого?..

— За отца.

— За Виталика?! А он-то при чём?!

— В том-то и дело, что он — ни при чём... — Анна горько усмехнулась и подняла на Нелли полные новой порции слёз глаза. — Его отец — не Виталик...

— А кто?!

— Его отец — мой Саша...

...Бутылка вина опустела... часы показывали начало четвёртого, а разговор никак не кончался... Не выдержав, Анна достала из укромного места пачку «Vogue» и докуривала уже четвёртую подряд сигарету. Она больше не была похожа ни на расшалившуюся девчонку, ни на леди, ни просто на счастливую, уверенную в себе женщину. Тревога вперемешку с обречённостью не сходила с покрасневшего от слёз лица, и, кажется, она больше не ждала ни облегчения, ни совета, ни чьей-либо помощи.

— Ну, подожди... — нарушив, наконец, молчание, Нелли подняла на неё участливый взгляд. — Всё, что ты мне сейчас рассказала, конечно, очень серьёзно... Но я не думаю, что этот парень хочет отомстить именно тебе...

— Я всё передумала... — выпустив струйку дыма, Анна затушила в пепельнице остатки сигареты. — У меня уже голова кругом... Ну, ладно, я... я сама, конечно, виновата... Но Саше-то за что?!

— Ты всё же думаешь, что он в курсе, что твой Сашка — его родной отец?

— Думаю — да... Вернее — уверена. Почти...

— Интересно, откуда? Если твой Саша никогда не встречался больше с Сандрой?..

— Не знаю... но у них вся семья в органах... возможно, вычислили... Понимаешь, Нель... — Анна вскинула на подругу ещё один беспомощно-тревожный взгляд. — Эта неизвестность меня и убивает... Откуда?! Как?! Каким образом?! Но он явно владеет информацией! Он знает о моём прошлом... Он знает, что Саша — его отец...

— Об этом ему могла рассказать только сама Сандра. Остальное — дело техники, если он следователь.

— У Леонида есть фото, где мы с ним... В общем, оказывается, за нами тогда следили!.. Но кто и зачем — не знаю! Сколько было тех фотографий, и где они сейчас... Лёнька говорил, что ему прислали целый конверт... А, если прислали не все?! А что, если они есть и у этого Мясникова?!

— Успокойся... Может, он собирает информацию о Саше, как об отце?.. Безо всяких корыстных целей?.. Ты же говоришь, что с виду — неплохой парень.

— Если бы ты только знала, сколько на свете неплохих с виду сволочей... А их семья вся такая... Вспомни Сандру, её братца... Мстительность — их фамильная черта... А яблоко от яблоньки...

— Ну, может, он и не в них?.. — Нелька недвусмысленно кивнула головой на стену, — Может, он — в твоего Сашу?..

...Услышав эти слова, Анна неожиданно уронила голову на руки... Как ни сдерживала она рыдания, они всё же прорвались наружу... Слёзы текли новым нескончаемым потоком — по щекам, по ладоням... Уже привычная мысль о том, что у Саша... её Саша... есть ещё один сын, на этот раз казалась невыносимой... Она нещадно прожигала мозг... вызывала жуткие приступы обиды, ревности, боли... Казалось, что все те чувства, которые не пришлось испытать Анне за всю её долгую супружескую жизнь, разом нахлынули, накрыли всё подминающей под себя лавиной, не давая вздохнуть полной грудью...

Не зная, как успокоить подругу, Нелли только гладила ту по голове и по плечу.

— Нелька... — всхлипнув в очередной раз, Анна ладонями вытерла мокрое лицо. — Как я рада, что ты приехала... Я же совсем одна с этими думами... Мне даже некому пожаловаться... Я не знаю, что бы я без тебя...

— Ань... — вынув новую салфетку, та протянула её Аняте. — Я бы на твоём месте Сашке-то всё сама рассказала...

— О чём?! — Анна медленно подняла на подругу глаза.

— О сыне, конечно... Только о сыне! Всё равно ведь когда-нибудь узнает...

— Саше?! — взгляд моментально наполнился возмущением. — У Саша есть сын — Дима! Один единственный!

— Так узнает же...

— Может, и узнает... Но только не от меня!..

Глава 16.

Растерянность от неожиданной встречи с Дашей тут же сменилась неловкостью: вслед за дочерью в прихожую выглянула мать. Поймав её удивлённый взгляд, Михаил тут же поспешил поздороваться.

— Здравствуй, Мишенька! А Злата только что ушла... — женщина как будто нарочно предварила его вопрос. — Буквально три минуты назад... вы что, не созванивались?!

— Нет... — Миша кивнул головой в сторону двери. — Там её машина во дворе, я подумал...

— Она сказала, что поедет на маршрутке...

Наскоро попрощавшись, Михаил поспешил покинуть квартиру родителей Златы. Всю дорогу он ощущал брошенный в спину Дашин взгляд... Впрочем, он не был уверен на сто процентов, что этот взгляд был на самом деле, а не являлся плодом его воображения.

...Даша вернулась... И, как ни уходи от этой мысли, а она непременно будет вспыхивать

в сознании, давить реальностью, приучать к своему существованию. Самым лучшим сейчас, в эти самые минуты... нет, не минуты — секунды — было бы попытаться расставить все точки... Именно сейчас, пока не пересечён последний перекрёсток перед последним поворотом... Пока он не поднялся на невысокое каменное крыльцо... не вошёл в здание отдела полиции... Пока не увидел Злату.

...Припарковавшись на стоянке, Миша неторопливо вышел из автомобиля, так же неторопливо щёлкнул электронным замком... По двору тоже шёл не спеша, но чем ближе была конечная цель, тем отчётливее вырисовывалось понимание: в его сознании ничего не изменилось... Кратковременное замешательство, вызванное неожиданной встречей с девушкой, которая когда-то составляла смысл его жизни, прошло довольно быстро. Даша уже не выглядела похожей на солнечный лучик... За эти несколько минут Михаилу удалось заметить и совершенно новый облик, и совершенно новый — чужой — взгляд. Эта новая Даша не была хуже прежней. Она не была и лучше... просто она была — другая. Годы замужества, жизни в чужой стране изменили её и внешне, и, возможно, внутренне.

А, может, и не изменили... Миша вдруг ясно осознал, что ему на удивление безразлично, что произошло с некогда любимой девушкой. Ещё недавно он боялся встречи с ней... боялся, что чувства вновь вернуться к нему, обнажат прошлые, затянувшиеся раны... Но оказалось, что именно этой встречи и не хватало, чтобы поставить последнюю точку.

— Привет, — он по привычке прошёл мимо своего персонального кабинета и толкнул соседнюю дверь.

— Привет... — Злата, в новеньком парадном мундире, с распущенными по плечам, красиво уложенными локонами, довольно небрежно сидела за своим столом и, закинув ногу на ногу, невозмутимо жевала огромное зелёное яблоко.

Бросив куртку на вешалку, Мясников рывком подвинул свободный стул и уселся напротив. Остальных оперативников ещё не было, и он решил воспользоваться этим обстоятельством.

— Слушай, что за кандибоберы?.. — решив взять шутливый тон, он, тем не менее, совершенно серьёзно уставился ей прямо в глаза. — Может, ты мне всё-таки расскажешь? Ну, хотя бы ради праздника?..

— Что рассказывать? — прожевав, Злата вертела яблоко в руке, примеряясь, с какой стороны удобнее откусить очередной раз. — Ты уже и так всё знаешь.

— Что Даша приехала?.. Знаю. Это что-то меняет?..

— Для меня — да.

— Например?

Ответить Злата не успела: в открывшуюся дверь один за другим вошли два опера, с которыми она делила кабинет. Поздоровавшись с парнями, Михаил встал со стула и направился к выходу.

— Старший лейтенант Алексеева, зайдите ко мне... — обернувшись, он бросил на девушку многозначительный взгляд. — Немедленно...

...У Михаила был свой, личный кабинет, но он предпочитал находиться в общем, вместе со своими операми, куда нарочно поставил лишний стол. Индивидуальное же помещение использовал, в основном, как допросную или для сугубо личных разговоров.

Открыв дверь, вошёл и включил свет — взгляд сразу наткнулся на табличку с надписью «Следователь Мясников М.В.», вот уже который день лежащую на столе. Не так давно на всех дверях поменяли таблички, и, получив свою, Миша никак не находил времени, чтобы

прикрутить её на положенное место, а, если совсем откровенно, то просто забывал о ней, как только покидал этот кабинет. Вот и сейчас, увидев табличку, в очередной раз вспомнил, но только виновато вздохнул и, открыв ящик стола, бросил её внутрь — с глаз долой.

— Вызывали, товарищ капитан? — появившись через минуту, Злата застыла в дверях с чуть насмешливой полуулыбкой.

— Вызывал... — повернув в замочной скважине ключ, Михаил тут же заграбастал в объятия хрупкое женское тело, поймал губами желанные губы...

...Прильнув к нему в первый момент, Злата ответила на поцелуй — горячо, порывисто... потом, как будто опомнившись, попыталась увернуться и выскользнуть из объятий...

— Ты меня за этим вызывал?.. — упертые в мужскую грудь ладони должны были выполнять роль преграды.

Чуть ослабив кольцо рук, Миша слегка отстранился сам — лишь для того, чтобы заглянуть ей в глаза.

— Не только... — близость женского тела взволновала... Михаил в очередной раз наклонился и поцеловал Злату. — Ещё кое-что...

— Вот «кое-что» я тебе не обещаю... — восприняв его слова по-своему, она воспользовалась его замешательством и, наконец, высвободилась. Поправив китель, тряхнула волосами и отошла подальше — к окну. — Так что, если у тебя есть ко мне служебные вопросы, задавай... У меня ещё куча дел на сегодня.

— Что с тобой происходит в последние дни?.. — с трудом справляясь с учащённым дыханием, Михаил проводил девушку чуть обиженным взглядом. — Ты можешь мне объяснить нормально?!

— А ты догадайся... — повернувшись к нему лицом, Злата скрестила на груди руки. — Ты же следак, Мясников... Столько дел распутал... столько преступников вывел на чистую воду...

— Это из-за Даши?.. — он решил не ходить вокруг да около, а назвать вещи своими именами. — Ты это нарочно сделала?..

— Что именно?..

— Ты нарочно оставила машину во дворе, а сама уехала на маршрутке.

— Она просто не завелась.

— Ты знала, что я заеду за тобой... — обиженное выражение сменилось демонстративно-терпеливым. — Знала, что увижу машину и зайду к твоим родителям...

— Ну-ну... — в её глазах мелькнул интерес. — Давай, коли дальше, начальник...

— Да я уже расколос... — Миша усмехнулся и присел напротив, прямо на стол. — Ты хотела, чтобы я встретился с Дашей?.. Но зачем?..

— На понт берёшь? — ироничный тон удавалась Злате плохо — мешало явное волнение, с которым она никак не могла справиться.

— Злат, послушай... — Миша чуть приглушил голос. — Ну, это же несерьёзно.

— Вот именно, Мясников... несерьёзно. Все наши с тобой отношения — несерьёзны. И ты сам только что сказал об этом.

— Да что с тобой происходит?! — не выдержав, он вскочил со стола и подошёл к ней вплотную, схватил ладонями за плечи. — Злата, в чём дело?! Твоя сестра приехала?! Ну, и что?! Это — прошлое!.. Понимаешь?! Про-шло-е!..

— Неправда... — в обращённых на него глазах неожиданно появились слёзы. — Я же

видела... я всё видела, Миша...

— Что?! Что ты видела?!

...То ли от нервного напряжения, то ли от его прикосновений Злата неожиданно обмякла... Её слёзы Миша видел всего в третий раз в жизни...

— Я видела, как ты отреагировал... когда я сказала, что Дашка приезжает, у тебя было такое лицо... — всхлипнув, в этот раз она полностью подчинилась его рукам, крепким кольцом охватившим её тело. — Я же видела, Миша... видела... ты любишь её до сих пор...

— Почему ты мне сразу-то не сказала?! — волна жалости вперемешку с нежностью нахлынувшие на Михаила разом подмяли под себя и обиду, и строгость, — Златка... ну, зачем?.. Мы же взрослые люди...

— Если бы ты знал... — её слёзы скатывались со щёк прямо ему на китель, оставляя мокрые пятна. — Если бы ты только знал, что я передумала за эти дни... Я уйти хотела... я уволиться хотела!.. Я видеть тебя не хотела, но эта чёртова работа...

— Но почему?!

— Господи... — вытерев лицо ладошкой, она отстранилась. — Зачем, почему... Да потому, что невыносимо это... жить и бояться...

— Чего бояться?..

— Я подумала, что лучше будет, если ты сразу её увидишь... — Злата проигнорировала его последний вопрос. — Увидишь, и — всё для себя решишь. Только сразу, без мучительных колебаний.

— Да почему я должен что-то решать?!

— Потому, что... потому, что ты всё ещё любишь Дашку... А я не могу жить в страхе и неопределённости.

— А я не вижу никакой неопределённости.

— А я — вижу. Наши с тобой отношения, Мясников — сплошная неопределённость. Кто мы с тобой?.. Любовники?.. Товарищи по работе?.. Что ты смотришь на меня?.. — чуть успокоившись, Злата бросила на Михаила полный боли взгляд. — Тебя удивляет мой тон?..

— Если честно, то — да... — понимая, что ей сейчас просто необходимо выговориться, и что ни поцелуи, ни объятия не помогут решить возникшую проблему, Миша окончательно выпустил девушку из своих рук.

— Мне тридцать один год, Мясников... И я хочу семью...

— А разве у нас не семья?.. — в его тоне было слишком много искренности, чтобы посчитать этот вопрос просто дежурным.

— Семья?! — её глаза расширились и уставились на него в ироничном изумлении. — У нас с тобой — семья?!

— Ну, в общем... — он пожал плечами и хотел продолжить, но Злата перебила его довольно громко.

— Ты даже не представляешь, что такое — настоящая семья!.. — судя по тону, она находилась в крайне эмоциональном возбуждении. — Ты не видел никогда настоящей семьи, поэтому и живёшь так, как будто тебе никто не нужен!.. Баба есть, и ладно, правда, Мясников?! Баба — это же не жена!.. Тем более — товарищ по работе... правда, Миша?.. Я же для тебя просто — товарищ по работе, с которым ты время от времени спишь, разве — нет?! Удобно, и никакой ответственности!.. Только это, Миша, не семья!.. Это — служебные отношения, одновременно удовлетворяющие физиологические потребности!

...Уже в следующий момент Злата пожалела, что в запале выдала Михаилу то, о чём

молчала всё это время... но она предпочла не подавать виду, и обиженно отвернулась к окну.

— Зачем ты так?.. — чуть поджав губы, он смотрел куда-то вперёд и вниз.

— А ты — зачем?! — если бы он сейчас взглянул ей в глаза, то не увидел бы в них ничего, кроме боли. — Семья... ты больше не мог ударить?!

Обычно сдержанная, рассудительная, обладающая твёрдым характером Злата в этот раз изменила сама себе. Такой возбуждённой и одновременно растерянной, Михаил её ещё никогда не видел.

...Несмотря на обидные слова, он не мог с ними не согласиться. Сколько помнил себя Миша, единственным местом, где он видел искренние любовь и уважение, был дом его деда Семёна Ильича Дзюбы. Несмотря на тяжёлый характер, тот очень любил свою Верочку, и она до самой его кончины отвечала супругу взаимностью. В своей же семье Миша никогда не замечал ни малейших проявлений нежности и заботы между родителями, когда они ещё жили вместе. Это же касалось и его самого: с единственным сыном Виталий вёл себя довольно сдержанно, несмотря на то, что маленький Миша тянулся к нему и по-детски прощал отцовскую холодность... Что касалось Александры, то все свои материнские чувства она утопила на дне стакана, и, если бы не бабушка с дедом, Миша никогда бы не узнал, что такое настоящая родительская любовь...

...Нет, Злата, конечно, погорячилась... Он видел, что такое — настоящая семья... Просто до сих не знает, как её построить самому. Да и некогда... Чёртова работа — Злата верно сказала.

...Он вдруг вспомнил, что собирался сделать ей предложение... но забыл купить цветы.

— Да... — услышав сигнал телефона, Михаил нажал на кнопку ответа. — Хорошо... — отключившись, перевёл взгляд на Злату. — Там тебя терпила дожидается в допросной... говорит, на десять назначено...

— Уже иду... — ещё раз проведя ладонями по всё ещё влажным щекам, Злата торопливо направилась к выходу. Михаилу показалось, что она хотела задержаться возле него, но передумала. Он тоже не стал её останавливать, хотя ему — снова — показалось, что она этого ждала...

***

Неожиданный звонок с номера Леонида Лапина раздался буквально через десять минут.

— Помогите... — голос пятидесятилетнего Леонида Борисовича больше смахивал на голос убитого горем старика. — Моя дочь пропала...

Из дальнейшего разговора стало ясно, что вчера, не послушавшись совета Мясникова, Кристина Лапина всё же покинула родительский дом, в который до сих пор так и не вернулась. По словам отца, девушка поехала в гости к подруге, от которой ушла во втором часу ночи. Отзвонившись отцу, сказала, что направляется домой, и на связь больше не выходила... Прошло менее трёх дней с момента исчезновения, поэтому объявлять розыск было ещё рано... Лапину ничего не оставалось, как оповестить свою бывшую супругу — мать Кристины, и обратиться за помощью всё к тому же следователю Мясникову, пообещав при этом любое вознаграждение за спасение дочери.

...Вознаграждение Михаила не интересовало... но все события и переживания сегодняшнего утра моментально ушли на второй план. Войдя в кабинет оперов, он тут же отдал поручение проверить больницы и морги на предмет присутствия там Лапиной Кристины Леонидовны, заодно разослать ориентировки с её фотографией — негласно, как бывало не раз, если дело касалось нужных людей, а законный розыск объявлять было ещё

рано.

— Злат, выйди... — через пару минут он уже заглядывал в допросную. — Это срочно.

— Что случилось? — выйдя за дверь, Злата подняла на него чуть покрасневшие после утренних слёз глаза.

— Ты дело Ковалёва уже отправила в архив?

— Да... а что?

— Чёрт!.. — подперев бока, Михаил нахмурился и закусил губу. — Не успел...

— А что ты хотел?

— Хотел ещё раз характеристики посмотреть. Мне нужен его психологический портрет...

— Ты — опять?! — несмотря на ссору, Злата смотрела на него с осуждающим участием. — Мясников... мы завязали с этим делом!.. Ты забыл?!

— Лапин звонил... Ночью дочь пропала. У меня кое-какие подозрения есть, именно в связи с её исчезновением...

— Подожди меня... я уже скоро.

— Да ладно... — Миша махнул рукой. — Просто я хотел одну версию отработать... тем более, случай подвернулся. Попробую так вспомнить...

— Есть у меня его характеристики... — Злата бросила исподлобья многозначительный взгляд. — Я на флэшку кое-что себе скинула из его дела, думала, пригодится.

— Серьёзно?! — в порыве благодарности Миша прямо в коридоре схватил её в охапку и, приподняв над полом, чмокнул куда-то в ухо. — Умница ты моя!..

...Вернувшись в общий кабинет, Михаил уселся за компьютер Златы. Мысли роились в его голове... Если исчезновение Лапиной не было связано с её личными, интимными делами или с каким-нибудь трагическим случаем, то на девяносто девять процентов можно было быть уверенным, что здесь замешан Игорь Ковалёв, а если так, то время шло уже не на часы, и даже не на минуты...

...Златы всё ещё не было, и Михаил решил сам найти нужные документы. В столе Златы флэшки не оказалось, но этого и следовало ожидать. Сняв со спинки стула её сумочку, Миша решительно потянул за молнию...

Вопреки общему мнению о женских привычках, в сумке Златы всегда царил порядок. Пудреница и помада лежали в отведённом им отделении, паспорт и прочие документы — в боковом кармашке... Расчёска, зарядное от телефона, кошелёк... Вот, пожалуй, и всё содержимое. Впрочем, для Златы такой порядок был характерен...

...Ни в одном карманчике флэшки не обнаружилось, и Миша решил открыть последний «отсек», едва заметный невооружённому глазу — вшитый в центральную перегородку... Обшаривая внутреннее пространство тайника, пальцы наткнулись на небольшую, узкую и длинную коробочку, лежащую на самом дне. На флэшку этот предмет не был похож, но Михаил на всякий случай извлёк его на свет. Взглянув, удивлённо прочитал название...

«Clearblue»...

Там были ещё какие-то иностранные слова и рисунок, но зрение выхватило именно это слово... Разглядеть остальное ему не удалось: в кабинет стремительно вошла Злата. Увидев в руках Мясникова свою сумку, а заодно — коробку, на секунду изменилась в лице.

— Я флэшку искал... — Миша поднял на неё виноватый взгляд. — Не нашёл...

— Её здесь нет... — забрав у него из рук коробочку, она бросила её в сумку и застегнула все молнии. Вновь повесив сумку на спинку стула, запустила ладонь в карман кителя, затем

протянула её Мише. — На, возьми...

— Спасибо... — взяв у неё флэшку, тот сразу же торопливо вставил её в порт, задвигал мышкой. — Я кое-что вспомнил, но не всё...

— Ты уверен, что эта Лапина, как и её папик, не отсиживается у них в гараже? — присев рядом, Злата усмехнулась.

— Думаю, нет... Вот, смотри... — Михаил чуть придвинулся к монитору. — «Обострённое чувство справедливости...»

— Как ему с таким симптомом пшизофрению не вменили?..

— Может, думали, что на зоне его скорее укокошат... — Миша скользнул взглядом по тексту сверху вниз. — А его не укокошили... Ковалёв, судя по отзывам, сумел стать авторитетом... А, вот ещё... «Убеждён, что всякий проступок должен быть наказуем»...

— Ты думаешь, он узнал о роли Лапиной в том случае... и решил свести с ней счёты?..

— Думаю — да...

— Что собираешься делать?.. — Злата внимательно следила за передвижением курсора по тексту. — Розыск — рано... Где отсиживается Ковалёв, мы не знаем... Миш, по-моему, это твой персональный глухарь. Тем более... я точно знаю, что за ним прокуратура охотится... поэтому тебе и не дали копать.

— А за прокуратурой — следственный комитет...

— В смысле?! — Злата удивлённо обернулась. — Комитету это зачем? Дело ведь не заводили?.. У прокуратуры-то личные интересы... а СК тут при каких?

— При таких... — облокотившись одной рукой на стол, Миша тоже повернулся в сторону Златы и уставился на неё каким-то странным, многозначительным взглядом. — Головцов, который был обвинителем на суде, сейчас у нас — кто?

— Ну, я в курсе... — Злата не называть вслух высокую должность нынешнего старшего советника юстиции.

— Но это не всё... Головцов и нынешний руководитель следственного комитета — бывшие сослуживцы... а ныне — враги, и об этом каждая собака в районе знает.

— Ты думаешь...

— Я не думаю. Я — знаю. Когда Ковалёв только начал творить своё возмездие, он подписал себе приговор. Головцов ведёт его с самого начала...

— Почему же он его сразу не убрал? — Злата удивлённо развела руками.

— Ждал... пока Ковалёв уберёт остальных. Зачем Головцову все эти свидетели? Он же понял, что Ковалёв не успокоится, пока всех не переколбасит. Я обэтом догадался, когда меня заставили наружку снять... Потому, что моя наружка видела то же самое, что и наружка Головцова. Когда Ковалёв пришёл убивать третьего, он что-то заподозрил, поэтому изменил схему. На театр и записки времени у него не было, поэтому жертва слетела с балкона без прощального письма... Сейчас Ковалёв прокураторе живым больше не нужен, но они его тогда упустили...

— Думаешь, они не знают, где его искать?..

— Думаю, что он сменил адрес... Судя по его тактике, в тюрьме он получил хорошую теоретическую подготовку... К тому же, действует не один. Головцов сейчас думает, что следующая жертва — именно он... Поэтому меры его безопасности у них усилены до государственных масштабов. Но и Ковалёв не дурак. Думаю, у него свой план... к тому же, Головцов не знает всех подробностей...

— Каких именно?

— Ну, например, о роли Кристины Лапиной... Это знаем только мы с тобой... — Михаил усмехнулся. — Поэтому они и не следили за домом Лапина. А Ковалёв тем временем включил план «Б»...

— Тогда я ничего не понимаю... — Злата чуть сдвинула брови. — Зачем Ковалёву было выслеживать Лапину, если он мог просто проникнуть к ним в дом и убрать обоих — и её, и отца?..

— Об этом я уже подумал... — Миша задумчиво забарабанил пальцами по столу. — Он мог убрать Лапина ещё тогда, год назад, но он дал ему шанс... Потому, что по своим собственным канонам не причислил к компании отъявленных злодеев... Ведь Лапин был всего-навсего владельцем сауны, и даже не был в курсе того, что произошло в тот день... Поэтому его наказание было, так сказать, условным... А с Кристиной... скорее всего просто стечение обстоятельств. Они увидели, что она покидает дом, и воспользовались. Но я уверен, что она жива... во всяком случае — пока...

— Откуда ты знаешь?..

— Потому, что её смерть должна быть предъявлена обществу... — Миша произнёс эти слова мрачным тоном. — А, раз до сих пор не предъявлена, то это может говорить только о том, что с ней пока всё в относительном порядке... Но что-то явно происходит... — внезапно вскочив со стула, Михаил торопливо шагнул к вешалке. — Слушай, мне надо срочно увидеть Лапина... Прикрой меня, если что?!

— Зачем?.. Ребята ещё информацию не всю собрали. Может, она ещё найдётся... Да, алло... — достав сигнальный телефон. Злата предупредительно подняла указательный палец. — Да, я... Узнала... А почему?.. Жаль... Ну, хорошо, спасибо и на этом... Ждём...

— Кто это?.. — Михаил вопросительно кивнул.

— Это Морозов... — Злата смотрела на него расстроено. — Говорит, что вся группа не сможет сегодня выступить. Будут только его жена и ещё какой-то там... Журавлёв, кажется...

— И что теперь делать?.. — Миша впервые за весь разговор весело улыбнулся. — А Кравчук ждёт Лепса... Кажется, ты встряла?..

— Не знаю... Но Морозов сказал, что они поют — в с ё!..

Глава 17.

Перед тем, как отправиться к Лапину, Михаил сделал ещё один звонок — Дмитрию Морозову. Времени на отработку всех версий не оставалось вовсе, поэтому приходилось руководствоваться собственной интуицией.

— Дима, — поздоровавшись, Миша обратился к Морозову просто по имени. — Тут такое дело... Помнишь вчерашний разговор о Ковалёве?

— Помню... — судя по голосу, тот куда-то торопился. — А что?

— Огромная просьба... на уровне настоятельной рекомендации. Если вдруг увидишь его где-то, немедленно дай знать!

— Ну, если только где-то... — Морозов недоверчиво усмехнулся. — Боюсь, что у нас с ним разные маршруты...

— Возможно, он сейчас где-то неподалёку. Я не утверждаю, а лишь предполагаю, но это очень серьёзно. Если увидишь, неважно где, тут же набирай меня, прямо стой на месте и набирай!

Уже привычная дорога к дому Лапина заняла не обычные полчаса, а чуть больше пятнадцати минут — на загородной трассе Михаил выжал из своего «Форда» всё, что

можно. Он торопился ещё и потому, что, по словам Леонида, сейчас в его доме находилась мать Кристины.

Подъезжая к коттеджному посёлку, Михаил получил сообщение от своего сотрудника о том, что автомобиль Лапина, на котором уезжала Кристина, обнаружен неподалёку от дома её подруги. Разговор с самой подругой ничего не дал — та понятия не имела, куда делась Кристина после того, как покинула её квартиру. Едва успев отключиться, телефон завибрировал вновь: звонил другой сотрудник. Он сообщил, что ни в одну из городских больниц Лапина не поступала, и что среди «клиентов» моргов её тоже нет. Последние указания по поводу проверки вылетевших самолётами и выехавших поездами пассажиров Михаил отдавал уже стоя у ворот Леонида Борисовича.

— Чёртовы законы... — сидя в большом кожаном кресле, Лапин подпирал низко опущенную голову сцепленными в замок кистями. — Три дня... Да за три от человека и следа не останется!..

— Перестань... — Людмила Лапина, тоже приехавшая на поиски дочери, бросила на бывшего супруга гневный взгляд. — Не каркай!..

— Ведь говорил... говорил... — не обращая на её слова никакого внимания, Леонид монотонно раскачивался вперёд-назад. — Просил не ездить!..

— Чем она мотивировала свою поездку? — присев напротив, Миша старался говорить как можно участливее. — Я же предупреждал...

— Да она на вас надеялась! — Лапин нервно дёрнулся. — Она так и думала, что этого Ковалёва ваши пасут, и что он уже ничего не сможет сделать!

— Наши его не пасут. Я же вам говорил, что в возбуждении уголовного дела мне было отказано.

— Да потому, что всем наплевать!.. Вам же лишь бы звёздочки получить, а люди для вас — мусор! — Лапин попытался встать, но тут же опустился назад. — Чёрт... совсем сил нет...

— Где у тебя лекарства? — не в пример Леониду, Людмила держалась более мужественно.

— Не надо мне никаких лекарств!.. Пусть мне дочь вернут!

— Нужно осмотреть машину, — понимая, в каком состоянии сейчас находится Лапин, Миша «проглотил» все оскорбительные слова. — Вы сможете поехать?

— Не знаю... не уверен...

— Полчаса назад звонил Дмитрий... — Людмила бросила взгляд на Мясникова. — Это муж Кристины. Он сейчас на гастролях в Новосибирске, вместе со своим подопечным исполнителем... Прилететь не может. Сказал, что Кристина ему не звонила со вчерашнего дня. Просил держать в курсе...

— Заботливый у неё муж... — Миша не удержался от ироничного тона.

— Да он вообще... подонок... — Лапин презрительно поджал губы.

— Как она относилась к Дмитрию Морозову?

Судя по всему, этот вопрос застал врасплох обоих родителей. На каменном лице Людмилы промелькнуло удивление, а Леонид медленно поднял на Мясникова покрасневшие от бессонной ночи глаза.

— При чём тут Морозов? Они давно рассталась.

— Что испытывала ваша дочь к Морозову после их расставания? — Михаил чуть прищурил пронизательный взгляд. — Обиду, ненависть, желание отомстить?

— Слушай, капитан... ты эти ментовские штучки брось... — Леонид проговорил это сквозь зубы. — У меня дочь пропала... При чём тут их отношения с Морозовым?..

— Я тоже вас не понимаю, — Лапина покачала головой. — В своё время Кристина любила Диму... но сейчас — какая разница?!

— Она его любила с детства?..

— Можно сказать и так. Он ей нравился... но взаимностью долго не отвечал.

— А потом?

— Потом они начали встречаться... потом расстались... В чём связь?!

— Связь есть, — Мясников чуть подался вперёд, сцепил пальцы. — Вы в курсе, как они начали встречаться? Прошу отнестись к моему вопросу очень серьёзно.

— Ну, как... — Людмила растерянно развела руками. — Как обычно... Влюбились и встречались... Мы же не знаем всех подробностей...

— Вот и жаль, что не знаете.

— Можно подумать, вы знаете?.. — женщина недоверчиво усмехнулась. — И какое отношение это имеет к тому, что наша дочь пропала?

— Думаю, что прямое. У Морозова была девушка. Однажды, после вечеринки, он проснулся в постели с вашей дочерью. Его девушка спала в другой комнате, но утром всё увидела.

— Нет-нет... — Лапина решительно замотала головой. — Что-то здесь не так. Это совсем не похоже на Диму.

— На трезвого — возможно. Но, по его же словам, вся их компания в тот день была в очень сильном подпитии, в том числе и его девушка. Он и сам не помнит, как всё случилось. Наутро разразился скандал, но самое главное... — Миша выдержал небольшую, многозначительную паузу. — Самое главное, что на той вечеринке присутствовал и Игорь Ковалёв... тот самый, который позже отсидел в тюрьме по сфабрикованному против него делу.

— Слушай... — лицо Лапина исказило недовольство. — Как там у вас говорят... чего ты нам тут горбатого лепишь?! Детские разборки какие-то пересказываешь... При чём тут моя дочь?!

— Наутро у Ковалёва был конфликт и с Морозовым, и с вашей дочерью, — несмотря на тон собеседника, Михаил сохранял невозмутимость. — Ковалёв публично обвинил Морозова в глупости, а Кристину в том, что она сама всё подстроила. А, говоря проще, залезла к Морозову в постель, благо, уснул он один. Наверное, у Ковалёва были на это основания. Кстати, Морозов со своей невестой после всего случившегося так и не помирился, а вскоре начал встречаться с Кристиной, как я понял, из чувства долга и порядочности, о которой вы только что упомянули.

— Ну, и что из этого следует?.. — рассказ следователя несколько смутил Людмилу. — Если даже Кристина поступила некрасиво... то это дела сугубо личные, не попадающие под уголовный кодекс...

— Эти самые детские разборки, как вы их назвали, имели самые серьёзные и трагические последствия.

— Простите, но я вас не понимаю...

— Кристина решила отомстить Ковалёву. Она создала ситуацию, при которой его любимая девушка оказалась в сауне с тремя взрослыми мужчинами. Девушка погибла... а Ковалёва посадили по ложному обвинению. Ваш супруг всё знал... — Миша бросил

красноречивый взгляд на Лапина. — Вы ведь всё знали, Леонид Борисович? Кристина вам призналась... Правда, вы её не выдали, ни мне, ни Ковалёву, когда он пришёл к вам, чтобы узнать имена убийц. Вы назвали всех, кроме своей дочери. О её роли в этом деле знали только вы и один из тех... последний, кого убрал Ковалёв. Он же и назвал ему имя Кристины. Именно поэтому ещё при первой нашей с вами встрече я просил рассказать обо всём очень откровенно... но вы смолчали. А я не успел предотвратить...

— Я ничего об этом не знала... — прикрыв рукой глаза, Лапина низко опустила голову. — Боже мой... этого не может быть...

— У меня очень мало времени... и ни одной зацепки, где искать вашу дочь. Поэтому я и спрашиваю вас... Как Кристина относилась к Дмитрию Морозову сейчас? Мне показалось, что она до сих пор держит на него обиду.

— Нет, не обиду... — Людмила покачала головой. — Она до сих пор чувствует себя оскорблённой. Моя дочь никого не умеет прощать. Она не простила даже своего отца...

— То есть?.. — Мясников перевёл удивлённый взгляд на Леонида. — У вас была ссора?!

— Давно... — на лице Лапина было написано самое настоящее горе, ему было трудно говорить, но судя по всему, он решил облегчить душу. — Они встречались с Димкой уже около двух лет... Кристина всё ждала, что он сделает ей предложение, а он всё молчал. Она нервничала... Он много времени уделял музыке, она, естественно, была недовольна... У него то репетиции, то концерты, то фестивали... Ну, в общем, она нашла себе другого мужчину. Сначала просто — из мести, хотела чтобы Дима ревновал... А потом влюбилась... Это был мой партнёр по бизнесу, Мухаммед. Наполовину араб, наполовину европеец... красивый мужик, ухаживал красиво... Бабы от таких головы теряют напрочь.

— А что у вас был за бизнес?

— Сеть отелей. Турция, Египет... Моя доля была не очень большая, но приносила хороший доход. — Лапин чуть наклонился вперёд, шумно вздохнул. — Мухаммед тогда прилетел в Россию по делам... Естественно, бывал у меня... Кристина и увлеклась. С Димой рассталась... я был против, конечно. Я же знал этого Мухаммеда, ну, какой он муж, хоть и богатый? Он баб менял как перчатки, по пять на дню... А она так влюбилась, что уже собралась ехать вместе с ним... И, главное, он — на полном серьёзе... планы общие рисовал, мозги ей совсем запудрил, замуж позвал... Я попросил его отстать от Кристинки... А он мне поставил условие: отстанет, если я ему свою долю в бизнесе продам. Там много ещё было нюансов, но тебе не нужно всего знать...

— И что дальше?

— А что дальше?.. — Леонид Борисович мрачно усмехнулся. — Поставь себя на моё место... С одной стороны — прибыльное дело... а с другой — дочь единственная, которая уже и чемоданы собрала... Ты не знаешь, капитан, как там, у них, с женщинами обращаются... особенно, когда те становятся не нужными. А я знаю.

— С вашими возможностями, думаю, это было не страшно.

— Это ты так думаешь. А я — знаю. К тому же, он, гад, рассчитывал, что я за Кристиной приданое дам — как раз эту свою долю... Так что мне её по судьбе было положено потерять, только в этом случае вместе с дочерью.

— Ну, может, у него всё серьёзно было?

— Не могло у него быть серьёзно! Говорю же, расчёт... Знал я его, как облупленного...

— И вы согласились?..

— Естественно. Я продал ему свою долю. А он расстался с Кристиной...

— Почему вы не рассказали об этом дочери? Она бы сама поняла, что не представляет для него никакой ценности.

— Это было бесполезно. Мухаммед хитрый... он так задурил ей голову, что она меня бы не послушала. Он сделал ей предложение, показывал фото виллы, яхты с её именем на борту... Какая женщина устоит? Но я не мог допустить, чтобы она уехала в такую даль, да ещё к этому арабу. Я согласился. Ударили с ним по рукам... Он исчез из её жизни... — Лапин ненадолго замолчал, как бы собираясь с силами, чтобы продолжить свой рассказ. — Я не думал, что для Кристинки это окажется такой трагедией... Оказалось, что она беременна, но ни о каком ребёнке, естественно, речи не могло идти. В общем, депрессия, алкоголь... Можешь представить, как я себя чувствовал?! Я землю жрать был готов, чтобы её из этого всего вытащить!..

— И что было потом?

— Потом она про Димку вспомнила. Я как за соломинку ухватился... Начал ему помогать... всё делал, что Кристина просила. Даже против совести пошёл, хоть мы с его отцом с детства дружили... Но у них и второй раз не сложилось. А пару лет назад Кристина летала за границу, и случайно встретила с Мухаммедом. И эта сука... — Леонид Борисович сжал губы и чуть прищурил глаза. — Эта сука всё ей рассказал!.. Она закатила мне истерику...

— Она обвинила не его, а вас? Она всё ещё его любила?!

— Нет, конечно... Но она почувствовала себя оскорблённой... Она сказала, что я её продал.

— Скорее, её продал Мухаммед...

— Это уже неважно. Она до сих пор простить не может, хоть мы и общаемся... Но кошка пробежала... А у меня начались всякие беды.

***

Время неумолимо приближалось к часу дня, когда Михаил вернулся в отдел.

— Тебя Кравчук обыскался! — сердитый взгляд Златы говорил сам за себя. — У меня уже все отмазки кончились!..

— Ты мне нужна... — Миша кивнул в сторону своего кабинета. — Только быстро!

— Мясников... — перешагнув за ним порог комнаты, Злата с силой захлопнула за собой дверь. — Мы, кажется, с тобой поссорились! Я тебе нагрубила, ты меня обидел... давай для приличия хотя бы до завтра не будем разговаривать?..

— Это слишком долго... — он глазами показал ей на стул. — У нас работа такая, сама знаешь... Нормально ругаться не получается.

Рассказав вкратце об очередном визите к Лапину и осмотре его автомобиля, Михаил серьёзно уставился на девушку.

— Ты думаешь, Кристина напоследок захочет отомстить Морозову?.. — Злата сразу уловила суть. — Свалит на него часть вины?

— Ты как в воду глядишь. Она очень мстительная особа, не забывает даже столетних обид... к тому же, если она, действительно, у Ковалёва, то будет всеми силами спасать свою жизнь, оговаривая других. И Морозов в данном случае — самая подходящая кандидатура. У него был конфликт с Ковалёвым, а, значит, мотив — налицо...

— В общем-то, ничего нового ты не узнал... — это Злата произнесла уже из вредности.

— Узнал. К тому же, хотел убедиться, что Кристины и в самом деле дома нет. От этой семейки можно ожидать чего угодно. Подожди... — достав сигналящий телефон Мясников

приложил его к уху. — Да... да... Когда и где?! Понял!

— Что опять?..

— Это Морозов... — вскочив со стула, Михаил в один шаг приблизился к сейфу в углу кабинета и, достав ключ, вставил его в замочную скважину. — Чёрт... как же я был прав...

— Ты куда?.. — наблюдая, как он, скинув китель, надевает португую, Злата тревожно нахмурилась. — Что случилось-то?!

— Барабанщик группы Морозова сегодня видел человека, похожего на Ковалёва...

— Он его знает?..

— Они все вместе учились. Он не уверен, но говорит, что человек был очень похож. Он обратил на него внимание, когда тот открыл боковое стекло в машине, чтобы выбросить сигарету... Это было недалеко от морозовского центра.

— Он запомнил машину?

— Только марку и цвет, естественно... Но это уже кое-что.

— Что ты вообще собираешься делать?..

— Я-то?.. — остановившись посреди помещения, Михаил упёрся руками в бока и сосредоточенно уставился в окно. — Я включаю пятую передачу логического мышления... По-моему, меня ждёт очень весёлый вечер... А, возможно, и ночь.

***

— Гримёрных у нас, конечно, нет... — широко открыв дверь кабинета, Злата повела рукой. — Но вот... всё в вашем распоряжении... Зеркало — в шкафу.

— Спасибо, — вошедшая первой Наталья кивнула довольно сдержанно. Остановившись посреди помещения, ладонью стянула на затылок капюшон белой норковой шубки, неторопливо сняла большие чёрные очки. — Всё нормально.

— Угу... появившийся следом высокий парень в бордовой «аляске», с длинными — до плеч, густыми, волнистыми волосами, уверенно проследовал за ней и, прислонив к столу зачехлённую гитару, деловито огляделся. — Разберёмся...

— Добрый день, а вот и мы... — ещё один парень — шустрый, со смешливым лицом и коротким ёжиком на голове, которого Злата запомнила по исполнению ирландской джиги, последним возник в дверях. Остановившись, обвёл кабинет любопытным взглядом. — Да-а-а... Название фирмы поменялось... а суть — нет...

— Располагайтесь! — Злата гостеприимно улыбнулась всем троим. — Торжественное собрание уже идёт, аппаратуру установили. Двадцать минут вам хватит, чтобы подготовиться?

— Я — как пионер... — шагнув к шкафу с вешалками, Говоров на ходу потянул замок тёплой куртки. — Всегда готов! Тем более, у меня сегодня очень скромная миссия звукорежа.

— Я — тоже... — имя высокого длинноволосого парня Злата вспомнила, когда он разделся и начал расчехлять гитару — Женя. Видимо, это и был тот самый Журавлёв, о котором говорил Дмитрий.

— А я ещё нет, — Наташа бросила на парней многозначительный взгляд. — Поэтому быстренько собираемся и выкатываемся курить.

— Интересно, что у тебя, Натаха такое есть, чего бы я в своей жизни не видел? — достав из кармана пачку сигарет, Говоров демонстративно пожал плечами. — Каждый раз — курить да курить...

— Это мой огромный секрет... — видимо, такие «перестрелки» были привычны для

Натальи, и совершенно её не смущали.

— Огромный секрет, Натаха, это то, о чём знают многие, но не знает один... — философски прицокнув языком, Сашка для проверки чиркнул зажигалкой — весело взвившийся огонёк тут же исчез. — Это не наш с тобой случай.

— Кстати... — вспомнив о чём-то, Злата неожиданно всплеснула руками. — Я совсем забыла! Как вас правильно объявить?

— Очень просто... — Наташа перевела на неё взгляд. — Певица — Наталья Морозова. Гитарное сопровождение — Евгений Журавлёв.

— Понятно... Просто я думала, может, у вас сценическое имя какое-нибудь...

— Нет, у меня моё имя, — казавшаяся слишком серьёзной Наташа, наконец-то улыбнулась. — У нас у всех свои имена.

— Ну, и зря... — Говоров явно решил её подразнить. — Прикинь — «Ната Фрост»! Звучит!.. А можно по-нашему... «Натаха Мороз»!

— Наташ, мы скоро, но сильно не торопись!.. — в отличие от товарища, Журавлёв был настроен намного серьёзнее. Обняв Сашку за плечи, он потащил его к двери, на ходу помахав Наталье рукой.

Сделав парням «ручкой», Наташа открыла сумку, достала из неё голубое, искристое платье с короткой, пышной юбкой и прозрачными, до локтя, рукавами. Оглянувшись в поисках крючка, на который можно было бы повесить плечики, вопросительно посмотрела на Злату.

— Можно сюда... — та рукой показала на ручку антресоли. Взглянув в большие карие глаза Наташи, она уже не в первый раз удивилась их необычному сочетанию с белыми от природы волосами. Решив, что задерживает Морозову, поспешно взялась за ручку двери. — Я пойду, а вы переодевайтесь... Сюда никто не войдёт.

— Вы извините нас, пожалуйста... — голос Натальи неожиданно заставил обернуться вновь. — Мы, действительно не смогли приехать всей группой. Дима вчера пообещал, но не получилось.

— Ну, что вы... — Злата приветливо улыбнулась. — Мы и так вам очень благодарны... Обычно у нас только самодеятельность выступает, а тут — такие артисты!..

— Понимаете... у Диминых родителей сегодня юбилей. И все наши ребята будут вечером выступать. Понятное дело, что практически бесплатно... — Наталья всё ещё держала платье в руках, чувствуя неловкость. — Это их решение, но... на второй благотворительный концерт почти никто не согласился. К тому же, наша аппаратура требует много места, и по мощности не для маленьких залов. Поэтому решили, что выступлю я, сольно... А Женька сам себя предложил в качестве фигуры сопровождения, потому, что Дима тоже очень занят, а одну он меня, естественно, не отправит.

— Это хорошо, что вы приехали не одна... — Злата неожиданно посерьёзнела. — После концерта сразу не уезжайте. С вами хочет поговорить Михаил Витальевич... Это следователь, который приходил домой к вашим родителям. Его сейчас нет, но он обязательно подъедет.

— Со мной?! — Наташа удивлённо приподняла брови. — О чём?!

— Он всё вам скажет.

Оставив Наталью, Злата уже хотела пройти к актовому залу, в котором шла торжественная часть, но, услышав громкие голоса у центрального входа, немедленно свернула в другой коридор.

— Ромы-ы-ч! — на глазах у изумлённого дежурного вернувшийся с перекура Говоров крепко обнимал парнишку-полицейского. — Ты чё, ментом заделался?!

— Будьте корректнее, Александр!.. — заложив руки за спину, остановившийся рядом Журавлёв иронично изображал строгого гувернёра. — Повторите то же самое, но по-французски!

— Да это же — Ромыч! — сорвав с головы знакомого форменную шапку, Сашка нахлобучил её на собственную голову и радостно обернулся. — Бывший сосед по дому!

— По-французски, Саша, по-французски!..

— Да пошёл ты, Жека!.. развернувшись, тот перекинул руку через шею слегка покрасневшего парня, а другой подбоченился. — У тебя телефон с собой?!

— Нет, в куртке.

— И у меня в куртке. А у тебя? — Говоров шутливо тряхнул «Ромыча».

— Есть... — видимо, не ожидавший такой бурной встречи, тот смущённо улыбался. Потянувшись, достал из кармана сенсорный мобильник.

— Девушка!.. — заметив Злату, Сашка махнул ей рукой. — Девушка, идите к нам!.. Снимите нас, пожалуйста!..

Представив, сколько шума производит неугомонный «патруль» на репетициях и гастролях, Злата невольно рассмеялась. Решив, что не будет ничего плохого, если она поможет сделать фото, шагнула вперёд.

— Да ладно, Саня... — всё ещё не пришедший в себя парнишка смутился ещё больше.

— Не отказывайся, Ромка... — отступив назад, чтобы Злата могла подойти поближе, Журавлёв ободряюще кивнул. — Когда ещё такое будет, чтобы звезда рока сама захотела с тобой сфотографироваться!

— Я уже сто лет, как звезда рока!.. — поправив шапку, Сашка крепче прижал голову Романа локтем, пальцами другой руки изобразил «викторию». — А вот с живым ментом обнимаюсь — впервые в жизни!

...Техническое оснащение актового зала, в том числе и освещение не были предназначены для выступлений артистов такого уровня, как Наталья Морозова, и, уж тем более, группы «Ночной патруль», но парни сразу разобрались со щитком — притушив свет в зале, оставили горящими пару светильников над небольшой сценой. Прихваченная Говоровым светомузыкальная вертушка пришлась кстати — огромный стенд «С Днём сотрудника органов внутренних дел!», исполняющий роль заднего плана, заиграл сотнями мелькающих разноцветных светящихся шариков. Шарики рассыпались калейдоскопом, сворачивались в спирали, падали звёздами, кружили снежинками...

Поручение вести концертную программу Злата приняла с обречённой готовностью, и теперь стояла за небольшой перегородкой, готовая выйти и объявить певицу Наталью Морозову. Сама Наташа находилась рядом — она была босиком и с написанным на лице нетерпением наблюдала, как Журавлёв натирает канифолью подошву её туфельки. Туфельки были в тон платью — голубого цвета, с глубоким блеском. И так маленького размера, с высоким, тонким каблучком, в мужских руках они казались совсем миниатюрными...

...Уже поднимаясь по ступенькам, ведущим на сцену, Наталья поскользнулась на недавно окрашенной половице, и, если бы не Журавлёв, коленки певицы сейчас были бы украшены синяками. Злате пришлось вернуться в кабинет за заваливавшейся в столе у одного из оперов коробочкой с канифолью, а заодно с интересом узнать, чем артисты натирают подошву, чтобы она не скользила.

— А я предлагал... — сидя за пультом, Говоров бросил на Наталью полный ехидства взгляд. — Приклеили бы наждачку, и дело с концом...

— Можно ещё гвоздики мелкие набить... шляпками внутрь... — сделав ещё пару движений, Журавлёв протянул туфли хозяйке. — Держи. И больше не падай... а то меня под рукой может не оказаться.

— Никогда не сомневалась, что вы плохого не посоветуете... — торопливо обувшись, Наташа обернулась к Злате. — Всё, мы готовы.

...Весь концерт Злата не сводила взгляда со сцены, лишь изредка переводя его на передний ряд, где сидело полицейское начальство во главе с Кравчуком и министерскими гостями. Она очень переживала, как пройдёт выступление, ведь доложено было о целой группе мужественных парней... да ещё с таким brutальным названием. А на сцене оказалась стройная длинноволосая, белокурая девушка в голубом платье. Злата редко посещала концертные залы, рестораны, клубы и прочие увеселительные заведения, поэтому имя Натальи Морозовой ей было раньше не знакомо. Впервые она увидела её совсем недавно в интернете, и теперь с искренним удивлением слушала бурные аплодисменты, которыми награждала певицу полицейская братия. Пела Наташа замечательно — нежный, но одновременно сильный голос, усиленный микрофоном и украшенный звуковыми эффектами, уверенно разливался по всему залу. Это не была попса — помня о предупреждении Златы, Морозова составила свой небольшой репертуар из четырёх роковых композиций для женского вокала, написанных Дмитрием. Осмысленные тексты, богатая, сочная аранжировка, присущая роковому стилю динамика — всё это удивительным образом сочеталось с романтическим — на первый взгляд — Наташкиным образом...

Уже на втором куплете первой песни зал дружно хлопал в такт музыке...

...Смысл присутствия Журавлёва, с гитарой наперевес маячившего на заднем плане, обозначился в конце программы: оказалось, что длинноволосый смазливый гитарист, с совершенно серьёзным видом берущий аккорды на фирменном «Фендере», вовсе не бутафорская фигура, дополняющая облик белокурой певицы... Последняя, заключительная песня расставила акценты и вызвала бурный восторг у всего зала, но особенно — у полковника Кравчука.

«Мы всю ночь танцевали,

А с утра вы сказали —

Этот мир, мир печали,

Кто мы здесь?..

Давайте завтра пойдём ва-банк...

Давайте завтра ограбим банк...

Мы не такие, как все вокруг,

Мой таинственный друг...»

Песню из репертуара Григория Лепса было решено оставить «на закуску» — как выразился Женька. Предупреждённый о пристрастиях полковника Кравчука Морозов предлагал составить всю программу из лепсовских вещей, но Журавлёв, обладающий массой знакомств в правоохранительных структурах, убедил Диму, что Наташа будет иметь большой успех, а «Лепса хватит и в одном экземпляре».

«Танго разбитых сердец» они пели с Наташкой ещё шесть лет назад, будучи участниками небольшого ресторанного музыкального коллектива, поэтому было достаточно одной репетиции сегодня утром, чтобы песня пошла «на ура».

«Сделал я всё, что надо,
Но ждала там засада,
Кто мог знать,
Что секретный вы агент?
Стреляли первая вы в меня,
Но запылал океан огня,
Лилась рекою багряной кровь,
Вы предали любовь!»

...Валеркин игрушечный пистолет пришёлся как раз кстати, а форму полицейского Наташе одолжила Злата... На последнем куплете на секунду зайдя за перегородку, Наташка появилась в накинутом на одно плечо кителе и надетой на голову форменной фуражке. Сделав бутафорский «выстрел» в Журавлёва, она эффектно дунула на ствол...

«Но где-нибудь отыщу я вас,
И мы станцует в последний раз.
В моей душе не осталось зла,
Но любовь умерла...»

Вытянутая по направлению к Наташке рука Журавлёва, судя по всему, символизировала неминуемую кару...

«Танго разбитых сердец...
Танго разбитых сердец...
Танго разбитых...»

...Небольшой танцевальный экспромт в ритме танго завершил и песню, и программу. Выгнувшись, Наташа застыла в руках Журавлёва с чуть согнутой в колене ногой и откинутой назад головой... Одной рукой держа свою партнёршу, другой Женька на лету подхватил падающую с её волос фуражку и, не найдя ничего лучшего, водрузил себе на голову...

Взглянув на него снизу, Наташка с силой сжала губы, чтобы они не расползлись в порыве смеха — форменный головной убор, венчающий смазливую Женькину физиономию, делал его похожим, скорее, на стриптизёра в образе полицейского, чем на самого представителя правоохранительных органов...

Кланялась Наташа, до боли прикусив губы, но по невольным движениям плеч было заметно, что она просто давится от смеха.

...Вздыхнув с облегчением, Злата уже вышла на сцену, чтобы сказать заключительные слова, но добрая сотня мужчин в форме настойчиво отбивала ладони, требуя «продолжения банкета». Время поджимало, однако Женьке с Наташей пришлось исполнить ещё одну песню — про «рюмку водки на столе»... Предварительного «прогона» этой песни не было, но, благодаря охватившему куражу, их слаженный дуэт был вновь встречен на «ура». Правда, в этот раз обошлось без танца...

...Михаила Злата заметила сразу — он появился в зале, когда Наталья с Журавлёвым ещё допевали «Танго...»

Всё это время он провёл с Дмитрием Морозовым, специально встретившись с ним на нейтральной территории, и вернулся только к завершению праздничного собрания. Проводив откланявшихся, наконец, артистов в импровизированную «раздевалку», Злата с нетерпением дожидалась, когда там появится Мясников. Но он ей неожиданно позвонил...

***

— Здравствуйте, — Наталью Миша встретил приветливой улыбкой — в своём кабинете,

куда девушку по его же просьбе привела Злата. — Во-первых, спасибо! К сожалению, я успел лишь на две последних песни... и этому были свои причины. Но мне очень понравилось!

— Мы старались... — несмотря на улыбку, Наталья смотрела на него с тенью тревоги. Поблагодарить её он мог и в присутствии остальных, значит, для этого — отдельного — «свидания» есть какие-то причины...

— Эти песни из вашего основного репертуара? — судя по искреннему тону, спрашивал он не только из вежливости. — Или вы их специально для нас разучили?..

— Нет, — усмехнувшись, Наташа покачала головой. — Наш репертуар состоит только из песен моего мужа. А Лепса мы с Женей раньше пели... давно, в ресторане.

— В ресторане?! — Михаил удивлённо округлил глаза. — Никогда бы не подумал!

— Почему?! — Наталья неожиданно рассмеялась. — Да... Была такая страничка в моей творческой биографии. А сегодня... считайте, что это — экспромт.

— Экспромт?.. Это хорошо... — Мясников задумчиво опустил взгляд, но уже через несколько секунд снова вскинул его на девушку. — Сегодня вечером вам предстоит ещё один экспромт... И мы сейчас об этом поговорим.

Глава 18.

— Ну, Анька... — со стороны глядя на подругу, прихорашивающуюся у зеркала в небольшой туалетной комнатке, Нелли восхищённо прицокнула языком. — Ну, ты — красавишна... Платье — отпад!.. Цвет, фасон — прямо всё твоё! Про ожерелье вообще молчу!..

— Шикарно... скажи?.. — Анна бережно, кончиками пальцев провела по белым перламутровым жемчужинам, вкрапленным в изящно охватывающее шею ожерелье. — Саша в ювелирной мастерской заказывал... На тридцать лет семейной жизни — тридцать жемчужин...

— Счастливая ты, Анька... без зависти говорю. Вот посмотрела на тебя, порадовалась.

— А я даже радоваться боюсь... — во взгляде Анны промелькнула едва уловимая тень тревоги. — Весь день какое-то предчувствие... не пойму, какое...

— Да успокойся ты, — Нелли озорно толкнула Морозову в бок. — Ну-ка, подвинься... я свою личность огляжу... Эх... — посмотрев на своё отражение, шутливо махнула рукой. — Против тебя не потянуть!

— Да ладно!.. — Анна Сергеевна всё же рассмеялась. — Скажешь тоже!

На самом деле Анна немного покривила душой. Сравнивая себя и свою подругу, она не без явного удовольствия отметила собственные преимущества — и всё ещё стройную, без «излишеств», фигуру, и моложавую осанку, и красоту, которую язык бы не повернулся назвать увядающей — просто перешедшей в другой возрастной статус. Платье из тёмно-бордового, искрящегося шёлка удивительно шло ей, особенно вкупе с новым ожерельем из тридцати натуральных жемчужин. Это ожерелье Александр торжественно вручил ей сегодня утром — вспомнив про «бусики», о которых проговорила маленькая Анечка, Анна Сергеевна только ахнула. Эти самые «бусики» явно тянули не на одну зарплату...

...Она ещё никогда не целовала мужа так нежно... И, конечно, не сам подарок и не его стоимость были тому причиной — Саша всегда дарил ей дорогие подарки... Но его сегодняшние слова тронули её так, как не трогало ни одно признание. Тронули — одновременно с проколовшим насквозь грудь очередным приступом вины...

«Спасибо, родной...» — взяв у супруга из рук бархатную коробочку одной рукой, другой Анна обхватила его за шею, потянулась губами....

«Нравится?..» — наклонившись, тот с мальчишеской готовностью ответил на поцелуй.

«Конечно... — незаметно вздохнув, Анна ещё на несколько секунд прислонилась щекой к его щеке. — Но спасибо не только за подарок... Спасибо тебе за всё! Ты у меня самый лучший на свете...»

«Это ты у меня — самая лучшая!.. Это тебе спасибо... За каждый день... за каждый час...»

...Ещё не успевшая остыть от ночных откровений с Нелькой, Анна спрятала лицо у мужа на груди — слёзы, которых она так боялась, предательски подступили к глазам. На его удивлённое: «Ань, ты чего?!» — только шмыгнула носом. Не привыкший к таким проявлениям «слабости», Александр только растерянно улыбался и гладил жену по голове.

«Ничего... — Анна, наконец, подняла на него повлажневший взгляд. — Мы ведь хорошо прожили эти годы... Правда, Саш?..»

«Мы прожили их лучше всех! — он крепче прижал её к себе и в очередной раз звонко поцеловал. — И ещё столько же проживём!.. Вот увидишь, Анютка!..»

...Анна Сергеевна не любила, когда муж звал её Анюткой, и не раз выговаривала ему — беззлобно, но с нарочитой строгостью. Тот добродушно улыбался, шутливо просил прощения и «клялся» больше не употреблять этого имени в отношении супруги, однако, нет-нет, да забывал о своём обещании.

Теперь же, услышав в очередной раз это — «Анютка», Анна вдруг подумала, что готова слышать это обращение всю оставшуюся жизнь, лишь бы оно слетало с Сашиных уст.

...О ночных посиделках и откровениях она старалась забыть — хотя бы на сегодняшний день, но совет Нелли рассказать всё Саше о Михаиле Мясникове так и стоял в голове. Избавиться от него Анне не удалось до самого вечера...

Тревоги добавил Дима — вопреки намерениям взять с собой детей, чтобы те тоже поздравили бабушку и дедушку, он вдруг срочно отправил и Валерку, и Анюту к сводной сестре Наташи — та сама находилась в отпуске по уходу за ребёнком, и согласилась присмотреть до утра за племянниками. Матери и отцу Дима ничего толком не объяснил, а, собрав по-быстрому детей, тут же увёз, заодно предупредил, что у него срочные дела, и что он появится только на самом банкете и, возможно, с опозданием.

Ничего не понимающие Анна и Александр только проводили сына и внуков удивлёнными взглядами. Наташа и вовсе отсутствовала почти с самого утра, но на расспросы времени не оставалось.

Сейчас же Анна то и дело поглядывала на часы — было уже около девятнадцати часов, почти все гости и артисты собрались, но ни сына, ни невестки всё ещё не было. Она даже изменила своей привычке — не проверила, как накрыты столы, как расставлены приборы, а лишь скользнула по ним быстрым взглядом. Ей всё больше и больше становилось не по себе...

— Аня, приехали!.. — выглянув в холл, Нелли махнула Анне рукой от дверей. — Твои приехали!.. Не волнуйся, всё в порядке!

Желание увидеть сына и невестку, чтобы удостовериться в напрасных тревогах было очень сильным, и Анна Сергеевна тут же поспешила в раздевалку для артистов. Заглянув в дверь, она окинула взглядом небольшое помещение — Дима, действительно, раздевался у вешалки, торопливо снимая куртку и одновременно о чём-то разговаривая с музыкантами.

— Дима... — Анна тут же шагнула к сыну. — Всё хорошо?..

— Ну, конечно, — тот обернулся к матери с улыбкой. — Скоро начнём!..

— А где Наташа?.. — Анна удивлённо переводила взгляд с одной девушки на другую. — Я её не вижу...

— А её пока нет... — сын почему-то слишком старательно отвёл глаза. — Но она уже едет.

— Вы что, не вместе?! — Морозова удивлённо застыла позади сына. — Ты приехал один?!

— Один...

Вернувшись в зал, Анна тут же подошла к Нелли.

— Как — один?! — на её вопрос Нелька вытаращила глаза. — Я обоих видела!.. У меня, конечно, близорукость, но в глазах пока не двоится... Димка шёл по коридору вместе с девушкой... девушка в белой укороченной шубке, волосы длинные, белые, почти до самой задницы...

— Ну, да... — Анна сосредоточенно вспоминала, в какой одежде Наташа утром уезжала из дома. — Это Наташа...

— Сапоги белые... — Нелли смотрела удивлённо. — Ну, она же?!

— Ну, конечно она... Странно... А мне он сказал, что приехал один... И в раздевалке её нет... Ничего не понимаю.

— Может, какая девчонка из его группы?..

— Вряд ли... — Анна с сомнением покачала головой. — Я, конечно, знаю не всех... Но у них, кажется, больше нет девочек с длинными белыми волосами... А одежда?.. Странное совпадение.

— Ну, значит, мне померещилось!..

***

...Все два часа, что Наталья провела в его квартире, Михаил чуть ли не физически ощущал исходящую от неё тревогу. Понять это было несложно — всё произошло неожиданно, и не только для Наташи, но и для всех остальных, включая и самого капитана Мясникова.

Выслушав его ещё в отделе полиции, Наталья пришла в недоумение, граничащее с шоковым состоянием. Иногда ей приходилось принимать различные образы на сцене... но в реальной жизни такое происходило впервые. Даже после откровенного разговора с Мишей и подробных инструкций девушка всё ещё пребывала в крайней растерянности.

Она немного пришла в себя, пока наблюдала, как, надев на голову парик с длинными, белыми волосами, Злата начала облачаться в её джинсы, а затем — в шубку и сапожки.

«Нет... — покачав отрицательно головой, Наташа подошла и откинула назад ниспадающие на грудь волосы. — Я так не ношу. Только назад... и — прямой пробор».

«Назад не получится, — неожиданно отозвался Мясников. — Потому, что капюшон... Злата должна быть в капюшоне, чтобы оттенить лицо».

«Тогда лучше — на одну сторону... — в лице Натальи появилась тень заинтересованности. Она сама перекинула волосы парика через одно плечо Златы и, надев на неё капюшон, сделала шаг назад. — Вот так — более-менее похоже...»

Журавлёв с Говоровым уже уехали домой — им позвонил Морозов и сказал, что сам заберёт свою жену из полиции. Узнав, что вместо неё к Дмитрию выйдет переодетая Злата, Наталья вопросительно посмотрела на Михаила.

«А вы остаётесь на моём попечении...» — Миша обаятельно улыбнулся.

Дальнейшие инструкции Наташе он передавал уже с абсолютно серьёзным выражением

лица. Согласно им она должна была во всём слушаться только его, не звонить никому по телефону и не отвечать ни на чьи звонки.

«Но мне нужно было ещё заехать за платьем, собрать детей...» — Наталья уже поняла, что лишних вопросов сейчас тоже лучше не задавать, поэтому спросила только о самом насущном.

«Всё уже сделано, — Мясников успокаивающе кивнул. — Дети у вашей сестры, платье в банкетном зале. Вы приедете туда вовремя, но эти два часа нам придётся провести в обществе друг друга».

«Я не могу позвонить даже Диме?!»

«Пока нет. Вы всё узнаете... надеюсь, что уже сегодня. И, вообще... — Михаил пристально посмотрел на девушку и одарил её ещё одной приветливой улыбкой. — Всё будет хорошо».

...Им пришлось обменяться даже сумочками — достав документы, кошелёк и мобильный телефон, Злата подала Наталье свою сумку. Сделав то же самое, Наташа аккуратно сложила свои вещи в одно отделение, затем застегнула все молнии.

«А куда они сейчас?..» — проводив взглядом Злату, которая теперь должна была играть её собственную роль, Наташа обратилась к Михаилу. От того не укрылись тревожные нотки, и он поспешил успокоить девушку.

«В одно безопасное место...»

Неизвестно, удовлетворил ли Наталью такой ответ, но всё оставшееся время она выглядела очень напряжённой. Пальто Златы пришлось ей впору, впрочем, как и обувь. Спрятав за воротник волосы, она надела светлую вязаную шапочку с большим меховым помпоном — Злата купила её недавно, и очень нравилась в ней Мишке. Надвинутые на лоб края и широкий шарф, охватывающий шею и нижнюю часть подбородка — мало кто узнал бы в темноте, что перед ним не старший лейтенант Алексеева, а совсем другая женщина.

...Всю дорогу до своего дома Михаил ехал молча, и лишь у самой парковки подал голос.

«Сейчас мы выйдем, и вы возьмёте меня под руку, как можно непринуждённое. Хорошо?» — притормозив, он потянул на себя ручник, затем обернулся к Наташе.

«А что... за нами кто-то следит?..» — чуть дрогнувший голос говорил о том, что та напугана.

«Скорее всего — нет. Но... на всякий случай...»

«Хорошо...»

...Открыв квартиру, Миша пропустил Наталью вперёд, затем вошёл сам. Пока та раздевалась, проследовал на кухню, набрал полный чайник воды, включил конфорку... Он прекрасно понимал, что могло сейчас твориться в душе Натальи... Минимум информации, который он смог донести до неё, не объяснял причин, по которым, вместо того, чтобы ехать домой, а затем — на юбилей свекрови и свёкра, ей пришлось поменяться одеждой с сотрудницей полиции, «отдать» ей мужа, а затем отправиться в чужую квартиру. Наташе нужно было отдать должное — несмотря на явную тревогу и непонимание ситуации, она не задавала лишних вопросов и не впадала в истерику, а лишь в точности выполняла требования.

Впрочем, требования — это было слишком сильно сказано. Для Натальи было достаточно вежливой просьбы. Выйдя из кухни в гостиную, Михаил застал девушку сидящей на диване — на самом краешке, как будто готовой вскочить в любую секунду. Ненадолго присев напротив, положил локти на колени, улыбнулся как можно приветливее.

«Скоро всё будет хорошо...» — сцепив пальцы рук, он чуть подался вперёд.

«А разве было плохо?» — Наталья подняла на него серьёзный и одновременно полный тревожного ожидания взгляд.

«Может быть... вернее, могло...» — он тут же решил поправиться, чтобы не напугать её ещё больше.

«Где сейчас мой муж?.. Объясните мне всё-таки, что происходит?!»

«С ним всё в порядке. Скоро вы увидите. А происходит... — Миша ненадолго задумался, затем пристально посмотрел на Наташу. — Думаю, что кое-что уже могу рассказать... Дело в том, что разыскивается особо опасный преступник. И у меня есть подозрения, что у него есть свои, личные счёты к Дмитрию».

«Как — к Диме?! — услышав имя мужа, Наталья побледнела. — За что?!»

«За якобы совершённое преступление в отношении одной знакомой этого самого преступника»,

«Этого не может быть... — Наташа энергично замотала головой. — Димка совершил преступление?! Какое?! Когда?!»

«Я уверен, что это — ложная информация. Но преступник об этом не знает. Поэтому, пока идёт операция, вас и Дмитрия решено изолировать, как возможные объекты нападения... Это всё, что я могу сейчас сказать. Подробно — после...»

«Но зачем изолировать меня?!»

«На всякий случай».

...Чайник вскипел, и Михаил позвал Наталью на кухню. От ужина она отказалась наотрез, как и от предложения выпить коньяку — увидев в холодильнике начатую бутылку, Миша хлебосольно выставил её на стол.

«Нет, спасибо... — усмехнувшись, Наташа качнула головой. — Я вообще не люблю алкоголь, а сегодня ещё и банкет...»

«Жаль... — Михаил с сожалением развёл руками. — Сегодня всё же мой праздник... А мне тоже нельзя, я за рулём...»

«А знаете... — увидев, что он собирается убрать коньяк назад, Наташа неожиданно остановила его жестом. — Мне, пожалуй, налейте... Одну ложку».

«Ложку?! — Мясников удивлённо посмотрел на девушку, потом — на бутылку. — А во что налить?..»

«В чай... — догадавшись, что неясно выразилась, Наталья невольно улыбнулась. — Это для разогрева связок...»

«А, если наоборот — ложку чая на чашку коньяка?..»

Их дружный смех на какое-то время снял напряжение.

«Вообще-то мне нужно было уложить волосы... — потрогав перетянутый резинкой «хвост», Наталья с сожалением вздохнула. — Теперь придётся что-то придумывать на ходу...»

«Так пожалуйста... — Михаил сделал жест куда-то в сторону. — Зеркало есть, расчёска тоже...»

«Боюсь, этого будет мало... Мне нужен стайлер... и лак».

«Что такое стайлер?..» — услышав незнакомое слово, Миша удивлённо застыл на месте.

«Ну, это такая штучка... — Наталья пальцами изобразила что-то наподобие щипцов. — Для завивки волос».

«Для завивки... — Мясников задумчиво почесал макушку. — Для завивки я знаю только

бигуди... мать пользовалась... Но Злате они как-то не нужны...»

«Злате?.. — теперь, в свою очередь, застыла Наташа. — Это — которая сейчас уехала с Димой?..»

«Да... — Миша неожиданно нахмурился. — Та самая...»

«Она — ваша жена?!»

«Ну, почти...»

«А-а... — на лице Наташи отобразилась непонятное для Михаила удовлетворение. — Понятно... Ну, да, у неё волосы сами по себе вьются... мне так показалось...»

«Правильно показалось...»

...Вспомнив о Злате, Миша резко посерьёзnel. Несмотря на то, что он успокоил Наташу, внутренняя тревога с каждым часом только нарастала... Упомянутая им «операция» на самом деле не была такой безобидной, как он её попытался изобразить. И Дмитрий, и Злата в любой момент могли оказаться в эпицентре событий... но самой Наталье об этом было лучше не знать. Во всяком случае — пока...

...Связь со Златой осуществлялась с помощью смс-сообщений, и после каждого из них Михаил передавал Наталье — всё хорошо. На её попытки узнать, где сейчас находится Дмитрий, он отвечал довольно туманно: «В безопасном месте».

«Зачем тогда этот маскарад? — Наташа кивнула головой на прихожую, где на вешалке висело пальто Златы. — Я спокойно могла быть вместе с ним...»

«Так надо...» — Михаил хотел ответить, что было принято решение не рисковать жизнью обоих супругов Морозовых, а разделить и приставить к каждому из них «охрану», но в последний момент передумал. Скажи ей сейчас, что для поимки Ковалёва задействованы все особые подразделения, и что именно поэтому он сам, лично, выступает в качестве телохранителя, а не сидит в засаде, у Натальи, того гляди, начнётся истерика...

...Из гостиной просматривался кусочек прихожей, и, устроившись в кресле, Михаил исподтишка наблюдал, как, расположившись перед зеркалом, его гостя завязывает на затылке затейливый узел. Очередное сообщение от Златы прервало это «вынужденное» занятие.

«Захвати ключ от моей машины».

«Где он?»

«В кармане».

Выйдя в прихожую, Михаил обшарил карманы Златинового пальто — никакого ключа в них не оказалось, о чём он тут же сообщил ей в коротком послании. Не прошло и нескольких секунд, как пришёл ответ...

«Посмотри в сумке».

Не понимая, зачем ей именно сейчас понадобился ключ от автомобиля, который к тому же находился совсем в другом конце города, Миша взялся за дамскую сумочку... Уже открывая молнию, вспомнил, что это теперь как бы сумка Морозовой, и обыскивать её самому неловко, тем более, он только что рылся у Натальи на глазах в «её» карманах..

«Злата ключ от машины потеряла... в карманах — нет... Наташа, посмотрите, пожалуйста, в её сумке?..» — протягивая сумку, Миша скорчил «виноватую» гримасу.

«Я?! — обернувшись от зеркала, Наталья смотрела удивлённо. — Нет... я не буду рыться в чужой сумке... Вы уж сами...»

«Да мне теперь как-то неловко... Наташ, ну, посмотри... — Михаил упрямо держал сумку на весу. — И давай уже на ты?..»

«Ну, давай... — вздохнув, Наталья открыла механический замок, потянула молнию. — В каком отделении смотреть?»

«Во всех...»

...О том, что никакого ключа от машины в сумочке нет и быть не может, Мишка догадался уже, когда Наташа обшаривала пальцами последнее отделение — он вдруг вспомнил, что утром сам проделывал те же самые манипуляции в поисках флэшки...

«Не-а... — Наташа подняла голову от сумки. — Никакого ключа нет, только влажные салфетки и тест...»

«Какой тест?..» — он спросил это, скорее, по инерции, всё ещё вспоминая сегодняшнее утро.

«На беременность».

«Тест на беременность?! — собираясь «в кучу», брови поползли к переносице. — А... покажи?..»

«Ну, вот... — Наташа достала уже знакомую ему коробочку. — Всё же надо было тебе самому... Как-то неловко получается...»

Мысленно обозвав себя идиотом, Миша снова вспоминал сегодняшнее утро... Ну, конечно, это была коробочка с тестом на беременность, и он держал её в руках! Более того — Злата это видела... Она ждала, что он догадается... в конце концов, он не раз видел телевизионную рекламу!..

...Ну, конечно... Злата обиделась. Ей было даже невдомёк, что он и внимания не обратил на эту «штуку»... видимо, решила, что просто сделал вид... И ключ от машины... ничего она его не потеряла, просто оставила у родителей. Тогда — зачем эти демонстративные поиски?..

...Действительно, идиот...

Михаил уже собирался набрать ответное сообщение, как мобильник засигналил сам.

«Мы на месте».

— Мы можем ехать, — Миша перевёл взгляд на Наташу. — Значит, не забудь. Подъезжаем не к торцу, а к центральному входу в отель, с противоположного крыла. Спокойно поднимаешься,ходишь... там тебя уже ждут. Проводят до самой гримёрной.

— А Дима?..

— А Дима уже там.

***

...Вечер был в самом разгаре. Театрализованное представление, устроенное Дмитрием и Натальей удалось на славу — поздравления, песни, искромётные шутки подняли настроение гостей и самих «молодожёнов» на невероятную высоту. И Анна, и Александр выглядели помолодевшими — на эти самые тридцать лет... Анне Сергеевне даже казалось, что на самой свадьбе не было так весело, как на этом долгожданном юбилее. Она напрочь забыла все тревоги, окунувшись в волны веселья, которого на сегодня было предостаточно.

Действительно, чего ещё было желать?.. Вечер состоялся... Все гости собрались... Переживания по поводу опоздания Наташи оказались напрасными — она сказала, что причина несерьёзная, и поэтому она расскажет обо всём завтра...

...И вообще — зря она так переживала. Их с Александром покой никто не собирается нарушать. Леонид не явился, впрочем, как и Мила... Завтра Анна позвонит ей, а сегодня... Сегодня и в правду — её день... Вернее — их с Сашей...

— Там что-то на улице происходит... — чуть ли не бегом преодолев зал, Нелли

плюхнулась на стул рядом с Анной. — Хотела выйти покурить, а там — менты кругом, не выпускают...

— Менты?.. — Анна удивлённо повторила редко употребляемое ею слово.

— Ну, да... полиция... Видно, что во дворе мигалки работают... Кричат что-то...

— Наверное, что-то случилось, — Александр поднялся со своего стула. — Пойду, посмотрю...

— Саша, не ходи!.. — Анна испуганно схватила мужа за рукав. — Мало ли, что там?..

— Наши-то все в зале?.. — Нелька обвела взглядом гостей — кто-то танцевал, кто-то сидел за столом, несколько человек разговаривали с музыкантами. Отработав свой сегодняшний репертуар, ребята включили фонограмму, и теперь могли свободно вздохнуть, а заодно присоединиться к застолью.

— Я что-то Димы не вижу... — Анна тревожно вглядывалась в небольшую толпу у эстрады. — Его нет...

— Может, он в гримёрке? — Александр пожал плечами. — Куда он денется?.. Наверное, с Наташей куда-то вышли. Её тоже нет.

— Я пойду, посмотрю... — сердце почему-то ёкнуло, все сегодняшние тревоги в одну секунду вновь навалились на плечи. Резко встав с места, Анна торопливо шагнула из-за стола.

...Ни в гримёрной, ни в туалете Дмитрия и Натальи не оказалось — Анна нарочно приоткрыла дверь мужской комнаты и позвала сына. В момент всплыли в памяти все странности сегодняшнего дня...

...Коридор был недлинным — Анна почти пробежала его за считанные секунды, чувствуя, как с каждым шагом душа наполняется ледяным холодом... Видимых причин для этого не было, в конце концов, то, что происходило за стенами здания отеля не могло иметь отношения к их мероприятию, да и мало ли что там происходило на самом деле?.. Всё было лишь со слов Нельки... Но что-то так и подталкивало её сейчас туда — на улицу...

— Сюда нельзя, — мужчина в форме полицейского неожиданно вырос перед ней, когда она уже подходила к дверям. — Выход через отель.

— Я сына ищу... — Анна смотрела на него умоляюще, — Его нигде нет... и невестки нет... Там что-то случилось?..

— Я ничего не могу вам сказать, — тот крепко прирос к месту, ни обойти, ни подвинуть. — Выход — через центральное крыльцо.

...Для того, чтобы выйти через центральный вход, нужно было преодолеть и этот коридор, и небольшой лестничный пролёт, ведущий в длинную, полупрозрачную галерею, соединяющую ресторанный комплекс с отелем, и новый пролёт — только уже вниз... затем — огромный холл самого отеля... Сердце билось раненой птицей, Анна даже забыла, что на ней туфли на высоком каблуке — случись бежать в них при других обстоятельствах, ведь не смогла бы... Но сейчас ею двигала какая-то неведомая сила.

...Она даже не заметила, что следом бежит Саша... Он что-то спрашивал у неё на ходу, но она не слышала его вопросов. Обогнуть здание и попасть на задний двор оказалось не сложно — если не считать скользкой дорожки. Оцепления как такового не было, лишь рассредоточенные по всему заднему двору полицейские в бронежилетах и с автоматами в руках — увидев Анну, один из них шагнул наперерез, но всё её внимание было приковано к тёмно-серой «пятнашке»...

В свете фонарей и фар было хорошо видно молодого мужчину, сидящего возле

забрызганного застарелой грязью автомобиля — прямо на снегу. Опираясь спиной на переднее колесо, он откинул голову вбок — длинные волосы рассыпались по левому плечу... Чёрная, с широким, характерным для сценического костюма вырезом на груди водолазка не оставила ни одного шанса для материнского сердца...

— Сыночек!.. — отталкивая от себя чужие, грубые руки, Анна всем телом подалась вперёд... Наверное, вся материнская любовь трансформировалась сейчас в силу, с которой она рванулась к сыну, не чувствуя ни холода, ни боли...

Она не слышала, как Александр что-то крикнул задержавшему её полицейскому, она даже не почувствовала, когда тот разжал руки и отступил в сторону... Не было ни шагов, ни расстояния, ни слепящего глаза света направленных на место происшествия автомобильных фар, ни людей в форме... Была только безжизненная фигура сына, сидящего на земле...

— Труповозку вызвали!.. — громкий голос одного из стражей порядка громко прозвучал откуда-то сбоку, видимо, в рацию. — Скорую тоже!..

— Димка... — упав рядом с женой на колени, Александр дрожащими руками схватил сына за плечи. — Димка...

Анна вдруг почувствовала, что не может говорить... Застыв окаменевшей статуей, она только смотрела и смотрела в родное до боли лицо... смотрела, боясь прикоснуться, убедиться в страшной правде...

— Успокойтесь... — кто-то тронул её за плечо. Ничего не понимая, Анна машинально повернула голову, посмотрела вверх... Из нескольких склонившихся к ней лиц сознание выхватило одно — по шевелящимся губам поняла, что голос исходит именно из них...

— Ты?! — она не могла и даже не пыталась вспомнить, кто этот человек... Но одно она знала точно — это именно тот, на кого сейчас нужно обрушить всю свою боль, своё горе, свою ненависть...

— Анна Сергеевна, успокойтесь... — видимо, желая ей помочь, мужчина подал руку, помогая встать. — Всё хорошо!..

— Это — ты?.. — не понимая значения его слов, Анна медленно поднялась на ноги, повернулась всем корпусом, вновь подняла остекленевший взгляд. — Это снова — ты?!

— Анна Сергеевна... — Мясников взял её за плечи, но Анна резким движением стряхнула его руки. Схватив за полы расстёгнутой куртки, она изо всех сил потрянула его несколько раз.

— За что?! — она смотрела ему прямо в глаза. — За что?! Он ни в чём перед тобой не виноват!.. Это же — ты сделал?! Да?! Ты хотел отомстить!.. Да?! Почему ты мне не отомстил?! Почему?!

— Анна Сергеевна... — Михаилу никак не удавалось вставить слово — женщина его не слушала, только сильнее трясла сквозь собственные выкрики.

— За что ты его убил?! За то, что родился от другой матери?! — истерика только разгоралась. — В чём его вина?! В том, что у него есть родной отец?!

— Аня!.. — отняв ухо от груди Дмитрия, Александр резко дёрнул жену за руку. — Аня, он живой!..

— Да живой он, живой!.. Миша, ну, скажи ты ей, наконец, что он живой!..

...Анна не слышала ни мужа, ни девушку, которая вдруг выросла как из-под земли... а, может, она и была рядом всё это время... просто молча наблюдала за происходящим, а сейчас вдруг принялась за чем-то уговаривать Анну, что всё будет хорошо... Девушка была с длинными белыми, как у Наташи, волосами и одета как Наташа — в белую норковую

шубку... Но это была не Наташа... Она что-то говорила ещё, но Анна Сергеевна не могла распознать смысла её слов.

Она и слышала всё, что говорили окружающие её люди, и не слышала... Ей казалось, что все звуки сливаются в единый, общий гул, который заполняет собой всё пространство... Этот гул имел физические формы и даже цвет... Последнее, что зафиксировало сознание, перед тем, как отключиться, был голос Наташи — настоящей Наташи...

— Анна Сергеевна, Дима спит!.. — голос выбивался из общего гула и звучал чётко и ясно. — Слышите?! Он просто спит!..

***

— Спасибо, капитан! — руководитель операции, полковник из следственного комитета первым протянул руку. — Если бы не ты, мы, пожалуй, ещё бы за ним погонялись.

— И вам спасибо, — ответив на рукопожатие, Михаил улыбнулся. — Всё же на один труп да меньше.

— Если не считать Ковалёва... Впрочем, пожизненное ему обеспечено. Можно приравнять к трупам...

— Главное, что сдал адрес с заложницей.

— И с этим повезло... — полковник согласно кивнул. — Свидетель твой немного подвёл, но... Мы же профессионалы. Кстати... — он направил на Михаила пытливый взгляд. — Слышал я, Кравчук на тебя бочку катит?..

— Послышалось, товарищ полковник, — подумав, что одной «бочкой» теперь не обойдётся, Миша, тем не менее, весело усмехнулся.

— Молодец! — собеседник шутливо хлопнул Мясникова по плечу. — Ну, если что... приходи к нам, в комитет. Мне такие люди нужны.

— Спасибо, товарищ полковник. Я подумаю.

...Больше всего сейчас беспокоила Злата... Ведь, если его догадки были верны, сегодня он рисковал не только любимой женщиной, а и собственным ребёнком. Конечно, изначально сценарий был другим, менее опасным... Но неожиданно всё пошло не по плану.

Автомобиль, который ещё днём заметил барабанщик Морозова, был зафиксирован несколькими камерами наблюдения, расположенными и на загородной трассе, и в черте города, поэтому отследить его передвижение не составило особого труда. Главное, чтобы преступники не поменяли транспорт на какой-нибудь другой... Но с этим обошлось — всё же финансовые и физические возможности Ковалёва были крайне ограничены. Всё, что давало ему фору до сих пор — ловкость, удача, хорошо отработанный план и попустительство правоохранительных органов в лице представителей прокуратуры.

...Миша с самого начала знал, что ему не под силу лично поймать преступника... Запрет на все действия со стороны руководства отбирал у него возможность следить за Ковалёвым, чтобы поймать на месте преступления, а без этого для задержания не было никаких причин. Решение обратиться к коллегам из следственного комитета, так же заинтересовавшимся этим делом, зрело давно, и исчезновение Кристины Лапиной послужило главным поводом...

План был составлен быстро, и требовал немедленного воплощения — Лапина находилась в руках Ковалёва, и счёт шёл на часы... Михаил рассчитал всё правильно. Желая оттянуть расправу, Кристина могла добавить в список «жертв» ещё одно имя — Дмитрия Морозова. Предположения о том, что проверять информацию Ковалёву некогда, и теперь он будет охотиться за Морозовым, подтвердились... Тёмно-серая «пятнашка» была замечена и у

творческого центра, и затем — у ресторанного комплекса... Напасть на Морозова было удобнее всего в вечернее время, а юбилей его родителей как нельзя лучше играл на руку — на таких мероприятиях люди выпивают, и исчезновение одного из участников банкета будет замечено не сразу, даже если это и сын юбиляров. Место и время Кристина знала — она видела присланное отцу приглашение.

Однако опытные следаки решили предусмотреть все варианты: сразу же за Морозовым было установлено наблюдение, и приставлен «телохранитель» в виде старшего лейтенанта Алексеевой. То же самое касалось и Натальи — её Михаил попросту спрятал в своей квартире, до назначенного часа...

За день ничего не случилось, значит, именно вечер предполагал быть наполненным событиями.

...Всё должно было идти по плану... «Пятнашка» уже стояла на парковке в соседнем дворе, готовая в любую минуту сорваться с места, Дмитрий и Наталья давали концерт для родителей и их гостей, бойцы спецназа заняли наблюдательные позиции...

...Инструкцию нарушил сам Морозов. Решив ответить на телефонный звонок, он так увлёкся разговором, что забыл о предупреждении — не выходить на крыльцо без «сопровождения» и, тем более, без предупреждения. Более того, чтобы смех куривших на крыльце людей не мешал разговору, он спустился по ступенькам и зашёл за угол...

— Чёрт... — вспоминая сегодняшнее «приключение», Злата медленно покачала головой из стороны в сторону. — Я как заметила, что он выходит, чуть без парика за ним не кинулась.

...Они с Мишей только что вернулись домой, и оба не могли прийти в себя — каждый по своей, собственной причине. За окном бушевала ночь — первой, настоящей метелью заметая остатки поздней осени... Мишке вдруг подумалось, что эта, сегодняшняя, ночь расколола его жизнь на две половинки. Всё, что было раньше, осталось там, во вчерашнем дне, с грязно-снежными лужами, с одинокими, ветхими листиками на чёрных, голых ветвях деревьев, с сиротливо проглядывающей сквозь тонкий снежный слой травой на газонах... А новое — вот оно, только начинается... белым покрывалом устилает землю, дома... Он не знал, почему ему кажется именно так, ведь ничего не изменилось по большому счёту...

— Злата... — присев перед ней на корточки, Михаил взял в руки маленькие женские ладошки. — Почему ты мне ничего не сказала?..

— Я только боялась, что они будут стрелять... — она как будто не слышала его вопроса. — Думаю, ну, пусть оглушат... пусть артерию пережмут... Но только не стреляют... Слава Богу — просто усыпили...

— Почему ты мне ничего не сказала?.. — он пытался поймать её взгляд, но безуспешно — как будто нарочно, Злата смотрела то в одну сторону, то в другую, то просто — в ночное окно.

— Ребята молодцы... — она продолжала свой монолог. — Успели вовремя... они его только до машины дотащили... А ты тоже... Анна Сергеевна... Анна Сергеевна... Надо был сразу ей говорить, что сын жив, а не успокаивать, что всё хорошо... Она же — мать, у неё шоковое состояние... Хорошо, хоть жена в панику не ударилась, побежала нашатырь искать, всем пригодился... Кстати... — чуть прищурился глаза, она наконец-то посмотрела на Михаила. — Как я тебе в белом парике?.. А в шубке?..

— Ты ответишь на мой вопрос, или нет?..

— Ты о чём-то спрашивал?!

— Там, в твоей сумке, тест на беременность... Это о чём-то говорит?..

— Наконец-то ты его заметил... — Злата грустно усмехнулась. — Не прошло и года...

— Да я не знал, что это — тест на беременность! Мне Наташа сказала...

— Ах, вот как... — услышав имя Натальи, Злата вдруг изменилась в лице — по нему пробежала тень усмешки. — Ты спрашивал у неё?..

— Нет... она искала ключ в сумке, и увидела... с казала, что это — тест.

— Даже так... — резко оттолкнув его ладони, девушка встала и, пройдясь по комнате, вновь застыла напротив — со сложенными на груди руками. — Кстати... Чем вы тут занимались?..

— Ничем... — он недоумённо пожал плечами. — Чай пили... разговаривали...

— А коньяк?.. — Злата недвусмысленно кивнула в сторону кухни. — Ты забыл убрать коньяк в холодильник...

— В чай добавляли...

— Она в зеркало смотрелась?..

— Смотрелась... — наблюдая неожиданный приступ ревности, совершенно несвойственной для Златы, Михаил невольно улыбнулся и решил подлить масла в огонь. — И расчёсывалась, и красилась... я бигуди предлагал, но она отказалась...

...Поджав губы, Злата какое-то время ходила по квартире — неторопливо, как бы о чём-то раздумывая. Сидя на диване, Михаил с любопытством следил за её передвижениями. Наконец, вернувшись в гостиную, девушка уселась в кресло напротив и закинула ногу на ногу. Вид у неё был крайне решительный, и Мишка предпочёл молча дожидаться, когда она заговорит первой.

— Вот что, Мясников... — она опустила взгляд, но тень какой-то непонятной обиды читалась даже сквозь ресницы. — Я уже поняла, что от тебя ничего не дождёшься, поэтому скажу всё сама...

— А давай не так официально... — поднявшись, он снова подошёл к ней и уселся на корточки. — И не здесь...

— Я — беременна, Миша. И, хочешь ты этого, или не хочешь, а я буду рожать. Я сказала об этом Дашке... теперь говорю и тебе. Делай, что хочешь. Жениться я тебя не заставляю, и держать насильно — тоже не буду. Но и скрывать, что это — твой ребёнок, я не собираюсь. Мы с тобой не маленькие дети, знали, во что игрались. Поэтому, делай, что хочешь... а ребёнка я себе рожу.

— А я на тебе женюсь...

Глава 19.

Раннее утро пятьдесят третьего дня рождения оказалось на редкость холодным — это Виталий Мясников почувствовал ещё за секунду до пробуждения. Сбившееся одеяло говорило о том, что ночью он снова ворочался от приступа ноющей, тупой боли, которая преследовала его в последнее время. Сейчас боль прошла, но тело покрылось гусиной кожей — температура воздуха в его спальне явно была ниже привычной. Нехотя открыв глаза, он первым делом натянул на себя тёплое одеяло, затем повернул голову в сторону лоджии: ну, конечно... Дверь открыта чуть ли не нараспашку — это в ноябре-то месяце!

Значит, заходила Изабелла... Она любила вставать ни свет, ни заря, и Виталию иногда казалось, что количеству её энергии просто не хватает часов в сутках, чтобы выплеснуться полностью. Открывать настежь окна и двери — её дурацкая привычка, и никакие его уговоры и доводы никогда не действовали на своенравную — до деспотизма — супругу.

...День предстоял насыщенный — поздравлениями, подарками, светским общением... Однако, несмотря на приятные события, встать вовсе не хотелось, тем более — вылезать из-под тёплого одеяла в остуженную морозным ветром комнату. Виталий подумал, что времена, когда предстоящий праздничный день начинал волновать ещё с вечера, давно канули в лету. Ещё в самом начале их московской жизни ему было приятно и лестно начинать день рождения с поздравлений от «высоких» лиц, которые теперь составляли его основное окружение, а вечером видеть их на банкете, беседовать, чувствовать себя на равных с теми, кто вершит законы и судьбы страны.

Позже оказалось, что протокольные праздники невероятно скучны на самом деле. И даже выступления знаменитых артистов, ангажированных на вечер, вошли в привычку — те, кого раньше он видел только на экране, вблизи выглядели довольно обычно, чаще всего проигрывая своему телевизионному образу. Видимо, и у них за долгие годы шаблонных выступлений вырабатывался стойкий иммунитет к подобным мероприятиям — заученные движения, слова, манеры... И — ни одной настоящей искры.

...Впрочем, сказать, что Виталий был недоволен своей жизнью, значило бы крепко покривить душой. Это и была именно та жизнь, которой он добивался всю свою молодость — добивался на уровне подсознания, как будто заранее зная, что успех обязательно придёт.

И успех пришёл. Заместитель генерального директора одного из крупнейших агрохолдингов, охватывающего своей деятельностью добрую половину страны, а с некоторых пор и его учредитель — ещё несколько лет назад тогда ещё молодой Виталий Мясников даже не мечтал о таком взлёте.

Огромная, двухуровневая квартира в одном из элитных районов Москвы, с целым штатом прислуги, личным водителем и поваром... огромный офис в полупрозрачном небоскрёбе... новые — высокие — знакомства... зарубежные партнёры... и — счета... счета с набором выстроившихся в широкую шеренгу цифр. Такой социальный статус стоил дорогого — и несостоявшейся любви, и чужих, загубленных судеб, и стареющей на глазах шестидесятипятилетней супруги. Изабелла Юрьевна всё ещё «молодилась» — она была худощава, даже стройна — для своих лет, и без конца ложилась под нож пластического хирурга, с каждым разом всё больше и больше превращаясь в фарфоровую куклу с неестественно большим ртом, обрамлённым натянутой, как барабан, кожей.

Спрятанное под макияжем омоложенное лицо в обрамлении тёмно-каштановых прядей смотрелось гораздо живее, чем лишённое грима — по утрам, за завтраком, Виталий старался не смотреть в сторону супруги, ловя себя на мысли, что ему приятнее было бы видеть естественные морщинки под глазами Изабеллы, чем эту гладкую, до блеска, загорелую кожу.

Супруга без конца летала на дорогие заграничные курорты, и естественный загар не сходил с неё круглый год. Но особенно неприятно было видеть на фоне этого «юного» лица старушечьи, сморщенные руки... Кисти рук неумолимо выдавали истинный возраст женщины, и поделаться с этим было нельзя ничего. Руки — единственная часть тела, которую не могут омолодить самые крутые пластические хирурги... И никакие массажи, никакие крема, никакие средства ухода и регенерации не способны вернуть женским рукам юный, свежий вид... Само по себе — это явление вовсе не пугало Виталия, и не отталкивало... Но нелепый контраст лица и рук вызывал внутреннюю неприязнь.

...Впрочем, в последние пять лет они мало времени проводили в обществе друг друга, если не считать работу. В первые годы их совместной жизни Виталий постоянно чувствовал контроль со стороны Изабеллы, её постоянное присутствие, но сейчас она, наконец-то,

оставила его в покое, спокойно уезжая в отпуск или командировки в одиночестве. Правда, сам Виталий мало радовался такой «свободе»: он знал её причину, и причина эта была, увы, не радостной — для него самого в первую очередь.

«У вас простатит... — доктор, светило урологии, поднял на Мясникова серьёзный взгляд. — Запущенная форма. Что ж вы так поздно-то обратились?..»

Он и сам не знал, почему обратился так поздно — когда все признаки дружно посыпались наружу. Вечная занятость, самоотверженная отдача работе, бизнесу — всё, что вызывало искреннее уважение как у партнёров, так и у конкурентов, сыграло во вред не только здоровью, но и образу жизни. Изабелле Виталий не изменял — пункт в брачном договоре навсегда отводил его от постороннего женского общества. Согласно этому пункту, в случае измены Мясников лишался права на раздел имущества и, естественно, бизнеса. Он лишался права абсолютно на всё, чем владела не только Изабелла, но и он сам. Подписав себе такой «приговор», он ещё долгое время мучился отсутствием разнообразия женских прелестей... Он старался удовлетворять свои желания лишь со своей супругой, настолько страх потерять всё оказался силён... Но, если в первые годы та была абсолютно довольна и его сексуальным здоровьем, и его «изобретательностью», то, перешагнув пятидесятилетний рубеж, стала понемногу остывать. Видимо, сказывался и сам возраст, и возрастные изменения в организме — у кого-то из женщин климакс вызывает усиленное желание, а у кого-то, напротив, желание это подавляет. Видимо, это и был случай Изабеллы Юрьевны — к пятидесяти пяти годам она стала почти фригидной, и Виталию стоило немалых сил, чтобы добиваться её близости. Он злился, изводил себя пустыми фантазиями, не понимая, как такая женщина, которая ещё недавно сама не давала ему проходу, теперь только отворачивается и лениво просит оставить её в покое.

Ходить «налево» — пользоваться услугами проституток — Виталий боялся. Несмотря на охлаждение, Изабелла продолжала контролировать каждый его шаг. Он чувствовал себя пойманным на крючок — деньги и власть оказались бесполезными... Пункт брачного договора всегда стоял у него перед глазами, перечёркивая все его неограниченные возможности... Ещё не старый организм требовал удовлетворения желаний, но удовлетворять их было не с кем...

...Мясников знал: с Изабеллой так, как с другими — нельзя. Это был именно тот случай, когда нет исключений. Любая интрижка была бы тут же раскрыта... Он в душе смеялся над собой — это был смех с примесью горечи и злой иронии. Любой менеджер в его многоэтажном офисе мог запросто в обеденный перерыв разложить на столе любую из согласных на это «приключение» сотрудниц... А он — верховный бог всего этого предприятия был в праве лишь облизнуться на выпуклости собственной секретарши... Потому, как знал: Изабелла в курсе каждого его шага и жеста, она постоянно где-то рядом, и в любой момент может войти в кабинет или подослать доверенного человека. Этот страх переступить запретную черту буквально вжился в сознание Виталия...

...Всё произошло неожиданно. Снизопедшая в очередной — нечастый — раз до любовных утех Изабелла была крайне удивлена несостоятельностью своего тогда ещё сорокашестилетнего супруга... Сам же Виталий был в панике — такое с ним случилось впервые в жизни! После двух месяцев воздержания — полный провал... Он ещё долго чувствовал неловкость — вперемешку со злостью... Правда, следующий раз имел успех, но успех этот был каким-то перманентным...

К его удивлению, Изабелла не очень-то огорчилась сбоям в работе мужского организма.

Виталий попытался получить у неё совет — к какому из докторов лучше обратиться, но она как-то легкомысленно отмахнулась, сославшись на другие заботы. Забот, действительно, хватало, и Виталий и сам на какое-то время «забыл» о своей проблеме, а потом закрутили новые дела, и визит в клинику отложился на долгий срок. Изабелла его не тревожила, а сам он уже боялся проявлять инициативу. К врачу попал, лишь когда начались регулярные боли в области паха...

...Поставленный диагноз был до неприличия банален: простатит. Довольно распространённое заболевание среди мужчин его возраста... Но почему оно возникло именно у него? Ведь он никогда не болел венерическими заболеваниями, не злоупотреблял алкоголем... не менял партнёров в последние годы... Самым ужасным оказалось то, что назначенное лечение имело лишь поверхностный эффект. То есть, эффект Виталий ощущал — просыпаясь ночью... но применить его не мог — Изабелла теперь жила в отдельной комнате. Она перебралась туда как-то незаметно, оборудовав себе уютный будуар с мягкой мебелью, телевизором, компьютером и собственной ванной... Виталий пробовал ходить к ней ночью, но она была недовольна — он мешал ей выспаться.

Однажды, не выдержав, он решил поговорить с ней на повышенных тонах, дав понять, что он всё-таки мужчина, и ещё далеко не старый.

«Талик, угомонись... — Изабелла попыталась наморщить натянутое как тугий барабан лицо. — Ты же видишь, как я устаю. В конце концов, надо думать о делах. Будет время для отдыха — тогда и расслабимся. А пока — закажи себе массаж...»

Услышав совет, Виталий только усмехнулся. Массаж он принимал регулярно — в сауне, куда ездил с партнёрами по бизнесу. Там же приходилось изображать из себя довольного жизнью «верного» мужа, отказываясь от «девочек». Все знакомые уже привыкли к его табу, и делали вид что всё правильно. Однако, Виталий постоянно чувствовал свою ущербность — оставаться не удел, когда кругом полно самых изысканных жриц любви... Сам над собой смеялся, но табу не нарушал.

Сейчас же вдруг ужасно захотелось наплевать на все запреты, нарушить все обеты...

...Приглашению одного из новых приятелей слетать в Сибирь на охоту он вдруг обрадовался как никогда. И охотником-то не был, а вот тут — такая возможность вырваться из-под цепкого глаза Изабеллы... Скажи кому — засмеют, а вот ведь вляпался на всю оставшуюся жизнь. По счастливой случайности сама Изабелла засобиралась на заграничный курорт — в этот раз одна. Виталий даже не стал удивляться — почему, так был занят собственной поездкой и открывающейся перспективой оттянуться за всё время вынужденного монашества.

...Однако, «охота» и в этот раз не удалась... Вернее, удалась лишь основная часть — лось был подстрелен, баня готова. Когда, уединившись с одной из «банщиц» в уютной комнатке, Виталий уже лицезрел обнажённые женские прелести, он вдруг с ужасом для себя осознал, что самому ему лучше не обнажаться... и обёрнутая поверх бёдер махровая простыня — сейчас лучшее средство защиты от мужского позора...

Не помогли ни осязания, ни поцелуи — очередной провал был налицо. Видимо, привыкшая к подобным явлениям у vip-клиентов девушка взяла инициативу — буквально — в свои руки, и не только... Примерно через час, измучившийся больше своей партнёрши Мясников отправил, наконец, её восвояси... удовлетворившись лишь намятым до боли в кистях крепким женским молодым телом...

...Ему уже было всё равно — узнает ли о его несостоявшейся измене Изабелла... И.

похоже, волноваться и впрямь не стоило. То ли она и вправду не узнала, то ли ей самой уже было наплевать, но эта «охота» никогда не обсуждалась супругами... Как и заграничный курорт.

Вскоре Изабелла и вовсе сняла с Виталия всякое наблюдение. В нём больше не было смысла... Судя по всему, Изабеллу совершенно не заботило, что супруг превратился в импотента. Она с головой была погружена в бизнес, при этом всё чаще и чаще заговаривая о том, что им нужен преемник. Вначале Виталий удивлённо слушал рассуждения супруги — он был ещё не стар, и, если не считать проблем физиологического характера, на здоровье не жаловался. Однако Изабелла нешуточно озаботилась мыслью — кому передать со временем дело всей её жизни. Она вдруг вспомнила о том, что у неё есть родственники, и, после долгих размышлений вслух остановила свой выбор на племяннике Ростиславе, сыне своего родного брата, живущего в другом городе.

«Выписанный» из провинции Ростислав оказался молодым, довольно неглупым и пронырливым человеком, недавно окончившим местный политех. Он ужасно обрадовался неожиданному вниманию тёти-«олигархини», и теперь с удовольствием исполнял роль любимого племянника. Ростик — как называла его сама Изабелла, приехал в Москву около года назад, и тётя поселила его в своей квартире — на первом этаже.

Первое время Виталий относился к новоиспечённому племяннику с долей иронии — мало ли, что взбрело в голову заскучавшей супруге?.. Пообщается, да и отправит Ростика назад, в провинцию, ну, или, в крайнем случае, даст ему должность в каком-нибудь филиале. Но его предположения оказались верными лишь отчасти: должность Ростик получил, но не в филиале, а в головном офисе, и должность немалую. Попытки Виталия вразумить супругу, ссылаясь на абсолютное отсутствие опыта и квалификации юного родственника, успеха не возымели.

«Вспомни себя! — в ироничном взгляде Изабеллы была скорее родственная любовь, чем здравый смысл. — Ты тоже понятия не имел, чем мы тут занимаемся, а — вот, глава такой корпорации!»

«Извини, но у меня был опыт работы, какие-то понятия, да и лет мне было побольше! — не ожидавший проявления такой легкомысленности от своей расчётливой в любых мелочах супруги Виталий зашёлся от возмущения. — Он — зелёный пацан!.. Ему с самых низов начинать надо, а ты сразу — в управление!..»

Споры не привели ни к чему: Изабелла настояла на своём, и Ростислав занял место в одном из ведущих отделов. К нему приставили работника, обучающего азам производства и управления, и это стоило фирме немалых денег. Но тётя ничего не жалела для своего племянника. Она совершенно отошла от Виталия как жена, но буквально требовала от него отцовских чувств к Ростиславу.

***

— Виталий Иванович!.. — заглянувшая в спальню горничная мило улыбалась. — Изабелла Юрьевна просила вас разбудить!

— Спасибо, Маша, я уже не сплю... — Виталий едва кивнул девушке и снова закрыл глаза.

— С днём рождения, Виталий Иванович!

Нехотя откинув одеяло, Мясников сел и свесил ноги с кровати, повернул голову к встроенному над изголовьем зеркалу. Его фигура заметно огрузнела, лицо приобрело округлость, но отнюдь не казалось румяным — напротив, по утрам теперь оно отличалось

крайней бледностью — то ли от недосыпания, то ли от болезни.

Истинной болезни он не знал — ну, не от простатита же бледнеть... а чувство недосыпания стало уже привычным... Оно преследовало его не первый месяц. И не только боли были тому виной. Его общее состояние явно ухудшилось, он чувствовал это с каждым днём всё явственнее. И быстрая утомляемость, и разбитость, и удручённое настроение — все эти факторы появились как-то незаметно, и теперь овладели его организмом в полной мере, диктуя собственные правила.

— Талик!.. — звонок от Изабеллы раздался через несколько секунд. — Ну, где ты?! Мы тебя ждём в столовой!..

— Сейчас спущусь...

Отключившись, Виталий раздражённо бросил телефон на кровать. «Талик»... Это обращение, придуманное Изабеллой, буквально бесило. Появилось оно вместе с поселившимся у них племянником — «Ростик», «Талик»... казалось, что Изабелле ужасно нравится вот так называть своих мужчин, и вообще — нравится увеличение численности их семьи. Возможно, что виной тому был нереализованный материнский инстинкт; так или иначе, забота о племяннике теперь занимала её гораздо больше, чем все остальные домашние дела. Изабелла буквально упивалась ролью любящей тётки, совершенно не обращая внимания на реакцию супруга.

В отличие от неё, Виталий прекрасно видел и лицемерие, и хорошо прикрытую иронию, и чрезвычайную угодливость Ростислава — тёмно-карие глаза под чёрными как смоль, кудрявыми прядями волос буквально поедали тётушку; узкие, растянутые в полуулыбке губы расточали комплименты и благодарности; руки всегда были готовы подхватить под локоток, усадить, помочь подняться...

Молодой человек чрезвычайно раздражал Виталия, но говорить об этом с самой Изабеллой было бесполезно.

...Завтрак втроём ознаменовал начало праздничных мероприятий — это чувствовалось и по приготовленным блюдам, и по тарту, водружённому горничной на стол сразу после основной еды. Ел Мясников без особого аппетита — он давно уже ощущал дискомфорт во время принятия пищи, но списывал это на общую усталость. Этот год дался ему нелегко — были проблемы и с партнёрами, и с конкурентами: всё приходилось решать ему. Теперь же, когда основные тревоги остались позади, организм давал сбой за сбоем.

— Ты плохо спал? — дождавшись, когда Ростислав после чаепития покинет кухню, Изабелла бросила на мужа пытливый взгляд. В этом взгляде не было особой озабоченности — скорее любопытство.

— Нормально, — Виталий не был расположен к обсуждению своего сна.

— Знаешь, я решила сделать Ростика начальником отдела... — Изабелла тоже решила больше не муссировать эту тему и перешла к другой. — Как тебе такой подарок?

— Подарок? — Мясников недоверчиво усмехнулся. — Кому — подарок?.. Мне?.. Или — ему?..

— Не цепляйся к словам. Подарок — нам всем. Мальчик очень способный, И зря ты его не любишь.

— Я обязан его любить?.. — Виталий поднял на супругу удивлённый взгляд. — Ему вполне хватает и твоего обожания.

— Талик!..

— Прекрати называть меня этим чёртовым Таликом!.. — Мясников раздражённо

бросил чайную ложечку на стол. — Я же просил!..

— Ну, хорошо... — Изабелла обиженно поджала губы. — Но я всё равно не понимаю, почему ты ведёшь себя так с Ростиславом?!

— Как — так?!

— Так — отчуждённо!

Мимолётный взгляд, брошенный на рассерженную супругу, заставил посмотреть на её ещё раз — пристально и удивлённо... Зрение не обмануло — подбородок Изабеллы и в самом деле задрожал, а из глаз совершенно неожиданно выкатилась одинокая слеза. Это было так не похоже на уверенную в себе, железную даму, что Виталий недоумённо застыл.

— Ты чего?.. — он резко сбавил тон. — Бела... ты чего?!

— Неужели ты не понимаешь?.. — она громко шмыгнула носом и потянулась за салфеткой. — Неужели ты меня не понимаешь?!

— Ну, что?.. Что именно?..

— У меня никогда не было детей... — ещё одна слеза предательски скатилась по гладкой щеке. — У нас с тобой нет детей... И, вдруг — этот мальчик...

— Какой же он мальчик?.. — Мясников снова усмехнулся, но на этот раз осторожнее. — Двадцать четыре года...

— Для меня он — мальчик... — Изабелла промокнула слёзы салфеткой. — Это же так здорово — ощущать себя семьёй... заботиться о ребёнке... Да-да! Для меня он — ребёнок... Он — умный, всё хватает на лету... Ростик именно тот, кто нам нужен. Неужели ты не понимаешь?! У нас всё равно с тобой вариантов нет. Для кого мы живём?!

— Он тебе нужен, а не нам, — Виталий нахмурился и опустил взгляд. — И вообще... Странно, что тебе только сейчас это пришло в голову.

— Мне уже давно приходило... — Изабелла, наконец, окончательно справилась с собой. — Но детей-то нет... Ни у тебя, ни у меня...

— Как это — у меня нет?.. А Мишка?

— Мишка — не твой сын, — супруга подняла на него свой обычный, пронзительный взгляд и чуть прищурилась. — Я говорю о родной крови.

— Какая разница? — Виталия задел её тон, и он решил не сдаваться.

— Огромная. Дело передавать нужно только родным преемникам. Ростик — тоже Лозинский. Я хочу оставить не только дело, но и свою фамилию в этом деле. А твой Мишка... — Изабелла чуть смягчила голос. — Он не может иметь никакого отношения к тому, что построено моими руками. Ты должен меня понять. Не моя вина, что у тебя нет ни родных детей, ни родных племянников.

— Хочешь сказать, что я здесь — никто?..

— Я этого не сказала... — Изабелла легко выдержала тяжёлый, «бычий» взгляд супруга. — Но я определилась насчёт Ростислава. И мнения своего не поменяю. Владеть бизнесом после нас будет только человек по фамилии Лозинский. А сейчас — пошли собираться. Пора выезжать.

***

Самым приятным в этот день оказался звонок от Михаила — кажется, впервые в жизни Виталий почувствовал родную душу, хотя бы со своей стороны. С сыном он общался редко — всё сводилось к звонкам в дни рождений его и Мишки. Виталий сам обрубил все концы — ещё тогда, много лет назад, когда окончательно сделал свой выбор. Женившись на Изабелле, он практически свёл общение с Мишей на нет. Не было ни времени — так ему

казалось потом — ни стремления самого мальчика. Как будто понимая, что Виталию не до него, Миша тихо отошёл в сторону. Он не искал с ним встреч, ни о чём не просил, он вообще не обращался к отцу за помощью. Несколько раз Виталий переводил ему деньги на учёбу, но сын ими так и не воспользовался, лишь благодарил. Снова общаться они начали, когда Миша окончил академию — видимо, переполненный радостью, он сам позвонил отцу и с гордостью объявил, что идёт работать в уголовный розыск.

С тех пор они перезванивались — дважды в год... Но в этот раз звонок сына стал настоящим подарком — Виталий почувствовал, что готов пустить скупую мужскую слезу... Роднее Миши у него никого не было. Изабелла была права — ни сестры, ни брата, ни племянников... Ребёнка, рождённого бывшей служанкой Фаиной от отца, глупо было считать родной кровью — она никак не могла родить его от умирающего старика, и последняя воля Ивана Михайловича, по которой тот завещал считать это дитя его собственным, окончательно обрубилла все корни, связывающие Виталия с семьёй.

...Миша никогда не был у него дома, хотя Виталий и приглашал в гости. Это были дежурные приглашения — из вежливости, и Миша это понимал. Доставшаяся от природы деликатность не позволяла ему ни напрашиваться в родню, ни просить о какой-либо помощи... Сейчас, разговаривая с сыном, Мясников как будто впервые понимал, какой хороший человек — его Мишка... и как ему не хватает родной души... Не хватает, несмотря ни на полную чашу, ни на огромную занятость. Он вдруг подумал, что ни разу за эти годы не поздравил Михаила с профессиональным праздником, а ведь этот праздник — совсем рядом, за пару дней до его дня рождения... был буквально позавчера...

— Ну, как ты там?.. — выслушав поздравления, Виталий, решил поинтересоваться делами сына. — Всё ещё капитан?.. Или уже майор?

— Пока капитан, — тот рассмеялся. — Но начальство намекнуло...

— Отличился, наверное?

— Да было дело... — вспомнив события позавчерашнего вечера, Миша почесал затылок. — Но тут, если честно, два варианта. Либо уволят, либо майора дадут...

— Как это?..

— У нас бывает...

— Ну, а жениться?.. Не надумал?..

— Если честно, то... надумал. Но тут тоже два варианта.

— Две невесты, что ли?.. — Виталий удивлённо приподнял брови.

— Нет... — Миша снова рассмеялся в трубку. — Невеста одна. Но она пока думает...

— Ты, если что, скажи — денег дам, сколько надо. Только не стесняйся!

— Спасибо... сами справимся.

...Поговорив с Михаилом, Виталий вновь окунулся в привычную атмосферу. Назначенный на вечер банкет должен был вот-вот начаться, и он уже мысленно приготовился к дежурным поздравлениям и подаркам.

— Виталик... — подбежав к мужу, Изабелла горячо зашептала ему на ухо. — Берковичи подъехали... вот-вот войдут. Когда будут поздравлять, обрати внимание на их дочь!..

— Зачем?! — Мясников удивлённо уставился на супругу.

— Я хочу познакомить их с Ростиком!.. По-моему, замечательная пара получится...

— Ты что, хочешь сосватать дочь Берковича за Ростика?!

— Конечно! Это же вся банковская система нашего региона! Возраст, внешность... нам нельзя упускать такой шанс!

— А они-то захотят? Ростик пока — никто.

— Не язви. Ростик — наш наследник...

— Твой наследник.

— Наш наследник... — не сводя глаз со входной двери, из которой вот-вот должны были появиться новые гости, Изабелла упрямо повторила свои слова. — При чём — единственный кровный наследник, в цветущем детородном возрасте. Так что вопрос решён...

...Глубокой ночью, пытаясь уснуть, Виталий то и дело прокручивал в голове этот разговор с Изабеллой. Он никогда раньше не задумывался, для чего и для кого он живёт, работает, строит бизнес... Ещё не так давно он был полон сил и энергии, годы шли, но он их не ощущал... Всё произошло очень быстро — чувство усталости накатывало всё чаще и чаще, убивая прежний энтузиазм. Теперь же выходило, что последние пятнадцать лет он жил и работал на благо какого-то Ростика... который, судя по хватке, уже довольно прочно занял своё место в их корпорации и явно метит на самый Олимп...

...Выходило, что все жертвы были по сути напрасными. Всё, чем он владеет сейчас, он не сможет передать по наследству — даже Мишке... об этом позаботилась в своё время Изабелла. Да, она доверила своему молодому супругу управление и владение почти всем, чем владела сама... Но, согласно составленным документам, это движимое и недвижимое имущество принадлежало ему лишь в браке, и не могло быть унаследовано его родственниками. Что же касалось его собственного имущества, то оно было настолько ничтожным по сравнению с тем, чем он владел сейчас...

...Выходило, что все эти годы он отдавал себя делу без остатка, чтобы процветали родственники Изабеллы?! Впрочем, он знал об этом и раньше. Но, пока в их доме не появился этот Ростик, не задумывался о смысле жизни... Хотя, не Ростик — так появился бы кто-то другой. У Изабеллы два брата и сестра, и куча племянников. Она обязательно осчастливила бы одного из них, а то и всех вместе... Они же все — Лозинские!

Бессмысленность принесённых жертв отозвалась могильным холодом в душе... Возможно, это были последствия насыщенного эмоциями дня... Виталию сейчас было неважно. Важно было другое. Он — всего лишь придаток... Да, супруг, да, совладелец... Но — без права продолжения. Нет у него ни детей, ни внуков...

...И дело даже не в деньгах. Пятьдесят три года — это уже не сорок три... Это — довольно серьёзный возраст, когда пора начинать подводить итоги. А итоги, увы, не радостные. Голодная старость ему, конечно, не грозит... Денег хватит — до самой смерти. А дальше?.. Не станет его, и пропадёт на земле бесследно род Виталия Мясникова. Кто вспомнит про его бывшие заслуги в той же корпорации?.. да никто. Хорошо, если Изабеллу будут помнить. Но у неё хоть фамилия останется...

...Хотя, разве в фамилии дело?.. Хочется, чтобы осталась родная кровь. Ох, как хочется... Впервые в жизни — хочется, чтобы осталась частичка тебя самого... осталась сама и оставила после себя потомство — ещё десятки, сотни твоих частичек!..

...Но нет её, частички... нет. Миша — не родной, и его потомки будут носить лишь фамилию, но не родовые черты...

...А как хочется, чтобы — родной...

Глава 20.

— Талик, ты должен уделить Ростиславу несколько свободных вечеров, — безапелляционный тон Изабеллы давал понять, что спорить и ссылаться на какие-то

обстоятельства нет смысла, и что единственное правильное решение — покорно сказать «да».

— Зачем? — вскинув на жену вопросительный взгляд, Виталий невольно поморщился от накотившего приступа боли. Боль не прекращалась со вчерашнего вечера — она то накатывала, то отступала, давая небольшую передышку. Обычно к утру подобные приступы проходили, но утро уже наступило, а облегчение — нет.

— Не делай такое лицо! — Изабелла недовольно нахмурила ярко очерченные брови. — Почему я одна занимаюсь его образованием?! Ты тоже должен внести свой вклад. Просто поговори с ним, побеседуй... и не обязательно, как руководитель. Сделай это по-домашнему, по-отцовски!

— Ты и сама можешь сделать это... по-матерински...

Завтрак проходил вдвоём: Ростислав сегодня выразил желание уехать в офис чуть ли не на рассвете, и Изабелла решила воспользоваться этим обстоятельством, чтобы как следует «надавить» на несговорчивого супруга.

— Я и так с ним общаюсь постоянно, но нужен ещё и мужской подход. Ты должен, в конце концов, сблизиться с ним, этот мальчик — наше с тобой будущее! — непререкаемый тон был её главным коньком в искусстве вести любые беседы, но сегодня Виталий был явно не расположен к разговору.

— Это мы с тобой — его будущее... — его лицо исказила болезненная, скептическая усмешка. — Ты слишком идеализируешь роль своего племянника в нашей судьбе.

— Он — член нашей семьи! — Изабелла в сердцах шлёпнула ладонью о прозрачную столешницу. — Ты за год так и не привык к этой мысли! Талик!.. ты мне не нравишься в последнее время.

— А мне не нравится твоя идея усыновить Ростислава. Слишком уж великовозрастный ребёнок.

— А зачем нам сопляк?! Ростислав — идеальный вариант. У него есть высшее образование... а у нас есть время, чтобы сделать из него солидного бизнесмена. Талик... — супруга демонстративно вздохнула и чуть смягчила тон. — Сколько можно повторять... Детей у нас нет... Рано или поздно мы уйдём... Я хочу уйти спокойно, зная, что моё дело — в надёжных руках. А Ростик... Он удивительно способный. За этот год он постиг то, чего другие не могут постичь и за десять лет.

— Ещё бы... с таким-то стимулом...

— Не язви. К тому же... — Изабелла неожиданно улыбнулась — в глазах мелькнула непривычно тёплая искорка, — Он может подарить нам внуков...

— У него есть родители.

— Не-е-ет... — Изабелла медленно покачала головой. — Это будут только наши с тобой внуки... Разве тебе этого не хочется?..

Виталий не мог не согласиться: Ростислав, действительно, уверенно шёл в гору и давно перерос статусы и ученика, и стажёра. За довольно короткий период он научился свободно разбираться в теории ведения крупного бизнеса. Молодому человеку нужно было отдать должное: он был умён, достаточно изворотлив, не страдал излишней сентиментальностью и имел свой, собственный кодекс чести, состоящий всего из одного пункта: интересы дела превыше всех остальных интересов и принципов. Главная черта характера самой Изабеллы Лозинской проявилась в нём на генетическом уровне.

Осознав величину своей удачи, Ростислав полностью подчинил свою волю и свободу

«любимой» тётушке, которая к старости вдруг ощутила потребность иметь полноценную семью — с наличием наследника. В своё время Изабелла дистанцировалась от своей многочисленной родни, предпочитая не создавать прецедента делёжки заработанных ею средств. Но с возрастом её позиция изменилась. Наследник был просто необходим — в единственном числе.

Изабелла была уверена: Ростик вцепился в её идею всеми своими клешнями, и теперь воспринимает тётушкину корпорацию как свою собственную. А, значит, будет лезть из кожи вон, чтобы сохранить и преумножить...

...Заодно и одарит долгожданными внуками.

...Всё это было бы очень мило и похвально... если бы Ростик имел отношение к самому Виталию. Возможно, будь он его родным племянником, или — что ещё лучше — сыном, Виталий и сам бы воспринимал его способности с отцовским удовлетворением, не замечая никаких морально-этических недостатков. Но Ростислав не были ни сыном, ни племянником, и именно по этой причине в глазах Виталия все его деловые качества меркли, обнажая негативные черты.

Процесс отторжения был необратимым, и никакому «лечению» не поддавался.

— Ты меня слышишь?! — голос Изабеллы раздавался как из глухой бочки. Виталий и сам не заметил, как в глазах внезапно потемнело, тело бросило в жар. — Талик!.. Что с тобой?!

— Что-то нехорошо мне... — сделав глубокий вдох, Мясников медленно выдохнул и попробовал потереть виски — сознание немного прояснилось. — Бела, давай, потом... мне нужно лечь...

...Он не помнил, как оказался на диване в гостиной — судя по всему, подняться на второй этаж не смог, а донести его было некому, в квартире находились только женщины. Обморок был длительным — из забытья вывел голос приехавшего по вызову врача. Это был семейный врач, давно наблюдавший и Изабеллу, и Виталия. Посетовав, что Мясников не следует его рекомендациям и никак не решится на полное обследование, доктор купировал приступ инъекцией болеутоляющего средства и посоветовал немедленно ехать в одну из частных клиник.

Виталий и сам чувствовал, что его здоровье серьёзно подорвано, и что пора принимать меры. Возможно, он давно бы уже лёг на обследование, и без настойчивых рекомендаций доктора... Но присутствие Ростислава настораживало, особенно в последнее время. Изабеллу как подменили — всегда такая недоверчивая, не пускающая в свою жизнь посторонних, в том числе и родственников, она настолько привязалась к угодливому племяннику, что была готова отдать бразды правления ему хоть сегодня — во всяком случае, Виталию казалось именно так. Страх, что ему готовят замену, поселился в его душе сразу, как только он заметил, с каким настойчивым интересом этот молодой человек постигает все премудрости их дела.

Иногда Виталию казалось, что Ростислав роет землю копытом в ожидании своего часа... И этот час не за горами. А что, Изабелле уже шестьдесят пять... Через пять лет ей будет семьдесят — кто знает, как повернётся жизнь, и сможет ли она и дальше руководить холдингом. А что будет с ним?.. Оставит ли молодой преемник на посту своего ещё не престарелого, но уже не молодого дядюшку, учитывая тот фактор, что этот дядюшка вовсе не пылает к нему родственной любовью? Не приведёт ли Ростик свою — более молодую — команду?.. Слишком большие полномочия сулит ему Изабелла... И слишком малые права на

самом деле имеет он — Виталий. Акции?.. Но кому, как не ему знать, что оставить ни с чем можно любого человека. Для этого есть вполне законные пути. Так поступила с ним в своё время Изабелла... Так и он поступил вскоре со своим бывшим партнёром — Олегом Дзюбой, в конце концов вынудив того сдать свои акции холдингу — правда, не бесплатно... Но ведь — сдал!..

...А позже... Не он ли сам — под руководством Лозинской — банкротил уже другие предприятия, подгрывая их капитал под уже ставший своим холдинг?..

...Он отлично знает все эти схемы... как и то, что у него одна связующая нить — Изабелла... Но она подходит к серьёзному возрастному рубежу. Не станет её, не станет и его. Поэтому ему сейчас нельзя показывать свою слабость — болеть, лечиться... Он должен трудиться, бороться за своё существование.

Ведь здесь — весь смысл его жизни. Слишком велики были жертвы... Всё, что он положил к подножью пьедестала, давно развеяно ветром времени. Он не оставлял себе путей к отступлению.

— Ну, что, Виталий Иванович?.. — взгляд врача поверх очков был слишком серьёзным. — Едем в клинику? Дальше рисковать нельзя.

— Едем...

***

...Он ещё не помнил таких чёрных дней в своей жизни. Упавшая огромным, всё сокрушающим молотом новость придавила, отняла способность нормально дышать, есть, спать... Оказалось, что все прошлые проблемы — сущий пустяк по сравнению с тем, что случилось с ним сейчас... Вернее, случилось уже давно, но узнал он об этом слишком поздно.

«Главное — держитесь... — доктор медицинских наук, известный на всю страну онколог ободряюще кивнул резко побледневшему пациенту. — Диагноз — это ещё не приговор. Будем бороться».

«Каковы мои шансы?» — Виталий произнёс эти слова, едва разжимая губы.

«Шансы есть. Но от вас потребуются силы, в первую очередь — положительный настрой. Это — залог успеха... мы должны верить в победу».

Несмотря на поддержку врачей, вера никак не хотела селиться в сердце Виталия. Поставленный диагноз был сродни кодовому слову, парализовавшему всё его существо — не было сил ни говорить, ни двигаться, ни думать. Все дни, пока он ждал результатов анализов, Виталий много раз представлял себе подобное... Ему казалось, что даже самое страшное заключение не сможет выбить его из колеи.

Но оно выбило... выстегнуло... выкинуло из обычной жизни, поставив неумолимую преграду между «вчера» и «сегодня», и повесив туманную завесу между «сегодня» и «завтра».

Он пришёл в себя лишь спустя несколько дней — вернулась способность адекватно оценивать своё положение. Лечение предстояло длительное, тяжёлое. Теоретически прогноз был со знаком плюс... Но на деле мог случиться любой исход — об этом его предупредили сразу.

Из клиники Виталий уехал, как только закончились необходимые диагностические процедуры и был взят материал на исследование. В ожидании результатов он каждый день ездил в офис на работу, стараясь не думать о болезни, и иногда это получалось. Была надежда, и она грела... Сейчас этой надежды не было. Был только страшный, смертельный

диагноз и — неизвестность...

— Бела... — в один из вечеров Виталий зашёл в комнату супруги и присел рядом на широкую кровать. — Я останусь сегодня у тебя?..

— Зачем?! — оторвавшись от журнала, Изабелла подняла на него изумлённый взгляд. Затем, как будто догадавшись, что её вопрос звучит не очень уместно, торопливо поправила: — Ну, оставайся, конечно... Будешь спать?.. Или считаешь что-нибудь?..

— Поговори со мной?.. — он захватил ладонью её кисть, слегка потянул к себе. — Просто поговори?..

— Поговорить?.. — она недоумённо пожала плечами. — О чём?..

— О чём-нибудь... всё равно.

— Послушай, Виталий... — Изабелла всё-таки отложила журнал и приподнялась на постели. — Я понимаю, что тебе сейчас тяжело. Моя мать тоже болела раком, я помню, как она мучилась. Но ты же мужчина... Ты должен взять себя в руки! Лечение только началось, к тому же... я предлагала тебе клинику в Израиле, там работает мой родственник. Ты мог бы уехать туда хоть на месяц, хоть на год.

— Я не хочу лечиться в Израиле.

— Почему?

— Просто — не хочу. Какая разница, где принимать препараты?

— В России нет такой аппаратуры.

— Есть. Знаешь, я, пожалуй, пойду.

Резко поднявшись, Виталий встал и направился к двери. В стальном взгляде Изабеллы не было ни сострадания, ни участия. Она уже не раз заговаривала с ним о лечении за границей, но Виталию в этих разговорах чудилась не забота, а желание отправить его с глаз долой, как раздражающий фактор.

— Подожди! — Изабелла окликнула его уже на пороге и жестом позвала назад. — Ты хотел поговорить, у меня тоже есть к тебе разговор. Сядь, Талик.

— Что? — нехотя вернувшись, Виталий присел уже не на кровать, а на банкетку, сцепил пальцы рук.

— Представляешь, Беркович морду воротит... — супруга изобразила на кукольном лице презрительную мину — одна сторона и так увеличенного рта разъехалась чуть ли не до уха. — Как тебе этот клоун?

— В смысле — воротит?

— От нашего Ростика... — прищурившись, Изабелла недобро усмехнулась. — Цену набивает, сука такая.

— Так кто воротит — сам Беркович, или его дочь?

— Сам, конечно. Нужно что-то придумать... Такую партию упускать нельзя.

— Я не знаю... что тут можно придумать? У меня сейчас не те проблемы, Бела...

— Талик, ты — эгоист! Дело касается нашего будущего, тем более, девочка хорошенькая, я её видела несколько раз... Умная, воспитанная... Внуки красивые получатся.

Услышав о внуках, Виталий вспомнил о прошлом разговоре с Михаилом. Он никогда не обсуждал с Изабеллой свои отношения с сыном, но сейчас ему вдруг захотелось изменить этому правилу.

— А я тебе говорил, что Мишка собрался жениться? — вопрос прозвучал неожиданно, без предисловий.

— Какой Мишка?.. — Изабелла смотрела на него непонимающе.

— Мой сын, — Виталий произнёс эти слова чётко, раздельно. — Я не говорил?

— Нет, не говорил, — недовольно поморщившись, супруга мотнула головой, затем подняла на него настороженный взгляд. — И — что?.. Денег просит? Ну, дай сколько-нибудь...

— Нет, не просит. Просто — женится.

— Ну, и попутного ветра. Пошлешь потом подарок... Не отвлекайся, Талик. У нас серьёзный разговор...

***

Незадолго до Нового года Виталию предстояло лечь в клинику — для очередного курса лечебных процедур. Делать какие-либо выводы и прогнозы было ещё рано, но он постепенно привыкал к своему новому состоянию. Оно было безрадостным и тревожным, но острая фаза прошла, теперь это была вьёвшащаяся в сознание, привычная тревога вперемешку с печалью и угнетённостью, свойственная неизлечимым больным. Виталий старался не показывать своего настроения, но глаза выдавали — в них отражалось внутреннее состояние его души и тела.

Он каждый день ездил в офис, исполнял свои обязанности. Утром к нему приезжала медицинская сестра, делала уколы, а по вечерам приходила массажистка — лёгкий массаж помогал расслабиться, укреплял нервную систему и ослабленный болезнью иммунитет.

На первый взгляд, Виталий не был обделён вниманием и не оставался в одиночестве — весь день он общался с персоналом, партнёрами, просто знакомыми людьми. Но он всё больше и больше чувствовал себя чужим в собственном доме. А, если точнее, чужими были окружающие его люди — и Ростислав, и Изабелла. Вопросы о самочувствии звучали дежурно, советы «держаться» — равнодушно. Он видел, что супругу судьба Ростислава занимает гораздо больше, чем его здоровье. Она горячо пеклась о будущем племянника и довольно прохладно воспринимала болезнь мужа. Она находилась рядом, но в её глазах не было ни тени сопереживания. Прислуга больше жалела своего хозяина, чем его собственная жена.

...Мясников часто ловил себя на мысли, что ему ужасно хочется простого участия — словом или прикосновением женской ладони — к голове, щеке, плечу... Он уже не помнил, когда последний раз чувствовал женские объятия. Не страстные, а просто — любящие, жалеющие...

...Это было так давно... Так обнимала его Таня... В последнее время он часто вспоминал о ней. Таня хотела родить ему ребёнка, она говорила об этом не раз, но у него были совершенно другие планы.

О судьбе Татьяны Виталий ничего не знал. Он иногда прилетал в свой родной город, но это были короткие, деловые визиты. Он даже не виделся с сыном — то ли не успевал, то ли просто не хотел. Он не знал никаких новостей из жизни бывшей жены, тётки и шурина, лишь однажды, по случайно оброненной фразе Михаила догадался, что Таня снова живёт с Олегом. Но вот в каком качестве... Миша не сказал, а он не стал уточнять.

...Нет, что ни говори, а Таня его любила. Пожалуй, никто из женщин не любил его так, как она...

...У него было много женщин. И ни от кого из них не осталось детей... Его родной сын от Сандры умер, едва успев появиться на свет. Он видел его всего несколько минут — остывшее крошечное восковое тельце в крошечном гробике... Теперь ему казалось, что вместе с крышкой того гробика захлопнулись надежды и смысл всей его жизни...

Его бывшая секретарша Светлана... она тоже как-то «залетела». Но ребёнок был ей не нужен, а уж ему — и подавно.

Юля?.. Секретарша Олега?.. Та была готова родить ему дочь. Но он так и не узнал, что случилось с ребёнком, и как сама Юля оказалась в рядах жриц любви. Она оставляла письмо с координатами, но он его выбросил. Кто же хранит подобные письма от нелюбимых женщин?..

Других детей ему никто не предъявлял. Может, они и были, но сам он о них ничего не знал.

...Разматывая клубок своей памяти, Виталий мыслями уходил всё дальше и дальше... Вот уже и юность показалась на горизонте — весёлая, бесшабашная... Размытые временем картины становились всё ярче, чётче очерчивались контуры, среди которых всё яснее проявлялся образ девушки с синими-пресиними глазами... Аня! Анечка... как он мог забыть?! Впрочем, вспоминать особо было некогда... У него была совершенно другая жизнь, наполненная другими заботами и делами. Другой социальный статус. При таком статусе всё, что было раньше, остаётся за тонированной перегородкой, при чём, с той стороны, которую сам не видишь. Аня осталась там... в затемнённом «отсеке». Впрочем, как и все остальные.

Но Аня была беременна... тогда он был почти уверен, что — от него. Так что изменилось с тех пор?..

— Володя... — вызвав к себе начальника службы безопасности, Мясников жестом пригласил того присесть. — Нужно срочно разыскать одного человека и всё узнать о его детях. Сможешь?

— Нет ничего невозможного... — тот развёл руками. — Давайте данные, пробьём по базам.

— Тут загвоздка, Володя... — Виталий задумчиво потёр указательным пальцем подбородок. — Это — женщина. Наверняка я знаю только имя и девичью фамилию, предположительно — фамилию после замужества и возможный город проживания.

— Возраст? Место рождения — знаете?

— Да... Вот, я всё тут написал, — Мясников протянул листок бумаги. — Фамилия по мужу могла измениться... Отчества, к сожалению, не помню... А, может, и не знаю.

...Виталий, действительно, не знал отчества Анюты Свиридовой. Так же, как не знал наверняка её нынешней фамилии — могла ведь поменять и не раз. Не знал он ни места работы, ни адреса. Он мог обратиться с этим же вопросом к Михаилу — возможно, тот имел какую-то информацию, но почему-то постеснялся. База данных службы безопасности его корпорации не уступала базе данных интерпола, поэтому он выбрал именно этот вариант. Ему было уже всё равно, донесут ли Изабелле о его странных поисках... Главное было — найти Аню и всё узнать о её детях. Ему казалось, что хватит одного взгляда, чтобы понять — его это сын или дочь, или нет.

В ожидании результатов поиска он то и дело подетально вспоминал тот самый вечер в доме родителей Сандры... Тогда Олег всучил ему фотографию Анюты... он, кажется, называл имя её супруга... Сам Виталий был тогда слишком возбуждён, чтобы в подробностях запомнить всё, что выкрикивал Олег, но фамилия врезалась ему в память — Морозов...

«А это — жена Саша Морозова... Та самая Анечка, узнаёшь?!»

Он ещё показывал фото мужчины Мишке... говорил, что это — его родной отец... Впрочем, это сейчас неважно. Важно — найти Аню. И её старшего ребёнка...

...Уже под конец рабочего дня раздался звонок из службы безопасности.

— Виталий Иванович, есть результат!

— Давай ко мне!..

...Несколько минут, пока Володя поднимался к нему в кабинет, показались вечностью.

Тот пришёл со своим планшетом — сначала Виталий не понял, зачем, но, когда на дисплее возникла увеличенная фотография уже не молодой, но всё ещё красивой женщины, тут же выхватил планшет из рук Владимира.

— Она?.. — по выражению лица шефа тот сразу догадался, что поиски увенчались успехом. — Фамилия распространённая, вариантов было очень много... но вот — самый подходящий по имеющимся данным.

— Она... — не сводя глаз с женского лица, Мясников медленно кивнул. Даже в таком возрасте черты Анюты почти не изменились.

— Морозова Анна Сергеевна... сорок девять лет. Живёт в том же городе, что вы указали. Это её страничка в сети... Работает директором лицея с углублённым изучением гуманитарных наук... Замужем, муж — Морозов...

— А дети?.. — Виталий нетерпеливо перебил собеседника. — Дети есть?..

— Один сын, Морозов Дмитрий Александрович... двадцать девять лет... музыкант.

— А подробнее?.. Мне нужны все подробности, фото!

— А это вы сами можете посмотреть... — Володя кивнул на лежащий перед Мясниковым ноутбук. — И даже послушать.

***

Весь остаток вечера Виталий не отрывался от монитора. Он с огромным трудом отсидел ужин, и был готов отказаться даже от массажа, но в последний момент передумал: его возбуждённое состояние не укрылось от Изабеллы, она несколько раз спрашивала его о причинах, но объясняться не хотелось. Нужно было успокоиться...

Лёжа под чуткими пальцами массажистки, он то и дело вызывал в памяти лицо парня — сына Анны, мысленно сравнивая его черты с собственными. Ему всё время казалось, что сходство — есть, и не терпелось снова оказаться перед монитором. Едва дождавшись окончания сеанса, он, вопреки рекомендациям, не лёг в постель, а уселся за компьютерный стол.

...Сомнений не было — это, действительно, был сын Анны. На это указывали и их связи в сети, и личное сходство. Виталий с удивлением обнаружил, что имя Дмитрия занесено в википедию — он с огромным интересом прочитал небольшую статью о молодом российском рок-музыканте, известном исполнителе, и с не меньшим удовлетворением прослушал несколько композиций. Ему, давнему поклоннику творчества Ричи Блэкмора, был абсолютно понятен и близок стиль, в котором работала группа Дмитрия Морозова... Мощная динамика и абсолютный мелодизм — вот две характеристики, которые он ценил больше всего на свете... вот за что он взахлёб слушал в молодости «Deer Purple», а затем — «Rainbow»... С годами музыка ушла на второй план... но вкусы не поменялись.

...Виталий слушал и смотрел... смотрел и слушал... Парень явно тянул не только на талантливого исполнителя, но и на гениального композитора и аранжировщика, при чём слово «гениальный» Виталий приставлял вполне серьёзно... Во всяком случае, ему хотелось считать именно так. Ведь парень явно чем-то похож на него!.. В чертах матери явно прослеживаются и его черты... Они едва различимы, но он-то их видит!.. Ну, вот же... есть что-то неуловимое!.. Жаль... жаль, что некого попросить — сравнить... Домашних не

спросишь... в офисе — тем более... Он и так «рассекретился» с этими поисками...

...Жаль, что нет информации о семье Дмитрия. Хотя... вот — официальный сайт... Чёрт, какой знаменитый у него может оказаться сын!.. Столько лет жить и ничего не знать... Дурак! Надо было давно найти, увидеть, познакомиться!..

...Мысли пролетали быстрее, чем страницы, посвящённые музыканту Дмитрию Морозову. Их было много — на разных ресурсах, и везде была практически одна и та же информация, но Виталию это было неважно. Он уже почти верил, что Дмитрий — его родной сын, не зря Анна тогда так отнекивалась!.. Родной!.. Плоть от плоти, кровь от крови!..

Добравшись до раздела «семья», Мясников впечатался взглядом в одну-единственную строчку, на которой уместилась очень короткая, но такая важная информация: Дмитрий женат, имеет двоих детей.

...В последний раз Виталий плакал на похоронах матери. С тех пор прошло очень много лет, и — вот они... новые слёзы... Только — от радости... несмотря ни на страшный диагноз, ни на неопределённость... Теперь ему есть, для чего цепляться за жизнь, бороться с болезнью... Он поедет в клинику с другим — позитивным — настроем! У него есть сын и даже внуки — целых двое! Он верит, что это — так!

Теперь он просто обязан — победить.

Глава 21.

Потрясение, полученное на юбилее, не прошло даром для Анны Сергеевны. Гипертония, которой она страдала в последние годы, проявила себя в полной мере — давление подлетело на небывалую высоту, поэтому уже на следующий день она не смогла выйти на работу. Приехавший по вызову врач выписал больничный лист и назначил лечение.

Анна даже не смогла проводить Нелли на самолёт — этим занялся Саша. Он тоже несколько дней не ездил на работу — ухаживал за больной женой. Все эти дни, встречаясь с ним взглядом, Анна ловила в его глазах немой вопрос... Даже не услышав, она знала, о чём хотел бы спросить её супруг. Истерика на улице, возле лежащего на снегу сына не могла укрыться от посторонних глаз, и её обвинение в адрес следователя Мясникова стало достоянием многих ушей.

...Но, если посторонним не было дела, о чём кричит убитая горем мать, то ни Саша, ни Наталья не могли не обратить внимания на её странные слова. Анна знала: пока она больна, никто из них не будет задавать никаких вопросов. Но потом...

Она должна будет что-то ответить, как-то оправдать своё поведение. На помутнение рассудка ссылаться глупо. Она ясно произнесла слова «родной отец» и «другая мать». Их нужно будет как-то объяснить.

Накануне отъезда Нелька улучила минутку, когда рядом не было Александра и, присев возле Анны, тронула ту за руку.

«Ань... ты держись. Всё ведь хорошо...»

«Знаешь, Нель... — та подняла на подругу усталый, болезненный взгляд. — Наверное, это расплата... за все мои грехи».

«Да брось! Какая же это расплата? Все живы, здоровы... Ты тоже поправишься! — Нелька успокаивающе махнула рукой. — Ты что, мать?! Мы ещё у меня не зажигали, вот приезжайте к нам на новогодних каникулах, оторвёмся по полной программе!»

«Это — только мне расплата... — Анна медленно закрыла и тут же открыла глаза, как бы подтверждая свои слова. — Знаешь, я только сейчас начала понимать, какая спокойная,

счастливая жизнь была у меня... А вот пришло время платить по счетам...»

«Глупости. Это совпадение. У каждого в жизни бывали ошибки. Твои грехи, Ань, не больше, чем у других. Одно только хочу тебе сказать... — Нелли на несколько секунд замолчала, глядя куда-то вниз, затем снова подняла взгляд на Морозову. — Ты должна сама всё рассказать Сашке про Михаила. Легче станет, вот увидишь, и грехи этим замолишь. Этот парень — точно его сын... видно без анализа ДНК. Скажи Саше... он имеет право знать».

Анна и сама понимала, что теперь просто обязана сказать мужу о сыне, хотя бы в благодарность Михаилу. О том, что произошло на самом деле, она узнала лишь на второй день от Дмитрия, и то информация была очень щадящей — в её состоянии знать всю правду о том, какая опасность грозила сыну, не стоило. Все подробности стали известны ей лишь какое-то время спустя. Но одно она узнала точно: Михаил Мясников спас жизнь Дмитрию, а, возможно, и Наташе. А, значит, их семья перед ним в долгу... Она уже поблагодарила его по телефону и извинилась за случайно брошенные обвинения, но разве этого достаточно?!

...Анна с тревогой ожидала разговора с супругом. Она не могла никак решиться заговорить обо всём первой, и ждала, что он сам задаст вопрос. Она и хотела этого, и не хотела... Впервые в жизни Анна почувствовала ревность. Она понимала, что всё, что произошло между Сандрой и Сашей тридцать лет назад — всего лишь случайность. Они никогда не пересекались и, даже если пересекутся, это ничего не изменит. Но мысль о том, что её Саша хоть на несколько мгновений принадлежал другой женщине, колола острой иглой изнутри. Она никогда не испытывала таких ощущений... Бог миловал — Саша никогда не подавал повода, и она привыкла к тому, что её муж принадлежит ей всецело. Он — неотъемлемая часть её самой, у него нет прошлых связей, и всё, что было в его жизни — только она, Анна. Это было так естественно, что новые обстоятельства казались полным абсурдом. Но мало того... Анна не могла себе и представить, что её Саша может быть отцом чужого ребёнка! Пока этот факт был лишь догадкой, она воспринимала его спокойно, к тому же, на тот момент у неё были другие, более серьёзные проблемы. Но теперь, когда все тревоги были позади, Сашино отцовство воспринималось остро, болезненно, ревностно. Она ничего не знала о Сандре, но теперь могла предположить, что их встреча вполне возможна.

Думать, что у Саши возникнут какие-то чувства к женщине, которую он почти не помнил, было глупо. Но не думать Анна не могла. Ругала себя, гнала дурацкие мысли, но они всё равно возвращались.

Чем дальше она думала об этой проблеме, тем больше тревожных мыслей приходило в её голову. Например, о Виталии... Не появится ли он на её горизонте вместе с Михаилом? Ведь она не знает, какие отношения у младшего Мясникова с его «названным» отцом. Возможно, они общаются... И что — тогда?..

Анне совсем не хотелось встречаться с человеком, так предательски нарушившим её жизнь в своё время, на долгие годы поселившимся в её памяти — против её собственной воли... и с которым была связана её самая большая вина перед мужем.

...Анна вдруг представляла семью самого Михаила — она не знала, но могла предполагать, что у него есть жена и дети... Выходило, что они — Сашины внуки? Такие же, как Валерик и Анечка?! В это было трудно поверить...

Все эти дни в ней боролись два чувства: чувство собственности и чувство благодарности. Можно было успокоиться тем, что сам Михаил не делал никаких попыток обозначить себя сыном Александра. Но в глубине души Анна понимала, что рано или поздно правда может выйти наружу. И тогда окажется, что она столько времени обманывала мужа

своим молчанием.

...Этот разговор всё-таки состоялся. Саша завёл его сам. Больничный был закрыт, Анна чувствовала себя неплохо и уже пару дней, как посещала лицей. По напряжённому состоянию мужа она догадывалась, что тревожит его все эти дни, и обречённо ждала развязки.

В один из вечеров, приехав с работы, Александр как-то многозначительно присел напротив неё за кухонным столом. Он какое-то время наблюдал, как супруга нарезает ломтиками куриное филе, затем нарушил молчание.

«Аня, я давно хотел тебя спросить... — его голос звучал негромко, спокойно. — Тогда, на юбилее... помнишь, ты что-то говорила этому парню, следователю... помнишь?..»

«Да, что-то помню...» — Анна Сергеевна на секунду оторвалась от разделочной доски и посмотрела супругу прямо в глаза, не решаясь ни солгать, ни сказать всё самой. Она смотрела и ждала от него наводящих вопросов.

«Ты как-то странно говорила, что у Димки есть родной отец... и что Михаил якобы за это мстит... Я ничего тогда не понял, может, ты сейчас мне всё объяснишь?..»

В какой-то момент Анне захотелось сослаться на истерику и сказать, что это был бред... но она тут же отказалась от этой мысли.

«Ты помнишь, как мы с тобой познакомились?» — присев, она отложила в сторону нож.

«Это... когда ты училась в педагогическом?.. — супруг чуть наклонил голову и задумчиво нахмурил брови. — Или тогда... возле иныза? Мы с тобой дважды знакомились. Ты про какое знакомство?»

«Ни про то, ни про другое, Саш. Я про самое-самое первое».

«В деревне, что ли?! — догадавшись, что жена имеет в виду, супруг рассмеялся. — Так мы с тобой тогда вообще не знакомились. Просто встретились... Но, конечно, я помню!»

«Да, я именно об этом... — Анна грустно усмехнулась. — А Алё ты помнишь? Ну которая тебе тогда понравилась».

«Очень смутно... — не сводя с неё взгляда, Саша чуть подался вперёд, сцепил кисти рук. — А что?..»

«А то, что этот парень... Михаил... он — её сын».

«Серьёзно?! — брови удивлённо поползли вверх. — Откуда ты знаешь?!»

«По фамилии. Тогда она вышла замуж за Виталия Мясникова... Помнишь, ты искал её, а встретил меня... Я сказала, что она уже замужем».

«Ну, да... припоминаю...»

«А наш следователь — Мясников Михаил Витальевич... Фамилия была знакомой, и отчество сходилось. Я сама спросила его о матери. Оказалось, что — да... Это именно та самая Аля...»

«Да уж... — Александр едва заметно усмехнулся и опустил взгляд. — Совпадение...»

«Дело в том, Саша, что этот самый Михаил... Он — и твой сын тоже».

«Что?!»

...Оказалось, что самое сложное — произнести именно эти слова. Они были вершиной, взяв которую, можно было перевести дух и идти дальше... Александр не отнекивался, не делал возмущённого лица. Анна видела — новость, которую она ему сообщила, только в первый момент привела его в шоковое состояние. Немного придя в себя, он сделался абсолютно серьёзным, не прятал смущённо глаза, а лишь методично сжимал и разжимал сцепленные в замок пальцы.

«Я догадалась об этом сама, недавно, но не знала, как тебе сказать... — Анна смотрела на него чуть исподлобья. — И вообще не знала, нужно ли говорить, но... Ты сам всё услышал».

«Мне нет смысла отрицать... Аня, всё было до тебя... А то, что Михаил — мой сын, это же только твои догадки?»

«Не только мои. Михаил знает, что ты его отец. Не знаю, откуда, но — знает. А мне стоило только увидеть вас рядом... Даже Валера заметил, как вы похожи...»

«Подожди, Аня... — Морозов расцепил кисти и, опершись локтем о колено, уронил голову в ладонь, потёр лоб. — Как-то всё неожиданно, странно... Я не рассказывал об этом никому на свете, даже ребятам своим в училище... Как же так получается... откуда он может знать?! Если от матери... Но мы и знакомы-то с ней почти не были, всё произошло случайно, неожиданно... я даже фамилии её не знал, только имя!»

«Выходит, она знала твою фамилию. Иначе как бы она тебя нашла?.. Хотя... — Анна на несколько секунд задумалась. — Её отец был очень высокой милицейской шишкой, ему ничего не стоила найти иголку в стог сена».

«Если бы меня разыскивал её отец... вряд ли я остался бы в стороне. Ничего не понимаю... — Александр растерянно развёл руками. — Конечно, я сам бы пришёл, уже на следующий день, но меня тогда наказали за опоздание. Два месяца без увольнений... Потом, когда всё закончилось, я сразу поехал её искать... — он вскинул взгляд на жену. — А встретил тебя. А ты сказала, что Аля замуж вышла... Больше я её не искал. Да и не хотел, с тебе всё время думал... снова приезжал к вашему институту, но мне сказали, что ты уехала. Вот и вся история... Меня никто не разыскивал... а, выходит, обо мне всё знали? Аня, возможно, это ошибка. Ну, похож... такое бывает и с чужими людьми. Она же вышла замуж, в конце концов! Значит, у неё был другой парень...»

«Саша... — Анне снова стало трудно говорить, но она справилась с собой. — Ты же был её первым мужчиной... Ничего не говори, я всё знаю, более того... я видела кое-что... Другого парня у неё на тот момент не было. Я это тоже точно знаю. И потом целых два месяца не было, до самого замужества, а замуж она вышла во второй половине ноября... А ребёнок родился в июне. Ровно через девять месяцев после вашего... свидания... Михаил сам назвал мне свой день рождения».

«Откуда ты знаешь, что у неё никого не было? Она же замуж не за первого встречного вышла, встречалась же с женихом».

«Знаю... Я тебе рассказывала, что меня парень бросил на первом курсе... Помнишь? Так вот это он и был, Виталий Мясников. Он бросил меня... женился на Альке внезапно, все были очень удивлены. По сроку она уже была беременной... Саш, я много чего знаю из первых рук... Я даже знаю, что ты пуговицу в той бане потерял... Я её потом в руках держала».

«Как всё перепуталось... — Александр задумчиво покачал головой из стороны в сторону. — Ты никогда не говорила...»

«Я же не знала наверняка... могла только предполагать. Но, когда увидела этого следователя... Все карты сошлись, Саш. А про Виталия я тебе говорила, только имени не называла... мы же недолго встречались, всего два месяца».

Они говорили спокойно, без эмоций. Анна в общих чертах, без излишних подробностей рассказала мужу о том, как ей пришлось мыть баню бригадирши, как она нашла пуговицу, и как эту пуговицу потом забрала Александра. Анну немного задевало, что Саша не выглядит

виноватым... Нет, ей вовсе не хотелось, чтобы он падал к ней в колени и умолял простить... но казалось, что он не испытывает даже смущения, напротив — его взгляд был крайне серьёзным.

...Они отказались от приглашения Наташи прийти на ужин, чем очень удивили невестку. Анна не была готова сейчас ни к какому общению, и на ходу придумала какую-то совершенно несерьёзную причину для отказа. Впервые в жизни она не хотела, чтобы дети сами нагрянули к ним в гости — такое бывало очень часто, когда Дмитрий и Наталья проводили вечер дома. Сегодня же визит даже таких дорогих гостей не был желанным.

Анне очень хотелось услышать от мужа какие-то слова... она даже готова была к его ревности! Но после ужина вдвоём Александр молча уселся перед телевизором. Судя по взгляду, мыслями он был где-то далеко, и Анна первой нарушила молчание.

«Что ты теперь собираешься делать?» — она постаралась спросить это как можно непринуждённое.

«Ничего, — Саша пожал плечами. — Если всё так, то к этому нужно привыкнуть. Сжиться с этим обстоятельством... К тому же, никто, кроме матери наверняка не знает, кто отец её ребёнка. Всё, о чём мы говорили — всего лишь догадки и предположения. Я не могу пойти и сказать: я твой отец, ты — мой сын... Если и разговаривать на эту тему, то только с самой Александрой. А она, судя по всему, нужды в этом не имеет. Иначе мы бы давно встретились... Миша знал, что я его отец... я — не знал, что он мой сын... Значит, ему это не нужно. А зачем врываться в чужую жизнь? Особенно, когда тебя в ней не ждут...»

...Анна плакала взахлёб... Слёзы катились градом по щекам, каплями падали с подбородка на колени... Это были слёзы облегчения: после слов Александра она почувствовала, как наполнявшая её тяжесть постепенно распадается на множество осколков, растворяется в вечернем полумраке комнаты, вся — без остатка уходя из души...

Увидев, как содрогаются плечи жены, Александр обнял её и прижал к себе — крепко, одной рукой... другой поглаживая по голове, как маленькую девочку...

«Ань... ну, ты чего?! — он то целовал её в макушку, то прижимался щекой к голове. — Анютка... ну, что ты?.. Ты же — моя... самая-самая-пресамая... Одна — моя, единственная...»

«А ты?.. — всхлипнув, она спросила как-то по-детски, с долей обиды в голосе. — Ты — чей?..»

«А я — твой... — чувствуя в глазах какое-то подозрительное пощипывание, Саша из последних сил улыбнулся. — Уж в этом-то вообще не стоит сомневаться...»

...Они ещё долго сидели вот так — в обнимку, в свете ночника. Телевизор автоматически отключился, но включать его даже не приходило в голову. Каждый думал о своём... Александру было тепло и удивительно — он никогда ещё не видел столько нежности от жены, как в последний месяц. Но особенно тронула сегодняшняя сцена. Анна впервые в жизни плакала оттого, что он ей дорог... он понял это сразу, как только услышал её вопрос. Сама же Анна думала о том, что, пожалуй, только сегодня окончательно осознала, насколько дорог ей Саша, и как она боится его потерять...

А ведь именно сегодня она своими собственными руками подпилила сук своего счастья... Она рассказала Саше о его сыне, упомянула имя Виталия... Оставалось только надеяться, что тот никаким образом не появится у неё на пути, не нарушит её семейный, с таким трудом сохранённый покой.

Но поступить по-другому она бы уже не смогла. Если на свете есть Бог, и, если он

простит её ошибки, то он не допустит, чтобы их с Сашей жизнь рухнула. Ну, а если не простит... то так тому и быть.

«Какая печальная осень... — Анна произнесла эти слова после долгого молчания, сидя в объятиях мужа и глядя в вечернее окно. — У меня ещё не было такой печальной осени...»

«Какая же это осень? — Морозов негромко рассмеялся. — Завтра — уже декабрь... Да и не печальная она вовсе. Димка жив... Ты поправилась... Внуки растут... Какие ж тут печали?..»

«Пожалуй, ты прав... Не осень печальная... — коротко вздохнув, Анна подумала о своём. — Это печали — осенние...»

***

После того, что он узнал от жены, Александр резко изменился. Теперь он был постоянно задумчивым — по вечерам Анна невольно следила за выражением его лица. Он смотрел телевизор, ужинал, разговаривал с ней или с внуками, но было заметно, что мыслями он где-то далеко, за пределами своей квартиры и семьи.

Анна догадывалась, что за причина была этим переменам. Зная Сашу, легкомысленно было предполагать, что, узнав такую новость, он останется равнодушным. Она знала: теперь он день и ночь думает о том, что у него есть ещё один родной сын... Сын, о котором он ничего не знал столько лет, но который — есть... Взрослый, умный, с виду хороший, добрый парень... кровь от крови, плоть от плоти...

...Анна знала, что рано или поздно Саша решится пойти на контакт... Она видела, что неопределённость положения мучает его, но с советами не лезла... Она понимала — решение он должен принять только сам.

Анна ловила себя на мысли, что незаметно привыкает к новому положению вещей. Теперь Миша Мясников в её глазах выглядел, в первую очередь, не сыном Александры Дзюбы, а сыном Александра Морозова — её супруга и замечательного человека, а это был уже совершенно другой — семейный — «статус». Анна невольно вспоминала тот вечер, двор ресторанного комплекса... вспоминала всё, что рассказали ей Дима и Наташа... вспоминала и чувствовала, как в её сердце окончательно селится благодарность к этому высокому, крепкому, симпатичному парню с удивительно доброй и до боли знакомой улыбкой. Она уже собралась позвонить Михаилу, но неожиданно получила звонок от него самого.

— Анна Сергеевна... — звонок прозвучал в конце рабочего дня, Анна как раз собиралась покинуть свой директорский кабинет. — Это Михаил... Мне нужно срочно с вами увидеться!

— Что-то случилось?.. — услышав голос Мясникова, Анна почувствовала, как внутри прокатывается холодная волна.

— Нет, всё нормально!.. — видимо, догадавшись, что напугал свою собеседницу, Михаил поспешил её успокоить. — Просто у меня к вам дело... я всё время о нём забываю. А сейчас еду по вашему району, и как раз вспомнил... Вы дома или на работе?..

— Я на работе, но уже собралась уходить... — Анна с облегчением перевела дух. — Можете заехать в лицей.

— Тогда я подожду вас на улице... Это конфиденциально.

Когда Анна, одевшись, выходила из дверей учебного заведения, автомобиль Михаила уже находился у ворот.

— Здравствуйте! — приветливо улыбаясь, Миша шагнул к ней навстречу. — Простите, если напугал!.. Но тут такое дело...

— Здравствуйте... — Анна смотрела на него удивлённо и настороженно. — Какое дело?..

— Вот... — Мясников потянулся рукой во внутренний карман «аляски» и, достав оттуда небольшой запечатанный конверт, протянул его Анне. — Это — вам... от Леонида Борисовича Лапина.

— Лапина?.. — Анна с опаской взяла конверт, затем подняла взгляд на Михаила. — А что там?..

— Я не знаю. Потом сами посмотрите...

— Подождите!.. — заметив, что парень собирается попрощаться, Анна неожиданно остановила его жестом. Она вдруг подумала, что сама судьба посылает ей сегодняшнюю встречу и возможность сказать то, что давно уже просилось из души. — Миша, подожди!..

— Я слушаю вас...

— Миша... — Анна смотрела на него взволнованно. — Вы простите меня... я тогда на вас накричала...

— Анна Сергеевна... — Мясников широко улыбнулся. — Да всё нормально! Ничего не нужно, ну, правда!

— Нет, подождите... — она судорожно сглотнула и, сунув конверт в карман шубы, взяла Михаила за предплечье. — Подождите, я давно хотела вам это сказать... Я очень благодарна вам за Диму...

— Это моя работа.

— Нет... то есть, я понимаю... Но всё равно... Дима же не знает, что... — Анна не договорила фразу, она лишь покачала головой, но затем неожиданно закончила: — А Саша — знает...

— Что знает?

— Саша знает, что ты — его сын.

Опустив взгляд, Михаил какое-то время рассматривал заснеженную дорожку. Он явно не ожидал такого признания, и теперь не знал, что ответить.

— А как он узнал?

— Это я ему сказала... — Анна не сводила взгляда с лица Михаила, как будто пытаюсь прочесть по нему всё, что сейчас творилось в его душе. Они оба знали одну и ту же правду, но до сих пор сохраняли молчание, и вот теперь Анна его нарушила. — А я... кое о чём я знала уже давно... об остальном догадалась, когда увидела тебя.

— Человек не может выбирать, от кого ему родиться...

— Миша, ты не понял... — Анна снова покачала головой. — Саша хочет с тобой увидеться... не как со следователем, а как с сыном... Я его знаю... Он очень деликатный человек, и будет долго думать, переживать... Ты, пожалуйста, приходи к нам... Или, если позволишь, он сам к тебе придёт... ну, или, хотя бы, позвонит.

— Конечно... — Мясников едва заметно кивнул. — Мой телефон у него есть. А адрес знает Наташа.

...Проводив взглядом автомобиль Михаила, Анна прошла к своему «Пежо». Включенный заранее на обогрев салон был приятно тёплым, и она с удовольствием устроилась на водительском месте. Вспомнив про конверт, вытащила его из кармана, аккуратно надорвала и двумя пальцами подцепила размещённую внутри плотную бумагу, потянула наружу...

...Фотография, запечатлевшая её вместе с Лапиным, та самая, которую не так давно

показывал, но так и не отдал ей Леонид, сейчас лежала в её руке. Достав из сумочки телефон, нашла нужный номер...

— Спасибо... — Анна произнесла это без предисловий. — Не ожидала такого подарка.

— Аня, это ты?! — голос Леонида на том конце казался удивлённым.

— Да, я.

— Здравствуй...

— Здравствуй, — Анна нехотя ответила на приветствие.

— Только я не понял, за что спасибо?

— За фотографию. Мне её только что передали.

— Какую фотографию?! О чём ты?..

— Ту, которую ты просил передать.

— Кого просил?!

— Следователя... — по тону Лапина Анна начала догадываться, что тот, действительно, не понимает, о чём идёт речь. — Мне следователь Мясников передал конверт с фото... ну, с тем, которое ты мне осенью показывал. Сказал, от тебя...

— А я-а-а-то думаю, куда она делась?! — видимо, до Лапина только сейчас дошло, о чём говорит ему Анна. — Вот сука ментовская!..

— Теперь я ничего не понимаю....

— Да ладно, всё нормально, Аня. Фотка эта в моей машине была... я после обыска её больше не видел. Значит, этот ментяра забрал. Ну, да ладно... Хоть я тоже ничего не понял, но хорошо, что она к тебе попала. Значит, судьба...

Поговорив с Леонидом, Анна ещё какое-то время никак не могла заставить себя тронуться с места. Она ничего не понимала... Почему Михаил забрал эту фотографию у Лапина, а потом отдал ей?

...Пальцы снова заскользили по дисплею...

— Михаил... Это Анна Сергеевна. Я позвонила Леониду, он сказал, что ничего не передавал...

— Так я и не говорил, что он лично передал. Я сказал, что это — от него...

Анна ненадолго замолчала, осмысливая поступок Мясникова. Наконец, понимая, что пауза затянулась, спросила приглушённо:

— Почему вы отдали мне эту фотографию?..

— Чтобы вы знали, что она — у вас. Кстати... Это — последний экземпляр.

Глава 22.

Двадцать пятый день рождения Наташи, который приходился на одиннадцатое декабря, Морозовы собирались отмечать в очень узком семейном кругу. Как обычно, круг оказался не таким уж и узким, благодаря родственникам и друзьям, постепенно прибывавшим в течение всего вечера. Выступлений в этот день не было, и, посидев по традиции со своими музыкантами в творческом центре, Дмитрий и Наталья уже к восемнадцати часам приехали домой.

Стол был накрыт — стараниями Наташиной сводной сестры Алины и мачехи Светланы Петровны, к тайному неудовольствию Анны, которая всегда слишком придирчиво относилась и к блюдам, и к сервировке, исполненным чужими руками. Приходилось смиряться: участвовать в подготовке стола в этот день она не могла, так как сама вернулась домой позже всех.

Квартира сына была пропитана кулинарными ароматами, и проголодавшаяся Анна

Сергеевна уже через несколько минут была готова простить и «неправильно» нарезанный хлеб, и отсутствие столовых ножей, и не в ту сторону повернутые вилки на заставленном блюдами столе. Анна недолюбливала своенравную Светлану и очень критично относилась к Алине, но виделись они довольно редко, поэтому никогда открыто не конфликтовали. А вот отец Натальи, Валерий, ей очень импонировал. Бывший водитель-дальнобойщик был умным, начитанным человеком, обладающим спокойным нравом и приятной внешностью.

Раздевшись в своей прихожей, Анна торопливо сменила строгий костюм на лёгкое платье и, прихватив заранее приготовленный подарок, поспешила в соседнюю квартиру.

— А вот и мой командир явился! — судя по широким объятиям, которые распростёр ей навстречу супруг, он уже успел выпить рюмочку, пользуясь отсутствием жены. — Анютка, все уже собрались! Скорее за стол!

— Саша!.. — Анна укоризненно качнула головой. — Учти, это была твоя последняя стопка на сегодняшней вечер!

— Да мы с Валеркой, по чуть-чуть, — Александр кивнул головой в сторону гостиной. — Давно ведь не виделись!

— Валера совсем не пьёт, а виделись вы на прошлой неделе, — Анна Сергеевна с порога направилась в кухню и говорила на ходу.

— Не пьёт, но глоточек сделал, ради такого случая... — Саша двинулся следом. — Ну, спроси, если не веришь! Анют...

— Ну, вот ещё... — Анна протянула мужу бархатную длинную коробочку с ювелирным украшением. — Держи... это подаришь ты, а вот это... — она взяла со стола небольшую брошюру, похожую на инструкцию для бытовой техники. — Вот это подарю я...

— Есть, товарищ командир! — Саша шутливо накрыл голову ладонью одной руки, а другую приставил к виску. — Слушаю и повинуюсь!

Глядя на супруга, Анна не могла удержаться от улыбки. Саша всегда называл её командиром... А, ведь пожалуй, командир она — только для него. Для всех остальных её строгость — всего лишь видимость... на самом деле она довольно уступчивая и отходчивая. Сколько раз в жизни проявляла душевную слабость... за некоторые случаи стыдно до сих пор. Она — обыкновенная женщина, с кучей недостатков и даже комплексов. Сейчас она видит их как никогда — ясно и чётко.

Однако, из жизни не выкинуть ни одну страницу... И хорошо, что не все и не всегда слушались её беспрекословно, в том числе и собственный сын. Анна вспомнила, как несколько лет назад Дима поступил по-своему, вопреки её просьбам и уговорам — между родителями и любимой девушкой выбрав Наташу, он ушёл из дома. А ей пришлось смириться...

...Она думала, что никогда не примет невестку в своём сердце. Не потому, что та была чем-то нехороша... А потому, что появилась в их доме вопреки её, Анны, желанию. Пожалуй, трудно было обеим — первые три года жить им пришлось вместе, хотя у Натальи была своя квартира. Но ездить на репетиции с окраины города было неудобно, и Дима сам решил, что жить они будут у родителей. Наташа не возражала. Она никогда не возражала... В первые их годы Анна снисходительно наблюдала, как невестка полностью подчиняет свою жизнь жизни её сына, в душе ожидая, что такое подчинение может очень быстро надоест обоим. Но Диму, похоже, такое положение дел устраивало. Весь погруженный в своё творчество — репетиции, концерты, записи альбомов, он воспринимал Наташкину жертву как что-то само собой разумеющееся. А ведь сама Наталья обладала замечательным

голосом... Но она ни разу не упрекнула мужа, что он не берёт во внимание её талант... Впрочем, пути для неё на тот момент были заказаны — Дима и его группа работали под началом Кристины, в них были вложены деньги её отца, и Лапины сделали всё возможное, чтобы Наталья не появлялась на их горизонте.

Но однажды, совершенно неожиданно, Наташка показала свой характер... Совпало всё: и личные, и творческие мотивы. Собрав тогда ещё совсем маленького Валерку, она села в автобус и уехала в свой родной город.

...Отсутствие любимой жены и сына в один момент перевернули сознание... Нисколько не поколебавшись, Дима тогда сделал свой единственно правильный выбор. Уже через пару дней он навсегда распрощался с Лапиным, а через неделю привёз Наташу и Валерика домой — Анна ловила себя на мысли, что соскучилась не только по внуку, но и — что было удивительно — по невестке...

С тех пор пути Натальи и Дмитрия шли параллельно — Наташа закрепились в коллективе, заодно выступала сольно. Дима сам сделал для неё клубную программу, и это был чисто коммерческий проект. Нужно было на чём-то зарабатывать деньги, чтобы иметь возможность писать и играть любимую музыку. Из робкой, испуганной девочки, которую запомнила Анна Сергеевна, за эти шесть с лишним лет Наталья превратилась в молодую, красивую женщину, талантливую певицу, маму двоих малышей и любящую жену. Димку Наташа любила беззаветно, всем своим существом... и любовь эта была взаимна. Их невозможно было представить врозь, и даже песни они теперь писали вдвоём, в своей домашней студии, иногда ночь напролёт просиживая за инструментом. Много песен было посвящено самой Наташе, а совсем недавно Дима написал в честь неё рок-оперу, с которой ребята теперь время от времени гастролировали по другим городам.

С Анной Сергеевной Наташа не ссорилась, во всём соглашалась, правда, зачастую поступала всё-таки по-своему, но была искренне привязана к семье мужа; иногда могло показаться, что — намного сильнее, чем к семье её собственного отца. Возможно, это было из-за того, что родная мать Натальи погибла, и с тринадцати лет её воспитывала мачеха. Девочка очень страдала без материнской ласки... но Светлана Петровна и с родной дочерью не была особо ласкова, что уж говорить о Наташе. Впрочем, с мачехой они тоже никогда не ссорились, во многом благодаря самой Наташе. Светлана сгоряча могла стегнуть словом, а Наташа жалела отца, у которого было больное сердце. Позже, подсознательно выбирая между мачехой и свекровью, Наталья выбрала свекровь — это сквозило в каждом её слове и поступке. С Александром было и того проще — тот с первой встречи по-отечески полюбил невестку, и часто заступался за неё перед супругой, если та была чем-то недовольна.

...Зачем-то Анна сейчас вспомнила эти подробности... Может, потому, что они были связаны с именинницей, а, может, по какой другой причине... Как бы там ни было, но сейчас, спустя эти несколько лет, она могла себе признаться, что не просто привыкла к своей невестке, а полюбила её совершенно искренне.

...Подарков от старших Морозовых было целых два. Так придумала Анна. Решив, что одного ювелирного украшения будет мало, она приобрела «в довесок» многофункциональную мультиварку — стиль жизни детей был нерегламентированным, и такой подарок мог оказаться очень кстати. Дождавшись, когда Саша закончит свою речь и вручит первый подарок, Анна неожиданно для всех поднялась и попросила внимания.

— Наташа... — свекровь старалась говорить серьёзным тоном, но было заметно, что она старательно прячет улыбку. — Как женщина, я понимаю, что лучшие друзья девушек —

это драгоценности. Но как свекровь уверена, что лучшая подруга — это всё-таки кастрюля!

— У некоторых — сковородка... — голос Сашки Говорова прорвался сквозь дружный смех.

— И сковородка — тоже! — Анна Сергеевна, не посвящённая в подробности личной жизни Говорова, приняла его реплику буквально. — И поэтому я, как мама Димы, очень хочу, чтобы у моего сына всегда были свежие завтрак, обед и ужин! По этой причине я дарю тебе ещё один, очень двусмысленный подарок... — Анна на секунду потянулась рукой к стоящему неподалёку журнальному столику и взяла с него ту самую брошюру. — Вот!

— А что это?.. — Наталья расплылась в радостной улыбке. — Анна Сергеевна, что?..

— А это, Наташа, очень хорошая мультиварка! — Анна, наконец, протянула невестке инструкцию. — Времени у тебя всегда в обрез, поэтому я давно уже хотела подарить вот такую помощницу!

— Спасибо-о-о-о!.. — Наталья от души обняла свекровь. — Мне она точно позарез нужна!.. После нового года начинаем записывать новый альбом, там будет не до плиты!

— А где сам-то аппарат?! — Дима демонстративно поискал глазами по комнате. — Дайте хоть посмотреть, из чего меня кормить будут!

— Аппарат у нас, — Анна махнула рукой в сторону. — Там коробка громоздкая, завтра заберёте.

— Дедушка!.. Дедушка!.. — Валерка настойчиво тянул на себя дедову ладонь. — А что это такое?!

— О, это — волшебная кастрюля! — Александр старательно спрятал улыбку. — Мама утром туда всякой всячины накидает, на кнопку нажмёт, а вечером ты придёшь — оп! — А каша готова! И котлетки, и пюре! И к бабушке не надо будет ходить!

— А вы с бабушкой к нам будете ходить? — внук смотрел встревоженно, судя по всему, этот вопрос инетерсовал его больше всего.

— А зачем нам ходить? — дед нарочно развёл руками. — У нас-то каша с котлетами всегда есть!

— Тётъ Ань, а она тяжёлая?.. — решив вставить и своё слово, Говоров как-то подозрительно прищурился.

— Ну, килограмма два, три... — Анна пожала плечами. — Примерно.

— Тяжёлая... — Сашка качнул головой и машинально почесал затылок. — Опыт столетий гласит, что чем легче кухонная утварь, тем безболезненнее бытовые травмы...

— Обещаю тебе, как другу... — повернувшись к нему, Наташа торжественно приложила руку к сердцу. — Димку мультиваркой бить — не буду!

Сидевшие за столом взрослые дружно смеялись шуткам Говорова — Сашка был известным балагуром, никогда не унывающим и не впадающим в депрессию. Все ребята в группе были в курсе, что за «левые» похождения он частенько получал от своей жены, причём, не только морально, но и физически. Мастер барабанных соляков, виртуозно владеющий техникой игры на ударных инструментах, принимал собственные «удары судьбы» с весёлой обречённостью. Поделать Ирина с ним ничего не могла — Сашка патологически любил женщин. Правда, на серьёзные отношения с ними не посягал; измена в его «исполнении» на измену как бы не тянула — она была сродни любому другому физиологическому акту, например принятию пищи. Не может же человек жить без еды?.. Так и Говоров не мог жить без женских тел... Как и у прочих участников «Ночного патруля», у него имелись свои личные поклонницы, которым явно было чем похвастаться

перед своими менее удачливыми подругами. Сашкин кобелизм был сродни природному явлению, которое нельзя отменить, можно только принять как неизбежное... Утешало одно: женских сердец он не разбивал. Его случайные партнёрши были именно случайными, других просто быть не могло.

...Была у Говорова и личная тайна, которая уже давно перестала быть тайной. Участники группы знали, что он раньше Морозова влюбился в тогда ещё совсем юную Наташу Смольникову... Влюбился серьёзно, не так как в остальных девчонок. Взаимностью Наташка не ответила, пути их так и не сошлись, но душевная привязанность осталась... она жила в нём параллельно всем остальным чувствам... жила все эти годы, постепенно вращаясь в его существо, делаясь привычной и неотъемлемой. При этом чувства к Наташе совершенно не помешали Сашке жениться, а теперь искренне любить собственных жену и дочку, а заодно весь женский род — вместе взятый. Морозов об этом знал, но, несмотря ни на что, оставался для него лучшим другом. Вот и сегодня Говоров был здесь, среди самых близких и родных.

— Мама!.. — сквозь шум взрослых едва пробивался Валеркин голосок. Теперь он звал Наташу и теребил её ладонь. — Мама!..

— Что, Валер?.. — она наклонила к сыну смеющееся лицо.

— Мама, не бери этот подарок!.. — в детских глазёнках было столько мольбы, что Наталья сразу посерьёзнела. — Давай, отдадим его назад бабушке!..

Стоящая рядом Анюта, похоже, не понимала, о чём просит Валера, но в её широко распахнутом взгляде читались ожидание и полная солидарность с братом.

— Ты про какой подарок?

— Про этот! — мальчик пальцем показал на инструкцию. — Давай, мы его не возьмём!..

— Почему?! — Наташа удивлённо смотрела на сына. — Валерочка, почему не возьмём?!

— Мы лучше сами будем ходить к бабушке на ужин... Как раньше!

...Звонок в дверь отвлек всех гостей от весёлого обсуждения Валеркиного предложения вернуть бабушке с дедушкой их подарок. Заверив сына, что от семейных ужинов бабушке всё равно не отвертеться, даже несмотря на подаренную мультиварку, Дима торопливо направился в прихожую. Гость, которому он открыл дверь, оказался тоже из разряда самых дорогих и желанных.

— Приветствую! — переступивший порог Журавлёв одной рукой прижимал к себе корзину с цветами, а в другой держал ещё один довольно объёмный букет.

— Привет... — пожав оттопыренную кисть, Морозов удивлённо уставился на друга. — Ты где сегодня — вообще?! Днём не приехал, сейчас опоздал, телефон не доступен...

— Телефон разрядился... но теперь уже зарядился... — положив цветы на тумбочку, Женька снял куртку и у зеркала поправил длинные волнистые волосы. — Ленку в больницу собирали... потом Машку пристраивали... Сейчас только освободился. Сразу — к вам...

— А что, Милену положили в больницу?.. — выйдя следом за мужем, Наташа услышала последние слова, сказанные гостем. — Разве уже пора?!

— Да в том-то и дело, что ещё две недели гулять... — Женька пожал плечами. — Но сегодня поехали в консультацию, врач что-то занервничала... говорит, может раньше срока родить, надо срочно в стационар. Вот мы и собирались целый день... С перепугу то одно забыли положить, то другое, поэтому и телефон был не на зарядке. В общем всё, как в первый раз...

Получив от Журавлёва букет, подарок и дружеский поцелуй, Наташа потащила того за стол, но, войдя в гостиную, Женька вдруг что-то вспомнил и снова выскочил в прихожую. Вернувшись через секунду с корзиной цветов, протянул её имениннице.

— Ты с ума сошёл?! — Наташа весело рассмеялась. — И букет, и корзина!.. Признавайся, ты ограбил цветочный магазин?!

— Эти — не мои... — Журавлёв покачал головой. — Это у вас под дверью стояло. Так что держи, ищи записку, наверное, от поклонников.

— От поклонника... — усевшись рядом с Натальей, Дима кивнул на корзину. — Спорим, знаю, от какого?

— Да тут уже весь дом знает! — осмотрев цветы, Наташа усмехнулась в ответ. — В этот раз без письма.

— У тебя что, поклонник появился, Наташа?! — Светлана удивлённо посмотрела на падчерицу. — Ничего себе... Вот это корзинка!..

— А что я хуже других?! — та весело пожала плечиком. — За мальчишками фанатки целыми автобусами катаются! Могу я позволить себе хотя бы одного поклонника!

— За тобой не автобусами... за тобой самолётами летают... — Женька многозначительно прицокнул языком. — А это — большая разница.

...Глядя на друзей своего сына, Анна невольно улыбалась. Почти всех ребят она знала с юности, ведь первые репетиции «Ночного патруля» проходили именно в их квартире. Она никогда не препятствовала дружбе Дмитрия с другими мальчишками, именно по той причине, что все они крутились вокруг него, а, значит, были на их с Александром глазах.

Журавлёв появился намного позже, он был к тому времени взрослым, двадцатисемилетним мужчиной. Пять лет назад Дима пригласил его в свою группу, после ухода от Лапина. Впервые увидев смазливого, с шикарной шевелюрой каштановых волос клавишника, Анна вдруг поймала себя на мысли, что смотрит на него не как взрослая, старшая по возрасту женщина, а просто — как женщина... Женька был хорош! Даже не имея никаких «дурных» мыслей, Анна не могла себе в этом не признаться. Наташа рассказала ей, что это и есть тот самый Журавлёв, который в своё время помог ей — взял в свой ресторанный коллектив в качестве певицы. Они тогда расстались с Димкой — так глупо и нелепо... Самая главная нелепость проявилась позже — Наташка узнала, что беременна. Она училась на втором курсе университета, а по вечерам пела в ресторане... Когда беременность стала заметной, все решили, что ребёнок от Журавлёва. Так думал и сам Дима, пока случайно не узнал правду...

...Наташа рассказывала о Женьке, как о настоящем друге... но Анна невольно мыслями возвращалась в собственное прошлое. Оказывается, обманывать очень просто. Ведь она сама всю жизнь обманывала Александра... и ни за что на свете не рассказала бы о том, что произошло накануне их свадьбы... Не рассказала бы — никому и никогда!

...Так что мешало Наталье поступать точно так же?.. Рассталась с Димой, забеременела от другого... Потом встретила и сказала, что это его ребёнок... Весь месяц, до самого рождения внука Анну не покидала эта мысль. Ровно до тех пор, пока она не увидела Валерика. Сомнения отпали: внук был копией и её самой, и её сына.

Позже, узнав Наташу совсем близко, она и сама была уверена: изменить Димке, даже после расставания, та бы ни за что не смогла. Наташа была из рода тех женщин, которые хранят верность своему мужчине даже спустя долгие годы... Потому, что другие для них просто — не существуют.

...Даже такие, как Женька. Каждый раз, встречаясь с Журавлёвым, Анна невольно любовалась парнем. Её собственный сын был не обижен внешностью, но Димкина красота носила серьёзный, аристократический отпечаток. Журавлёвым же можно было любоваться, получая внутреннее чувственное удовлетворение, независимо от возраста созерцателя. Чуть удлинённое лицо, тонкий, «уточкой» нос, чуть сжатые в едва заметной полуулыбке красивые губы... Но самое главное — глаза. Светло-карие, они смотрели абсолютно серьёзно, и этот взгляд никак не вязался с его смазливой, в обрамлении шикарной волнистой гривы, лицом.

...Анна с трудом заставила себя отвести взгляд от парня. Нет, всё же хорошо, что ни говори. И даже возраст не мешает любоваться этим бывшим сердцеедом... Дима рассказывал, что теперь, покончив с бурной молодостью, тридцатидвухлетний Журавлёв неожиданно ушёл в веру. Он посещал церковь, видимо, отмаливая все разбитые им женские сердца, а иногда, в свободное от концертов и репетиций время пел в церковном хоре. От первого, «случайного» брака у него была десятилетняя дочь. Чуть больше года назад он, наконец, женился на женщине, которую любил всю жизнь. Они удочерили девочку-сироту, а теперь ждали появления на свет своего долгожданного первенца...

...Анне вдруг подумалось, что Наташе должно быть тяжело в таком разномастном мужском коллективе.

Хотя... скорее — не тяжело, а опасно... Ведь рядом столько парней... столько соблазнов! Хотя, что это она... Это полнейшая ерунда. Наташа любит Диму, у них дети, семья, общие интересы, она никогда себе не позволит!..

Нет, ну, что за мысли?! Откуда они берутся в последнее время?! Неужели виной всему её собственный грех... её страх перед разоблачением, который никуда не ушёл, а прочно поселился в душе... Настолько прочно, что она к нему почти привыкла...

— А чё за мужик?.. — голос Говорова прервал её мысли. Судя по всему, молодёжь всё ещё обсуждала Наташиного назойливого поклонника. — Вы его хоть в глаза видели?

— Да какой-то одержимый, — Дима махнул рукой и, потянувшись, взял в руки стоявшую неподалёку гитару. — Ходит под окнами, цветы под дверь оставляет, где-то уже с месяц. Никак его не выловлю, чтобы побеседовать.

— Вы поосторожнее с этими одержимыми, — Сашка насупился, — среди таких часто маньяки попадают.

— Да он не маньяк, — Наташе, видимо, надоел этот разговор, и она решила его закончить. — У меня где-то его визитка есть. Там и имя, и место работы, и телефоны...

— Откуда?! — две пары глаз, Говорова и Морозова, смотрели на неё так подозрительно, что Наташа едва не рассмеялась.

— Из букета! — она укоризненно посмотрела на обоих по очереди. — Прислал как-то с букетом визитку... И вообще... У меня теперь есть знакомый следователь! — Наталья кокетливо тряхнула длинными волосами. — Надо будет — обращусь!

— Кстати, о следователе... — Журавлёв уже второй год не «употреблял», поэтому сидел, грея в ладонях стакан с минеральной водой. — Я сегодня эту девушку видел... ну, которая в ментовке была... Ну, концерт вела, Саню фотографировала...

— Злату?! — Наташа удивлённо обернулась.

— Точно! — Женька с готовностью кивнул. — Злату! Мы с Ленкой утром в консультацию приехали, я машину ставил, а она как раз из дверей выходила.

— Из консультации?..

— Ну, да... Села в тёмную «корсу» и уехала.

— Так это же... Это же — та, которая вместо Натахи была?! — Говоров тоже подхватил разговор и многозначительно показал пальцем на Наталью.

— Если ты про девушку, которая Наташку изображала, то — да, её зовут Злата, — Дима левой кистью зажал струны на грифе, пальцами правой пробежался по ним у деки, — Мой персональный телохранитель.

— Угу... А ты здесь точно ни при чём?.. — Сашка строго сдвинул брови. — А то поматросил, понимаешь, и бросил, а девушке теперь ходи... в женскую консультацию...

— Вот здесь я точно ни при чём...

— Дим, не бойся, у тебя алиби!.. — Наташка весело успокоила мужа. — Я его даже в руках держала!

— Что это ты в руках держала?! — Говоров нахмурился ещё больше.

— Димкино алиби! А больше я тебе ничего не скажу!

...Вечер получился весёлым и задушевным — гости танцевали, музыканты играли и пели свои песни, к огромной радости Валерика, который ни в чём не отставал от взрослых и по уже сложившейся традиции исполнил под папин аккомпанемент легендарные «Косы».

— Ни к чему все вопросы, прочь из сердца тоску... — в это раз Валерка выговаривал все буквы, но всё равно песня в исполнении пятилетнего малыша звучала очень трогательно. — Я заплетал твои косы, волосок к волоску... Буду гр-р-ешным пр-р-ед тобой, меня прости!.. — видимо, опасаясь, что буква «р» не получится должным образом, Валерик её не проговаривал, а «прорывкивал». — А появится др-р-угой, не отпусти!.. Снова косы по плечам р-р-рас-пу-сти!..

...Наконец, все гости разошлись — вначале уехали Наташины родственники, ушли вместе с внуками Анна и Александр, а потом и Журавлёв с Говоровым засобирались по домам. Гостеприимная Наташа предлагала Женьке заночевать у них, чтобы не возвращаться в опустевшую квартиру, но он решительно отказался — после неожиданного звонка жены. Милене что-то там показалось, и, решив, что «уже началось», Журавлёв тут же собрался мчаться в роддом, но после уговоров более «опытных» Сашки с Димой пообещал, что сегодня — так и быть — поедет домой...

— Да в больницу он полетел, как пить дать, — выглянув в окно кухни, Наташа взглядом проводила Женькин «Ровер». — Вот будет теперь две недели как на иголках...

— Кстати... — Дима сзади обхватил жену руками, губами скользнул от макушки виску. — А что ты там за алиби в руках держала?..

— Господи... Дим... — Наташа негромко рассмеялась. — Да тест на беременность! Мне пришлось в её сумочке покопаться, а там — тест... Я его вытащила, потом назад спрятала. Не открывала, не смотрела, конечно... Но такие вещи у женщин просто так не появляются. Так что...

— Понятно... — выдохнув, он развернул её к себе лицом, крепко прижал, наклонился к губам...

— А ты что подумал?! — всё, что успела спросить Наташа...

Вопрос остался без ответа...

***

На следующее утро, придя за детьми, Наталья пригласила свекровь и свёкра на кофе — до начала рабочего дня было ещё достаточно времени, а огромный праздничный торт, съеденный вчера лишь наполовину, не умещался в холодильник, и с этим надо было срочно что-то делать. Усадив и детей, и родителей за стол, она разбудила мужа — всё ещё сонный

Дима вскоре тоже присоединился к утреннему «кофепитию». Приободрившись после второй чашки, он поднял на Наташу задумчивый взгляд.

— Дим, ты чего? — она невольно улыбнулась. — Ты смотришь на меня, как на привидение!

— Папа ещё не проснулся! — пользуясь тем, что внимание взрослых сосредоточилось на отце, Валерка потащил к себе ещё один кусочек торта. За ним тут же последовала маленькая Аня.

— Валера, ты в садике завтракать не будешь... — заметив эти уловки, Анна как можно строже посмотрела на внука, затем перевела взгляд на сына. — Дима, а тебе, наоборот, лишний кусок не помешает. Вот эту последнюю бутылку коньяка вам вообще вчера пить не стоило.

— Да ладно тебе, Ань, — Саша добродушно усмехнулся. — Всё было просто здорово. И вообще, ребята... Я вчера смотрел и думал... какая у нас хорошая семья получилась! Есть чему порадоваться на старости... есть.

— Знаете... — облокотившись о столешницу, Дмитрий чуть подался вперёд. — Я вот всё думаю... если бы не они, всего этого бы не было... Ни вчера, ни сегодня... Ведь запросто бы — не было...

— Ты о чём? — Анна непонимающе нахмурилась.

— Я про этих ребят... По Михаила, про Злату... про спецназовцев. Нет, я понимаю, что это — их работа, но тут другое... Я не могу сказать, я это чувствую...

— Но это, действительно, их работа... — Анна едва заметно пожала плечами. — Хотя, ты прав, сынок... Страшно даже представить... И я до сих пор не могу поверить, что Кристина...

— Понимаешь, мама... — Дима невольно перебил мать. — В том-то и дело, что это не было их работой. Мне Злата кое-что рассказала, в общих чертах... Это дело Михаил расследовал как бы по собственной инициативе. Убийства сейчас не в компетенции МВД, ими занимается следственный комитет. А в возбуждении уголовного дела ему было отказано.

— Почему?

— Не было улик... старые дела, давно закрытые, никому не нужны. А он сам копал... И, если бы не докопался, я был бы сейчас совсем в другом месте.

— Дим... — Наташа глазами показала на детей. — Не надо — при них...

— Ладно... — Дмитрий как будто очнулся от сна и посмотрел на жену уже другим, бодрым взглядом. — Знаешь что... Давай съездим к нему... надо отблагодарить. Ты же помнишь адрес? Сначала — его, а потом — Злату.

— Давай, конечно... — Наташа с готовностью согласилась. — Тем более, что они живут вместе.

— Вместе?..

— Да, и, видимо, собираются пожениться. Ну, а после того, что рассказал Женька...

...Анна невольно следила взглядом за супругом — во время диалога Дмитрия и Натальи Александр сидел молча, помешивая ложечкой кофе. Со стороны могло показаться, что он просто слушает, но она прекрасно видела, как напряглось его лицо.

— А что рассказал Женька?.. — утренняя весёлость куда-то улетучилась, Саша сосредоточенно разглядывал кофейную чашку.

— Судя по всему, наш Михаил скоро станет папой.

Глава 23.

В доме известного в городе адвоката Олега Семёновича Дзюбы вовсю шла подготовка к свадьбе одного из троих его сыновей. Это была первая свадьба в семье, поэтому размах мероприятия ожидался грандиозный. На фоне предстоящих семейных событий известие о том, что Миша и Злата тоже решили узаконить свои отношения, неизбежно меркло.

Естественно, оно было встречено одобрительными возгласами родственников, но излишки эмоций уже были выплеснуты на другую пару. Единственным человеком, у кого эта новость вызвала слёзы радости, была Вероника Григорьевна. Она долго шмыгала носом и вытирала мокрые щёки, заглядывала в глаза внуку и, обняв его за талию, прижималась головой к груди. Именно бабушка первой узнала обо всём — сначала по телефону, а затем и воочию. В доме сына у Вероники Григорьевны было собственное, отдельное крыло — с кухней, ванной, спальней и прочими необходимыми для жизни помещениями, и она сначала вволю наплакалась на Мишиной груди, от души расцеловала Злату, а уж потом увела их к Олегу — сообщать о предстоящем событии.

Выражение холодной озабоченности, присущее адвокату Дзюбе, на какое-то время сменилось приятным удивлением. Протянув руку, тот поздравил племянника и даже сделал комплимент Злате. Их отношения с Михаилом нельзя было назвать горячими, но для Мишки всегда были открыты двери дядино дома. Олег при каждом удобном случае подчёркивал, что Михаил может обратиться за помощью в любую минуту. Миша не сомневался в дядиной искренности, однако старался справляться с проблемами исключительно своими силами. Он всегда помнил, что Олег люто ненавидит его отца и с некоторых пор недолгобливает его мать, поэтому не хотел чувствовать себя обязанным именно этому человеку.

Сейчас ситуация усугублялось необходимостью приглашать на свадьбу всех родственников. Учитывая дурные наклонности Александры и, как следствие, её испорченный характер, а заодно непростой нрав Олега Семёновича, с которым она вступала в конфликт при каждой встрече, торжество могло закончиться скандалом. Такое было уже не раз.

Впрочем, регистрация брака Михаила и Златы была назначена на середину февраля, поэтому время обдумать масштабы торжества ещё оставалось.

***

Вторым по счёту был визит к родителям Златы. Она не стала звонить заранее, поэтому новость оказалась для них настоящим сюрпризом. Ещё по дороге Миша заметил, как волнуется Злата... Он и сам чувствовал себя не в своей тарелке из-за предстоящей встречи с Дашей, однако старался не подавать виду. Прошлого не вернёшь, у каждого из них теперь своя судьба, а родственные связи никуда не денешь. Им и дальше придётся встречаться, и надо привыкать к этой мысли.

Сидя за накрытым столом, он несколько раз невольно скользил взглядом по Дашиному лицу, теперь непривычно чужому и далёкому. Она и вправду изменилась, и судя по всему, не только внешне. Видимо, неудавшаяся семейная жизнь наложила свой, не самый лучший, отпечаток.

Михаил не спрашивал, но Злата в двух словах всё же рассказала ему, почему вернулась Даша. Испугавшись судьбы жены оперуполномоченного, тогда, семь лет назад, она вышла замуж за преподавателя — молодого и перспективного, который уезжал на работу в Канаду. Несколько лет они жили в Торонто, пока супруг не нашёл ей замену — из числа своих студенток. Узнав об измене мужа, Даша пыталась сохранить семью, но безуспешно. Детей у

них не было, и после развода она осталась у разбитого корыта — без работы, без денег, без гражданства. Ничего не оставалось, как вернуться домой, в Россию. Живя за границей, Даша занималась лишь домашним хозяйством, поэтому своих накопленных средств у неё не было, и теперь, чтобы не сидеть на шее у родителей, она пыталась устроить самостоятельную жизнь. Абы куда идти не хотелось, а получить хорошую должность с её не законченным высшим образованием было весьма проблематично. Известие о свадьбе сестры Даша восприняла без особого энтузиазма, но попыталась изобразить искреннюю радость, которая, скорее, была похожа на демонстративное сочувствие.

— Ну, куда же им теперь деваться! — имея в виду беременность Златы, Даша не смогла удержаться от колкости, загримированной под шутку. — Этого и следовало ожидать. Ребёнок — залог будущей семьи!

— Им уже давно пора было пожениться! — с виду ворчливый отец на самом деле отличался добрым характером, и Мишу очень уважал. Он больше всех обрадовался, узнав, что скоро станет и дедом, и тестем одновременно. — А то всё чего-то тянули, тянули... Всё равно ведь друг без друга не могут, целыми сутками вместе!

— Им по должности положено... — Даша пожала плечиком, потом подняла взгляд на сестру. — Кстати, ты не собираешься уходить из полиции? Как ты будешь с животом бегать на задержания?

— А я на задержания больше не бегаю, — Злата спокойно улыбнулась. — Я сейчас с документами работаю. В апреле — в декрет.

— Будешь старший лейтенант в декрете? — Даша деланно рассмеялась. — Кстати, звучит.

— Капитан.

— Что — капитан?

— Капитан в декрете.

— Тебе дали капитана?! Разве уже пора?

— Дадут, сразу после нового года. Как раз и будет — пора.

— Сколько событий... — Даша качнула головой, затем перевела взгляд на Михаила. — И столько приобретений... Муж, ребёнок, новое звание...

— Это не приобретения, Даша... — чуть прищутив в миг потемневший взгляд, Злата неожиданно резко оборвала сестру. — Приобретение — это вещь, которую можно купить. Звание мне положено по выслуге. А муж и ребёнок — это то, что даётся судьбой. При чём, раз и навсегда. Во всяком случае, у меня будет именно так.

— Я не хотела тебя обидеть... — смутившись от тона сестры, Даша покрылась румянцем. — Я не имела в виду материальную сторону...

— Я поняла, что ты имела в виду. Поэтому ты тоже... Не обижайся.

Разрядить обстановку удалось матери — та, как всегда, начала расспрашивать Мишу о службе, завела разговор о том, где и как молодые планируют отмечать своё бракосочетание. При этом будущая тёща не забывала угощать всех собственной выпечкой и поить чаем. Вскоре едва не назревший инцидент был, казалось, забыт. Но, распрощавшись с родителями и усевшись в машину, Злата неожиданно вспомнила о разговоре с сестрой.

— Тебя сегодня удивил мой тон? — повернувшись к Михаилу, она не торопилась застёгивать ремень безопасности.

— Ну, так... немного... — тот добродушно усмехнулся. — Резковато, конечно...

— Понимаешь... — Злата опустила взгляд куда-то вниз. — Я Дашку очень любила, и

сейчас очень люблю... В своё время я отошла в сторону, потому, что хотела ей счастья... Ей всегда все хотели счастья, и уступали... Она привыкла. Но сейчас всё изменилось. И я хочу, чтобы все знали... и ты знал, Миша... — взгляд снова устремился к Михаилу. — Сейчас я тебя никому не отдам... Я буду биться в кровь за свою семью... Слышишь, Мясников?! В кровь!..

— В кровь не надо. И биться не надо... — мужская кисть нащупала женскую ладошку, несильно сжала. — Мне никто кроме тебя не нужен... Кроме вас.

— А я знаю. Теперь я это точно знаю... Я бьюсь только за то, что у меня есть. Было бы иначе, я и сейчас отошла бы в сторону.

— Ни в какую сторону я тебя не отпущу... — потянувшись рукой, Михаил обхватил Злату за шею и сам потянулся следом. — Даже не рассчитывай.

— Другие тоже пусть не рассчитывают, — она прижалась головой к его плечу. — Я предпочитаю предупреждать об этом сразу. Хотя... ты прав, наверное. Можно было и полегче... Наверное, всему виной мой новый гормональный фон... А, может, старая ментовская привычка...

— Да-да... — Миша шутливо «боднул» её головой. — Скорее — второе. Старая ментовская привычка брать на понт...

***

К своей матери Михаил поехал один. Злата была готова отправиться вместе с ним в гости к будущей свекрови, но Миша отговорил — зная Александру, можно было предполагать совершенно неожиданную реакцию на известие о его женитьбе.

Он почти угадал: Сандра была хоть и трезвая, но в дурном расположении духа. Её сожитель Вадим вот уже третью неделю не выходил из запоя. Вначале Александра составляла ему компанию, но сейчас остановилась, безуспешно пытаясь вывести Вадика из крепкого алкогольного «штопора».

— А бабка с Олегом уже знают? — услышав новость, она задала первый вопрос.

— Знают, — Михаил решил не обманывать. — И они знают, и Златкины тоже в курсе.

— Все в курсе! — Сандра театрально развела руками. — Только мать не в курсе!

— Мы сначала объехали тех, кто ближе живёт. Не обижайся, мам. Какая разница, кто раньше узнал, кто позже? Я же приехал.

— Ну, конечно... — мать обиженно поджала губы. — Кто ближе... Олежек за городом живёт, но он же — ближе!

— Мам... — Миша обнял мать за плечи. — Ну, перестань. Лучше порадуйся за нас!

— А Златины родители вообще должны были всё узнать от меня! Должно быть сватовство, помолвка... — высвободившись из объятий сына, Александра широко шагала по гостиной и всплёскивала руками от возмущения. — Мы должны встретиться, оговорить все условия...

— Какие условия, мам?.. — присев на стул, Миша смотрел на мать как на маленького ребёнка. — Мы — взрослые люди, всё сами организуем. А, может, вообще обойдёмся ЗАГСом. Мы пока не решили.

— То есть как это — ЗАГСом?! — трезвая Александра Семёновна любила изображать заботливую родительницу, даже несмотря на то, что жила за счёт сожителя-пенсионера, а так же собственных матери и сына, которые каждый месяц выделяли ей небольшие суммы из своих доходов. — Ты — мой единственный сын, я должна женить тебя по всем правилам! Я что, не имею права погулять на твоей свадьбе?! Ну, пусть твоя Злата не хочет, она не в

первый раз замуж выходит... Но ты-то — впервые женишься!

— Мама... — Михаил нарочно пропустил мимо ушей упоминание о Златином втором замужестве. — У нас пока нет планов. К тому же... к тому же, ты скоро станешь бабушкой, а это ведь важнее, правда?

Узнав, что у неё скоро появится внук или внучка, Александра даже всплакнула. Эта новость подействовала на неё сильнее, и Миша не стал говорить, что бабушка и Златины родители давно в курсе. Напротив, он сделал вид, что сообщил матери об этом первой — знал, что она не будет выяснять подробности ни у Вероники Григорьевны, ни у будущих сватов. Несмотря ни на что, свою мать Миша любил и всегда жалел.

По пути домой он снова призадумался. Пышной свадьбы вовсе не хотелось, но он решил во всём положиться на Злату.

...Как будто угадав его мысли, она первой начала разговор. Накормив Мишу ужином, Злата уютно устроилась рядом с ним на диване.

— Миш... а давай не будем ничего устраивать. Просто распишемся, и всё...

— Почему? — он едва заметно улыбнулся и скосил на неё взгляд. — А как же белое платье?..

— Да у меня пузо скоро на нос полезет... Какое тут платье?

— Что-то не заметно, чтобы оно у тебя лезло... — Миша рукой скользнул по её животу. — У нас там точно кто-то есть?!

— Ты думаешь, что я тебя обманула, чтобы затащить в ЗАГС?.. — Злата многозначительно усмехнулась. — Нет, Мясников. Я такими вещами не стала бы шутить. Хотя-а-а...

— Ну-ка, поподробнее... Что там — «хотя»?..

...Его рукам Злата не сопротивлялась. Повалив на подушку, Мишка заграбастал в объятия хрупкое женское тело, лицом уткнулся в золотистые завитушки...

— Хочешь — честно скажу?.. — Злата неожиданно стала серьёзной.

— Хочу...

— Сначала я не хотела тебе ничего говорить... — она чуть приглушила голос. — Когда узнала, что беременна, решила: напишу рапорт на увольнение... уеду куда-нибудь. Там рожу, и буду жить...

— Почему?!

— Потом передумала... — Злата оставила его вопрос без ответа. — Решила, что не буду увольняться... просто рожу. А тебе скажу, что ребёнок не твой...

— Как это — не мой?! — приподнявшись на локте, Миша сделал «возмущённое» лицо.

— Не перебивай... — Злата на секунду замолчала. — Я так злилась... на тебя, но больше — на себя... Потом мне жутко хотелось, чтобы ты знал. Купила тест на беременность, и нарочно его тебе подсовывала... А ты не замечал.

— Надо было сказать. Я же эти тесты никогда в глаза не видел.

— Я не могла сказать... это выглядело бы как шантаж.

— Ты с ума сошла?! — Миша ещё крепче сомкнул руки. — Златка... Я, конечно, медведь... но неужели ты могла подумать, что я не захочу ребёнка?

— Дело не в ребёнке, Миша... В том, что ты не откажешься, я как раз и не сомневалась.

— А в чём ты сомневалась?

— Я не знала, нужна ли тебе я. Мы с тобой уже столько лет... А ты мне так ничего и не сказал, не предложил... Что я должна была думать? А тут ещё Даша решила вернуться... Всё

так совпало... В общем, я сорвалась.

...Можно было сказать какие-то слова, рассыпаться в заверениях любви и преданности... Он не покривил бы душой ни на секунду, но... В то же самое время Михаил понимал, что и самой Злате не нужны сейчас эти дежурные фразы. Они, действительно, слишком давно знали друг друга...

— Знаешь... — вздохнув, он снова опустился на подушку — рядом, поднял взгляд. — Я не помню, чтобы мои мать и отец когда-нибудь поцеловали друг друга, хотя бы чисто по-дружески. Мне кажется, они даже никогда не касались друг друга... И, если бы не бабушка с дедом, я и правда бы не знал, что такое настоящая семья. У них всё было по-другому. Дед очень любил бабулю... он был довольно суровый, мог и накричать, но она на него никогда не обижалась...

— Ты думаешь?.. — Злата грустно улыбнулась. — А мне кажется, что твоя бабушка просто не показывала своих обид. Именно потому, что сама любила твоего деда. А, значит, знала его характер.

— Может, ты и права... Мне у них всегда было хорошо. Так хорошо мне только теперь... с тобой.

— Тебе со мной удобно...

— А ещё мне очень плохо без тебя. Я понял это, когда ты вдруг сказала, что хочешь в себе разобраться... А потом, когда здесь была Наталья...

— Ну-ну... — в тоне Златы появилась шутливая заинтересованность. — Наталья... И — что?

— Ничего... просто я понял, что хочу видеть рядом с собой только тебя, и никакую другую женщину.

— Странно...

— Что странно?

— Как неожиданно пересеклись ваши судьбы. Твоя и Дмитрия... Я ведь тоже... Когда представила, что Наташа ходила по этой квартире, смотрелась в зеркало, сидела вот на этом месте...

— Откуда ты знаешь, где она сидела?

— Догадалась... — Злата невольно улыбнулась одними уголками губ. — Так вот... когда я всё это себе представила, я поняла, что не смогу допустить, чтобы здесь оказалась другая... И тогда рассказала тебе обо всём.

— Значит, спасибо Наташе.

— А ты?.. — Злата перевела взгляд на Михаила. — Ты меня совсем не ревновал?

— К кому?

— К Морозову. Публичный человек, известный музыкант... У таких обычно куча поклонниц. Вдруг, и я бы поддалась его чарам?.. Всё же мы с ним пол дня вместе провели.

— Не-а... я же знаю тебя. Ты проявляешь интерес и гоняешься только за преступниками. А Дима — законопослушный гражданин. А, значит, не представляет для тебя ну никакого интереса!

— Тебя не проведёшь, Мясников... Всё-то ты обо мне знаешь...

— Я же тебя люблю...

— И я тебя...

...Ещё одну весьма волнующую тему затронула тоже Злата, и тоже совершенно неожиданно. Разобрав ко сну кровать, она вдруг уселась на край и, сцепив в замок кисти рук,

какое-то время наблюдала, как Михаил меняет лампочку в прикроватном светильнике — лампочка никак не хотела вкручиваться, а когда Миша попытался вытащить её из патрона, оказалось, что заело резьбу.

— Да брось ты её... — Злата, наконец, нарушила молчание. — Завтра выкрутишь.

— Думаешь, завтра легче будет? — в очередной раз пошевелив лампочку, Миша всё-таки вытащил её наружу. — Вот и всё... Сейчас...

— Миш... — судя по приглушённому тону, теперь Злата собиралась спросить о чём-то более важном. — А ты отцу будешь сообщать?

— О свадьбе?.. — услышав вопрос, Михаил ненадолго призадумался. — Да надо бы. Он конечно, не приедет... Но всё же...

— Ты уверен, что не приедет?

— Почти на сто процентов.

— Он тебе в последнее время часто звонит. Вдруг захочет приехать?..

— Не знаю, Злат... — вкрутив, наконец, лампочку, Миша уселся рядом. — Если честно, я и сам об этом думал. Он столько лет сохранял дистанцию, а тут вдруг — звонок за звонком. Он вообще какой-то странный в последнее время. Даже не знаю, к чему бы это... Но сообщить, конечно, я сообщу.

— Если сообщишь, то и пригласить нужно.

— Ты права... Пригласить нужно. Но я всё же надеюсь, что он не приедет. Я не могу представить его встречу с матерью, с Олегом Семёновичем...

— Всё верно, Миш. Давай не будем создавать прецедент. Просто распишемся... Проставимся в отделе ребятам. А родителей посетим по очереди... — Злата повернулась к Михаилу, взяла в ладони его лицо, взгляделась в глаза... — Самый главный праздник у меня только с тобой...

— А у меня — с тобой... — он слегка коснулся губами её губ, потом чуть отстранился. — Правда, вот коньячку будет не с кем выпить... Тебе же нельзя.

— Ладно, я с тобой чокнусь... тем более, будет за что. И за свадьбу, и за дочку, и за капитана...

— Как — за дочку?.. — Михаил на секунду замер. — Откуда ты знаешь, что будет дочка?!

— Да вот знаю... Не хотела пока говорить... ты же сына хочешь, наверное? — Злата невольно улыбнулась.

— Нет... — Мишка замотал головой. — Я дочку хочу... чтоб с такими же кудряшками, как у тебя... Так что, правда — девочка?!

— Правда...

...Услышав поздний звонок в дверь, Злата встревоженно посмотрела на часы. Они с Мишкой так и не легли спать, хотя был уже одиннадцатый час. Вместо сна развернулось позднее чаепитие с пончиками, испечёнными её собственными руками. Услышав ещё одну радостную новость о том, что у них, скорее всего, родится девочка, Миша уже в который раз посмотрел на бутылку коньяка в холодильнике, но в одиночку пить не стал, а, вздохнув, захлопнул дверцу. Когда позвонили в дверь, он расправлялся с очередным пончиком, поэтому открывать пошла Злата.

— Ребята... вы простите, что так поздно!.. — Дмитрий и Наталья Морозовы веселовиновато улыбались с лестничной площадки. В руках у Димы был объёмный пакет, а Наташа держала в руках зачехлённую гитару. — Мы едем с одного корпоратива, как раз по вашему

району... — говорила в основном Наташа, а Дима только улыбался и кивал. — Я Димке говорю — давай заедем, вдруг не спят... У нас же сейчас каждый вечер выступления, свободного времени совсем нет, а мы всё равно собирались к вам...

— Да вы проходите... — Злата посторонилась, чтобы пропустить гостей. — Проходите, раздевайтесь...

— Мы только на минутку... — Диме, наконец, удалось вставить слово. — Мы, правда, давно собирались заехать, ещё раз поблагодарить... но днём вы на работе, а вечера у нас расписаны, если только вот так, ночью...

— Мы подъехали, а у вас свет горит! — Наташка снова перебила мужа. — Я ваши окна запомнила!

— Да проходите же... — Злата только сейчас сообразила, что на ней домашняя пижама и невольно поправила её на груди. — Только извините, я в таком виде...

— Нет, мы только отблагодарить... — Дима протянул пакет — Вот тут небольшой новогодний презент... вы, пожалуйста, возьмите! Это — вам с Михаилом...

— А это — тоже вам... — Наташа чуть приподняла гитару в вытянутых руках. — Это гитара... Новая, хорошая, акустика...

— Спасибо... — Злата беспомощно оглянулась в сторону кухни. — Это так неожиданно... правда, у нас никто не играет...

— Это неважно. Гитара в доме никогда не помешает. К вам могут прийти друзья, кто-то сыграет... мы с Димой хотели, чтобы у вас осталась какая-нибудь вещь — на память — от нас. А что ещё могут подарить музыканты?.. Гитару, конечно... Вы только не отказывайтесь...

Несмотря на то, что гости старались говорить вполголоса, поздний разговор получился довольно шумным.

— Здра-а-сьте... — появившийся, наконец, Михаил удивлённо остановился в дверях прихожей. — А я думаю, с кем там Злата разговаривает?! Всех знакомых в уме перебрал, так и не догадался!..

— Миш, прости нас, пожалуйста... — начала было Наталья, но он её перебил.

— Да я всё слышал!.. Только не понял, почему вы ещё не разделись?!

— Мы на минутку... — Дима шагнул вперёд и протянул руку Мясникову. — Ехали по пути, с концерта.

— Вы ехали по правильному пути... — отвечая на рукопожатие, Михаил как-то многозначительно усмехнулся и кивнул в сторону кухни. — Я, между прочим, весь вечер не знал, с кем рюмку коньяка выпить! Один не привык, Злата компанию не поддерживает. Так что у вас вариантов нет!

— Вообще-то я за рулём... — Дима чуть замялся, потом повернулся к жене. — Наташка... ты же за руль просилась целый день? Считай, что я выполнил твой каприз! Домой поведёшь ты.

Узнав, по какой причине их просят остаться, Наташа была вынуждена согласиться «немного посидеть» за ночным столом. Дети были у старших Морозовых, поэтому единственной причиной для отказа могла послужить усталость — им, действительно, приходилось работать на износ в эти последние декабрьские дни... Но отказываться было нельзя — в конце концов, они и пришли, чтобы сказать слова благодарности, а где их ещё сказать, как не за накрытым столом? Благо, поводов оказалось несколько.

...«Недолго» растянулось далеко за полночь. Поздравления по поводу женитьбы и

рождения первенца были сказаны и даже спеты... Бутылка коньяка почти опустела, новая гитара была вынута из чехла, песни вперемешку с шутками то и дело слышались из открытого настежь окна. Наташа оказалась очень интересной рассказчицей — Злата от души хохотала над её гастрольными рассказами, а уж рассказывать «патрулям» было о чём...

Сам Морозов не отставал от жены, метко вставляя реплики, от которых немногословный Миша тоже заходился смехом.

Просмеявшись в очередной раз, он окинул взглядом гостей и с сомнением покачал головой.

— Если я завтра расскажу, кто у меня был в гостях... мне же не поверят!

— Почему не поверят? — Морозов удивлённо пожал плечами. — Гости как гости...

Припёрлись без объявления войны... выпили в доме весь коньяк, съели всю закуску...

— Дима, ты же известный артист, композитор! — Мишка поднял вверх указательный палец. — А сидишь за столом у меня, какого-то простого следака... Никто же не поверит!..

— Поверят! — упершись ладонями в колени, Дмитрий распрямился на стуле. — Мы сделаем так, что поверят!

— Смотри, что сейчас будет... — наклонившись к Злате, Наташа чуть понизила голос.

— А что будет?.. — Злата тоже придвинулась и ответила в тон.

— Сейчас Димка будет футболками меняться, — Наталья кивнула в сторону мужа, который в этот вечер был в фирменной чёрной футболке с надписями «Ночной патруль» на груди и «Морозов» на спине. — У него отец, Александр Иванович, так в своё время гимнастёрками менялся, под водку... Мне свекровь рассказывала. А потом, когда из армии уволился, стал майками меняться. Правда, не со всеми. Только с очень близкими друзьями... А Димка, если алкоголя чуть переберёт, начинает всем свои концертные футболки дарить... — Наташа негромко рассмеялась. — Мы ему нарочно с запасом эти футболки заказываем. Хорошо, что он редко пьёт... А то половина города бы в его футболках ходила!

— Интересная привычка... — Злата как-то странно посмотрела сначала на Морозова, потом на Мясникова.

— Нет, это не привычка... Это, скорее, обычай, их, морозовский... И футболки он обычно новые дарит... — пользуясь тем, что парни были увлечены собственным разговором, Наташа продолжала свои пояснения. — Но, если новой нет под рукой, то может и с себя снять. Смотри, смотри... кажется, начинается...

Обмен одеждой, действительно, уже начался — вслед за Димой Михаил стаскивал с себя трикотажную брендовую майку, которую Злата купила ему совсем недавно.

— Миш, подожди!.. — Злата жестом попыталась его остановить. — Давай, Диме новую отдадим? Ну, неловко — с себя-то...

— Почему неловко?! — Морозов округлил глаза. — Я же тоже — с себя! Это как кожу свою отдать... Как кровь перелить... Мы же теперь как братья!

— Дима!.. — вскочив со стула, Злата решительно отняла у Мишки его майку и вновь обернулась к Дмитрию. — Твоя футболка — это, действительно, реликвия... но Мишкина майка — это всего лишь майка... Поэтому я принесу сейчас новую, с этикеткой!

— Злата, это бесполезно... — Наташа покачала головой. — Новую он не возьмёт.

— Ну, неловко же...

— Да всё нормально!.. ну, пусть поменяются!.. — Наташа ещё больше понизила голос. — Это морозовские заморочки... С ними лучше не бороться, тем более, что бывает такое не часто, и не с каждым.

— М-да... — глядя на переодевающихся парней, Злата невольно рассмеялась. — А я-то думала... видимо, и мне придётся привыкать...

— Да ты не бойся, мы к вам часто приходим не собираемся, — Наташа тоже рассмеялась в ответ. — Просто сегодня так получилось.

— Да я не боюсь, приходите в любое время. Дело в том... — на лице Златы появилось неожиданно озорное выражение. — Дело в том, что у Мишки тоже есть такая привычка. Он тоже, если к кому прикипит, обязательно чем-нибудь поменяется. У него это тоже не часто. На моём веку — дважды было... Первый раз с товарищем по школе милиции бушлатами поменялся. Их тогда в Чечню закидывали. Потом товарищ в спецназ ушёл. Второй раз с другим товарищем, который его спас. Он тогда уже в уголовном розыске работал. Парень был совсем мелкий, одежда бы не подошла, так они пуговицами на кителе поменялись. Я лично перешивала. Дима — третий.

— Серьёзно? А Димка не боевой товарищ...

— Не обязательно быть боевым. Можно просто — товарищем... В Мишкином представлении так становятся братьями.

— Надо же... — покачав головой, Наташа перевела взгляд на Михаила — надев футболку на шею, тот никак не мог продеть руки в рукава. Зацепившись взглядом за тёмное родимое пятно ниже ключицы, она смотрела и смотрела, пока не догадалась, что Злата может неправильно расценить это взгляд. С трудом оторвавшись от пятна, Наталья изумлённо вскинула глаза на свою собеседницу. — Не может быть!.. Такие совпадения бывают одно на миллион...

— Какие?

— Родимое пятно... Оно точь-в-точь, как у Александра Ивановича! Это их родовое «морозовское» пятно. И вообще... Они поразительно похожи!

— Кто похожи? — этот вопрос Злата задала нарочно, заранее зная ответ.

— Миша и мой свёкор, Димкин отец... Если бы ты его увидела, ты бы удивилась...

— Я его видела. Он приходил по повестке.

— Ну... похожи ведь?!

— Да, пожалуй, что-то есть. А что значит — «морозовское» пятно? — Злата нарочно опустила глаза, чтобы не выдать своего настоящего интереса.

— Ну, это пошло с Димкиного прадеда. Как там было до него, история умалчивает, но у самого прадеда это пятно уже было, якобы на плече... — Наталья увлечённо рассказывала семейную историю рода Морозовых. — У его сыновей-близнецов — на лопатках, при чём, у обоих. У внука, то есть у Александра Ивановича, на груди... Как у твоего Миши — абсолютно такое же, и на том же самом месте... представляешь?!

— А у Димы есть такое пятно?

— Есть, только на затылке, под волосами. И оно бледное... — говоря о муже, Наташа не сводила изумлённых глаз с груди Мясникова. — Нет, ну так не бывает!..

— Это пятно появляется только у мужчин?

— Я не знаю всей истории... У прадеда было шестеро сыновей, мне о них ничего не известно, только то, что связано с коленом Александра Ивановича. Если честно, я думала, что это всё выдумки, про родовое пятно. Мало ли, совпадения... Семейная легенда. Димкиного деда я не видела, у Димы пятно есть, но оно не похоже на отцовское. У нашего сына Валеры вообще нет никакого пятна.

— Жаль, если легенда... Хотя, может, ещё и родится кто-нибудь с таким родовым,

«морозовским» пятном... — Злата загадочно улыбнулась. — Кто знает?..

— Так уже... родился. Вернее, родилась... — Наташа выдержала небольшую паузу. — У нашей дочки, Анюты, есть такое пятно. И как раз на плече, как у пра-прадеда, по форме и цвету — как у деда. Но, самое удивительное... Оно такое же, как у твоего Миши!

— Выходит, это не семейная легенда... А самая настоящая семейная быль.

Уже под утро, проводив гостей, Злата ещё какое-то время наблюдала, как Мишка безуспешно пытается снять с себя «патрульскую» футболку. Парни были одинакового роста, но Дима был более стройного, худощавого телосложения. Учитывая тот факт, что «фирменная», концертная футболка была в обтяжку даже ему, то на более крупном, мускулистом Мишкином теле чёрная ткань натянулась до предела. Казалось, что швы вот-вот должны с треском полопаться от напряжения.

Похихикав ещё немного, Злата решительно взялась за нижний край... Освободившись от невольного плена, Михаил со вздохом облегчения упал на подушку.

— Русская душа — самая загадочная душа в мире... — лицо Михаила приобрело философское выражение. — Никогда не знаешь, где, когда и с кем напьёшься...

— А по-моему, вы больше притворялись.

— От тебя ничего не скроешь... — Миша и вправду сейчас выглядел абсолютно трезвым.

— Мясников... — Злата смотрела на него насмешливо, уперев руки в бока. — Что такое бутылка коньяка для двух молодых, здоровых мужиков? Да ещё под хорошую закуску...

— Знаешь, меня всё время не покидало ощущение, что Димка хочет о чём-то спросить... Он ещё на родинку мою как-то странно смотрел... Сначала вроде как опьянел, а потом, когда разделись, сразу трезвым показался.

— У его отца... — Злата запнулась, но тут же поправилась. — У вашего отца... у него — точно такое же родимое пятно. На том же самом месте.

— У отца?! — Миша в одно мгновение сел на кровати. — А ты откуда знаешь?..

— Наташа сказала. Она сразу заметила, как ты майку снял. Так что, Миша, отпали последние сомнения. Морозов — твой брат. И, по-моему, он тоже о чём-то догадался...

Глава 24.

Звонки от обоих Морозовых поступили через день. Первым позвонил Дима — Михаил в это время ехал в СИЗО, поэтому разговаривать пришлось на ходу.

— Вчера отец мне всё рассказал... — судя по голосу, Дмитрий был слегка взволнован, но уже пытался говорить без излишних эмоций. — Не скрою, что мне пока сложно всё осознать... но в любом случае я рад и знакомству, и... — Дима невольно запнулся, но тут же справился с собой. — И родству.

— Подожди, Дима... — Михаил хотел сказать, что он сейчас где-нибудь притормозит, но собеседник не дал ему этого сделать.

— Это ты подожди, Миша... подожди... — даже не видя Дмитрия, можно было представить, как он на этих словах «рубит» воздух кистью. — Подожди... я хочу сказать, что ты зря ничего не рассказал раньше, тем более — позавчера...

— Ну, во-первых, согласись, что это непростой разговор, — Мясников невольно усмехнулся. — Да и сейчас — не телефонный... Если будешь не против, то давай встретимся, уже в новом качестве.

— Конечно, я не против. Сейчас у нас все вечера рабочие, но тридцать первого мы будем дома.

— А я думал, что в новогоднюю ночь все артисты работают.

— Нет, мы всегда дома, у нас традиция... Но это неважно. Мы с Наташей приглашаем вас со Златой к себе.

— Вот тут ты меня застал врасплох... — так и не выбрав места у обочины, где можно было бы притормозить, Миша на несколько секунд замялся. — На ходу я тебе сейчас ничего не скажу... В любом случае, нужно со Златой посоветоваться.

— Ну, вы решайте, а я буду ждать звонка. А, вообще... — теперь замялся Морозов, как бы прикидывая лучший вариант встречи. — Вообще, если будет желание, то все вечера до Рождества мы работаем в «Золотом льве». Знаешь такой клуб?

— Знаю. Я там как-то одного жулика брал.

— Кого?! А, понял... — судя по тону, Дима не совсем понял, о ком говорил Мясников, но решил не тратить время на расспросы. — Так вот, можете со Златой туда в любой вечер подъехать. Там вход не свободный, но я вас проведу. Пообщаемся после концерта. Там, кстати, очень прилично.

— Да мы по ксивам и так пройдем... — Михаил невольно усмехнулся. — Тоже неплохой вариант. Значит, договорились. В любом случае, обязательно встретимся.

...Второй звонок — уже от Александра — прозвучал буквально через несколько минут. Притормозив у ворот СИЗО, Миша махнул охраннику, чтобы тот подождал. Разговор был недолгим — старший Морозов тоже просил о встрече, он собирался приехать к Мясникову домой этим же вечером. Дежурства в этот день не было, поэтому Миша предложил свой вариант: он заезжает за Александром по дороге домой. Его профессия не предполагала нормированного времени, и рабочий день мог закончиться гораздо позже установленного часа.

К счастью, обошлось без серьезных происшествий, поэтому домой Михаил собрался относительно вовремя. Понимая, что её присутствие с первых минут будет смущать Морозова, Злата уехала чуть раньше на такси. Когда Михаил и Александр показались на пороге квартиры, она всю хлопотала на кухне и выглянула лишь, чтобы поздороваться с гостем.

Опередив свою хозяйку в два прыжка, Берта уже стояла на задних лапах, передними упираясь в Мишкину грудь. Увидев огромную собаку, Александр невольно замер. Отскочив от хозяина, в следующую секунду Берта уже всю обнюхивала гостя. Закончив «знакомство», присела на задние лапы и задрала к нему морду.

— Обалдеть... — Злата изумлённо покачала головой. — Она что... чувствует?!

— Наверное... — Миша потрепал Берту по голове и посмотрел на Морозова. — Она обычно незнакомых обнюхивает, а потом облаивает, мол — чужой в доме... А с вами явно почувствовала, что — свой...

— А я сам люблю собак... — Александр присел перед Бертой. — Родители всегда держали овчарок, а у меня вот не получилось... — он протянул руку, — Ну, что... будем дружить?..

Не торопясь отвечать на «рукопожатие», Берта перевела вопросительный взгляд на хозяина.

— Берта, поздоровайся... — тот одобрительно кивнул. Немного приподняв переднюю лапу, Берта сделала ею поступательное движение, но не попала в ладонь гостя — Александр сам подхватил мохнатую, когтистую «пятерню».

— Для службы она уже старая, поэтому списана на заслуженный отдых. И домашний

режим ей нравится гораздо больше... — наблюдая, как его псина охотно знакомится с Морозовым, Михаил невольно заулыбался. — Раньше жуликов охраняла, а когда я её забрал, оказалась очень даже семейной. Детей любит... Моему двоюродному брату десять лет, так она его просто обожает, и даже ночевать у них остаётся. Позавчера, когда Дима с Наташей заезжали, как раз была в гостях.

Со стороны могло показаться, что это неожиданное «собачье» отступление оба собеседника используют, как возможность подготовиться к предстоящему разговору. Злата первая решила, что пора оставить мужчин наедине. Она уже была знакома с Александром — это произошло после его с Анной юбилея, когда чуть не погиб Дмитрий. Поэтому, приветливо улыбнувшись, она решила вернуться на кухню.

— Вы проходите в гостиную, как будет готово, я позову, — кивнув мужчинам, она посмотрела на собаку и махнула ей рукой. — Берта, идём со мной! Я тебе что-то вкусненькое дам!

— Ну, иди к Злате, — Миша ещё раз погладил мохнатую собачью голову, потрепал за одно ухо, затем поднял взгляд на гостя. — А мы — в комнату... пока и нам что-нибудь вкусненькое приготовят.

...Сегодня, увидевшись с Михаилом, Морозов лишь пожал тому руку. Он чувствовал, что этого рукопожатия ничтожно мало, но обстановка не располагала к другим откровениям — усевшись в свой автомобиль, он ехал следом за машиной Мясникова. И вот теперь, оказавшись в Мишкином доме, он не торопился присаживаться на диван. Остановившись посреди комнаты, он ещё какое-то время вглядывался в лицо своего нежданного сына.

...Двое мужчин — один молодой, широкоплечий, крепкого телосложения, и второй — уже зрелого возраста, более худощавый, сейчас стояли, устремив друг к другу удивительно похожие лица и молчали.

...Александр не выдержал первым.

— Ну, здравствуй ещё раз... — он снова протянул Михаилу руку, и, когда тот пожал её в ответ, другую, свободную кисть положил на крепкое молодое плечо. Потом обхватил ею парня за шею, резко потянул на себя. — Здравствуй, сын...

***

Ужин был готов, но Злата так и сидела на кухне, стараясь не шуметь. Она понимала, что этих полутора часов, которые прошли с того момента, как Александр появился в их квартире, слишком мало, чтобы можно было прервать разговор отца с сыном, даже ради накрытого стола. Она невольно прислушивалась к тому, что происходило в соседней комнате — беседа была негромкой, и говорил, в основном, Морозов. Миша же лишь отвечал на вопросы, видимо, предоставляя возможность Александру высказаться первым.

Из долетающих обрывков фраз можно было сделать вывод, что беседа не имеет определённой нити — воспоминания более чем тридцатилетней давности то и дело сбивались на события сегодняшних дней.

— Я ведь уже третью неделю, как живу с этой мыслью... — Морозов сидел напротив Михаила, чуть подавшись вперёд и сцепив пальцы рук. — Понимаешь, столько лет прожил... жене ни разу не изменил... Да мне и в голову бы не пришло, что у меня может быть ещё один сын. То, что произошло с Алей... это было настолько внезапно, что и в памяти-то толком не осталось! Мы ведь и знакомы-то почти не были, я только имя знал... Пару раз на танцах встретились, она мне понравилась... — Александр слегка пожал плечами и чуть склонил голову, как бы вспоминая те дни. — Если честно, я и лица её сейчас не вспомню...

помню, что симпатичная была, даже красивая... Я хоть постарше был, да всё равно — пацан пацаном. Что там в училище — одни парни, такие же, как я, девчонок только и видели в увольнительных. А тут — вывезли на картошку, вроде как на свободу выпустили, хоть и в пределах устава. Голову и снесло... — Александр на несколько секунд замолчал, едва заметно улыбнулся. — Я тогда на два часа из увала опоздал. Ну, и получил за это — два месяца без увольнительных. Алю, конечно, вспоминал, хотел передать ей записку с ребятами нашими, но оказалось, что она с девчонками уже уехала в город. Всё, что я о ней знал — это имя, институт и должность отца. Она как-то вскользь упомянула... — Морозов не стал дословно воспроизводить речь разъярённой Александры и её угрозы, решив ограничиться малой информацией. — Письмо бы написал, да куда? Ни адреса, ни фамилии. Все эти два месяца я только и думал, как найду её... А когда, наконец, вырвался на свободу, оказалось, что она за это время успела выйти замуж. — Александр медленно поднял глаза на Михаила. — Но я даже представить не мог, что то мимолётное свидание с твоей мамой обернётся таким вот сюрпризом... спустя тридцать два года.

— Я знаю о вас уже давно... — Михаил тоже чуть подался вперёд и сцепил пальцы. — Уже больше пятнадцати лет. Мать сначала скрывала от отца, что я не его сын... Но потом он сам догадался. А ещё через какое-то время мне всё рассказали бабушка и мамин брат. Он как раз и занимался вашим розыском.

— Но почему я ничего не знал?!

— Мама не хотела... а бабушка решила, что я всё равно обязан узнать о своём настоящем отце, то есть о вас. Только информацию я получал... скажем так, очень дозированно. — Миша невольно усмехнулся. — Всю правду узнал только недавно.

— Как же они меня разыскали?! — Александр изумлённо развёл руками. — Только по имени?!

— По имени, фамилии и учебному заведению. Мама знала вашу фамилию. Вы тогда, на картошке, пришли к ним в общежитие позвонить и назвали себя: «Курсант Морозов». Она запомнила... А потом уже узнала имя.

— Вот оно что...

— А ещё... — Михаил неожиданно встал и, пройдя к горке, выдвинул один из ящичков, достал из него небольшую шкатулку в виде позолоченного миниатюрного сундучка и, открыв замок, приподнял крышку. Александру не было видно содержимого, но, судя по тому, что Миша сразу извлёк на свет какой-то предмет, этот предмет в сундучке был единственным. — Вот... Узнаёте?

— Что это?! — Морозов слегка нахмурился, разглядывая небольшую латунную пуговицу с выбитой на ней пятиконечной звездой. — Подожди... это что — моя?!

— Ваша. Вы тогда потеряли.

— Это та самая пуговица... Её нашла Аня, она мне всё рассказала... Но я не думал, что она до сих пор... — взяв пальцами пуговицу, Александр взволнованно рассматривал её на вытянутой руке. — И очки не взял... да это неважно. Чёрт!.. Неужели — та самая?!

— Выходит — та самая.

— Знаешь, какая интересная история, Миша... Мне же наказание тогда не только за опоздание влили... Ротный к себе сразу вызвал... думал, что я пьяный пришёл. А я — трезвый... Ну, он, чтобы кураж не пропал, прицепился к внешнему виду. А у меня вместо пуговицы только нитки торчат... Да я и не помнил, где я её потерял. Думал, может, по дороге отвалилась, я же назад как спринтер мчался. Дождь лупит, а я лечу, дороги не вижу...

— Мать её хотела выбросить. Но бабушка спрятала, а потом отдала мне.

— Выходит, ты её хранил?.. — положив пуговицу в центр ладони, Александр изо всех сил сжал кисть и снова посмотрел на сына. — Почему ты её хранил?.. Миша?..

— Честно? — тот слегка улыбнулся уголком губ — улыбка получилась грустной.

— Честно.

— Если честно, то не знаю. Просто хранил... — в душе понимая, что именно хотел услышать в ответ Александр, Миша, тем не менее, не смог соврать. — Раньше она в спичечном коробке лежала, а недавно Злата мне под неё вот такой сундучок выделила. Говорит, это семейная реликвия.

— Может, она и права... — Морозов тоже слегка усмехнулся. — Мне тогда командир сказал — месяц за опоздание, месяц за пуговицу... Кто знает, найди я Алё на месяц раньше, как сложилась бы наша жизнь...

— Лучше об этом не думать, — Михаил вновь открыл сундучок. — Если вы не против, то пусть она так и остаётся у меня, в качестве семейной реликвии.

— Конечно, я не против, — подержав ещё несколько секунд, Александр явно нехотя водрузил пуговицу на место. — И ты прав. Лучше не думать. Хотя с твоей мамой мне нужно было бы увидеться в первую очередь. Я ведь эти три недели только и думал, как правильно поступить. Я же совершенно не знаю, как живёт она... как живёшь ты. Знать правду самому — это одно. Но обрушить эту правду на других... а нужна ли она — им?.. Так ведь можно и чужую жизнь сломать.

— Ну, вот и я все эти годы думал как-то так... — Мясников положил сундучок в ящик и, задвинув его, снова присел напротив.

— Зря ты не пришёл ко мне раньше!

— Не знаю, Александр Иванович... — Михаил медленно покачал головой. — Честно — не знаю. Зря или не зря... У вас была своя жизнь, своя семья. Так же, как и у моих родителей. Они уже давно разошлись, но... Я ведь не сирота. Да и всю правду я узнал не так давно. Вначале мне была озвучена совсем другая версия.

— Понятно... А я уже почти собрался, ну, после того, как Аня мне всё рассказала... Только не знал, как лучше поступить — сначала поговорить с Алей... ну, то есть, с твоей мамой... Или сразу — с тобой. А позавчера Димка к тебе неожиданно в гости попал...

— Да, мы неплохо посидели... — вспомнив позапрошлую ночь, Миша невольно рассмеялся и почесал затылок. — Я сроду песен не пел, и то подтягивал!

— Это они могут... — имея в виду сына и невестку, Александр охотно кивнул. — Так вот вчера он пришёл ко мне с вот такими глазами... — пальцы обеих рук изобразили две окружности. — И начал рассказывать, как мы с тобой похожи, и особенно — про родимое пятно... Вот здесь... — Морозов пальцем показал себе на грудь. — У тебя правда есть тут родимое пятно?!

— Правда... — Михаил был в рубашке, поэтому расстегнуть несколько пуговиц не составило труда. — Вот...

— Ну, это просто фантастика... — не сводя глаз с Михаила, Александр взялся за полу своей рубашки. — А здесь — видишь?!

— Действительно фантастика... — Миша с сомнением покачал головой. — Как будто ксерокс поработал.

— Это наше Морозовское родовое пятно! Димка его сразу срисовал! Тут уж мне некуда стало деваться. Да и Наташа заметила... просто промолчала из деликатности. Ну, а Димка...

тот сразу версию выдвинул, что мы с тобой близкие родственники, просто не знаем об этом. Пришлось открывать все карты.

— Ну, и как?.. — застёгиваясь, Миша бросил на Морозова осторожный взгляд. — Как Дима воспринял новость?

— Как-как... — Александр пожал плечами. — Нормально воспринял... До сих пор, по моему, в шоке. Да ты не переживай, Миш... Димка — парень хороший. И Аня у меня хорошая. А меня ты прости...

— Вас-то за что?

— Если б я знал, за что... Вроде и вины-то нет... А третью неделю виноватым хожу. Перед тобой, перед мамой твоей... Перед Аней. Но знаешь, что я хочу тебе сказать, Миша... — Александр поднял на Михаила полный теплоты взгляд. — Я рад... Рад, что у меня есть ещё один сын. Хороший, умный... Понимаю, что глупо с моей стороны ждать чего-то в ответ... Отец ведь не тот, кто родил, а тот, кто на руки брал, на плечах носил... кто вырастил, на ноги помог встать. Но для меня-то ты всё равно теперь — сын... И я рад. Ты уж прости мне эту радость, Миша. Прости...

***

Казалось, что не хватит и десяти лет, чтобы переговорить всё, что оказалось на душе. И давнее прошлое, и не совсем давнее, и семейные тайны и премудрости — всё, что уложилось в жёсткие временные рамки, было вытащено на свет. Михаил даже не ожидал, что Морозов так расчувствуется. Он и сам расчувствовался к концу вечера, и уже не скрывая рассказывал Александру, как воспользовался ситуацией с Лапиным, чтобы вызвать его на допрос и выудить как можно больше информации. Злате пришлось чуть ли не силой загонять отца и сына за стол — только оказавшись на пропитанной вкусными ароматами кухне Миша понял, насколько он голоден.

Александр хотел от ужина отказаться, но Злата сделала такое возмущённое лицо, что он был вынужден согласиться остаться ещё ненадолго. Перед тем, как сесть за стол, он вышел в прихожую и набрал номер Анны.

— Ане звонил, чтобы не волновалась, — поговорив с женой, Морозов вернулся в кухню и смущённо развёл руками. — Я по гостям как-то один никогда не ходил, а тут вот пришлось...

— В следующий раз приходите вдвоём, — Злата гостеприимно улыбнулась. — Или вообще — все вместе.

— Нет-нет... — Александр невольно рассмеялся. — Теперь только вы — к нам.

— На Колыму... — Миша со стуком водрузил на стол бутылку коньяка.

— Я за рулём... — Морозов снова развёл руками — теперь уже весело-виновато. — Так что мне не наливайте.

— Ну, и мне не наливайте... — Михаил протянул бутылку Злате и кивнул на холодильник. — Пусть стоит, ждёт своего часа.

...Мужчины о чём-то снова разговаривали, когда Злате показалось, что в двери поворачивается ключ... В ту же секунду послышалось собачье поскуливание — Берта уже встречала кого-то в прихожей. Выбежав из кухни, Злата удивлённо застыла: воспользовавшись своими ключами от квартиры, Александра Семёновна собственной персоной стояла на пороге и отряхивала снег с недорогого стёганого пальто, отороченного по краю капюшона дешёвым мехом «под песца». Времена, когда Аля носила норковые и соболиные шубки, из-под распахнутой полы которых проглядывали драгоценные ожерелья,

давно канули в лету, как и сами меха и драгоценности.

— Здравствуй, Злата... — в периоды трезвости Александра пыталась изображать из себя крайне интеллигентную даму, несмотря на не вяжущийся с этим статусом облик.

— Ой, здрасьте... — глядя, как будущая свекровь уверенно вешает на крючок пальто и снимает с ног чёрные «дутики», Злата почти не сомневалась: этот визит носит не кратковременный характер, а грозит затянуться надолго, возможно, на несколько дней. Видимо, Берта разделяла её мнение: ткнувшись несколько раз носом в ладонь гостьи, она успокоилась и растянулась тут же, на ковролине, всем своим видом показывая, что заранее знакома со «сценарием».

— Миша дома? — поправив перед зеркалом невидимый простому глазу «макияж», Александра не стала дожидаться ответа и тут же продолжила свою речь. — Вы уж извините, но сегодня я останусь у вас.

— Господи... да конечно... — Злата обречённо махнула рукой в сторону кухни. — Проходите, мы как раз ужинаем.

— Эта сволочь меня уже задолбала! За-дол-ба-ла!.. — на каждом слоге делая взмах открытой ладонью, Александра обращалась скорее к зеркалу, чем к будущей невестке. — Я ему говорю: Вадик, ну сколько можно бухать?! Ну, выпил немного, и остановись! Так нет, он опять в нокауте!

— Давайте, мы своим ребятам позвоним, они его быстро в наркологию увезут? — Злата тоже обращалась скорее к отражению Александры Семёновны, чем к ней самой.

— У него есть собственные дети... — на этих словах исполненное пафосного достоинства отражение рисованно поджала губы и вытянуло вперёд поднятую ладонь. — Вот пусть они им и занимаются! Не хватало ещё, чтобы мои дети тратили время и силы на этого алкаша!

Решив не настаивать на своём предложении, Злата только пожалала плечами. Изучив за несколько лет будущую свекровь, она прекрасно знала, что, несмотря на такое праведное негодование, та в любой момент могла вновь присоединиться к своему сожителю, и тогда спасать пришлось бы уже обоим — такое бывало, увы, не раз.

Впрочем, сейчас её больше заботило другое...

— Привет, мам... — как будто нарочно загородив собой двери кухни, Миша удивлённо смотрел на мать. — А чего ты не хочешь? Давай, мы его в два счёта упакуем... Прокапается — вернётся.

— Нечего баловать... — Александра наконец-то оторвалась от зеркала и сделала шаг в сторону сына. — Здравствуй, Миша. Ты на меня так смотришь... я что, не вовремя?!

— Ну, что ты такое говоришь... — Михаил приобнял мать за плечи, затем отстранился и сделал шаг в сторону. — Проходи, мам, мы как раз ужинаем.

— Ну, я и чувствую... как вкусно пахнет... — Александра произнесла эти слова с какой-то непонятной обидой. Опустив глаза, она вновь поджала губы и шагнула вперёд. Уже войдя в кухню, неожиданно подняла взгляд. Увидев сидящего за столом Александра, застыла на месте. — А-а-а... так у вас гости!

— Ты проходи, мам, проходи... — выдвинув ещё один стул, Миша слегка подтолкнул мать. — Давай, присаживайся...

— Я так и поняла, что я не вовремя... — огрубевший от алкоголя голос Сандры стал ещё ниже. — Вы плохие актёры.

— Алекса-а-андра Семёновна... — Злата произнесла имя укоризненно, нараспев, но не

успела продолжить фразу.

Бросив взгляд на Морозова, она тоже застыла: его глаза выражали растерянное изумление. Медленно поднявшись, он пристально вглядывался в изменившееся до неузнаваемости, испитое женское лицо... Даже две недели трезвости не могли уничтожить ни землистого оттенка кожи, ни болезненного блеска в глазах, ни страдальческого, присущего алкоголикам с большим стажем выражения одуловатого лица, ни признаков раннего старения... Александра выглядела гораздо старше своих пятидесяти лет, она огрузнула и была похожа на типичную пенсионерку-алкоголичку. Сейчас она была абсолютно трезвой, и, тем не менее, ни единой чёрточкой не напоминала ту симпатичную, кокетливую девушку, которую в своё время отметил своим вниманием курсант Саша Морозов...

О том, что это и есть та самая Аля, нынешний Александр догадался лишь по имени и поэтому, что Миша называл эту женщину матерью.

— Аля?! — его оклик стал для Сандры полной неожиданностью.

Уставившись на незнакомца подозрительным взглядом, женщина не торопилась отвечать. Она как будто мучительно вспоминала, где бы могла видеть этого высокого, симпатичного, хорошо одетого мужчину, но память давала сбой за сбоем...

— Мы что... знакомы?.. — оторвавшись от Морозова, Александра перевела взгляд на сына. — Мишка, кто это?..

— Аля... ты меня не узнаёшь?! — Александр и сам не узнавал эту женщину, но вопрос вырвался сам собой.

— Извините... Не узнаю!.. — выгнув подковой подкрашенные красной помадой губы, Сандра медленно покачала головой. — Мы что, где-то встречались?..

— Мама не видела ваших фотографий... — Михаил встал рядом с матерью и, положив ей руку на плечо, обратился к Морозову. — Она вообще не в курсе...

— В курсе чего?! — Александра переводила недоумённый взгляд с одного на другого. — Что происходит?!

— Аля... простите, Александра Семёновна... — судя по выражению лица, Александр был шокирован не меньше, но старательно держал себя в руках. — Это же я... Саша Морозов... Вы меня не узнали?..

...Разговора не получилось никакого. Осознав, наконец, кто сейчас находится перед ней, Александра неожиданно замкнулась. Она сидела за столом совершенно потерянная, что было несвойственно для её характера. Судя по всему, она чувствовала себя крайне неловко рядом с ухоженным, подтянутым Александром. Да и разговаривать им было не о чем... Понимая, что его присутствие сейчас только смущает Сандру, Морозов решительно попрощался и, напомнив Михаилу и Злате об обещании нанести ответный визит, покинул квартиру Мясниковых.

— Это что было — вообще?! — сразу после его ухода Александра, наконец, обрела дар речи. — Откуда он взялся?!

— Мама, я тебе потом всё расскажу, — Миша накрыл ладонью материнскую руку. — Это слишком длинный рассказ.

— Значит, за моей спиной... Да?.. — мать усмехнулась с примесью горечи. — Решил, значит, разыскать... А ты знаешь, кто его жена?..

— Знаю. Я всё знаю, мама.

— Это Олег с бабкой тебя надоумили... Да? Им же всё неймётся...

— Это неважно, мам. Я давно уже сам принимаю решения. В любом случае, мы уже встретились.

— Предатели... — неловко встав из-за стола, Александра с трудом протиснулась между ним и стулом. — Все предатели... Но от тебя, Миша, я такого не ожидала...

— Александра Семёновна... вы куда?! — выскочив за свекровью в прихожую, Злата удивлённо наблюдала, как та обувается. — Ну, куда вы на ночь глядя?! Миша вам всё сейчас расскажет!

— Ноги моей больше здесь не будет... — обувшись, Александра принялась надевать пальто. — Предатели...

— Мама, прекрати!.. — Миша попытался её остановить, но мать оттолкнула его руки. — Ну, что произошло, в конце концов?!

— Папочку захотел, да?.. Матери тебе мало... За меня же стыдно... за Вадика — стыдно...

— Ну, куда ты пошла?!

— К Вадиду!

Глава 25.

— С приездом, Виталий Иванович! — увидев шефа в зале ожидания, личный водитель шагнул навстречу Мясникову и сходу подхватил дорожный кейс. — Багаж будет?

— А как же... — усмехнувшись, Виталий окинул отделение аэровокзала быстрым взглядом. — Ты что, один?

— Один. Изабелла Юрьевна с Ростиславом Яковлевичем срочную планёрку проводят.

— Ну, что ж... Один так один. Получай багаж и поехали.

Выйдя на улицу, Виталий остановился, вдохнул полной грудью. Февральский воздух был наполнен едва уловимым ароматом приближающейся весны. Это особенно чувствовалось после сибирского тридцатиградусного мороза, которым его провожал Барнаул...

...Визит к настоящему алтайскому шаману был нанесён в результате настоятельного совета руководителя Горно-Алтайского филиала холдинга. Узнав о болезни «самого» Мясникова, тот немедленно связался с Виталием — на правах давнишнего приятеля. Они, действительно, были в дружеских отношениях, и Мясников в последние пару лет частенько летал в сибирскую баньку — попариться, заодно поохотиться в сибирской тайге. Теперь же поездка носила совершенно другой, менее весёлый характер, и самолёт был не частным. Однако, встреча была довольно горячей — как и положено для такой персоны, как Виталий Мясников...

Рассиживаться за накрытыми столами в этот раз времени не было. Двухмесячный курс лечения, который перед этим прошёл Виталий, чуть приостановил течение болезни, однако положительной динамики не наблюдалось. Злокачественные клетки на время прекратили свой рост, но прогноз был неустойчивым. Изабелла настаивала, как и прежде, на клинике в Израиле... Алтайский товарищ — на посещении местного чудотворца, так он именовал известного на всю Россию шамана. В пользу последнего сыграл тот фактор, что к этому шаману обращались даже члены правительства. Результаты, по словам пациентов, превосходили все ожидания...

Виталий ожидал увидеть знаменитого лекаря и ведуна в каком-нибудь чуме, посреди оленьих шкур и бубнов... Но на деле резиденция целителя оказалось вполне цивильной, хотя и спрятанной от постороннего глаза в таёжном поместье: трёхэтажный особняк был

окружён двухметровым забором и оснащён самой современной техникой.

«Тут очень серьёзные персоны бывают... — товарищ ободряюще кивнул Виталию. — Так что не робей, Виталий Иванович... мы с тобой ещё не одну баньку истопим... не одного сохатого завалим...»

Если обстановка в особняке была вполне современной, то вот комната, в которой происходили все таинства, была оборудована соответствующим образом: фигурки идолов, множество зажжённых свечей, развешанные по стенам талисманы. Сам шаман был при полном облачении: специфическая одежда, головной убор с ниспадающими на лицо нитями каких-то странных бус, закрывающих и глаза, и щёки...

«Ты не готов...» — это были первые слова целителя, произнесённые им после определённого ритуала.

«То есть?» — Мясников удивлённо пытался поймать взгляд шамана между бус.

«Твоё сознание не готово исцелиться. Душа... Исцелится душа, исцелится и тело...»

Признаться, он ожидал совершенно другого разговора. И при чём тут душа?! Его организм болен, он разрушается под действием злокачественной опухоли, ну при чём тут сознание?!

«Ну, и что я теперь должен делать?!»

«Вначале — исцелить свою душу. Злой дух уже живёт в тебе. Добрый дух его не сможет победить! Ты должен сам с ним справиться, тогда я смогу его изгнать... Тогда добрый дух придёт и поселится в твоей душе. Тогда тело сможет убить болезнь!»

По дороге в город Виталий мрачно молчал. Товарищ только посматривал на него с осторожностью, пока не осмелился задать вопрос.

«Ну, что он вам сказал, Виталий Иванович?»

«Да шарлатан он, а не шаман... — Мясников хмыкнул в ответ. — Белиберду какую-то нёс, нёс... Душу исцели вначале...»

«Так он всем так говорит... Это обязательное условие...»

«Знаешь... — Виталий чуть прищурил взгляд и забарабанил пальцами по подлокотнику в салоне. — Когда счёт идёт даже не на месяцы... а уже на недели, а то и на дни... Исцелять душу времени не остаётся. Такие-то вот дела. Зря я, в общем, прилетел...»

«Не знаю, не знаю... Этот шаман многих исцелил. Говорят, что к нему даже «сам»! — указательный палец товарища взлетел куда-то вверх, — когда-то обращался.»

«А я вот как-то не проникся. Может, и правда — не готов...»

«Не знаю, Иванович... В этой шаманской философии здравый смысл есть. Живём, никого вокруг себя не видим... Прощения не просим... родных обижаем... Вот она — душевная болезнь!»

«Какая-то связь уж больно сомнительная... При чём тут болезни?»

«Так ведь в здоровом теле — здоровый дух... А в больном — и дух соответствующий. Тут ты не пра-а-ав, Иванович... Не прав. Ты подумай, а потом уже решение принимай. А хочешь — оставайся ещё на пару деньков, а? Баньку подготовим, программку организуем... А? Есть у меня одна певичка... Сам бы съел, да уступлю тебе, как гостю. Соглашайся, Иванович!»

«Не до певичек мне сейчас, Гена... — глядя на пролетающие мимо заснеженные пейзажи, Мясников тяжело и шумно вздохнул. — Сейчас другие заботы... У меня сын вон на днях женится. Там, на родине... А я даже присутствовать не смогу.»

«Почему?!»

«Да как-то так сложилось, Гена...»

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Уже потом, в самолёте, Виталий вспоминал этот дорожный разговор. Действительно, как-то так сложилось — Михаил сообщил о своей свадьбе, а вот присутствовать на ней довольно проблематично. И не из-за плохого самочувствия. Оно сейчас довольно сносное. В своё время он вырвал себя из той среды... вырвал с мясом, с кровью, с болью... при чём — с чужой болью. Как появишься на торжестве после всего, что было? Да и будет ли оно — торжество... Миша сообщил только дату, но больше ничего не уточнял. Сказал лишь, что пышной свадьбы, скорее всего, не будет, самое большее — столик в ресторане для самых близких. Обещал позже уточнить... Этот разговор состоялся в конце декабря. Больше они не созванивались — у Виталия начались интенсивные процедуры, которые отнимали много физических сил.

...Он знал, что Миша обязательно позвонит. Он ждал этого звонка и не ждал... Ждал — просто как причину убедиться, что он ещё кому-то нужен. Не ждал, потому, что знал — его присутствие на Мишкиной свадьбе невозможно. Это здесь он почти всесилен, во всяком случае — пока. А там, в кругу когда-то брошенных им людей он теперь и сам — изгой.

...Слова шамана то и дело приходили на ум. А, может, он и прав?.. Сначала нужно исцелить душу, а уж потом браться за тело? Но с душой Виталий не испытывал проблем, во всяком случае, до недавних пор. Всё в его жизни шло как надо. Работа... недосыгаемая по высоте должность... Сколько чужих душ положил он к подножию своего пьедестала?.. Странно, но он никогда не задумывался над этим. Всё совершалось ради дела, в конце концов, он никого не убил и не ограбил. Напротив, всю свою жизнь он работал на благо — предприятия, корпорации, а, значит, тех людей, которые трудились с ним бок о бок. От его способностей и деловых качеств была огромная польза... Он — грамотный, талантливый руководитель, серьёзный бизнесмен, надёжный партнёр. По щелчку его пальца решались самые неразрешимые на первый взгляд проблемы...

...А вот на свадьбу сына он не поедет. Потому, что там ему никто не будет рад. Если только сам Мишка... Хотя, и это под большим вопросом.

...А что, если поехать?.. Во всяком случае, это — повод. Повод ещё раз увидеть город, в котором прошла большая часть жизни... Кто знает, сколько ему осталось... Врачи не всесильны. Болезнь слишком запущена, а деловые поездки для него теперь — редкость. Нужно подумать. Советоваться ему не с кем, да и не собирается он больше плясать под чужую дудку. У него слишком мало времени, чтобы обсуждать свои поступки. Даже с Изабеллой...

Виталий вспомнил, как ещё в декабре, за ужином супруга завела разговор.

«Всё хочу у тебя спросить... — Изабелла пронзила Виталия своим обычным, стальным взглядом. — Кто такая Анна Морозова?»

«А что?» — внутренне сгруппировавшись, Виталий посмотрел на неё исподлобья.

«Да ничего... Просто интересно, о ком это мой законный муж собирает сведения? Мне ведь всё докладывают, Талик».

«Ну, если докладывают, то почему не доложили о причинах моего интереса?»

«Раньше ты не был таким дерзким... — Изабелла неожиданно повернулась к племяннику. — Ростик, чуть не забыла... Завтра тебе принесут на подпись документы. Да, не удивляйся... Пора уже привыкать к своим полномочиям».

«Хорошо... — Ростислав охотно кивнул и уставился на тётку. — И что я должен

сделать?»

«Ты должен всё проверить. И — подписать...»

«А, если что-то не так?.. Подойти к Виталию Ивановичу?»

«Нет. Если что-то не так, то подойдёшь ко мне. Но, думаю, что ты справишься сам... — ободряюще улыбнувшись Ростику, Лозинская вновь перевела взгляд на супруга. — Прости, Талик, я отвлеклась. Ну, так что это за дама?»

«Это моя знакомая. Бывшая знакомая...»

«И зачем же тебе понадобилась твоя бывшая знакомая? Да так, что из-за неё подняли на уши всю службу безопасности?!»

«Так уж и всю... — Виталий скептически ухмыльнулся. — Мне нужно было кое-что узнать».

«Что именно? — в стальных глазах Лозинской промелькнула насмешка. — Не твой ли у неё сын?»

«Ты даже это знаешь? — Виталию было крайне неприятно, что Изабелла завела разговор в присутствии Ростислава. Она как будто нарочно подчёркивала, что в их доме от назначенного ею «наследного принца» нет никаких секретов. Разозлившись не на шутку, Мясников решил играть по её же правилам. — Ну, в таком случае, к чему все эти вопросы?»

«Мне хотелось услышать твою версию... Я тут переживаю о твоём здоровье, беспокоюсь... а ты, оказывается, занят поисками бывших любовниц?»

«Это не любовница... — нервно поджав губы, Виталий слишком резко отодвинул от себя чашку — невыпитый чай выплеснулся на стеклянную поверхность обеденного стола, образовав золотистую лужицу. — Это моя бывшая знакомая... И — да, возможно, у меня есть родной сын. Я не собираюсь ничего скрывать. Я — нормальный человек, и у меня вполне могли быть дети!»

«Конечно, дорогой... — Изабелла насмешливо искривила накачанные рестилайном губы. — У тебя могли быть дети. Только учти... Даже если ты найдёшь десять родных сыновей, им не обломится ни копейки моего состояния! Об этом я давно уже позаботилась. А так — что ж... Ищи! Твоих измен я уже давно не боюсь».

С того разговора прошло уже около двух месяцев, но Виталий до сих пор помнил охватившую его ярость. Впервые в жизни ему хотелось ударить Изабеллу — всё равно чем... рукой, стулом, обрушить на неё стол... Он вдруг подумал, что ударь он её ножом, не пролилось бы ни капли крови... Откуда может быть кровь в этом кукольном, штопанном, надутым силиконом теле?! Теле, в котором нет самого главного — сердца...

Тогда он только до боли сжал челюсти... Очередной приступ сковал организм уже глубокой ночью, но он лежал и скрипел зубами... Звать на помощь Изабеллу не хотелось, даже несмотря на ужасное состояние. К счастью, в доме спала горничная, и Виталий позвал её — та вызвала врача. После укола захотелось уснуть, а ещё — узнать наверняка, что у него есть родной ребёнок... сын. Плоть от плоти... Кровь от крови... Главное — знать... И болезнь отступит сама собой.

...Но болезнь не отступила. Напротив, тяжёлое лечение забирало физические силы, отвлекало от новой цели. И вот теперь, кажется, пришло это время. Он должен встретиться с Анной... Его душа исцелится, если он будет уверен, что она родила его ребёнка. Может, шаман имел в виду именно это?..

— Куда, Виталий Иванович? — загрузив дорожную сумку в багажник, водитель уселся в салон и повернулся к Мясникову. — Домой?

— Нет, Сергей. Поехали сразу в офис. Домой что-то не хочется...

— Поездка-то удачная? — Сергей отыскал в зеркале глаза хозяина. — Что-то вы больно устало выглядите.

— Всё нормально, — тот предпочёл не откровенничать с водителем. — Поехали.

Домой, действительно, не хотелось. Виталий как будто впервые понял, что их с Изабеллой фешенебельная квартира для него абсолютно чужая. Даже прежний её дом — там, в родном городе — был для него более родным. Хотелось в офис — к людям, пусть и чужим, но всё же близким... Мясников был хорошим руководителем, и умел работать с персоналом. О нём никто не отзывался исключительно плохо, скорее наоборот — сотрудники предпочитали иметь дело именно с ним, а не с Изабеллой...

Жене звонить он не стал. Планёрка так планёрка. Она тоже не озаботилась его прилётом... Впрочем, он давно перестал удивляться таким переменам. Вместе с ревностью в небытие ушли и забота, и любовь, и сострадание. А, может, и не было ничего этого... Его просто наняли на должность мужа... Назначили огромное содержание — но только пожизненное... без права передавать что-либо по наследству... Содержания никто не отменял. Он и сейчас — богатый, респектабельный господин... Значит, обижаться ему не на что.

Всю дорогу из Домодедово он продремал — усталость в последнее время не покидала тело ни днём, ни ночью. Проснулся уже на московском проспекте, недалеко от офиса.

— Доброе утро, Леночка! — войдя в приёмную, он постарался произнести эти слова как можно бодрее.

— Доброе утро, Виталий Иванович... — в изумлённом взгляде секретарши ему почудился какой-то непонятный испуг. — А вы что, уже прилетели?!

— Как видишь... — улыбаясь, Мясников кивнул на левую дверь. — Изабелла Юрьевна у себя?

— Нет, она уехала в администрацию... А почему вы не позвонили?..

— Хотел сделать сюрприз, — Виталий шагнул к своей — противоположной двери, которая почему-то была слегка приоткрыта. — Тогда я — к себе...

— А там... — Леночка растерянно махнула рукой. — Я не знала, что вы приедете...

— Что — там?.. — Мясников изобразил на лице крайнюю заинтересованность и, нарочно приложив палец к губам, слегка потянул за ручку.

Неслышно шагнув в свой кабинет, он замер на пороге.

— Нет-нет... всё нормалёк!.. — развернув его кресло, Ростислав сидел боком и разговаривал с кем-то по телефону. — В курс дела вошёл... Тётка тут идола из меня лепит... А Талик... он Талик и есть... Он сейчас своим здоровьем озабочен... Да он по сути просто наёмный руководитель. Правит, но не царствует... Кстати, можешь меня поздравить. Скоро женюсь... имени пока говорить не буду, а то у тебя челюсть отвалится... Потом сам узнаешь...

Решив, что этот монолог может неоправданно затянуться, Виталий решительно шагнул вперёд. Услышав его шаг, Ростислав испуганно обернулся...

— Что же ты... даже не попрощался... — подойдя к столу, Мясников насмешливо уставился на племянника, который при его появлении торопливо отключил телефон.

— А-а-а... — замявшись, Ростислав машинально сгребал разбросанные по столу документы. — Здравствуйте, Виталий Иванович! Вы так неожиданно вошли...

— Это бывает... В нашу жизнь иногда входят посторонние... и это всегда бывает

неожиданно.

— Вы не предупредили... — лицо молодого человека покрылось пунцовыми пятнами. — Но мне Изабелла Юрьевна сама дала ключи от вашего кабинета... Это... она меня сама — сюда... Но я уже уйду, я только просмотрел документацию... Вы присаживайтесь...

— Обязательно... — Мясников продолжал наблюдать, как Ростик торопливо собирается покинуть его кабинет. Несмотря на то, что он услышал, ситуация забавляла.

— Изабелла Юрьевна не думала, что вы приедете сразу в офис... Поэтому попросила меня кое-что проконтролировать...

— Ну, да... — Виталий насмешливо кивнул. — И именно из моего кабинета.

— Нет, серьёзно... Она сама меня сюда прислала...

— Слушай, Ростик... — Мясников не торопился занимать своё кресло, а, напротив, устроился на большом кожаном диване и закинул ногу на ногу. — У тебя девушка есть?.. Там, дома...

— Ну-у-у... вообще-то, есть... — Ростислав смотрел на него недоумённо. — А что?

— А она в курсе, что ты женишься на дочери Берковича?

— Н-нет...

— А почему?

— Ну... не знаю... — Ростислав растерянно пожал плечами. — Как-то не успел...

— А ты её любишь?

— Кого?..

— Свою девушку? Ту, что осталась дома?

— Ну... наверное, да...

— Тогда почему женишься не на ней?

— Ну, не знаю... Изабелла Юрьевна...

— При чём тут Изабелла Юрьевна?.. А как же любовь, честь, благородство?..

Виталий хотел отыграться и за «Талика», и за «наёмного руководителя»... Он уже предвкушал, как загонит наглое племянничка Изабеллы в угол, но тот неожиданно изменился в лице. Из смущённого оно вдруг превратилось в цинично-недоброе. Ослабившись, Ростик исподлобья уставился на «дядю» довольно дерзким взглядом.

— Уязвить хотите, Виталий Иванович? Не получится.

— Это почему же?

— А вы на себя посмотрите... Я про вас много чего знаю... Не вам читать морали про любовь и благородство.

— Пошёл вон... — Виталий сжал вмиг побледневшие губы. — Я сказал... Пошёл вон!

Остаться в офисе желания больше не было. Он лишний раз убедился, что Изабелла готовит ему замену. Говорить с ней и что-либо доказывать совершенно не хотелось. Усталость только усиливалась — и физическая, и душевная, поэтому уже через пятнадцать минут Виталий ехал по направлению к дому. Там хоть прислуга относится к нему с искренним сочувствием...

— Завтра я улетаю на свадьбу к Михаилу, — вечером, дождавшись супругу, Виталий решил сразу предупредить о своих намерениях. — Вы без меня справляетесь прекрасно, поэтому моё отсутствие будет вряд ли замечено.

— Талик, ну, перестань... — Изабелла, напротив, была настроена непривычно добродушно. — Если ты из-за Ростика, то зря. В молодости кто не страдал излишней

самоуверенностью? В его случае это неплохое качество.

— Мне нет никакого дела до твоего Ростика...

— Он мне всё рассказал... — Лозинская произнесла эти слова каким-то доверительным тоном. — Ну, прости ему эту позу...

— Да плевать мне на его позу...

— Ладно-ладно... — Изабелла была явно слишком покладистой, что могло бы вызвать некоторые сомнения, но новый приступ усталости накатил тяжёлой волной, и анализировать её поведение просто не было сил. — Ты летишь надолго? Когда у него свадьба?

— В субботу.

— А сегодня вторник. Что ты будешь делать там целых четыре дня?

— Возможно и больше.

— Ну, хорошо... что ты будешь там делать?! Один, без водителя, без охраны...

— Можно подумать, я в Москве хожу с охраной. А машину с водителем мне в любом случае обеспечат.

— Талик... В воскресенье мы должны быть у Берковичей. Мы едем знакомиться...

— Зачем? Я с ним и так знаком.

— Мы едем знакомиться в новом качестве. Это будет сватовство... смотрины, помолвка... Чёрт его знает, как это называется, но нам нужно очень быстро сделать эту свадьбу, понимаешь?! Пока этот старый козёл не передумал! Талик! — вскочив с места, Лозинская театрально взмахнула руками. — Не надо делать из меня монстра! Мы с тобой прожили почти пятнадцать лет, а ты ведёшь себя так, будто мы чужие.

— Бела... — присев напротив, Виталий пристально посмотрел на супругу. — Тебе безразлично, как идёт моё лечение. Ты вскользь спросила о моей поездке... Тебе не интересно, что женится мой сын... Но ты грузишь и грузишь меня своими Берковичами! И после этого ты говоришь, что мы не чужие?!

— О ходе твоего лечения я знаю всё, как и твоей поездке. Сын... ну, это просто формальность, Михаил тебе не родной, а значит...

— Какая разница?! — перебив Изабеллу, Мясников не выдержал и сорвался на крик. — Я его воспитывал с рождения!.. Он зовёт меня отцом!

— Прекрати!.. — Лозинская внезапно сменила милость на гнев — взгляд вновь стал холодным, Виталию даже показалось, что из её глаз посыпались искры. — Прекрати на меня орать! Не надо передо мной разыгрывать трогательных сцен! Я знаю тебе цену, Виталий... Я знаю её лучше всех остальных. Поэтому оставим пустые разговоры. Можешь лететь хоть сейчас, но в воскресенье ты обязан быть дома. И закончим на этом. Я устала.

***

...Весь полёт Виталий просидел с закрытыми глазами. Со стороны могло показаться, что он спит. Но уснуть так и не удалось. Мысли роем вились в голове, опережая одна другую. Всё, связанное с бизнесом сейчас ушло на задний план — кажется, впервые в жизни. Не волновали ни прибыль, ни организационные вопросы, ни проблемы с персоналом. Всё это казалось сейчас таким неважным, второстепенным... Хотелось просто — жить. Жить среди любящих людей, тех, кому безразличен твой социальный статус и финансовые возможности...

...Перебирая в памяти всё своё окружение, Виталий с горечью должен был признать, что такой бескорыстной любви он не видел уже давно. Очень давно... Слишком давно, чтобы помнить — что это такое вообще. Те, кто любили его бескорыстно, исчезли из его

жизни... Одни ушли в мир иной... Других он вычеркнул сам. Он расставался с ними, сжигая все мосты, не оставляя ни единого шанса найти обратную дорогу.

Пожалуй, единственным человеком, с кем он не расстался окончательно, был Михаил. Миша, сын, хоть и не по крови...

Он правильно сделал, что решился на эту поездку. Ему просто необходимо увидеться с Мишкой. Пожать ему руку, почувствовать ответное рукопожатие... Наконец, обнять... Он редко обнимал его в детстве. А вот сейчас захотелось — до боли в суставах... до ломоты в костях...

Да, он должен увидеть Михаила. Хоть с опозданием, но благословить его на семейную жизнь... Так, как должен сделать любой отец. Миша не откажет ему в такой малости... И неизвестно, кому это нужно больше — самому Михаилу, или ему, Виталию...

Он должен сделать это, несмотря ни на что и ни на кого...

А ещё — он должен встретиться с Анной. Всё это время он наблюдал за её сыном... Находясь в палате клиники, он смотрел видеоролики, фотографии, стараясь найти в чертах Дмитрия свои собственные черты. Иногда ему казалось, что тот очень похож на Ивана Михайловича... Виталий ловил каждый жест парня, придирчиво изучал походку, манеру произносить слова... Как старатель вымывает золото из песка, так и он вымывал крупички схожести между собой и Дмитрием. Чем дольше длился этот процесс, тем всё больше и больше Виталий убеждал себя в том, что Дима — его родной сын. Он не мог сразу заявить об этом. Во-первых, по телефону не скажешь, а все эти месяцы он был привязан к онкологическому центру. Во-вторых, сначала нужно было встретиться с Анной... увидеть Дмитрия воочию. Мясникову казалось, что хватит одного-единственного взгляда на «живого» Дмитрия Морозова, чтобы дать окончательный ответ: да, он — его родной сын... Может, это и будет лекарством для его души?..

...Автомобиль с личным водителем, принадлежащий местному филиалу их с Изабеллой холдинга был в полном его распоряжении, и, оформившись в люксе одного из лучших отелей, он вернулся в машину. Назвав водителю адрес, уставился в боковое стекло... Знакомые с детства улицы проплывали мимо, отзываясь в душе чем-то щемящим, до боли родным...

Мясников знал, что Миша живёт в той же квартире, в которой они когда-то жили с Сандрой... Квартира досталась ей после развода — так решил тогда сам Виталий. Он так же знал, что сама Сандра проживает по другому адресу, у своего гражданского мужа... Михаил не вдавался в подробности, а Виталий не спрашивал. Просто знал: её здесь нет. Во всяком случае, в этот поздний час... Ну, а если окажется, что мать зашла в гости к сыну... Что ж. Машина будет ждать его сколько угодно... Хоть всю ночь, хоть несколько минут.

...Выйдя из автомобиля, Мясников сразу же поднял голову вверх — окна его бывшей квартиры светились довольно уютно... Значит, дома кто-то есть.

Он не стал говорить Михаилу о приезде, когда тот позвонил вчера сам — чтобы сообщить время и место регистрации... Виталий лишь поблагодарил и сказал неопределённое «посмотрим», хотя уже знал время и номер рейса. Ему хотелось, чтобы их встреча была неожиданной, не подготовленной заранее. Ему очень хотелось, чтобы кто-то в этом мире был рад ему искренне — просто так... Если это ещё возможно. Ну, а если нет... Что ж. Тогда у него не будет причин жалеть о том, что жизнь оказалась такой короткой...

До боли знакомые лестничные пролёты он преодолел с несколькими остановками — сказывалась болезнь. Он не сообщил о ней Михаилу, и сейчас тоже сомневался — стоит ли

говорить... Когда оказался у знакомой двери, сердце гулко застучало... Казалось, что можно даже не жать на кнопку звонка...

— Здравствуйте... — в чуть приоткрывшуюся дверь выглянуло женское миловидное лицо в обрамлении золотисто-волнистых волос. Почти в ту же секунду раздавшийся позади неё собачий лай заставил женщину обернуться. — Берта, нельзя! Иди в комнату!

— Здравствуйте! — когда собачий лай утих, Виталию удалось ответить на приветствие. Хозяйка открыла дверь шире, и, обаятельно улыбнувшись, он сделал шаг вперёд. — Вы — Злата?

— Да... — та во все глаза смотрела на представительного, одетого в дорогое серое пальто мужчину с букетом роз в одной руке, и коробкой торта — в другой. — Ой!.. Кажется, я вас тоже знаю...

Глава 26.

Михаил в этот вечер был на дежурстве, поэтому Злата оказалась дома одна, вернее, вдвоём с Бертой. Овчарка почему-то недовольно поглядывала на позднего гостя, но приказ хозяйки «не ворчать» выполнила, хотя и без особого удовольствия. Узнав, что сын появится лишь утром, или, что ещё вернее — только к завтрашнему обеду, Виталий собрался тут же вернуться в гостиницу, но Злата прочно встала в дверях.

— Да вы что, Виталий Иванович?! — она решительно закрыла дверь на ключ изнутри. — А что я скажу Мише?! Что я вот так отпустила вас ночью?!

— Да вы не беспокойтесь... — Виталий добродушно усмехнулся. — Я остановился в гостинице, тем более, в моём распоряжении служебная машина.

— А... — Злата осеклась. — Вы приехали по работе. А я подумала, что вы — к нам...

— К вам. Работа в этот раз — на самом последнем плане. Я приехал по личным делам, но самое главное — чтобы поздравить вас с Мишкой...

— Тогда — тем более... Проходите, сейчас я накормлю вас ужином, а спать ляжете в любой комнате. Я постелю вам, где захотите.

— Спасибо, Злата... — Мясников всё же взялся за верхнюю пуговицу. — На ужин я, пожалуй, останусь... Но потом вернусь в гостиницу.

...Виталий боялся встречи со своей бывшей квартирой. Много неприятных воспоминаний было связано с этим домом, когда-то считавшимся его семейным гнездом... Но сейчас, глядя на новую, очень приветливую хозяйку, он вдруг нутром ощутил совершенно другую атмосферу. То ли время притупило чувства, то ли, действительно, что-то изменилось... Так или иначе, сомнения оказались напрасными: квартира была прежней, но, в то же самое время, наполненной совершенно другой, более светлой аурой.

Виталий с интересом обходил все комнаты, в которых когда-то прошли его молодые годы: после московских апартаментов даже четырёхкомнатная квартира казалась маленькой и незатейливой. Воспоминания накатывали волнами... Обстановка частично поменялась — видимо, совсем недавно Михаил сделал ремонт: обои были свежими, а упакованные в новые пластиковые рамы окна уютно пропускали свет вечерних фонарей сквозь красивый тюль. Из прежней мебели он узнал стенку и спальный гарнитур. Всё остальное было новым — и угловой диван в гостиной, и набор шкафов в прихожей, и большая кровать с огромным шкафом-купе в Мишиной комнате. Кухня тоже отличалась современной новизной. В свой бывший кабинет Виталий зашёл в последнюю очередь... Здесь он жил несколько лет, отдалившись от Сандры на недостижимое расстояние... Сейчас эта комната была практически пустой — судя по всему, её тоже совсем недавно отремонтировали и выкинули

всю старую обстановку. Ему было неловко спрашивать, но, судя по весёлым, «сказочным» обоям, Миша со Златой могли планировать здесь детскую.

Во всём чувствовалась другая женская рука — не Сандры. Виталий вспомнил, как бывшая супруга откровенно скучала, не находя себе в их доме достойного занятия. Если бы не тёща, дом был бы похож на гостиницу — Вероника Семёновна изо всех сил поддерживала порядок и уют в квартире своей дочери.

...Ковры, некогда украшавшие стены, теперь перекечевали на пол... Ступив на жёлто-зелёную ворсистую поверхность, Виталий невольно замер. Что-то защемило в груди... Это была не привычная боль. Он никогда ещё не испытывал такого щемления. Оно было не физическим... Он вдруг подумал, что так ноет душа. Ковёр, лежащий сейчас под ногами, был подарен им с Сандрой его родителями. Когда Виталий уходил из семьи, он не стал мелочиться и забирать вещи, всё оставив здесь, в этой квартире, которая, кстати, изначально тоже принадлежала его матери.

...Он никогда не был скупым. Он легко расставался с малым — ради большего... Точно так же легко он расставался и с людьми — некогда любимыми, но которые, в силу каких-либо обстоятельств, вдруг становились препятствием на пути к его высшим целям.

Судя по всему, эта невысокая, хрупкая женщина, с которой Михаил решил связать свою жизнь, обладала твёрдым характером. Это сквозило и в манере речи — даже несмотря на очень приятный голос... Это чувствовалось и по взгляду — серьёзному и умному. Внешне Злата была очень милостивой, и её золотистые кудряшки никак не вязались в сознании Виталия с понятием «капитан полиции». Несмотря на твёрдость духа, Злата откровенно смущалась, угощая Мясникова ужином. Видимо, представив себе, чем питается персона такого ранга у себя дома, она довольно нерешительно выставила на стол всё, что было на плите и в холодильнике — картофельное пюре, жареную горбушу, любимые Мишкины голубцы, а так же салат из капусты с морковью, приправленный ароматным подсолнечным маслом...

— Нет-нет!.. — на её попытку выложить перед ним весь набор столовых приборов, Мясников шутливо махнул рукой. — Давайте лучше по-простому, вилка так вилка. Я и сам ножи не люблю

Ужинал Виталий с необыкновенным удовольствием. Всё было так просто... и так вкусно. В их с Изабеллой семье пища не отличалась разнообразием — утром каша, в обед, если хозяйка находилась дома, какой-нибудь лёгкий, модный супчик, на ужин — любимая запеканка Изабеллы, которая под старость начала проповедовать здоровый образ жизни, заключающийся в ограниченном питании... С приходом в их семью Ростислава в меню добавилось ещё несколько блюд, но Виталий не ел их принципиально. Он уже давно приуёбился ужинать в ресторанах, пользуясь деловыми встречами, как поводом поесть вдоволь и чего хочется.

В такой простой, домашней обстановке он не ужинал уже очень давно... Злата, с которой он увиделся впервые, была на редкость гостеприимна. Не дожидаясь его расспросов, она всё рассказала о делах Михаила, но очень деликатно — не переходя ту грань, за которой оставались его сугубо личные проблемы, о которых поведать мог только он сам, и лишь по собственному желанию.

Миша позвонил чуть позже — Злата сообщила ему о приезде отца. Мясников с радостью для себя уловил в голосе сына нотки приятного удивления... Чувствовалось, что его визиту Миша был искренне рад.

После ужина Злата предложила посмотреть фотографии. Усевшись за компьютер, Виталий с интересом просматривал фотоальбом... Глядя на знакомые и незнакомые лица, пейзажи, он как будто проживал все эти пятнадцать лет, что не виделся с сыном. Здесь были фото Миши и Златы — на отдыхе, на работе... Вдвоём, по одиночке, с друзьями, сослуживцами... Были несколько фотографий с Вероникой Григорьевной и Александрой. В первый момент Мясников не узнал в располневшей женщине с одуловатым, землистого цвета лицом своей бывшей жены... Лишь приглядевшись, понял — это Сандра. Несмотря на прожитые вместе годы, в душе ничего не всколыхнулось... Спрашивать о том, как живёт сейчас его первая супруга, вовсе не хотелось, как и смотреть на её изменившийся до неузнаваемости облик. По нему и так было всё ясно...

— А это — чья свадьба?.. — Мясников торопливо развернул очередную фотографию на весь экран. Невеста в шикарном платье рядом с элегантно одетым женихом стояли в окружении родственников и друзей, среди которых были Михаил и Злата.

— Это же Артур, Мишин двоюродный брат... — Злата заглянула через плечо, затем присела рядом. — Он недавно женился.

— Брат... — с удивлением узнав в рослом молодом человеке одного из Таниных сыновей, Виталий глазами отыскал и второго — похожего на жениха как две капли воды. — Действительно, Артур... Значит рядом — Игорь. Я никогда их не различал...

— Ну, да... — судя по тону, Злата была немного смущена. Она знала историю Виталия и Олега с Татьяной, и теперь сомневалась, правильно ли поступила, что решила показать эти фотографии.

...Виталий не торопился закрывать снимок. Он внимательно разглядывал изображённых на нём людей... Олега он узнал сразу — тот сильно постарел и казался ещё бледнее, чем обычно. Впрочем, его персона почти не интересовала Мясникова. Он искал другое лицо...

Таня... Женщина, стоявшая рядом с молодожёнами, лишь отдалённо напоминала ту красавицу-Татьяну, которую он знал раньше. И дело было не в возрасте... Да, Таня уже не выглядела так молодо... Прикинув в уме, Виталий подумал, что ей сейчас около пятидесяти. Но не только морщинки, не только изменившаяся осанка напоминали о приближающемся полувековом рубеже. Весь облик Татьяны был полон какого-то печального умиротворения — такого не бывает у молодых женщин. Довольно скромная для такого торжественного дня причёска, минимум макияжа... Платье хоть и дорогое, вечернее, но строгое. Оно не подчёркивало формы, но Виталий был уверен — Таня всё ещё стройна... Он мог угадать эту стройность даже за ниспадающей, закрывающей все детали фигуры тканью. Уж он-то помнил её тело...

Впрочем, сейчас женские тела его вовсе не волновали. Гормональные препараты, которые приходилось принимать на протяжении всего этого времени, убили остатки и желаний, и возможностей. Оставалось только вспоминать... Вспоминать и бороться — за жизнь... Пусть такую, без земных утех и радостей, но всё же — жизнь.

— Ох, ты... — как будто вспомнив о чём-то, он взглянул на часы. — Совсем забыл про лекарство... Оно в гостинице, так что с вашего позволения придётся на сегодня откланяться.

— Ну, как же так... — Злата растерянно развела руками. — Может, у нас найдётся... Вы что принимаете?

— Нет, Златочка. Вряд ли в вашей аптечке найдётся моё лекарство.

— А, вдруг, есть? Или вот что... Скажите, как называется, а я сейчас сбегаю в аптеку.

она в соседнем доме. Ну, в самом деле... Что же теперь, из-за лекарства ехать в гостиницу?! Да я куплю... — Желание Златы оставить его ночевать было не поддельным, и Мясников внезапно почувствовал непривычную резь в глазах. Он давно уже не испытывал такого искреннего участия от близких ему людей.

— Нет... — грустно усмехнувшись, он медленно покачал головой. — В свободной продаже такого препарата нет. Не беспокойтесь. А завтра мы снова увидимся.

...Незадолго до отъезда он вновь прошёл все обследования, результат должен был быть известен уже в ближайшие дни. От этого результата зависело дальнейшее лечение и — общий прогноз... В ожидании очередного «приговора» Виталий старался не думать о его серьёзности. Однако получалось это плохо. Мысли всё время сбивались на одну и ту же волну — сколько ему осталось... Думать об этом было страшно. Однако не думать он не мог.

***

Встреча с Михаилом состоялась уже ближе к обеду следующего дня. По дороге с службы Миша заехал в гостиницу к отцу, откуда вместе с ним отправился к себе домой. Сегодняшний день был для капитана Мясникова отсыпным, но ни о каком сне не могло быть и речи. Их разговор с Виталием был долгим и очень откровенным — и отец, и сын не могли бы припомнить такой беседы за всю свою жизнь. В душе Михаил был очень удивлён такой перемене, произошедшей с Мясниковым-старшим. Но ещё больше был удивлён сам Виталий... Он никогда ещё настолько не был близок с сыном, и теперь как будто впервые в жизни узнавал Михаила. Сын оказался радушным хозяином, в подробностях рассказывал о своей службе — кое-что Виталий уже знал от Златы, а кое-что слышал впервые. О себе Мясников-старший упомянул как-то вскользь, и то, когда Михаил поинтересовался его делами. Оказалось, что рассказывать ему особо не о чем. Вся его жизнь казалась сейчас Виталию какой-то заученной, монотонной, тусклой... лишённой искры. Да и не будешь, в конце концов, рассказывать о конкурентах, поставках, «высоких» встречах, об отношениях с Изабеллой и Ростиславом. Всё это было из другой, «не земной» жизни, говорить о которой здесь, в простой обстановке было как-то неуместно... На фоне его «деловых» новостей Мишкин рассказ, напротив, выглядел живым и интересным.

— Как у тебя со здоровьем?.. — бросив тревожный взгляд на отца, Михаил неожиданно переменял тему разговора. — Только честно. Злата сказала, что ты принимаешь какие-то редкие препараты...

— Ну, если честно, то... неважно... — Виталий решил больше ничего не скрывать. — Очень неважно, Миша.

О своей болезни он рассказал без большой охоты. Говорить о том, что жизнь может оборваться уже совсем скоро, было тяжело. Услышав о диагнозе отца, Михаил сразу изменился в лице.

— Слушай... ну, может, операция?.. — его участие было тоже таким искренним, что Виталий вот уже во второй раз за сутки едва сдержал слёзы. — Или ещё какой метод лечения — облучение, химиотерапия... Сейчас ведь много всяких методов... Как же так, отец?!

— Так вышло, Миша... — Мясников опустил голову и сцепил пальцы обеих рук в один кулак. — Методов много... да поздно я спохватился. Нет, шансы ещё есть... Но прогноз всё равно со знаком минус.

— Почему?

— Потому, что максимум, что мне могут пообещать — пять лет. И то...

— Может, дело в деньгах?

— Эх, Мишка... — Виталий тяжело усмехнулся. — Ты же знаешь, что для меня деньги — не проблема. Проблема в том, что не всё на них купить можно. Как оказалось... Кстати... — видимо, решив переменить тему, Виталий чуть распрямился на стуле и поднял на Михаила уже совершенно другой взгляд. — Я ведь не с пустыми руками к вам приехал. Хочу сделать вам со Златой подарок.

— Да ладно тебе... — Миша смущённо улыбнулся. — Не надо нам никаких подарков. У нас всё есть.

— Квартиру в Москве — хочешь?

— В Москве?! — брови изумлённо поползли вверх.

— Да, в Москве. С работой помогу... Будем чаще видеться...

— Спасибо, конечно... — Миша опустил взгляд на несколько секунд, затем снова вскинул его на отца. — Только у нас с жильём проблем нет. И эта квартира, и бабушкина... и у Златы собственная «однушка». С этим нам как-то повезло.

— Да при чём жильё?! Это же — Москва! Мишка, ты что, не понимаешь?!

— Понимаю... Только я отсюда никуда не поеду. Не обижайся, отец...

— А Злата?! Думаешь, она с тобой согласится?

— Думаю — да. Она знает, что я не могу бросить мать.

— Мать... — Мясников задумчиво забарабанил пальцами по столу. — Насколько я понимаю, она не одинока...

— Не в том дело. Есть некоторые нюансы...

— Она всё так же пьёт?

— Бывает... — Михаилу нелегко далось это признание, но он понимал, что промолчать или обмануть нет никакого смысла — Виталий приехал не на один день, и встреча с Александрой может произойти в любой момент. И не факт, что на тот момент мать окажется трезвой.

— Жаль... — отец низко опустил голову и медленно кивнул. — Мне, правда, жаль, Миша.

— Да нет... — Михаил тут же решил внести кое-какую ясность. — Она пьёт сейчас намного меньше... У неё не всё так плохо...

— Она замужем?

— Нет, живёт в гражданском браке... Вадим Петрович — мужик неплохой. Бывший научный сотрудник...

— Что — тоже?... — Виталий сделал характерный жест, щёлкнув себя по шее.

— Также... Но у него всё серьёзнее. Мы с нашими ребятами его уже много раз кодировали, под капельницы клали... Не помогает. Максимум полгода держится, потом — всё... опять в крутое пике. Дети от него отказались, а мать возится...

— Скорее, возишься ты... — Виталий невольно усмехнулся.

— Да я-то что... — Михаил пожал плечами. — Мне нарколога организовать нет проблем. Мужика жалко... У него мозги редкие. Он же диссертацию так свою пропил... Писал несколько лет, а потом ушёл в очередной запой, и — за ящик коньяка все материалы отдал.

— Спасибо тебе, Мишка... — Виталий неожиданно вскинул на сына полный благодарности взгляд. — Спасибо.

— За что?..

— За то, что ты со мной вот так — откровенно... Я ж раньше думал, встретимся — ты

мне и руки не подашь.

— Я — тебе?! Это почему?!

— Да как-то всё у меня с семьёй... не по-людски вышло... Ты меня осуждаешь, наверное, что я тогда — вот так... ушёл.

— Осуждать — значит судить. А я тебе не судья... Я вообще не судья... — Миша вдруг широко улыбнулся. — Я — мент!

***

Визит к Анне, который Виталий запланировал на этот день, пришлось отложить. Вернувшись со службы Злата застала отца и сына за разговорами, поэтому тут же отправилась готовить ужин. Решив, что навестит Анну завтра с утра, Мясников успокоился. Завтра — канун бракосочетания, и, несмотря на то, что торжество обещало быть скромным, у Михаила и Златы были неотложные хлопоты, поэтому сегодняшний вечер Виталий тоже провёл в квартире сына.

Понимая, что его присутствие на свадьбе будет довольно провокационным, он сразу предупредил, что в субботу у него срочные дела. Уговаривать Михаил не стал — он тоже понимал ситуацию. Договорившись, что встретятся завтра вечером, отец и сын попрощались — Виталий вновь уехал в гостиницу.

На следующее утро он уже собирался ехать в лицей, где работала Анна, но его остановил неожиданный звонок Михаила.

— Отец... Тут такое дело... — Миша говорил негромко и слегка виновато. — Я сказал бабушке, что ты здесь... Она очень просит увидеться.

— Вероника Григорьевна?! Ну, хорошо... — Виталий уже стоял одетым у двери, но снова вернулся в комнату и уселся в кресло. — А когда?

— Прямо сейчас... В её квартире. Ты подъедешь?

— Да... хорошо... Я подъеду.

Неожиданная встреча с бывшей тёщей да ещё в её доме всколыхнула не самые лучшие воспоминания. Всю дорогу Виталий ломал голову — зачем Веронике Григорьевне понадобилось видеть его, тем более — здесь? Решив, что услышит сейчас какие-нибудь жалобы на Александру, он нехотя взошёл на крыльцо и нажал кнопку домофона.

...Виталий уже давно не бывал в обычных городских домах и квартирах, а вот за эти дни сполна вспомнил своё «земное» прошлое...

— Виталик!.. — небольшого роста, худенькая пожилая женщина шагнула ему навстречу. Мясников с трудом узнал в ней свою бывшую тёщу: Вероника Григорьевна очень постарела, хотя была всё ещё красива — но уже старческой красотой.

Она была модно пострижена, одета в добротный костюм. Очень лёгкий макияж говорил о том, что женщина всё ещё следит за собой, и вообще — живёт не бедно.

Мясникову ничего не оставалось, как ответить на тёплые объятия своей бывшей тёщи.

— Олег сегодня целый день в суде... — Вероника Григорьевна говорила доверительным тоном, как будто сообщала большую тайну. — Я попросила Мишу, чтобы он привёз меня сюда... — запрокинув голову, она старательно вглядывалась в глаза Виталия. — Как хорошо, что я снова увидела тебя, Виталик!.. Я боялась, что уже не смогу тебе ничего сказать...

В первый момент Виталию показалось, что Вероника имеет в виду его болезнь и возможную скорую кончину. Но тёща вскоре рассеяла сомнения — она боялась не дожить до встречи сама.

— Ну, чтовы, Вероника Григорьевна... — Мясников невесело усмехнулся. — Вам ещё

жить да жить...

— Нет, Виталик... — усевшись напротив, тёща так и не сводила с него глаз. — Я чувствую... стала очень сильно болеть. А ты изменился... Ты не болеешь, Виталик?

— Кто же не болеет в моём возрасте? — он предпочёл обойтись без откровений. — А вот вы совсем не изменились!

— Ну, что ты... что ты... — в старческой улыбке не было ни тени кокетства. — Восьмой десяток... Да мне грех жаловаться... Живу, как у Бога за пазухой. Одно только гложет...

— Что же вас гложет, Вероника Григорьевна? — Виталий добродушно улыбнулся — тёща всегда была единственным человеком в этой семье, кто относился к нему с душевной теплотой.

— Виновата я перед тобой, Виталик... Одна только я и виновата...

— Да будет вам...

Исповедь Вероники Григорьевны была недлинной. Она без утайки рассказала Мясникову обо всех событиях, предшествовавших его женитьбе на Александре. Он слушал молча, без видимых эмоций. Написанная на лице усталость была неестественной для утреннего часа, поэтому со стороны могло показаться, что разговор его быстро утомил.

— Если бы я тогда не промолчала... — Вероника тяжело вздохнула, — Алё что винить... Она ещё глупая была. Ребёнок... А вот я могла расставить всё по местам, рассказать Семёну Ильичу... А я струсилась. Алё пожалела... Получается, тебя в жертву принесла... Прости меня, Виталик.

— Будет вам, Вероника Григорьевна... — он поднял на тещу тяжёлый взгляд. — Всё давно в прошлом.

— Если бы ты знал, как я мечтала встретиться... Эта вина моя жить мне не даёт. Всё наперекосяк — и у Али, и у тебя... да и у Олега...

Мясников понял, что имела в виду Вероника Григорьевна, упоминая своего сына. Конечно, не живи он тогда с Сандрой, не познакомился бы с Татьяной... Не закрутился бы у них роман. Он и сейчас не знал, как закончилось всё для Тани... Слишком мстительным был его бывший партнёр Олег Дзюба... Вряд ли он простил до конца свою жену.

— Живите спокойно, Вероника Григорьевна... — он произнёс эти слова, едва разжимая губы, глядя куда-то вниз. — Если есть Бог на свете, то он всех нас простит.

— Без покаяния не простит... — женщина неожиданно всхлипнула и, вытащив носовой платок из кармана, вытерла глаза.

— Как Таня? — Виталий задал этот вопрос неожиданно, видимо, он не считал его не деликатным.

— Таня хорошо... — Вероника с готовностью кивнула. — Олежек тогда её нашёл... Она в монастырь хотела уйти. Но он нашёл, привёз домой. Сначала тяжело всё у них было... Но потом как-то образовалось. Мальчик у них ещё родился, сейчас ему уже десять лет. Недавно Артурчика женили... Всё слава Богу...

— Ну, да... — Мясников как-то недобро усмехнулся про себя. — Всё слава Богу...

— Ну, а ты-то как, Виталик?.. — бывшая тёща подняла на него участливый взгляд. — У тебя-то всё хорошо?

— И у меня всё слава Богу.

— И хорошо... — Вероника Григорьевна снова вздохнула — теперь уже с облегчением. — Вот и повинилась я... Теперь можно и умереть с лёгкой душой...

***

Осадок, оставшийся после разговора с бывшей тещей, был слишком тяжёлым, чтобы сразу решать какие-то другие проблемы. Виталий и раньше знал, что в своё время стал жертвой какой-то нечестной игры... Но подробности стали известны только сегодня... Только сегодня, наконец, сложился пазл, который не давал ему покоя долгие годы.

Несмотря на слабость, уже давно забытая злость накатывала волнами... Нужно было немного отдохнуть, и Мясников решил вернуться в гостиницу.

— Виталий Иванович, это Корсаков... — узнав по голосу своего онколога, Виталий внутренне напрягся. Просто так врач не стал бы звонить — значит, есть какие-то новости.

— Слушаю вас...

— Пришли результаты последней гистологии. Вам нужно подъехать ко мне в клинику, и как можно скорее.

— Всё так плохо? — что-то холодное, липкое прокатилось по организму — сверху вниз.

— Не в том дело... Это не телефонный разговор. Когда вас ждать?

— Я не в Москве... — Виталий лихорадочно соображал, когда лучше вылететь и как закончить срочные дела. — У меня есть ещё двое суток в запасе?

— У вас есть больше. Но я жду вас не позже понедельника.

Часы показывали начало третьего, когда он вновь вызвал машину. Усевшись в салон, назвал водителю адрес гуманитарного лицея, затем, откинувшись на подголовник, устало прикрыл глаза. Он не знал, на месте ли Анна, но решил понадеяться на удачу.

...Он пытался забыть о своей болезни, но она не забыла о нём... Времени оставалось слишком мало, и никто не знал, что ожидало его в скором будущем.

— Я бы хотел видеть Анну Сергеевну... — войдя в приёмную директора лицея, Виталий с ходу обратился к секретарше. — Она у себя?

— Да... — девушка посмотрела на него с нескрываемым интересом. — А вы по какому вопросу? Вы — родитель? Она вам сама назначила?

— Нет, я не родитель... Но мне нужно её увидеть, это срочно.

— Как вас представить?

— Мясников.

— А... должность?.. Вы же по учебному вопросу?

— Просто — без должности. Она знает, кто я.

— Хорошо, я сейчас спрошу... — девушка выпорхнула из-за своего стола и, стуча каблучками, прошла в кабинет директора. Выйдя через минуту, кивнула на дверь. — Проходите. Анна Сергеевна вас ждёт.

Глава 27.

Когда Анне доложили, что в приёмной её дожидается Мясников, она совершенно спокойно велела пригласить его в свой кабинет: за последнее время эта фамилия стала для неё привычной и вопросов не вызывала.

Сказать, что Анна окончательно смирилась с фактом наличия у супруга внебрачного сына, значило бы покривить душой, чаши весов которой то и дело перевешивали одна другую. Однако за последние несколько месяцев она почти сжилась с этой мыслью, тем более, что произошедшие события требовали определённого — крайне уважительного — отношения к Михаилу.

За время пребывания супруга в новом качестве Анна не могла упрекнуть его в излишне повышенном внимании к новоиспечённому сыну. Декабрьский визит так и остался

единственным. Из рассказа Саши Анна знала, что он виделся с Сандрой, но совсем недолго и ни о чём с ней не разговаривал. Она чувствовала, что мужу неприятно говорить об этой встрече, поэтому с расспросами не лезла, проявляя присущую ей деликатность.

Михаил тоже не докучал Морозовым. Они несколько раз перезванивались с Александром — поздравляли друг друга с новогодними праздниками, а перед Рождеством Миша и Злата приезжали в гости к Дмитрию. Это был дневной визит — вечером молодые Морозовы давали очередной концерт. Гости одарили всех рождественскими подарками — особенно радовались маленькая Анюта и Валерик, которым достались говорящая кукла и большой самосвал, в который можно было загружать мелкие игрушки, а потом сваливать их где-нибудь у взрослых под ногами. Впервые увидев детей Морозовых, Злата почти не сводила глаз с Анечки — это заметили абсолютно все. Она так и норовила взять её на руки, чему Анюта сопротивлялась не очень долго — к удивлению родителей, которые в один голос утверждали, что к чужим их дочь не идёт. Когда Злате под весёлым давлением пришлось «признаться», что у них с Мишей тоже будет девочка, Анна почувствовала, как внутри всё сжимается в холодный комочек... Осознать, что ещё не рождённый ребёнок — родной Сашин внук, оказалось нелегко. Однако она старалась не выдавать своего состояния. В конце концов, у Анечки и Валерика должна была появиться двоюродная сестра, а это вовсе не плохо. Ничем не хуже, чем неродной брат от Наташиной сводной сестры.

Заметив, как непринуждённо общаются между собой Дима и Миша, Анна почувствовала новый прилив — уже материнской ревности, но в очередной раз смогла справиться с собой. Гости вели себя ненавязчиво, да и Саша оставался обычным — играл с внуками, шутил с Димой, а вернувшись домой, как всегда обнимал её и называл «своей Анюткой». Несмотря ни на что, Анна была вынуждена признать, что праздник получился по-семейному тёплым и душевным.

С тех пор ни Михаила, ни Злату она не видела, только получала от них несколько раз приветы — через Сашу и Диму. Она знала, что на завтрашний день назначено бракосочетание молодых Мясниковых, и даже была в курсе, что свадьбы как таковой не будет — после росписи молодожёны собирались отметить это событие дома, в очень узком семейном кругу, вместе с родителями Златы и Мишиной матерью. Об этом ей рассказал Александр. Он же принёс и пригласительную открытку, которую Михаил передал для них с Анной.

«Ну, и что ты об этом думаешь? — прочитав открытку, Анна подняла на мужа пытливый взгляд. — Если хочешь, то, конечно, сходи. Только без меня...»

«Ну, куда же я без тебя?.. — улыбнувшись, Саша обнял жену за плечи. — Тем более, что я тоже думаю, что... не стоит. Мы лучше потом с тобой как-нибудь вместе соберёмся, и поздравим... Да?»

«Хорошо... Как скажешь...» — облегчённо вздохнув про себя, Анна улыбнулась. На всём белом свете не было такого замечательного, понимающего человека, как её Саша.

...Фамилия «Мясников» Анну больше не пугала. Услышав её сейчас, она сразу предположила, что Михаил решил лично уточнить их с Сашей присутствие на завтрашнем бракосочетании. Она даже приготовилась как можно деликатнее мотивировать отказ...

— Можно?.. — мужской голос был незнакомым, и в первый момент Анна подумала, что кто-то другой сейчас вошёл в кабинет, опередив Мясникова.

— Да, входите... — чуть нахмурившись, она пристально вглядывалась в неожиданного посетителя: уже немолодой, уважаемый, одетый в дорогое пальто, с печатью

безграничной власти на всём облике... Она хорошо знала этот тип людей: приходилось не раз встречаться по служебным и административным надобностям. Чаще всего эти встречи происходили в «высоких» кабинетах, намного реже — здесь, в учебном заведении, если только это был не родитель кого-либо из учеников.

...Вошедший в кабинет мужчина не был родителем, уж она бы точно знала такого отца или деда... Однако что-то до боли знакомое промелькнуло и в чертах лица, и в огрузневшей с годами фигуре...

— Ну, здравствуй, Аня... — Мясников широко шагнул от двери и неторопливо пересёк кабинет. Превратившись в каменное изваяние, Анна следила за его передвижением округлившимися от изумления глазами до тех пор, пока он не остановился у её стола.

— Ты?! — глядя на него снизу вверх, она, наконец, смогла произнести одно единственное слово, но то ли многолетняя привычка, то ли слишком внушительный вид гостя заставили её невольно поправиться. — Вы?!

— Если хочешь, можем и на вы... — Виталий сделал бесцеремонный жест рукой в сторону стоящего рядом стула. — Присесть позволишь?.. Позволите, Анна Сергеевна?

— Присаживайтесь... — вмиг побледневшая Анна смотрела теперь настороженно. — Чем обязана?

— Да брось ты, Аня... — усевшись, Мясников чуть заметно усмехнулся. — Зачем так официально? Я ведь не спонсор, не депутат... И не министр образования.

...Внутреннее замешательство никак не проходило. Анна с ужасом для себя чувствовала, как предательски дрожат её пальцы. Гулкие, учащённые удары сердца молоточками отдавались в затылке, а сбивчивое дыхание никак не удавалось выровнять. Этот человек, которого она видела сейчас перед собой, был настоящей тенью прошлого... Прошлого, о котором хотелось забыть и не вспоминать — никогда...

— И всё-таки. Чем обязана? — эти слова дались ей нелегко: пришлось призвать на помощь всю свою многолетнюю выдержку, чтобы сохранить внешнее спокойствие.

— У меня к тебе один вопрос... — видимо, решив начать без обиняков, Виталий внимательно следил за выражением её лица. — Аня, скажи... Дмитрий — мой сын?

...Ещё в самое первое мгновение на подсознательном уровне Анну «осенило»: визит Виталия Мясникова связан с Сашиним отцовством... Она успела даже мысленно «возмутиться» — нашёл время и место, чтобы выяснять отношения.

...То, что она услышала сейчас от него, превзошло все её самые худшие ожидания... Да, она сама много лет сомневалась, чей у неё сын... Но сомнения Виталия даже не приходили в голову... Он исчез из её жизни, исчез на столько лет, что можно было с уверенностью думать: он сам забыл о ней... Вопрос с отцовством с его стороны отпал сам собой.

...Но оказалось, что она не права... Он снова ворвался в её жизнь — внезапно, непрошено... Ворвался в тот момент, когда она только-только оправилась после всех свалившихся на неё потрясений... Если бы Виталий начал с обычных, принятых в таких случаях комплиментов вроде «а ты совсем не изменилась», возможно, Анна ещё долго бы приходила в себя. Но он даже не стал утруждать себя такой малостью, и это было унижительно.

Крайнее замешательство тут же сменилось приступом откровенной ненависти.

— Ты даже имя узнал... — голос Анны прозвучал довольно зловеще. — Что тебе ещё нужно?!

— Ты не ответила.

— Дима никак не может быть твоим сыном! Что ты вбил себе в голову через столько лет?!

— Почему — не может? — глядя на Анну исподлобья, Мясников чуть навалился на стол, сложил руки. В отличие от неё он не терял хладнокровия. — Он родился десятого августа семьдесят пятого года. А ещё я очень хорошо помню другую дату... Вернее, ночь с седьмого на восьмое ноября семьдесят четвёртого года...

— Месяц ты хорошо запомнил... — Анна чуть прищурила всё ещё красивые глаза. — А вот дату... с датой ты ошибся.

— Разве?... — удивление было искренним, но, подумав несколько секунд, Виталий равнодушно пожал плечами. — Хотя, возможно... Но ведь это лишь цифры. А саму ночь я помню очень хорошо.

— Не было никакой ночи... Слышишь?! — вкладывая в свои слова совершенно другой, понятный только ей смысл, Анна сжала губы и с силой припечатала к поверхности стола ладонь. — И между нами с тобой никогда и ничего не было!..

— Было, Аня... было... — Виталий говорил демонстративно спокойным тоном. — Я тебя только об одном прошу... Скажи мне правду. Ведь Дмитрий — мой сын?

— Нет! — Анна едва удержалась от того, чтобы крикнуть на весь кабинет.

Этот человек, сидящий напротив, был мало похож на того Виталия, которого она когда-то безумно любила. От той любви не осталось и следа, и сам Мясников сейчас выглядел не так, как тридцать лет тому назад — заметно постаревший, потяжелевший, с каким-то выцветшим, усталым взглядом... Этот человек ужасно раздражал, и всё, чего хотелось ей в эту минуту — чтобы он встал и ушёл... Ушёл навсегда из этого кабинета, из здания, но в первую очередь — из её жизни. Навсегда и безвозвратно...

— Аня, послушай меня... — в голосе Мясникова неожиданно послышались железные нотки. Анна вдруг подумала, что именно так он разговаривает со своими подчинёнными и вообще — со всеми, кто ниже его рангом. — Я обещаю, что никогда не потревожу тебя своим присутствием. Просто скажи мне правду.

— Я говорю тебе правду... — ещё одно усилие над собой принесло плоды — Анна понизила голос. — Дима — не твой ребёнок. Его отец — Саша, и я знаю это наверняка.

— Какая у него группа крови?

— Первая. Ну, и что?

— У меня тоже — первая.

— Это ни о чём не говорит, — Анна усмехнулась. — У нас у всех первая группа: и у меня, и у Саши, и у Димы.

— Аня, поверь... — тяжело вздохнув, Мясников уставился на свои сцепленные пальцы. — Для меня это очень важно.

— Я ничем не могу тебе помочь.

— А вот я мог бы помочь... — взгляд снова скользнул вверх — на Анну. — Я во многом мог бы помочь своему сыну. Но это нужно сделать именно сейчас, пока не поздно...

— Ты что... — она уставилась на него округлившимися от изумления глазами. — Ты покупаешь моё признание?!

— Ты не так поняла...

— Ты это — серьёзно?! — совершенно неожиданно Анна расхохоталась. — А если я сейчас возьму — и совру, что Дима твой сын?! Такой вариант ты не рассматривал?!

— Ты не соврёшь... Ты врёшь мне сейчас, когда утверждаешь, что его отец — не я.

— Да почему ты так уверен?! — веселье Анны было неестественным, скорее это было нервное возбуждение — смеялись губы, но не глаза.

— Потому, что я видел его, наблюдал... Я слушал, как он поёт... Я всё знаю про Дмитрия. Он очень талантлив, уж я-то кое в чём разбираюсь....

— А талантливым он может быть только в тебя?.. — Морозова иронично усмехнулась. — Не очень скромно с твоей стороны.

— Он совсем не похож на твоего мужа.

— Ну, всё, достаточно... — Анна посерьёзнела так же внезапно, как и развеселилась. Чуть отпрянув от стола, она снова хлопнула по нему раскрытой ладонью. — Я ещё раз — в самый последний — повторяю тебе: Дима не твой сын. И считаю наш разговор на этом законченным.

— Аня!.. — Мясников заговорил нервно, торопливо, как будто опасаясь, что она его перебьёт. — Я сейчас поступил по-честному... Я не пришёл к тебе домой, я пришёл сюда, чтобы поговорить с глазу на глаз... Я пришёл сначала к тебе... а не к Дмитрию...

— Что-о-о?! — услышав такое неожиданное «откровение», Анна изменилась в лице. — Даже думать не смей! Не смей даже приближаться к нему!.. Слышишь?! Ты для него — никто! Чужой человек! Между вами нет ничего общего, понимаешь?! Дима — хороший, порядочный мальчик!

— Я понимаю, что ты хочешь сказать... Да, я поступил с тобой нехорошо. Но сейчас... — Виталий на какое-то время замолчал, как бы собираясь с духом, затем шумно выдохнул и вновь поднял взгляд. — Я очень серьёзно болен, Аня. Я не знаю, сколько мне осталось... Год, полгода, месяц... Поэтому я имею право знать...

— Ты хочешь, чтобы я тебя пожалела?.. — Анна недоверчиво улыбнулась — совсем чуть-чуть, одним уголком губ. — Ну, что ж... прими моё искреннее сожаление. Я надеюсь, что ты всё же поправишься...

— Меня не нужно жалеть...

— А большего я дать тебе не могу. Ты пытаешься вырвать у меня признание в том, чего нет. Ты привык получать всё, что хочешь... Но сейчас это не работает. Дима — не твой ребёнок. И давай сейчас попросимся... — Анна недвусмысленно поднялась из-за стола. — В любом случае — навсегда.

***

Едва дождавшись, когда за Мясниковым закроется дверь, Анна вновь упала на стул. Она чувствовала себя совершенно обессиленной и ещё какое-то время сидела, подперев лицо ладонями. Рабочий день подходил к концу, к счастью, никто не тревожил директора, и, немного придя в себя, она с опаской посмотрела на дверь — их с Виталием разговор могли слышать в приёмной. Хотя она старалась не повышать голоса, но несколько фраз произнесла довольно громко...

...Впрочем, теперь это уже не имело значения. Вопреки её воле, встреча с прошлым состоялась, и дай Бог, чтобы она не оказалась роковой.

...Приехав домой, она по обыкновению какое-то время сидела в мягком кресле, а затем отправилась на кухню. Пожалуй, впервые в жизни всё валилось из рук: раньше Анна только слышала это выражение, а вот что оно обозначает, поняла только сегодня. Выскользнувшее из ладони, растёкшееся по светлому линолеуму яйцо оказалось на редкость скользким: нечаянно наступив на слизистую массу, Анна едва не упала... Лишняя щепоть соли безвозвратно высypалась в фарш — она сообразила, что посолила его дважды, когда было

уже слишком поздно... Макароны, которые никогда в жизни не слипались, сегодня вдруг образовали твёрдый, липкий комок...

Последней каплей оказался нечаянно порезанный во время шинковки лука палец. Подставив кровоточащую фалангу под холодную струю воды, Анна чувствовала, как по щекам стекают другие — уже горячие — струйки... Она плакала навзрыд, благо дома никого не было: Саша ещё не вернулся с работы, а Дмитрий и Наталья уже уехали в свою студию, прихватив обоих детей.

Забинтованный палец сильно мешал закончить приготовление ужина, но Анна мужественно справлялась. Выключив последнюю конфорку, набрала номер мужа. В последнее время она часто звонила ему, если он задерживался. Раньше было наоборот — Александр без конца предупреждал супругу, если опаздывал к ужину. Сейчас же самой Анне всё чаще и чаще хотелось слышать Сашин голос... Пусть и по телефону.

...Саша сказал, что уже выехал из офиса, и в его ожидании Анна уютно устроилась в гостиной на диване.

Сегодняшняя встреча с Виталием разбередила старые, уже отболевшие раны. Нет, сейчас Анна уже не сомневалась в том, кто является отцом её сына. Шёл третий год, как рассеялись последние сомнения. Рождение маленькой Анечки принесло двойную радость: увидев на крохотном детском плечике характерную родовую «морозовскую» отметину, Анна в буквальном смысле ощутила, как с её собственных плеч падает нечеловеческий груз. Новорождённая Анечка оказалась достойной продолжательницей рода Морозовых, то есть родной внучкой Александра.

С тех пор жизнь Анны потекла по новому — ещё более светлому руслу... Она текла по нему ровно до тех пор, пока не случилась вся эта история с Лапиным. Но даже недавние неприятные события не шли сейчас ни в какое сравнение с сегодняшним «пришествием» Виталия Мясникова, по какой-то причине решившего заявить свои права на Димку. Особенно пугала одержимость, с которой Виталий пытался добиться от Анны Сергеевны положительного ответа. Похоже, что на него не действовал ни один приведённый ею аргумент... Мясников был уверен в своей «догадке», и всё, что ему было нужно — это услышать от Анны определённый ответ.

...Анна вдруг только сейчас подумала о том, знает ли Виталий, чьего сына растил он сам? Судя по тому, что он никоим образом не намекнул на это обстоятельство, он находился в неведении... Но, с другой стороны, вряд ли стоило ждать от него «встречного» признания... Тем более, приходил он вовсе не за этим.

— А чего ты сидишь в темноте? — за своими мыслями Анна даже не услышала, как вернулся с работы супруг.

— Да не знаю... — она торопливо поднялась и шагнула навстречу Александру. — Просто не зажигала свет... тебя ждала.

— Ты мне нравишься всё больше и больше... — Саша ласково обнял жену и поцеловал в щёчку.

— А раньше?.. — Анна кокетливо приподняла брови, бросила на супруга игривый взгляд. — Раньше я тебе нравилась меньше и меньше?!

— Ты мне всегда нравилась... Просто раньше ты была какая-то... строгая, что ли.

За всю их совместную жизнь Анна не помнила случая, чтобы вернувшись домой, Саша не нашёл для неё ласкового слова, не поцеловал, не обнял. Каким бы уставшим он не был, но любимая Анечка всегда была для него на первом месте.

Анна вдруг вспомнила, как ревностно наблюдала такие же повадки и у своего единственного сына: возвращаясь домой с репетиций или гастролей, Дима с порога хватал свою тогда ещё совсем юную жену в охапку и буквально «зацеловывал заживо» — так шутила сама Наташа, счастливо жмурясь в его неумных объятиях. Они тогда жили все вместе, в одной квартире, и эти проявления чувств происходили у Анны на глазах... Сколько усилий понадобилось ей тогда, чтобы привыкнуть к мысли, что у её сына теперь есть «другая женщина»... Его бывших невест она не считала за соперниц — Марина в их доме почти не появлялась, а к Кристине у Анны было особое отношение...

Вот с Наташей было сложнее. Наверное, потому, что именно её Дима полюбил по-настоящему. Сын не был похож на отца внешне, но унаследовал от него самое главное — умение любить и отстаивать своё право на любовь...

...И как она не поняла этого раньше?..

— Ужинать идём? — дождавшись, когда Саша выйдет из ванной, Анна выглянула из кухни. — Пока всё горячее.

— А молодёжь?

— Молодёжь сегодня на своих хлебах. Уехали в студию, Аню с Валерой с собой забрали. Скоро уже вернутся.

— А это что?.. — Александр только сейчас заметил бинт на пальце Анны. — Ты что, палец порезала?

— Да ерунда...

— Ну, что ж ты так?.. — во взгляде и в голосе мужа слышалось неподдельное сочувствие. — Больно?

— Не больно... — Анна поставила на стол тарелки, достала заранее нарезанный хлеб. — Это всего лишь палец. Давай, садись.

— Это же твой палец... — Саша тут же подхватил из рук жены кастрюлю. — Давай, я сам...

...Сидя напротив мужа, Анна то и дело бросала на него незаметные взгляды. Если его отношение к ней не изменилось за эти годы, то вот её собственное отношение к нему стало совсем другим... Приливы неведомой ранее нежности, желания обнять, просто погладить по голове она испытывала всё чаще и чаще. Так же как и желание позвонить во время рабочего дня — услышать его голос, спросить как дела... То, чего в молодые годы не было и в помине, вдруг обрушилось именно сейчас...

Что было тому причиной — вина, которую теперь так остро чувствовала Анна... или то обстоятельство, что у Саши появился ещё один сын, а значит, претендент на его любовь и нежность?.. Этого Анна объяснить не могла. Но так или иначе, она остро ощущала происходящие с ней перемены... Эти перемены были приятны и Саше, и ей самой. Жизнь как будто наполнялась новым, ещё неведомым ей смыслом, имя которому было одно на все времена: любовь.

...Перемены коснулись не только её, но и самого супруга. Анна не могла не отметить, что в последнее время Александр стал ещё увереннее, ещё самостоятельнее... Это началось именно после того, как он узнал о том, что у него есть ещё один, старший сын. Это было немного обидно... даже больно. Но в то же самое время возбуждало в Анне новый, сугубо женский интерес к супругу.

Теперь Александр не искал у неё совета по каждому пустяковому поводу, а сам принимал абсолютно все решения. Иногда Анне казалось, что Саша даже помолодел, и не

только внешне, но и внутренне. Ей и нравилось это его преобразование... и настораживало. Впервые в жизни Анна испытывала самую настоящую ревность...

Поводов, как и раньше, не было... А ревность — была. Впервые Анну Сергеевну интересовало, какие женщины окружают её Сашу в офисе, с кем ему приходится общаться по делам бизнеса. Глядя на него по утрам — такого бодрого, подтянутого, моложавого, она начинала терзаться мыслью, что именно таким его видят и другие представительницы прекрасного пола...

Однажды, не выдержав, она позвонила Нелли...

«Я кажется, схожу с ума... — говорить было неловко, но ей было просто необходимо поделиться с кем-нибудь своими мыслями. — Нелька... Я ж никогда его не ревновала!.. Я даже не знала, что это такое!.. А сейчас как дура — ревную... Представляешь?! Вечером дожидаться не могу, когда с работы придёт. Жду, в окошко выглядываю... Ну, совсем баба на старости лет умом рехнулась!»

«Да не рехнулась ты... — Нелли, как всегда, была готова поддержать подругу, и била, что называется, не в бровь, а в глаз. — А влюбилась. Слава Богу, что в своего... Некоторые в чужих умудряются втюхаться. Так что тебе повезло. Встречай мужа с работы, корми, и — в койку!»

«Ой, да ну тебя... — Анна захихикала в трубку, по-девчоночьи, рассыпчато. Затем, не выдержав, приглушила голос. — Нелька... если честно... Уже третий медовый месяц пошёл... Мне кажется, у нас смолоду такого не было, как сейчас!..»

«Вот и радуйся! — Нелли тоже хохотнула своим хриловатым басцом. — И Саньку своего радуй. Отдувайся за все тридцать лет!»

«Да я и не против... — Анна невольно потрогала горящую щеку — подобные разговоры были не в её манере, а вот же — появилась такая надобность. — Слушай, ну, ненормально как-то... Вроде внуки уже, а мы — как молодожёны...»

«Да успокойся ты, мать! Всё у вас в норме. Это вторая молодость называется. Живите и радуйтесь!»

...Радоваться, действительно, было чему. И даже наступающий полувекковой юбилей не пугал Анну Сергеевну... Они вместе с Сашей уже купили путёвки на заграничный курорт чтобы там отпраздновать это событие — после прошлого юбилея у Анны осталось стойкое неприятие шумных застолий в свою честь.

Ночью, засыпая в объятиях супруга, Анна вновь вспомнила сегодняшней визит Виталия. Мысль, которую она старательно отгоняла весь вечер, гвоздём впиалась в мозг, отогнала сон...

А что, если он всё же решится прийти к Диме?.. Ведь не поверил же её словам... как пить дать — не поверил...

«Не посмеет... Ни за что не посмеет...»

Глава 28.

Из здания лицея Виталий вышел в сильном раздражении. Уверенность в том, что Анна не хочет говорить правды, только крепла. Усевшись в ожидавший его автомобиль, он нервно откинулся назад — тёплое анатомическое кресло едва слышно хрустнуло натуральной кожей и приняло в объятия грузное тело персонального пассажира. Открывший перед Мясниковым дверь водитель сделал рукой чуть заметный жест в обратную сторону — идеально отточенный механизм замка отозвался мягким щелчком. Обогнув авто, мужчина занял своё, водительское место и тут же нажал на газ — чёрный «мерин» плавно тронулся вперёд.

— Виталий Иванович... — взглянув на шефа в салонное зеркало, водитель заговорил совершенно неожиданно. — Можно вопрос?

— Задавай... — Мясников скорее буркнул про себя, чем ответил.

— Сколько знаю вас, не перестаю удивляться. Вы — единственный из всего начальства, кто приезжает без охраны. Почему?

— Не люблю.

— У нас даже заместитель директора филиала и тот с собой какого-то гориллу постоянно возит... а вы — такая фигура, и всегда один... — водителю сегодня явно хотелось поболтать с высоким начальством.

— Не вижу надобности.

— Ну, как... всё-таки безопасность...

— Да будет тебе известно, что самые коварные заговоры и покушения готовятся именно с помощью личных телохранителей... — не удостоив собеседника ответным взглядом, Виталий продолжал смотреть в боковое окно. — Вот так-то...

— Тоже верно... — видимо, почувствовав, что шеф не в настроении, водитель лишь согласно кивнул. Затем, как будто опомнившись, торопливо сменил тему. — Куда едем?

— В офис.

Мясников, действительно, никогда не брал с собой охрану. Даже Изабелла не раз выговаривала ему, что он не соблюдает правила личной безопасности. Только из-за её назойливых напоминаний Виталий иногда пользовался услугами телохранителей — но только в Москве. В остальных случаях он предпочитал иметь «под рукой» лишь водителя и необходимую прислугу.

В этом не было никакой странности — он, и правда, не доверял наёмным охранникам. Кого захотят убить — убьют. И ни один громила не поможет... К тому же, он умело вёл дела и с партнёрами, и с конкурентами, предпочитая не вступать в открытые конфликты, а находить нужный в конкретном случае компромисс.

...Пробыв в офисе какое-то время, Виталий вернулся в гостиницу. Нужно было отдохнуть и привести в порядок мысли, прежде чем снова отправиться к Михаилу — сегодняшней визит предполагался недолгим и прощальным. Он увиделся с сыном, познакомился с его избранницей, тем самым выполнив свой затянувшийся «отцовский» долг... Во всяком случае, ему казалось именно так. Встреча с Анной тоже состоялась. Ему больше нечего делать в этом городе. Правда, если в первом случае всё получилось как нельзя лучше, то во втором результат был нулевым.

Несмотря на слова Анны, Мясников был уверен — она его обманула... Так же, как тогда, тридцать лет назад. Тогда она тоже сказала, что беременна не его ребёнком... Более того — вначале она отрицала даже сам факт беременности, что говорило как раз об обратном...

...Он мог понять её упрямое нежелание говорить правду. Какая женщина признается в своей ошибке через столько лет? В конце концов, Анна не могла знать, как сам Виталий распорядится этим известием... Она могла вполне законно опасаться, что он всё выложит и её мужу, и сыну.

...Да, её реакция была естественна... Но несправедлива. Он хотел так мало — знать, оставит ли он след на этой земле... Всё, что происходит в жизни — так относительно... И даже если вскрыется нежелательная для многих правда — через несколько десятков лет она исчезнет сама собой... уйдёт в небытие вместе с участниками событий, с теми, кто вольно

или невольно соприкоснулся с ней. Это такой пустяк — несколько десятков лет... По сравнению с вечностью — пустяк...

Но пока эти люди живы — это огромный отрезок времени. Они его проживут... Они будут радоваться, наслаждаться самой возможностью — есть, пить, дышать, ходить... Они всё получают сполна, у них впереди ещё столько лет.

...А вот для него всё скоро закончится... В любом случае, ему отмерено намного меньше, чем самой Анне, её мужу... И всё, чего он хочет сейчас — просто знать... знать, чтобы уйти в иной мир в согласии с самим собой...

...Разве он много просил?! Всего одно слово правды!.. Но она отказала ему в этом. А ведь он поступил по-человечески... Он не полез на рожон. Он не стал проводить собственное расследование, не сделал ни одной попытки самостоятельно познакомиться с Дмитрием... Он, как дурак, надеялся на снисхождение... Но он его не получил. Женские обиды, чёрт бы их побрал!..

— Добрый день, Виталий Иванович! — приятный женский голос прозвучал в телефонной трубке гостиничного номера. — Это Марина, администратор. К вам просится посетитель.

— Посетитель?.. — Мясников удивлённо нахмурился — он никого к себе не ждал. — Кто?

— Олег Семёнович Дзюба. Он говорит, что ему необходимо с вами увидеться.

— Кто?!

Услышав имя своего бывшего партнёра, а впоследствии заклятого врага, Мясников на несколько секунд пришёл в замешательство. Он ожидал увидеть у себя кого угодно, но только не Дзюбу... Вначале он даже не поверил — гостиница была частной, элитной, всего на несколько номеров... адрес знали только Михаил и некоторые работники филиала, поэтому было странным, что Олег смог найти его здесь... Он впервые в жизни пожалел, что не взял с собой никого из своей московской свиты... Он чуть было не выкрикнул «нет», но тут же сдержал свой порыв. В конце концов, кто такой этот самый Олег Семёнович?! Почему он, Виталий Мясников, должен бояться встречи с этим человеком?!

— Так что сказать?.. — девушка прервала ход его мыслей.

— Пропустите.

...В ожидании гостя Виталий открыл изнутри дверь — чтобы не подниматься на стук... Всё здание гостиницы было оснащено камерами слежения, а номера — тревожными кнопками. Целый штат охранников обеспечивал безопасность элитных жильцов, поэтому только идиоту могло прийти в голову задумать что-то противоправное на этой территории.

Усевшись в кресло, Мясников вальяжно откинулся на спинку и заложил ногу на ногу, однако поза оказалась неудобной, и он просто широко расставил колени.

...Он ожидал стука, но дверь отворилась без предупреждения...

...Даже если бы он не знал заранее, кто сейчас предстанет перед ним, Виталий без труда узнал бы в этом решительно шагнувшем в номер мужчине своего бывшего партнёра. Олег мало изменился — он был по-прежнему худощав, бледен, с неизменным презрительно-холодным выражением изборождённого глубокими носогубными морщинами лица.

Дорогое чёрное пальто было расстёгнуто — обе полы разъехались в стороны, и из-под них выглядывал строгий деловой костюм... Видимо, сюда он приехал прямо из суда. Сделав несколько шагов, Дзюба резко остановился посреди комнаты и уставился на Мясникова чуть прищуренным, полным ненависти взглядом.

— Чем обязан? — глядя чуть исподлобья, Виталий невольно повторил сегодняшнюю фразу Анны Морозовой. Его когда-то бархатный баритон сейчас казался ещё более низким, с едва заметной хрипотцой.

— Ну, вот и встретились... — не поздоровавшись и не ответив на вопрос Олег недобро усмехнулся. — Что, не ожидал меня увидеть?

— Не ожидал.

— Ты что же, думал, что я как всегда ничего не узнаю... Ошибаешься. Я всегда знал о тебе на три хода вперёд.

— Ты о чём? — во взгляде Мясникова промелькнуло неприкрытое удивление.

— Решил навестить родные места?.. — Дзюба как будто не слышал последнего вопроса. — Что тебе нужно?! Что решил вынюхать в этот раз?!

— О чём ты, Олег Семёнович? — Виталию пришлось сделать над собой усилие, чтобы выглядеть невозмутимым. — Помнится, в последний раз мы с тобой виделись лет этак шестнадцать назад?.. Какие претензии у тебя ко мне через столько лет?

— Ты зачем приехал?! — поджав и без того узкие губы, Олег невольно сделал ещё один шаг вперёд. — Что тебе нужно?!

— Почему я не могу приехать в свой родной город? — Мясников пожал плечами. — Здесь мой филиал... в конце концов, здесь живёт мой сын...

— Вспомнил!..

— Что тебе самому-то нужно, Олег? — тон Мясникова внезапно изменился с невозмутимого на злой — ему надоел этот непонятный диалог. — Говори прямо, зачем пришёл.

Даже невооружённым глазом можно было заметить, что Дзюба вне себя от гнева. Судя по не заготовленной заранее речи, его визит носил спонтанный характер.

— Что мне нужно, говоришь?.. — стоя прямо перед Виталием, Олег сжимал и разжимал кулаки. — Мне нужно, чтобы ты не лез в мою семью!

— Окстись, Олежек... Ты о чём — вообще?!

— Я знаю, что ты сегодня виделся с матерью! Что, удовлетворил своё поганое нутро?!

— Да-а-а... — не сводя глаз с собеседника, Мясников иронично качнул головой. — Хладнокровие и выдержка тебе изменили, Олег. Раньше ты так никогда не дёргался.

— Ты что... думаешь, что Бога за бороду ухватил?! Взобрался на поднебесную высоту?.. Думаешь, ты теперь всемогущий?! — со стороны могло показаться, что Дзюба еле сдерживается, чтобы не кинуться с кулаками на собеседника. — Так сиди на своём небе!.. Чего ты сюда, на грешную землю-то вернулся?!

— Чего ты боишься, Олег?.. — Виталий так и сидел — развалившись в кресле, чем, видимо, очень раздражал Дзюбу. — Инициатива была не моя. Вероника Григорьевна сама захотела встретиться. А сюда, как ты говоришь, на грешную землю, я довольно часто спускаюсь. Приезжаю иногда, по служебным делам.

Виталий уже понял, что конкретных претензий у Олега к нему нет, и этот визит — результат нервного потрясения, которое получил Дзюба, откуда-то узнав о том, что Мясников виделся с Вероникой Григорьевной. Ситуация немного забавляла — по всему выходило, что Дзюба до сих пор испытывает к нему лютую ненависть и одновременно боится, что Виталий каким-то образом всё ещё может нарушить покой его семьи. Это давало Виталию психологическую фору...

— Сама, говоришь?! — слова Мясникова привели Дзюбу в ещё большее бешенство —

его глаза в буквальном смысле извергали молнии. — А ты и рад?! Старуха приезжала просить у тебя прощения... И у тебя хватило совести якобы простить?!

— Так ты, оказывается, в курсе?

— Только такая мразь, как ты, могла — вот так воспользоваться... Что, слушал, как винится моя мать и получал удовольствие?! — Олегу явно не хватало слов, чтобы высказать всё, что творилось сейчас в его душе. Эмоциональное напряжение достигло наивысшей точки, но проявиться могло только в до боли сжатых кулаках, пронзающем насквозь ненавидящем взгляде и исказившей лицо злобной маске. — Так поступить могла только такая мразь, как ты...

— А что тебя так завело? — Мясников медленно поднялся с кресла и в ответ чуть прищурил глаза. — Что твоя мать извинилась передо мной за всю вашу семейку?!

— Это ты... ты должен был валяться у неё в ногах! Ты, с-сука!.. — выкинув вперёд левую руку, Олег потряс перед лицом Виталия указательным пальцем.

— Что тебе надо?! — тот невольно отмахнулся и замер в ожидании нового выпада, но его не последовало.

— Чтобы ты сдох!.. — Дзюба проговорил это побелевшими от перенапряжения губами, сделав ударение на последнем слове. — Слышишь?! Я все эти годы только и мечтал о том, что ты когда-нибудь сдохнешь! Такая мразь как ты, не имеет права жить!.. Во всяком случае долго!..

— А ты, значит, собрался жить вечно?..

Ещё в начале разговора Виталий невольно обратил внимание на то, что Дзюба как будто прячет правую кисть под рукавом пальто — сжатый кулак лишь угадывался остриями побелевших косточек. И размахивал Олег только левой рукой... Возможно, какая-то травма была причиной тому, что гость так и не кинулся в драку.

— Не-е-ет... — Дзюба медленно покачал головой из стороны в сторону. — Я не собрался жить вечно... Но одно меня радует... — он выдержал небольшую паузу, затем многозначительно ухмыльнулся. — Что после такой мрази, как ты, ничего не останется... Бабло — не в счёт. Сдохнешь ты — сдохнет твой поганый род!..

— Смотри... как бы тебе раньше меня не сдохнуть.

— А я не боюсь! У меня, слава Богу, три сына... Есть, кому продолжить династию. А вот ты... — указательный палец снова устремился вперёд. — Ты — пустышка! Ноль!.. Кроме бабла за душой — ничего!..

Слова Дзюбы ударили в самое больное место. Больнее и придумать было нельзя... Если бы он сейчас вспомнил Мясникову другие, партнёрские дела и обиды, Виталий великодушно бы рассмеялся. Но Олег выбрал самую уязвимую цель, и прощать это было нельзя.

— Что, Олежек... — Мясников снова ухмыльнулся. — Вижу, рога до сих пор мешают?.. Никак простить не можешь? Как же ты тогда с Татьяной-то живёшь?!

— Заткнись!.. Не тебе судить!..

— Вот и тебе не судить!.. — Виталий произнёс эту фразу низким, зычным голосом, медленно проговаривая каждое слово и не сводя со своего противника тяжёлого взгляда. — И окончим этот разговор.

— И запомни!.. — Олег тоже понизил голос. — Не смей даже приближаться к моей семье! Иначе...

— Я приехал к сыну... А это — уже не твоя семья.

— Ты кому это говоришь?! Ты, который годами не вспоминал о Мишке?! Ты даже

сейчас не подумал, что своим приездом испортил ему праздник! Завтра к нему никто не придёт — ни я, ни бабка, и мать, наверное, не захочет!.. и всё из-за тебя!

— Велика потеря!

— Мы — его семья, а ты кто такой?!

— Я — его отец.

— Отец?! — Олег злобно ухмыльнулся. — Какой ты отец?! Ты — никто! А отец... Отец у него есть. И, если ты ещё не в курсе, то Мишка с ним общается. Это он тебе не скажет... А мне деликатничать ни к чему.

— Убирайся!..

Выплеснув весь свой гнев, Дзюба ушёл так же стремительно, как и появился. Виталий ещё какое-то время осмысливал всё, что вывалил на него бывший соперник... Злость, раздражение, давно забытая ревность только усиливались, они клокотали, жгли изнутри, не давали свободно вздохнуть... Ужасно хотелось отомстить и за эту боль, и за оскорбления, и за собственное бессилие перед судьбой.

Часы показывали половину седьмого вечера, когда он вызвал автомобиль и, одевшись, вышел из гостиницы.

— С тобой всё в порядке? — увидев отца у себя на пороге, Михаил тревожно нахмурился. — Как ты себя чувствуешь?!

— Нормально... — ответ получился мрачным, сквозь зубы.

— У тебя такой вид... Что-то случилось?

— Дядька твой в гости заезжал... — усевшись в гостиной на диван, Виталий саркастически усмехнулся. — Кстати, откуда он узнал, что мы с твоей бабушкой встречались?

— Ах, вот оно что... — устроившись напротив, Миша многозначительно кивнул. — Понятно. Это бабушка проговорила... Олег Семёнович узнал, что она ездила в свою квартиру... Спросил — зачем, ну, она ему и выложила. Я почему-то этого и боялся... А что он говорил?

— Да неважно... — Виталий опустил глаза и чуть сжал губы. — Ты, Мишка, не переживай. Завтра я уже уеду, и все ваши неприятности закончатся.

— Ну, зачем ты так, отец? — Михаил посмотрел чуть укоризненно. — Я, действительно, тебе рад.

— Да ладно... Как сейчас говорят — проехали. Ты мне вот что скажи... — Мясников отвёл глаза куда-то в сторону, всем своим видом показывая, что хочет задать какой-то пустяковый, ничего не значащий вопрос. — Ты, говорят, с родным отцом теперь общаешься?..

Вопрос был неожиданным. Смутившись, Михаил ещё какое-то время молчал — ответ требовал максимум деликатности.

— Это тебе тоже дядька сказал? — он спросил это лишь для того, чтобы ещё протянуть время.

— Да неважно... — в очередной раз услышав про своего врага, Мясников нехорошо сузил глаза. — Мы же с тобой взрослые мужики... К чему теперь эти детские секреты?

— Никаких секретов нет... — слегка пожав плечами, Миша нехотя кивнул. Тема разговора вызвала крайнюю неловкость. — Н-ну... если честно, то — да... Общаюсь.

— Ну, что ж... — Виталий чуть оттянул уголок губ. — Имеешь право. Тем более, что это был не секрет... Во всяком случае, для меня.

— Подожди, отец... — Михаил поспешно перебил того на полуслове. — Я нарочно никого не искал. Так вышло... Я вёл дело, а он шёл свидетелем. Абсолютная случайность.

— Я понимаю...

— Там история была очень запутанная...

— Выходит, ты о нём уже знал?

— Да, я знал... Но разве это что-то меняет?

— Абсолютно ничего... — Виталию с трудом удавалось сохранять безразличный тон. — Ну, и как... мужик-то хоть нормальный?

— Нормальный. Зря ты, отец...

— Ну, и как его зовут?

— Александр.

Разговор Михаилу был неприятен — это было написано у него на лице, однако Виталий и не думал его заканчивать.

— Надо же... — он нервно усмехнулся. — Прямо как мать... Кстати, как у них отношения?

— У кого?

— У матери с этим... Александром?..

— Никак. Отец, послушай... — Миша чуть улыбнулся — улыбка получилась тёплой. — Ты ведь всё равно — мой отец. Ну, что, нам с тобой поговорить больше не о чем?..

— А фамилия его — как?.. — судя по тону, самолюбие Виталия было крайне задето, он уже не справлялся с собой.

— Это важно?

— Просто — интересно... да не бойся ты... Искать не побегу.

— Да знаю... Фамилия — Морозов.

— Всё сходится... — услышав фамилию, Мясников понимающе ухмыльнулся. — Интересная история получается. Хоть фильм снимай...

— Я знаю вашу историю.

— Вряд ли ты знаешь её достоверно. Если со слов матери, то...

— Мать мне ничего не рассказывала. Я знаю от другого человека.

— От бабки?

— Кое-что от неё, но не только...

— От кого ещё?.. — Мясников поднял на сына удивлённый взгляд.

— От Анны Сергеевны Морозовой. Это — жена Александра.

— Вот как?! И что же она тебе рассказала?..

— Думаю, ты и сам в курсе... Отец, может, о чём-нибудь другом поговорим?.. Когда ещё увидимся?..

— Да нет... — проснувшийся интерес имел мрачный привкус и сопровождался тяжёлым взглядом. — Это уже забавно... И, всё-таки...

— Ну, если так... — понимая, что Виталий не намерен закрывать тему, Михаил тяжело вздохнул. — Я знаю, что ты с ней встречался... А потом женился на матери.

— У тебя с ней был такой откровенный разговор?! А по какому поводу?..

— Да ни по какому. Ей показалась знакомой фамилия... Она спросила о матери, я ответил. Она вспомнила молодость.

— Выходит, она сама проявила интерес?

— Ну... можно сказать и так.

— Понятно... А больше ничего она тебе не рассказывала?

— Нет...

— Ну, а с её сыном... случайно не знаком?

— Случайно знаком... — поднявшись, Михаил открыл дверцу шкафа и достал оттуда гитару в чёрном чехле. Расстегнув молнию, достал инструмент и протянул отцу. — Вот...

— Что это?.. — приняв гитару, Мясников с удивлением уставился на гравировку, расположенную на обратной стороне корпуса. — Михаилу и Злате... от Дмитрия и Натальи... Что это?..

— Это его подарок. Дима — музыкант.

— Вот как... Выходит, вы близко знакомы?..

— Он тоже проходил по тому делу... Гитару вот подарил...

— Ну, и как он тебе?..

— Кто, Дима? Нормальный парень. Они вообще — хорошие ребята.

— И часто вы встречаетесь?..

...От Михаила не могла укрыться очередная перемена тона Виталия. Неожиданно проявленный интерес приобрёл искренние нотки — Миша даже не знал, на что их списывать. Решив, что отец просто успокоился, он решил ничего не утаивать и не смягчать. В конце концов, они — взрослые люди, и уже давно не зависимые друг от друга.

— Нет, не часто. У них гастроли, у нас — погони... — он впервые за вечер рассмеялся. — В январе были у них в гостях.

— Вот как?.. А фотографии есть? Мне просто интересно...

— Есть где-то... — Михаил включил ноутбук. — Сейчас Злату позову... Она куда-то их скидывала.

...Фотографии Злата нашла быстро. Они оказались не в том альбоме, который она показывала Виталию в прошлый раз. Разглядывая улыбающиеся лица, Виталий ощутил уже не первый за этот день приступ ревности... Оказывается, Мишка знаком не только с этим Морозовым... Он знаком и с его сыном!..

«С м о и м сыном...»

...Все, кого захватил объектив фотокамеры, радостно улыбались на фоне новогодней ёлки — и Миша, и Злата, и Дмитрий со своей женой... Судя по всему, молодые люди дурачились — строили друг другу рожицы, подставляли рожки...

— А это — кто?.. — переключившись на очередной снимок, Мясников уставился на монитор: две детские мордашки умильно смотрели на него двумя парами синих-пресиних глазёнок...

— Это их дети.

— Как зовут?..

— Валера и Аня... — Миша не переставал удивляться странному интересу Виталия, но лишних вопросов задавать не стал. — Там ещё где-то есть...

В лица детей Мясников вглядывался особенно внимательно... Неужели это — его внуки?! Настоящие, родные... Непривычно тёплая волна разлилась внутри... Нет, это определённо — его внуки... Иначе и быть не может! Не зря Анна заводила разговоры с Мишкой!.. Ох, не зря! Хотела узнать о нём, Виталии... и это — неспроста!

— Миша... — Злата неожиданно дёрнула Михаила за рукав и глазами показала на монитор, как будто желая о чём-то предупредить.

— Чего?.. — обернувшись, тот посмотрел вопросительно.

— Закрывай компьютер и идёте ужинать...

О том, что имела в виду Злата, Миша догадался слишком поздно... Показывая фото Дмитрия, он совершенно забыл и о других снимках, сделанных в тот же день... Виталий щёлкнул мышкой гораздо быстрее, чем он решил прекратить просмотр...

— А это кто?.. — следующее фото не принесло Мясникову таких приятных ощущений, как предыдущие. К уже знакомым молодым лицам добавились ещё два постарше — мужчины и женщины... Женщину он узнал сразу — это была Анна... А вот мужчину он видел впервые... Тёплая волна ушла... сменилась холодной. Что-то предательски царапнуло в душе — ему показалось, что на месте царапины выступили капельки крови...

Мужчина, которым мог быть только сам Александр Морозов, был на удивление похож на Михаила... А, вернее — наоборот. Миша был на удивление похож на своего родного отца. Тот же нос, глаза, овал лица... Те же русые волосы и та же добродушная, обаятельная улыбка...

...Именно эта самая улыбка сейчас покорила больше всего...

— Ну, здесь ты, наверное, узнал... — Михаил снова почувствовал неловкость. — Это — Анна Сергеевна... а вот это — Александр Иванович. Они тоже приходили в гости...

— Так вот ты какой... северный олень... — мрачно глядя на своего невольного соперника, Виталий говорил как бы про себя. — Ну, что ж... Вот и встретились.

— Пойдём лучше ужинать, отец... — Миша положил ладонь на плечо Виталия. — У Златы всё готово.

— Нет... — Мясников резко поднялся и оправил костюм. — Извини, но у меня ещё одно срочное дело.

— Что за дело?! Ты же никуда не собирался...

— Собирался. Только сказать забыл...

Не слушая возражений, Виталий решительно вышел в прихожую. От волнения он едва не забыл сделать звонок водителю, чтобы тот подал автомобиль. Тревожно наблюдая за тем, как нервно одевается отец, Михаил сделал несколько напрасных попыток уговорить его остаться на ужин, но Мясников был непреклонен.

— Отец... — Миша остановил его уже у самых дверей. — Скажи, только честно... Эта твоя спешка... она не связана с тем, о чём мы сейчас говорили?

— Всё нормально, Мишка...

— Я прошу тебя... Не делай глупостей.

— О чём ты?! — Виталий деланно вытаращил глаза. — Какие глупости в моём возрасте?! Да и вообще... Если ты беспокоишься об этом... об Александре, то мне совершенно нет до него дела!

— Они хорошие люди... Правда. У них очень хорошая семья... Не надо, отец!..

— Ты что, Мишка?! С ума сошёл?! Ты думаешь, я сейчас, через столько лет пойду с кем-то разбираться?! Да я даже не знаю, где они живут!..

***

Адреса Анны и Александра Виталий, действительно, не знал. Он был ему без надобности... Но вот адрес Дмитрия он выучил наизусть — служба безопасности его офиса могла добыть любые данные, и добыла по первому его требованию. Всю дорогу до указанного дома Мясников сидел молча, уставившись куда-то вперёд... Последняя фотография, на которой были запечатлены все Морозовы с детьми, а так же и Мишка со Златой, так и стояла у него в глазах.

Мишино беспокойство по поводу родного отца, а особенно слова о том, что «у них хорошая семья», добавили масла в огонь... Было нестерпимо больно... Пожалуй, ещё никогда ему не было так больно! Люди, которых он готов был считать близкими и родными, оказывается, прекрасно существовали всё это время и без него... Миша за его спиной нашёл родного отца, «обрёл» брата... Возможно, он уже считает их за свою вторую семью!..

Ему, Виталию, нет места в этом весёлом семейном кругу... Скоро ему вообще не будет места на этой земле... А этот мужик, которому по какой-то роковой случайности довелось поучаствовать в Мишкином появлении на свет, будет жить... Два сына будут звать его отцом... Внуки — дедом...

...А ведь это он — Виталий!.. Это он вырастил Мишу, он дал жизнь Дмитрию!.. Но это ему почему-то не зачтётся... Он — грамотный руководитель, талантливый бизнесмен, всю свою жизнь посвятивший делу... Отказавшийся ради этого от самого святого — от личной жизни... Он теперь повсюду — не у дел!..

...Обиды, детские по своей сути, которых он не знал в своей жизни, сейчас буквально заполонили его существо. Вечерняя встреча с Олегом Дзюбой тоже то и дело всплывала в памяти...

«Я хочу, чтобы ты сдох!..»

...Нет, Олежек... Не выйдет по-твоему. Все рано или поздно сдохнут... И ты — в том числе. Но одного ты не знаешь!.. Не знаешь, что и после Виталия Мясникова не останется пустого места! Есть у него и сын, и даже внуки... Ему бы только их увидеть... пожать ладони — одну большую и две маленьких... Хоть раз поднять на руки детское тельце!..

...Притормозив у шестнадцатиэтажного дома, автомобиль плавно качнулся и замер. Прежде чем выйти из салона, Виталий глубоко вздохнул... Сейчас... Сейчас он выйдет из машины, пройдёт по этой заснеженной дорожке к нужному подъезду... Кажется, это третий подъезд... Ничего, он прочтёт номера квартир! Домофон — не препятствие, он уже знает код. В крайнем случае, наберёт номер квартиры... Скажет, что у него к Дмитрию срочное дело...

...Дождавшись, когда водитель откроет его дверь, Виталий неторопливо спустил одну ногу на землю. Усталость к концу дня набрала свой максимум, поэтому каждое движение давалось с трудом. Выбравшись, наконец, из салона, он поправил полы пальто, затем запрокинул голову и какое-то время смотрел на освещённые окна четвёртого этажа, пытаясь угадать, какие из них принадлежат квартире Дмитрия Морозова. Наконец, ещё раз вздохнув полной грудью, решительно шагнул вперёд.

— Виталий!..

Он уже был уже недалеко от подъезда, когда впереди мелькнула тень: бросившаяся наперерез женщина встала перед ним как вкопанная... Без головного убора, с рассыпавшимися по плечам тёмными прядями волос, она куталась в длинную норковую шубку и, судя по всему, только что выскочила из этого дома.

— Аня?! — он удивлённо вглядывался в свете вечернего фонаря в испуганное лицо. — Ты здесь откуда?!

— Значит, всё-таки решил... — Анна смотрела на него огромными глазами — в них застыли и страх, и боль, и тревога. — Зачем ты приехал?! Дима — не твой сын!.. Пойми ты это наконец!

— Я хочу его только увидеть... Аня, пойми, для меня это — вопрос жизни и смерти.

— Да что ты вбил себе в голову?! Он — не твой, понимаешь?! Уходи... я прошу тебя,

Виталий... Уходи!..

— Я хочу его увидеть. Я имею на это право...

— Его нет дома!

— Неправда... Я знаю, что он не на гастролях. Я хочу его просто увидеть...

— Пойми... — Анна невольно сбавила тон. — Ты ошибаешься. Дима — не твой сын. Он — сын моего мужа... Этому есть доказательства.

— Лучшее доказательство — мои глаза... — Виталий попытался сделать шаг вперёд, но Анна снова перегородила дорогу, упершись руками в его грудь. — Аня... Я тебе обещаю, что я не скажу ему ни слова... Я просто хочу его увидеть. Его, и внуков.

— Каких внуков?! Виталий, ты о чём?! Ты — нормальный?!

— Нормальный... Аня, если я даже сейчас не пройду, ты не сможешь помешать мне найти его потом, на концерте, на репетиции... Да мало ли где?! Ты понимаешь, что для меня нет невозможного?!

— Ты — псих...

— Откуда ты вообще узнала, что я приеду сюда?.. Тебе что, Мишка позвонил?..

— Неважно. Уезжай, Христом Богом тебя прошу!..

— Уеду, но сначала увижусь с Дмитрием.

Внезапно щёлкнувшая дверь, ведущая в подъезд, заставила обоих обернуться...

— Аня!.. — Александр Морозов тревожно вглядывался в вечернюю темноту. — Что случилось?.. Ты куда убежала?! Аня!..

— Саша, иди домой!.. — увидев мужа, Анна испуганно замахала руками. — Я сейчас вернусь!.. Ну, иди, пожалуйста!..

— Да что произошло?! — торопливо спустившись с невысокого крыльца, Александр в несколько шагов приблизился к Анне и Мясникову. — Добрый вечер...

Глава 29.

Уже в первый момент увидев Александра, Анна с ужасом почувствовала, как внутри всё холодеет... Простояв на улице добрых пятнадцать минут с непокрытой головой, она совершенно не замёрзла, а вот сейчас вдруг ощутила, как мороз вероломно пробирается под шубку, достигая самых сокровенных уголков её тела... казалось, что ещё чуть-чуть, и зубы начнут выстукивать мелкую чечётку...

— Саша, там же дети одни дома!.. — единственный аргумент, который пришёл Анне в голову, был веским — внуки, действительно, в этот вечер были на попечении дедушки и бабушки.

— Я на минутку... Ты убежала, телефон оставила... — на лице Александра была написана крайняя тревога. — Что случилось?!

— Иди, пожалуйста домой... Я скоро приду... — голос Анны прозвучал как-то жалобно, обречённо...

Она понимала, что Александр сейчас не подчинится её просьбам — ситуация была более чем странная, даже пикантная. Получив внезапный звонок по телефону, супруга в одно мгновение покинула квартиру, успев лишь накинуть шубу и надеть сапоги — прямо на босые ноги... Ничего не объяснив, она отсутствовала добрых пятнадцать минут... Какой муж не проявил бы беспокойства в подобном случае?

Картина же, открывшаяся ему у подъезда и вовсе должна была вызвать массу вопросов.

— Добрый вечер... — нахмурившись, Мясников запоздало ответил на приветствие.

— Аня, что случилось?! — Морозов перевёл тревожный взгляд с жены на Виталия и

потом обратно — на жену. — Кто это?

— Да... Пожалуй, нужно представиться... — голос «незнакомца» приобрёл барский оттенок. — Я — Мясников, Виталий Иванович.

— Это — отец Михаила... — Анна произнесла эти слова слишком поспешно, видимо, пытаясь сразу расставить акценты этой странной встречи.

— Ах, вот оно что... — теперь наступила очередь прийти в замешательство Морозову. Не зная, что сказать, он несколько секунд растерянно смотрел на Виталия. — Ну, что ж... А я — Морозов... Александр Иванович.

— Саша, Виталий приехал ко мне... — Анна Сергеевна повернулась к мужу и зачем-то заботливо поправила воротник его наспех наброшенной куртки. — Ты, пожалуйста, иди к детям... я очень скоро вернусь... Пожалуйста!

Отчаянная попытка отправить супруга домой окончилась неудачей и во второй раз. Одной рукой перехватив ладонь жены, другую Саша положил ей на плечо — как бы успокаивая, что всё будет хорошо.

— Я думаю, что это не самый лучший выход... — он в очередной раз посмотрел на Мясникова. — Я так понимаю, что приехали вы всё-таки ко мне?

...Затянувшуюся паузу можно было расценивать двояко. Насупившийся Мясников ничего не отвечал, и было неясно — то ли это был знак согласия с его стороны, то ли наоборот — он давал понять, что его визит имеет совершенно другую цель. Наконец, негромко кашлянув, он соизволил дать ответ.

— Можно сказать и так... — судя по тону, Виталий говорил вынужденно и без большой охоты.

— Я думаю, не стоит разговаривать на улице... — Александр перевёл взгляд с него на супругу, как бы ожидая подтверждения своим словам. — Тем более, дети одни. Давайте, поднимемся к нам...

— Саша, это лишнее... — Анна снова ответила слишком поспешно. — Абсолютно лишнее.

— Ну, что ты, Аня... — Александр сделал широкий, гостеприимный жест. — Идёмте.

...Поднимаясь в лифте на свой этаж в компании двух мужчин, Анна была ни жива, ни мертва. Узкая кабина не позволяла отодвинуться подальше, приходилось невольно соприкоснуться плечом с крупным Мясниковым, одновременно улавливая исходящий от него, едва заметный аромат дорогого парфюма... Она вдруг вспомнила, как любила запах импортных мужских духов, которыми пользовался Виталий в пору их юности. Это был так непривычно — и сам запах, и словосочетание «мужские духи», ведь в ходу у большинства мужчин были простые советские одеколоны. Анна не раз ловила себя на мысли, что и сама не против брызнуть на себя несколько капель таких духов, пусть и не предназначенных для женщин. Сейчас же приятный аромат только раздражал, потому, что исходил от человека, которого ей совсем не хотелось видеть.

Уже на своей лестничной площадке она краем глаза заметила удивлённый взгляд Мясникова, брошенный на бирку с номером их квартиры. Он был готов направиться к соседней двери, но Александр уверенно распахнул перед ним свою. Замешкавшись на секунду, Виталий повернулся и грузно шагнул через порог.

...Раздевался Мясников неспешно, по-барски, с каменным выражением на холёном, бледном лице. Анна понимала, что ожидал он совсем другого, но игнорировать предложение Александра не было смысла — это был самый лучший вариант попасть в квартиру Дмитрия,

как думал он сам... О том, что отец и сын Морозовы живут по соседству, Мясников, естественно, не знал. Анне показалось, что тень волнения коснулась его лица, когда Александр пригласил пройти в гостиную. Возможно, Виталий ожидал увидеть там Дмитрия или его детей, но квартира встретила гостя неожиданной тишиной...

— Присаживайтесь, — Морозов рукой указал гостю на мягкое кресло. — Коньяк, виски?.. Или водочки?

— Нет, благодарю...

Усевшись в кресло как-то боком, Виталий чуть выставил вперёд правое колено, положил на него правый локоть... Всем своим видом он как будто выражал ожидание — это было заметно с первого взгляда. Он как будто прислушивался к тишине, пытаясь уловить в ней малейший звук.

— Ну, тогда кофе? — Саша уже был готов обратиться к Анне с просьбой сварить кофе, но Мясников остановил его жестом.

— Нет, спасибо... к сожалению, ни кофе, ни алкоголь сейчас не употребляю.

— Значит, чай.

Молчавшая всё это время Анна так же молча вышла из комнаты. Она даже не пыталась скрыть написанного на лице смутения. Внутри всё переворачивалось от одной мысли, что Виталий сейчас находится в их с Сашей квартире... Мучило его присутствие, мучило всколыхнувшееся чувство вины перед мужем, но больше всего мучила неизвестность — чем закончится этот неожиданный визит. В любом случае, ничего хорошего ожидать не стоило.

...Чайник был ещё горячим — они только недавно пили с Сашей и детьми чай, но она нарочно долила в него холодной воды и вновь поставила на конфорку. Нужно было хотя бы несколько минут, чтобы немного прийти в себя. Анна подумала, что разобьёт сейчас любую чашку — пальцы дрожали до сих пор.

Желание, чтобы этот визит закончился как можно скорее, только усиливалось, но она понимала, что его результат не зависит от того — выпьет Виталий свой чай сейчас или десять минут спустя...

А ведь всего лишь полчаса назад они весело смеялись вместе с Сашей, слушая Анечкины «выражения» — девочка рано начала говорить, но очень смешно преобразовывала «взрослую» речь в собственную...

Покой был нарушен звонком от Михаила — он раздался из сумочки Анны. Выйдя в прихожую, она достала телефон, с удивлением прочла имя входящего абонента...

«Я звонил Александру Ивановичу, но он не берёт трубку...» — голос Михаила показался ей слегка встревоженным.

«Его телефон в спальне... А мы с детьми на кухне, нам не слышно... Я сейчас ему скажу...»

«Нет, вы ему просто передайте... — Михаил на несколько секунд замешкался, видимо, обдумывая, как поделикатнее сообщить новость. — Думаю, что ничего страшного, но... возможно, сейчас к вам едет отец. Я подумал, что лучше предупредить, на всякий случай».

«Какой отец?..» — Анна тревожно застыла на месте.

«Мой... Ну, Виталий...»

«Зачем?!»

«Не знаю... Возможно, он передумает, но...»

Накинуть шубку и надеть сапоги было делом одной минуты. Она даже не помнила, чем объяснила Александру свой уход, а, вернее — побег. В голове крутилась одна мысль: первой

встретить Виталия и уговорить его отказаться от задуманного... Наталья и Дмитрий ещё не вернулись с репетиции, и Анна надеялась, что Саша не помчится следом — из-за детей. Но он всё-таки бросился на её поиски...

— Аня... — Саша неожиданно возник в дверях кухни, так что Анна Сергеевна вздрогнула. — У меня к тебе просьба... Разговор будет сугубо мужской, поэтому побудь пока с малышкой... Так будет лучше.

...Она и так понимала, что её присутствие будет лишним, но оставлять мужчин наедине было страшно... Она вновь попыталась возразить, но Александр был на удивление настойчив. Она ещё никогда не видела мужа в таком настроении. Уступив ему поневоле, Анна всё же понадеялась, что у Виталия не хватит смелости раскрывать все карты перед Александром, тем более, что тот сам «предложил» версию этой нежданной встречи. Смущало одно: эта версия была выгодна только Анне, но никак не отвечала интересам Виталия...

***

Войдя в детскую, Анна нарочно оставила дверь чуть приоткрытой. Валерка всё ещё смотрел мультики, а маленькая Анечка уснула на своей кроватке — девочка слегка приболела, и к вечеру утомилась. Присев рядом, Анна Сергеевна пригладила белокурые волосики внучки и поцеловала её в пунцовую щёчку — щёчка показалась ей горячей, но будить Анюту, чтобы померить температуру, она не стала. Тихонько поднявшись, Анна подошла к двери и прислушалась.

...Разговор в гостиной никак не начинался. Это было немного странным — во всяком случае, для Александра, но он тоже деликатно молчал, предоставляя гостю право высказаться первым. Гость тоже не торопился начинать беседу, лишь внимательно обводил взглядом убранство комнаты. По сравнению с одетым в домашние брюки и футболку Александром, Виталий выглядел очень представительно в своём дорогом светлом костюме, галстуке и модной тёмно-синей рубашке. Даже измождённое нездоровьем лицо выглядело исключительно холёным. Печати власти и достатка навсегда застыли и во взгляде, и в жестах, и в манере речи. В отличие от него Морозов казался обыкновенным, «земным» человеком.

Взяв в руки чашку с крепким чаем, гость неторопливо отпил глоток, затем так же неторопливо поставил чашку назад — на стол.

— А где же внуки? — решив, наконец, нарушить молчание, Виталий усмехнулся — как-то тяжело и недоверчиво.

— Сидят в детской, Аня к ним ушла... — Саша кивнул головой в сторону небольшого коридорчика, выходящего из гостиной — по обеим сторонам виднелись две двери, ведущие в другие комнаты. — Я им мультики включил, они даже не заметили, что мы уходили.

— Нянитесь, значит...

— Приходится, — Александр весело развёл руками. — Куда денешься, а тут ещё внучка приболела. Четвёртый день на моём попечении.

— А что же родители?

— У Димки с Наташей репетиции во второй половине дня, к гастролям готовятся. Бывает, в девять приезжают, а то и позже. Обычно с детьми няня — она их забирает после садика, но Анюта температурит, всё время капризничает... Вот и получается — родители поют, у бабушки министерская проверка, а кому отдуваться? Естественно, дедушке... Оставил фирму на заместителя до конца недели, и вот — сижу в няньках.

Обаятельная Сашина улыбка должна была разрядить напряжённую обстановку, но Виталий почувствовал, как едва затянувшаяся душевная царапина вновь начинает саднить и кровоточить.

— А как же бизнес?.. — он тоже попытался выдавить из себя подобие улыбки, но получилась только ревнивая, мрачная ухмылка. Она сегодня получалась у него лучше всего.

— Думаю, за четыре дня не пострадает. В крайнем случае, придумаем что-нибудь... Впрочем... — лицо Александра вдруг приняло серьёзное выражение. — Что я — всё о себе, да о себе... Вы ведь не за этим пришли...

Мясников снова не торопился отвечать. Несколько секунд он смотрел на носок своего ботинка, затем негромко откашлялся и поднял тяжёлый взгляд на собеседника.

— Если вы подумали, что я пришёл выяснять какие-то отношения, то вы ошибаетесь.

— Это приятная ошибка... — Александр вновь попробовал пошутить.

— Я ведь не обманутый отец... — Мясников не дал ему договорить и перебил на полуслове. — Я всегда знал, что Миша мне не родной. С самого начала знал... Так что сюрприза для меня не было.

— Понятно... — Саша едва заметно кивнул головой. — А вот для меня всё это оказалось огромным сюрпризом...

— Жизнь вообще полна сюрпризов... — Виталий как-то странно посмотрел на собеседника и многозначительно усмехнулся. — Бывает, как начинают сыпаться один за другим...

— На то она и жизнь.

— Это хорошо, что у вас такой взгляд на вещи... Философский. Это помогает принимать обстоятельства...

...Подслушивая разговор мужа с Виталием, Анна едва различала слова — мужчины разговаривали негромко, она скорее улавливала смысл и интонации. Её пугал тон Мясникова — в нём то и дело просыпался барин, то снисходительно-великодушный, то обиженно-ироничный. Она со страхом ожидала, что он не выдержит и выдаст Александру истинную цель своего визита.

Нервное напряжение только нарастало, сердце буквально выпрыгивало из груди от охватившего её волнения. Она то и дело ловила себя на мысли, что ей ужасно хочется выскочить сейчас из своего убежища, схватить Виталия за шкуру и вытолкать из своей квартиры! Однако, сделав над собой усилие, она продолжала чутко прислушиваться к мужским голосам.

— Миша — замечательный парень... — Александр уже понял, что гость не собирается предъявлять претензий, поэтому решил заговорить о самом «сюрпризе». — Не знаю, как вы это воспримете... Но я искренне жалею, что он родился не в нашей с Аней семье. Только поймите мои слова правильно... Я столько лет ничего не знал...

— Я в курсе всей этой истории... — в голосе Виталия послышались надменные нотки. — Я тоже был её участником... если только Анна Сергеевна вам что-то рассказывала обо мне...

— Знаете, Виталий Иванович... — на этот раз уже Александр перебил собеседника, и получилось это довольно жёстко. — У нас с Аней — своя история. Всё, что было раньше, для меня никогда не имело значения.

— Благородство — черта уважительная... — «барин» снисходительно усмехнулся. — Тем более, что р а н ь ш е, действительно, ничего не было.

...Дальнейшего разговора Анне услышать не удалось. Захныкала проснувшаяся Анюта — лоб девочки был горячим, и бабушке пришлось сразу переключиться на больную внучку. Измерив ей температуру, она взяла коробку с лекарством, прописанным врачом — все ячейки блистера оказались пустыми. Возвращаться в гостиную не хотелось, но путь в кухню, где находились все лекарства, лежал именно через неё.

Торопливо пересекая гостиную, Анна вдруг впервые за вечер подумала, что одета слишком по-домашнему — в своё любимое платье-халат, но тут же отбросила эту мысль. В конце концов, ей не перед кем смущаться. Виталий Мясников — вовсе не желанный гость, а, скорее, наоборот.

Открыв дверцу подвесного шкафчика, Анна перебрала все стоявшие там коробочки, но нужной не нашла. Необходимо было возвращаться в гостиную, чтобы спросить мужа, более того — скрыть от него своё состояние.

— Саша... — стараясь не цеплять взглядом Мясникова, Анна сделала над собой очередное усилие — её голос прозвучал ровно, без дрожи. — Ты покупал сегодня жаропонижающее для Анюты? В шкафу ничего нет...

— Покупал, — Александр встревоженно оглянулся на жену. — Что, опять температура? Может, лучше скорую вызовем?

— Не надо... пока тридцать восемь, терпимо... Где лекарство-то?

— Наташа к себе унесла, сказала, что детей на ночь заберут домой.

— Тогда присмотри за Анютой, а я схожу к ним...

Услышав дверной щелчок, Мясников удивлённо обернулся к Морозову.

— Разве эта квартира — не Дмитрия?..

— Нет, это наша с Аней... — судя по выражению лица Александра, вопрос гостя его удивил. — Димкина — по соседству...

— Ах, вот оно что... А я подумал, что мне дали неверные данные.

— Мы живём через стенку, можно сказать, на две квартиры. Они приходят, когда хотят, иногда ночуют, у них тут своя комната... Часто вместе ужинаем. В общем, скучать нам не дают. Внук советует пропилить сквозную дверь.

— Интересно вы живёте... — Мясников и в этот раз не поддержал веселья Александра, лишь слегка дёрнул губами.

— Живём дружно, одной семьёй. Дети, внуки, это — святое. Сами знаете...

— Знаю, знаю...

— Да они вот-вот вернутся с репетиции, как раз и познакомитесь.

Ответить Виталий не успел — его взгляд устался в конец гостиной. В дверях стоял тот самый белоголовый мальчик, которого он видел на фотографии у Михаила.

— Дедушка... — не обращая внимания на гостя, Валерка окликнул Александра. — Мультки уже закончились!

— Ну и хватит на сегодня! — тот обернулся к внуку. — А почему ты не поздоровался? Видишь, у нас гости!

— Здравствуйте... — приблизившись к деду, мальчик облокотился на его колени и поднял на Виталия чистый детский взгляд.

Глядя на ребёнка, Мясников внезапно изменился в лице... Чуть вытянув шею, он вглядывался в детскую мордашку, обрамлённую белокурыми пушистыми волосами, в синие умные глазёнки... Что-то доселе неведомое, трогательно-щемящее шевельнулось в душе, обдало непривычным теплом...

— Здравствуй... — от «барского» тона не осталось и следа. Виталий дружелюбно протянул малышу руку. — Ну, что, давай познакомимся? Я — Виталий Иванович. А как тебя зовут?

— Валера Морозов... — маленькая детская ладошка утонула в мужской ладони. — Дмитриевич.

— Дмитриевич?! — услышав отчество, Виталий от души рассмеялся. — Вот прямо так — Дмитриевич?

— Это его ребята из Димкиной группы так зовут, — Александр тоже улыбнулся. — Дмитриевич... А ему ужасно нравится.

— Да... — Валерка с готовностью кивнул. — Потому, что мой папа — Дмитрий... Он — музыкант, композитор и певец!

— Вот как! — Виталий сделал удивлённое лицо. — Ты так любишь своего папу?

— Да... — малыш уверенно кивнул. — И маму... И дедушку, и бабушку, и Анечку...

— Ну, а сам-то кем хочешь стать?

— Композитором. Как папа.

...Только что завязавшийся разговор неожиданно был прерван — наморщив хорошенькое личико, маленькая Анюта вслед за братом показалась из детской. Девочка хныкала на ходу — слёз не было, но явное желание оказаться на руках у кого-то из взрослых говорило само за себя: Анечка была в розовой пижаме и босиком — крошечные ступни утопали в мягком ворсе ковра. Видимо, устав дожидаться бабушку, девочка слезла с кровати и отправилась на её поиски.

— Ну, куда ты, Анюта?! — увидев сестрёнку, Валерик тут же бросился к ней и попытался увести назад, но Анечка привычно уселась на пол и заканючила ещё громче. — Тебе нельзя ходить босиком!.. Я сейчас бабушке всё расскажу!..

Привести в исполнение «угрозу» не пришлось: встав с кресла, Александр тут же подхватил внучку — маленькие ручки накрепко обвилились вокруг дедушкиной шеи...

— Простите нас... — прижимая к себе горячее от высокой температуры детское тельце, Александр бросил виноватый взгляд на Виталия. — Приболела немного... Сами знаете, как у детей бывает — днём скачут, а под вечер капризничают.

— Знакомо... — Мясников произнёс это слово не очень уверенно. Видимо опасаясь, что Морозов сейчас унесёт внучку назад в детскую, он торопливо поднялся и шагнул в их сторону. — Мы ведь подружимся, правда?.. Ну, как тебя зовут?

Вид незнакомого мужчины подействовал отрицательно — ещё крепче вцепившись в дедушку, Анюта уткнулась ему в плечо.

— Её зовут Анюта... — Валерка решил ответить за сестрёнку. — Ей два года и пять месяцев.

— Вот как?.. — Виталий не удержался и прикоснулся ладонью к детской головке — чуть растрепавшиеся, удивительно мягкие волосы приятно защекотали кожу... Он ещё никогда не испытывал таких ощущений... Гладил ли он когда-нибудь по голове своего сына?.. Он совершенно не помнил. Он вообще не помнил, как рос Миша... Дети Татьяны были не в счёт — мимолётный эпизод неудавшейся любви с годами всё больше стирался из памяти...

...Оказалось, что нет ничего приятнее, чем ощущение детской пушистой головки под раскрытой ладонью... Ему вдруг до боли захотелось самому взять на руки ребёнка, прижать к груди, кожей ощутить удары маленького, родного сердечка...

— А ко мне на ручки... пойдёшь?.. — чуть наклонившись, он попытался заглянуть девочке в лицо. — Я совсем не страшный... И я тоже — дедушка...

— Нет... — Саша покачал головой. — Не пойдёт... Она к чужим не идёт, даже если видит не в первый раз.

...Слово «чужой» больно полоснуло по самолюбию... Понимая, что Александр прав, Мясников с трудом подавил нахлынувшие эмоции.

— А я не чужой... — он так и обращался к Анюте, но было непонятно, к кому больше относятся его слова — к ребёнку, или к Морозову. — Я тоже — дедушка... Дедушка Виталий... Ну, что, пойдёшь ко мне?

Неизвестно, чем закончилась бы эта сцена, но вновь хлопнувшая дверь возвестила о том, что в квартиру вернулась Анна, и, судя по всему, не одна. Услышав в прихожей голоса родителей, Валерка со всех ног бросился из комнаты.

— Мама-а-а!.. — Анечка слегка отстранилась от деда и обернулась к двери, всем своим видом показывая готовность бежать вслед за братом. — Мама писла!

...О том, что сейчас он увидит Дмитрия, Виталий догадался сразу, по радостным возгласам мальчика. Было слышно, как ребёнок о чём-то восторженно рассказывает родителям...

...Они появились спустя минуту. На Наталью Виталий почти не обратил внимания — поздоровавшись на ходу, она сразу забрала у Александра дочь и унесла в детскую. Держа в руках коробочку с лекарством, Анна не торопилась следовать за невесткой — остановившись посреди комнаты, она не отводила глаз от Мясникова... Выражение тревожной обречённости было написано на её лице, и она даже не пыталась его скрыть.

Внимание же самого Виталия было полностью сосредоточено на молодом мужчине, в котором он без труда узнал Дмитрия Морозова... Он так и не сводил с него взгляда — с той самой минуты, как Дима появился в гостиной родителей.

— Добрый вечер! — увидев незнакомого гостя, Дмитрий вежливо кивнул, затем обратился к отцу. — Пап, извини... мы на минутку. Сейчас шнурков заберём и уйдём, не будем вам мешать...

Дима в шутку часто называл своих детей «шнурками», и Анна не раз выговаривала ему за «жаргон», старательно делая строгое лицо. Но сейчас она пропустила это слово мимо ушей.

— Добрый... — шагнув навстречу, Мясников протянул парню раскрытую ладонь. — Позвольте представиться...

Глава 30.

Появление Дмитрия принесло разочарование и даже смятение: вежливо и коротко представившись Мясникову, он, судя по всему, не был расположен к более тесному знакомству, а собирался тут же забрать детей и покинуть квартиру родителей.

— Нет, Дима, так не честно! — лицо Виталия натянуто улыбалось, в глазах застыло непонятное для окружающих напряжение. — Александр Иваныч знаком теперь со всей моей семьёй... Я тоже нанёс ответный визит, и хочу, в свою очередь, поближе узнать семью Морозовых! Мы ведь современные, цивилизованные люди. К тому же, именно к вам, Дима, у меня есть очень интересный разговор.

— Ко мне?! — Дмитрий удивлённо уставился на гостя.

Заметно побледневшая Анна с тревогой наблюдала за этой сценой, и теперь поспешила ответить сыну раньше Мясникова, пытаясь предотвратить его предполагаемые

«откровения».

— Дело в том, что Виталий Иванович забыл сказать, что он — отец Михаила... — она постаралась придать своему голосу как можно более невозмутимый тон.

Бросив на Морозову быстрый взгляд, Виталий негромко кашлянул. Представляясь Дмитрию, он назвал лишь своё имя. Он нарочно не стал уточнять свой родственный статус по отношению к Мише, в надежде, что молодой Морозов сам проявит любопытство, услышав знакомую фамилию. Но, занятый собственными мыслями Дмитрий переспрашивать не стал. Это было несколько обидно, и Виталий предпочёл не растрачиваться на пояснения. В конце концов, здесь он не за этим... и ему совершенно не доставляет удовольствия лишний раз представлять в образе не кровного Мишкиного отца именно в этом доме... К тому же, из личного опыта общения с разными людьми он знал, что уточнение недосказанных в начале беседы мелочей играет на руку, если нужно протянуть время. И это был тот самый случай.

Мясников понимал, что, если Дмитрий уйдёт сразу, сейчас, то больше они не увидятся, во всяком случае, шансов на новую встречу оставалось слишком мало. Времени на размышления не было совсем, счёт шёл даже не на минуты, а на секунды...

— Да, действительно, я забыл сказать самое главное... — он вынужденно развёл руками. — Миша Мясников — мой сын... Но я не только поэтому осмелился прийти в гости к вашим родителям. Я хотел увидеться и лично с вами.

— По поводу?..

— По поводу вашего творчества. Я, признаться, давно слежу за ним... Более того, активно слушаю ваши песни. Удивлены?

...Уже давно забытый дух актёрской игры, граничащий с духом авантюризма, вдруг снова напомнил о себе. Виталий уже и не помнил, когда его в последний раз охватывал подобный кураж... Но впервые за много лет он снова почувствовал его — в считанные секунды.

— Если честно, то немного удивлён... — Дмитрий чуть улыбнулся. — Но удивлён приятно.

— Вы, наверное, подумали, что такой дядька, как я уже не может слушать молодёжную музыку, тем более — рок? — Мясников по-товарищески хлопнул Диму по плечу и задорно усмехнулся. — А я слушаю, да ещё как! В своё время крепко «сидел» на «пёплах»... Пейс... Лорд... Гловер... Легенды! Ричи Блэкмор до сих пор — мой кумир. И вот мне, такому предвзятому меломану-рокеру, однажды понравился ваш стиль. Я давно уже выделил вашу группу из общей массы современных музыкантов. А теперь рад познакомиться лично. И не только познакомиться, а пригласить выступить на одном из ближайших корпоративов нашего холдинга.

Несмотря на то, что Мясников вовсе не врал о своих музыкальных пристрастиях, было в его тоне что-то неестественное, фальшивое, что выдавало с головой его тайный, пока никому не понятный интерес — к самому Дмитрию. Судя по пристальному взгляду Александра, этот интерес не укрылся и от его внимания.

— Если вы имеете в виду ближайшие праздники, то у нас выступления расписаны почти на год вперёд, — несмотря на такое «выгодное», как казалось Виталию, предложение, Дмитрий не был расположен к его немедленному обсуждению, и всем своим видом показывал желание поскорее уйти. — Так что даже не знаю, что вам и сказать.

— Вы даже не спрашиваете — где нужно будет выступить?! — Мясников, напротив, вошёл в роль весёлого, великодушного «дядьки». — А как насчёт столицы?!

— Да я понял, что Москва... — столичная перспектива тоже не имела успеха — Дима только пожал плечами. — Но у нас график очень плотный как раз на этот период. Если бы здесь, по городу, что-нибудь бы придумали, а вот московский концерт точно не втиснуть. Если только позже...

— Ну, бывают же у вас окна? Или как там называется...

— Бывают. Но сейчас, на ходу я вам ничего не скажу...

— А мы не будем на ходу! — положив ладонь на плечо Дмитрия, Виталий посмотрел на Анну, затем перевёл взгляд на Александра. — Александр Иванович, раз уж я вторгся... С меня — ужин! Здесь, у вас, по-семейному... Вы же позволите?!

Где-то на уровне подсознания Мясников чувствовал, что переигрывает... Но он твёрдо решил идти до конца, ведь другого шанса судьба могла и не подарить. Не слушая возражений хозяев, он позвонил водителю, и уже через полчаса тот стоял на пороге с коробкой, полной деликатесами и двумя бутылками дорогого коньяка.

Пока Анна накрывала на стол, Виталий без умолку болтал — он обращался то к Александру, то к Дмитрию, который нехотя согласился остаться ещё ненадолго вместе со своим сыном. Наташа унесла больную Анюту домой, и больше не приходила — завтра, в честь дня всех влюблённых, у них с Димой намечалось несколько выступлений, поэтому нужно было подготовиться, заодно переделать кое-какие домашние дела.

Несмотря на явное веселье гостя, в воздухе витало напряжение... Возможно, оно исходило от самого Мясникова, а, возможно и от хозяев — лица Анны и Александра не светились радостью, одна была в явном смятении, другой — насторожен. Непринуждённой семейной обстановки никак не получалось. Разговаривал Виталий в основном с Димой, изредка что-то спрашивая у Александра. К Анне он почти не обращался, стараясь вообще не касаться её взглядом. Он и без того чувствовал исходящую от неё неприязнь, граничащую с ненавистью.

Сейчас ему было всё равно...

Этот молодой, красивый, талантливый парень, в котором он угадывал собственного родного сына, сейчас сидел напротив, на расстоянии вытянутой руки... Он разговаривал с ним, отвечал на вопросы, улыбался... Виталий несколько раз, как бы невзначай, дотрагивался до его руки, слегка пожимал, похлопывал... Ему казалось, что вместе с этими прикосновениями он впитывает в себя что-то родное, близкое — до покалывания в пальцах, до замиранья в груди... Впитывает, и — отдаёт... Это было так необычно и так приятно. Ещё сегодня, пожимая руку Михаилу, он не чувствовал ничего подобного. Он никогда ещё не чувствовал ничего подобного.

Его совершенно не трогал изменившийся взгляд Александра — в нём появились настороженность и ранее несвойственная цепкость. Если тот начал о чём-то догадываться, то это было уже не важно... Своей цели Виталий достиг, всё остальное — были не его проблемы. Ведь он как-то принял собственные обстоятельства. Теперь — очередь других...

Он даже испытал неожиданное моральное удовлетворение. Око за око... Нет, пожалуй — плоть за плоть.

— Кстати... — как будто вспомнив о чём-то, он уже в который раз поднял взгляд на Дмитрия. — Корпоратив корпоративом, это всё мелочи. Но довольно скоро состоится одно грандиозное мероприятие. Пока всё в стадии переговоров. Но я уверен, что оно состоится, и очень бы хотел, чтобы вы со своей группой на нём выступили. Все подробности обговорим, связь будет лично со мной.

— Главное, чтобы у нас не было в этот день концертов. А так — выступим, это наша работа.

— Отлично! — Мясников уже в который раз хлопнул Диму по плечу — для этого ему пришлось чуть привстать и потянуться через стол. — Телефон твой у меня уже есть.

— Разведка номер донесла? — Дима коротко рассмеялся. Похоже, этот факт его вовсе не удивил..

— Моя разведка работает чётко! — в ответ Виталий тоже раскатился громким смехом. — Кстати, мероприятие будет иметь отношение лично ко мне, вернее, к моей супруге, так что гонорар обещаю серьёзный.

— Юбилей?

— Нет, свадьба её племянника. Ты обязательно должен выкроить время, или как-то поменять планы. Считай, что это — моя огромная личная просьба.

— Знаете... У меня принцип — никогда не отменять одно выступление ради другого. Поэтому...

— Принципы — это хорошо... — Мясников поднял вверх указательный палец и одобрительно кивнул. — Молодец... Поступаться принципами нужно только в очень крайних, я бы сказал, судьбоносных случаях. Давай считать, что мой случай — именно судьбоносный.

— Нет... — усмехнувшись, Дмитрий отрицательно качнул головой. — Принцип — дело непоколебимое. Я предпочитаю находить компромиссные решения. Есть в запасе вариант...

— Компромисс так компромисс... — Мясников недоверчиво качнул головой. — А что за вариант?

— Моя жена — Наташа — работает со мной группе, но у неё есть и собственные сольные программы. Она классно поёт, и довольно часто выступает на подобных мероприятиях — у неё есть отличная программа, с шоу-балетом, световыми эффектами, в общем, всё красиво... Иногда, если того требуют обстоятельства, мы с ребятами выступаем в одном месте, а Наташа — в другом. Выкручиваемся, в общем...

— Я тебя понял... — губы «добродушного дядьки» на секунду выгнулись подковой, выражая полное согласие. — Я понял... Значит, так... Димка, слушай сюда... Значит, Наташу мы обязательно пригласим! Обязательно! Но сейчас я хочу видеть у себя группу «Ночной патруль» в полном составе! Понимаешь меня? Более того — можешь взять с собой и детей, я всех размещу, и няню найду... — Виталий перевёл взгляд на Валерку. — Хочешь приехать ко мне в гости? У меня дом о-о-о-мный!

— Хочу... — несмотря на согласие, ответ ребёнка прозвучал не совсем уверенно. — Если меня папа возьмёт...

— Конечно, возьмёт! — Мясников протянул мальчику раскрытую ладонь. — По рукам?

— По рукам...

Виталий был абсолютно трезвым, но со стороны могло показаться, что он выпил — лицо покрылось румянцем, глаза горели неестественным блеском. Он единственный из всех присутствующих был в приподнятом настроении... Он даже снял пиджак и закатал рукава рубашки до локтя — не в пример хозяевам, которые сидели молча и казались довольно скованными. Со стороны это застолье могло показаться странным: никто не ел, не пил... Стопки с разлитым коньяком так и оставались нетронутыми — Анна даже не пригубила, а её супруг лишь подержал коньяк в руке.

Даже Валерка, вопреки обыкновению, не тянулся за сладостями, а стоял,

прислонившись к отцу. Синие глаза мальчика смотрели серьёзно — он как будто чувствовал настроение своих родных и полностью его разделял.

— Я бы с удовольствием сейчас сказал вам «да»... — опустив взгляд, Дима на секунду задумался. Затем снова посмотрел на гостя. — Но мне, в любом случае, нужно знать дату, иначе я не смогу спланировать поездку. Сами понимаете — это добрый десяток человек... Организовать незапланированный выезд целого коллектива гораздо сложнее, чем одного исполнителя.

— О-кей! — Мясников охотно кивнул. — Я позвоню в ближайшее время. Насчёт оплаты не беспокойся. Билеты, проезд, проживание... всё будет оплачено, сумму гонорара можешь назвать любую.

— Да нет... — Дима усмехнулся. — Любую не надо, если будет совпадение по дате, то наш концертный директор пришлёт райдер.

— Райдер?.. — Виталий удивлённо нахмурился. — Что такое райдер?

— Ну, это перечень условий, цен...

— Прейскурант, что ли?

— Не совсем, но что-то близко...

— Господи, ну, зачем?! — Мясников деланно возмутился. — Зачем такой официоз?! Дима, это частное приглашение! И оплата будет, поверь мне, намного выше, чем по твоему этому... как его... райдеру!

— Виталий Иванович...

— Да подожди ты! — перебив молодого человека, Виталий фамильярно махнул рукой. — Димка, ты даже не представляешь, какого уровня будет эта свадьба... Программа — минимум Лепс с Киркоровым! Максимум... — он чуть приглушил голос, прежде чем произнести заветное имя. — Максимум — Дженифер Лопес! И в этой компании — группа «Ночной патруль». Ну, как тебе перспективка?

— Перспективка классная. Но — сначала я всё уточню...

...Если бы Виталий сейчас бросил взгляд на Анну, он многое прочёл бы по её лицу. Крайнее волнение, замешательство, страх... И — нетерпение. Казалось, что женщина из последних сил борется с собой, чтобы не совершить какой-то поступок, не сказать каких-то слов. Мясников её явно раздражал... вернее — бесил, и она даже не пыталась этого скрыть за маской равнодушия, как в самом начале вечера.

Поджав губы, Анна пристально, исподлобья смотрела на гостя. Она часто и глубоко дышала, нервно сглатывала, безжалостно комкая в ладони белоснежную салфетку. Казалось, ещё чуть-чуть, и она бросится на Мясникова с кулаками.

Александр тоже молчал всё это время. Повышенное внимание Виталия к Диме было слишком очевидным. Морозов слушал бодрую речь гостя, глядя на свои сцепленные кисти. Он лишь иногда поднимал внимательный взгляд на Мясникова, затем снова его опускал... И вновь быстро скидывал — на Анну.

Наконец, не выдержав этой пытки, Анна резко поднялась из-за стола и, ничего не сказав, стремительно вышла в другую комнату. Это обстоятельство Виталия совершенно не расстроило... Напротив — он испытал некоторое облегчение. В идеале ему хотелось остаться наедине с Димой, но он прекрасно понимал, что сейчас это невозможно.

Неожиданный телефонный звонок Дмитрию нарушил очередной монолог Мясникова — тот с упоением рассказывал какую-то историю из собственной молодости.

— Да, Наташ... сейчас идём... — ответив на звонок, Дима торопливо поднялся из-за

стола и посмотрел на гостя. — Извините, мне пора. Рад был познакомиться...

— Как?! — Виталий растерянно развёл руками. — Ты уже уходишь?..

— Да, жена звонила. У нас завтра день очень напряжённый... несколько выступлений, с площадки на площадку. И дочка болеет, не спит. Меня к себе требует...

— Жаль... Очень жаль... — огорчение было искренним. — Но мы же теперь будем на связи, правда?..

— Конечно! — улыбнувшись, Дима охотно кивнул, затем потрепал Валерку по белой пушистой голове. — Идём?..

— Ну, вот и договорились! — Хлопнув себя ладонями по коленям, Виталий приподнял плечи и, наконец, повернулся к старшему Морозову. — Ну, что ж, Александр Иванович... Пожалуй, пора и мне...

...Прощание было коротким. Пожав руку Диме, Мясников наклонился к Валере и, не удержавшись, на несколько секунд прижал к себе мальчика. Дождавшись, когда за ними захлопнется дверь, не спеша начал одеваться. Он вдруг ощутил накатившую усталость — впервые за весь вечер в доме Морозовых. Он, действительно, перестарался... Но по-другому бы не получилось. Он впервые в жизни виделся со своим сыном... Да, теперь у него не оставалось никаких сомнений! Дмитрий Морозов — его родной, кровный сын... И, что бы теперь ни говорила Анна, он убедился в этом лично.

— Прощайте, Александр Иванович... — в протянувшем для прощания руку Виталии вновь проснулся снисходительный «барин». — Я, действительно, рад был познакомиться...

— До свидания... — на рукопожатие Морозов ответил довольно сухо, без особой охоты. — Мне тоже было... приятно...

— Жаль, что Анна Сергеевна так и не вышла попрощаться... — Мясников бросил многозначительный взгляд в сторону двери, за которой скрылась Анна. — Видимо, у неё на это свои причины.

...Ответить Александр не успел. Так же стремительно войдя в прихожую, Анна остановилась напротив мужчин. Судя по покрасневшим глазам, она только что плакала, но успела вытереть слёзы.

— Отчего же... — глядя в лицо Виталия, она с горечью усмехнулась. — Я с удовольствием с тобой попрощаюсь. И даже провожу... — она вдруг обернулась к мужу. — Саша, ты не против, если я ненадолго выйду? Мне нужно кое-что сказать Виталию Ивановичу... наедине.

***

Захлопнув за собой дверь, Анна тут же остановилась. Мясников уже собирался шагнуть в сторону лестничного пролёта, но невольно последовал её примеру. Площадка четвёртого этажа была ярко освещена, и Анна с нескрываемой неприязнью вглядывалась в его изменившееся с годами лицо. Она смотрела и не могла поверить, что когда-то эти черты были ей дороги... Дороги настолько, что она собиралась бросить к ногам этого человека всё самое лучшее, что подарила ей судьба...

— Ты — чудовище... — она произнесла это одними губами, но он прекрасно разобрал слова. — Ты был чудовищем... Ты им остался...

— Ну, зачем — здесь?.. — он вновь снисходительно усмехнулся. — Кто-нибудь услышит... узнает о нашей с тобой тайне...

— У нас нет тайны. Каждое твоё появление в моей жизни приносит только боль... Ты — чудовище!

— Ты скажешь мне всё это на улице... А, впрочем, стоит ли? Возвращайся домой, Аня... не мёрзни зря.

— Идём... — Анна внезапно потянула его за рукав, но в другую сторону. — Идём со мной.

— Куда?!

— Идём...

Невольно подчинившись, Мясников шагнул следом за ней к соседней двери. Нажав на кнопку звонка, Анна застыла с каменным лицом...

— Ой, я думала, кто-то чужой... — открывшая через несколько секунд Наташа удивлённо посторонилась, пропуская свекровь и Мясникова. — А чего вы звоните? Ключ забыли?

— Наташа... — не отвечая на вопрос, Анна решительно прошла в квартиру. — Анюта ещё не спит?

— Спит... — Наталья смотрела на Анну округлившимися от удивления глазами. — Дима пришёл, она сразу успокоилась и уснула, только что.

— А где Дима?

— Он в ванной, с Валеркой...

— Ну, и хорошо... Ты только не волнуйся. Просто Виталий Иванович хотел с Анютой тоже попрощаться... — Анна говорила взволнованно, отрывисто, видимо, не зная, как правильно объяснить невестке свой поступок. — Ты разрешишь?..

— Ну, конечно... Только как? Она и правда спит...

— Ничего. Мы тихо... — обернувшись к Виталию, Анна кивнула ему головой в сторону детской. — Идём.

— Может, действительно — не нужно?.. — не понимая, что она задумала, он настороженно застыл на месте и не торопился следовать её призыву..

— Нужно... — Анна настойчиво смотрела ему прямо в глаза. — Это нужно тебе... Сейчас ты всё поймёшь.

Мясников был вынужден подчиниться — стараясь ступать как можно тише, он проследовал за ней в глубь квартиры.

Видимо, услышав гостей, Дмитрий тоже выглянул из ванной, и теперь не менее удивлённо наблюдал за действиями своей матери и Виталия.

— Дима, не беспокойся, мы на минутку... — Анна успокаивающе кивнула сыну и, приблизившись к детской, распахнула перед Мясниковым дверь. — Проходи.

...Маленькая Анюта сладко спала в своей кроватке в свете ночника. Виталий краем глаза успел окинуть уютное убранство комнаты — весёлые обои, в тон им лёгкие портьеры, мягкий, толстый ковёр на полу... Казалось, что всё здесь дышит исключительным покоем.

Подойдя к кровати внучки, Анна осторожно опустила переднюю защитную решётчатую стенку, присела рядом на корточки... Пригладив рассыпавшиеся по мягкой подушке белокурые волосы Анюты, осторожно поцеловала девочку в лоб. Вспомнив, что одета, вновь поднялась и, сняв шубку, бросила её тут же, на пол...

...Анечкину тёплую пижамку Анна растёгивала осторожно, стараясь едва касаться пальцами детского тёплого, до боли родного тельца... Девочка продолжала спокойно спать, видимо, не почувствовав бабушкиных прикосновений. Но самое трудное было ещё впереди...

— Подойди... — Анна произнесла это слово тихо, едва повернув голову к Мясникову.

Послушно шагнув вперёд, он остановился у самой кроватки, не сводя глаз со спящего

ребёнка. Где-то в глубине души шевельнулось предчувствие чего-то нехорошего... непоправимого... Ещё не понимая, что хочет сделать Анна, он внутренне напрягся...

...Осторожно перевернув Анюту на левый бок, Анна как можно дальше оттянула полу пижамы с детского нежного плечика...

— Видишь — э т о?.. — выделив последнее слово, она легко провела пальцами по нежной матовой коже, отмеченной тёмным родимым пятном со стороны спины. — Видишь?..

— Ну, допустим... — увидев пятно знакомой формы, Виталий почувствовал, как внутри что-то готово оборваться — предательски... подло.

— Узнаёшь?.. — голос Анны сейчас показался ему зловещим... Он звучал так неестественно в этой уютной детской комнате, рядом с мирно сопящей маленькой двухлетней девочкой.

— Что ты хочешь этим сказать?.. Ну, родинка...

— Точно такая же родинка есть у Михаила. Я не видела, но видел Дима...

— Допустим. И — что?..

— И точно такая же родинка есть у Саши... Кстати, она есть и у Димы. Это их — морозовский — знак. Он передаётся из поколения в поколение.

— И — что?.. — взгляд Виталия потемнел, как только он услышал про Мишкино родимое пятно, происхождение которого всегда вызывало у него стойкое неприятие... Он всегда как будто чувствовал, что досталось оно Мише от родного отца. Вот чувствовал же!

Виталий ещё раз окинул взглядом ребёнка — даже в свете ночника большое по размеру пятно чётко выделялось на детском крохотном, хрупком плечике. Оно, действительно, было такой же формы, как у Мишки. Но признавать своё поражение всё ещё не хотелось...

— А то, что Аня — Сашина внучка... Ты понял?! — оторвав от Анечки руки, Анна медленно поднялась во весь рост и повернулась к Мясникову. — Сашина! А не твоя...

— Мам, может, ты всё же объяснишь, что происходит?.. — молчавший до этого Дмитрий с тревогой смотрел на мать с порога детской. — Что случилось?!

— Ничего, сынок... Я расскажу потом...

...Услышав, как щёлкает входная дверь, Анна обречённо застыла... Она вдруг подумала, что так застывают преступники, пойманные на месте преступления. Преступники, которым больше некуда бежать...

Это мог быть только Саша. Можно было ещё что-то придумать на ходу, как-то объяснить присутствие Виталия здесь, в Диминой квартире, возле детской кровати... Можно было озвучить всё ту же версию — захотел попрощаться с Анютой... Несмотря на всю нелепость — можно...

Но уже не оставалось сил на враньё... Их вообще больше ни на что не оставалось.

— Что случилось?! — войдя в детскую, Александр обвёл тревожным взглядом всех присутствующих. — Наташа?.. Аня?.. Почему вы здесь?! Дима?! — он резко повернулся к сыну, затем перевёл взгляд на кроватку. — Что вы молчите?! С Анютой что?!

— Всё в порядке, пап... — догадываясь, что появление отца только осложняет обстановку, Дмитрий потянул того за локоть. — Идём... Виталий Иванович захотел попрощаться с Анюткой.

...Объяснение было вполне правдоподобным. Его можно было бы принять... Он его почти принял, ведь они никогда не обманывали друг друга... В их семье не было принято лгать. Он и сейчас бы поверил словам сына... Но слишком неубедительно говорил Димка...

Слишком мрачным был их недавний гость... Слишком растерянной Наташа... Слишком испуганной казалась его собственная жена, при чём, этот испуг был явно вызван его внезапным появлением...

...Внучка спокойно спала — видимо подействовали лекарства, и девочка даже не слышала, что происходило сейчас вокруг её крохотной персоны. Что-то подсказывало, что дело именно в ней — в маленькой Анечке... Что-то такое, о чём ему, Александру, не хотят говорить. И прощание тут вовсе ни при чём...

...Присев рядом с внучкой, Александр ласково погладил её по белокурой головке — как ещё несколько минут назад это сделала Анна... На этот раз девочка почувствовала прикосновение — пошевелившись, она снова улеглась на спину, трогательно раскинув в разные стороны маленькие ручки. Поправляя разъехавшиеся полы пижамки, Александр вдруг на секунду замер... Анюту никогда не укладывали спать вот так — с расстёгнутыми пуговицами... Как будто о чём-то догадываясь, он провёл рукой по правому плечу...

— Что же вы её так уложили... — обернувшись, он посмотрел куда-то мимо всех присутствующих. — Пуговицы не застегнули... Раскроется — замёрзнет...

***

Был уже первый час ночи, но Анна не спала. Они вернулись домой час назад, и Саша сразу прошёл в спальню... Она понимала, что разговор с мужем неизбежен — слишком многое обнажилось в этот вечер... Даже несмотря на вполне мирное, окончательное прощание с Мясниковым. Даже несмотря на вынужденное враньё сына и невестки...

Сейчас ей казалось, что она впутала их во что-то грязное, недостойное... Ей было ужасно стыдно... Стыдно перед мужем, перед сыном... Особенно — перед маленькой внучкой, которую пришлось использовать как последний аргумент... А ещё было страшно... Страшно войти сейчас в спальню, увидеть Сашины глаза...

...Выкурив ещё одну сигарету, Анна обречённо щёлкнула выключателем и вышла из кухни.

Александр тоже не спал. Стоя у окна, он смотрел на ночной город и, казалось, не слышал шагов жены. Медленно пройдя через спальню, Анна молча уселась на кровать. Она знала — о чём бы ни спросил сейчас Саша, лгать ему она не станет...

— А знаешь, ты была права... — его молчание было недолгим. Не поворачиваясь к жене, Александр заговорил негромко, спокойно. — Он, действительно, приезжал не ко мне.

— Да, он приезжал ко мне...

— И не к тебе. Он приезжал к нашему сыну...

Глава 31.

Субботный день подходил к концу. Наташа и Дима ещё до обеда уехали из дома, и появиться должны были не раньше полуночи. Наташа каждую свободную минуту звонила свекрови — узнать, как она, и Анна неизменно отвечала, что всё хорошо, мужественно переводя голос на мажорную тональность. Она отпустила няню — нарочно, чтобы занять себя полностью внуками, чтобы не отдаваться этой безраздельной, всё поглощающей тоске...

«Аня... — отстранённый голос мужа так и звучал у неё в голове. — А с чего он взял, что Димка — его сын?»

Этот вопрос Александр задал неожиданно. Он так и стоял у окна, держа руки в карманах брюк, не отрывая взгляда от ночного заоконного пейзажа. В первый момент у Анны чуть было не шевельнулся язык ответить нарочитым изумлением. Его, изумление,

можно было сыграть, не прилагая особых актёрских усилий. Можно было нахмурить брови, изобразить непонимание и даже возмущение...

Но она не проронила ни слова.

«Странный он какой-то... — Саша, казалось, был готов к её молчанию. Всё так же, не оборачиваясь, он заговорил как будто сам с собой. — Вроде, серьёзный человек... Всё разузнал про Димку... И адрес, и телефон... Говорит, за творчеством его следил. А дату рождения, выходит, не узнал? А ведь это — самое главное. Сколько мы с тобой до свадьбы встречались?.. Года полтора?.. — Александр на несколько секунд замолчал, как будто прислушиваясь, что ответит ему Анна, и даже слегка повернул к ней голову. Не дождавшись ответа, вновь уставился в окно. — Ну, да, полтора. Что же он, не помнит, когда вы расстались?..»

Сидя за спиной у мужа, Анна не могла не только говорить, но и пошевелиться. Тело, налитое эмоциональной усталостью, казалось неподвижным, оцепеневшим, обессиленным. Так бывает во сне, когда нужно куда-то идти, что-то говорить, но человек ощущает себя немым постаментом. Она отрешённо смотрела прямо перед собой, но ничего не видела. И даже когда Александр, наконец, повернулся к ней лицом, не подняла на него взгляда.

То, что тайно грызло, мучило её когда-то, сейчас, за завесой прожитых лет не должно было казаться таким трагичным и непоправимым... Но, вопреки всем законам времени, оно напомнило о себе с новой, тысячекратной силой, подавило остатки воли, желания что-то объяснить и оправдываться, хотя именно сейчас сделать это было гораздо проще.

«Что же ты ему сразу-то не сказала, что он с датой ошибся?.. — внимательно глядя на жену, Саша говорил с нарочитой укоризной, но, если бы Анна в этот момент посмотрела ему в глаза, то увидела бы в них горькую усмешку. — Он же на целых два года ошибся... Аня... Ну, ошибся ведь?..»

«Он не ошибся».

Этих слов Анна не произнесла, но они были написаны на её лице... Они слышались в её молчании. Её тайна, которую она никогда и ни за что не доверила бы даже самой верной подруге, вскрылась в одночасье, без слов, без признаний, без обвинений... Отголосок давней, самой кошунственной измены вдруг донёсся через столько лет, настиг, как пуля на излёте, неожиданно и коварно. Она не могла ни соврать, ни признаться. Это было одинаково тяжело...

Это было унижительно — для неё... И незаслуженно — для Саши.

...Она понимала, что нужно что-то ответить, перевести разговор в шутку... Но вместо этого продолжала сидеть на кровати, глядя перед собой невидящим взглядом.

«А ты ведь даже не удивилась моему вопросу...»

Постояв ещё с минуту, Александр отяжелевшей походкой вышел из спальни. Анна слышала, как он ходит по квартире, но следом не кинулась. Впервые в жизни обстоятельства требовали от неё оправданий перед мужем, и она вдруг подумала, что совершенно не умеет этого делать.

Она даже не помнила, как легла спать в эту ночь.

Она не помнила — спала ли вообще... Состояние, близкое к ступору, рассеялось только утром — Анна обнаружила, что Саши нет, и в квартире она совершенно одна.

«Мама... — сын и невестка вскоре появились на пороге. Дима был явно встревожен. — Что у вас случилось?! Отец какой-то странный... зашёл, сказал, чтобы мы попросили Нину сегодня побыть с детьми».

«Он заходил к вам?..» — Анна с отрешённым видом сидела за кухонным столом с сигаретой. Никто из близких не знал, что она изредка курит, но теперь она даже не думала скрывать свою тайную привычку.

«Да, только что. Сказал, что ему срочно нужно на работу, а тебе будет тяжело одной с ними целый день... — Дмитрий изумлённо наблюдал, как мать ловко стряхивает пепел в чайное блюдце. — Мам... Ты что, куришь?!»

«Курю».

«Анна Сергеевна... — не менее изумлённая Наташа наконец подала голос. — Что произошло?! Мы вчера ничего не поняли...»

Анна ожидала этого вопроса. Он не мог не прозвучать после вчерашних событий. Мясников ушёл, они с Александром тоже покинули Димину квартиру... А вопрос остался. Он застыл в глазах детей, она успела это заметить.

«Это случилось не вчера... — сделав последнюю затяжку, Анна затушила сигарету и поднялась из-за стола. Прошла к газовой плите, включила конфорку под чайником. Немного постояв, повернулась лицом к детям. — Это случилось давно... Но я не хочу сейчас об этом говорить».

...Только в обед она осмелилась набрать номер мужа. Состояние вины и «разоблачения» усугублялось неопределённостью, и это было так непривычно. Они ведь даже не поссорились. У них не было «разговора»... Но, судя по его ночным интонациям, Саша всё понял...

«Я на работе... — Александр говорил спокойно, но необычно сдержанно. — Я совсем забыл тебе сказать, что у меня встреча с заказчиком».

«Когда ты вернёшься?..» — в ожидании ответа Анна затаила дыхание.

«Я не знаю, Аня. Ужинай без меня».

Был только полдень, поэтому слова мужа об ужине нужно было расценивать как предупреждение, что домой Саша сегодня не придёт.

«Бабушка, почему ты такая грустная?..» — Валерик тронул её за руку, сочувственно глядя в глаза.

«Всё хорошо, мой зайчик... — Анна выдавила из себя улыбку и, притянув внука, поцеловала его в макушку. — Всё хорошо...»

Маленькая Аня тоже казалось, чувствовала бабушкину печаль. Подойдя с другой стороны, она обняла Анну за колени и положила на них свою белокурую головку. Неведомое до сих пор чувство сиротства нахлынуло внезапно потоком слёз... Анна старалась плакать беззвучно, но плечи предательски вздрагивали, и лицо искажала гримаса горя и беспомощности.

«Бабушка, не плачь... — Валерка растерянно гладил её по руке. — Ну, не плачь, бабушка!.. Давай, позвоним дедушке, он придет и тебя пожалеет!»

От этих искренних, трогательных слов ребёнка стало ещё тоскливее — новая волна солоноватой влаги заструилась по лицу, сопровождаемая глухими рыданиями, сдержать которые Анна уже не могла.

Она ещё пару раз пыталась дозвониться до мужа, но он говорил с ней коротко.

«Аня, за меня не беспокойся, — его тон был подчёркнуто вежливым. — Работы навалилось, как никогда...»

Анна знала, что супруг обманывает. Он только накануне сдал дела заместителю — очень серьёзному и надёжному человеку, чтобы до конца недели побыть с внуками. Если

вчера, в пятницу, всё шло в штатном режиме, то что могло навалиться в субботний, выходной день?

Но не эта ложь пугала её. Анна знала причину, по которой Саша сейчас пытался её обмануть. За его подчёркнутой вежливостью таились не гнев, не обида, и даже не ревность. Ей показалось, что за ней таилось разочарование... И это было страшнее всего.

...Впервые жизни она одна гуляла с внуками в выходной день. Обычно они гуляли вчетвером: она, Саша, Валера и маленькая Анюта. Анне казалось, что все прохожие смотрят на неё с недоумением... Сашино отсутствие было чем-то противоестественным.

...Она вдруг вспомнила, что сегодня — день бракосочетания Михаила и Златы... Мысли взвились беспорядочным роем...

Возможно, Саша и не отправился на регистрацию своего старшего сына... Но вот на свадебном застолье он мог появиться. Картина, где Саша поздравляет молодых в качестве отца, моментально нарисовалась в мозгу...

Когда Дмитрий и Наталья, наконец, вернулись с выступлений, Анна уже уложила детей спать в их квартире. Саше она больше не звонила — боялась наткнуться на его слишком вежливый голос и очередную реплику о «делах»... Она нарочно не оставила внуков у себя, решив, что будет ждать возвращения мужа одна... Она подумала, что так будет легче встретить свой «приговор»... А то, что он, приговор, будет, не вызывало сейчас никаких сомнений...

...Поворот ключа в замке отозвался холодной волной внутри...

— Анна Сергеевна... — Наташа, в накинутом поверх домашнего платьяца палантине стояла в дверях гостиной. — Я — к вам...

— Что случилось?.. — Анна сидела в кресле, и, увидев испуганный взгляд невестки, сама встревожилась.

— У нас — ничего... — Наташа быстро прошла через комнату и присела напротив, на краешек дивана. — А что всё-таки случилось у вас?.. Димка весь день сам не свой. И сейчас хотел к вам идти... Мы же видим — что-то произошло...

— Дима звонил отцу?

— Да, звонил. И днём, и сейчас... Александр Иванович сказал, что он на даче...

— На даче?.. — Анна на мгновение замерла. — А я думала... Впрочем, неважно, что я думала.

— Если хотите, я позову Диму... поговорите с ним, а я останусь с детьми...

— Нет!.. — увидев, что невестка готова встать, Анна остановила её жестом. — Не надо Диму... Побудь со мной, Наташ... Пожалуйста.

— Ну, конечно... — с готовностью кивнув, Наташа подобрала под себя ноги и уютно устроилась в углу дивана.

— Я знаю, что ты устала...

— За меня не беспокойтесь! — махнув рукой, невестка ещё глубже закуталась в тёплый палантин и вопросительно посмотрела на свекровь. — Анна Сергеевна... А кто этот человек? Ну, тот, который вчера приходил... Дима сказал, что он — Мишин отец...

— Да, он — отец Михаила... вернее, его названный отец. А ещё... — Анна отвела глаза в сторону и едва заметно усмехнулась. — Ещё он — мой давний знакомый. Мы когда-то встречались...

— Вы — с ним?!

— Да. А потом он женился на одной девушке, которая была уже беременна... От Саши.

Но тогда об этом никто не знал.

— Серьёзно?! — Наталья изумлённо округлила глаза. — Ничего себе — совпадение...
Как такое могло произойти — вообще?!

— Наташа... для меня это тоже непостижимо... Но вот — произошло.

— И что было потом?..

— А потом — ничего... Мы расстались много лет назад, больше я его не видела.

— Выходит, он не знал, что встретит здесь вас?..

— Не знал. Он предполагал другое...

— Дима сказал, он какой-то странный... Веселился, претензий не предъявлял...

— По поводу Миши — нет... — Анна глубоко вздохнула, как бы собираясь с силами. —

У него была другая претензия.

— Какая?!

— Он считает, что Дима — его родной сын. Вернее, считал... Он ехал к вам, Наташа...

— Как — сын?! — изумление сменилось недоверчивостью. — Димка?!

— Да.

— Да ладно...

...Если бы ещё три дня назад Анне сказали, что она вот так, без утайки и малейшего сомнения будет рассказывать их с Виталием историю собственной невестке, она ни за что бы не поверила. Это была тема с давним, не отменяемым ни при каких обстоятельствах табу... Но теперь признание лилось и лилось, как будто кто-то дал ей выпить эликсир правды.

— Но ведь Димка ему не сын... — Наташа слушала свекровь без излишних эмоций, как бы не заостряя внимание на пикантных подробностях. В завершение рассказа Анны лишь пожала плечами.

— Конечно, не сын. Я говорила ему об этом ещё тридцать лет назад... — Анна всё же умолчала о своих собственных сомнениях, преследующих её долгие годы. — Я говорила ему об этом и сейчас, когда он возник так внезапно. Но он вбил в голову эту идею-фикс...

— Он же взрослый человек...

— Он намекнул, что неизлечимо болен. Возможно, поэтому у него и возникла эта навязчивая мысль. Он решил найти Диму... — Анна вновь горько усмехнулась. — Он решил, что у него есть родной сын и родные внуки. И тогда мне пришлось показать ему Анюту... Если бы не её родинка...

— У Димки тоже есть такая родинка... — Наталья неожиданно улыбнулась. — Если что, мы показали бы его «морозовской» знак...

— А ты знаешь про его родимое пятно?.. — Анна искренне удивилась словам невестки. — Его же не видно...

— Конечно знаю, — Наташа негромко рассмеялась. — Я его всего знаю... это пятно у него на затылке, под волосами.

— Я думала, ты не знаешь... — Анна вдруг снова сникла и приложила руку к глазам. — Господи!.. Что же теперь будет?..

— Анна Сергеевна... — Наташа вдруг поднялась с дивана и, подойдя к свекрови, присела перед ней на корточки, чуть сжала вторую ладонь. — Но ведь ничего не произошло! Он ведь не сказал открыто?.. Всё только на стадии догадок и версий!

— Саша обо всём догадался...

— Ну, почему?! Да мало ли что вбил себе в голову этот Мясников?! А, может, он просто

хотел отомстить?! Его мужская честь задета, он решил задеть чужую...

— Да он её задел... задел! — Анна покачала головой из стороны в сторону, как бы отбрасывая версию невестки. — Задел так, что хуже и не придумаешь. Ещё тогда, перед самой свадьбой... А Саша... Ведь у нас до свадьбы с ним ничего не было. Понимаешь Наташа?! Не было! У меня вообще не был мужчин... Я придерживалась строгих правил, а он терпеливо ждал... А я... а я вот так поступила. За три дня до свадьбы изменила ему с этим... Виталием.

— Вы что, всё рассказали Александру Ивановичу?!

— Нет.

— Ну, тогда зачем вы себя накручиваете? Мало что... Пришёл какой-то мужик, возомнил себе невесть что...

— Не какой-то... — Анна снова покрутила головой. — А вполне серьёзный, уважаемый... умеющий складывать два и два.

— Ну и что?!

— Саша всё понял. Дураку ведь понятно, что такой человек не придёт просто так. Значит, всё просчитал... А, раз просчитал, значит помнит, когда всё произошло. Либо накануне нашей свадьбы... либо сразу после. Что так, что так — подло... С моей стороны — подло. Такое не прощают.

— Господи... Вы столько лет прожили вместе, разве можно их перечеркнуть из-за одной давней ошибки?..

— Ошибки бывают разные. Я ведь тоже не думала, что через столько лет буду чувствовать себя настолько виноватой. Пока не переживёшь — не узнаешь.

— Александр Иванович отходчивый...

— Отходчивый... — Анна с горечью произнесла это слово. — Это — не к месту... Здесь совсем другие категории.

— Ну, может, нужно было что-то придумать... ну, как-то объяснить всё!..

— Что можно объяснить, Наташа? — Анна печально улыбнулась. — Саша ведь не глупый мальчик. Виталий выдал себя с потрохами... А потом и я, когда потащила его к вам, показывать Анютину родинку.

— Но Александр Иванович не видел...

— Зато всё понял. Нет, Наташа... Выкручиваться и делать вид, что ничего не произошло, я не буду. Да и сил нет совсем...

— Александр Иванович вас любит. Он успокоится и вернётся, завтра же вернётся. А, хотите, мы сейчас с Димой за ним поедим?! — Наташе так понравилась эта идея, что она вскочила на ноги. — А вы с детьми побудете!

— Нет, — Анна произнесла это твёрдым тоном. — Не надо... Я и сама могла бы поехать за ним. Но не стоит. Ему нужно побыть одному. Я это чувствую...

— Тогда идёмте к нам! Зачем вам оставаться одной?

— Нет, Наташенька... Ты иди, тебя Дима ждёт. А я — дома... Вдруг Саша вернётся.

***

Февральское утро было на редкость солнечным и морозным. Едва проснувшись, ещё не раскрыв глаза, Михаил почувствовал солнечный луч на лице — перебираясь выше, тот уже задел ресницы и сейчас пробивался всеми радужными оттенками сквозь сомкнутые веки. Привычно проведя рукой возле себя, Миша почувствовал лишь шёлковую прохладу простыни.

— Златка!.. — спросонья получилось только промычать имя жены, но, приподняв голову, он крикнул уже более членораздельно. — Зла-а-ат!.. Ты где?

— Что, потерял?.. — Злата, с остатками вчерашней причёски на голове и полустёршимся свадебным макияжем, подбоченившись одной рукой, весело застыла в дверях. — Теперь даже захочешь потерять — не потеряюсь!

— Иди сюда... — Мишка тяжело похлопал ладонью рядом с собой. — Куда убежала?..

— За минералкой... — присев рядом, Злата со стуком водрузила на тумбочку бутылку запотевшей минеральной воды. — Хочешь?..

— Хочу-у-у...

— А я не знала, что ты такой алкаш, Мясников... — Злата нарочно медленно, дразняще наливала в стакан булькующую и пузырящуюся жидкость. — Что, скажешь — не так?

— Угу... — он напрасно пытался поймать рукой ставший холодным стакан — Злата ловко водила им из стороны в сторону. — Я — алкаш... А ещё — драчун и бабник. Златка, ну, дай попить!..

— Ого!.. — она весело-возмущённо приподняла брови. — Ещё и бабник?! И об этом я узнаю только сейчас?!

— Кто же до свадьбы признаётся?.. — заграбастав её вместе со стаканом в охапку, Миша губами дотянулся до стеклянного края, отхлебнул целебную жидкость. — Сейчас допью... потом тебя на закуску съем.

— Мясников!.. А-а-ай!.. — взвизгнув от хлынувшей через край стакана воды, Злата тут же опрокинула остатки на Мишку — тот только слегка поёжился. — Всё!.. Завтра — развод...

— Почему?..

— Ты испортил мой любимый пеньюар... — она лёжа разглядывала промокшую тонкую ткань, облепившую её аккуратный, небольшой животик. — Вот как теперь жить?!

— По-моему, без него было гораздо лучше... — он недвусмысленно потянул за тонкий пояс, потом перевёл взгляд на собственное тело. — Кстати... ты тоже испортила мои любимые трусы...

— В полосочку?.. — Злата загадочно-кокетливо закусилла нижнюю губу.

— В полосочку...

Примерно через час Злата уже доставала из холодильника вчерашние «свадебные» остатки деликатесов, случайно оставшиеся после внезапно ввалившихся ночных гостей. Их следственно-оперативная группа в полном составе появилась в квартире новоиспечённых молодожёнов уже около полуночи, когда и Злата, и Михаил уже никого не ждали. Свадьба получилась довольно скромной — из приглашённых были лишь родители Златы, мать Миши Александра Семёновна, бабушка Вероника Григорьевна и пара сослуживцев, которых определили в свидетели. Сестра Златы Даша накануне внезапно уехала в соседний город к подруге, объяснив свой поступок какими-то неведомыми обстоятельствами. Олег Дзюба приезжал только в ЗАГС вместе со своими старшими сыновьями, но на застолье не появился, объяснив это нежеланием встречаться с бывшим партнёром и зятем Виталием Мясниковым. Напрасно Миша объяснял, что Мясников улетел в Москву, и появиться в его доме никак не может. Олег Семёнович был непреклонен, он как будто не верил племяннику, и в ответ на очередное приглашение пообещал компенсировать своё сегодняшнее отсутствие столиком в ресторане в ближайшее время. Видимо, Дзюба просто не хотел появляться в доме, в котором только день назад находился его злейший враг. По этой же причине он не

взял с собой свою супругу — даже на регистрацию брака единственного племянника.

«Мой дом для тебя всегда открыт... — пожимая Михаилу руку, Олег изобразил на своём бледном лице подобие праздничной улыбки. — Приходи когда захочешь, а к тебе — уволь, Мишка... И не обессудь».

Двоюродные братья последовали примеру своего отца — у обоих были какие-то неотложные дела, поэтому парни ограничились поздравлениями и подарками, и лишь любимая бабушка на пару часов попала за свадебный стол, пока за ней не приехала посланная сыном машина.

Молодые огорчились, но не очень, на широкую свадьбу расчёта не было. Поэтому они с радостью приняли узкий круг гостей. Однако, когда гости уже разошлись по домам, в дверь неожиданно позвонили...

...Своих оперов Миша приглашал в первую очередь, но служебные дела не позволили парням прибыть вовремя. Срочный выезд на очередное преступление занял весь день, поэтому к своему, освобождённому от службы по случаю бракосочетания начальнику они попали только около полуночи. Обрадованный Миша даже забыл свой обычный «регламент» — последняя рюмка оказалась явно лишней, зато опасения Златы, что недоеденные малочисленными родственниками деликатесы пропадут, оказались напрасными — голодные опера буквально «вымели» все тарелки.

— Ты отцу сегодня ещё не звонил? — накрыв на стол, Злата уселась напротив мужа.

— Которому?.. — отпив из чашки кофе, Миша весело хмыкнул.

— Виталию Ивановичу... — Злата неожиданно рассмеялась. — Развёл отцов, понимаешь...

— Угу... — кусая бутерброд, Михаил только кивнул.

— Я-то у тебя хоть в единственном экземпляре?

— Ну, как тебе сказать...

— Убью, Мясников... Ей-Богу, убью...

— За что?!

— Если узнаю, что я у тебя не одна...

— Так ты у меня не одна... — он невозмутимо пожал плечами. — Вас у меня уже две... Ты и Алёнка...

— Выкрутился?..

— Я же старый мент.

Они сразу решили, что дочь назовут Еленой. Это имя нравилось обоим, особенно уменьшительное — Алёнка... Злата с огромным удовольствием ходила по магазинам, присматривая наряды для будущей дочки. Она с трепетом и волнением разглядывала кружевные платица, мечтая, когда родившаяся Алёнка дорастёт до нужных размеров... Она взахлёб рассказывала Мише, какие чудесные наряды шьют сейчас для девочек, так, что он тоже заразился её энтузиазмом, представляя, как будет носить на руках свою маленькую принцессу.

Вчера, ещё до ЗАГСа, он позвонил Виталию, чтобы узнать, как тот долетел до Москвы — самолёт отца был ранним утром. Но на звонок никто не ответил, а позже робот доложил, что абонент вне зоны действия сети. Сам Виталий тоже не вышел на связь, не поздравил молодых, и это было странным. Впрочем, вчера, за суматохой, было некогда думать и волноваться, но сегодня Злата напомнила об отце с самого утра.

— Так ты звонил или нет? — она вновь задала вопрос.

— Сегодня ещё нет, — Миша потянулся за телефоном. — Сейчас наберу.

— Странно, что он вчера не позвонил, — Злата слегка нахмурилась и перевела взгляд на мужа. — Ну, что?..

— Опять вне зоны, — Миша пожал плечами. — Странно...

— Ну, хоть Александр Иванович поздравил... А то с твоей стороны только мама была... Даже Вадик не смог приехать.

— Вадика сейчас нельзя рисковать, — Миша усмехнулся. — Ещё один запой он точно не выдержит. Лучше не провоцировать.

— Хороший ведь дядька... — услышав сигнал Мишиного телефона, Злата скосила глаза на дисплей. — Тебе звонят... Тётя Таня...

— Сейчас нас будут поздравлять! — подмигнув Злате, Миша нажал на клавишу. — Здравсьте, тёть Тань! Спасибо!.. Обязательно передам!.. Что?.. Нет, не знаю... У него телефон отключен. А что?.. Что-о-о?!

— Миш, чего?.. — увидев, как Михаил изменился в лице, Злата тревожно застыла в ожидании ответа.

— Тёть Таня звонила... — Миша перевёл растерянный взгляд с мобильного на Злату. — Говорит, отец в реанимации.

— Как — в реанимации?! Откуда она узнала?!

— Она от местного прихода возглавляет волонтерскую миссию... ну, типа «красного креста»...

— Да знаю я...

— Ну, вот вчера она посещала кардиоцентр вместе с бабушкой. Тот обычно причащает, крестит, если кто безнадежный, в реанимации. Говорит, случайно узнала, что прошлой ночью поступил пациент с инфарктом, фамилия — Мясников... Оказалось — отец... Чёрт!.. — Миша машинально взъерошил волосы. — А я жду, что он позвонит... Надо ехать.

— Тебя сейчас не пустят, — Злата мягко пожала его ладонь. — Хотя... Пожалуй, поедем. Поговорим с лечащим врачом.

— Да... — Миша широко шагнул из кухни, но в дверях вдруг остановился и обернулся на жену. — Только тётя Таня просила никому о ней не говорить... Если дядька узнает, что отец лежит в том отделении, которое опекает их приход, будет скандал... Он запретит ей заниматься благотворительностью, а она только этим и живёт...

Глава 32.

Ни пресловутого туннеля, ни яркого света в его конце не было... Ничего такого, о чём пишут и рассказывают взахлёб «очевидцы»... Но Виталий явно помнил, что было что-то между болезненным забытьём и тяжёлым пробуждением. Что-то такое, о чём невозможно было рассказать простыми человеческими словами. Это состояние не было похоже ни на бред, ни на обморок, ни на сон. Ему не было определения в этой, земной жизни...

«Зачем ты поторопил события?! — кто-то невидимый, но осязаемый до последней клетки, завладел его замутнённым сознанием. Голоса Виталий не слышал, видимо, там не было привычных, живых звуков, но он ощутил его грозную мощь всем, что осталось от его существа. — Твоё время ещё не пришло!»

«Я не хочу — туда! Не хочу-у-у!..» — страха не было, но он понимал — что-то пошло не так. Виталий не произносил этих слов, но они каким-то образом трансформировались из его мыслей в импульсы — их природа была так же необъяснима, но тот, кому был предназначен этот посыл, всё понял.

«Ты сам виноват. Но за тебя попросили. Ты вернёшься!» — могущество невидимого собеседника не имело границ. Этому не нужны были доказательства, всё принималось безусловно.

«Кто попросил?! Кто?..» — новый импульс потерялся в нарастающем гуле — это уже был явно земной звук. Тело дёрнулось как от чудовищного разряда, Виталий почувствовал, как оно постепенно обретает свои обычные формы.

Ответа он не получил. А, может, просто не расслышал.

...Он приходил в себя постепенно. Ориентироваться во времени и пространстве не было никакой возможности, сознание казалось заблокированным, но звуки доносились — они были отдалёнными, глухими, похожими то на голоса, то на скрежет металла, то на звон разбитого стекла... Очень хотелось открыть глаза, но сил не было даже на это. Кроме звуков были ещё прикосновения — кто-то трогал его запястья, локти, грудь... В какой-то момент ему показалось, что прикосновения ему знакомы... Впрочем, это было лишь мгновение. Он не чувствовал температуры — ему не было ни холодно, ни жарко, было ощущение лишь какой-то противной ватности и лёгкого головокружения.

...Окончательно сознание вернулось вместе с пробуждением — ему показалось, что он очнулся после долгого сна. Вместе с сознанием вернулась и память — на удивление легко и быстро. Он сразу вспомнил последние минуты перед провалом в чёрную пустоту: вот он выходит из дома Морозовых... идёт к ждущему его автомобилю... Он подавлен и зол одновременно. Водитель открывает дверцу — он садится в салон, и тут же чувствует непонятное удушье... Руки лихорадочно пытаются расстегнуть пуговицу на воротнике... Резкая боль где-то за грудиной, рвущийся из горла хрип... и — полный провал.

Он не мог сейчас прочувствовать всю силу разочарования, каменной глыбой рухнувшего на него в тот вечер... Но он помнил, что всё, чем он жил в последнее время, вдруг в один миг рассыпалось, как осколки разбитого драгоценного сосуда... брызнуло, разлетелось, превратившись в пыль, тупой болью отозвалось в области сердца.

Виталий даже не знал, сколько времени прошло с тех пор... Если судить по тому, что он окончательно проснулся только сейчас — прошла всего одна ночь. Но, судя по зафиксированным памятью и сознанием голосам приходящих и уходящих людей, он находился в забытьи уже не первые сутки.

...И это видение... Оно тоже всплыло в сознании, но он так и не смог понять, что это было — болезненный сон или именно то, о чём говорят все, вернувшиеся о т т у д а... А эти слова: «За тебя попросили»... Что это — бред или посланное свыше откровение?.. Вряд ли когда-нибудь ему придётся это узнать. Ну, если только — т а м...

...Сегодня он уже мог открывать глаза, односложно отвечать на вопросы лечащего врача, дежурной медсестры... Он уже знал, что у него обширный инфаркт, и что звонила Изабелла, приезжал сын... А ещё — ему очень повезло, что водитель не растерялся и не стал ждать приезда скорой помощи — сам отвёз его в больницу, переполошив приёмный покой. Это рассказала ему медсестра, дежурившая при нём в последние двенадцать часов. Оказывается, он уже четвёртые сутки находится в отделении реанимации и интенсивной терапии кардиологического центра.

Четверо суток... и первые из них он провёл между жизнью и смертью. Но теперь состояние стабилизировалось, и сегодня его должны перевести в обычную палату. Его сонливость — результат действия сильнодействующих препаратов, ведь сон для него — лучшее лекарство.

Девушка была очень милой и доброжелательной, она говорила радостным тоном и сообщала только приятные новости. Она же сообщила, что, как только Виталия переведут в обычную палату, к нему обязательно пустят кого-нибудь из близких — все они в курсе его болезни, все желают ему скорейшего выздоровления и непременно хотят видеть!

...Виталий подумал, что такой жизнерадостный тон — часть постинфарктной терапии, ведь больному просто необходимы положительные эмоции... Если бы только эта девочка знала, какую душевную травму получил он четыре дня назад... В памяти всплыл вечер в квартире Морозовых: встреча с Дмитрием, с его детьми... чувство необыкновенного душевного подъёма, не покидавшее до той самой минуты, когда Анна привела его в квартиру сына...

...Всё перечеркнуло родимое пятно на плече маленькой девочки, которую он уже представлял своей внучкой. Светло-коричневое пятно продолговатой формы, размером с большой палец взрослого человека выглядело слишком знакомым, чтобы списать его наличие на простое совпадение... Пятно, которое он видел много лет на груди Михаила, и которое тот унаследовал от своего родного отца...

Да, маленькая Анюта оказалась Мишкиной родной племянницей. И совершенно чужой ему — Виталию Мясникову.

Из этого следовало только одно: Дмитрий Морозов не был его сыном. Напрасно он тешил себя надеждами. Им не суждено было сбыться...

...Сознание, притупленное действием сильных препаратов, восстанавливало информацию щадяще, без эмоций. Даже факт возвращения с «того света» воспринимался нейтрально, как что-то само собой разумеющееся, во всяком случае, пока он находился в палате интенсивной терапии. Однако уже на следующее утро после перевода в обычную палату Виталий проснулся с более ясным пониманием происходящего. На фоне случившегося инфаркта другая, не менее смертельная болезнь сейчас померкла... Он понимал, что бороться нужно с тем, что представляет смертельную опасность именно в данный момент, всё остальное оставляя на потом. На это нужны были силы и стимул к выздоровлению, а его больше не было.

...В новой, «пятизвёздочной» палате он находился совсем один, если не считать частых визитов медсестры. Та заходила регулярно, проверяла капельницу и датчики. При звуке её шагов Виталий не каждый раз открывал глаза — отвечать на вопросы не хотелось. Услышав очередной негромкий скрип двери, он нарочно сомкнул веки в надежде, что медсестра как можно скорее уйдёт. Однако та повела себя как-то странно — её шаги были неторопливы и застыли где-то на середине палаты. Прошла минута, другая, а она так и не двинулась с места. Виталий подумал, что это отнюдь не медсестра — та уже была бы рядом, проверяла показания приборов или поправляла манжету с датчиком... Ему даже стало не по себе, и он был готов открыть глаза, но внезапно человек сделал пару шагов в сторону кровати — в следующий момент Виталий услышал лёгкий однократный стук, как будто что-то положили на прикроватную тумбочку. Человек замер ещё на несколько секунд, и Мясникову показалось, что посетитель его рассматривает. Он даже уловил глубокий вздох... Всё-таки это была женщина.

Наконец, шаги стали удаляться — неведомая гостья направилась к выходу. В последний момент любопытство взяло верх... Чуть приоткрыв веки, Виталий сквозь ресницы всматривался в женскую фигурку, готовую вот-вот скрыться за дверью. Что-то до боли знакомое показалось в её силуэте... Догадка отозвалась обжигающей волной где-то глубоко

внутри...

— Таня!..

...Услышав его оклик, женщина вздрогнула всем телом и на мгновение застыла... затем повернула голову... Она была такой же, как и на Мишкиных фотографиях... Волосы аккуратно уложены, из макияжа — лишь едва заметная на губах розовая помада... Платье простого покроя, но элегантно и не из дешёвых — он научился разбираться даже в женской одежде. Несмотря на прошедшие годы, Татьяна выглядела всё ещё моложаво и ухоженно, и лишь печальный, даже какой-то скорбный взгляд не вязался с её внешним видом.

...Она стояла вполоборота, молча вглядываясь в его изменившиеся с возрастом и болезнью черты.

— Здравствуй, Таня... — не дождавшись ответа, Виталий заговорил снова.

— Здравствуй... — повернувшись от двери, Татьяна как бы нехотя вновь шагнула в глубь палаты, но, немного не дойдя до его кровати, остановилась.

— Вот и свиделись... — Виталий был ещё очень слаб, попытка приподнять голову закончилась неудачей — он снова был вынужден откинуться на подушку.

— Как ты себя чувствуешь? — Таня и раньше говорила негромко, а сейчас её голос звучал как полушёпот.

— Нормально... — Мясников едва заметно усмехнулся дежурному вопросу. — Ну, что же ты?.. Пришла, и сразу уходишь...

— К тебе пока не пускают. Я зашла без разрешения. Думала, ты спишь...

— А если бы не спал? Не зашла бы?..

— Зашла бы, но позже. Когда врач бы разрешил, — Татьяна чуть повысила голос, заговорила ровно, спокойно. — Я ко всем захожу, такова моя миссия.

— Что за миссия?

— Благотворительная. Наш приход курирует многие больницы, и эту в том числе.

— Курирует?.. — на его лице отразилось искреннее удивление. — Что же может курировать приход? Качество лечения? Или финансовые потоки?..

— Нет... — Татьяна чуть заметно улыбнулась. — Мы оказываем помощь другого плана.

— Какую же?

— Духовную. Вот... — Татьяна приблизилась к тумбочке и взяла с неё небольшой предмет, тот самый, который положила туда минуту назад — Это — тебе...

— Что это? — Виталий сосредоточенно вглядывался в небольшой образок на серебряной цепочке.

— Это образ Богородицы.

— Я некрещённый... Ты же знаешь.

Видимо, от этого «ты же знаешь» женщину бросило в жар — Виталий заметил, как мгновенно вспыхнули её щёки... Быть спокойно-отстранённой не получилось... Взгляд увлажнился, лицо стало вдруг беспомощным — всего на один миг... Но этот миг выдал её с головой.

— Всё равно — возьми... — голос тоже предательски дрогнул. — Бог и некрещённых любит.

— Что мы с тобой — всё не о том... — Виталий вдруг почувствовал, как накатывает усталость. Он уже знал — эта усталость предвестник глубокого сна, и теперь торопился продолжить разговор. — Лучше скажи... Как ты живёшь?

— Хорошо... — Татьяна ответила односложно, видимо, не желая вдаваться в

подробности. — А ты? Как живёшь, Виталий?

— Тоже неплохо... — он снова усмехнулся. — Приехал, понимаешь, Мишку поздравить, и — вот...

— А ему ведь даже никто не сообщил, что ты в реанимации...

— Как — не сообщил?.. — Мясников удивлённо приподнял брови. — Он уже звонил, он в курсе...

— Это я ему сказала... — Татьяна смотрела на него не отрываясь, как будто хотела прочитать по лицу сокровенные мысли. — Я узнала, что ты здесь, в первый же день. Наутро позвонила Мише, оказалось, что он ничего не знает.

— Ты...ты заходила в палату?..

— Да, ты был ещё без сознания, — Татьяна просто кивнула. — Мы приезжали в тот день с нашим священником. Его пускают в реанимацию... у меня тоже получилось пройти...

— Таня... — теперь его взгляд выражал крайнюю усталость. — Присядь...

Она с секунду колебалась, но, придвинув к его кровати стул, осторожно присела рядом.

— Мне уже пора идти... — взяв его ладонь, Татьяна вложила в неё образок и сомкнула пальцы. — Возьми...

...От прикосновения её рук по телу разлилось давно забытое тепло...

— Ты ещё придёшь? — он чуть сжал её ладонь.

— Нет.

...Виталий вдруг почувствовал, как глаза предательски наполняются горячей влагой... В последний раз он плакал на похоронах отца... От мысли, что Татьяна сейчас уйдёт, и они никогда больше не увидятся, внутри что-то сжалось... Он не ожидал этой встречи, он вообще не думал о Тане, но вот сейчас, увидев её у своей больничной кровати, неожиданно растрогался. Ни одна из его женщин никогда не была ему такой родной и близкой, как Таня... и ни с одной из них он не поступил так жестоко. Ему показалось, что он только сейчас окончательно осознал, насколько виноват перед этой когда-то дорогой ему женщиной... Женщиной, которая любила его самой искренней, жертвенной любовью.

Таня сидела рядом, он чувствовал исходящее от неё тепло. В её печальном взгляде не было ни обиды, ни осуждения. Казалось, что он полон сострадания... и любви... Виталий вдруг вспомнил взгляд Анны — чужой, полный холодной неприязни... А ведь по сравнению с Таней Анна — счастливица...

Внезапный порыв благодарности к Татьяне вылился в ощущение собственного бессилия — в очередной раз сомкнув в кисти её ладонь, Виталий с досадой скосил глаза на прикреплённые к телу датчики суточного мониторинга. Будь его воля, не лежал бы он сейчас здесь, на этой больничной кровати — слабый, обросший четырёхдневной щетиной...

Воля... Будет ли она когда-нибудь, его воля?.. Всё в его жизни подчинено каким-то обстоятельствам... Да, он многого добился. Но что стоят сейчас все его достижения, если он даже не в силах встать?.. Высокий пост, деньги, квартиры, дома, почти неограниченные возможности... Всё это осталось там, в прошлой жизни, где он был молодым и здоровым...

Даже здесь, в этой оборудованной по последнему слову медицинской техники больничной палате, все эти блага не имеют никакого значения... Зачем они, если ими нельзя воспользоваться?.. И всё, что ему сейчас необходимо — поддержка близких людей... Но где они, эти близкие люди?.. Рядом одна только Таня... Пришла, несмотря на их не сложившееся прошлое.

...Виталию вдруг до боли стало жаль себя. Он как будто увидел себя со стороны —

больного, немощного, лежащего на больничной койке уже не молодого мужчину... Встанет ли он с неё когда-нибудь?! Его прежняя болезнь, увы, прогрессирует... А после инфаркта вряд ли он сможет продолжить лечение...

— Почему ты больше не придёшь?.. — он смотрел на Татьяну повлажневшим взглядом. Сейчас она казалась ему родной и близкой — как никогда...

— А зачем? — она пожалала плечами. — Я тебя увидела... Ты меня увидел.

— Боишься?.. — он нервно сглотнул, задышал взволнованно, тяжело. — Мужа своего боишься?.. Не бойся... Он сам — трус...

— Нет, не боюсь... — услышав про мужа, Татьяна осторожно вытащила ладонь из его руки, попыталась встать, но Виталий вновь вцепился в её кисть. — Мне и правда, пора... К тебе могут зайти...

— Ну, подожди... Таня!.. — он снова попытался оторвать голову от подушки. — Ведь мы больше никогда не увидимся!..

— А нам и не нужно... — Татьяна слегка покачала головой. — И сейчас не нужно было, да так вышло...

— Я знаю, я виноват...

— Я давно тебя простила, Виталик... Давно.

— Как-то у нас всё не так получилось... — снова упав на подушку, он сжал пересохшие от волнения губы. Захотелось пить, но почему-то просить Татьяну было неловко.

— Да ты ведь не о том говоришь... — Таня едва заметно улыбнулась — улыбка получилась с горчинкой. — Ты ведь ни о чём не жалеешь... Да и я теперь не жалею, что ничего не получилось. Ну, а то, что свиделись... Так тому и быть.

...Его задел её переменявшийся тон. Ведь не просто так пришла!.. Хотела же увидеть, а теперь — упрекает. А у него нет сил — ни оправдываться, ни в ноги кидаться. Все силы остались там — за порогом квартиры Анны...

...И стоило ехать сюда, в этот город?.. На свадьбу к Мишке не попал... Подарок мог сделать и без этой дурацкой поездки. А что выездил?.. Все встречи принесли только разочарования, и — как следствие — вот эту больничную палату и ещё большую неопределённость в плане выздоровления.

...А наследника как не было, так и нет... И уже не будет. Ни-ког-да.

— Постой... — она вновь вставала со стула, когда он остановил её слабым жестом. — Хочу тебя спросить... Может, знаешь...

— О чём?.. — Таня всё же поднялась, и теперь стояла перед ним, сцепив кисти рук.

— Помнишь, у Олега была секретарша?.. Юля...

— Помню... — мелькнувшее в глазах Татьяны удивление сменилось настороженностью.

— Ты не знаешь, что с ней случилось?.. — Виталий не стал уточнять подробности, спросил в общих чертах. — Ну, мало ли... может, слышала что... Хотя, конечно, много лет прошло.

Судя по изменившемуся лицу Татьяны, она сразу догадалась о предмете его вопроса, более того, она знала ответ, но отвечать не спешила. Её молчание говорило само за себя — решение раскрывать или нет известные ей обстоятельства, было не из лёгких. Наконец, она вновь подняла глаза на Виталия.

— Если ты по поводу её беременности... То она сделала поздний аборт.

— Вот как... — он тоже не стал делать вид, что его интересует что-то другое. —

Странно... Она ведь не собиралась...

— Её заставили.

— Олег? — взгляд Мясникова потяжелел.

— Да... — Таня произнесла это слово нехотя, но твёрдо, не умаляя вины мужа. — Олег.

— Вот с-сука... — не удержавшись, Виталий наградил своего бывшего партнёра оскорбительным эпитетом. Последняя, слишком слабая, но всё же надежда, рухнула вслед за всеми остальными. Мрачно усмехнувшись, он поднял на Татьяну болезненный, потухший взгляд. — Откуда ты знаешь?

— Это неважно. Она помогла тебе добыть содержимое его сейфа. За это он её уволил, а потом подставил. У неё был выбор — тюрьма или...

— Или пойти в проститутки?

— Ты, оказывается, в курсе...

— Я в курсе только этого... — на бледном, небритом лице Виталия отразилась презрительная гримаса. — Всё-таки он — подонок... Никогда не понимал, как ты с ним живёшь.

— Сначала у меня не было выбора... — Татьяне стоило немалых трудов сохранить спокойный тон. — А потом...

— Что — потом?.. — он смотрел на неё недоверчиво, с долей иронии. — Хочешь сказать, что он изменился?

— А потом я поняла, что у каждого человека должен быть шанс на прощение и спасение.

— Спасение... — новая усмешка исказила лицо. — Это его-то спасать?!

— Я спасала в первую очередь себя. Может, тебе трудно понять, но... Прощая других, мы спасаем в первую очередь себя. Олег простил меня... Я простила его.

— Не сравнивай свой грех и его грехи... На его совести столько!..

— Дело не в количестве грехов. А в том, чего стоит нам это прощение. Один прощает легко... Другой — тяжело... Я знаю, чего стоило Олегу простить меня.

— И за это ты простила его... — Мясников мрачно хмыкнул.

— Простила... И мне от этого легко... Поверь.

— Не верю.

— Я молюсь за него все эти годы.

— Думаешь, ему это поможет?..

— Я и за тебя буду молиться...

***

После ухода Татьяны Виталий долго не мог прийти в себя. Ещё во время разговора ему казалось, что Таня хочет что-то сказать... но не решается, боится обидеть. Да, он разозлился, когда она начала говорить про Олега... С одной стороны, она была слишком откровенна, и не скрывала его подлого поступка в отношении Юли... Но с другой — она как будто намекала и на него, Виталия... только открыто ни в чём не обвиняла. А эти рассуждения о прощении... Кого ему прощать?! Дзюбу?! Он и так жив и здоров, в отличие от него, Виталия, который валяется сейчас, как овощ, на больничной койке.

Он вдруг вспомнил своё видение... Всё же что это было — сон?.. Бред?.. Или...

«За тебя попросили...» — кого имел в виду его таинственный собеседник?.. Татьяну?.. Это могла быть только она. Она сама сказала, что была в тот день здесь, в кардиоцентре. Он никому не сказал о том, что видел в тот момент, когда врачи боролись за его жизнь. Да и

стоит ли?.. Скажи он об этом Татьяне — лишняя проповедь о спасении была бы обеспечена. Что возьмёшь с женщины, ударившейся от отчаяния в веру?..

...Уже через час он разговаривал по телефону с Изабеллой.

— Талик, ну, как ты?! — судя по тону, супруга была встревожена. — Я не могла приехать, были очень важные дела... Ты же помнишь Смирнова? На него завели уголовное дело, в его офисе обыски, счета арестованы... А у нас с ним контракт. На Ростика я пока не надеюсь, всё приходится улаживать самой.

— А что ему предъявляют?.. — услышав голос жены, Виталий неожиданно обрадовался. Неприятности, связанные с этой поездкой, навалились как снежный ком... захотелось немедленно отвлечься: покинуть этот город, вернуться в свою московскую квартиру, окунуться в привычные будни... Он давно уже вплотную не занимался делами холдинга, и теперь деловые новости воспринимались как поток свежего воздуха. Он даже забыл о своём болезненном состоянии...

— Это не телефонный разговор! Приедешь, обо всём поговорим.

— Когда я ещё приеду...

— Я только что говорила с профессором Воронцовым, завтра он свяжется с твоим лечащим врачом, посмотрит твои показания, и, если даст добро, я заберу тебя в Москву. Здесь тебя быстро поставят на ноги.

— Хорошо бы...

— Кстати, я распорядилась насчёт охраны. Знаю, что не любишь, но так нужно.

— Нужно, так нужно... — возражать не было ни сил, ни желания. — Делай, что хочешь.

— Ты и так меня подвёл!

— В смысле?

— Мне пришлось встречаться с Берковичами одной!

— Ну, и как?..

— Готовимся к свадьбе!

...Михаил со Златой приехали под вечер. Виталию было почему-то неловко видеть Мишу после визита к Морозовым. Отвечая на крепкое рукопожатие сына, он невольно отвёл глаза.

— Ну, как же ты так, отец?.. — Миша так и не выпускал его ладонь из своей руки. — Знал бы, не отпустил бы тебя...

— Что, уже пожаловались?.. — решив, что Михаил имеет в виду инцидент у Морозовых, Виталий скептически усмехнулся.

— Кто пожаловался?

— Ну, этот... Александр Иванович...

— Нет... — судя по искреннему удивлению, Миша не был в курсе. — А что произошло?

— Да, в общем-то, ничего...

— Вот и Анна Сергеевна сказала, что всё нормально...

— Ты ей звонил? Или она тебе?

— Я звонил. Извини, отец, я просто переживал.

— Всё нормально, Мишка... — Виталий с облегчением вздохнул. Похоже, Анна решила не выносить сор из избы. — Посидели, поговорили... Видишь, теперь у тебя и брат есть, и племянники... А то всё один да один...

— Я уже давно не один... — улыбаясь, Миша многозначительно посмотрел на Злату. — И даже не вдвоём...

— Подарок я вам так и не подарил... — Мясников с досадой нахмурился. — Ничего... вот выйду отсюда, сразу на троих и подарю.

— Ты, главное, поправляйся... — Михаил ободряюще сжал ладонь отца. — А подарок...

— А подарок мы вам сами скоро сделаем!.. — перебив мужа, Злата улыбнулась и положила руку себе на живот. — У вас таких подарков ещё никогда не было!

Глава 33.

Рабочий день закончился ещё полчаса назад, но Анна не торопилась покидать свой кабинет. В это время лицейские коридоры были наполнены относительной тишиной, и она любила иногда просто побродить между классами, переходя с этажа на этаж, приветливо кивая редким встречным — ими могли быть либо задержавшиеся ученики, либо их преподаватели. Это был целый ритуал, после которого она могла со спокойной душой покинуть эти, ставшие за долгие годы родными, стены. Но сегодня она предпочла остаться в тишине своего кабинета. Впервые за много лет ей не хотелось идти домой, хотя там было всё по-прежнему: сын с невесткой, внуки по соседству... её уютная, убранная с любовью квартира... И только одно обстоятельство делало жизнь невыносимо тоскливой.

Саша... Он и был, и не был.

— Анна Сергеевна!.. — пожилая преподавательница химии осторожно заглянула в кабинет директора. — Вы ещё не ушли?

— Нет... — Анна жестом пригласила войти гостью. — Проходите, Мария Егоровна. Что у вас?

— Я насчёт отпуска... — сухощавая шестидесятидвухлетняя дама в строгом классическом костюме довольно проворно пересекла кабинет. — Мне нужно срочно уехать, я говорила...

— Я помню... — Анна вновь показала рукой — уже на стул. — Да вы присаживайтесь.

— Ну, вот... — химичка не менее проворно уселась напротив. — Я с Горюновой договорилась, она мои часы подменит...

— Так в чём дело? Пишите заявление, оставьте Кате.

— А я написала... — Мария Егоровна положила перед Анной заранее приготовленный лист, который до этого держала в руке. — И сразу — к вам. Сегодня четверг, завтра — пятница, еду сразу после последнего урока... Подумала, что не стоит тянуть время... пока отнесу заявление Кате, пока она вам его на подпись отдаст...

Из разговоров коллег Анна знала, что восемнадцатилетняя внучка Марии скоропалительно выходит замуж, и огорошенная этим известием бабушка собирается на торжество в соседний город.

— Ничего страшного бы не случилось... — надев очки, Анна взяла заявление и, пробежавшись по нему глазами, черкнула сверху резолюцию. — Вы же знаете, я никогда не против, если есть, кому подменить. Тем более, у вас событие.

— Ох, уж эти события... — нахмурившись, химичка махнула сухощавой рукой. — Сами знаете — замуж не напасть, как бы за мужем не пропасть.

— Не волнуйтесь раньше времени... — Анна ободряюще кивнула. — Тем более, дети уже давно никого не спрашивают... Они ставят перед фактом, и всё. Может, вашей внучке как раз повезёт с мужем.

— Знаем мы этих мужиков... — забирая заявление, химичка обиженно поджала губы. — Хороший муж — большая редкость, если только не брать в расчёт вашего супруга. Вот уж, действительно, муж от Бога!

— Всё будет хорошо! — Анна сделала вид, что пропустила последнее, явно льстивое предложение мимо ушей.

С Марией Егоровной у неё всегда были подчёркнуто-вежливые отношения. В своё время та была одной из немногих, принявших сторону тогда ещё новенькой учительницы английского языка Анны Сергеевны Морозовой в конфликте с «высокопоставленным» учеником. Чувство благодарности омрачалось тем, что химичка имела свойство слишком глубоко лезть в душу с расспросами и советами, поэтому Анна старалась держаться от неё на деликатном расстоянии. Она давно уже знала, что любопытство Егоровны не знает границ и приемлет любые способы добычи нужной и ненужной информации.

Вот и сейчас Анна подумала, что заявление — лишь повод зайти, и на самом деле Марию Егоровну интересуют совершенно другие, не относящиеся к ней самой проблемы. Не торопясь покинуть кабинет, та уставилась на Морозову пытливым взглядом.

— Анечка... — на правах старшей по возрасту химичка привычно перешла на ты. — Мне кажется, у тебя что-то случилось... Да?..

— У меня?! — удивление Анны было довольно искренним. — С чего вы взяли?

— Ты какая-то не такая в последнее время... — в выцветшем взгляде промелькнуло деланное сочувствие. — Все девочки уже заметили...

— Да с чего вы взяли-то?! — Анна нарочно коротко рассмеялась. — Ну, вы даёте!..

— Я им тоже говорю, у Ани всё хорошо... — тон гостыи стал вкрадчиво-доверительным. — Но ты же знаешь, как у нас любят посплетничать, а уж про директора!..

— Никогда не думала, что про меня ходят сплетни.

— Да конечно нет! — сухая ладошка отчаянно замахала перед носом Анны. — Ну, какие про тебя сплетни!.. Одни только предположения! Так вот это и интригует, понимаешь?!

— Странно... — Анна устало вздохнула и поднялась из-за стола, давая понять, что собирается уходить.

— Но я-то вижу... — гостыя так и сверлила её своим пытливым взглядом. — Аня, я же тебя столько лет знаю! Я же вижу — что-то не то... Осунулась, ходишь грустная... Аня, может, у Димы что-то произошло?.. Ты, если что, поделись!

— У Димы всё в порядке.

— Всё ведь бывает... — как будто не услышав положительного ответа, химичка продолжала строить версии. — Мальчик молодой, красивый, там более — артист... Поклонницы, наверное, одолевают... Внучка в прошлом году была на их концерте, так впечатлилась!..

— Он у меня однолюб, — усмехнувшись неужемному любопытству коллеги, Анна прошла в угол кабинета, к одежному шкафу. Открыв дверцу, ловко сняла с плечиков шубку.

— Ой, да!.. — Мария согласно закивала. — Это — да! Он у вас молодец, весь в тебя и в Сашу!

— Наташа тоже однолюбка... — догадываясь, к чему сейчас будет клонить гостыя, Анна опередила её вопрос. Тем более, они практически не расстаются.

— Ну, и слава Богу... слава Богу... — Мария не преставала частить словами, не сводя с неё светлых глаз. — А Саша как? Что-то давно я его не видела, раньше-то часто за тобой заезжал...

— И у Саши всё хорошо. И со здоровьем нормально. И у меня всё в порядке. Так и передайте девочкам... — надев шубку, Анна Сергеевна повернулась к большому,

встроенному в дверцу шкафа зеркалу, взглянула на своё отражение. — А осунулась... Наверное, возраст сказывается. Как-никак скоро юбилей.

— Ой, да разве это возраст, Аня? Уж тебе-то пока рано задумываться... — изнывающая от любопытства химичка старалась использовать последние минуты пребывания в директорском кабинете с максимальной пользой. — А справлять всё же на моря поедешь? Не передумала?..

— Не передумала, — застёгивая крючки, Анна снова выдавила из себя улыбку. — Поеду.

...Выйдя на улицу, Анна медленно прошла на стоянку, открыла автомобиль, уселась, повернула ключ зажигания... Рука привычно потянулась к телефону. Уже нажимая на клавишу вызова, вспомнила странный визит химички.

...Вот уже и коллеги заметили её состояние... Наверное, перемыли все косточки у себя в учительской, разгадывая загадку — от чего их всегда такая строгая и уверенная в себе директриса вдруг изменилась — её поникшее настроение как будто отпечаталось на всё ещё красивом лице, а непонятная никому печаль так и застыла в синих глазах... Анна и сама видела в зеркале своё новое отражение, поэтому понимала — пересуды коллег вполне оправданны.

— Саша, это я... — дождавшись ответа, Анна произнесла заученную фразу. Несмотря на то, что муж всегда знал, что звонит она, Анна никогда не начинала разговор с вопросов или поручений. «Саша, это я» — звучало как неизменное приветствие. — Ты ещё не дома? Когда будешь?.. Ну, хорошо, до встречи...

Отключившись, она ещё какое-то время прогревала двигатель, затем плавно нажала на газ.

С того дня, когда Виталий Мясников так бесцеремонно вторгся в их с Сашей счастливый мирок, прошло около двух недель. Мирок никуда не делся, он продолжал существовать, но счастливым она бы его уже не назвала.

...Анна то и дело вспоминала и тот злополучный вечер, и беспросветную ночь, и следующий беспросветный день...

Саша вернулся под вечер воскресенья. Она уже знала, что эти два дня он провёл на даче — Дима звонил отцу и даже ездил, но Александр успокоил сына, что с ним всё в порядке и, не вдаваясь в подробности, сослался на желание побыть одному среди природы. Назвать природой заметённые снегом двор и пруд было трудно, но в самом доме царили тепло и уют, поэтому Димка был вынужден поверить отцу на слово. Анна не знала, о чём разговаривали отец и сын, но судя по растерянному виду Дмитрия, Саша ничего ему не объяснил. Наталья тоже не стала посвящать мужа в откровения свекрови, предоставив это право самой Анне Сергеевне, поэтому, недолго поколебавшись, та решительно пересказала сыну всё, что до этого поведала невестке. Оставляя Диму в неведении Анна посчитала непорядочным со своей стороны. Сын — взрослый, сам отец семейства, и обманывать его как ребёнка уже не было никакого смысла, тем более, что странности визита Мясникова вызывали у Дмитрия массу вопросов. Но, самое главное, она вовсе не хотела, чтобы по её милости Наташа хранила от мужа постыдную тайну его матери. Сейчас Анна не могла допустить мысли, чтобы стать причиной даже малейшего обмана между детьми. Зачем им этот лишний груз? Знает Наташа — пусть знает и Дима...

Виновата — она, и теперь родным решать, насколько велика её вина... Она устала носить в себе эту тяжкую ношу. Несмотря на давность измены, Анна чувствовала себя

ужасно виноватой... и не столько в самой измене, сколько в состоянии дискомфорта, в котором пребывала сейчас её семья. Даже внуки чувствовали настроение взрослых и казались неестественно притихшими. Иногда она начинала себя корить за то, что не удержалась и посвятила в свою тайну невестку, а потом и сына. Однако, вновь прокручивая ситуацию, понимала, что поступить по-другому просто не могла.

Сама Анна мужу в те дни не звонила. Спрашивать, где он и когда вернётся — не было смысла. Говорить с ним как ни в чём не бывало — не хватило бы совести. Она понимала, что все её оправдания будут сейчас звучать фальшиво... А признания — неуместно. Промучившись два дня, она с тревогой в сердце слушала, как поворачивается в замке ключ...

...Анна ожидала чего угодно, даже того, что Саша окажется пьян... Но он был абсолютно трезв и нарочито-спокоен.

За эти два дня, что она провела в одиночестве, Анна многое передумала. Она предвидела, что Александр не будет скандалить и выяснять отношения... Но именно эта недоговорённость угнетала сейчас больше всего. К тому моменту, когда Саша вернулся домой, она уже была морально готова открыть ему всё, что хранила в себе эти годы. Всё равно — самое страшное уже случилось...

«Саш, ну, давай поговорим!..» — встретив мужа в прихожей, Анна была настроена решительно.

«Да не нужно, Аня... — супруг выглядел уставшим и, раздевшись, сразу направился в спальню. — Завтра встать рано...»

От его спокойного тона хотелось завывать, забиться в истерике... Догнав супруга у самых дверей, Анна схватила его за локоть, попыталась повернуть к себе.

«Саша!..»

«Аня, успокойся. Ничего ведь не случилось...»

Судя по его усталому виду и покрасневшим глазам, эти два дня дались Александру тоже нелегко. Анна могла лишь предполагать, что передумал супруг за это время... Однако, он вернулся домой, и выяснять отношения вовсе не собирался. Это и радовало, и настораживало одновременно. За все тридцать лет они ни разу не поссорились — так, чтобы серьёзно, со скандалом... Анна даже не могла представить себе Сашу в гневе. Она понятия не имела, как может повести себя её супруг в такой экстранеординарной ситуации, могла только предполагать. Её предположения оказались верными: Саша не скандалил, он не задел её ни единым словом. Он как будто вернулся с работы или с прогулки — как обычно...

Немного успокоившись, Анна покорно легла спать. Муж тоже привычно разделся и устроился в постели... В последнее время они предпочитали спать на одной подушке, но сейчас супруг улёгся на своей половине кровати и отвернулся в сторону. Лёжа в темноте, Анна прислушивалась к его дыханию, пытаясь определить — спит он или нет. Ей очень хотелось придвинуться к нему, обнять, прижаться к родному телу... разреветься по-бабьи на его плече... Но что-то останавливало её от этого порыва. Что именно — она поняла уже потом, на следующий день, взглянув мужу в глаза...

...Он смотрел на неё незнакомым взглядом. В нём снова не было ни обиды, ни оскорблённого мужского достоинства...

...Разочарования тоже не было, как не было привычного тепла. Вместо них теперь зияла пустота — так увидела Анна.

Это был совершенно другой Саша.

Она больше не заводила никаких разговоров — знала заранее, что супруг их не

поддержит.

«Ничего не случилось» — позиция, которую решил занять Александр, была на первый взгляд прочной и непоколебимой. Он, действительно, вёл себя как обычно — утром уезжал на работу, вечером возвращался домой... Только теперь их с Анной вечера проходили если не в обоюдном молчании, то в вынужденных репликах, и лишь приход внуков оживлял обстановку. С детьми Саша вёл себя по-прежнему — заботливо и ласково, то же самое касалось сына и невестки... Только вот шутил Александр Иванович теперь меньше, и смеялся реже.

Анна исподтишка наблюдала за мужем. Его отношение к ней нельзя было назвать холодным. Они перебрасывались словами, здоровались по утрам, желали друг другу спокойной ночи. Но возникшая между ними стена становилась всё выше и прочнее..

Анна, действительно, изменилась за эти две недели — она выглядела совершенно потерянной, и натянутая на лицо улыбка стоила ей невероятных усилий. Видимое семейное благополучие теперь было только видимым, и это давило на мозг, угнетало. До её пятидесятилетнего юбилея оставалось чуть меньше двух недель, но Анна Сергеевна совершенно не думала об этом событии. Ещё в конце прошлого года они с Сашей решили, что отметят эту её дату вдаль от всех... Так придумал Саша, и Анна с благодарностью приняла его предложение. Пятьдесят лет — не такой уж весёлый праздник для женщины, тем более — для такой женщины, как она. Анна Сергеевна Морозова, которую и сейчас многих тянуло назвать Анечкой, и пять десятков лет — вещи абсолютно несовместимые. Анна не раз представляла себе этот «праздник» — шумное застолье, речёвки коллег и учеников с преобладанием слова «пятьдесят», сложенные в это число воздушные шары и яркие плакаты... И на каждом из них — «пятьдесят»... «пятьдесят»... Ничего ужаснее придумать было нельзя, поэтому идею Саши уехать в этот период куда-нибудь на заграничный курорт, Анна приняла с благодарностью...

...Пальмовый берег... столик на двоих... вечерний бриз... музыка... И они с Сашей — только вдвоём.

Сейчас она совершенно не представляла, как будет выглядеть эта их поездка. Путёвки и билеты были выкуплены давно... Вылет намечался девятого марта — сразу после праздника. Её день рождения — двенадцатого...

«Нужна ли эта поездка — вообще?..»

Эта мысль вертелась в мозгу уже не первый день. Надеяться на то, что супруг отгадет под жарким южным солнцем?.. Это вряд ли. Несмотря на мягкость характера и отходчивость, Саша был не из тех, кто легко меняет свои приоритеты и убеждения. Много лет Анна была для него идеалом, лишённым недостатков. Но одного лишь намёка на её неверность хватило с лихвой: пьедестал под ней предательски рухнул. Собрать его по кусочкам вряд ли удастся... Тем более, что все её попытки поговорить Сашей пресекались в корне...

Стоит ли теперь куда-то ехать?.. Праздника вдвоём всё равно не получится...

...Поставив автомобиль на стоянку, Анна привычно забежала в продовольственный магазин, расположенный на первом этаже соседнего здания, купила хлеба к ужину, затем вернулась к своему дому.

Саша ещё не приехал с работы. В последние дни он стал возвращаться намного позже, и единственное, что успокаивало Анну в этой ситуации, был его абсолютно трезвый вид. Александр не страдал алкоголизмом, но частенько мог выпить лишнюю рюмочку за праздничным столом, и Анна очень беспокоилась, что сейчас он начнёт прикладываться к

бутылке. Она даже спрятала весь имеющийся в доме коньяк — за исключением того, что принёс с собой Виталий Мясников. Эти две бутылки дорогущего выдержанного напитка Анна с нескрываемым омерзением безжалостно выбросила в мусоропровод. Та же участь постигла и закуску.

Однако опасения Анны оказались напрасными — все эти две недели Саша был трезв как стёклышко и серьёзен.

...Приготовив ужин, Анна сходила в квартиру сына — Дмитрий и Наталья были в своей студии, и с детьми в этот час сидела няня. Отпустив её домой, Анна забрала Валерку и Анюту к себе — коротать вечер одной в ожидании супруга было тоскливо... Правда, его возвращение веселья, увы, тоже не сулило.

— Аня, меня сегодня не жди... — Александр позвонил неожиданно, уже совсем поздно. — И завтра тоже. Я пока на даче поживу...

Растерянно положив телефон на стол, Анна почувствовала, как глаза наполняются слезами. Такая обстановка казалась ей невыносимой. Если бы Саша ушёл сразу, она могла бы понять его порыв. Но ведь он вернулся! Он две недели жил дома, и ни словом не напомнил ей о той злосчастной пятнице... Он не захотел выслушать её признания, он отстранился буквально от всех разборок, он даже не стал выяснять подробности. Так почему именно сегодня он снова отправился на дачу, да ещё предупредил, что останется там не на один день?

Анна впервые в жизни пожалела, что их дача оборудована отопительной системой и прочими благами цивилизации. Будь там уличная температура, Саша приехал бы домой!..

...Как будто о чём-то догадываясь, она торопливо прошла в спальню и резким движением раскрыла широкую дверцу шкафа-купе: сердце вот уже в который раз окатила холодная волна... Несколько плечиков, на которых всегда висела Сашина одежда, сейчас оказались пустыми. Их было немного — супруг взял лишь пару рубашек и один из костюмов... Но этого было достаточно для того, чтобы увериться: его решение пожить на даче не имело спонтанного характера, а было принято в результате долгих размышлений... На полку, где лежало бельё, она даже не стала заглядывать... И так всё было ясно.

Едва дождавшись Дмитрия и Наталью, Анна накормила их ужином и никак не хотела отпускать, уговаривая заночевать в её квартире. На вопрос Димы, где отец, ответила не скрывая — на даче... Она теперь ничего не скрывала и была очень благодарна и сыну, и невестке — те отнеслись к разладу родителей очень деликатно, не принимая ничью сторону, но от души поддерживали Анну.

«Мама, — Анна вспомнила, как после её откровенного рассказа Дима присел рядом и обнял её за плечи. — Я не знаю, что думает отец, но я хочу, чтобы ты знала: мы в любом случае с вами обоими... Вы — наши любимые родители, и не нам вас судить...»

...Сидя в окружении детей и внуков Анна вдруг с тоской подумала о муже — как он там?.. Они здесь все вместе... Пусть им не весело, но — вместе... А Саша один на этой даче...

«Интересно, чем он ужинал?»

Узнав о её решении немедленно ехать за отцом, Дмитрий выразил готовность взять поездку и разговор на себя.

— Я поеду сам. — он немедленно встал из-за стола, готовый направиться в прихожую.

— Я с тобой! — Наташа тут же последовала примеру мужа. — Вдвоём мы его быстро уговорим вернуться.

— Нет... — Анна медленно покачала головой. — Поеду я... А вы ложитесь спать.

Уговаривать её было бесполезно — она не взяла с собой ни Диму, ни Наташу.

— Бабушка... — сонный Валерка неожиданно вышел в прихожую, когда Анна уже одевалась. — Скажи дедушке, что я его жду... Я очень по нему соскучился...

— Ах ты, мой зайчик... — стараясь подавить рвущиеся из груди рыдания, Анна прижала к себе внука. — Ну, конечно, скажу!

— Он приедет?

— Приедет...

***

Предупредить Александра о своём приезде Анна не стала. Ночная дорога была мало загруженной, и она доехала до своего дачного посёлка довольно быстро. Оставив автомобиль за воротами, ключом открыла металлическую калитку и торопливо прошла к крыльцу. Свет горел на втором этаже в одной из двух спален, и, войдя в дом, Анна тут же ступила на лестницу.

...Александр лежал на кровати, подложив под голову сложенные в локтях руки. Он казался спящим, и Анна подумала, что зря не позвонила заранее — её присутствие могло напугать мужа, когда он проснётся.

Бросив взгляд на стол, она неожиданно похолодела: разложенные веером фотографии навели на мысль, что это снимки её и Лапина, сделанные неизвестным фотографом в пору их романа... Она даже подумала, что кто-то подсунул их Саше, и он именно поэтому не хочет возвращаться домой...

«Всё в одну кучу...»

Подойдя ближе, она взяла одну из фотографий и повернула к себе лицевой стороной... Вздох облегчения получился слишком громким: это была их с Сашей свадебная фотография. Остальные фото тоже были свадебными — на них были изображены и она, и Саша, и гости...

...Выходит, Саша забрал из дома их свадебный альбом?.. Но зачем?

— Аня?! — видимо, услышав шорох, Александр тревожно открыл глаза и тут же сел в постели. — Как ты здесь оказалась?!

— Приехала... — положив фото на стол, Анна стянула с головы меховую шапочку, взялась за крючки на шубке. — Нам нужно поговорить.

— Ничего не нужно, Аня.

— Почему?

— Я не могу тебе объяснить.

— Почему?! — от его непривычно-отстранённого тона глаза вновь наполнились слезами. — Саша, ты даже не хочешь меня выслушать!..

— Анют, ну зачем? — его глаза смотрели серьёзно и печально. И это тоже было так непривычно... — Это тяжело, и в первую очередь — для тебя.

— Саша, при чём тут это?.. Согласись — ситуация абсурдная. Ведь мы так и не поговорили... Ты просто сделал выводы, но ни о чём не спросил! Да, я виновата перед тобой... — Анна почувствовала, как лицо заливается краской. — Виновата!.. Но ведь ты меня даже не выслушал!.. Ты ничего не знаешь!..

— Знаю... — он произнёс это слово как-то просто, без надрыва, лишь едва пожав плечом.

— Что ты знаешь?.. — несмотря на то, что она только что была готова рассказать ему

всю правду, это признание заставило Анну мгновенно побледнеть — от покрасневшего лица не осталось и следа. — Откуда?..

— Знаю... — Саша неторопливо поднялся и прошёл к столу. Взял в руки одну из фотографий. — Пусть не всё... но самое основное...

— Зачем ты забрал эти фотографии? — Анна невольно проследила за его взглядом — на снимке была она одна, в свадебном платье и фате, на фоне комнаты в общежитии. — Саш?..

...Она много раз видела эти фотографии, без излишней скромности отмечая, что на них она особенно красива — тоненькая, нежная, в белоснежной фате... Но, видимо, было на этих снимках что-то ещё — скрытое от её собственных глаз. Что-то, что заметил Саша — не зря он забрал с собой этот альбом и с таким вниманием вглядывался сейчас в лицо своей тогда ещё юной жены.

— Знаешь... я ведь всегда думал, что ты просто боялась... Меня, может, боялась... — присев за стол, супруг продолжал говорить как будто сам с собой, одновременно перебирая разложенные снимки. — Вот и здесь — ты такая испуганная... Ты везде — испуганная. Мне даже родители потом сказали... Думали, что я тебя обидел. Что ты за меня не по доброй воле идёшь...

— Ты никогда об этом не говорил... — уже с первых слов Анна начала догадываться, что он имеет в виду.

— Да нет... Александр мотнул головой. — Это они так, между делом... Мать говорила, что когда ты их встретила, на тебе лица не было. И вообще — была как будто не в себе... А я их успокоил. Сказал, что ты просто отношений боялась... Ты же всегда была такая строгая, недоступная. Да я и сам так думал... Полтора года только и мечтал, как всё будет... — Саша взял в руки ещё одну фотографию, внимательно вгляделся. — Вот и здесь... Перепуганная — жуть!.. Я ведь все годы так и думал, что ты первой брачной ночи боялась... Помнишь?.. — он едва заметно усмехнулся. — Чуть в обморок не упала, когда мы в гостиницу пришли...

— Перестань, Саша... — от его слов Анна вдруг разозлилась. — Ты ведь тогда уже всё понял! Зачем сейчас дурака валять?!

— Ты знаешь, не понял... — Александр задумчиво покачал головой. — Честно... Я же готовился, только тебе ничего не говорил. Мне Лёнька книжку прислал о сексуальных отношениях... Смешно сказать, а ведь правда. У меня же опыта — никакого... почти. Я и штудировал от корки до корки. Так вот, там чёрным по белому было написано, что этот самый «первый раз» у женщин может проходить по всякому... в том числе и безо всяких признаков. Я и думал, что это — твой случай. Все эти годы думал, ну не могла же ты так играть недотрогу! А когда увидел тебя с этим Виталием на улице, понял, что не просто так он к нам приехал... Вначале подумал — ко мне. А потом... Потом он сам раскрылся. К Димке интерес проявил, к Валерке... Да и по тебе всё было видно. Ну, а когда догадался, что ты ему Анютину родинку показывала, тут до меня окончательно и дошло... И твой испуг, и всё остальное... Ты же ведь не первой брачной ночи боялась... Ты боялась, что я всё пойму.

Александр говорил неторопливо монотонно, как будто рассказывал историю. Слушая его, Анна ловила себя на мысли, что ей ужасно хочется вскочить, схватить его за плечи, потряхнуть хорошенько, чтобы вывести из этого состояния, заставить посмотреть на неё!..

— Саша!.. — подавляя в себе этот порыв, она схватила мужа за руку. — Саша!.. Ну, перестань!.. Всё было слишком давно!..

— Но ведь было же... — он снова вглядывался в фотографию Анюты. — Скажи... Этс

же случилось перед свадьбой?.. У тебя — с ним... Я тогда уезжал... Кажется, на десять дней.

— Ну, зачем, Саша?! — несмотря на то, что сюда она ехала с целью расставить все точки, ответить на вопрос мужа Анна не смогла — язык не поворачивался. Она только крепче сжала его кисть. — Зачем сейчас всё ворошить, тем более — здесь?! Поедем домой, там и поговорим! Валера тебя ждёт!.. Просил, чтобы ты приехал... Саша!..

— Я так и понял... — медленно кивнув, он снял её ладонь со своей руки и положил в сторону. — Аня... Я не могу тебе врать.

— И не ври!.. — Анна чуть повысила голос. — Говори, всё, что думаешь!.. Я виновата, я всё приму...

— Ты не поняла... — Саша, напротив, заговорил тише. — Враньё — это не слова. Это поступки. Пока я дома — я вру... и тебе, и себе. Всё через силу... Не могу я так, Аня. Не привык... Лучше побуду один.

— И сколько ты собираешься быть один?..

— Я не знаю. Я думал, что быстро справлюсь... Ну, что я — не мужик?.. — Александр усмехнулся. — А вот — не смог.

— Саш, ну, прости меня!.. — неожиданно опустившись на корточки, Анна вновь схватила мужа за руки и умоляюще заглянула в глаза. — Пожалуйста, прости!.. Саша!..

— Аня, ну, что ты... — тут же встав, он помог подняться жене. — Я ведь не цену себе набиваю. И зла у меня на тебя нет... Правда. Просто теперь всё как-то по-другому....

— Ты от меня уходишь?.. — чувствуя, как внутри что-то предательски обрывается, Анна судорожно сглотнула.

Его молчание показалось ей вечностью. Наконец, подняв глаза на жену, Александр медленно покачал головой. В первый момент она приняла этот жест за отрицание, но он тут же развеял надежду.

— Не знаю...

Глава 34.

— Миш, ну, ты где?! — накрыв в кухне стол для завтрака, Злата в поисках супруга заглянула в спальню. — Остывает же!

— Иду, иду... — наклонившийся над детской кроваткой Михаил нехотя оторвался взглядом от крошечной Алёнки и с виноватой улыбкой посмотрел на жену. — Я только пустьшку поправил...

— Чего её поправлять? — Злата нарочито приняла ворчливый тон, но, увидев трогательную картину общения папы со спящей дочкой, не удержалась от ответной улыбки. — Она же спит. Пойдём, а то разбудишь...

— Да не разбужу... — ещё раз дотронувшись кончиками пальцев до детской головки, Миша распрямился и двинулся к двери. — Я тихонечко...

Уже у дверей он ещё раз невольно обернулся на спящую дочь, но, взяв за локоть, Злата довольно чувствительно подтолкнула его в сторону кухни.

С тех пор, как она вернулась из роддома, прошло уже около месяца, а Миша всё никак не мог налюбоваться на маленькую Алёнку. Теперь вечерами, переступив порог дома и торопливо приласкав БERTУ, он тут же бежал в спальню, чтобы посмотреть на свою долгожданную девочку. Весь вечер он то и дело заглядывал в кроватку, улыбаясь и говоря ласковые слова, даже когда Алёнка безмятежно спала, так что Злате иногда приходилось силой оттаскивать его прочь — она боялась, что ребёнок проснётся от неумной отцовской любви и ласки. Мишка был готов день и ночь носить девочку на руках, и, если бы не работа,

так бы оно и было.

Злата не раз с замиранием сердца наблюдала, как Миша, подхватив крошечную дочку под животик, держит её на вытянутой пятерне, другой рукой обмывая розовое нежное тельце тёплой водой. Она ужасно боялась, что девочка может соскользнуть с отцовской ладони, но, вопреки опасениям, Миша очень ловко управлялся с дочкой, которая терпеливо переносила все гигиенические процедуры и только негромко покряхтывала.

Михаил без присущей многим отцам брезгливости менял подгузники, а ночью, только услышав Алёнкин плач, подхватывался раньше Златы, и, пока молодая мама устраивалась на постели, уже протягивал ей для кормления тёплый шевелящийся свёрток. Впрочем, Алёнка оказалась относительно спокойным ребёнком и плакала только в самых крайних случаях — если уставшие родители вдруг просыпали час кормления. В остальное время она либо спала, либо взирала на мир умными глазками, причмокивая пустышкой.

Когда в три недели девочка начала улыбаться, Миша был на седьмом небе от счастья — ему казалось невероятным, что вот этот крохотный, родной комочек радуется именно ему. Напрасно Злата говорила, что в этом возрасте дети улыбаются бессознательно и всем подряд. Молодой отец был уверен, что его Алёнка способна узнавать его из всех окружающих.

Находясь на службе, Миша каждую свободную минутку звонил домой, чтобы справиться — как там его девчонки. Судя по тону, каким он произносил слова «мои девчонки», это доставляло ему невероятное удовольствие. Злата ругалась — для видимости, говоря, что своими звонками он разбудит Алёнку, но в душе была искренне счастлива.

...Дочка получилась похожей на обоих родителей, но все, кто мог лицезреть это маленькое «чудо», сходились во мнении, что Мишиных черт всё же больше, тем самым давая повод для справедливой гордости молодому отцу. Он быстро научился пеленать, переодевать ребёнка, и единственное, что огорчало его совершенно искренне, была катастрофическая нехватка времени — его, как всегда, полностью забирала работа. На предложение занять должность следователя в следственном комитете Миша неизменно отвечал неопределённым — «подумаю».

...Он до сих пор помнил ни с чем не сравнимое чувство, нахлынувшее на него в торжественном зале родильного дома, когда под нежную мелодию он впервые взял в руки маленький розовый конверт... Вглядываясь в крошечные детские черты, он буквально ощущал, как с плеч сваливается что-то тяжёлое... что-то, что он носил на себе долгие годы, а, может, и всю свою жизнь, к чему привык как к неизбежному, и чего не замечал до этих пор... Но вот оно — маленькое родное тельце, тепло которого чувствовалось через тонкое одеяльце... прикосновение к которому срабатывало как разблокировка — Михаил ощущал невероятное облегчение и незнакомую доселе нежность, наполняющую его существо взамен упавшим оковам...

Алёнка оказалась маленьким магнитиком, притягивающим и другие радостные события — за помощь в раскрытии тяжкого преступления Миша получил благодарность и премию, а Злата — целую кучу подарков от сослуживцев и даже начальства. Посмотреть на внучатую племянницу приезжали даже Олег Дзюба с женой Татьяной, а бабушка Вероника Григорьевна была готова каждый день навещать свою первую правнучку, если бы это позволяло здоровье.

Впервые увидев внуку, мать Миши — Александра — расплакалась и, немного посидев за накрытым по случаю выписки Златы и Алёнки из роддома столом, ушла в спальню, где и

пробыла весь остаток вечера у детской кровати... Она не пила уже около месяца и сейчас была абсолютно трезвой. Все последующие дни и недели она часто приезжала в гости к сыну и невестке, и даже демонстративно давала различные советы по поводу ухода за новорождённой. Глядя на её неловкие попытки выглядеть многоопытной бабушкой, Вероника Григорьевна только вздыхала, но вслух не говорила ничего. Давно оставившая надежды на трезвый образ жизни дочери, она не знала, радоваться такому преобращению Александры или не стоит принимать всерьёз её «примерное» поведение. Однако, вопреки сомнениям, Аля действительно была довольна ролью бабушки, тем более, что Злата не ограничивала её общение с внучкой и разрешала гулять возле дома с коляской. Перед выходом Александра тщательно пыталась загримировать одуловатое, с годами потемневшее от алкоголя лицо, но получалось это плохо — не помогали ни пудра, ни румяна, ни яркая помада. Несмотря на это, она гордо вышагивала по двору и чуть свысока здоровалась с соседями, демонстративно поправляя то чепчик, то покрывальце внучки. Иногда она привозила с собой и своего сожителя Вадима — тот не отставал от родной бабушки и покорно семенил рядом, одетый по такому «торжественному» случаю в парадный, двадцатилетней давности костюм. Мало кто узнал бы сейчас в этом постаревшем, спившемся человеке бывшего научного работника, талантливого учёного, так и не закончившего самый главный в своей жизни труд, и променявшего в своё время на водку и славу, и почёт.

Совсем недавно Вадим в очередной раз выписался из наркологической клиники, куда его уже привычно устроил Михаил, так как родные дети давно отказались от алкоголика-отца и махнули на него рукой. В этот раз очередной запой чуть не закончился трагически — Вадика едва откачали, и не без Мишкиных усилий. Полтора месяца на больничной койке и пугающее слово «цирроз», кажется, подействовали на больного, во всяком случае, вернувшись из больницы, Вадик дал устный зарок: «больше — ни-ни».

Миша не уставал спасать «отчима» и от «белочки», и от алкогольной интоксикации не только по душевной доброте. Вадим был первым и единственным мужчиной, который любил его мать искренне и всей душой. Это не была любовь собутыльника. Чувства были настоящими, несмотря на алкогольную зависимость обоих «влюблённых». В минуты трезвости Вадик трогательно ухаживал за своей «Алечкой», выслушивал все её жалобы, от души поддерживал во всех разговорах. Александра нуждалась в этом мужчине, несмотря на большую разницу в годах — Вадика было уже за шестьдесят, и он был на пенсии. Сама же Аля тоже нигде не работала, и жила на деньги, которые давал ей сын. Теперь же, заручившись её очередными обещаниями, Вероника Григорьевна решила сдавать свою пустующую квартиру, а оплату от жильцов отдавать дочери, чтобы снять с Миши ставшее непосильным бремя. Оставалось только надеяться, что новоиспечённые бабушка и дед окончательно завяжут со своим алкогольным прошлым и окунутся в новую радостную для любого нормального человека жизнь.

...Не остались в стороне и Морозовы — Наташа и Дима несколько раз звонили по телефону, чтобы поздравить молодых родителей. Приехать в гости всё не получалось — время артистов было ограничено, а вскоре они уехали на гастроли, пообещав, что как только вернуться, сразу же нанесут Мише и Злате «братский» визит. Звонила даже Анна Сергеевна, а примерно через пару недель после рождения Алёнки в гости приезжал Александр. Затащив в квартиру коробки с подарками, он долго разглядывал младшую внучку.

«А вы её на руки возьмите...» — наблюдая со стороны сцену знакомства дедушки и

внучки, Злата решила подбодрить Александра Ивановича.

«А можно?..» — бросив радостный взгляд на молодую маму, то сразу же потянулся к ребёнку.

«Ого!.. — глядя, как бабушка ловко вынимает Алёнку из кроватки, Злата удивлённо округлила глаза. — Вы так смело управляетесь!.. Мой папа так и не решился взять её на руки, сказал, подождёт, пока подрастёт!»

«Так я же привычный... — Александр рассмеялся. — И Димку нянчил, и Валеру пришлось... Наташа сразу после роддома снова в больницу попала, так мы с Аней его три недели выхаживали, пока Димка на репетиции бегал. Больше, конечно, Аня... Но и мне доставалось по ночам! А уж про Анютку и говорить нечего, как вчера всё было!»

Александр был искренне рад внучке — это было написано на его лице. Тем более, что девочка явно носила и его черты... Но от внимательной Златы не укрылась непонятная подавленность, сквозившая во взгляде Морозова. Она даже поделилась с Мишей своими наблюдениями, но тот сказал, что ничего не заметил. На вопрос о делах и семье Александр ответил, что всё в порядке, и, погрузившись в новые для них обязанности родителей, Злата и Михаил забыли об этом разговоре. Александр больше не приходил, и никаких вестей о Морозовых за эти дни не поступало.

— Александр Иваныч тебе не звонил? — убрав тарелки со стола, Злата потянулась к навесной сушилке за чайными чашками.

— Не звонил, — подперев рукой щеку, Миша с улыбкой наблюдал за плавными движениями жены — после родов Злата преобразилась, стала ещё женственнее.

— А ты ему?

— И я тоже. А что?

— Да что-то подумала про него. Какой-то он странный всё же был в прошлый раз. Не такой, как всегда. Ты не заметил?

— Да вроде нет... — Миша пожал плечами. — Мало ли, может, голова у человека болела.

— Не похоже... — усевшись напротив, Злата с сомнением покачала головой. — Мне показалось, что у него что-то случилось.

— Не знаю... Я с Димой недавно виделся, перед их отъездом, он ничего не говорил.

— Странно... И к нам больше не приезжает.

— Наверное, некогда.

— А как ты думаешь... — судя по выражению лица, Злату интересовала тема разговора. — Почему он так упорно не хочет повидаться с твоей мамой? Всё же общая внучка... Может, он именно поэтому не приходит, боится встречи?

— Ты хочешь узнать моё мнение?

— Хочу.

— Если честно, я не вижу их встречи... Они абсолютно разные люди, из разных миров. Ну, о чём он будет разговаривать с матерью?

— Ну, не знаю...

— Вот и я не знаю... — Миша усмехнулся. — И он, скорее всего, не знает. Они знакомы-то были считанные часы.

— Может, ты и прав... — Злата на секунду замерла, прислушиваясь, не плачет ли дочка, затем, убедившись, что в спальне царит тишина, снова взглянула на мужа. — Но ведь рано или поздно они всё равно встретятся.

— Может, и встретятся... Мать тоже о нём не спрашивает. И это — добрый знак... — Михаил невольно рассмеялся. — Ты же знаешь её характер.

— А отцу ты давно звонил? — имея в виду Виталия Мясникова, Злата подняла на мужа пытливый взгляд. — Как он?

— Вчера разговаривали, я забыл тебе рассказать. Говорит, что нормально. Надеюсь, что не обманывает. Просил ещё прислать Алёнкиных фотографий. Пошлешь сама ему на электронку?

— Угу... — вздрогнув от неожиданного дверного звонка, Злата встревоженно нахмурилась. — Интересно, кто это с самого утра?..

— Сейчас узнаем...

Поднявшись из-за стола, Михаил прошёл в прихожую. Посмотрев в глазок, тут же повернул ручку замка и чуть посторонился.

— Представляешь, ночью дождь был, а они улицы поливают! — шагнув в квартиру сына, Александра начала речь с претензий городским службам. — И так мокро, а теперь ещё и грязища по самое не хочу! Понабирают придурков на работу!..

— Здравствуй, мам... — закрыв за матерью дверь, Михаил привычно взял у неё из рук сумочку и повесил на крючок вешалки. — Проходи. А где Вадик?

— У Вадика давление подскочило, я дала ему таблетку, велела лежать... — по-деловому поджав ярко-красные от помады губы, Александра шагнула сразу в ванную, но, увидев в проёме невестку, остановилась, чтобы поздороваться. — Здравствуй, Злата! Вы уже гуляли?

— Здравсьте, Александра Семёновна... — увидев свекровь, Злата кивнула той как-то обречённо. — Нет ещё, воскресенье же, мы спали...

— Вы спали, а дитё без свежего воздуха!.. — сполоснув под краном руки, Александра решительно прошла в спальню и склонилась над кроватью. — А нам свежий воздух нузен, да?.. Да?..

Глядя на то, как свекровь пытается придать умильное выражение своему, давно утратившему приятные черты лицу, Злата испытывала довольно противоречивые чувства. Она давно привыкла к облику Мишиной матери, и видела её во всяком состоянии, но в душе не могла не признаться себе, что, будь это не мать мужа, а другая женщина, она и близко не подпустила бы её к своему ребёнку. Чего стоил один хрипловатый, пропитый голос Александры Семёновны, которым она пыталась сюсюкать с внучкой. И даже модный брючный костюм и аккуратная причёска вкуче с недорогой бижутерией, не могли украсить образ хронической алкоголички.

Однако, понимая, что это — мать её любимого мужа, Злата скрепя сердце терпела эту женщину, и даже однажды защитила её перед своей сестрой. Если на свадьбу Михаила и Златы Даша не пришла — уезжала в другой город по «неотложным делам», то не навестить новорождённую племянницу уже никак не смогла. Увидев в один из визитов, как Александра Семёновна пытается играть роль любящей бабушки, Даша отозвала сестру в сторонку.

«Злат, ты что делаешь?! — Даша состроила возмущённое лицо. — Зачем ты позволяешь ей брать на руки Алёнку?!»

«Она — бабушка... — Злата пожала плечами. — Как я не дам ей ребёнка?»

«Какая она к чертям бабушка?! Это наша мама — бабушка! Вероника — бабушка... А это — старая алкоголичка, у неё же руки трясутся, ты что, не видишь?! Она же ребёнка того и гляди уронит!»

«Да ладно тебе... — несмотря на свой протест, Злата с тревогой выглянула в другую комнату, где Александра сидела с внучкой на руках. — Не выронит... Она трезвая сегодня».

«Я бы её близко к ребёнку не подпустила... — недовольная упрямством сестры, Даша для пущей важности округлила и без того большие глаза и заговорила громким шёпотом. — И вообще — на порог бы не пустила! Сама прётся, ещё и своего алкаша Вадика тащит!..»

«Ты с ума сошла!.. — теперь пришло время возмущаться Злате. Оттащив сестру от дверей, она тоже перешла на громкий шёпот. — Это — Мишина мать! Как я её не пущу в дом?! Это — его мать, понимаешь?!»

«Ну, и что?! А если она пьяная придёт и ребёнка уронит?! Или, чего доброго, твоего Мишу спаивать начнёт?!»

«Вот именно... — чуть прищутив красивые глаза, Злата строго посмотрела на сестру. — М о е г о Мишу. А со своим Мишей и его родственниками я как-нибудь разберусь сама!»

Несмотря на такую яростную защиту свекрови, Злата нет-нет, да и задумывалась о словах сестры. Однако, Александру терпела и в общении с внучкой не отказывала, понимая, что это нужно, в первую очередь, самому Михаилу.

Вот и сегодня она нехотя собрала дочку на прогулку, чтобы уважить свекровь.

— Только недолго, Александра Семёновна!.. — дождавшись когда Миша вывезет коляску во двор, Злата высунулась из окна третьего этажа. — Тучи заходят, вдруг дождь начнётся!

***

Дождь и вправду собрался очень быстро. Свинцовая туча заволочла половину неба и была уже готова обрушиться на землю июльской тёплой влагой. Решив не дожидаться первых капель, Александра подвезла коляску со спящей Алёнкой к подъезду. Она не взяла телефон — он так и остался в сумочке, и теперь ждала, что кто-то из молодых обязательно выглянет в окно, а потом выйдет помочь завезти коляску на свой этаж. Она так и стояла, запрокинув голову, не решаясь громко закричать, когда услышала позади торопливые шаги.

— Вам помочь?..

Услышав за спиной мужской голос, Александра неторопливо и недовольно обернулась. Не нужны ей никакие помощники, сейчас выйдет Миша и сам заберёт их с Алёнкой. Но, взглянув в лицо подошедшего мужчины, она невольно остановила на нём растерянный взгляд.

Она узнала его сразу... Они виделись у Михаила ещё зимой...

...Александр. Саша Морозов... Курсант военного училища, мимолётное знакомство с которым сыграло в её жизни поистине роковую роль... Родной бабушка её родной внучки, которая сейчас сладко посапывает под ажурной вуалью просторной светлой коляски и не догадывается, что рядом стоят два родных ей, но абсолютно чужих друг другу человека...

— Ну, помоги... — Александра постаралась справиться с собой и посмотреть на «виновника» строгим, осуждающим взглядом.

— Аля?!

...Он тоже узнал её по той, зимней, встрече. Если бы не та встреча, Александру и в голову бы не пришло, что перед ним сейчас та самая Аля, которая давно ушла из его памяти... Девушка, однажды ворвавшаяся в его жизнь буквально на одно мгновение... Но именно это мгновение обернулось совершенно неожиданными событиями спустя целых тридцать два года... а ещё — вот этим крошечным, сладко посапывающим в коляске человечком.

— Александра Семёновна я... — низкий, с хрипотцой голос прозвучал чуть надменно, чем выдал волнение своей хозяйки.

— Да, простите... Александра Семёновна... — взглядываясь в её лицо, Морозов поспешил поправиться. — Ну, что ж... Вот мы и встретились.

— Не велика радость.

— Ну, почему же?.. — Александр смущённо улыбнулся и развёл руками. — Когда-то нужно было встретиться. Я ведь должен многое вам сказать.

— Что это вы мне должны сказать? — делая вид, что поправляет что-то внутри коляски, Александра нарочно наклонилась над внучкой. Было заметно, что встреча с Морозовым не доставляет ей удовольствия.

— Знаете, здесь как-то неудобно говорить... — Александр с сожалением посмотрел на потемневшее небо, потом покрутил по сторонам головой. — Жаль, нет никакой беседки... Хотя, знаете, что? Давайте — в кафе? Я на машине, сейчас сдадим Алёнку родителям, и...

— В кафе-е-е?.. — подняв голову, Александра смотрела на него как на ненормального. — Чего это я забыла в кафе-то?

— Там было бы удобнее говорить. Всё же нам есть, что сказать друг другу...

— Нечего нам говорить... — эти слова Александра пробурчала как бы про себя. — Встретились, увиделись, и — до свиданья...

...Александр смотрел на эту женщину и не мог отделаться от мысли, что она не вызывает никаких эмоций, кроме откровенной жалости. В её облике не осталось и сотой доли от той красивой, самоуверенной девушки, которую он встретил много лет назад. И даже не годы были тому виной... Александр вдруг представил себе Анну — та и сейчас была красива... Ему всегда казалось, что его жена с каждым годом становится только красивее.

Если бы ему удалось прочитать мысли своей собеседницы, он бы очень удивился — в этот момент Александра тоже вспоминала Анну... Она видела её более полугода назад по телевизору, в передаче, посвящённой возглавляемому Анной лицу. Она ещё тогда отметила неувядающую красоту своей прежней соперницы, и невольное сравнение с собой было, увы, в чужую пользу. Анна выглядела не просто моложаво. Во всём её облике проступал отпечаток счастливой жизни, чего нельзя было сказать о самой Александре. Обида, вспыхнувшая тогда в её душе, вскоре превратилась в жалость к самой себе, а вот сейчас выливалась в неловкость оттого, что человек, запомнивший её красивой, молодой девчонкой, сейчас видит и эти грубые морщины, и потемневшую, неровную кожу, и мешки под выцветшими глазами...

...Вид ухоженного, одетого с иголочки мужчины только смущал и откровенно раздражал. Александра была бы рада, если бы Морозов тотчас бы ушёл, но уходить он не собирался. Напротив, он ещё решил о чём-то поговорить! Как будто ей нужны сейчас эти самые разговоры...

— Аля... — понимая, что другого случая может и не представиться, Александр решил продолжить разговор прямо здесь, на крыльце дома. — Александра Семёновна... Раз уж так вышло... То я должен хотя бы сейчас, на этом месте попросить у вас прощения.

— Ну, где там Мишка-то?.. — сделав вид, что не слышит слов Морозова, Александра выглянула из-под козырька вверх — на окна квартиры сына. — Сейчас ребёнок проснётся, мне самой, что ли, коляску затаскивать?!

— Аля, послушай!.. — Александр вдруг снова перешёл на ты и взялся за ручку коляски, как бы обращая этим жестом внимание на себя. — Я ведь ничего не знал! Я искал тебя... Нс

ты уже вышла замуж...

— Миша!.. — Александра всё же решилась докричаться до сына с невесткой. — Миша!.. Забирай коляску!.. Дождь начинается!

— Прости меня, Аля!.. — Морозов неожиданно накрыл её руку ладонью — Пожалуйста, прости...

...Ответа он не дождался. Через несколько секунд дверь отворилась, и Михаил показался на крыльце. Увидев родного отца рядом с матерью, радостно протянул тому руку для приветствия. Того, как при этой сцене глаза Александры вспыхнули ревностью, оба мужчины так и не заметили...

Поднявшись вместе со всеми в квартиру, Морозов невольно следил за Александрой, как бы ожидая, что она всё же ответит на его «прости»... Но, вопреки его ожиданиям, та демонстративно не обращала внимания на гостя. Она нарочито громко разговаривала с внучкой, деловито расхаживала по квартире сына, давала советы Злате...

Морозов уже решил принять её молчание как данность, но, дождавшись, когда Миша и Злата выйдут из комнаты кормить Алёнку, женщина неожиданно заговорила и с ним.

— Не нужно вам больше сюда приезжать... — Александра старалась вложить в свои слова как можно больше твёрдости, но получилось лишь хриплое брюзжание.

— Почему? — удивление Морозова было совершенно искренним.

— У вас своя жизнь... У нас — своя. Ни к чему это всё... — не глядя на гостя, Александра недовольно поджала губы.

— Знаете... — Саша тоже вновь перешёл на вы. — Я, действительно, жалею, что не знал раньше Мишу. Он очень хороший парень. Да и Алёнка... она же мне как никак — внучка... Я уже привязался...

— А я говорю, что не нужно вам больше сюда приходить... — Александра говорила, как будто рубила дрова. — И внучка эта — наша! А у вас и свои внуки есть... наверное...

— Есть, — Морозов охотно кивнул. — Валера и Анюта... Но ведь и Алёнка...

Договорить ему Александра не дала. Услышав произнесённое им женское имя, она невольно изменилась в лице — в нём вновь промелькнули и обида, и ревность... В честь неё никто внуку не называл!.. Сын с невесткой даже словом не обмолвились. Повернувшись к Александру, она гневно свела брови у переносицы.

— Вот и воспитывай! А к нам не лезь!.. Вот — Бог, вот — порог!

— Ну, собственно... — не ожидавший такой реакции Морозов поднялся с места и растерянно развёл руками. — Я и сам уже собирался...

Напрасно Миша и Злата упрашивали его остаться на чай — оказывается, пока шла беседа с Александрой, Миша сбегал в соседний магазин и принёс большой торт. Однако, сославшись на неотложные дела, Александр решительно вышел в прихожую.

— Зря вы так рано уходите... — на Мишкином лице было написано искреннее сожаление. — Ну, если уж так невтерпёж... то приходите вечером, с Анной Сергеевной... — он оглянулся на дверь и понизил голос. — Мать скоро уйдёт...

— Спасибо, Миша... — Александр с благодарностью протянул руку сыну. — Но не получится.

— Почему?

— Вообще-то я попрощаться пришёл. Уезжаю...

— Куда?!

— Полечу на родину. Давно не был... Надо могилы родителей проведать. Есть такая

святая обязанность.

— Жаль... А когда вернётесь?

— Пока не знаю. Как понравится... — Александр улыбнулся. — Но когда вернусь — непременно увидимся.

— Я могу помочь, проводить. Скажите, когда подъехать.

— Да не беспокойся, Миша. У меня вещей немного... Справлюсь.

— Вы что, едете один?

— Один.

— И всё-таки, давайте, провожу! Скажите, когда... Я подъеду.

— Самолёт завтра в десять утра. Если подъедешь, то я такси не буду заказывать.

— Подъеду. И Анну Сергеевну назад отвезу. Она же будет провожать?

— Нет... Морозов вдруг замялся и как-то сник. — Аня не будет провожать... И подъезжать нужно не к дому.

— А куда?!

— Я сейчас на даче обитаю. Записывай адрес...

Глава 35.

Часы показывали двадцать два часа и двадцать две минуты. Усмехнувшись такому совпадению, Александр открыл бумажник и ещё раз, на всякий случай, проверил его содержимое. Деньги, банковская карта, документы — всё на месте. Билеты — тоже... Дорожную сумку проверять не стал, и так хорошо помнил всё, что уложил в неё ещё с вечера. Он привык заботиться о себе сам, однако всегда знал, что супруга обязательно проконтролирует — не забыл ли чего...

В этот раз контролировать было некому. Вещей на даче было уже достаточное количество, чтобы не ездить за ними домой, тем более, что отправлялся он почти налегке... Он не знал, сколько времени пробудет в своём родном посёлке... Душа то рвалась туда, то противилась отъезду.

Поездка была запланирована ещё с прошлого года — нужно было навестить могилы родителей, заодно погостить у сестры и двоюродного брата, которые так и жили в родном посёлке. Хотелось вновь пройтись по знакомым местам, увидеть отчий дом — хотя бы со стороны, поскольку в нём сейчас жили чужие люди.

...Они хотели ехать вдвоём: он и Анна... Из всех видов транспорта выбрали автомобиль — так захотела Аня, ей этот вариант показался наиболее романтичным. Александр не возражал... Что может быть лучше, чем автомобильное путешествие, когда рядом с тобой любимая женщина, с которой прожито много лет... но чувства к которой вовсе не угасли, а стали только крепче...

...Они заранее обсудили все детали: семьсот километров пути с остановками в живописных местах, завтраками на траве, ночлегом в придорожной гостинице. После планируемой в марте поездки на заграничный курорт это путешествие должно было принести не меньшее удовольствие. Обсуждая летний отпуск, Анна радовалась как ребёнок, и Александр ловил себя на мысли, что не узнаёт свою такую строгую и рассудительную жену. За последний год Аня очень изменилась, и в первую очередь по отношению к нему. Нет, она и раньше уделяла много внимания своему супругу, Александр всегда считал, что ему очень повезло в семейной жизни: Аня была хорошей хозяйкой, умела правильно распорядиться деньгами, всегда давала только дельные советы, никогда не повышала голоса и не устраивала ссор и скандалов, разве что строго выговаривала ему за лишнюю рюмку. Она

гостеприимно принимала его друзей, в частности Лёньку Лапина, сама же никогда не бегала к подругам, не «сидела» вечерами на телефоне, воспитывала их сына... Она всегда очень ревностно относилась к внешнему виду своих мужчин, и Саша часто с благодарностью думал, что в его аккуратном, моложавом облике львиная доля заслуги — его ненаглядной Анюты... Сама же Анна всегда следила за собой, и даже пятидесятилетний рубеж не повлиял на её женственность и красоту.

...Единственным недостатком их семейной жизни была излишняя сдержанность жены в интимных делах. Анна не лишала супруга естественных радостей, но каждый раз Саша чувствовал, что его любимая Анюта всего лишь отдаёт супружеский долг, сама оставаясь внутренне безучастной. Много лет он списывал этот фактор на её природную скромность... и это было похоже на истину. Несмотря ни на что, мыслей о других женщинах даже не возникало... Пусть и без ответа на его пылкую страсть, но Анна всегда была рядом — умная, заботливая, воспитанная, обеспечивающая надёжный тыл.

...То, что произошло в уже зрелом возрасте, и удивило, и обрадовало одновременно. Впервые за столько лет Анна начала отвечать своему мужу взаимностью... То, чего не было в молодые годы, сполна воздавалось сейчас, благо принимать неожиданный подарок судьбы позволяли и силы, и мужское здоровье. Впервые за всю их супружескую жизнь Анна говорила своему, уже не молодому мужу ласковые слова и смотрела на него влюблённо, как девчонка.

...Александр не искал причины таким переменам... Он просто был счастлив. Они оба были счастливы... Ведь у них такая замечательная семья — сын с невесткой, внуки... И — настоящая любовь. Саша всю жизнь думал, что он счастлив, и только сейчас ощутил сполна, что такое — истинное и по-настоящему взаимное счастье.

...Длилось оно недолго. Ровно до того вечера, когда их посетил Виталий Мясников. Принявший его визит на себя, Александр уже был готов к претензиям и даже оскорблениям. Но всё оказалось сложнее... И испуг Анны, и её взгляды на Виталия, и явная неприязнь имели под собой совершенно другие основания, другую природу... Александр начал понимать это, как только Мясников попытался общаться с малышами — на уровне интуиции, ещё ясно не осознавая всех замыслов гостя... Появление Димы только усилило возникшие подозрения, а заключительная сцена в детской поставила последнюю точку: спящая внучка в расстёгнутой пижаме, растерянная Анна и мрачный Мясников... Последние сомнения рухнули, как снег с весенней крыши, обнажая тщательно скрываемую тайну... Тайну, разгадать которую теперь не составило особого труда, если не считать подробностей.

...Да, неожиданный гость приезжал вовсе не к Морозову, и вовсе не с претензиями. Вернее, претензии у него были — на сына и на внуков. Всё поведение Виталия в тот злополучный вечер говорило о том, что он почему-то считает Димку своим сыном. Это можно было бы списать на акт мести — за Мишу... Приехал обманутый отец, решил пощекотать нервы своему обидчику... И Саша бы, действительно, так подумал, если бы... Если бы не поведение самой Анны. Её испуг, нервозность и наступившая затем подавленность говорили сами за себя. Виталий вовсе не мстил... и шутить он не собирался. Под его порывом были реальные события, о которых Саша даже не догадывался все эти тридцать лет, однажды списав перепуганный вид своей невесты на страх перед первой брачной ночью.

...Теперь, спустя эти годы, он, наконец, понял, чего так боялась Анна. Судя по тому, что Виталий знал наверняка дату рождения Дмитрия, любимая и единственная Анечка изменила

своему жениху прямо накануне свадьбы... Ведь Димка родился ровно через девять месяцев — день в день... И отсутствие признаков девственности у молодой жены, которые Саша доверчиво отнёс на счёт физиологических особенностей женского организма, имело под собой вполне естественные и банальные причины...

«Разоблачение» оказалось простым и внезапным. Оно было подобно камню, брошенному в чистую, прозрачную воду — в считанные мгновения достигнув дна, камень вонзился в песок, поднял вокруг себя мутную волну, тут же затемнившую, всколыхнувшую кристальную гладь... С того дня прошло уже четыре с половиной месяца, а песчинки до сих пор не осели, так и роятся густой взвесью... да и камень — опустившись на дно, так и давит... тянет душу... И не видно его за мутной водой, а он-то — есть. И не с кем поделиться этой болью, да и было бы с кем — не поделился бы...

...Вспомнив сейчас о жене, Александр машинально потянулся за телефоном, но, подержав его в руке, снова положил на стол. Он ещё днём попрощался с Анной, не стоит тревожить душу. Да и спит она, наверное... Завтра позвонит, когда долетит до места.

Из семьи Александр не уходил — так, как уходят обманутые мужья. Он честно пытался принять ситуацию, остаться прежним, но не получалось. Любовь к Анне не ушла, не приняла другие формы. Но всё теперь было по-другому. Душа рвалась между прошлым и настоящим... Несмотря на давность, измена жены никак не меркла в сознании. Не было ни злости, ни обиды, ни желания отомстить... Исчезла искренность, и это было страшнее, чем если бы ушла сама любовь.

Дома он появлялся регулярно, каждый день после работы, но это были очень поздние часы — Саша как будто нарочно старался задержаться то на объекте, то в офисе, а в пятницу и вовсе уезжал сразу на дачу — до понедельника. С наступлением лета он часто брал с собой Валерку, а иногда приезжала Анна с внучкой. На первый взгляд не происходило ничего противоестественного — дедушка с бабушкой вывезли внуков на природу, играют с ними в мяч, жарят шашлыки, учат кататься на велосипедах и загорают возле собственного небольшого пруда.

Но такая идиллия была идиллией лишь на первый взгляд. Ловя совершенно новый взгляд супруга, Анна через силу изображала веселье... Да и сам Александр ощущал внутреннюю подавленность. Вроде бы рядом — родные и любимые люди... а сердцу не радостно. Он пробовал оставаться с внуками без Анны, но детские разговоры то и дело возвращали его к тому, от чего хотелось уйти... Без жены было пусто, с ней — больно, и душа разрывалась от этого противоречия на мелкие кусочки.

«Сват, всё хочу спросить... — захавший как-то в гости Валерий после взаимных приветствий бросил на Морозова осторожный взгляд. — Что у вас с Аней-то случилось?»

«Да ничего вроде не случилось... — Александр как можно непринуждённое пожал плечами. — Всё нормально у нас».

«Вот и Наташа так же говорит... — гость удовлетворённо кивнул головой. — Да только чего ж тут нормального-то? Ты на даче поселился, Аня — там, сама не своя. Видно же, Саш».

«Да правда, Валер, всё хорошо... — Морозов выдавил из себя улыбку и кивнул в сторону дачного пруда. — Пошли лучше, я тебе покажу, что малышне придумал построить...»

«Дело, конечно, не моё... — несмотря на приглашение хозяина, Валерий не торопился сходить с места. — Но ты, случаем, не с той женщиной решил... это... ну, сойтись...»

«С какой женщиной?.. — изумление Александра казалось искренним. — Ты про кого?!»

«Саш, да все уж знают, что сын у тебя нашёлся...»

«Я и не скрываю».

«Да это понятно... Только с Аней у вас какой-то разлад. Я уж грешным делом подумал...»

«Да ты чего, Валер?! — Саша от души рассмеялся. — Ты про Мишкину мать?! Да мы с ней и виделись-то один раз! Ну, придумаешь ведь!..»

«Да это Света... — Валерий с нескрываемым облегчением улыбнулся и махнул рукой. — Она любительница версии строить. Ну, если так, то... и слава Богу. А то детей учим, ругаем... А сами порой как отчудим чего».

«А что с детьми? — Александр внезапно нахмурился, тревожно взглянул на своего собеседника. — У Наташи с Димкой что-то не так?..»

«Да нет... — лицо Валерия тоже вдруг стало серьёзным. — Это я так, к слову. Я ж всегда на вас с Аней смотрел и завидовал по-хорошему. Всё у вас как-то по уму».

«А то у тебя не по уму! — Морозов шутливо махнул рукой в сторону пруда. — Пойдём-пойдём, дед, нечего отлынивать, лето впереди. Кто кроме нас с тобой о внуках позаботится?»

«По уму-то по уму... — шагнув следом, Валерий с сомнением качнул головой. — Слушай, сват... А как Аня-то отнеслась?»

«К Мише? — Александр оглянулся на гостя. — Хорошо отнеслась».

«Молодец она у тебя...»

«Молодец... — Морозов чуть приглушил голос и, поджав губы, уставился на дорожку. — Да и что теперь руками-то махать?.. До неё всё было».

«Моя Светлана Петровна бы помахала-а-ала!.. — усмехнувшись, Валерий произнёс последнее слово нараспев. — Ей палец в рот не клади... Это если бы Надюшка была жива...»

Мужчины уже подошли к небольшому искусственному водоёму, находящемуся позади дома. Глядя на безмятежную водную поверхность, Валерий неожиданно вздохнул. Бросив на него взгляд, Александр отметил, как при упоминании имени первой жены изменилось лицо гостя — по нему пробежала тень глубокой печали.

«Сколько уже лет прошло?» — Морозов задал этот вопрос потому, что чувствовал — нужно что-то спросить.

«Тринадцать... А веришь, сват, до сих пор не отпускает...»

«Верю...»

«И к Свете есть чувства... А Надю всё равно забыть не могу. Мучаюсь... а — не могу. Уже и в церковь ходил... И на могилку — просил отпустить...»

«Не отпустила, выходит?»

«Отпустила... Это уж я потом понял, что сам её не отпускаю. Просто — не хочу...»

«Так мучаешься же...»

«А вот такая ерунда, сват. Мучаюсь, а забыть — боюсь. Со Светой ругаемся, а я Надю представляю, как бы она сказала... как бы сделала... Она же слова грубого мне никогда не сказала, вот как Анна Сергеевна твоя. Только характером помягче. Столько лет прошло, а помню... Посмотрю на Наташу — копия Надюшкина. Иногда думаю — лучше бы она меня бросила, изменила, к другому ушла... Всё бы простил, лишь бы была жива...»

После этого визита Александр долго вспоминал слова Валерия. Тот, сам того не ведая, зацепил болезненную струну — вместо серебряного звука та издала хриплый стон и затихла

где-то в глубинах подсознания.

«Лишь бы была жива... А ведь Аня, слава Богу, жива!» — с этой истиной не пытался спорить даже разум... Но сердце проявляло несвойственное ему упрямство, всё больше и больше погрязая во внутренних противоречиях.

...На заграничный курорт они так и не поехали. Свой пятидесятый день рождения Анна встретила в кругу семьи. Она не согласилась ни на ресторан, как предлагали Дима с Наташей, ни на представление в творческом центре. Всё прошло дома, довольно скромно, среди родных и близких... Александр в этот день остался дома, но ни огромный букет цветов, ни подаренное им украшение не развеселили именинницу... Ей было достаточно взглянуть ему в глаза, чтобы понять: в них всё то же разочарование.

К себе на родину Саша жену уже не звал, и она сама как будто забыла, как всего полгода назад весело обсуждала с мужем это путешествие. Ехать одному на машине не было никакого смысла, и он купил билет на самолёт...

***

Двадцать два часа двадцать две минуты — почему-то эти цифры так и крутились в голове, хотя с тех пор, как он смотрел на часы, прошло уже несколько минут. Вещи были собраны, ужин съеден, посуда вымыта... Однако, спать не хотелось.

Включив большой фонарь, Александр неторопливо вышел из дома на улицу. Июльская ночь была поистине хороша... В такую ночь только сидеть в беседке возле дома, смотреть на звёзды и разговаривать... Он вдруг вспомнил, как неделю назад в это же время они все сидели в беседке — он, Анна и Валерий со Светланой. Маленькая Анечка спала в доме, и Аня то и дело бегала её проверять. Это было двадцать девятое июня, день рождения Валерки... Сам именинник вместе с родителями улетел на гастроли, поэтому его шестилетие бабушки и дедушки отмечали сами, на даче Морозовых. Александр помнил, как Анна всё пыталась поговорить с ним, когда их гости, наконец, ушли спать.

«Саша, так жить невыносимо... — она смотрела на него и печально, и решительно одновременно. — Больше я так не могу... Мы и вместе, и не вместе... Я не умею так жить, Саша».

«Я тоже не умею... — Морозов положил на стол сложенные руки и уставился куда-то в темноту. Выпитая на четверых бутылка коньяка только обострила чувства. — Я что-нибудь придумаю, Аня...»

«Например?..»

«Я, пожалуй, уеду через недельку. К Петру поеду...»

«А потом?»

«И там что-нибудь решу».

«Ну, тогда... — Лицо Анны вдруг стало отрешённым. Устремив взгляд в том же направлении, она вылила в свою стопку остатки коньяка и залпом выпила. Не закусывая, сделала глубокий вдох, затем шумно выдохнула. — Тогда, чтобы тебе было легче что-то решить, слушай... Только не перебивай, слушай до конца...»

...Свою историю любви с Виталием Мясниковым Анна уже когда-то рассказывала тогда ещё совсем молодому Саше Морозову. Это был короткий рассказ, без подробностей и эмоций. Теперь же Анна не утаивала ничего... Ни своих чувств, ни своих слёз, ни разочарований, ни ошибок... Она не пощадила себя ни на секунду, рассказав о той роковой ночи, когда Мясников так неожиданно появился у неё на пороге. Она рассказала всё — и о его предательстве, и о предложении стать его любовницей, и своём отказе, и хозяйке,

спасшей её от мыслей о самоубийстве. Она рассказала и о другой встрече с Виталием, когда он стал свидетелем накатившего на неё приступа токсикоза... Всё время её рассказа Саша сидел молча, не перебивая и ни о чём не спрашивая. Только по ходящим желвакам можно было судить о том, что творится в его душе...

«Вы больше не встречались?..» — это был первый вопрос после того, как она закончила свой рассказ.

«Как любовники — нет... — Анна говорила жёстко, со стороны могло показаться, что она нарочно дерзит мужу, но это был лишь способ не разреветься у него на глазах. — Та встреча была единственной. Потом он приходил в институт, но я с ним почти не разговаривала. Если тебе интересно, был ли у меня ещё кто-то за эти годы...»

«Не надо, Аня...»

«Нет уж, давай я тебе сразу во всём признаюсь... — слёзы уже были близко, и, чтобы не выпустить их наружу, Анна сделала над собой невероятное усилие — резко повысив голос, она неожиданно с силой опустила на столешницу сжатый кулак. — Сразу, оптом!.. Во всех грехах!..»

«Перестань, Аня... — судя по тону, которым он произнёс эти слова, Александр принял откровения жены за истерику. — И успокойся...»

«Нет уж!.. — Анна и в самом деле была близка к истерике. — Давай я тебе ещё чего-нибудь расскажу!.. А потом — казни, только сразу! Не мучай меня, Саша, и себя не утруждай... Сильнее, чем я сама себя мучила все эти годы, у тебя всё равно не получится!»

...Рассказ Анны принёс и новую боль, и неожиданное облегчение. На фоне её откровений признание в том, что любовное свидание с Виталием было единственным, избавило от навязчиво пробивающихся мыслей о неоднократности измены — сознательной и вероломной, и до, и после свадьбы. Он чувствовал — Анна не обманывает, и всё было в действительности именно так, как она говорит. Да, она изменила ему сама, добровольно... но неожиданно для самой себя, не предполагая эту измену даже в мыслях. Сути дела этот факт не менял, однако смягчал обстоятельства — если это словосочетание было здесь вообще уместным.

Всю прошедшую неделю Александр вновь испытывал внутреннюю борьбу. Ему хотелось то уехать, то остаться в городе. Временами нестерпимо тянуло домой, но, оказавшись дома, он вновь чувствовал дискомфорт рядом с Анютой. Дело осложнялось тем, что Дмитрий, Наталья и Валерка отсутствовали, и должны были вернуться только через две недели. Александру казалось, что в обычной семейной суматохе им обоим было бы легче...

Откровения Анны всё ещё занозой сидели в душе. В конце концов, она оказалась права: в какой-то момент Саша подумал, что теперь ему гораздо легче принять какое-то решение. Тем более, что скоро — поездка на родину...

...За мыслями он даже не заметил, как оказался в беседке. Сколько раз они сидели здесь всей семьёй... Сколько раз собирались с друзьями... Разве мог он предполагать, что однажды всё рухнет так окончательно и бесповоротно.

Неожиданный звук мотора и осветившие снаружи ворота фары автомобиля отвлекли его от тяжких дум. Александр пригляделся — за светом фар было невозможно различить марку подъехавшего автомобиля. Решив пока не выходить из своего убежища, он наблюдал за происходящим из темноты беседки. Хлопнула дверь, через полминуты раздался звук клаксона. Видимо, выйдя из машины, человек попробовал толкнуть калитку, а когда та не поддавалась, решил посигнализировать хозяину дачи.

— Миша?! — пройдя к воротам, Александр радостно-удивлённо уставился на позднего гостя. — Ты откуда?!

— Из дома... — Михаил усмехнулся, затем кивнул на всё ещё закрытую калитку. — Войти можно?

...Морозову казалось, что так он не радовался ещё никогда и никому... Визит старшего сына был неожиданным и невероятно приятным, несмотря на позднее время. В дом Миша проходить отказался, но с удовольствием устроился в беседке.

— Злата случайно услышала ваш разговор с матерью... — Михаил говорил чуть извиняющимся тоном. — Она не стала вмешиваться, но потом всё рассказала мне. Вы простите маму...

— Да что ты, Миша! — махнув рукой, Александр вскочил со скамейки, на которую уселся всего несколько секунд назад. — Ерунда!.. Слушай, я так рад, что ты заехал... Может, поужинаешь?

— Спасибо, — Миша улыбнулся и отрицательно покачал головой. — Я же только из дома. Сразу не смог приехать, пока Берту выгулял, пока Алёнку искупали...

— Ну, вот и проголодался, наверное! Давай, я сейчас мигом организую... У меня в холодильнике тут много чего есть.

— А оставлять не боитесь? Рубильник не выключаете?

— Не боюсь... Аня приедет с Анюткой завтра... — Александр на секунду нахмурился. — Наверное, приедет.

— Ну, в общем, вы на мать не обращайтесь... — заметив секундное замешательство Морозова, Михаил решил переменить тему. — Она иногда говорит совсем не то, что думает. Приезжайте к нам в любое время, и с Анной Сергеевной, и с детьми...

— Спасибо, Миша... Анна Сергеевна вряд ли... Сам понимаешь, им с твоей мамой тяжело будет встретиться.

— Мать редко к нам приезжает, вы можете просто заранее позвонить, мы со Златой и правда будем рады. Правда... Златка и сейчас сама меня к вам отправила.

— Хорошая у тебя Злата.

— Лучше всех! — Миша рассмеялся. — Во всяком случае, для меня.

— Всё верно, Миша... Семья — это самое дорогое... — Александр снова нахмурился и опустил взгляд.

— У вас что-то случилось?

— Нет. С чего ты взял?..

...Он уже устал отрицать очевидное... В очередной раз произнося уже заученную фразу, Александр даже не стал изображать удивление. Фраза получилась какой-то обречённой. Внимательно поглядев на отца, Михаил не торопился отвечать. Он уже догадался: случилось. Не ошиблась Злата... И не только из-за скандала Сандры отправила она его сегодня сюда — несмотря на то, что утром он уедет на службу, и они не увидятся до самого позднего вечера... А, может, и дольше.

— Тогда, в феврале... — Миша поднял на Морозова многозначительный взгляд. — Когда к вам приезжал отец... Помните?

— Помню... — Александр чуть заметно кивнул.

— Он устроил скандал?

— Да нет же, Миша... Ты ведь тогда уже спрашивал. Всё хорошо.

— Простоя чувствую себя виноватым. Я отговаривал его... Но он всё равно поехал к

вам. И, мне кажется, что у вас неприятности с Анной Сергеевной...

— С Аней?.. — вскинув на Мишу глаза, Морозов постарался ответить как можно непринуждённое, но вышло это крайне плохо. — Нет! Никаких неприятностей. Мы, действительно, очень мирно пообщались.

— Ну, если так то... Просто я боялся, что Анна Сергеевна обидится на вас. Ну, и не меня, естественно... Я же — виновник торжества. А тут ещё отец...

— Расскажи мне о себе, Миша...

Вопрос вырвался сам собой. Глядя в полутьме на Михаила, Александр невольно ловил себя на мысли что ощущает невероятную близость с этим симпатичным, добродушным парнем... Это была не просто родственная связь, это было самое настоящее родство душ, случайно нашедших друг друга в этом огромном, сложном мире. Он не помнил, чтобы что-то подобное было у него с Димкой... Может быть потому, что они никогда не сидели вот так — вдвоём в беседке, посреди ночи, впервые близко узнавая друг друга. А, может быть, просто потому, что у Димы всегда был любящий и заботливый отец, а у Александра — любимый сын, выросший на его глазах... А когда на глазах, то, вроде бы, и нужды в таком вот «знакомстве» нет...

***

...Было уже шесть утра, а они всё ещё сидели в беседке, попивая кофе из термоса — сходя в дом, Александр заправил термос, заодно принёс кусок батона, сливочное масло и банку шпротов. От ужина в доме Миша категорически отказался.

— У меня тут всегда запасец есть, — намазывая маслом батон, Саша хитро улыбнулся. — То сват заедет, то Аня с внуками... Валерка только и просит — дедушка, намажь бутерброд со шпротиной! Аня ругается, боится, что он потом ничего есть не будет... А мы с ним — в кухне, потихоньку, пока она не видит...

— А мне в детстве дед знаешь, какие бутерброды делал? — Мишка и сам не заметил, в какой момент задушевной ночной беседы перешёл на ты. — Вот такой шмат хлеба... — большой и указательные пальцы разъехались на приличное расстояние, показывая толщину «шмата». — На хлеб — масло, на масло порезанную чесночину, а сверху — пластинку сала! И, пока не съем, мультики не разрешал смотреть... А бабушка тоже на него ворчала, что он меня всухомятку приучает есть...

...Казалось бы, о чём ещё можно говорить после стольких часов откровенной беседы?.. Они говорили не переставая, всю ночь... Вначале Александр слушал сына — Миша рассказал о своём детстве, юности, годах учёбы, о первой и неудачной любви... Затем говорил Морозов — о своём родном крае, куда должен был отправиться этим утром, о своих родителях, о курсантских годах, о встрече с Анной... Он был благодарен Михаилу за то, что тот ни разу не заикнулся о Виталии, тщательно обходя все эпизоды, связанные с присутствием в его жизни этого человека. На самом деле Мише это не стоило никакого труда: Виталий и в самом деле лишь номинально числился отцом...

Но беседа всё текла и текла...

...Они вышли из беседки уже когда часы показывали около семи утра. Приняв душ и побрившись, Александр предложил Михаилу сделать то же самое — тому предстояло после аэропорта сразу ехать на работу.

— Придётся воспользоваться... — Миша только что отзвонился Злате и, убедившись, что дома всё в порядке, решительно шагнул в сторону душевой кабины. — А здорово тут у вас, можно жить круглый год!

— Да, мы специально так дачу подбирали, чтоб со всеми удобствами!.. — прислушавшись к донёсшемуся с улицы стуку калитки, Александр поспешил к входной двери. — Кажется, к нам кто-то пришёл!..

Выйдя на крыльцо, удивлённо застыл...

— Здравствуй, Саша!.. — Анна торопливо шла по дорожке к дому. — Ты ещё не собрался?.. А чья там машина?..

— Собрался... — супруг сошёл по ступенькам ей навстречу. — Здравствуй, Аня. А с кем Анютка?

— Я её к Валере со Светой завезла...

— Зачем?! Это же такой крюк...

— Я подумала, зачем тебе вызывать такси... Ты ещё не вызвал такси?.. — Анна тревожно вглядывалась в лицо мужа, как будто пытаюсь увидеть в нём ответ на какой-то потаённый вопрос. — И чья это машина под нашими воротами?..

— Нет, я не вызывал такси... — почему-то в этот момент Александр почувствовал неловкость. — Но ты и в самом деле зря беспокоилась.

— Я там кое-что привезла... — Анна неопределённо махнула рукой в сторону своего автомобиля. — Подарки Петру, Галине... Саша!.. — Анна заметно волновалась, было видно, что фраза о подарках заготовлена заранее, и является только поводом для этого визита. — Нам нужно поговорить...

Глава 36.

Эта ночь оказалась для Анны тоже бессонной. Улетающий к себе на родину супруг попрощался с ней ещё вчера, во второй половине дня. Пообещав позвонить завтра, как только прилетит по месту назначения, он сослался на неотложные дела и покинул квартиру. Ночевать Саша намеревался на даче — Анна давно уже не удивлялась и не упрасивала его остаться дома. Привыкнуть к таким отношениям было сложно, но Анна понимала: изменить ситуацию не в её власти. Любящий её больше жизни супруг так и не смог переболеть её изменой... Самым обидным и непонятным было то, что даже прошедшие тридцать лет не возвели её грех в категорию «за сроком давности». Чувство вины сменялось то обидой, то отчаянием, то откровенной злостью на Александра — находясь рядом, он отдалялся всё больше и больше. Анна всё чаще ловила себя на мысли, что готова вывалить на него и другую правду — о своих отношениях с Леонидом Лапиным... Вывалить — от безысходности. Может, тогда Саша решился бы на окончательный разрыв, не мучил ни себя, ни её...

...Вечером, уложив внучку спать, она набрала номер Нелли... За эти четыре с половиной месяца Анна так и не осмелилась рассказать подруге о событиях, связанных с Мясниковым. После признаний о Леониде сделать это было крайне стыдно... Но теперь она почувствовала в этом острую необходимость.

«Плохи дела, мать... — выслушав неожиданные откровения, Нелька, как и в прошлый раз, не стала охать и ахать, однако, от её серьёзного тона у Анны похолодело в груди. — Такие мужики, как твой Саша, если закусывают удила, то надолго... если не навсегда».

«Я уже это поняла... — Анна обречённо кивнула головой. — Вот она, расплата, Неля... Боялась, что Саша узнает про Лёньку... а всплыло то, о чём даже и не думала. Если честно то я совсем не знаю, как мне жить дальше. Понимаю, что нужно... А вот как — не знаю...»

«Жить ты будешь! — Нелли перешла на более бодрый тон. — Тем более, у тебя есть, для кого жить... Да и Сашка... ну, кто знает, съездит в отпуск, соскучится... может быть».

«Мне кажется, что чем дальше, тем меньше шансов, что он соскучится».

«В этом ты права... Если отчуждение затягивается, это нехороший признак. Ну, попробуй ещё раз с ним поговорить?»

«Сколько уже можно... — Анна тяжело вздохнула. — И прощения просила, и уговаривала...»

«А он — что?»

«Ничего... Только твердит, что ничего не случилось. Вроде, не сердится, а как чужой... — Анна неожиданно расплакалась в трубку. — Да лучше бы накричал, обозвал — не обиделась бы!.. Так нет же... молчит! Отстранённый какой-то... У меня на работе уже начали догадываться...»

«Земля слухом полнится, Ань...»

«Соседи косятся... Видят же, что Саша то приезжает, то уезжает... Раньше мы всё время вместе были, а теперь он везде один, в выходные его вообще нет... Дети-то никому не говорят, а вот внуки... — Анна горько усмехнулась. — Не успеешь отвернуться, как соседки сердобольные у Валеры что-нибудь да выпрашивают... Анюта недавно в садике проговорила, что дедушка теперь на даче один живёт... Ребёнок, что с неё возьмёшь... Да все уже в курсе, и няня, и сваты... Господи, Нелька... мне так стыдно!..»

«На других наплюй! Пусть за собой лучше смотрят... — Нелли чуть повысила тон. — И меньше об этом думай!»

«Не могу. Мне кажется, что все знают, почему Саша так отдалился... Господи, Нелька... Какая же я дура!.. — Анна в очередной раз громко всхлипнула. — Какая же я ду-у-у-ра-а-а!.. Ну, ладно, Мясников... Но зачем мне ещё этот Лапин был нужен?.. Ведь не любила... Так, влюблённость была, не смертельная, да больше внимание его нравилось... Если бы я знала, чем всё это обернётся!..»

«Хм... — Нелли хмыкнула довольно скептически. — Если бы знала... Анька, да если бы мы даже знали наперёд, один чёрт, поступали бы точно так же! Так что перестань реветь! Что сделано, то сделано, не вернёшь. Нужно принимать обстоятельства... Как бы там ни было, ты свою вину осознала, ты столько лет жила с этим грузом, это тоже — наказание».

«Мне иногда так хочется признаться во всём!.. — шмыгнув носом, Анна провела рукой по мокрой щеке. — Устала я всё в себе носить... Иногда думаю — даже если Саша простит, мне ведь снова придётся его обманывать! Про Виталия рассказала, а про Лёньку?! А вдруг и это — всплывёт когда-нибудь?!»

«Как психолог, я бы тебе не советовала открывать всю правду... — в голосе Нелли появилась задумчивость. — Это будет только лишний удар по вашим и без того непонятным отношениям... Но чисто по-человечески я тебя понимаю. И даже не знаю, как лучше поступить».

«С другой стороны, Саша ничего этого не заслужил, если он узнает ещё и про Лапина, это добьёт его окончательно... Но я устала жить с этим грузом... Чем дальше, тем сильнее себя виню».

«Ты думаешь, ты одна — такая грешница?! — Нелька хохотнула. — Да знаешь, сколько у каждого человека за его жизнь скапливается тайных скелетов в шкафу?.. Иногда с виду — приличные люди, а копни поглубже — волосы дыбом. Твоя перманентная связь с Лапиным по сравнению с чужими грехами — ерунда на постном масле. Да и с Мясниковым... Ты ж совсем девчонка была, кто в таком возрасте глупостей не делал?»

«Видишь, как эти глупости в старости боком выходят...»

«Тоже мне — старуха выискалась... — теперь подруга перешла на нарочито-ворчливый тон. — Подожди, ещё замуж тебя выдадим... если что...»

«Ты с ума сошла... — шутку Нелли Анна восприняла всерьёз. — Мне никто, кроме Саши не нужен. Даже если что... буду доживать одна...»

«Да ты что, мать?! — Нелли даже задохнулась от охватившего её возмущения. — В старухи себя решила записать?! Да в пятьдесят лет жизнь, как весной, только начинается!»

«Нет, Неля... — исходящий от подруги позитив никак не передавался Анне, и она горестно вздохнула. — Как себя ни уговаривай, а это — осень... Многое поздно, многого не успеть. Такие вот осенние печали...»

«Осенние печали?... Хм... Где-то я уже слышала... — Нелли на секунду задумалась, как будто что-то вспоминала, потом встрепенулась. — Слушай, ты же поэзию любишь?»

«Когда-то любила...»

«Я тут в сети случайно наткнулась на одну поэтессу... Хочешь, пришлю её стихи? Думаю, тебе понравятся».

«Не знаю, Нель... Как-то не до стихов мне сейчас...»

«А ты прочти! Я на почту скину, там сама всё поймёшь...»

Письмо от Нелли в своём почтовом ящике Анна увидела почти сразу. Но открывать пока не стала... Не хотелось ни песен, ни стихов. Сердце заходило от мысли, что завтра утром Саша уедет далеко... его не будет в городе, и неизвестно, когда он вернётся, а если и вернётся — к ней ли?..

«А вдруг он кого-нибудь встретит?... Он такой интересный мужчина...»

Открыв в ноутбуке фотографию Александра, Анна долго вглядывалась в лицо мужа. Казалось, что с возрастом Саша стал ещё привлекательнее — от него так и исходили спокойная уверенность, надёжность, доброта. Всё ещё густые волосы чуть тронуты сединой... Умный, серьёзный взгляд выдаёт внутреннее благородство... Такие мужчины всегда нравились женщинам... И её Саша — не исключение. Если его сердце почти свободно от неё, то что мешает ему заполнить эту нишу другой избранницей?..

...От этой мысли сердце забило — гулко, тревожно... Приступ неведомой доселе ревности накатила горячей волной, обжёг самые потаённые уголки души... Захотелось немедленно одеться, выскочить на улицу, завести машину и помчаться туда — в дачный посёлок... Анна чуть было не шагнула к плательному шкафу, но, вспомнив о спящей внучке, тут же вернулась к столу. Да и как ехать, что говорить? Попыталась соблазнить, как под конец их разговора посоветовала Нелька?..

...Всё-таки подойдя к шкафу, Анна встала напротив огромного, во всю дверцу, зеркала. Развязала поясок банного халата, скинула с плеч мягкую, тонкую, ворсистую ткань... Вглядываясь в своё отражение, не смогла сдержать горькой усмешки. Отрезвляющая правда сквозила в каждом квадратном сантиметре, в каждой клеточке её, увы, уже немолодого тела...

Это в стильной одежде, на всё ещё высоких каблуках, с умелым макияжем на моложавом лице она не выглядит на свои пятьдесят... А вот так — нагишом, без грима, с влажными после душа, не уложенными в причёску волосами она вполне соответствует своему возрасту... И потерявшие былую упругость мышцы, и кожа с признаками целлюлита, и, пусть и небольшая, но обвисшая грудь, и довольно заметные жировые отложения в области живота и бёдер... и совсем уже не девичья осанка... А ещё — морщинки... они, как нарочно, в последнее время так и появлялись одна за другой, как будто придремавшая

старость очнулась от сна и теперь навёрстывает упущенное... день за днём, час за часом...

Конечно, по сравнению со многими своими ровесницами она выглядит замечательно... Но, увы... время неумолимо. И, если при «полном параде» она ещё может потягаться с сорокалетними «соперницами», то вот так, в естественном виде, смешно даже надеяться...

Поздно уже кого-то соблазнять... Даже собственного мужа — поздно. Всё, что ей осталось — упасть на кровать и, уткнувшись в подушку, нарветься досыта.

...Уснуть Анна так и не смогла. После тяжёлой ночи раздумий она ехала к Александру лишь с одной мыслью: расставить все точки ещё до его отъезда. Неопределённость не просто угнетала... она — убивала, и с этим нужно было что-то делать. Сделав крюк на другой конец города, она оставила внучку у Наташиных родителей и решительно направила автомобиль в сторону своего дачного посёлка...

***

«Саша, я думаю, что лучший выход в нашей ситуации — это развод...» — слова, произнесённые Анной сегодня утром, оказались настолько неожиданными, что Александр не смог ответить сразу. Несмотря на перемены, произошедшие в его сознании, мысли о разводе не приходило ни разу, и сейчас предложение жены поставило в тупик.

Вначале он даже подумал, что Анна произнесла его от обиды: по звукам льющейся воды в душевой можно было сразу догадаться, что в доме он не один... Александр не помнил такого взгляда у своей жены — в нём были и замешательство, и обида, и ревность... А ещё — какая-то обречённость. Анна смотрела на него, скорбно сдвинув брови... Увидев, как задрожали её губы и подбородок, Саша вдруг понял — супруга решила, что ночь он провёл с женщиной, и эта женщина сейчас моется в их душе.

«Это — Миша...» — кивнув на душевую, Александр невольно испытал неловкость.

«Миша?! — удивление сменилось облегчением, но уже через несколько секунд лицо Анны исказила горькая усмешка. — Понятно... Я сразу не узнала его машину...»

«Он отвезёт меня в аэропорт, мы договорились».

«Ну, что ж... Миша так Миша... — в голосе Анны послышались нотки ревности, но она быстро справилась с собой и заговорила более твёрдо. — Просто я много думала о нас с тобой... Я не вижу другого выхода, Саша... Нам нужно развестись».

Нервно повернувшись, Анна торопливо вышла из дома. Солнечные лучи заливали зелёную лужайку возле широкого крыльца, слепили глаза, и она тут же направилась к беседке. Александру ничего не оставалось, как направиться следом. Анна была не из числа тех женщин, которые устраивают спектакли, поэтому её слова о разводе он воспринял абсолютно серьёзно.

«Развестись?.. — он смотрел на неё недоумённо и растерянно. — Зачем?! Аня, у меня и в мыслях не было...»

«А у меня — есть... — оказавшись в спасительной тени, Анна не торопилась садиться. Она стояла перед мужем, прямо глядя ему в глаза. — Ты — правый, я — виноватая... ты — святой, я — грешница... Я устала от такого распределения ролей, Саша».

«Аня, ну, что за бред?.. Разве я тебя хоть чем-то упрекнул?»

«Ты не упрекал... Но упрёк сквозит в твоём отношении ко мне... — Анна с забытым уже достоинством приподняла подбородок. — Да, Саша, да!.. Я не святая, как ты думал раньше. Трудно быть святой, Саша... кто-то может, а вот я — не смогла. Только я не оборотень, Саша... Если ты думаешь, что я обманывала тебя всю жизнь, то это не так. Да, было... — от волнения Анна сглотнула. — Было!.. И не только тогда, перед свадьбой. Был

ещё один эпизод... Но обман, Саша, он — лишь в этот момент обман... Само увлечение — тоже обман, не каждый может с ним справиться... Я тоже однажды не справилась... Ты даже не догадался, и сейчас, наверное, думаешь, что жил со стервой, которая тебя всю жизнь обманывала... А обман, Саша, как и измена — только эпизод. Потому, что потом наступает раскаяние. И вот оно длится всю оставшуюся жизнь... Ты казнишь себя за то, что сделал, но хуже этой казни — невозможность получить прощение... Да, Саша... Оступившись, приходится носить в себе эту боль, а это — боль... Может, кому-то и легко с этим жить, но не мне. Молчание — не обман, а попытка сохранить то, что едва не разрушил собственными руками... Временами забывается, а потом снова накатывает... страхом, муками совести, желанием всё изменить. А уже не изменишь! Можно об стену головой биться, а не повернуть назад, не исправить... И повиниться — никак... — к концу своего монолога Анна чуть понизила голос, и теперь стояла, опустив взгляд. — Ну, вот... теперь ты знаешь абсолютно всё. Больше у меня нет от тебя тайн. Если только тебя интересуют подробности...»

Видимо, Анна ждала от него каких-то слов, но Александр молчал. Выслушав жену, он стоял, заложив руки в карманы брюк. Вмиг осунувшееся, побледневшее лицо, сжатые губы, учащённое дыхание говорили о том, что он наповал сражён её неожиданным откровением.

«Я почему-то так и думал...» — он выдавил из себя эти слова лишь спустя минуту.

Его слова задели за живое. Понимая, что не права, Анна не смогла удержаться от колкости — всё с той же горькой усмешкой...

«Вот видишь... Ты и сам догадался, что твоя жена — законченная дрянь...»

«Тебе бы лучше сейчас помолчать, Аня...» — Морозов мрачно уставился на увитое плющом проволочное ограждение беседки. Если бы он посмотрел на жену, то увидел бы, как вспыхнуло её лицо.

«Это порядочная женщина бы помолчала!.. — не сводя глаз с мужа, Анна чуть повысила голос, в котором теперь слышался вызов. — А я — не порядочная! Я — дрянь, Саша... Дрянь, с которой ты прожил тридцать лет! Не прожил, а выкинул эти годы из своей жизни... ведь так?! Ну, что ты молчишь?! Скажи, что я — дрянь! Назови вещи своими именами!.. Я — змея, которую ты пригрел на груди, и нет мне прощения, ведь так, Саша?! — не удержавшись, Анна окончательно перешла на крик — она чеканила слова, время от времени широко взмахивая руками. — Это убийцу можно простить, а таких, как я, не милуют, правда?! Таким, как я, не бывает прощения!.. И мало того, что они сами себя казнят, их нужно казнить и другой, более изощрённой казнью, ведь так?! Ну, что ты молчишь, Саша?! — вновь понизив тон, она тщетно ловила его взгляд. — Скажи ты, наконец, всё, что обо мне думаешь!.. Что я — непорядочная, дрянь... Дрянь, каких мало!.. А ещё лучше — дай мне пощёчину, ведь я её заслужила...»

...Александр слушал жену всё так же молча. Выплеснув эмоции и не дождавшись от него ответа, Анна стремительно выбежала из беседки — торопливый стук её каблуков по выложенной плиткой дорожке удалялся в направлении калитки... однако спустя несколько секунд шаги затихли — видимо, женщина остановилась. Через мгновение шаги послышались вновь — теперь они были неторопливыми... и в обратном направлении.

...Истерика сменилась отрешённостью. Войдя в беседку, Анна медленно опустилась на скамейку, обессиленно уставилась куда-то впереди себя...

«Прости меня... — она заговорила тихо, скорбно. — Я знаю, что ты этого не заслужил... — она ещё немного помолчала, потом продолжила, тяжело проговаривая слова. — Прости меня, Саш... пусть не сейчас, но хоть когда-нибудь... Можешь мне не

верить, но больше всего на свете я хотела бы всё исправить... Половину жизни бы отдала за свои ошибки... да не могу. Но я хочу, чтобы ты знал... — видимо, слёзы подступили к самым глазам, Анна часто заморгала, снова невольно сглотнула. — Дороже тебя у меня никого нет, и никогда не было. Мне очень плохо без тебя, Саша... — предательски задрожал подбородок, несколько слезинок всё-таки выкатились из глаз, побежали по щеке, оставляя влажные дорожки. — Наверное, поздно в этом признаваться, но... я тебя очень люблю...»

Александр смотрел, как плачет Анна — уткнувшись в сложенные на столе руки... Слёзы были искренние, не напоказ, это чувствовалось даже на расстоянии... Глядя, как вздрагивают её плечи, он ощутил, как, несмотря ни на что, внутри просыпается жалость...

«Я сейчас...» — ей показалось, что в его голосе промелькнуло участие...

Оставив Анну, Александр торопливо вышел из беседки. Вернулся через несколько минут, тяжело опустился рядом. Она уже не плакала, только вытирала мокрое, опухшее от слёз лицо носовым платком.

«Я сейчас уеду... — шмыгнув носом, Анна положила платок назад в сумочку. Она говорила негромко и была явно подавлена. — Да и тебе пора... Скоро уже регистрация, а вам ещё доехать надо...»

«Я Мишу отпустил...» — как будто в подтверждение его слов за воротами послышался звук отъезжающей машины.

«Почему?..»

«Я отвезу тебя домой, а оттуда поеду на такси. Ничего, успею».

«Зачем?!» — Анна удивлённо подняла на него заплаканные глаза.

«Тебе сейчас нельзя за руль... — тяжело вздохнув, Александр поднялся со скамейки. — Как ты поедешь в таком состоянии? Да и Мишке лишние заботы... Он как раз ещё домой успеет до работы заскочить».

...Она попыталась уговорить его ехать прямо в аэропорт, ссылаясь на то, что окончательно успокоилась, но Александр упрямо свернул на дорогу, ведущую к их улице. Поставив автомобиль Анны на стоянку возле дома, уверенно вышел, открыл багажник. Вынимая дорожную сумку, вдруг ощутил поистине предательское желание плюнуть на всё и вместе с женой войти в подъезд, подняться на свой этаж... Однако, подавив секундный порыв, захлопнул крышку багажника и, щёлкнув электронным замком, протянул ключи Анне.

«На развод мне подавать, или ты... сам?..»

При взгляде на жену почему-то защемило в груди... Анна выглядела совершенно потерянной. От утреннего блеска и уверенности, с которыми она приехала на дачу, не осталось и следа. Макияж был смыт слезами — даже в автомобиле Анна вопреки обыкновению не воспользовалась ни помадой, ни пудрой. Тщательно уложенные волосы почему-то сникли, как будто отвечая настроению своей хозяйки... Всё ещё красивые синие глаза выражали печаль и обречённость, покрасневшие веки выглядели чуть припухшими... Из-за поникших плеч казалось, что Анна непривычно сутулится и вообще — выглядит постаревшей.

Ответа на её вопрос у него не было. Но нужно было что-то ответить...

«Аня... — его взгляд, как и голос, выражал неожиданное участие... Но это было участие не родного, а, скорее, постороннего человека. — Я не думаю, что сейчас стоит это обсуждать. И времени нет, и мы с тобой не готовы...»

«А чего ждать, Саш? Ну, вот так вышло... Теперь уже не склеишь. Ты не простишь... А

я, хоть и виновата, но тоже живой человек. Давай уже решим эту проблему... Дима взрослый, делить нам с тобой... может, и есть что, но мне ничего не нужно. Как решишь, так и будет. Только решай поскорей...»

...Уже сидя в самолёте, Александр с удивлением ловил себя на мысли, что из сегодняшней сцены и разговора с Анной его больше всего задевают её слова о разводе. Даже признание в ещё одной измене трогало меньше, и это было, по крайней мере, странно. Прикрыв глаза, он мысленно перебирал последние дни и месяцы их жизни, всё больше и больше приходя к выводу, что ему вовсе не казалось — он, действительно ожидал чего-то подобного. Откуда бралось это ожидание, было непонятно — то ли рождалось от возникшего недоверия к жене, то ли проявлялось на уровне интуиции... Взволнованность Анны в последние месяцы, её страх, нервозность — всё это говорило о том, что супруге есть, что скрывать, и не только в связи с визитом Мясникова... Александр как будто чувствовал её состояние, только не мог дать ему точного объяснения. Теперь же, услышав её окончательное признание, он вдруг, совершенно неожиданно для себя, ощутил что-то похожее на катарсис... Видимо, это передалось ему от жены — признавшись во всех грехах, Анна хоть немного, но облегчила душу. Он знал наверняка: она ему не лжёт, он ощущал это физически... Так бывает только с очень близкими людьми, разделившими не один год жизни...

...Она не назвала имени второго любовника, и этот вопрос то и дело вонзался в мозг — как игла бормашины в обрывок нерва. Как бы ему сейчас хотелось избавиться от этой боли!..

Александр подумал, что это — как наболевший зуб... Боль разливается по всей челюсти, и уже непонятно, где источник твоих мук, и ты уже согласен удалить все зубы, лишь бы почувствовать долгожданное облегчение... Но Анна — не зуб... Как вырвешь из сердца столько лет, прожитых вместе?.. Тем более — счастливых лет.

Пытаясь отделаться от навязчивых мыслей, он пробовал направить их в другое русло... Смотреть на свою ситуацию с противоположной стороны всегда тяжело, но умный человек сможет найти для этого силы...

Какая разница, кем увлеклась твоя жена?.. Самокопание «чем он лучше меня» — удел слабых мужчин... А выискивать чужие достоинства и собственные недостатки, чтобы, в конце концов, оправдать и простить неверную жену — значит, уронить себя в собственных глазах. Потому, что если прощать — то независимо от обстоятельств. Миловать — лишь потому, что любишь именно эту женщину... и жизнь с ней для тебя важнее собственных амбиций.

Жизненные установки, заложенные и при рождении, и в процессе воспитания, не вызвали сомнений... Вызывала сомнения возможность их применения на практике.

***

Уже вечером того же дня, забрав из гостей внучку, Анна усадила её в детской, и сама устроилась рядом — с ноутбуком. На душе было не просто плохо... Там было черно. Вспомнив про Нелькино письмо со стихами, почти нехотя открыла электронную почту...

...Стихотворение с до боли знакомым названием, среди прочих присланное Нелькой, Анна перечитывала уже в третий раз... Теперь было понятно, что имела в виду подруга, когда говорила о том, что поэзия неизвестной поэтессы ей обязательно понравится. Это было настоящее созвучие — с мыслями, настроением, а ещё — с состоянием изболевшейся души...

Когда осенние печали

*Нахлынут роем листопадным,
Сгорят прощальные закаты
И станут птицы на крыло,
Себе удел предназначая,
Короткой полночью прохладной
Уйду в безоблачное "завтра"
И буду жить — всему назло.
Когда последние печали
Спадут, как бранные одежды,
Устанет крик прощальный птицы
В осеннем воздухе кружить,
У недопитой чашки чая
Тетрадку положу, как прежде,
Открою чистую страницу
И буду жить... и буду жить.
Назло всему, что "слишком поздно",
Назло всему, что "слишком страшно",
Назло диагнозам и датам
Из недописанной строки...
И пусть никто не заподозрит,
Как снова манит день вчерашний
В тот мир, где было всё когда-то
"Во имя", а не "вопреки".*

Ещё более удивительным было совпадение — словосочетание «осенние печали» впервые пришло в голову Анны ещё прошлой осенью, но она и подумать не могла, что эти слова уже придуманы кем-то... И не просто придуманы — они прочувствованы так же, как прочувствовала их она сама...

...Сегодня она сама сожгла все мосты... Облегчив душу, она навсегда потеряла мужа, но, наверное, это был лучший выход. Саша был готов уйти, ему всего лишь нужно было помочь... Сейчас она, действительно, не видела их дальнейшей совместной жизни без этих, ставших роковыми, признаний. После них можно было уже не сомневаться — чего ждать от судьбы, а на чём поставить крест.

...Раскинув ручонки, маленькая Анюта сладко посапывала в своей кроватке. Поправив на ней лёгкую простынку, Анна снова присела возле ноутбука. Открыв сайт одного из пансионатов, находящихся в пригороде, нашла информацию о наличии свободных путёвок. Составить заявку не было никакого труда... Вписав все необходимые данные, ещё раз проверила их на наличие ошибок — по старой учительской привычке, и уверенно нажала на «Отправить».

«И буду жить... И буду жить...» — почему-то именно эти строчки не выходили из головы. Даже проваливаясь в глубокий сон, Анна всё ещё повторяла их мысленно — как молитву... как заклинание...

Глава 37.

...Встреча с родными на какое-то время притупила боль. Навалившиеся снежной лавиной события хоть ненадолго, но ушли на второй план: остановившись в доме сестры, Александр навестил могилы родителей, прошёлся по родному посёлку, с прискорбием

отмечая хозяйничающие здесь разруху и запустение. Когда-то перспективный рабочий посёлок теперь превратился в полуразрушенный населённый пункт... Лесозаготовительное предприятие, в своё время гремевшее на всю область, было безжалостно закрыто. Оставшиеся без работы люди метались в поисках лучшей доли: кто помоложе, перебирались в город, народ постарше работал вахтами — регулярно отрываясь от семьи, а кто-то пополнял и так приличную компанию местных алкоголиков. Опустевшие без хозяев дома смотрели на прохожих тёмными, незашторенными окнами — сюда давно уже никто не ехал на постоянное место жительства, и, перебираясь в другие места, люди просто бросали своё жильё. Вид некогда цветущего посёлка теперь приводил в уныние — дороги давно не ремонтировались, всюду виднелись покосившиеся заборы и полуразвалившиеся сараи, а бывшая гордость посёлка — двухэтажный красавец магазин был навсегда закрыт. Вместо него работали несколько небольших лавочек, хозяевам которых было не под силу выкупить серьёзное, со всеми удобствами здание, чтобы устроить там свою торговлю. Впрочем, по словам сестры, в этом не было и смысла: жителей в посёлке становилось всё меньше, и вкладывать деньги в торговлю или в какое-либо производство не было никакой выгоды.

Мужу сестры и двоюродному брату Петру повезло: один работал на железной дороге, а второй на местной газовой котельной. С Петром у Александра всегда были очень тёплые отношения — почти ровесники, они с детства были дружны и очень похожи. Впрочем, в этом не было ничего удивительного — их отцы были близнецами.

...Уже на третий день своего пребывания на родине Александр откровенно заскучал... Родные места не вызывали прошлых радостей, а действовали угнетающе. Хотелось поскорее вернуться домой, вновь ощутить динамику огромного города, влиться в работу, обнять любимых внуков... Но уехать вот так сразу было неловко, ему, действительно, здесь были рады. Приглашение на свадьбу к соседям Петра он принял с благодарностью и обещанием прийти, тем более, что женился сын его бывшего одноклассника.

Накануне свадьбы была баня — тоже у Петра, и, расслабившись после парилки, Александр с удовольствием пил в предбаннике клюквенный морс, когда сам Пётр, неожиданно выскочив в чём мать родила за дверь, тут же вернулся с банкой солёных огурцов, буханкой хлеба и бутылкой водки. Видимо, всё это было припрятано заранее, чтобы не увидела супруга, но, зная добрый характер свояченицы, Александр искренне удивился такой конспирации.

— Да не смотри ты так, Санька... — Пётр только сейчас завернулся в простыню и, достав откуда-то пару гранёных стаканов, с явным удовольствием разливал в них прозрачную жидкость. — Или что, скажешь, что пить не будешь?!

— Да почему ж... — Александр взял протянутый ему стакан. — Выпью... Только ты как-то украдкой, мы чего, кого-то боимся?

— Так украдкой — оно ж вкуснее! — Пётр добродушно рассмеялся. — Интрига, Санька!.. Забыл, что ли, как в восьмом классе перед танцами вот так, в бане дедова самогона напились?

— Такое разве забудешь!.. — вспомнив ту запретную «стопочку», и последовавшую за ней «вторую», и, как результат — обездвиженное состояние, в котором и застал их дед, решивший и сам, в тайне от супруги «принять на грудь», Саша в ответ громко расхохотался. — Сначала дед подзатыльников надавал, потом отец — только по другому месту, и уже не ладонью!..

— А меня батя не лупил, он мне наутро бутылку выставил, говорит — пей, сынок,

полегчает... — Пётр заговорщицки подмигнул, потом, как будто что-то вспомнил, покрутил головой. — Да пробку-то и вынул... мне как дух самогонный в нос ударил... так я на весь день с тазиком подружился... Надолго охота отпала самогонку дедову воровать!

Посмеявшись вместе с братом, Александр залпом выпил стакан, потянулся за огурцом. Удивительно, но после всех неприятных событий он практически перестал употреблять алкоголь. Вопреки всему, желания утопить горе на дне стакана отсутствовало напрочь, и только сейчас он решил поддержать компанию — вечер в баньке располагал к такому, чисто мужскому застолью.

— А вот скажи мне, Санька... — хрустнув своим огурцом, Пётр внимательно посмотрел на брата. — Почему ты всё-таки один приехал?

— А что тут такого? — тот пожал плечами. — Аня не смогла... А я и раньше один приезжал. Чего ты спрашиваешь-то?..

— А не ври... — Пётр снова разлил по стаканам. — Один ты всего пару раз приезжал, и Аня тогда работала. А сейчас она в отпуске... Чего у вас случилось-то?..

— Да ничего не случилось... — Александр нахмурился. — Всё нормально, Петь...

— Врёшь ведь...

— Ну, вру...

Он уже понял, что Пётр знает об их ссоре — видимо, рассказала падчерица, которая уже несколько лет жила в том же городе, что и Александр, и работала в творческом центре Дмитрия. Всех подробностей Алиса, конечно, не знала, но, бывая иногда у Морозовых, не могла не заметить перемен, коснувшихся обоих супругов.

Отпираться не было смысла... Саша вдруг почувствовал острое желание поделиться своей бедой... Он знал: от Петра никуда не уйдёт, тот даже родной жене не расскажет доверенную ему тайну...

Поразмыслив ещё с минуту, он решительно отставил всё ещё полный стакан и, облокотившись на расставленные колени, привычно сцепил пальцы рук...

— Вот такие дела, Пётр Николаич... — закончив свой рассказ, Морозов насупился и ещё ниже опустил голову. — Жили, не тужили... а оказалось, что я многого не знаю о своей жене...

— Да, Санька... — не проронивший ни слова Пётр только теперь решил подать голос. — Невесёлая ситуация... А я подумал, что это из-за твоего сына внебрачного у вас такое... Ну, и что ты теперь делать намерен?

— Откуда ж я знаю... Столько лет прожили... да и было всё давно... Вроде как руками махать поздно... — Саша тяжело усмехнулся. — Ну, ладно тогда, перед свадьбой... говорит, всё ещё любила того... Но потом-то уже был целый роман... Я ж ей верил, Петь... Безоговорочно верил... Она ж для меня была — всё! Да и не замечал я ничего, она всегда дома, ну, бывало, что на работе задержится, у кого не бывает?.. Я даже понять не могу — когда, с кем?!

— А оно тебе надо?.. — Пётр бросил на брата быстрый взгляд исподлобья. — Знать — когда и с кем... Ну, узнаешь... Что, морду бить пойдёшь через столько лет?..

— А чёрт его знает, Петька... — Александр снова сжал в руке стакан. — Сам не знаю... В душе — такая чертовщина... словами не передать. Я ж никогда в жизни не думал, что Аня способна на такое...

— Не думал... — Пётр хмыкнул. — Про такое никто не думает, Санька... Ты ж тоже не думал, что сын найдётся через столько лет?

— Не думал... — так и не выпив, Александр снова отставил полный стакан. — Только это — совсем другое...

— Да как сказать... Аня-то как отнеслась?.. — чуть прищурившись, Пётр пытливо уставился на брата.

— Нормально отнеслась... Скажу больше — это она первая обо всём узнала, а потом рассказала мне.

— Вот видишь...

— Другое это, Петь, понимаешь?.. Это — радость... Мишка — хороший парень, на нашу породу похож, на морозовскую...

— Так то тебе радость... Мне вот — радость, ещё один племянник... А Анне Сергеевне — радость ли?.. — Пётр для пущей убедительности прицокнул языком. — Вот то-то и оно...

— Да понимаю я! Только было всё до неё... Я ж ей не изменял, ни разу в жизни!

— Понимаю тебя, братуха... — тяжёлая ладонь Петра легла на плечо Александра. — Только и ты пойми... Жизнь — она штука сложная... Жили бы мы в раю, так никто бы и не грешил... А мы-то — на земле...

— Я всё умом понимаю... И люблю ведь её до сих пор... Только сломалось что-то, Петька...

— Ну, представь, разведётесь вы... — всё-таки осушив свой стакан, Пётр поднёс ко рту огурец — звонкий хруст разнёсся по предбаннику, опережая рванувший за огурцом из узкого горлышка банки пряный аромат. — Ну, а дальше — что?.. Ну, поделите квартиры-дачи-машины, разъедетесь...

— Да не хочу я никуда разъезжаться! — последовав примеру брата, Саша ограничился только закуской. — Ну, как я — без Димки, без внуков... Мы же одна семья, понимаешь?..

— Тогда чего тебе ещё надо?.. Ну, провинилась твоя Анна Сергеевна... Бывает, Санька... не у тебя одного...

— Говорю же — сломалось что-то... На дачу уеду — по дому скучаю... Домой вернусь — места себе не нахожу. Веришь — измучился... и сам измучил, и Аню измучил. Это она развод предлагает...

— Ну, может тебе это... — Пётр чуть понизил голос. — Бабёнку какую завести?.. Глядишь, и место найдётся... и душа уляжется... А там уже по обстоятельствам...

— Завести, чтобы отомстить?.. — Саша недоверчиво покрутил головой. — Это, чтобы ещё больше грязи в душу натаскать?.. Нет, Петро, это, как говорит молодёжь, не мой случай...

— Зачем — грязь? А ты влюбись!.. — брат шутливо развёл руками. — Сколько тебе сейчас? Пятьдесят один?

— Скоро пятьдесят два.

— Да ты же ещё пацан! Посмотри вокруг, сколько бабёнок одиноких, только и ждут, кого пригреть!..

— Муторно на душе, Пётр Николаич... Какая тут любовь? Да и вообще... Однолюб я, Петька...

— И в кого ты у нас такой правильный?.. — Пётр добродушно усмехнулся. — Как же тебя сына-то внебрачного угораздило сделать?!

— Да вот... угораздило... Наваждение...

— Так вот ты и представь, что у Анны твоей тоже наваждение было... — несмотря на опьянение, брат заговорил нарочито серьёзным тоном. — Просто прими — как факт...

Понимаешь, братуха, того, что было, уже не вернёшь... Может, Аня и сама себя корит, она же тебе не потому раньше не признавалась, что обмануть хотела. А чтобы покой твой сохранить... Чего ты усмехаешься?! А ты с этой стороны подойди! Вы тридцать лет прожили, что — плохо жили?!

— Да в том-то и дело, что не плохо...

— Хорошо вы жили! Знаю, мать твоя нарадоваться не могла, всё Анюту нахваливала, а она женщина была не глупая, умела в людях разбираться. Аня твоя — и хозяйка, и воспитанная, и деньгам всегда могла толк дать, не транжирила почём зря, и к тебе — с уважением... Молчи, дай договорить!.. — увидев, что брат пытается возразить, Пётр широко махнул на него рукой. — Ты думаешь, что уважение — это когда всю жизнь только верность соблюдают? Ну, да, это — тоже... Да только повторюсь — жизнь-то штука длинная, чего в ней только не бывает, пока человек до конца её пройдёт... Иная жена и не гуляет, а мужику повеситься охота — своим характером до печёнок достанет! Или — дура набитая, на люди стыдно показаться!.. А твоя Анна Сергеевна хоть раз на тебя прилюдно голос повысила?.. Унизила словом или делом?.. Я сейчас не про измену!.. Ну, скажи, было у тебя такое, что домой не хотелось идти, чтобы глаза на неё не глядели?.. Ну, говори, чего ты?!

— Ну, ты меня уж совсем... — обескураженный тоном брата, Александр качнул головой. — Отчитал, как заправдашнего пацана...

— А ты и есть пацан! — захмелевший Пётр с силой опустил кулак на стол. — Что там у тебя сломалось?! У мужика ничего ломаться не должно! Оценил ситуацию — принял решение! Не можешь жить — не мучай, ни себя, ни её! Разведись, уйди, езжай на край света! Не можешь уехать — значит, прими всё как есть! Любишь — прости! И — забудь, за что простил... Ты — мужик, Саня, и этим всё сказано! Ты же сильнее, значит, должен проявлять великодушие!.. Женщина — она слабее, ей оступиться — пара пустяков... А мужик — он руку, плечо должен подставить, а не пинать, как футбольный мяч, потому, как — силу имеет...

— Да понимаю я...

— Ты вот скажи мне... — Пётр положил на стол локти и подался вперёд. — Если бы ты тогда сразу узнал, что Аня тебе изменяет... Простил бы ты её?! Только сразу не отвечай... Подумай!.. Представь ситуацию... Ушёл бы ты тогда от неё, от Димки?.. Оставил бы парня другому папаше?.. Чтобы он не тебя, а его отцом звал, чтобы внуки твои теперь не тебя, а его — дедом называли?.. Чтобы жена твоя не тебя, а кого-то другого домой ждала, в постель с ним ложилась, согласился бы?!

— Как ты всё интересно закручиваешь...

— А я не закручиваю, Сашка... — голос у Петра неожиданно «отрезвел». — Я тебе ситуацию не с позиции обиженного рисую... А с позиции уверенного в себе человека. Можешь не отвечать... Я и сам твой ответ знаю. Не смог бы ты от Анны уйти, и Димку бы не бросил. Не тот ты человек, Санька!..

— Ну, спасибо... — Саша улыбнулся. — Хоть одно доброе слово я о себе услышал...

— Если бы я тебя не знал, я б с тобой об этом и не разговаривал... Я же видел, как вы живёте, можно сказать, душа в душу! И что теперь, из-за прошлой ошибки всю жизнь — коту под хвост?!

— Если бы то была моя ошибка...

— Какая разница?! — кулак Петра в очередной раз обрушился на столешницу. Пристально уставившись на брата, он подался ещё вперёд, сгустил голос. — Вы — одно

целое! Ошибся один, а расхлёбывать всё равно вдвоём придётся! Да что я тебя, как пацана, учу?!

— Я ведь уходить не собирался...

— Если не уходить, Санька, то надо всё забыть. Не знаю, как... но — надо. А если нет, то лучше, и правда, уйти...

...«Баня» затянулась до половины ночи — супруга Петра, догадавшись, почему мужчины так долго не возвращаются домой, принесла им закуски, заодно и ещё одну бутылку. Несмотря на то, что пил он намного меньше брата, утреннее самочувствие Александра оставляло желать лучшего. От «лечебной» стопочки он отказался, предпочтя рассол, а потом и крепкий чай. Алкоголь вызывал непривычное отвращение, и назначенный на вечер поход к соседям на свадьбу казался уже не столь желанным мероприятием.

Однако, обижать бывшего одноклассника не хотелось. Глядя на подтянутого, одетого в светлые брюки и светлую рубашку Александра, Пётр только загадочно хмыкнул. О причинах этой загадочности Саша догадался уже потом...

...Свадьба была по-деревенски шумной и пьяной. Привыкшему к праздникам в окружении своей интеллигентной семьи Александру вначале было довольно весело и любопытно наблюдать и за гостями, и за родственниками молодых. Благодаря летним денькам, застолье было решено устроить прямо на улице, благо двор у соседей был огромный. Сидя рядом с земляками, Саша вместе с ними поднимал рюмку за рюмкой, но почти не пил, только пригубливал. Оставаясь трезвым, он весело посмеивался шуткам тамады, отвечал на расспросы старых знакомых, здоровался со вновь прибывающими гостями. Сопровождавший его Пётр вскоре ушёл домой — у него разболелся зуб, к тому же, принятый на свежие, после вчерашней бани, дрожжи алкоголь очень пагубно отразился на его состоянии — уже после трёх стопок Пётр был изрядно навеселе.

— А ты посиди, Санёк... — похлопав брата по плечу, Пётр грузно вылез из-за стола. — Где ты ещё с нашими пообщаешься?! Как надоест, приходи к нам ночевать, чего тебе до Галки переться. Я дверь закрывать не буду... И смотри!.. — указательный палец многозначительно взметнулся вверх. — Поосторожнее тут с женским полом... мне про тебя уже все уши прожужжали...

— Про меня? — Саша удивлённо рассмеялся. — Это кто же?!

— А сам увидишь... — Пётр нетрезво хмыкнул и скосил глаза в сторону. — Только меня не продавай... обещал молчать!..

— Да идём уже!.. — супруга Петра нетерпеливо потянула его за локоть, затем повернулась к Александру. — Саш, а то и ты с нами... Пойдёмте, мужики, я вам лучше дома бутылку выставлю, спокойно хоть посидите!

— А тут что, не спокойно? — Саша рассмеялся и обвёл глазами украшенный двор. — Вроде бы не стреляют...

— Останешься — сам увидишь... — женщина в ответ усмехнулась и вновь обратилась к мужу. — Идём, горе луковое... Говорила тебе — выдерни ты этот зуб, проблем будет меньше!

Проводив брата, Александр снова вернулся за стол. Загадочный намёк Петра вскоре забылся в беседе со старым школьным приятелем, который, как и Пётр с Галиной, остался жить в родных краях.

— Мужчины, а вы не заговорились?.. — фигуристая женщина, явно «за тридцать» с загадочным выражением лица присела за стол напротив и кокетливо уставилась на

Сашиного собеседника. — Игорь Алексеич, хватит уже гостя разговорами кормить. Он и так не ест, не пьёт, не танцует...

— Да мы что... — Игорь Алексеевич шутливо развёл руками и повернулся к Александру. — Ты разве не пьёшь?.. Давайте, что ли, на троих, пока остальные по кустам разбрелись?..

Народу за столами и правда было уже немного — веселье набирало обороты, и подвыпившие гости лихо выплясывали на травяном газоне, безжалостно отданном хозяевами под танцплощадку. Многие, действительно, разбрелись по двору и за его пределами — огоньки сигарет мелькали то у кустов сирени, то под налитой ягодами черёмухой, то просто — у забора. Опустившийся с приходом вечера сумрак рассеивался двумя мощными прожекторами, направленными на двор с крыши дома и электрического столба.

— Ну, давайте... — приветливо улыбнувшись даме, Александр, уже в который раз за вечер, поднял свою рюмку. — За молодых?

— За молодых! — дама улыбнулась довольно игриво и протянула свою стопку, чтобы чокнуться. — Только до дна!

Женщина была довольно привлекательной: с большими карими глазами, чувственными, сочно накрашенными тёмно-красной помадой губами. Волнистые каштановые волосы пышной копной лежали на округлых, соблазнительных плечах... Роскошная грудь нескромно выпирала из низкого декольте... Яркий образ дополняли тёмно-синее платье из переливающейся ткани и такого же цвета перламутровые бусы на загорелой шее. Довольно откровенный взгляд не оставлял сомнений — дама из категории «охотниц». Если бы не заметные морщинки, лучами исходящие из уголков её глаз, и «сеточка» под нижними веками, женщине можно было бы дать лет тридцать. Однако, признаки сорокалетнего рубежа не смогли скрыть ни тональный крем, ни пудра.

— Женщинам отказывать грех! — всё так же улыбаясь, Морозов подхватил шутливый тон и, чокнувшись со всеми, выпил — в этот раз до дна.

Обжигающая волна прокатилась внутри, но уже через секунду приятным теплом разлилась по телу, слегка ударила в голову. Рука уверенно потянулась за закуской...

— Ну, потанцевать-то кто-нибудь пригласите! — выпив вместе с мужчинами, женщина весело-требовательно взмахнула руками. — Свадьба, как-никак!

— Потанцевать?.. Если только Александр Иванычу... — Игорь кивнул на Морозова. — А что, тряхни стариной? Когда ещё в родные края тебя занесёт?

Выпитая стопка не столько опьянила, сколько придала бодрости и настроения. С готовностью поднявшись, Александр перешагнул через длинную скамейку и, обойдя стол, галантно подал руку незнакомке. Проведя её в центр «танцплощадки», одной рукой обхватил талию, другой попытался завладеть ладонью, но женщина решительно положила обе кисти ему на плечи.

...Даже не прижимаясь плотно, он ощущал упругость женской груди — незнакомка имела аппетитные, поистине «выдающиеся» формы. Округлые, налитые бёдра покачивались в такт музыке — Александр упирался в них ребром ладони, невольно чувствуя, как наряду с выпитой стопкой близость женского тела начинает непроизвольно волновать...

— Может, познакомимся? — дама подняла на него недвусмысленный взгляд. — Я — Зоя...

— Очень приятно, — он вновь обаятельно улыбнулся. — А я — Александр.

— Саша?.. — то ли уточнила, то ли поправила партнёрша.

— Можно и Саша! — Морозов охотно кивнул.

— А ты меня совсем-совсем не помнишь? — Зоя без предупреждения перешла на ты.

— Н-нет... — он довольно неуверенно покачал головой. — Правда, не помню...

— Ничего удивительного, — она усмехнулась. — Ты школу уже закончил, а я только в первый класс пошла.

— Выходит, вы меня всё же запомнили? — Александр старательно придерживался шуточного тона, но фамильярничать не стал. — В отличие от меня...

— Просто мы жили рядом... Вы — в семнадцатом доме, а я с родителями напротив, в шестнадцатом...

— Подождите... — вспоминая, Морозов чуть нахмурился. — Шестнадцатый дом... Это же где Васильевы живут!

— Ну, вот, вспомнил! Я их дочь, самая младшая.

— Ребят помню, пацанами вместе гоняли... А вас и правда забыл... Да и не видел никогда, сколько раз приезжал...

— Просто не замечал... — Зоя вновь подняла на него насмешливый взгляд. — Зато я помню, как ты с женой приезжал, потом с сыном... А потом я школу окончила и уехала.

— Выходит, тоже сейчас в гостях?..

— Уже нет... — Зоя чуть улыбнулась уголком губ. — Я семь лет, как вернулась. Работаю в медпункте медсестрой. Так что, если нужен будет укольчик, заходи... Уколю!..

Вернувшись к столу, Саша не обнаружил там Игоря — видимо, тот тоже куда-то отлучился. Свадебное действо уже давно вышло из-под контроля тамады и разворачивалось по произвольному сценарию. Гости то усаживались за столы, чтобы выпить и закусить, то уходили потанцевать — вразнобой, кому когда вздумается. Музыка перебивалась спонтанными выкриками «Горько!», а вскоре и жених с невестой покинули застолье.

Пора было уходить и Александру, но ещё пара выпитых стопок послужила причиной продолжения разговора с новой знакомой. Усевшись рядом, Зоя непринуждённо болтала, как бы ненароком задевая его то своим шикарным бюстом, то бедром. Она то и дело вытаскивала его танцевать и даже заставила выпить с ней на брудершафт. Такое усиленное женское внимание к его персоне было непривычным, но оно нравилось, и Саша уже не поглядывал на часы. Казалось, что все проблемы куда-то ушли, растворились в этой тёплой июльской ночи, среди разудалого свадебного веселья...

По традиции принесли гармошку — устроив инструмент на коленях, гармонист первым делом опрокинул полный стакан — для разогрева, затем, растопырив пальцы, нажал на кнопки, растянул меха... И этот тёплый вечер, плавно переходящий в ночь, и усыпанное звёздами июльское небо, и звуки гармошки напомнили сейчас далёкие годы, проведённые здесь, рядом с родителями, друзьями детства... Александру подумалось, что вот оно — то самое родное и близкое, чего так не хватает человеку, покинувшему свой отчий дом... Вот оно — настоящее, от своих корней, то, чем во веки вечные жива душа...

— А ты, наверное, такую музыку давно не слышал?.. — облокотившись на стол, Зоя бросила на него очередной игривый взгляд. — Русскую-народную...

— Ну, почему, слышал, конечно... — Саша пожал плечами. — У нас в городе когда большие праздники, то на площадях народные коллективы выступают.

— А правда, что у тебя сын — известный музыкант?

— Да, музыкант. Пишет музыку, поёт...

— Ух, ты... Хоть бы посмотреть одним глазком.

— В интернете много роликов. Наберите «Дмитрий Морозов» или «Ночной патруль»...

— Спасибо, запомню... — новый взгляд откровенно обласкал Александра. — А сколько ему лет?

— Почти тридцать... — вспомнив о сыне, тот неожиданно погрузился... В последнее время они виделись реже — из-за частых отлучек Александра, и участвовавших гастролей Димы... Он очень скучал — по Димке, Наташе, Валерке, маленькой Анюте... Об Анне старался не думать, но, несмотря на это, чувствовал: она где-то рядом, неотъемлемая от остальных, и, в первую очередь, от него самого...

...Как будто пытаюсь отвлечь от невесёлых дум, гармонист вновь рванул меха — заводная «Цыганочка» полилась из-под умелых пальцев, вначале неторопливо, размеренно... но с каждой секундой набирая обороты... Ноги сами запросились в пляс, однако выйти в круг Морозов не решился. Напрасно Зоя тянула его за руку, уговаривала составить ей компанию... Саша только смеялся и в ответ отрицательно качал головой.

...Плясала Зоя не очень умело, выдавая что-то среднее между восточным танцем и русской плясовой, призывно поводя бёдрами и одновременно притоптывая каблуками. Её бюст то подпрыгивал вместе с ней, то опасно колыхался из стороны в сторону... могло даже показаться, что он исполняет свой собственный, не зависимый от хозяйки, танец. Время от времени Зоя потряхивала плечами, и тогда два её передних полушария выполняли что-то похожее на вращательные движения, при чём, вращались они в разные стороны.

Мужскому взгляду было тяжело оторваться от такого зрелища, и Александру приходилось прилагать усилия, чтобы не вызвать у окружающих несправедливых пересудов на тему его увлечения случайной знакомой. Ничего подобного не было даже в мыслях... Представился случай провести этот вечер в компании такой вот интересной соседки, так почему бы и нет? В конце концов, он давно не был в родных краях, не общался с земляками... Зоя — такая же землячка, тем более, что все знакомые мужчины уже разошлись по домам. А ему — куда торопиться?..

Закончив плясать, Зоя весело вернулась за стол. Водки не хотелось, и Саша с удовольствием налил себе и ей клюквенного морса — женщина шутливо стукнула своим стаканом о стакан Морозова.

— Зойка, к-нчай м-зги человеку пудрить! — пьяный женский голос прозвучал откуда-то сбоку, и, обернувшись, Александр с удивлением узнал мать жениха. Новоиспечённая свекровь, что называется, не вязала лыка, и была настроена довольно агрессивно. — Н-не твоего п-поля ягода... иди уже домой, а то щас Колька твой проспится, придёт морды бить, а мне тут ваши разборки ни к чему!..

Произнеся свою гневную речь, женщина грузно приземлилась на скамейку, потянувшись за полупустой бутылкой. Разливая водку по клеёнчатой скатерти, наполнила стопку...

Ещё днём, усаживаясь за накрытый стол, Александр обратил внимание на хозяйку дома — в располневшей, заметно постаревшей женщине с трудом угадывалась Люба Шорохова — девочка из параллельного класса, которая когда-то нравилась тогда ещё совсем юному Сашке Морозову. Это была совсем недолгая влюблённость, не оставившая на сердце никакого следа, но сейчас оно почему-то ёкнуло — скорее от жалости... Было грустно видеть своих постаревших ровесников, которых запомнил молодыми, красивыми и полными сил. Любке сейчас шёл пятьдесят второй год, и это была настоящая деревенская бабища, ничем не напоминавшая хрупкую, голубоглазую девочку со светлыми волосами, заплетёнными в две косы...

Он невольно подумал об Анне — её не смогли состарить даже годы, она и в пятьдесят оставалась красивой и всё ещё желанной... О том, чтобы Анна могла напиться до такого нечеловеческого состояния, не могло быть и речи...

Вид пьяной хозяйки и её непрозрачные намёки моментально испортили настроение.

— А что я такого делаю?! — в ответ на «наезд» Зоя сделала удивлённые глаза. — Тётя Люб?..

— Тоже мне, племянница нашлась! — Любовь залпом осушила рюмку и, сморщившись, шумно выдохнула. — Чем всегда занималась, тем и занимаешься!.. На м-жиков вешаешься!..

— А ты пьёшь, как свинья! — Зоя неожиданно зло сверкнула глазами. — За собой смотри лучше!

— Я с-сына ж-нила!.. Имею право! — женщина широко махнула рукой гармонисту, весело болтающему у крыльца с её супругом. — Ва-а-аська!.. А ну, бери гармошку... твою мать!.. Свадьба у нас, или поминки?!

Отборный мат, рвущийся из уст немолодой женщины подействовал ещё более угнетающе — такого не было ни в семье его родителей, ни в его собственной семье. Решив, что на сегодня развлечений хватит, Александр решительно поднялся из-за стола.

— Уходишь?.. — Зоя смотрела на него с нескрываемым призывом в чуть прищуренных глазах. — Может, меня проводишь заодно?..

— Почему бы и нет? — Саша смущённо пожал плечами. — Нам же по пути?

— А т-ы куда собрался?! — видимо, услышав их диалог, Люба нетрезво повернулась всем корпусом к Александру, упёрлась одной рукой в широкий, мясистый бок. — К-мпанией нашей брезгуешь?!

— Нет, что вы... — Морозов чуть виновато приложил руку к груди. — Просто уже пора.

— Да поня-а-а-тно, что брезгуешь!.. — женщина широко махнула на него рукой, скривила рот. — Городско-о-о-й... Сын — народный артист, да-а?! Мы тут всё про тебя знаем!.. Загорди-и-ился!.. Зойку подцепил!.. Смотри, чего другого не подцепи!..

— Да как тебе не стыдно?! — Зоя сделала шаг в сторону Любы. — А ещё мать называется! Нажралась, как свинья, болтаешь, что попало!

— А ты вообще зат-кнись! — Любовь с удовольствием переключилась на новый объект. — Шалава! Я хоть сыновей вырастила, всех женила... А ты — кто такая?! Сорок лет, всё задницей вертишь!.. Только и ищешь, с кем бы перепихнуться! Вот напишу на тебя жалобу, выгонят с работы!

— Да пошла ты, дура! Хоть бы мужа своего не позорила на старости лет... — тряхнув волосами Зоя с нескрываемым достоинством повернулась к Александру. — Идём отсюда!..

Он и сам был рад поскорее уйти — явно назревал скандал, тем более, женский, и как себя вести в этом случае, было непонятно. Кивнув всем на прощание, Александр торопливо шагнул к калитке.

...В первый момент он не понял, что произошло... Выросший как из-под земли мужчина в мятой рубашке неожиданно схватил его за грудки... Александр даже не успел сгруппироваться, как почувствовал отпечаток чужого кулака на своей скуле и через секунду — что-то твёрдое на уровне лопатки... Уже потом, поднимаясь с земли понял, что, не удержав равновесия, попятился назад, прямо на электрический столб...

Всё случилось так внезапно, что ответить он не успел, лишь недоумённо смотрел, как, повиснув на незнакомце, Зоя изо всех сил пытается удержать того от нового нападения.

— Мужики, ну помогите!.. — её попытки были тщетны, мужчина был внушительной

комплекции и одного роста с Александром. К тому же, он был изрядно выпивши — это было заметно по его не совсем уверенным, но стремительным движениям.

— Что, бобаря себе нового нашла, да?! — обращаясь к Зое, мужик не сводил бычьих глаз с Морозова. — Убью, с-сука!..

Совершенно не готовый к таким событиям Александр, тем не менее, сделал шаг вперёд.

— Ты кто такой?.. — Морозов невольно приложил ладонь к скуле. — Чего тебе надо-то?

— Ты смотри, ещё разговаривает!.. — грузная пьяная масса снова двинулась на него. — Ты чего, фраер, рамсы попутал?!

— Да мужики-и-и-и!.. — отчаянный визг Зои разнёсся по всей улице. — Держите его-о-о!..

...В своей жизни Саша Морозов дрался не часто. Его последняя драка пришлась на третий курс военного училища — пришлось ввязаться в потасовку, чтобы заступиться за товарища. С тех пор ссоры с применением физического воздействия на противника как-то обходили его стороной. И кто бы мог подумать, что в уже серьёзном возрасте ему, отцу и деду, придётся помахать кулаками...

Впрочем, махать пришлось недолго. Отбиваясь от неожиданного «соперника», Александр успел всего пару раз замахнуться, но удары приходились вскользь — сказывался фактор неожиданности и неподготовленности к такому повороту событий. Николай — так звали набросившегося на него мужчину — работал кулаками более виртуозно, но Саше удавалось уворачиваться, поэтому ссадин оказалось всего две: на скуле и на лбу. Докричаться до «мужиков» у Зои получилось только с третьего раза — выскочившие из затемнённых уголков двора остатки мужского контингента пьяно бросились разнимать дерущихся, особо не вникая, кто прав, а кто виноват.

В результате «напавшую» сторону утащили ближе к столу, где и успокоили большим «штрафным» стаканом. «Потерпевшего» Морозова успокаивали изрядно подвыпившие тётки, бросившие ради такой благородной миссии вытаптывать остатки газона под заливчатские частушки.

В числе потерь оказались испачканные грязью брюки и разорванная по вороту и рукаву рубашка.

От «отступных» ста грамм Саша отказался, от вызова участкового — тоже. Приведя себя в порядок — насколько это было возможно, он выслушал запоздалые извинения от хозяина. Бывший одноклассник был не таким пьяным, как его супруга, поэтому разговор получился вполне адекватным.

— Да всё нормально!.. — отряхивая брюки, Саша весело улыбнулся. — Ну, как это — чтобы свадьба, да без драки?! И вспомнить будет нечего!..

Пообещав «накостылять» Кольке, одноклассник с облегчением пожал руку Морозову и проводил до ворот. Сам Колька уже, кажется, забыл, зачем появился на свадьбе в такой поздний час, и осушал стакан за стаканом в компании самых стойких гостей. Разбираться с пьяным ревнивцем не было ни смысла, ни желания, Александра больше волновал вопрос, как объяснить сестре свой непрезентабельный внешний вид. Даже если сейчас она спит, то завтра всё равно увидит, в какой одежде вернулся со свадьбы её старший брат. Решив, что, действительно, лучше заночевать у Петра, Саша бодро направился в сторону улицы, где находился его бывший родной дом — обещание проводить Зою оставалось в силе, несмотря на возникшие форс-мажорные обстоятельства.

Происшествие отрезвило, и, выйдя за ворота, они молча шли по тёмной улице, лишь кое-где освещаемой редкими фонарями. Веселье ушло, вместо него накатило чувство неловкости...

— Это — ваш муж?.. — уже отойдя от двора на приличное расстояние, Саша нарушил молчание.

— Нет... — Зоя качнула головой. — Бывший сожитель. Уже полгода, как выгнала, а всё никак не успокоится...

Выяснить подробности Александр не стал. Ощущение неловкости только усилилось... Хотелось прибавить шаг, но ему подумалось, что спутница расценит это как желание поскорее отделаться от её общества.

— Слушай, давай зайдём в медпункт... — на ходу Зоя неожиданно тронула Александра за руку. — Надо твою голову осмотреть, вдруг — рана?

— Да нет, кажется... — Александр смущённо потрогал макушку — в одном месте, действительно, было больно прикасаться. — Ничего страшного...

— Да как ничего страшного?! — Зоя упрямо потянула его в сторону небольшого здания, в котором располагался медпункт. — Я тебе и ссадины заодно обработаю...

— Неудобно...

— А вдруг у тебя сотрясение?! — она уже доставала из маленькой сумочки ключи. — Идём...

Глава 38.

В медпункте было темно и довольно прохладно — старое деревянное здание за много лет пропиталось сыростью и плохо прогревалось даже в летние жаркие деньки. Александр неуверенно ступал за своей спутницей почти на ощупь, пока та не щёлкнула выключателем — люминесцентные лампы через несколько секунд наполнились дрожащим светом.

Нерешительно застыв на пороге процедурного кабинета, Саша оглядывал небольшое, окрашенное салатовой краской помещение. Он помнил его ещё с детства — столько лет прошло, а ничего не изменилось...

— Садись на кушетку... — открыв стеклянный шкаф, Зоя достала из него небольшой флакон со спиртом и упаковку ваты — та будто нарочно сразу выскользнула из рук. Наклоняясь за ватой, женщина неторопливо отставила в сторону ногу и по-кошачьи прогнула спину...

Невольно скользнув взглядом по её оголившимся крепким бёдрам, Александр тут же отёл глаза и послушно опустил на покрытую белой простынёй кушетку. Три стопки водки, выпитые им за вечер, уже почти выветрились и разбитая скула начинала поднимать — видимо, удар был не слабый. Казалось, что часть лица под левым глазом припухла. Неожиданно накатила усталость, захотелось спать... Не было никакого желания разговаривать, однако и молчать было как-то неловко.

— Ну, вот... Озадачил вас... — через силу улыбнувшись, Морозов поднял взгляд на Зою — та была уже рядом, с ватным тампоном в руке.

— Не вас, а — тебя... Зови на ты, чего уж там... — женщина взялась пальцами за его голову, чуть повернула влево, потом вправо, затем потрогала разбитую скулу. — А синяк всё-таки будет... И неплохой... я бы сказала — синячище.

— Серьёзно?! — Александр нахмурился и тоже потянулся пальцами к ушибу — кожа, действительно, была припухшей, на прикосновение отреагировала болезненно. — И что теперь делать?

— Да ничего... — Зоя промокнула ушибленную область смоченным в спирте тампоном, затем принялась за лоб. — Две недели как минимум будет сходить.

— Да уж... — Морозов скептически усмехнулся. — Погулял на свадьбе...

... Два выглядывающих из декольте аппетитных полушария были почти у его лица — обследуя голову, Зоя как нарочно придвинулась ближе... Чувство неловкости было готово смениться искушением, и Саша нарочно прикрыл глаза... Но ненароком застрявшая между его колен нога Зои была слишком ощутима, чтобы свести попытки борьбы с соблазном на нет. Он кожей чувствовал близость пышного женского тела, исходящее от него тепло... проворные пальцы, блуждающие в волосах, приятно щекотали голову... Всё это невольно пробуждало мужские инстинкты — прерывистый, глубокий вздох был тому подтверждением.

— Ты чего глаза закрыл? — голос Зои прозвучал довольно томно. — Крови, что ли, боишься? Так её нет...

— Крови не боюсь... — чтобы справиться с волнением, Александр чуть кашлянул и нарочно поёрзал на кушетке.

— Да ладно... — Зоя недвусмысленно улыбнулась, потом потянула голову мужчины на себя — Морозов буквально уткнулся лицом ей в грудь. Одной рукой продолжая обследовать его затылок, другую она опустила ниже, как бы ненароком проехала ладонью по шее и спине.

... Невольно оказавшись в её объятиях, Александр никак не мог решить, что ему делать — соблазн ответить на неожиданные ласки был велик, но что-то не позволяло выйти за рамки приличия... Он даже нарочно расставил руки и опёрся ладонями на кушетку.

... Сочные, жаркие губы Зои на своих губах он ощутил вместе с тяжестью её тела, опустившегося на его колено... Целовалась Зоя страстно, плотно прижимаясь шикарным бюстом к мужской груди. В какой-то момент, решив, что Александр недостаточно активен, схватила его ладонь, провела ею по своему бедру, направила за спину...

... Он уже и сам не противился внезапному порыву. Мужская природа была готова ответить на призыв, вопреки всякому здравому смыслу и осторожности... Но уже ко второй минуте страстных объятий и поцелуев Александр ощутил непонятный дискомфорт. Не совсем молодое, но пышущее здоровьем тело женщины казалось чужим... Оно отторгало от себя незнакомым, неродным запахом... Смесь «ароматов» пота, парфюмерии и алкоголя ощущалась особенно остро на фоне специфического запаха медицинских препаратов.

Угрызений совести в этот момент он не испытывал, но дело было не в этом. Никогда не изменявший жене Александр вдруг почувствовал, что овладевшее им желание неожиданно теряет свой накал. Сбившие вначале с толку поцелуи теперь казались неприятными, ведь это были губы чужой для него женщины...

Он никогда не заглядывался на других представительниц прекрасного пола, в его сердце все эти годы жила его единственная и любимая Анечка... Оказалось, что даже сейчас, когда возникли все моральные права на измену, он не был готов совершить её даже с такой опытной соблазнительницей, как Зоя.

Эта неготовность имела под собой не столько физическую, сколько нравственную природу.

Улучив момент, Морозов скосил глаза в сторону окна — белоснежные больничные занавески были задёрнуты не совсем плотно: между краем одной из них и рамой проглядывал кусочек окна... Саша вдруг представил, как он выглядит сейчас со стороны:

немолодой уже мужчина сжимает в объятиях не первой свежести поселковую, откровенно гулящую бабу, которая решила использовать его тело в собственных, заранее известных целях...

...На долю секунды сознание вернуло его более чем на три десятилетия назад: ночь... тёплый предбанник... губы жадно целуют чужие губы... руки всё сильнее сжимают незнакомое девичье тело, руководствуясь одним лишь инстинктом, без намёка на высокие чувства...

...Дежавю было поистине отрезвляющим.

— Подожди, Зой... — отстранившись после очередного жаркого поцелуя, Морозов облокотился на свободное колено локтем и уронил в ладонь голову. Набрал в грудь воздуха, шумно и прерывисто выдохнул. — Подожди...

— Осечка? — понимающе кивнув, она чуть ослабила объятия. Глубокое дыхание и томный, полный вожделения взгляд говорили о том, что женщина не намерена останавливаться на полпути и готова принять любые меры для того, чтобы довести начатый процесс до конца.

— Да нет... — Александр качнул головой и попытался снять её со своего колена.

— Да ладно, ты не стесняйся... — вставать она не спешила, и, прижав его одной рукой за плечи, другой проехала по груди и дальше — вниз по животу. — С кем не бывает... Сейчас простимулируем...

— Не надо стимулировать... — он перехватил её руку и отвёл в сторону. — Извини, Зоя... Идём лучше, я тебя провожу...

— Да ладно... — встав, наконец, с его колена, она смотрела с недоверием. — У тебя что, проблемы?..

— Нет... — поправляя порванный ворот рубашки, Александр старался не смотреть в её сторону. — Тут совсем другое. Извини...

— Да ты вроде мужичок ещё не старый... Я бы сказала — в самом соку... — теперь в её взгляде сквозило откровенное разочарование. — Правда, что ли, не хочешь?.. Или не можешь?..

— Пойдём?..

— Ты что, жене не изменяешь?.. Ай, какой молодец!.. — в её тоне появились ироничные нотки. — Ну, не хочешь, как хочешь.

...Неожиданный стук в уличную дверь можно было сравнить с грохотом сваебойной машины.

— З-зойка!.. — грубый мужской голос перекрывал децибелами все остальные звуки. — Открой!.. Зо-о-ойка-ааа!..

— Вот коз-зёл!.. — моментально метнувшись к выключателю, Зоя щёлкнула кнопкой. — Надо было сразу свет потушить...

— Зойка, открой по-хорошему!.. — теперь в закрытую изнутри дверь Николай бил ногой. — Я же знаю, что ты здесь!..

— Может, он сейчас уйдёт?.. — понимая, что уговаривать пьяного мужчину, а тем более пытаться справиться с ним физически бесполезно, Саша вновь опустился на кушетку. — Не будет же он всю ночь колотить?...

— Да чёрт его знает... — Зоя тревожно вслушивалась в доносящиеся стуки вперемешку с ругательствами и угрозами. — У него у пьяного крышу напрочь сносит. Дома мне все окна перебил...

— А в полицию не заявляла?

— Заявляла. Пятнадцать суток отсидит — в лучшем случае... А в основном — воспитательные беседы. Да у нас участковый один на два посёлка... Пока его найдёшь, пока он приедет... За это время всё разгромить можно...

Внезапно наступившая тишина заставила обоих замереть... Александр уже было с облегчением подумал, что ночной хулиган ушёл... но уже через несколько секунд звон разбитого стекла лишь подтвердил последние слова Зои... Ночной ветерок, ворвавшийся в помещение, всколыхнул занавески, обдал свежестью встревоженные лица...

Понимая, что свадебные приключения продолжаются, Александр машинально нащупал в кармане мобильный телефон.

— Что, не ждали?! — пьяная физиономия Николая появилась в залитом лунным светом разбитом окне. — Обоих порешу, падлой буду!..

***

С того дня, как уехал Александр, прошло уже больше недели. Напрасно Анна уговаривала себя, что поступила правильно, рассказав мужу о своих изменах. Переживала она не за себя — собственная боль казалась ей справедливой, воспоминания, в которые она то и дело окуналась с головой, всё больше и больше утверждали её в мысли, что Саша — человек, посланный ей самой Судьбой. Мало какая женщина могла бы похвастать семейной жизнью, прожитой с такой лёгкостью — не в материальном плане, а в плане взаимоотношений. С Сашей было легко и надёжно. Его порядочность и благородство сквозили во всём: словах, поступках, мыслях. Анну он не просто любил, а искренне уважал и ценил. Он знал её вкусы, любил делать сюрпризы, был первым помощником по дому... а ещё — замечательным отцом. Они никогда не ссорились, стены их дома не слышали ни единого грубого слова, ни единого окрика. Каждую секунду, проведённую с супругом, Анна ощущала его любовь и заботу... Она получала их, даже не задумываясь, что отдаёт взамен. Саша никогда и ничего не требовал, казалось, что он всем доволен и искренне счастлив в кругу своей семьи.

Сейчас Анна с недоумением вспоминала свою связь с Леонидом Лапиным... Вспоминала и не могла понять, почему тогда так легкомысленно повелась на его любовную интригу... Ведь всё, что давал ей Леонид, она вполне могла получать и от Саши... Супруг был нежен и ласков, и лишь её сдержанность была причиной отсутствия полноты ощущений... Саша давал ей всё... Почему же она не отвечала ему ответной страстью, предпочтя совершенно постороннего мужчину, которому была нужна всего лишь как трофей, полученный в результате недолгой победоносной войны...

...Ответа на этот вопрос у неё не было. Как не было и надежды на то, что Саша когда-нибудь простит её предательство.

...Сейчас она переживала не за себя. Боль, которую она нанесла мужу, была несправедлива, не заслуженна и поистине безжалостна. Хотелось вернуть назад прошлое, вернуть, чтобы исправить все ошибки...

Уходя назад дорогой памяти, Анна вспоминала самую первую встречу с Александром — тогда ещё молоденьким курсантом, пришедшим вместе со своими товарищами в сельский клуб... Перебирая оставшиеся в памяти детали, она всё больше и больше склонялась к мысли, что та, первая мимолётная встреча и была самой судьбоносной...

Первый танец, на который Саша пригласил вовсе не её, а Сандру, был не в счёт... Так бывает — разбегутся глаза, и лишь потом из толпы выделяется именно твой человек... Саша

пригласил Сандру, не обратив внимание на неё, Аню... Но разве не она сама помешала свершиться Судьбе, в тот же вечер отправившись кататься на мотоциклах с Виталием, Сандрой и Олегом?.. Она поехала тогда лишь ради Виталика... хотя знала, что он — парень её новоиспечённой подружки. Останься она в клубе, следующий танец Саша танцевал бы с ней. Теперь Анна в этом не сомневалась.

...Но в тот момент она уже свернула со своего, устеленного самой Судьбой пути...

...Всё ещё можно было исправить... Нужно было сказать приехавшему к ней через неделю Виталию одно единственное твёрдое «нет»... Сказать, и шагнуть навстречу своему настоящему суженому. Но вместо этого тогда ещё совсем юная Аня отдала взаимностью чужому, не предназначенному ей человеку. Ответила вопреки угрызениям совести, тем самым нарушив естественный ход событий — как чужих, так и собственных... Пока она сидела с Виталием на веранде бригадирши Михалны, её Саша волей случая оказался в бане — вместе с Сандрой... Как осудишь двадцатилетнего парня, который не смог справиться с искушением?..

В этом не было бы большой беды... Но то роковое свидание закончилось беременностью Сандры. Анна не знала всех подробностей, но могла предположить, что именно этот факт подтолкнул Алю к браку с Виталиком... благо выпал неожиданный шанс, опять же, благодаря ей — Аняте...

Судьба, в конце концов, отдала всё, что было уготовано им с Александром... но нити чужих судеб уже были перепутаны, и распутывать их было поздно.

...Виталий разлюбил Сандру, семьи у них, судя по всему, не сложилось. Сашин ребёнок вырос без родного отца... А она, Анна, разрушила своё счастье собственными руками...

...Да, это только её вина. От начала и до конца — её... Она — причина всех бед, и не только своих. Жить с этим грузом было невыносимо. Он был подобен каменной плите, придавившей всё её существо.

В один из дней она набрала номер Михаила. На вопрос — можно ли нанести ему визит, тот ответил искренним согласием.

— Бабуська, а куда мы поехали? — оказавшись у незнакомого ей дома, маленькая Аня подняла на Анну свои синие глазки.

— Сейчас увидишь... — поправив на внучке яркий сарафанчик, Анна взяла ребёнка за руку и шагнула к нужному подъезду.

...Злата и Михаил приветливо встретили гостей, предусмотрительно закрыв Берту в одной из комнат, но собака была не согласна с таким поворотом событий. Она громко скребла когтистой лапой по двери и жалобно поскуливала.

— Надо же... — Злата удивлённо качнула головой. — Обычно она так на знакомых реагирует — просится, чтобы выпустили...

— А она не кусается?.. — Анна с опаской посмотрела на дверь, за которой находилась Берта.

— Нет, — улыбнулся Миша. — Она без команды ничего не делает. Но кусать в любом случае не будет.

— Столько шума из-за нас... — проходя следом за хозяевами в гостиную, Анна почувствовала неловкость. — Вы уж извините...

— Да какой же это шум? — Злата махнула рукой. — Вот когда они втроём поют, это — шум!

— Втроём?!

— Ага... — Злата весело кивнула. — Алёна ревёт, Берта поскуливает, а наш папа им подпеваает! Это надо слышать!..

— А... можно её посмотреть?.. Алёну...

— Конечно, можно...

...Девочка уже не спала. Лёжа в своей кроватке, она усиленно чмокала пустышкой... Увидев склонившуюся над ней Злату, тут же заулыбалась, в ответ на ласковые мамины слова заагукала, трогательно раскрывая беззубый ротик.

...Впервые увидев Сашину внучку, Анна ощутила двойственные чувства. Что-то похожее на ревность кольнуло в груди... но уже в следующий момент боль утихла, сменилась тёплой волной нежности и материнской жалости — так бывало всегда, когда она видела грудных детей.

...Девочка была похожа и на Злату, и на Мишу одновременно... Впрочем, сходство обоих родителей сейчас было видно невооружённым глазом — даже имея разные черты лица, и Миша, и Злата были чем-то неуловимо похожи, и появившаяся на свет дочка только лишней раз подтверждала этот факт.

Но были у девочки и особые черты, не заметить которые Анна не могла. Саша бы их назвал «морозовскими»... Ведь передались они Алёнке именно от него, вернее, от его родного сына.

Справившись с первым замешательством, Анна подняла на руки внучку — увидев грудную Алёнку, Анята смотрела на неё, широко распахнув изумлённые глаза.

— Это — твоя сестричка, Алёнушка... — слово «сестричка» далось Анне на удивление легко. Она и сама не ожидала, что так быстро примет в душе Сашину внучку.

— Сестлицька?.. — Анята не могла отвести глаз от «живой куклы», какой показалась ей девочка..

— Да, сестричка. Она ещё маленькая, но скоро подрастёт...

— Она будет иглать?

— Конечно, будет. Мы с тобой сейчас ей кое-что подарим...

Анна приехала не с пустыми руками — подарки для маленькой Алёнки были куплены ею не сегодня... Она давно уже думала нанести визит молодым Мясниковым, но надеялась сделать это вдвоём с Александром. Узнав, что Саша один приезжал к новорождённой внучке, восприняла эту новость с болью в душе, но виду не подала. Теперь же решила воспользоваться возникшим поводом, чтобы познакомить Аняту с её двоюродной сестрой, заодно и самой посмотреть на девочку.

...Скрип открывшейся двери и последовавший за ним топот собачьих лап заставили Анну похолодеть. Ойкнув, она тут же повернулась, чтобы отгородить внучку от забежавшей в детскую овчарки, но Берта в доли секунды оказалась рядом, обогнула Анну и, помахивая хвостом, потянулась носом к Анятиним пяткам. Обнюхав, тут же присела на задние лапы и довольно задрала морду.

— Берта, как тебе не стыдно?! — Миша за ошейник потянул собаку в сторону от напуганной Анны. — Кто тебе разрешил выходить из комнаты?!

— Она не укусит?! — Анна невольно повторила свой вопрос.

— Нет-нет! — Михаил поспешил её заверить и вновь попытался увести собаку, но Берта смотрела на него с такой неподдельной мольбой, что он невольно рассмеялся. — Ну, что с тобой делать?

— Не бойтесь! — Злата решила подтвердить слова мужа. — Она очень любит детей,

спит сейчас исключительно рядом с Алёнкой. Она вас не укусит!

— Сябака... — в отличие от бабушки, маленькая Анюта почти не испугалась и сейчас с интересом разглядывала ещё одну «живую игрушку» с добрыми, умными глазами. — Бабуська, сябака!

— Её зовут Берта... — Миша ладонью проехался по мохнатой собачьей голове. — Хочешь погладить?

— Да... Анюта с готовностью кивнула. — Хоцю!

— А ты не испугаешься?.. — Анна тревожно смотрела на внучку.

— Нет... — девочка покачала головой и перевела взгляд на Мишу. — Хоцю погладить!..

— Надо же... — отдав внучку на руки Михаилу, Анна с замиранием сердца наблюдала, как Анюта трогает маленькой ладошкой собачий лоб и уши. — Она у нас такая пугливая... И на руки ни к кому не идёт... А у вас ничего не боится!..

Миша сидел на корточках возле Берты — с Анютой на руках. Убедившись, что собака реагирует на ребёнка более чем доброжелательно, поставил девочку на пол.

— Бе-е-ета... — детская ручка чуть приглаживала собачью шерсть. — Бе-е-ета...

Щурясь от удовольствия, Берта какое-то время сидела рядом, но потом неожиданно улеглась у Анечкиных ног. Сладко зевнув, несколько раз громко плямкнула языком и блаженно прикрыла глаза.

— Ну, всё... — Миша весело посмотрел на Анну. — Анюта её покорила... Теперь Берта — ваша навеки...

— Бабуська, мы Бету мазьём?..

— Нет, моя хорошая... — с облегчением вздохнув, Анна улыбнулась внучке. — Не возьмём. Берта живёт с дядей Мишей и тётей Златой. Это — их собачка...

— Ну, давай сестлицьку мазьём?..

...После долгих уговоров отказаться от идеи забрать с собой если не Берту, то хотя бы Алёнку, Анюта с трудом согласилась ограничиться новой куклой в коробке — несмотря на протесты Анны, Злата не могла отпустить девочку без подарка, тем более, что до кукол, надаренных Алёнке при рождении, той было ещё расти и расти.

Решив накормить гостей, Злата уже собиралась накрыть стол, но Анна согласилась только на чай. Разговор крутился в основном вокруг детской темы: Анна рассказывала про своих внуков, спрашивала об Алёнке... Анюта то и дело порывалась снова оказаться у кровати, чтобы посмотреть на маленькую сестричку, существование которой привело её в восторг, но, накормленная мамой, та уже вновь сладко спала.

— Димка ещё не приехал? — вопрос Михаила прозвучал так обыденно, как будто он был знаком с братом уже очень давно.

— На днях прилетают... — Анна пригладила белокурые волосы внучки. — Анюта уже ждёт не дожждётся, соскучилась...

— Вот Алёнка подрастёт, будешь приходить к нам, с ней играть... — Злата тепло посмотрела на девочку. — Придёшь?

— Пиду...

Понимая, что в выходной день молодым супругам хочется побыть вдвоём, за столом Анна просидела недолго. Перед тем, как попрощаться, попросила разрешения взять на руки Алёнку...

Она очень боялась этой встречи, не зная, как отреагирует её душа на Сашину внучку... Ей то казалось, что она не сможет принять ребёнка в своём сердце, то хотелось поскорее

увидеть Алёнку, ведь как ни крути, а девочка — член семьи её супруга. Зная Сашу, можно было не сомневаться — он никогда не забудет о внучке, и будет любить её так же, как и Анюту с Валерой... Это было и обидно... и в то же самое время достойно уважения. Теперь же, увидев девочку, Анна и сама чувствовала, что не сможет отгородиться ни от неё, ни от самого Михаила... Ведь они — родной брат и родная племянница её собственного сына, и от этой связи никуда не денешься...

...Анна редко держала в руках чужих грудных детей — всего несколько раз в своей жизни. Они вызывали естественное умиление... Но с этой девочкой всё было не так. Разрыв с мужем только подстегнул чувства... ведь в этом ребёнке была и частичка Саша... Её любимого Саша. Держа на руках тёплое детское тельце, Анна понимала: это дитя ей вовсе не чужое... Она чуть не расплакалась, глядя на знакомые до боли черты, пробивающиеся в облике Мишиной дочери.

Она даже чуть не забыла об истинной причине своего визита, которую осмелилась озвучить лишь перед самым уходом.

— Миша... — выйдя в прихожую, Анна подняла на того нерешительный взгляд. — Я хочу попросить тебя об одном одолжении.

— Да, конечно, Анна Сергеевна... — тот с готовностью кивнул. — Всё, что смогу...

— Я хочу встретиться с твоей мамой. Ты можешь это устроить? Мне не хотелось бы ехать к ней домой... И вас стеснять — тоже... Лучше всего где-нибудь на нейтральной территории, например, в кафе или парке...

— С мамой?... — услышав просьбу, Михаил казался озадаченным. — А вы уверены, что это, действительно, необходимо?

— Это необходимо... Но ты не беспокойся. Ничего плохого я ей не скажу.

— Ну, хорошо... Скажите, когда вам будет удобно, я всё устрою. Неподалёку от её дома есть парк... там отличные беседки. А как проехать, я вам объясню.

— Вот и спасибо... — Анна глубоко вздохнула. — Тогда можно прямо сегодня?... Я только отвезу Анюту к Валерию...

— Зачем?... Оставьте её у нас...

***

Всю дорогу до назначенного места встречи с Сандрой Анна представляла себе свою бывшую подругу, соперницу, врагиню... Давно уже не было обиды, ревности... Все чувства и терзания остались в далёком прошлом. Но ей всё равно было не по себе... Она даже представить не могла, как выглядит сейчас Александра Дзюба... Анне помнилась та симпатичная заносчивая девушка, какой она видела Сандру в последний раз.

...Но то, что предстало перед её глазами, было выше... а, вернее, ниже всех ожиданий...

Миша предупредил, что не сказал матери, кто хочет с ней встретиться, только передал просьбу и заверил, что встреча очень важная. Вначале Анна не поняла причины такой загадочности... Но теперь, взглядываясь в совершенно незнакомый облик спившейся женщины, находила поступку Михаила веские оправдания.

...Она даже подумала, что Миша ошибся, и перепутал скамейки... Женщина с испитым, землистого цвета лицом была одета в новый брючный костюм и такого же цвета летние туфли без каблука. Такие туфли обычно носят дамы под шестьдесят... Но Сандра была гораздо моложе. Сама Анна всё ещё щеголяла на высокой шпильке, приводя в завистливый восторг своих коллег.

Одиноко сидевшая на скамейке женщина была полноватой, её фигура казалась

расплывшейся, и ни дорогой костюм, ни уложенные волосы никак не вязались с её остальным обликом. Она сидела, сердито поджав ярко накрашенные губы, и всем своим видом выражала недовольство. Уже подходя к скамейке, Анна почувствовала, как внутри что-то сжимается... Сомнений не оставалось... Это, действительно, была Сандра.

— Здравствуй, Аля... — остановившись напротив, Анна с внутренним содроганием вглядывалась в изменившееся до неузнаваемости лицо. — Ты меня не узнаёшь?..

Та как будто только сейчас заметила подошедшую к ней Анну и с нескрываемым высокомерием повернула к ней лицо.

На мгновение в глазах мелькнула тревога... Женщина вглядывалась в Анну, как будто сиюсь вспомнить, кто это такая, но уже через несколько секунд усмешка исказила мясистые, бесформенные губы.

— А... — хриловатый возглас, видимо, означал догадку. — Вот за кого Мишка так беспокоился...

— Да, я попросила Мишу, чтобы он устроил мне встречу с тобой... с вами. Мне нужно кое-что вам сказать.

— Я тоже могу много чего сказать... — Сандра искоса окинула взглядом Морозову. — Да не буду...

— Как ты живёшь, Аля?.. — несмотря на негостеприимный тон Александры, Анна осторожно присела рядом.

— Лучше всех! — невольно покосившись на ухоженные руки своей собеседницы, Сандра сцепила в замок пальцы и поместила их между коленями, как бы пытаясь спрятать от постороннего взора огрубевшую, всю в глубоких морщинах кожу рук с коротко остриженными ногтями. — Живу — хлеб жую... Хочу — с сыром, хочу — с икрой...

— Я рада за тебя...

— Сына вырастила... — глядя куда-то вдаль, Сандра чуть повысила свой хриловатый голос. — Не хуже других!

— Да, Миша очень хороший парень. Ты молодец...

Уже с первых слов, сказанных Сандрой, Анна поняла, что разговора на равных не получится. Женщина дистанцировалась, в её разговоре слышалась плохо прикрытая агрессия. Всё поведение и внешний облик говорили сами за себя: Сандра — хроническая алкоголичка, для этого не нужны были никакие тесты и исследования.

— От меня-то ты чего хотела? — в подтверждение её мыслей, Александра довольно грубо перебила Анну.

— Ты узнала меня?

— Чего же... — ещё одна усмешка исказила лицо. — Узнала.

Сандра упорно не хотела называть Анну по имени, и это было лишним доказательством того, что разговора не получится. Однако, нужно было доводить начатое до конца.

— Аля... — взглянув в лицо Сандре, Анна в очередной раз почувствовала щемящую боль в груди. — Я пришла, чтобы попросить у тебя прощения.

— Вы чего, сговорились? — всё так же глядя куда-то вперёд, Александра грубо хмыкнула. — Один пришёл — прости... другая пришла — прости... Что, совесть спать не даёт?

— Аля, послушай меня... — Анна говорила негромко, мягко, стараясь не вызывать у собеседницы лишней агрессии. — Я долго думала... Мы с тобой не виделись очень много лет. Но судьба всё так переплела... Наши внуки друг другу родные...

— Вот и воспитывайте своих внуков! — Сандра бросила на Анну быстрый, злобный взгляд. — А к моим не лезь! Твоему сказала, и тебе скажу. Не лезьте в нашу семью!.. Что, своей не получилась, так на чужую позарились?.. Да, у меня хорошая семья, я и не скрываю! Всё в жизни получилось, хоть я и не директор гимназии!

— Я работаю в лицее...

— А мне по... где ты работаешь!.. — Сандра неожиданно грязно выругалась. — Не ходите больше сюда, вот и весь мой сказ!

— К тебе я больше не приду, ты не беспокойся... — Анна постаралась сохранить спокойствие и доброжелательность. — Я пришла по единственной причине... Чтобы попросить у тебя прощения. Всё было очень давно... Но я помню, что была перед тобой виновата. Ты... прости меня, Аля!..

— Бог простит!..

Домой Анна ехала в полном смятении. Несмотря на откровенную грубость, Сандра вызывала у неё чувство щемящей жалости... Встреча, состоявшаяся через три десятилетия, оставила на душе огромный неизгладимый след.

— Бабуська!.. — уже дома маленькая Анюта умильно заглянула Анне в глаза. — А мы к сестлицьке есё поедем?

— К сестричке? — усадив внучку на колени, Анна прижала к себе до боли родное тельце, губами прижалась к белокурой макушке. — Ну, конечно, поедем. Обязательно...

— С мамой поедем?

— Поедем...

— А с папой?..

— И с папой...

— А с Валелой?

— И с Валерой...

— И с дедуськой?

— И с дедушкой... может быть.

Глава 39.

Северное лето редко радовало теплом, поэтому, собираясь в отпуск, Александр на всякий случай прихватил с собой пару тёплых вещей. Он не знал, сколько пробудет в гостях, но никак не рассчитывал, что пребывание на родине затянется не по его желанию, а по довольно пикантной причине...

...Стыдно было не только ехать домой. Стыдно было просто показаться за ворота.

Каждое утро глядя на себя в зеркало, Морозов испытывал неловкость и досаду... Зоя оказалась права: удар, который нанёс Александру её бывший сожитель, был поистине роковым. Уже к утру левое нижнее веко заплыло, а кожа под ним приобрела тёмно-фиолетовый оттенок. Однако, это были ещё не все постигшие Александра неприятности. Три разбитых окна в медпункте и погром в процедурном кабинете оказались слишком серьёзными обстоятельствами, чтобы не «засвечиваться», покинув место происшествия до приезда полиции. Возможность для этого была — пока пьяный ревнивец открывал шпингалеты и распахивал рамы, Морозов пытался с ним «поговорить» и даже помешать, но, увидев в его руке складную «выкидуху», Зоя вытолкнула Александра в коридор и заперла кабинет на ключ. Разбитое окно выходило во внутренний двор, поэтому они беспрепятственно покинули здание медпункта. Однако, оказавшись на улице, вскоре были вынуждены вернуться назад: не сумевший выбить дверь кабинета изнутри, Николай вновь

полез в окно — теперь уже наружу.

Попытка дозвониться до Петра, чтобы вместе с ним утихомирить разбушевавшегося хулигана не увенчалась успехом: телефон брата оказался отключенным. Трусливо убежать, скрыться в близлежащем дворе было как-то не по-мужски. Оставалось ждать приезда участкового, заодно не попадаться на глаза вооружённому дебоширу. Самым безопасным местом оказался больничный коридор — в нём не было окон, а двери всех выходящих в него кабинетов были заперты. Поглядывая на сотрясающуюся от ударов снаружи входную дверь, Александр чувствовал себя неловко. Он уже был готов выйти из убежища и попытаться усмирить дебошира, но вовремя остановился. Глупее ситуации придумать было нельзя, однако идти лоб в лоб с пьяным, вооружённым, более молодым и более здоровым одуревшим мужчиной было совсем не умно.

Морозов понимал, что роль свидетеля, а заодно объекта ревности Зоино сожителя не добавят ему уважения, ведь придётся объяснять своё присутствие в медпункте один на один с медсестрой в столь неурочный час... Ситуация осложнилась тем, что возвращающиеся со свадьбы гости стали невольными свидетелями картины, как Николай пытался вынести дверь медпункта. На вопрос, что он тут забыл, тот без утайки рассказал и про неверную Зойку, и про её нового хахалю, которых он застукал прямо здесь, на месте преступления...

...Участковый приехал не один — битё окон с проникновением в здание и порча казённого имущества тянули больше, чем на мелкое хулиганство, к тому же Зоя во всех красках расписала слова и действия отверженного любовника. Александр до самого утра давал показания как свидетель, и в дом к сестре явился аж в восемь часов: в изорванной рубашке, грязных брюках и с огромным синяком на лице.

Уже через пару часов заглянул Пётр — проведать пострадавшего брата... От него Саша узнал, что главной поселковой новостью на сегодня, а, возможно, и на всю будущую неделю является «любовный треугольник с участием Сашки Морозова (ну, помнишь — Галкин брат?..), Зойки-медики и её сожителя Кольки».

...Уже в который раз за последние сутки Александру пришлось рассказывать, как всё было на самом деле, естественно, опуская пикантные подробности с горячими поцелуями...

«Не дрейфь, братуха! — Пётр весело хлопнул Александра по плечу. — Пострадать за женщину — святое дело! А синяки рано или поздно сходят!»

«Да ладно бы за женщину! — Галина смотрела на двоюродного брата с укоризной. — Но не за эту... С кем только не путалась, ну, надо же было Сашке с ней связаться!.. — теперь она повернулась в сторону Александра. — Ну, тебя-то как угораздило на старости лет?! Нашёл, кого до дому провожать!.. Что теперь Ане скажешь? В протоколе тебя прописали, а если домой сообщат?»

«Да не сообщат, кому оно надо... Тем более, ни с кем я не связывался... — Саша выглядел смущённым и то и дело трогал опухшую скулу. — Дурак пьяный прицепился, что с него возьмёшь...»

«Он-то дурак... — не унималась сестра. — Да она-то, шалава, сама его заводит. То пускает к себе, то гонит, то на других вешается... Что мы её, за столько лет не изучили?! Небось, поругалась с ним, да решила на ревность вызвать...»

«Не знаю... Саша пожал плечами. — Она сказала, что он — её бывший сожитель...»

«Да прям — бывший... — Галина скептически хмыкнула. — Только позавчера видела их вместе. Она и с ним успеваает, и с другими шашни крутит, ну, какой мужик выдержит?.. Самый спокойный психанёт, не только этот Колька... Он же не первый раз стёкла колотит».

«Она же — медик... — Александр недоумённо смотрел на сестру. — Разве так можно?.. А главврач как к этому относится?»

«Насмешил... — сестра и вправду рассмеялась. — Какой у нас главврач?! На всю больницу — один фельдшер и медсестра — эта самая Зойка... Два медика на весь посёлок. Кто сюда работать-то поедет?! Вот и терпят, куда им деваться?»

...О возвращении домой в таком виде не могло быть и речи. Если первые дни пребывания в гостях Александр провёл в каких-то делах и заботах, то последующие были наполнены откровенной тоской. Зарядившие дожди за неделю окончательно остудили воздух, разбили дорогу и лишили местных жителей приятного времяпровождения на улице. Сидя дома у сестры, Морозов скучал в обществе телевизора: днём Галина с мужем были на работе, их дети и внуки жили в районном центре. Та же картина была и у Петра. Особых дел, которыми можно было бы заняться на досуге, в доме не было, а во дворе мешал проливной дождь. Александр с нетерпением ожидал выходных, когда все родственники соберутся дома.

Он был искренне рад приезду племянников, которых не видел уже много лет. Однако, радость от встречи уже под вечер обернулась невыносимой тоской... Глядя, как хлопочет Галина возле своих мужа, детей и внуков, Саша впал в настоящее уныние. Закоренелый семьянин, он чувствовал себя по-сиротски в окружении родных людей. Даже у себя на даче ему не было так тоскливо, ведь там он мог в любой момент отправиться домой, увидеться с Димкой, Наташей, внуками и... Анной. Теперь же, при виде увешанного щебечущей ребятнёй свояка, он вынужденно улыбался и старательно поддерживал всеобщее веселье... Невыносимо щемило в груди, но делиться этой болью было не с кем.

Дело было даже не в том, что его Валерка и Анюта сейчас находились далеко... Пройдёт немного времени, и он тоже сможет обнять любимых внуков... Дело было в решении, которое им предстояло принять вдвоём с Анной, ведь в случае развода им придётся жить отдельно, а это — конец их весёлой, дружной семье, ужинам сообща, визитам сына и невестки — просто так, без предупреждения... просто потому, что соскучились... привели детей или что-то забыли в квартире родителей...

...Он не мог представить себя вне семьи... Жизнь на даче не вызывала таких сомнений. Каждый раз он ехал туда в твёрдой уверенности, что в любую минуту сможет вернуться домой. Эта уверенность сидела где-то глубоко внутри, как путь к отступлению, как гарантия на незыблемость. Да, после всего, что случилось, ему было некомфортно в собственном доме. Вскрывшаяся измена Анны выбила из колеи, изменила их отношения. То, что она рассказала ему в день отъезда, должно было поставить последнюю точку...

...Но оказалось, что точка никак не ставится — несмотря ни на что. Чем дольше он оставался здесь, в гостях, тем больше укреплялся в мысли, что совершенно не готов к другой жизни. Он не готов уйти из семьи... Не от Анны, а именно — из семьи, которая воспринималась им сейчас как неделимое целое: жена, сын, невестка, внуки...

И, как ни крути, огромной частью этого целого была именно она — Анна.

...Неожиданное участие в поселковом происшествии вызвало не только чувство неловкости. Контраст между образом жизни, к которому привык Морозов за последние десятилетия, и образом жизни его бывших земляков оказался слишком резким. Хотелось поскорее покинуть эти, навевающие унылость места, вернуться в ставший родным огромный город, окунуться в работу, оказаться в кругу самых родных и любимых... Почему-то сейчас последний разговор с Анной не воспринимался им так остро. Вроде бы и не переболело... но, в то же самое время, не угнетало так, как в первые дни.

Они несколько раз перезванивались — звонила в основном Анна. Поводом к звонкам обычно бывало желание Анечки поговорить с бабушкой. Саша разговаривал с внучкой, затем переключался на Анну. Говорил сдержанно, но спокойно, спрашивал о погоде, передавал приветы от Галины и Петра.

«Дедушка, а у меня сестлицька!» — вначале он не мог понять, о какой сестричке говорит маленькая Анюта.

«Сестричка?.. — первая пришедшая в голову мысль была о возможной беременности Наташи. — Какая сестричка?»

«Она говорит об Алёне...» — Анна включилась в разговор по громкой связи.

«Алёнке?! — Александр удивился ещё больше. — Ты ей рассказала?!»

«Она её видела... Мы ездили к Мише со Златой. Я подумала, что им нужно знать друг друга».

«Спасибо, Аня...»

«Мне-то за что?.. — Анна печально усмехнулась, затем, на секунду замывшись, перевела разговор в другое русло. — Когда ты приедешь?»

«Пока не знаю... — он невольно замаялся. — Ещё побуду здесь».

«До двадцать пятого вернёшься?»

«Скорее всего — нет».

«Ну, раз так... Я на днях тоже уезжаю...»

«Куда?..»

«В санаторий. Так что, если ты не хочешь возвращаться из-за меня, то приезжай... Дети тебе много подарков приготовили... Не обижай их, Саша...»

Вопрос о дате приезда он услышал вчера и от Дмитрия — позвонив отцу, тот в очередной раз решил напомнить о предстоящем дне рождения. Вернувшись с гастролей, они с Натальей готовили для Александра небольшую поздравительную программу, но судя по всему, будущий именинник возвращаться не спешил.

«Пап... — Дима ненадолго замолчал, как бы собираясь с мыслями. — Мы не лезем в ваши дела, но я хочу тебе сказать... Мы все тебя очень любим. И очень хотим, чтобы вы помирились с мамой... Это не просьба... Я понимаю, что вы разбираться вы должны только сами... Но я не могу представить вас врозь...»

«Спасибо тебе, сын... — Александр почувствовал непривычную резь в глазах. — Я тоже вас очень люблю. И тебя, и Наташу, и Валерку с Анютой...»

«Ты забыл маму...»

«Я не забыл. Маму я тоже... люблю... Но...»

«Пап, давай первая половина фразы будет доминирующей?»

...Он так и не сказал ничего вразумительного. Дима заводил подобные разговоры при каждом удобном случае, когда бывал не на гастролях, даже приезжал на дачу вместе с Наташей — они вдвоём пытались уговорить его вернуться домой окончательно. Понимая, что сыном движет желание сохранить союз родителей, Александр, тем не менее, не мог сказать ничего конкретного... Собственно, разрывать этот союз он не собирался, во всяком случае до того дня, когда Анна рассказала ему ещё об одном своём романе и сама подняла тему развода.

...До дня рождения оставалось меньше недели, и Димкины звонки раздавались почти каждый день. Отражение в зеркале было всё ещё не презентабельным — фиолетовое пятно постепенно приобретало жёлтый оттенок, что красоты, увы, не добавляло... Шансов на то,

что к заветной дате синяк сойдёт окончательно, не было. Александр усилием воли убеждал себя, что охотно встретит свой пятьдесят второй день рождения здесь, в этом Богом забытом посёлке... Однако, убеждение было каким-то перманентным.

— Пап, это снова я... — Димкин голос уже привычно раздался в трубке. — Когда тебя встречать? Только не говори, что ты не прилетишь!

— Наверное, не прилечу, сын...

— Жаль... Валерка с Анюткой расстроятся... Они так старались, сюрпризы тебе готовили...

— Да не могу я, Дим... Правда... — Морозов с сожалением покосился на своё отражение в настенном зеркале.

— Ты из-за мамы?.. — сын заговорил более сдержанно. — Она в санаторий уезжает, боится, что ты не захочешь её видеть.

— Нет, не из-за мамы...

— Тогда почему?.. Пап, ну, хватит уже... возвращайся, мы все тебя ждём!

— Да я тут приболел немного... — чувствуя, что не сможет по-другому объяснить причину задержки, Александр решил сослаться на болезнь.

— Заболел?.. — в голосе сына послышалась тревога. — Что с тобой, пап?

— Ничего страшного... Просто пока не могу никуда ехать. Маме только не говори...

Несмотря на отказ, душа изо всех сил рвалась домой. Решение Анны уехать в санаторий вызвало неожиданную обиду. Это было незнакомое для Александра чувство... Оно не было похоже на боль от измены, но на какое-то время заглушило даже и её. Они почти никогда не отдыхали врозь, если не считать сегодняшней сложной ситуации. Александр представил, как возвращается домой, в пустую квартиру... Уже в который раз защемило в груди.

...Звонка от Анны он не ожидал... Её вопросы о здоровье навели на мысль, что Димка всё-таки проговорился... Не зная, что отвечать, Александр торопливо свернул разговор, наверное впервые в жизни позволив себе нервный тон.

Масла в огонь подлил свояк — тем же вечером, проводив детей и внуков, он совершенно неожиданно завёл разговор с Александром.

— Вот, Сашка, ради чего стоит жить! — свояк был хорошо навеселе, и сейчас его тянуло на философию. — Каких дочерей вырастили! Каких внуков!.. А всё она — Галина Ивановна!

— Ну, завёл пластинку... — Галина недовольно посмотрела на супруга. — Иди уже спать...

— А что? — тот пьяно захорхорился. — Всем бы таких, как ты!..

— Ты бы по трезвяни так называл!.. — супруга говорила ворчливо, было видно, что подобные разговоры не редкость в их семье. — А то, как пьяный, так Галина Ивановна, а как трезвый, так — Галька, Галька... от зятьёв уже стыдно!

— А что, Галька, Галчонок... — свояк выгнул подковой губы. — Чем тебе не нравится?.. Сань, скажи своей сестре, чтобы не бухтела почём зря, а принесла бы нам ещё бутылочку!

— Да мне, пожалуй, уже и хватит... — за семейным столом Саша сегодня почти не пил, и сейчас был абсолютно трезвым. — Если только для тебя.

— Обойдётся! — Галина сердито сверкнула глазами на мужа. — Сейчас одну, потом ещё одну, а завтра на работу. Саша не пьёт, и ты прекращай!

— Сашка — интеллигенция!.. — было непонятно, осуждает свояк Александра или, наоборот, выражает ему одобрение. — Совсем городским заделался... Приехал в кои-то

веки, и то один, без жены! Не уважает твоя Анна нас, и никогда не уважала!

— Чего болтаешь-то?.. — Галина с веником в руках остановилась напротив мужа — Когда это Аня нас не уважала?

— Да никогда! — супруга окончательно развезло, было похоже, что он совсем не контролирует свою речь. — Вечно приедет такая фифа... Не знаешь, на какой козе подъехать! То ли на белой, то ли на рябой...

Галине кое-как удалось утихомирить мужа и утащить его в спальню. Вернувшись, она долго оправдывала его, ссылаясь на нетрезвый ум, и извинялась перед братом. Успокоив её, что он совсем не обиделся, Александр, тем не менее, долго перебирал в уме слова свояка. Было понятно, что сказаны они не на пустом месте, выходило, что именно такое мнение складывалось об Анюте у его близких родственников... наверное, и Пётр нахваливал его супругу лишь из вежливости и желания показать Анну в более выгодном цвете?.. Это задевало за живое. Как бы там ни было, он никогда не замечал за Анной заносчивости и высокомерия...

Или это был его, и только его взгляд?..

...Лёжа в кровати, он долго вспоминал всю свою жизнь, с того момента, как познакомился с Анютой... Он, действительно, не видел в ней никаких изъянов... Заботливая жена, хорошая хозяйка, ласковая мать... Их дом был всегда чистым и уютным... Да, он помогал Анне, но основные заботы всё равно лежали на её плечах. Анна прекрасно готовила, она приучила к семейным обедам и ужинам его, и Димку... Она никогда не позволяла им выходить из дома в несвежей одежде, следила за их внешним видом даже тогда, когда в этом не было необходимости. Она ни разу не отозвалась плохо о его родителях или друзьях... Если и высказывала о ком своё негативное мнение, так на то всегда были причины! Её неприятие Наташи Александр списывал на обыкновенную материнскую ревность, тем более, что в конце концов Анна сдалась. А уж какой заботливой она оказалась бабушкой!.. Недаром внуки её просто обожали.

И, если бы не её открывшиеся через столько лет измены...

...Александр вдруг поймал себя на мысли, что сейчас думает о жене так, как думал раньше — без тени недоверия и обиды. Тридцать лет семейной жизни промелькнули перед глазами, как один день...

...Тридцать лет откровенного счастья.

...Тридцать лет, перечёркнутых одним-единственным признанием... Вернее, двумя...

И, как ни крути, за этими признаниями стояли не просто слова. За ними стояло настоящее предательство. Предательство, которое все эти годы было рядом, как свернувшаяся клубком ядовитая змея... Она шипела... выбрасывала длинный мерзкий язык, была готова вот-вот ужалить... Но он был глух и слеп...

Значит, всё было обманом?.. Все годы жизни с Анной — сплошной обман?.. Её участие, забота, хлопоты о доме, воспитание сына... всё это — обман?! Но за любым обманом должна стоять корысть... Какая корысть была у Анны, когда она ездила с ним по гарнизонным городкам, делила все тяготы жизни, устраивала их нехитрый быт?.. Какую корысть преследовала она, когда каждый день кормила его и Димку завтраком и ужином, стояла у плиты, стирала и гладила их бельё, была всегда рядом, готовая дать нужный совет, поддержать в трудную минуту?..

Он видел от неё мало ласки?.. Да, хотелось бы больше... Но ведь он и сам не требовал от неё лишней нежности... Его всё устраивало, а, может, стоило проявить больше

настойчивости и инициативы, вместо того, чтобы принимать её сдержанность за норму?..

Так в чём тогда её многолетний обман?.. В том, что скрывала свои грехи?.. Но это глупо — ждать от человека признаний в предательстве сразу после его совершения. По сути, её молчание было залогом их счастья... А оно ведь было — счастье... настоящее, без притворства. И, кто знает, чего стоили эти годы молчания самой Анне?..

Вот он сам сейчас — сидит взаперти с разукрашенным лицом, стыдно нос высунуть на улицу... Ведь не расскажет никому по приезду! Чем тут хвалиться... И будет всю оставшуюся жизнь носить в себе эту свою оплошность, как носил много лет тот единственный грех с почти незнакомой девушкой. Уже и забылось, а ведь всплыло!..

...Но ведь предательство — было...

Так кто же для него она — Анна?.. Преступница, искалечившая ему остаток жизни... Или — разделившая с ним эту самую жизнь любимая женщина... разделившая — несмотря ни на что... И несмотря ни на что — любимая, единственная...

...Тоска накатывала — волна за волной, отдаваясь болью под ключицей... Впервые за всё это время захотелось завывать, разбить что-нибудь, разрушить, раскромсать!.. Теперь ему казалось, что до этой минуты он находился в глубоком анабиозе, а вот теперь проснулся, по-настоящему почувствовал всё, что произошло между ним и Анной... И что от него одного сейчас зависит как сложится их дальнейшая жизнь... какая чаша перевесит — его оскорблённое мужское достоинство, или любовь к грешной, оступившейся жене... Останется ли он в гордом одиночестве, или в кругу любящих и любимых людей, ведь без Анны их семья уже не будет полной... Так же, как и без него самого.

...Спокойно лежать не было сил. Стараясь не скрипеть половицами, Александр прошёл через дом, осторожно открыл входную дверь, ступил на залитое лунным светом крыльцо... Сгустившиеся тучи заволокли половину неба, были готовы с минуты на минуту поглотить матовый светящийся диск... Прохладный ветер быстро остудил тело, но Александр не спешил возвращаться в тепло. Что-то происходило внутри него — он даже перестал чувствовать холод... Нарастающее внутри напряжение выливалось в глубокое дыхание и нервную дрожь.

Внезапный порыв ветра обдал новой порцией холода и брызгами дождя. Стоя на крыльце, он прислушивался к барабанившим по крыше каплям — звуки нарастали с каждой секундой, переходя в звонкую дробь... Уже через полминуты холодный ливень поливал двор, улицу, посёлок... Внезапное желание оказаться под холодным природным душем озарило мозг... Не размышляя ни секунды, Александр решительно шагнул с крыльца...

...Он не помнил, сколько стоял под дождём. Упругие холодные струи сбегали по лицу, рукам, спине... Ему казалось, что они не только омывают тело, но и облегчают душу...

...Проснувшись утром, он долго не мог вспомнить, как вернулся в дом, как переоделся и упал на кровать. Мозг был абсолютно ясным, ещё вчера спутанные мысли казались выстроенными в ровные ряды.

Боясь спугнуть это состояние, Александр ещё какое-то время лежал в кровати. Он слышал, как собирался на работу свояк, чуть позже — Галина, но выходить к ним не стал. Дождавшись, когда за сестрой захлопнется дверь, поднялся и какое-то время просто бродил по дому, веря и не веря...

***

Путёвку в санаторий Анна решила выкупить только за несколько дней до заезда, всё это время оставляя за собой бронь. В глубине души надеясь на то, что Саша вернётся к

своему дню рождения, она ждала этой встречи... Решение жить по-новому никак не хотело воплощаться в реальность — она просто не знала, что это значит.

Жить без супруга Анна совершенно не умела... И дело было не в мужских обязанностях по дому, которые теперь некому было исполнять. Отсутствие Александра чувствовалось во всём... ощущалось в каждом потаённом уголке её души. Казалось, что жизнь без Саши пуста, лишена смысла... Даже приезд детей с гастролей лишь ненадолго отвлек её от тяжёлых мыслей. Услышав от супруга, что свой день рождения он намерен провести у себя на родине, она плакала целый вечер...

Переступая через себя, она, наконец, перевела деньги за путёвку. Чтобы хоть как-то настроиться на поездку, решила прикупить что-нибудь из летних вещей, благо неподалёку от дома находился супермаркет. Бродя по отделам женской одежды, она никак не могла выбрать себе подходящий наряд — всё казалось скучным и неинтересным... Да и зачем ей новый сарафан или летний костюм, если надевать их придётся без Саши?..

Она уже собиралась отправиться восвояси, но, проходя мимо отдела мужских рубашек, невольно замедлила шаг... потом повернула ко входу...

...Анна и раньше покупала мужу одежду, но теперь, бродя между вешалами, ока как будто впервые осознавала, какое это счастье — перебирать рубашки и галстуки, подбирая цвет и размер... разглядывать на вытянутой руке, прицениваться, сравнивать с теми, что висят рядом... И всё это — для единственного и любимого мужчины...

Она всё же купила две рубашки для Саши. Мерить было не обязательно, Анна всегда знала нужный размер и покупала, что называется, на глаз, ни разу не ошибившись в своём выборе. Сложив покупки в сумку, она вышла из магазина с тяжёлым чувством... Будет ли носить эти рубашки Саша?.. Примет ли её подарок теперь, когда между ними образовалась огромная пропасть...

Вечером, чтобы как-то скоротать время, Анна решила позвонить Нельке. Услышав о последних событиях в жизни подруги, та какое-то время молчала... и от этого молчания в сердце закрадывался предательский холодок.

— Ну, мать, ты даёшь... — в голосе Нелли послышалась неизбежность чего-то трагического. Видимо, всё, что рассказала Анна, не располагало к обычным шуточкам и бодрому тону. — Ты же сама вырыла могилу вашим отношениям.

— Я не знаю, как вырвалось... — Анна говорила тихо и обречённо. — Знаешь, такая обида накатила... Впервые в жизни. Вот и лягнула...

— Анька, Анька... Сколько можно всем повторять... Нельзя говорить про измену, нельзя! Ты думаешь, что покаялась?.. Душу облегчила, восстановила справедливость?! Да ты жизнь испортила, и себе, и ему. Так хоть был шанс...

— Устала я, Нель... Не знаю, как другие всю жизнь любовников имеют.

— Имеют, Аня. И живут раскрепасно, потому, что не занимаются мазохизмом. А ты пошла по этому пути. Тут даже с точки зрения мужского интереса ситуация проигрышная. Мужики, как ни странно, скорее прощают тех, кто держит хвост пистолетом и всё отрицает. Да ещё и его потом виновным сделает... А тех, кто лоб разбивает, вымаливая прощение, потом мутузят всю оставшуюся жизнь. Поверь моему опыту со стороны.

— А я уже согласна, чтобы мутузил... Только бы не уходил...

— Так тоже нельзя, Аня. Хотя на твоего Сашу это и не похоже, но в жизни чего только не бывает... Так что езжай в свой санаторий.

— Да, наверное, это будет лучше всего. Я уже так устала... В августе на работу

выходить, а я выжатая, как лимон.

— Это у тебя депрессивное состояние. Пройдёт... Ты мне лучше скажи, зачем ты к Дзюбе-то ещё попёрлась?! Ей твоё прости до большого фонаря. Такие люди не меняются, Ань.

— Если бы ты её увидела, то не узнала бы. Спившаяся особа... Странно, что сын у неё такой... нормальный.

— Пусть скажет спасибо твоему Саше... Наверное, его гены...

Разговор с Нелли облегчения не принёс. Устроившись у телевизора, Анна смотрела на экран, но не понимала ни слов, ни действия. Из головы не шёл последний разговор с супругом. Теперь она, действительно, была согласна терпеть и его отчуждённость, и нарочитое спокойствие... Она готова была терпеть всё, лишь бы не терять последнюю, связывающую их с Александром нить.

...Из задумчивости её вывел звук открываемой двери.

— Анна Сергеевна... — Наташа торопливо прошла в гостиную и присела в кресло напротив. — Дима только что говорил с Александром Ивановичем... Знаете, почему, он не возвращается?

— Почему?..

— Он заболел. Просил вам не говорить... Но мы решили сказать... Диме там позвонили, он пока по телефону разговаривает, а я сразу — к вам...

— Чем заболел?!

— Он не сказал. Но мы думаем, что-то серьёзное, раз он выехать не может.

Звонки Галине и Петру никакой ясности не внесли: и брат, и сестра утверждали, что с Александром всё в порядке, ну, приболел малость, с кем не бывает?.. Однако тревога не покидала — Анне показалось, что они что-то не договаривают, к тому же, ни одна, ни другой не назвали точного диагноза, лишь отделались общими фазами.

...Номер Александра Анна набирала с замиранием в сердце...

— Со мной всё хорошо... — ей показалось, что муж нервничает, а, значит, говорит неправду.

— Саша, не скрывай... — от волнения пересохло в горле, Анна невольно сглотнула. — Что с тобой?!

— Да ничего, Господи!.. — он, действительно, нервничал, и это вселяло ещё большую тревогу. — Аня, я просто хочу побыть здесь подольше... А Димке скажи, что я ему уши оторву, чтобы не разглашал!..

Тон, которым разговаривал с ней Саша, был непривычным. Что думать, Анна не знала, и второй раз за вечер набрала номер Нелли...

— Не хочу тебя пугать... — выслушав Анну, Нелька заговорила абсолютно серьёзным тоном. — Но, возможно, у него кто-то появился. Все признаки налицо.

— Почему ты так думаешь?.. — чувствуя, как тело становится ватным, Анна уставилась невидящим взглядом на противоположную стену.

— Ну, потому, что, если бы он и вправду заболел, то сестра бы уж точно тебе сказала и диагноз, и прогноз. А так — всё очень туманно... Какое-то странное недомогание, при котором невозможно ни на самолёте улететь, ни на поезде уехать...

— Ну, может, он и вправду решил ещё погостить?.. Нет, Нель... Нет, на Сашу это совсем не похоже!

— Если решил погостить, то зачем врать про болезнь?

— А если и вправду заболел?.. Просто предупредил всех, чтобы не говорили? Нель, может, мне поехать к нему?..

— Ань, мне кажется, ты сейчас цепляешься за эту мысль, как за соломинку. Я бы тебе не советовала...

— Почему?..

— А, что, если моя версия подтвердится? Приедешь, а у него нечаянный интерес... и — что?.. Будешь там слёзы лить в три ручья вместо отдыха в санатории? Не вздумай! Если это так, то... — Нелли на несколько секунд замолчала, собираясь с духом, потом выпалила: — То пусть уж потешит своё оскорблённое достоинство! Поверь, вернётся другим человеком... Дай ему шанс, Аня!..

— А, если он, и правда, заболел?! Я должна быть с ним...

— А если нет?

— Ну, если нет... — Анна тяжело вздохнула. — Если всё так, как ты говоришь, что ж... Значит, вернусь назад...

— Анька, вот тебе мой последний совет: езжай лучше в свой санаторий!

...

...Отёк нижнего века уже прошёл, но оставшееся от синяка желтоватое пятно всё ещё проглядывало через загорелую кожу. Нетерпеливо вышагивая по дому, Александр то и дело подходил к зеркалу. Каждый раз он мысленно убеждал себя, что желтизны со слабым фиолетовым оттенком в центре синяка почти не видно, но отражение говорило об обратном. Ночной ливень подействовал на него как сеанс шоковой психотерапии, и единственная мысль, которая крутилась в его голове этим утром, была о немедленном возвращении домой. Он ещё не знал, как они встретятся с Анной, что скажут друг другу... что он скажет ей... Ясно было одно: ему нужно ехать.

Уже к обеду ему было всё равно, что подумают сын и невестка, что скажут подчинённые, увидев его «разукрашенное» лицо... Едва дождавшись Галину, он объявил, что уже собрал вещи и улетает сегодня же, ближайшим рейсом. Несмотря на протесты сестры, позвонил в аэропорт...

...Дождь не прекращался... Морозов как-то не подумал, что рейсы могут быть отменены из-за погодных условий... однако, попрощавшись с сестрой, уже через час ехал в маршрутном такси до райцентра...

Александр несколько раз набирал номер Анны. Она звонила вчера вечером... как оказалось, не только ему. Её тревога за его здоровье не вызывала злорадства, напротив, зная Анну, Саша был уверен, что тревога эта искренняя.

Но сейчас тревожился он сам: телефон жены не отвечал... Робот беспристрастно сообщал, что абонент вне зоны действия сети. Отключившись, Саша торопливо набрал номер сына...

— Мама?.. — казалось, что вопрос об Анне застал Диму врасплох. — А её нет... она уехала, наверное, и правда вне зоны..

— Уже уехала?.. — решив, что Димка говорит о санатории, Александр помрачнел. — Ну, ладно, я потом ей, попозже позвоню...

Говорить, что он уже в аэропорту, Морозов не стал. Весть о том, что Анна на пути к санаторию, сбила настроение... К тому же оказалось, что единственный прямой рейс до его города и вправду задерживается на неопределённое время. Просто сидеть и ждать в аэропорту не хотелось, и, недолго поразмыслив, Морозов решительно вышел из здания

аэровокзала. Подойдя к стоянке такси, выбрал крайнюю машину, обошёл кругом, заглянул в открытую настежь водительскую дверь:

— На железнодорожный вокзал...

Глава 40.

Дополнительный летний поезд, следующий с черноморского побережья почти до Ледовитого океана, числился в категории скорых поездов и останавливался только на крупных станциях, однако Анне казалось, что он ползёт медленно, как черепаха. Пятнадцать часов в душном, наполненном пассажирами общем вагоне казались настоящей пыткой. Она уже несколько раз пожалела, что не осталась дома ждать, когда будет открыт аэропорт назначения.

Позвонив вчера в справочное аэровокзала, она с огорчением узнала, что регион, куда отправился Александр, накрыт стихией, и неизвестно, когда будут принимать самолёты. Решив, что быстрее и вернее будет доехать на поезде, Анна около полуночи вместе с сыном отправилась на железнодорожный вокзал.

Непонятная болезнь Александра вызывала нешуточную тревогу... Анну не остановили ни уговоры Нелли, ни путёвка в санаторий, ни отсутствие билетов онлайн — отпускной сезон был в самом разгаре. Билет можно было достать через концертного директора Дмитрия, но для этого нужно было задержаться минимум на сутки. Ждать Анна не стала...

Ей повезло — за час до прибытия проходящего скорого поезда, следовавшего в нужном ей направлении, появились несколько билетов в общий вагон.

— Девушка, может, есть СВ?... — Дима, который провожал мать, обаятельно улыбнулся кассирше.

— Только общий! — «девушка», которой было уже далеко за сорок, проигнорировала его улыбку. — Осталось одно единственное место.

— Я беру! — Анна торопливо достала кошелек и паспорт.

— Мам... как ты в общем-то поедешь?... — сын тревожно нахмурился. — Там сидячие места и вентиляции нет!

— Ничего... Как-нибудь доеду...

...Она даже представить себе не могла, каким окажется это «как-нибудь». Вагон, в который села Анна, был набит до отказа — ей, привыкшей к комфорту, было неприятно видеть свисающие со вторых полок мужские ноги в несвежих носках. Сидящие внизу люди ютились по трое на каждой полке, и отыскать одно-единственное свободное местечко было не так-то просто. Казалось, что людей больше, чем посадочных мест, но, похоже, это не смущало проводников. Все пятнадцать часов пути Анне пришлось ехать, тесно прижавшись к бокам других пассажиров. Задремать получилось лишь под утро, но ненадолго. Относительная ночная тишина сменилась дневным людским гвалтом и суетой. На каждой остановке кто-то выходил, но уже через несколько минут в проходе появлялись новые пассажиры, выскивающие свободные места. От жары не хватало воздуха, но абсолютно все окна были почему-то наглухо закупорены. Ни о какой вентиляции не было и речи...

...Откинувшись на стенку купе, Анна прикрыла глаза... Казалось, что эта пытка духотой никогда не закончится. Ужасно хотелось в душ, или хотя бы умыться холодной водой, но сомнительная чистота в туалете сделала и это желание несбыточным — увидев не первой свежести умывальник, Анна брезгливо ограничилась лишь мытьём рук, после чего долго вытирала их чистым носовым платком. Вернувшись на своё место, попыталась уснуть, но мешали голоса людей и перестук колёс.

...А ещё мешали мысли... Чем дальше уносил её поезд от родного города, тем сильнее становился страх перед встречей с мужем... Она не знала, как встретит её Александр... Именно поэтому и попросила Диму не сообщать отцу о её приезде.

В измену мужа Анна не верила. Она знала: он не умеет врать. И поэтому не стал бы придумывать такую причину, как болезнь. Мог бы просто сослаться на желание подольше побыть в гостях... Но он сказал о болезни, значит, так оно и есть... Возможно, он лежит в больнице... ведь по телефону этого не узнаешь.

...Что с ним?.. Аппендицит ему вырезали десять лет назад... Что-то с желудком?.. Но он никогда не жаловался... Отравление?.. Перелом?.. А вот это — возможно... он говорил, что собирается вместе с Петром перекрывать крышу на бане... Воображение рисовало супруга, обёрнутого в гипсовые бинты...

...А что, если права Нелька?.. Вдруг Саша кем-нибудь увлётся, и теперь не хочет возвращаться домой... Ведь она сама своими признаниями подтолкнула мужа к возможной измене...

Что ж... если это так, то ей лучше сразу узнать правду.

...Резко заболела голова. Анна вспомнила, что не взяла с собой аппарат для измерения артериального давления — в последние годы её мучила гипертония. Несмотря на выпитую таблетку, почувствовала слабость... Неожиданно потемнело в глазах... гул голосов слился воедино с нарастающим шумом в ушах...

— Женщина, вам плохо?.. — кто-то тряс её за плечо. — Женщина!..

Анна не сразу поняла, что обращаются к ней. Приходя в сознание, почувствовала, как в лицо ударила струя свежего, прохладного воздуха... Кто-то поднёс нашатырный спирт — мотнув головой от резкого запаха, Анна открыла глаза: женщина в форме проводницы держала перед её носом открытый пузырёк.

— Ну, слава Богу, очнулась...

— Безобразия!.. Окна все закупорены, вы хоть бы одно на весь вагон открыли! — чей-то голос раздался сбоку. — Мы тут скоро все сознание потеряем!..

— Уже открыла, не видите, что ли? — огрызнулась проводница, затем вновь повернулась к Анне. — Вам лучше?

— Да, уже лучше... — та слабо кивнула головой. — Спасибо...

— Ничего, больше жары не будет, в ливень въехали.

...Последние два часа в поезде Анна провела под приоткрытым окном — проводница нехотя уступила требованиям пассажиров. Жаркая погода и в самом деле сменилась дождливой прохладой. Несмотря на это, Анна всё ещё чувствовала слабость после обморока. С трудом дождавшись, когда поезд, наконец, затормозит на нужной ей станции, осторожно спустилась по ступенькам на мокрый перрон и ещё несколько минут просто стояла под дождём, глубоко вдыхая свежий воздух... Головокружение никак не проходило, время от времени темнело в глазах, и Анна медленно направилась к зданию вокзала. Идти на автобусную остановку было страшно — она боялась, что вновь потеряет сознание. Решив обратиться за медицинской помощью, дёрнула ручку привокзального медпункта, но он оказался закрытым. Чтобы немного прийти в себя, прошла в зал ожидания и устало опустилась на скамейку...

***

На железнодорожный вокзал Александр торопился по двум причинам: во-первых, не хотелось сидеть и тупо ожидать, когда разрешат вылеты, хотелось находиться в каком-то

движении... А, во-вторых, он помнил, что через пару часов в его направлении должен проходить пассажирский поезд, и, если на него будут билеты, то завтра утром он окажется дома... Он уже представлял, как переступит порог своей квартиры, как увидится с сыном, невесткой, с внуками...

Анне он больше не звонил — зачем?.. Раз уехала, то так тому и быть... У него будет время ещё раз всё обдумать. В крайнем случае — примерить на себя будни холостяцкой жизни.

...Войдя в здание вокзала, Морозов сразу же свернул в кассовый зал. Очередь была внушительной — работала всего одна касса. Прикинув, что стоять придётся долго, Александр дождался следующего пассажира, и, сдав ему полномочия «последнего», направился к выходу. После обеда в доме сестры прошло уже несколько часов, захотелось чего-нибудь перекусить. Путь к вокзальному буфету лежал через зал ожидания — войдя в него через большие стеклянные двери, Александр торопливо двинулся вперёд по центральному проходу...

...Народу в зале было немного, основная масса желающих уехать толпилась сейчас у кассы, и Морозов на ходу скользил невольным взглядом по одиноко сидящим пассажирам.

...Женщину, сидевшую к нему спиной, он выделил не сразу... Форма плеч... осанка... лёгкий наклон головы... цвет и длина волос, причёска... самое удивительное — знакомая летняя блузка... всё, что было видно из-за спинки кресла, идентифицировалось мозговыми клетками в считанные секунды... но изумлённое необычайной схожестью сознание не сразу ответило на неожиданный импульс, а с опозданием в несколько секунд. Александр уже прошёл немного вперёд, когда тот же самый импульс заставил его резко остановиться...

Последние сомнения уложились в отпущенные на поворот мгновения... Можно было не верить сознанию, но не верить глазам было уже нельзя: перед ним сидела не просто похожая на Анну незнакомка... Это была именно она — Анна. С изнурённым, без тени макияжа лицом, чуть растрепавшейся укладкой, уехавшая в санаторий жена показалась ему фантомом, неожиданно появившимся здесь, в этом зале.

— Аня!.. — растерянно шагнув в её сторону, Александр снова остановился... Ноги налились свинцовой тяжестью, как магниты, приросли к выложенному затейливой плиткой полу...

...Услышав своё имя, Анна медленно подняла усталый взгляд... Судя по расширившимся зрачкам, вид стоящего напротив супруга ошеломил не меньше... Но всё-таки его появление здесь могло быть более ожидаемым, поэтому, встав с кресла, она первой нашла в себе силы преодолеть разделяющие их несколько шагов.

— Саша!.. — подойдя близко, Анна какое-то время растерянно вглядывалась в лицо мужа, затем, не решаясь обнять, просто уткнулась ему в грудь...

— Откуда ты здесь взялась?.. — одной рукой сжимая ручки дорожной сумки, другой он легко тронул плечо жены. — Аня?!

— К тебе приехала...

— Зачем? Ведь ты должна быть в санатории!

— Дима сказал, что ты заболел... — Анна подняла на него полные слёз глаза. — Что с тобой, Саша?..

— Со мной всё в порядке.

— Не обманывай! — смахнув выкатившуюся слезинку, она тревожно вглядывалась в до боли родное лицо, затем остановилась взглядом на разбитой скуле — А это — что?! Синяк?..

— Синяк... — он сдержанно кивнул.

— Ты упал?!.. Или... тебя избили?!

— Долго рассказывать...

— Что-то произошло?.. Я очень переживала, Саша... — Анна не сводила с мужа глаз, как будто пыталась найти ответ на свои потаённые вопросы. — Ты только не обманывай...

— Я не обманываю.

Анне показалось, что в его ответе прозвучал упрёк. Да, тот, кто обманывает сам, не верит другим... Это было справедливо... но обидно.

— А ты сейчас — куда?.. — растерянность и тревога на её лице сменились горькой усмешкой.

— Домой. Я там, в билетной кассе, очередь занял, шёл в буфет.

— Ты... один?..

— Конечно, один... — он посмотрел на неё более внимательно. По лицу пробежала тень тревоги. — Ты очень бледная... Ты себя плохо чувствуешь?..

— Да... — Анна не стала отнекиваться. — В поезде стало плохо, а медпункт почему-то закрыт.

— А лекарства?.. Ты взяла с собой лекарства?..

— Взяла... ты не беспокойся, мне уже гораздо лучше.

— Ты что-нибудь ела?

— Ещё нет...

— Тогда пойдём, перекусим? — он кивнул головой в сторону буфета.

— Не знаю... в этих буфетах так отвратительно кормят...

— Можно было бы съездить в кафе, но неловко в таком виде появляться... — Александр невольно потрогал щёку.

— Да я тоже, если честно, выгляжу — не фонтан... — Анна решила не переспрашивать о причинах появления синяка, перевела разговор на себя.

— Тогда придётся идти в буфет... — Саша грустно улыбнулся. — Нам сейчас там самое место...

***

На ближайший поезд билетов не оказалось. Напрасно Анна надеялась, что за час до прибытия, как обычно, снимут бронь. Последний на сегодня состав отошёл от перрона — единственное свободное место, которое предложила ему кассирша, Александр отверг в пользу стоящего за ним в очереди пассажира... До следующего поезда, идущего до их города, оставалась добрая половина ночи.

От предложения вернуться в посёлок Анна отказалась. Хотя она и ехала туда по велению сердца, но целью был сам Александр... встречаться же с его родственниками было теперь тяжело. Пришлось бы изображать счастливую семейную пару, а сил на игру не было.

Ей до ужаса хотелось куда-нибудь прилечь — вторая ночь в положении сидя грозила новым скачком давления, но больше этого Анна боялась нарушить неожиданное уединение, настигшее их с Александром на этом вокзале. Зал был полупустым... возникало ощущение отстранённости от прочего мира...

Выглядела Анна, действительно неважно, и около полуночи Александр предложил поехать в какую-нибудь гостиницу, чтобы выспаться, а потом попытаться уехать каким-нибудь дневным поездом. Перспектива принять душ и оказаться в одной постели с мужем показалась заманчивой. Сдав вещи в камеру хранения, они вместе вышли на улицу...

Ближайшая гостиница находилась в нескольких остановках, но оказалось, что они опоздали — автобусы и маршрутки уже сделали свои последние рейсы, на стоянке такси тоже было пусто — встретив пассажиров с последнего на сегодня поезда, все машины уже уехали...

...Дождь закончился, на улице было прохладно, но они продолжали неторопливо прогуливаться по перрону. Оба казались слегка смущёнными и печальными одновременно... Дежурный разговор крутился вокруг Галины и Петра, поселковых новостей, потом незаметно перешёл на собственных детей и внуков — Анна рассказывала, с какими впечатлениями вернулся с гастролей Валерик, как восприняла свою новую сестричку Анята...

— Представляешь, она подумала, что это — живая кукла, уговаривала меня забрать её к нам домой.

— Валерка-то уже видел таких живых кукол... — Саша добродушно усмехнулся, представив себе удивлённые глаза Анечки. — Вот Анятка — в первый раз...

— Она очень похожа на тебя... — бросив мимолётный взгляд на мужа, Анна тут же опустила глаза. — Такая хорошенькая девочка...

— Кто?..

— Алёнка.

— Ты тоже это заметила? — в голосе Александра послышалась нескрываемая радость.

— Конечно... Ведь и Миша на тебя похож... — вспомнив встречу с Сандрой, Анна неожиданно нахмурилась. — Слава Богу, что на тебя...

Разговор о детях и внуках немного раскрепостил обоих. Общая тема сблизила, привычное уже напряжение несколько ослабло, и было страшно хоть чем-то нарушить этот настрой...

— Ты устала?.. — в Сашином голосе Анне послышалось прежнее участие.

— Устала... — она грустно кивнула. — А ты?

— Немного... Идём в вокзал?

— Идём...

...Усталость накатила окончательно, лишь только Анна уселась в окрашенное белой краской металлическое вокзальное кресло. В отличие от прежних деревянных диванчиков, они не позволяли запоздалым пассажирам принять горизонтальное положение — мешали подлокотники. Державшаяся из последних сил эти несколько часов Анна была готова лечь прямо на полу... Сильнее этого желания был лишь страх оторваться сейчас от Александра.

...Их разделял только цилиндрической формы подлокотник... Привалившись к мужу, Анна невольно прижалась головой к его плечу... Она знала наверняка, что Саша её не оттолкнёт... Как знала и то, что эта внезапно возникшая душевная и телесная близость может оказаться последней в их отношениях.

Необычная обстановка располагала к откровениям... Можно было уже в который раз попросить прощения... попытаться что-то объяснить, оправдать свои поступки... даже сказать, что выдумала вторую измену — от обиды, от отчаяния, от чего угодно!.. Наверное, Саша бы поверил.

Но сердце подсказывало совсем другие слова... В них не было ни лжи, ни мольбы, ни надежды на милость... Просто они были гораздо честнее и искреннее...

— Я совсем не умею жить без тебя... — глядя перед собой, Анна заговорила тихо и без предисловий. — Совсем... Я постоянно совершаю какие-то глупые поступки... говорю не те слова... — она немного помолчала, потом печально улыбнулась краешком губ. — Зря ты

называл меня командиром. Я командир только рядом с тобой, Саша... А без тебя я — ужасно глупая, слабохарактерная женщина... Иногда мне кажется, что без тебя меня просто нет...

...Она говорила ни о чём не прося, ни к чему не призывая, не давя на жалость. Слушая жену, Александр молчал. Никакие слова не смогли бы сейчас передать того, что происходило в его душе. С того момента, когда он увидел сегодня Анну, прошло несколько часов... Он то и дело ловил себя на мысли, что сейчас воспринимает жену как совершенно другого человека, с которым их случайно свела судьба...

...Это была совсем не та уверенная в себе, полная внутреннего достоинства Анна, которую он знал более трёх десятков лет. Даже в последние, трагические для них обоих месяцы та Анна старалась сохранять лицо. Она пыталась сократить всё увеличивающуюся между ними дистанцию, но получалось это как-то неумело и суетливо...

...Сегодняшняя Анна была другой, ранее незнакомой: растерянной, беззащитной, покорившейся обстоятельствам...

Как ни странно, эта резкая перемена не вызывала чувства справедливого удовлетворения... Глядя на жену, Александр испытывал щемящую жалость... Ведь, как ни крути, это всё равно была его Аня... она нуждалась в нём, в его заботе, любви... а ещё — в его прощении.

...Осознание того, что в его власти сейчас казнить или миловать, вызвало ещё больший душевный дискомфорт. Роли судьи, а потом — палача всё ещё любимой женщины показались ему недостойными, даже оскорбительными. Казнить изнурённого чувством вины и раскаяния самого близкого человека, однажды проявившего слабость?..

Великодушие — признак силы... А разве сильный обидит слабого?..

Так и не дождавшись от мужа ни слова, Анна незаметно уснула на его плече. Осторожно высвободив руку, Александр обнял жену, теснее прислонил к себе, склонился головой к голове... Они сидели в опустевшем зале ожидания, и Саше казалось, что разочарование, боль, обида — всё, что мучило его в последнее время, осталось где-то там, далеко позади...

А здесь — лишь он и Анна... единственная любимая им женщина, которая, несмотря ни на что, продолжала жить в его сердце...

...СВ-вагон мягко покачивался на рессорах под перестук колёс. Купе было мягким, двухместным, но сейчас Анна была бы рада любой, пусть самой жёсткой полке, лишь бы можно было улечься, расслабить утомлённое тело и уснуть. Она даже не дождалась кофе — проводница принесла стаканы, когда уставшая от двух бессонных ночей Аня забылась глубоким сном. Сидя напротив, Саша не сводил глаз с жены... Когда-то он сказал ей, что не променял бы её на все богатства мира... и это было чистой правдой.

Это было правдой и сейчас... Грешная, виноватая, полная позднего раскаяния... она и сейчас была дороже всех богатств. Дом, уют, налаженный быт... всё это было нелегко оставить, шагнув в новую жизнь... Но даже если бы перед ним стоял выбор — остаться в родном доме, среди детей и внуков, но без жены, или уйти в никуда вместе с Анной, он выбрал бы второе...

— Да... — услышав звонок, Александр поднёс телефон к уху, заговорил негромко. — Привет, сын... Спасибо за поздравление! Да, билеты взяли на самый ранний... Мама?.. Мама спит... Мы уже в поезде... Едем домой!

ЭПИЛОГ.

— Папа, ну, пожа-а-а-луйста!.. — Валерка трогательно смотрел на Диму своими синими-пресиними глазищами, одновременно теребя его руку. — Ну, можно мы с бабушкой и бабушкой останемся ночевать?..

— Ну, позя-а-а-юста!.. — стоя рядом, маленькая Анюта всем своим видом выражала солидарность с братом.

— Завтра я вас сам привезу к бабушке с бабушкой, а сегодня — домой! — «строгий» отец нарочито сдвинул брови, однако сердитым быть не получалось — сквозь напускную строгость так и просвечивала радостная улыбка.

— Мама, ну, пожа-а-а-луйста!.. — повернувшись в другую сторону, мальчик схватил за руку Наташу.

— Позя-а-а-а-юста!..

— Дима, да оставьте их!.. — выйдя из беседки, Анна решила поддержать внуков. — И сами оставайтесь ночевать, ну, куда вы на ночь глядя?!

— Анна Сергеевна!.. — понизив голос, Наташа многозначительно посмотрела на свекровь. — Сегодня вы отдыхайте! А завтра мы их привезём, никуда не денутся!

— И правда, оставьте их, Димка! — появившийся на крыльце дачи Александр неторопливо сошёл по ступенькам, подхватил на руки подбежавшую к нему Анечку. — Ну, чего им в городе делать?.. Да и вам заодно!

— Пап, не сбивай нам программу!.. — Дмитрий наклонился к отцу и понизил голос. — И себе с мамой — тоже...

— Они уже третьи сутки здесь, вместе с нами! — Наталья обернулась к Валерке. — Бабушке с бабушкой нужно отдохнуть, а то они с поезда и прямо на бал!

...Глядя на облепивших Александра внуков, Анна ещё раз попыталась уговорить сына и невестку остаться ночевать на даче, где они сегодня отмечали Сашин день рождения, но те не поддавались на уговоры. Сама Анна была в смятении... Ей и хотелось остаться наедине с супругом, но в то же самое время она боялась...

...В поезде Анна спала почти всю дорогу, лишь дважды вставая, чтобы перекусить. Возраст давал о себе знать: болели ноги, спина, тело казалось чужим... судя по головной боли, вновь поднялось давление. Но она была готова терпеть любую боль, ведь рядом был её Саша... Он заботился о ней все пятнадцать часов пути... сам приносил чай, справлялся о самочувствии, заставлял поесть... А ведь сегодня был его день рождения... Анна постоянно ловила себя на мысли, что боится окончания поездки... Вдруг, оказавшись дома, муж поведёт себя по-другому?.. Снова отстранится, вспомнит нанесённую ему обиду...

...Лишь выйдя из поезда, они оказались в объятиях Димы и Наташи — встретив родителей, те заявили, что сейчас они все сразу едут на дачу... Возражать было бесполезно, тем более, что дети обо всём уже позаботились — холодильник был забит продуктами и шампанским, беседка украшена светящимися гирляндами, а оставшаяся с Валеркой и Анютой няня проводила с ними последнюю репетицию...

Праздник получился замечательным. Анна даже забыла, что весь день принимала лекарства... Впрочем, и она, и сам именинник были полностью освобождены ото всех обязанностей. Всё, что им оставалось — принять душ, переодеться и сесть вместе с гостями за стол. Анна догадывалась, что всё организовала Наташа... Она уже в который раз с теплотой подумала о невестке... Соскучившиеся по бабушке внуки буквально не слезали с его колен... Анюта уже в который раз хвасталась своей сестричкой, даже поспорила с Валеркой — тот заявил, что Алёнка ему тоже сестра, ведь так сказали мама с папой... Но

Анюта не сдавалась — сестричка должна была быть её и только её.

...Они устроили настоящий концерт в честь своего любимого дедушки — Валера пел, а Анечка танцевала и читала стихи — ещё не выговаривая все слова, но так трогательно, с выражением... Пели и Дима с Наташей, а потом и все остальные, хором — Валерий со Светланой, племянница Александра Алиса... Глядя на настоящее семейное торжество, Анна была от души благодарна сыну и невестке... они до последнего, как могли, боролись за союз родителей...

Но самым настоящим подарком стал неожиданный визит Михаила с женой и дочерью. Они приехали ненадолго, Алёнка была слишком маленькой, и требовала постоянного внимания. Анна всё же испытала ревность, когда Саша взял младшую внучку на руки... Однако, совершенно искренне уговаривала Злату и Михаила остаться, когда они засобирались домой.

«Нам уже пора... — Миша развёл руками. — Хотим ещё заехать тут неподалёку, в коттеджный посёлок. Мы там дом приглядели... Если решим купить, будем соседями, во всяком случае, летом».

«Дом?..» — Анна удивлённо перевела взгляд на Злату.

«Да... — та охотно кивнула. — Виталий Иванович нам на свадьбу хотел подарить квартиру в Москве... Но Миша отказался. Отец просто отдал ему деньги... Мы хотим купить на них загородный дом».

«Понятно... — услышав имя Мясникова, Анна невольно покосилась на мужа, но Александр в это время отвлёк Михаила и отвлёкся сам. Она вновь посмотрела на Злату, и с сомнением покачала головой. — Но всё-таки Москва — это Москва... Не пожалеее потом?»

«Ну... не знаю... — Злата слегка замаялась, затем, оглянувшись на Михаила, понизила голос. — Миша не сможет бросить мать... Вы же сами всё видели...»

«Да, с этим я согласна... — Анна задумчиво кивнула. — А с другой стороны, у нас ведь не хуже, правда?»

«Я тоже так думаю! — Злата улыбнулась. — Тем более, Миша, наконец, решил уйти в следственный комитет...»

«Хорошие новости! — Анна искренне улыбнулась и наклонилась к Алёнке. — А в Москву будете ездить в гости!»

«Не знаю... После реабилитации Виталий Иванович опять много работает, хотя врачи не советуют. Уже месяц не звонит... Ну, если пригласит, тогда, может быть...»

***

...В доме было темно и тихо — Анна нарочно не зажигала свет. Входная дверь была настежь распахнута, через неё проникали запахи цветов и ночная свежесть. Сидя на небольшом пуфике, она прислушивалась к доносящимся с улицы звукам. Александр ушёл провожать за ворота детей и внуков, его не было уже около двадцати минут, и Анна начала беспокоиться. Она и так переживала... С того момента, как они сегодня сошли с поезда, им с Сашей ещё не удалось побыть наедине... Да, в поезде он показался ей прежним... Но будет ли он прежним сейчас, когда они вернулись домой?..

Устав ждать, она вышла во двор. Прошла к воротам, выглянула на улицу — там никого не было... Подумав, что Саша может быть у пруда, обогнула дом... Прошла вдоль выложенного камнем недлинного бережка... вернулась назад...

— Девушка!..

Услышав голос мужа, Анна тревожно оглянулась: в свете ночного фонаря Саша шёл к ней навстречу со стороны дома. Видимо, он вошёл во двор через вмонтированную в ворота калитку, и, не найдя её в доме, отправился на поиски. Приглядевшись, Анна заметила в его руках букет — цветы были не из клумбы, не из подаренных ему сегодня букетов, а самые обыкновенные ромашки...

— Девушка... — подойдя ближе, Саша улыбнулся своей обаятельной улыбкой. — Можно с вами познакомиться?.. Я — Саша...

— А я — Аня... — от его голоса сердце захлестнуло тёплой волной... Анна смотрела на своего уже в серьёзных годах мужа, а видела того самого молоденького курсанта, каким был Александр во времена их знакомства.

— Это — вам... — всё так же улыбаясь, супруг протянул букет. — Вы же любите ромашки?..

— Люблю... — приняв цветы, Анна поднесла их к лицу. — Мне кажется, это — мои любимые цветы...

— Слава Богу!.. — Саша рассмеялся. — А то с клумбы было жалко рвать...

— Это — самые лучшие цветы в моей жизни...

Анна смотрела в до боли родное, любимое лицо... Уже забытая радость до краёв наполнила её с головы до ног... Ей казалось, что затеянная супругом игра — не игра вовсе... и они, действительно, встретились сейчас впервые — обновлённые после пережитых потрясений, оставившие в прошлом все свои ошибки, разочарования и обиды... всё, что мешало и причиняло боль... Всё — кроме единственного, самого главного чувства, которым только и жив человек...

— Значит, я угадал... — Саша тоже не сводил с неё глаз. — И это радует, потому, что там, за дачей, только ромашки и растут...

— Ромашки дарят молодым девушкам... В моём возрасте это — комплимент... — Анна грустно улыбнулась. — Ведь я уже бабушка...

— Никогда бы не подумал... — спрятать улыбку не удалось — уголки губ всё-таки разъехались в разные стороны. — Если бы не знал...

...Налетевший ночной ветер всколыхнул листву, пробежался по траве, собрал в гармошку водную гладь...

Обхватив мужа за пояс, Анна прислонилась щекой к его груди... Ей было тепло и спокойно в кольце любимых рук. Казалось, что вот так она готова стоять целую вечность...

— А знаешь, что самое страшное в жизни?.. — неожиданный вопрос Анны прозвучал без предисловий.

— Что?..

— Когда приходят осенние печали...

— Осенние печали?..

— Да... Они приходят тогда, когда ты их меньше всего ждёшь... Когда кажется, что впереди ещё много времени, а на самом деле его уже совсем нет. Поздно исправлять ошибки... и начинать сначала тоже — поздно... да и не хочется... Потому, что самое лучшее и дорогое, что могла подарить судьба, у тебя уже было. Но оно безвозвратно утеряно...

— Знаешь, Аня... не бывает односторонних потерь. Теряет одни — теряет и другой. Испытания посылаются обоим, но я понял... если нельзя что-то исправить, то нужно оставить это в прошлом... Просто вычеркнуть из памяти...

— Ты думаешь, можно?..

— Можно... — он уверенно кивнул. — Легче вычеркнуть эпизод, чем целую жизнь. Ведь самое лучшее и дорогое, что подарила судьба, останется со мной...

— И со мной... -

...Выйдя в начале августа на работу, Анна Сергеевна в очередной раз озадачила своих подчинённых: глядя на излучающую искреннее счастье директрису, те снова гадали о причинах произошедших с ней перемен. Однако, настоящей правды никто из них так и не узнал, если не считать бродивших в учительских кругах разговоров о странном визите в середине февраля незнакомого, представительного мужчины, после которого «всё и началось».

...Александр тоже вернулся на работу и окончательно — в семью. На самом деле вычеркнуть из памяти всё, что случилось, не вышло — для этого пришлось бы стереть из неё часть жизни... Но он всё реже вспоминал об изменах Анны, приняв их за посланные судьбой испытания им обоим. Их отношения с Анной несколько изменились, но они не стали хуже, просто приобрели другие оттенки. Они, как и прежде, всё свободное время проводили вместе, заботясь о внуках и друг о друге — как ни странно, с ещё большим трепетом. В душе Анна была благодарна своему мужу, искренне считая его необыкновенным человеком, для которого жизнь с любимой женщиной оказалась дороже всех мужских обид и амбиций. Выяснять имя её второго любовника он не стал, и никогда не возвращался к этой теме. Его больше заботило здоровье жены, которое после всех событий сильно пошатнулось.

Дмитрий и Наталья были рады примирению родителей, и как прежде появлялись в их квартире в любое время дня и даже ночи.

Валерка и Анечка без конца тормозили маму с папой, а заодно и дедушку с бабушкой на предмет — навестить сестрёнку Алёнку. Больше всех канючила Анюта... Но занятые творчеством Дмитрий и Наташа смогли выбраться в гости к молодым Мясниковым лишь в сентябре, накануне дня рождения Анечки. Сами Миша и Злата были заняты покупкой нового дома — они долго выбирали подходящий вариант, потом занимались ремонтом — с помощью Александра Ивановича, приобретением новой мебели и, наконец, переездом. Виталий снова звонил редко — болезнь притихла, несмотря на то, что лечение было прервано из-за инфаркта. Видимо, стресс, полученный организмом, сыграл благоприятную роль. Он вновь окунулся в работу, вступив в нешуточное соперничество с племянником Изабеллы Ростиславом. Борьба за власть подстёгивала, придавала жизни новые краски: судя по всему, Виталий вновь оказался в своей стихии.

Встречая новый, 2016 год, Анна открыла Саше ещё одну тайну — о том, что мясной салат, которым она угощала его более тридцати лет назад, был сделан не на мясе и даже не на колбасе, а на свиных котлетах... Они долго смеялись, рассказывая Димке с Наташей о той новогодней ночи: и о предложении Саши, и об отказе Анюты...

Саша смеялся искренне, но, в отличие от него, Анна время от времени чувствовала пробегающий внутри холодок — воспоминания о Виталии так и не выветрились из её памяти, омрачая её чувством вины и непреходящего раскаяния. То же самое было и в отношении Леонида Лапина... Вина перед мужем не померкла с его прощением, и это была справедливая расплата за совершённые ошибки... Понимая это, Анна не уставала благодарить судьбу, которая послала ей такого замечательного мужа, как Саша... Благородного, заботливого, умеющего любить по-настоящему...

Она снова читала много поэзии, но чаще всего возвращалась к стихотворению, присланному ей Нелькой. Оно успокаивало и вселяло надежду... Анна знала его наизусть, но

всё равно каждый раз открывала нужную страницу...

Ей казалось, что неизвестная поэтесса посвятила его именно ей...

Когда осенние печали

Нахлынут роем листопадным,

Сгорят прощальные закаты

И станут птицы на крыло,

Себе удел предназначая,

Короткой полночью прохладной

Уйду в безоблачное "завтра"

И буду жить — всему назло.

Когда последние печали

Спадут, как бранные одежды,

Устанет крик прощальный птицы

В осеннем воздухе кружить,

У недопитой чашки чая

Тетрадку положу, как прежде,

Открою чистую страницу

И буду жить... и буду жить.

Назло всему, что "слишком поздно",

Назло всему, что "слишком страшно",

Назло диагнозам и датам

Из недописанной строки...

И пусть никто не заподозрит,

Как снова манит день вчерашний

В тот мир, где было всё когда-то

"Во имя", а не "вопреки".

К О Н Е Ц.

Больше книг на сайте - Knigolub.net